



Новомученики и исповедники Российские  
пред лицом богоборческой власти

---

*Да не утратим помалу, неприметно той свободы,  
которую даровал нам Кровию Своею  
Господь наш Иисус Христос,  
Освободитель всех человеков.*

8-е правило III Вселенского Собора



**«ТАЙНЫЙ»  
ЕПИСКОП СЕРПУХОВСКОЙ  
МАКСИМ (ЖИЖИЛЕНКО)**

**СПОДВИЖНИКИ ЕГО  
И СОСТРАДАЛЬЦЫ**

**Жизнеописания и документы**



*Составитель  
Л. Е. Сикорская*

Москва  
**БРАТОНЕЖ**  
2014

УДК 27-36  
ББК 86.374  
Т14

Редактор  
*И. И. Осипова*

Т14 «Тайный» епископ Серпуховской Максим (Жижиленко).  
Сподвижники его и сострадалцы. Жизнеописания и доку-  
менты / Сост. Л. Е. Сикорская. — М.: Братонез, 2014. —  
640 с. + [24] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники  
Российские пред лицом богоборческой власти»).

ISBN 978-5-7873-0816-7

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена епископу Серпуховскому Максиму (Жижиленко). Тайно рукоположенный петроградскими иосифлянскими архиереями Димитрием (Любимовым) и Сергием (Дружининым) в октябре 1928 года, епископ Максим спустя три месяца вступил на Серпуховскую кафедру и приступил к открытому служению, возглавив исповедническое движение всего Подмосковья. В книге наряду с подробным жизнеописанием священномученика Максима (1886–1931) представлены материалы о других священнослужителях, монашествующих и мирянах Серпухова, пострадавших за мужественное исповедание церковной правды. При составлении книги использовались архивные документы и воспоминания очевидцев.

УДК 27-36  
ББК 86.374

© Л. Е. Сикорская, сост., 2014



## Содержание

<i>Предисловие</i> .....	7
<b>Часть I. "Тайный" епископ Максим Серпуховской</b> .....	13
Начало .....	15
Российская Православная Церковь и Советское государство ....	30
Деятельность митрополита Сергия .....	50
Антисергианское движение в Москве.....	67
Протоиерей Валентин Свенцицкий.....	91
Хиротонии.....	109
Серпуховские события 1927–1928 годов.....	119
В Серпухове .....	149
Вопрос отношения к безбожной власти .....	161
Арест и заключение .....	175
Дело «церковно-монархической организации "Истинного Православия"» Московской области .....	193
<b>Часть II. Серпуховские иосифляне — сподвижники епископа Максима (по материалам следственных дел 1929–1937 годов)</b> .....	221
Пастыри и прихожане Свято-Троицкого собора .....	223
Гонения монашествующих. 1931 год .....	242
Следственное дело Аркадия Золотавина. 1931–1932 годы ....	250
Следственное дело Варсонофия (Безсонова). 1932 год .....	262
Следственное дело Иринарха (Белявского). 1933 год .....	272
Следственное дело о подпольных церквях. 1937 год .....	287

---

Катакомбный исповедник отец Амвросий (Капинус) .....	303
Исповеднический путь священников Никиты и Димитрия Игнатьевых .....	338
<i>Приложение I. Церковные документы. 1927–1928.....</i>	<i>387</i>
<b>I. Из сборника «Дело Митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж. 1929» .....</b>	<b>387</b>
1. "Всем верным чадам Христовой Церкви" .....	387
2. "Уста священника..." Московский документ .....	404
3. "Беседа двух друзей. К защите отложившихся" .....	414
4. "Что должен знать православный христианин" .....	453
5. "К обличению митрополита Сергия" .....	479
6. Молитва о святой Церкви .....	510
<b>II. Документы, изъятые при аресте А. Ф. Лосева .....</b>	<b>512</b>
<i>Приложение II. Основные даты жизни священномученика Максима (Жижиленко), епископа Серпуховского .....</i>	<i>544</i>
<i>Приложение III. Биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге .....</i>	<i>546</i>
Клирики .....	546
Монашествующие .....	575
Миряне .....	608
<i>Библиография .....</i>	<i>620</i>
<i>Именной указатель .....</i>	<i>628</i>
<i>Список сокращений .....</i>	<i>636</i>



## Предисловие

Новая книга серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти» посвящена епископу Максиму (в миру Михаилу Александровичу Жижиленко). Напомним, что серия была задумана как последовательный ряд жизнеописаний архиереев Русской Православной Церкви XX века, пострадавших от богоборческой власти за свое непоколебимое исповедание церковной правды и отстаивание церковной свободы. Первые книги, начавшие серию, были посвящены митрополиту Иосифу (Петровых) и другим петроградским архиереям<sup>1</sup> — и, как уже неоднократно отмечалось, не случайно. В церковной истории прошлого столетия Петроградской епархии принадлежало особое место. Предшественник митрополита Иосифа, Петроградский митрополит Вениамин (Ка-

---

<sup>1</sup> Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. — 2-е изд. — М.: Братонез; СПб.; Кифа, 2011; Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. — М.: Братонез, 2008; Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. — М.: Братонез, 2009.

занский) в ряду первых новомучеников пострадал за свою верность Церкви и претерпел мученическую кончину от богоборцев в 1922 году. Его бессмертные слова, написанные им в тюрьме незадолго до расстрела, заняли в церковном предании подобающее место наряду с посланиями древних мучеников и стали заветом и руководством для всей Русской Церкви в грядущих испытаниях:

«...Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т<о> е<сть> их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т<ому> п<одобные> спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви, надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя...»<sup>2</sup>

Вдохновленные примером своего архипастыря-священномученика, петроградские священнослужители последовали по стопам мужественного святителя и, возглавляемые его преемником на Петроградской кафедре, митрополитом Иосифом (Петровых), одними из первых встали на защиту церковной свободы в активном противодействии той разрушительной политике, о которой предупреждал в своем предсмертном письме владыка Вениамин. Петроградских ревнителей Православия

---

<sup>2</sup> *Польский Михаил, протопресвитер*. Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 1. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). — М.: Светлячок, 1994. — С. 61.



поддержали священнослужители и миряне многих других епархий<sup>3</sup>, и таким образом Петроградская епархия стала объединяющим центром исповеднического движения Русской Православной Церкви.

С конца 1927 года к петроградским иосифлянам (как их стали называть по имени митрополита Иосифа) стали обращаться и московские ревнители Православия, лишенные архипастырского руководства. В отличие от бывшей столицы, в Москве при общем несогласии с компромиссной политикой митрополита Сергия (Страгородского) мало кто осмелился выступить с открытым протестом: самое большое, что смогли сделать некоторые архиереи, — это уйти на покой, а священники — не исполнять указа о поминовении. Только три храма в самой Москве официально прервали общение с митрополитом Сергием и присоединились к петроградским иосифлянам.

Гораздо решительнее действовали священнослужители Подмосковья. Своего рода иосифлянским центром стал Серпухов, где в конце декабря 1927 года священнослужители более половины храмов этого скромного подмосковного города прервали общение с митрополитом Сергием и перешли под омофор заместителя митрополита Иосифа преосвященного Димитрия (Любимова). Осенью 1928 года архиепископ Димитрий и епископ Сергей (Дружинин) рукоположили для Серпухова архиерея — им стал врач Таганской тюремной больницы Михаил Александрович Жижиленко, принявший тайный монашеский постриг с именем Максим. Его архиерейская хиротония также была совершена тайно, по свидетельству участвовав-

---

<sup>3</sup> Об исповедническом движении в Вятской епархии повествует книга серии «Вятский исповедник. Святитель Виктор (Островидов)» (М.: Братонез, 2010).

ших клириков, в отдаленной церковке в будний день при отсутствии народа.

Все обстоятельства этой хиротонии до конца остаются неясны. Но из того материала, которым мы располагаем, следует, что скрытый ее характер мог быть связан с тем, что на Серпуховскую кафедру ранее был выдвинут протоиерей Александр Кремышенский, пользовавшийся большим уважением и авторитетом в Серпухове. Однако в августе 1928 года отец Александр был арестован и осужден на три года концлагеря. Оставшиеся без него серпуховские клирики и монашествующие искали нового кандидата на епископство и ходатайствовали о рукоположении пред митрополитом Иосифом и архиепископом Дмитрием, согласовав это и с находящимся в тюрьме протоиереем Александром.

Петроградские архиереи медлили с рукоположением, по-видимому, именно в связи с тем, что дело протоиерея Александра еще окончательно не было решено, и оставалась какая-то надежда на его освобождение. И даже после рукоположения епископа Максима (Жижиленко) вступление его на кафедру было отложено до весны 1929 года. Лишь после того, как к нему явилась специальная делегация от серпуховских приходов, уже заручившаяся благословением архиепископа Дмитрия, владыка Максим приехал в Серпухов, а в феврале 1929 года доложил петроградским архиереям о вступлении на предназначенную кафедру.

Промыслительно, что спустя чуть больше года епископ Максим и протоиерей Александр Кремышенский встретились в знаменитом Кемском пересыльном пункте Соловецкого лагеря особого назначения, с осени 1930 года вместе работали там в больнице и участвовали в тайных богослужениях; а в декабре 1930 года были вместе этапированы в Москву и привлечены в качестве

основных обвиняемых по новому следственному делу истинно-православных как руководители *«Серпуховского филиала контрреволюционной организации "Истинно-Православных" в Московской области»*.

За епископом Максимом в литературе прочно утвердилось наименование тайного епископа. Его рукоположение действительно было совершено без особой огласки. Но поскольку через три с небольшим месяца владыка начал свое служение совершенно открыто, едва ли стоит говорить о сугубо тайной хиротонии, предназначенной для служения в глубоком подполье. Хотя не исключено, что и эта цель предусматривалась, и при невозможности вступления на Серпуховскую кафедру хиротония епископа Максима могла быть не оглашена и остаться тайной.

Несомненно, что осуществлялись и другие тайные хиротонии с перспективой на будущее, так как иосифляне, служившие еще в открытых храмах, вполне отдавали себе отчет, что при той крайне антицерковной политике, которую осуществляла богоборческая власть, открытое служение в самом ближайшем будущем окончится, и у Церкви не останется никакого иного способа служения, кроме тайного, подпольного, как и в первые века христианства. К этим новым условиям готовились и потому совершали тайные хиротонии, в том числе и архиерейские.

Однако, пока еще оставалась возможность открытого служения, а значит, и большего влияния на народ, старались ее максимально использовать. При этом хорошо понимали, что подставляют себя под удар и что репрессии последуют незамедлительно. Но к сему были готовы и готовили других, призывая уповать на помощь Божию. Это был осознанный путь исповедничества и мученичества. Такой путь предстоял и епископу Максиму, и другим серпуховским священнослужите-

лям, монашествующим и мирянам, о многих из которых подробно повествуется во второй части книги на основании архивных материалов.

В тексте книги документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Купюры обозначены отточиями. Цитаты из следственных дел выделяются курсивом.

\* \* \*

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра "Мемориал" — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ "Мемориал" — самая искренняя признательность, особенно Игорю Васильевичу Ильичеву. Большая благодарность за помощь в архивных изысканиях — Диамаре Чичикоевне Нодия и другим сотрудникам Государственного архива Российской Федерации; а также серпуховским исследователям — вдумчивым патриотам и искренним почитателям памяти новомучеников — Людмиле Владимировне Волгиной и Андрею Алексеевичу Мосолову; им хотелось бы выразить самую глубокую признательность за сердечное участие и бесценные материалы, собранные их кропотливыми трудами. Большое спасибо за помощь в работе над книгой Галине Анатольевне Цедрик и Валентине Ивановне Балбуцкой; Лидии Алексеевне Головковой — за предоставленные фотографии.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.



# ЧАСТЬ I

«Тайный» епископ  
Максим Серпуховской







## Начало

Недолгим было архиерейское служение епископа Максима (Жижиленко) — всего три с небольшим месяца он пробыл на своей кафедре в Серпухове, затем был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Никаких официальных церковных документов ни о служении владыки, ни о нем самом не осталось<sup>4</sup>. Лишь документы гонителей из семитомного архивно-следственного дела «*по обвинению членов церковно-монархической организации "Истинное Православие"...*» в Московской области хранили хотя и краткие, но довольно точные сведения о Серпуховском иосифлянском епископе и его последователях. Почти до самого конца XX столетия эти документы были засек-

---

<sup>4</sup> Да их попросту и не существовало. Поставленная в Советском государстве вне закона Русская Православная Церковь была лишена и возможности, и права вести какую-либо легальную деятельность как организация. И если в первые годы после революции 1917 года еще по инерции сохранялся прежний порядок епархиального делопроизводства и архиереи и Патриарх издавали резолюции, указы и тому подобное, то вскоре все это было пресечено богоборческими властями, так что ни о какой работе канцелярии и документах делопроизводства не могло быть и речи.

речены, и только в последние годы, спустя почти семь десятилетий после мученической кончины владыки Максима, доступ к ним был приоткрыт. Однако изучение их скорее лишь подтвердило и в незначительной мере уточнило то, что уже было известно о священномученике Максиме и вошло в церковное предание.

Его жизнеописание, к настоящему времени широко известное благодаря различным публикациям, впервые было издано за рубежом в сборнике материалов о новомучениках протопресвитера Михаила Польского. Составил его союзник епископа Максима, Иван Михайлович Андреевский. Сам активный церковный деятель иосифлянского движения, арестованный в 1928 году и приговоренный к пяти годам заключения в концлагерь, он встретился с владыкой Максимом на Соловках. Вот его описание этой встречи:

«В конце октября 1929 года в 4-е отделение СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения на острове Соловки на Белом море) с одним из этапов новых заключенных прибыл новый врач. Комендант лагеря привел его в 10-ю роту, где помещались работники Санитарной части, ввел в камеру врачей и представил: "Вот вам новый врач, профессор, доктор медицины, Михаил Александрович Жижиленко". Мы — заключенные врачи Санитарной части лагеря, подошли к новому товарищу по заключению и представились. Новоприбывший коллега был высокого роста, богатырского телосложения, с густой седой бородой, седыми усами и бровями, сурово нависающими над добрыми голубыми глазами.

Еще за неделю до прибытия доктора Жижиленко нам сообщили наши друзья из канцелярии Санитарной части, что новоприбывший врач человек не простой, а заключенный с особым "секретным" на него пакетом, находящийся на особом положении под особым надзором, и что, может быть, он даже не будет допущен к работе врача, а будет переведен



в особую 14-ю роту, так называемых "запретников", которым запрещается работать по своей специальности и которые весь срок должны провести на так называемых "общих" тяжелых физических работах. Причиной такого "особого" положения доктора Жижиленко было следующее обстоятельство: он, будучи Главным врачом Таганской тюрьмы в Москве, одновременно был тайным епископом, нося монашеское имя епископа Серпуховского.

После обмена мнениями по общим вопросам мы, все трое врачей, сказали новоприбывшему, что нам известно его прошлое, причина его ареста и заключения в Соловки, и подошли к нему под благословение. Лицо врача-епископа стало сосредоточенным, седые брови еще более насупились, и он медленно и торжественно благословил нас. Голубые же глаза его стали еще добрее, ласковее и засветились радостным светом.

Целая неделя прошла для всех нас в томительном ожидании, пока наконец и положение нового врача не выяснилось. В роту "запретников" его не перевели. Начальник всего Санитарного отдела Соловецких лагерей, доктор В. И. Яхонтов (бывший заключенный по уголовному делу, после отбытия срока оставшийся служить врачом ГПУ) хотел доктора Жижиленко как опытного врача назначить начальником Санитарной части 4-го отделения (то есть на весь остров Соловки), но этому воспротивился начальник ИСО (информационного следственного отдела), самого страшного отдела в лагерях, от которого целиком зависела судьба и жизнь всех заключенных. Должность главного врача Центрального лазарета также была доктору Жижиленко запрещена. И вот опытный врач (ему, казалось, было под 60 лет, тогда как на самом деле ему было 44 года) был назначен заведующим одним из тифозных барачков и подчинен более младшим врачам, имевшим административную власть. Однако вскоре обнаружили исключительные дарования и опыт доктора Жижиленко как лечащего врача, и его стали вызывать на консультации во всех сложных случаях. Даже боль-

шие начальники лагеря, крупные коммунисты-чекисты, стали обращаться к нему за медицинской помощью для себя и своих семей. Почти все врачи, как молодые, так и старые, стали учиться у нового коллеги, пользуясь его советами и изучая его истории болезней.

С конца 1929 года в Соловках началась эпидемия сыпного тифа, принявшая грандиозные размеры: из 18 000 заключенных острова к концу января 1930 было до 5000 больных. Смертность была чрезвычайно велика, до 20—30%. И только в отделении, которым заведовал доктор Жижиленко, смертность не превышала 6—10%.

Каждого вновь поступающего больного врач-епископ исследовал очень подробно, и первая запись в истории болезни всегда бывала огромной. Кроме основного диагноза главного заболевания доктор Жижиленко всегда писал диагнозы всех сопутствующих заболеваний и давал подробное заключение о состоянии всех органов. Его диагнозы всегда были точны и безошибочны, что подтверждалось на вскрытии трупов умерших: никогда никаких расхождений его клинических диагнозов с диагнозами патолого-анатомическими не наблюдалось. Лекарственные назначения большей частью были немногочисленны, но часто к основным медикаментам присоединялись какие-нибудь дополнительные, роль которых не всегда была ясна даже врачам. В тяжелых и с медицинской точки зрения безнадежных случаях он иногда назначал очень сложное лечение, которое строго требовал неукоснительно выполнять, несмотря на то что разнообразные лекарства надо было давать круглые сутки, каждый час.

Тщательно обследовав поступившего больного и сделав ему лекарственное назначение, доктор Жижиленко при последующих обходах, казалось, мало обращал на него внимания и задерживался у койки не больше минуты, щупая пульс и пристально смотря в глаза. Большинство больных было этим очень недовольно, и жалоб на "небрежность" врача было много. Однажды доктор Жижиленко был даже вызван по

этому поводу для объяснений к начальнику Санитарного отдела. В свое оправдание врач-епископ указал на статистику смертных исходов во вверенном ему отделении (чрезвычайно редких по сравнению со смертностью в других отделениях у всех других врачей) и на точность его диагностики. "Небрежно" обходя больных, он иногда вдруг останавливался перед какой-нибудь койкой и основательно, как при первом приеме, снова исследовал пациента, меняя назначения. Это всегда означало, что в состоянии больного наступало серьезное ухудшение, на которое сам больной еще не жаловался. Умирили больные всегда у него на руках. Казалось, что момент наступления смерти был ему всегда точно известен. Даже ночью он приходил внезапно в свое отделение к умирающему за несколько минут до смерти. Каждому умершему он закрывал глаза. Складывал на груди руки крестом и несколько минут стоял молча, не двигаясь. Очевидно, он молился. Меньше чем через год мы, все его коллеги поняли, что он был не только замечательный врач, но и великий молитвенник.

В личном общении врач-епископ, которого мы все в своей камере врачей называли "Владыкой", был очень сдержан, суховат, временами даже суров, замкнут, молчалив, чрезвычайно неразговорчив. О себе не любил сообщать ничего. Темы бесед всегда касались или больных, или (в кругу очень близких ему духовно лиц) — положения Церкви<sup>5</sup>.

Несмотря на замкнутость и сдержанность владыки Максима, Иван Михайлович Андреевский все же узнал о его жизни, — вероятно, что-то от самого владыки, а что-то уже позже в эмиграции — от его сестры. Примечательно, что основные биографические данные, которые приводит в своих воспоминаниях Иван Михайло-

---

<sup>5</sup> *Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). — М.: Светлячок, 1994. — С. 25–28.

вич, почти полностью совпадают с данными из протоколов допросов владыки в материалах следственного дела, за исключением некоторых дат и деталей. При сопоставлении этих данных, а также с привлечением других известных сведений о семье Жижиленко получается следующее:

Родился Михаил Александрович Жижиленко, будущий епископ Максим, 2 марта 1886 года в городе Калише, центральном городе<sup>6</sup> Калишской губернии бывшего царства Польского, куда отец его, Александр Григорьевич Жижиленко<sup>7</sup>, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, был назначен прокурором окружного суда в 1881 году. До этого назначения Александр Григорьевич с 1862 года преподавал в Гатчинском Николаевском сиротском институте, а с 1867 года служил в судебных ведомствах Новгородской и Санкт-Петербургской губерний, затем — в Ломжинском<sup>8</sup> окружном суде.

Поскольку Александр Григорьевич Жижиленко сам был воспитанником Гатчинского Николаевского сиротского института<sup>9</sup>, очевидно, он принадлежал к дворянскому роду. О его супруге, матери Михаила, ничего не известно. И. М. Андреевский пишет, что в семье было девять детей, что семья была патриархальная, дружная и мать воспитывала всех детей в религиозном духе, внушая им любовь к Богу и Церкви.

---

<sup>6</sup> С 1815 года часть территории Польши, включенной в состав Российской империи.

<sup>7</sup> Родился в 1839 году.

<sup>8</sup> Ломжинская губерния — часть Польши, входившая в состав Российской империи.

<sup>9</sup> Этот институт, преобразованный из Воспитательного дома, созданного в Гатчине императрицей Марией Федоровной в 1803 году, принимал детей-сирот только из дворянских семей; с 1848 года он стал готовить юристов и чиновников.

В протоколе допроса владыки указан только отец и дата его кончины — 1905 год. И. М. Андреевский упоминает, что родители скончались в 1905 и 1906 годах и что Михаил оставался в Калише один, а потом переселился к брату в Петербург, где окончил последний класс гимназии. Вероятно, Михаил был самым младшим в семье. На допросе в январе 1931 года он назвал лишь двух братьев: Александра Александровича Жижиленко, профессора Ленинградского университета, 57 лет, и Владимира Александровича, 47 лет, по его показаниям, «преподавателя какого-то института в Ленинграде»; и сестру Веру Константиновну Паланскую, проживающую в Москве, очевидно, двоюродную. Больше он никого не назвал.

Понятно, что владыка не стал бы говорить о тех, кто оказался за границей. Но не ясно, выехал ли из СССР кто еще из его близких родственников, кроме одной сестры, на рассказы которой ссылается Иван Михайлович Андреевский<sup>10</sup>. Вполне вероятно, что это именно та сестра Лидия, которая была старше Михаила на семь лет и готовила его к поступлению в гимназию; дальнейшая ее судьба неизвестна. О других родственниках владыки Максима также ничего не известно, кроме его старшего брата, Александра Александровича Жижиленко, выдающегося ученого, внесшего значительный вклад в развитие правоведения и считающегося основателем отечественной криминалистики.

Родился Александр Александрович в 1873 году, когда отец еще служил в Новгородской губернии. В гимназию поступил уже в Калише, затем учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, который окончил, когда его младший брат Михаил еще только поступал в Калишскую гимназию. По окончании

---

<sup>10</sup> В сборнике М. Польского указано, что эта сестра в 1921 году в Белграде получила письмо от брата Михаила.

университета Александр Жижиленко был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, он изучал право в Германии, затем преподавал в университете и в других высших учебных заведениях Петербурга, вел активную научную и общественную деятельность, состоял в различных юридических обществах. После защиты магистерской диссертации в 1901 году А. А. Жижиленко был избран экстраординарным профессором Петербургского университета, а позднее, защитив докторскую, стал ординарным профессором. В 1917 году после Февральской революции профессор Жижиленко, продолжая научную и преподавательскую деятельность в университете, был назначен начальником Главного тюремного управления. Вступая на эту должность, он призывал проявлять гуманность к заключенным и уважать их личное достоинство.

После Октябрьской революции А. А. Жижиленко оставался в Петроградском университете, был деканом факультета советского права. После реорганизации факультета в Институт советского права стал его профессором. Преподавал в Академии народного хозяйства. Как и прежде, он продолжал научную деятельность в области уголовного права, судопроизводства и криминологии, принимал участие в деятельности Криминалистического кабинета, руководил разными его направлениями в изучении преступности, публиковал статьи и книги, выступал с докладами на конференциях, во всевозможных обществах (работников советского права, научного общества марксистов и т. п.). В целом профессор Жижиленко, несмотря на свое происхождение, судя по всему, вполне приспособился к советской действительности. Как писал Андреевский, «по словам владыки Максима, его брат не был религиозным человеком». Так и в 1922 году, выступая в качестве общественного защитника на процессе митрополита Петроградского Вениамина, он подчеркнул, что

выступает, будучи атеистом, исключительно как представитель права и защитник правды.

Однако в дальнейшем либеральные взгляды профессора А. А. Жижиленко при его личной и профессиональной честности едва ли могли быть терпимы в советском обществе. С 1930 года он подвергся критике как носитель "буржуазной идеологии", а в университетской газете "Студенческая правда" от 28 октября 1930 года было опубликовано требование "общественности" устранить его от преподавания. Точно не известно, был ли профессор изгнан или сам уволился по болезни.

«Узнав о тайном постриге своего младшего брата, Александр Александрович пришел к нему на квартиру и взял у него благословение. По словам вдовы профессора А. А. Жижиленко, умершего вскоре после пострига брата, это событие (тайное монашество и епископство) произвело на него потрясающее впечатление, и, умирая, он говорил в бреду: "Они говорят, что Бога нет, но ведь Он есть" ...»<sup>11</sup>

Примечательно, что вдова профессора, Любовь Ивановна Жижиленко, была глубоко верующим человеком и подвергалась репрессиям за свои религиозные убеждения<sup>12</sup>.

---

<sup>11</sup> *Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Российские... С. 19.

<sup>12</sup> Жижиленко Любовь Ивановна, родилась в 1867 в Витебске в дворянской семье. Окончила Высшие женские курсы, работала педагогом. В начале 1920-х — училась в Петроградском Богословском институте до его закрытия (в 1923), затем принимала активное участие в деятельности религиозно-философского кружка Назарова, за что в 1929 году была арестована и проходила по делу «Воскресенья» Мейера. 22 декабря 1933 — арестована по новому групповому делу в числе сестер общины монахини Анастасии Платоновой. 25 февраля 1934 — приговорена к 3 годам ИТЛ. После освобождения вернулась в Ленинград. В декабре 1941 — скончалась во время блокады Ленинграда.

Что касается Михаила Александровича Жижиленко, то в отличие от старшего брата он оставался глубоко верующим человеком; большое личное горе, которое он пережил в молодости, не поколебало, а еще более укрепило его веру, воспитанную в детстве. Будучи студентом Московского университета, куда по окончании гимназии он поступил на медицинский факультет, к большому удивлению родных<sup>13</sup>, Михаил женился, но прожили они с женой всего полгода. Она скончалась вследствие невозможности перенести беременность; супруги не захотели искусственно прерывать эту беременность, хотя знали, чем это может грозить. Однако они положились на волю Божию — владыка позднее называл покойную жену "праведницей". Двадцатичетырехлетний Михаил тяжело пережил это горе; в то время он сам перенес серьезную операцию аппендицита и был настолько плох, что ему даже боялись сообщить о кончине жены.

«Когда же он стал поправляться, то велико было его горе и отчаяние по поводу этой потери. По рассказу его сестры, как раз в это время ее брату приснился сон, который очень отразился на его дальнейшей жизни. Он видел во сне покойную мать, которая ему сказала, чтобы он помолился святому Пантелеймону Целителю, которого она очень почитала при жизни. На другой же день брат пошел в часовню св. Пантелеймона в Москве, купил там образочек святого и с ним не расставался, и молитвы св. Пантелеймону Целителю помогали ему в дальнейшей жизни его.

Он стал религиозным, необыкновенно добрым, отзывчивым к чужому горю и помогал бедным»<sup>14</sup>.

---

<sup>13</sup> Поскольку его отец и три брата были юристами.

<sup>14</sup> *Польский Михаил, протопресвитер. Указ. соч. С. 20.*



По словам самого владыки Максима: *«После смерти моей жены в 1910 году меня все время влекло уйти от мирской жизни в монашество, но прежнее состояние монастырской жизни меня не удовлетворяло. Меня влекло на Афон в Грецию, но туда мне уйти не удавалось. После пребывания на фронте войны, где я даже стремился попасть в полк, чтобы тем самым возможно кончить свою жизнь, но мне ничего такого не удалось, у меня еще более стало желания удалиться в другой духовный мир»*<sup>15</sup>.

После окончания университета до начала Первой мировой войны, с 1911 по 1914 год, Михаил работал в городе Благовещенске врачом Министерства путей сообщения. Всю войну, с 1914 до конца 1917 года, он был военным врачом в 76-м Кубанском полку, воевавшим в Галиции. С января 1918 до мая 1919 года работал военным врачом в госпитале (возможно, в Батруйском) в Москве; затем был мобилизован в Красную армию, работал главным врачом в тыловом госпитале в городе Козлове Тамбовской губернии. В августе Козлов был взят казаками конного корпуса генерала Мамонтова, совершавшего свой знаменитый рейд в тыл Красной армии, и сотрудники госпиталя вместе с больными оказались в плену. С отступлением казаков Михаил продолжал работать в госпитале; с 1920 года служил главным врачом Нижегородского военного лазарета, осенью 1921-го вернулся в Москву и с 1 января 1922 года поступил на работу врачом в больницу

---

<sup>15</sup> Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 557. (Следственное дело по обвинению членов нелегальной церковно-монархической организации «Истинное православие» — Жижиленко, Кремышенского, Левковского, Кувшинова, Троицкого и др.)

Таганской тюрьмы<sup>16</sup>, где и проработал до конца 1928 года.

Такова внешняя канва событий жизни Михаила Александровича Жижиленко. К сожалению, никаких подробностей он не рассказывал, и можно только догадываться о том, что он еще мог пережить за время своего служения, особенно в военные годы, сколько раз видел смерть (в Галиции он едва не умер от тифа, заразившись от тифозных больных, пленных австрийцев) и скольким людям помог, облегчая не только телесные, но и душевные страдания. О его служении в Таганской тюрьме И. М. Андреевский писал:

«Врача тюремной больницы знали все вольные и невольные узники этой ужасной тюрьмы, переполненной сверх всякой меры преимущественно уголовными, но также в значительной части и политическими, хорошо знали и помнят того, за кем давно утвердилось прозвище ангела-хранителя этой тюрьмы.

На своем трудном посту он был не только врачом, но и великим сердечным мастером, утешителем и отцом. Перед ним, врачом, не раз, как перед священником, исповедовались самые закоренелые и неисправимые рецидивисты-преступники, находя себе не только утешение, но часто и возможность возвращения к честной жизни. Многие знали в

---

<sup>16</sup> Московская губернская уголовная тюрьма была основана в 1804 году для содержания уголовных преступников как «рабочий дом с лишением свободы» и находилась между улицей Малые Каменчики и Новоспасским переулком. Здесь были организованы различные мастерские, в которых работали заключенные; к концу XIX века вместе с уголовниками в Таганской тюрьме содержались и политические заключенные. В 1920 году в тюрьме было более 1200 заключенных, и с каждым годом число их росло, к 1940-му — более 4000; в 1958-м — Таганская тюрьма была снесена.

Москве, что он спал на голых досках, что питался он тюремной пищей, что все свое жалованье он неизменно раздавал заключенным»<sup>17</sup>.

Как главному врачу Таганской тюрьмы, Михаилу Александровичу, вероятно, довелось познакомиться со многими замечательными священнослужителями, репрессированными богоборческой властью. Как раз в 1922–1923 годах целый ряд архиереев и клириков, не признававших обновленцев, во внесудебном порядке были приговорены к ссылкам; и перед отправлением их, как правило, содержали в Таганской тюрьме. Вот, к примеру, свидетельство о пребывании там епископа Петра (Зверева), 26 февраля 1923 года приговоренного вместе с другим духовенством к ссылке в Туркестан: «После оглашения приговора всех заключенных перевели в Таганскую тюрьму. В Таганской тюрьме Владыка заболел от истощения, голова покрылась фурункулами, и его положили в тюремную больницу. После душной, битком набитой камеры тюремная больница казалась курортом...»<sup>18</sup>

Главный врач Таганской тюрьмы не только старался создать благоприятные условия для выздоровления своих пациентов и всеми способами облегчить их страдания в тюрьме, но и заботился о дальнейшей их судьбе на этапе и в ссылке. Известны свидетельства о том, что врач Михаил Александрович Жижиленко выписывал ссылным священнослужителям справки о том, что они не могут идти пешком по этапу и их следует везти на подводах.

---

<sup>17</sup> *Польский Михаил, протопресвитер. Указ. соч. С. 21.*

<sup>18</sup> «Я всех люблю и о всех скорблю». Житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. 1876–1929. — М.: Индрик, 2013. — С. 218.

В 1927 году Михаил Александрович сам серьезно заболел, и, судя по его позднейшим показаниям на допросе, врачи уже предрекали смертельный исход: *«В марте месяце 1928 года я решил отсобороваться и дал обет, что если поправлюсь, то приму сан священника. После соборования я стал быстро поправляться и, оправившись от болезни, решил посвятиться»*<sup>19</sup>. И. М. Андреевский упоминает, что благословение на монашеский постриг и на рукоположение Михаил Александрович получил еще от Патриарха Тихона, с которым был хорошо знаком и которого глубоко почитал. Патриарх очень любил доктора М. И. Жижиленко и часто пользовался его советами.

«По словам владыки Максима, Патриарх доверял ему самые затаенные мысли и чувства. Так, например, в одной из бесед Святейший Патриарх Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользе дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел "политическим" требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго до своей кончины Святейший Патриарх высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу будет в ближайшем будущем уход в катакомбы. Поэтому Патриарх благословил профессора доктора Жижиленко принять тайное монашество, а затем, в случае если в ближайшем будущем высшая церковная иерархия изменит Христу и уступит советской власти духовную свободу Церкви, стать епископом»<sup>20</sup>.

<sup>19</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 557.

<sup>20</sup> *Польский Михаил, протопресвитер. Указ. соч. С. 21.*

*«Посвящаться я поехал к Димитрию Гдовскому в г<ород> Ленинград 19 мая 1928 года, — показал владыка Максим на допросе. — Поехал я посвящаться к Димитрию Гдовскому потому, что я его считал действительно православным епископом. Убеждение в том, что Димитрий Гдовский является действительно православным епископом, я получил после наших бесед с моим духовником Валентином Свенцицким, который был в общении с Димитрием Гдовским и который меня убедил в том, что митрополит Сергей, являясь руководителем Православной Церкви, в своих действиях как бы заигрывает с властью, старается Церковь приспособить к земной жизни, но не небесной»<sup>21</sup>.*

Здесь, хотя и в специфическом стиле протокола допроса, тем не менее довольно точно выражена сущность церковного конфликта, подвигшего врача Михаила Александровича Жижиленко на принятие духовного сана, — с того времени, можно сказать, для него «окончилась жизнь и началось житие». Но прежде чем перейти к описанию исповеднического служения святителя Максима, необходимо более подробно остановиться на предшествовавших церковных событиях и в целом понять церковную ситуацию того времени.

---

<sup>21</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 558.



## Российская Православная Церковь и Советское государство

О положении Российской Православной Церкви в XX столетии написаны десятки, если не сотни книг и статей. И хотя до сих пор не создано полноценного обобщающего исторического труда, опубликованных материалов вполне достаточно для того, чтобы ясно представить масштабы катастрофы, постигшей Русскую Церковь и русский народ. В результате победы богорборческой революции 1917 года захватившие власть большевики-коммунисты подвергли священнослужителей и мирян в России невиданным гонениям, главной целью которых было уничтожить Православную Церковь и полностью искоренить веру в народе. Эта цель была четко обозначена в программе коммунистической партии и неоднократно озвучивалась в выступлениях ее руководителей. Церковь мешала коммунистическому строительству, будучи одним из главных препятствий на пути к провозглашаемому коммунизму, этакому "земному раю" — настоящему идолу коммунистической "безрелигиозной религии", в жертву которому его поклонники и жрецы, не задумываясь, приносили

миллионы человеческих жизней, разрушая тысячелетнюю культуру великой страны и превращая в преддверие ада настоящее ради мифического "светлого будущего".

«С самого начала большевицкой революции было ясно, что Православная Церковь есть духовный организм, противостоящий этому неслыханному в истории начинанию, со своей стороны неприемлемый для него и потому обрекаемый им на истребление. Ясно было, что пока дух Православной Церкви жив в русском человеке — дух безбожного коммунизма не овладеет душою русского человека, не поведет Россию, не станет русским духом... А между тем — именно это-то и было необходимо большевикам, ибо программа их для России всегда была одна и та же: "Россия есть орудие мировой революции; русский народ должен сам заразиться ею до конца, чтобы заразить ею все остальные народы, а там — пусть погибнет или растворится в мировом всесмешении"... Большевицкая революция никогда не была русским делом, да и не выдавала себя за таковое. Она всегда была мировой затеей, начатой интернациональным сборищем людей во имя не русских и враждебных России целей.

И вот, чтобы провести эту чудовищную затею, большевики должны были внушить русским массам последовательное безбожие и противобожие, пафос интернационализма, готовность к кровавой резне в мировом масштабе и веру в тоталитарный коммунизм. Это был с самого начала — замысел мировой тирании, замысел антихристианский, бессовестный и бесчестный. Это был план — разжечь во всех народах зависть и ненависть, разнудать их и поработить при помощи монополии работодателя и систематического террора»<sup>22</sup>.

---

<sup>22</sup> Прот. Михаил Польский. О Церкви в СССР. — Нью-Йорк — Монреаль, 1993. — С. 5–6.

Без учета планов и замыслов коммунистических вождей трудно понять и объяснить ту жестокость, с какой они начали гонения на Церковь с первых же дней революции. Однако помимо жестокости богоборческие власти отличались еще и крайней степенью лжи и лукавства. Уничтожение Церкви велось под прикрытием советских законов, предоставивших, по крайней мере в первое десятилетие, относительную свободу религии. По Конституции СССР и декретам Совнаркома религия объявлялась частным делом и лишь выводилась из государственной и публично-правовой жизни. Однако, как свидетельствовал о положении Церкви в СССР компетентный церковный деятель, автор записки, переданной за рубеж в 1930 году:

«Кроме этой официально декретированной стороны существует еще другая, которая складывается из двух факторов: из политики Ком<мунистической> партии в вопросах религии и из деятельности ГПУ в пределах этих же вопросов. <...> Деятельность Ком<мунистической> партии в целом осуществляется по приказанию из Центрального Комитета всеми местными ее органами, так наз<ываемыми> парт<ийными> ком<итет>ами, а деятельность ГПУ является неофициальной стороной русской религиозной и церковной жизни. Она нигде не декретирована, она осуществляется ТАЙНО, в то время как закон является лишь щитом, прикрывающим эту тайную политику и деятельность»<sup>23</sup>.

Публикация в последнее время документов из бывшего партийного архива полностью подтвердила эту

---

<sup>23</sup> «К вопросу о положении Православной Церкви в СССР». Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митрополитом Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 28.



"не декретированную" разрушительную деятельность, недаром отдел Наркомата юстиции, проводивший в жизнь декрет отделения Церкви от государства, назывался "ликвидационным". И если в первое пятилетие советской власти гонения на Церковь велись главным образом методами физического насилия и еще не имели четко организованного характера, то с 1922 года была выработана уже целенаправленная система борьбы с Церковью. При Центральном Комитете коммунистической партии создается специальная Антирелигиозная комиссия, которая неустанно занимается разработкой планов ликвидации Церкви и религии, причем, надо отметить, весьма коварных.

Столкнувшись с тем, что моральный авторитет гонимой Церкви только возрастал в глазах народа, и понимая, что одним насилием Церковь невозможно уничтожить, гонители прибегли к более изощренным методам воздействия. Они постарались расколоть церковное единство, подчинить себе церковное управление и через него осуществлять подрыв Церкви изнутри.

Так в 1922 году был организован обновленческий раскол. После ареста Патриарха Тихона с санкции властей группа духовенства, захватив церковное управление, приступила к осуществлению программы "обновления", модернизации Церкви. Провозглашая новый курс церковной жизни, обновленцы заявили о признании справедливости социальной революции и своей поддержке социалистического правительства со всеми его начинаниями. Они объявили заключенного Патриарха Тихона низложенным и лишенным монашества и обвинили Патриарха во всех бедах Церкви — якобы именно из-за его неприятия революции Церковь подвергается гонениям.

Напомним, что с первых же дней после прихода большевиков к власти Патриарх действительно обли-

чал их беззакония, призывал народ к покаянию и молитве, защите храмов от посягательств безбожников, а в январе 1918 года провозгласил анафему гонителям. И хотя в тексте анафемы не назывались коммунисты или большевики, но понятно, что именно к ним, «творящим кровавые расправы», как к «извергам рода человеческого» было направлено архипастьерское грозное слово обличения и прещения. И именно так анафема была воспринята народом: «Патриарх предал анафеме советскую власть».

Обличая гонителей и призывая верующих к духовному сопротивлению, Патриарх, однако, никогда не касался политики и в разразившейся гражданской войне отказался благословлять ту или иную сторону, призвав народ к прекращению междоусобной брани. До сих пор эта позиция Патриарха не получила однозначной оценки... Но с какой бы стороны ее ни рассматривать, аполитичность Патриарха была налицо. Однако, несмотря на это, Патриарх, да и все духовенство в глазах властей оставались самыми "махровыми контрреволюционерами" и политическими врагами. Объявляя войну Церкви, власти никогда не признавались, что преследуют ее защитников за веру, и обвиняли их в политических преступлениях.

И вот те же обвинения в контрреволюции в 1922 году прозвучали со стороны самих церковников. Обновленцы назвали контрреволюционерами и Патриарха, и всех не признавших их обновленческого управления и Синода. Таким образом, были спровоцированы новые крупномасштабные гонения против наиболее достойных архиереев и пастырей Русской Церкви. Причем теперь сами же церковники обвиняли своих братьев в политической неблагонадежности, а властям оставалось лишь применять карательные меры к этим "государственным преступникам". И вновь многие епи-

скопы и клирики оказались в тюрьмах и дальних ссылках.

Однако гонители ничего не добились и главной своей цели не достигли: церковное единство не было поколеблено, и подорвать Церковь изнутри не удалось. Церковный народ в массе своей не признал обновленцев; и они оказались хотя и послушным, но совершенно бесполезным орудием в руках властей. Несмотря на то что обновленцы были легализованы, имели храмы и церковное управление, к ним никто не шел, храмы их были пусты. Неканонический захват власти, модернистские идеи и предательство оттолкнули от них церковный народ, оставшийся по-прежнему с Патриархом и своими гонимыми пастырями. И это духовное единство было очень прочным; заключенные архиереи поминались в своих епархиях за богослужением во всех храмах. Священник Михаил Польский, непосредственный очевидец и участник церковных событий того времени, свидетельствовал:

«Им, как и заключенным священникам, посылали бесчисленные и неоценимые по содержанию письма: вся любовь паствы, вся благодарность за стойкость и мужество, все преклонение перед невинными страданиями своих духовных вождей были в них излиты. Между пастырями и пасомыми завязывались такие отношения, какие могли быть только в первые века жизни Христовой Церкви. Не знаю, имелись ли еще в истории Вселенской Церкви случаи такого широкого и глубокого духовного подъема. Каждый христианин почитал своим долгом на записочке "о здравии" своих родных, подаваемой на литургии, записать прежде всего имя заключенного своего — архиерея или священника. И диакон, читая на ектении эти записки, множество раз поминал вслух всей Церкви самое слово "заключенный" и имя его. Церковь скорбела и прилежно молилась за своих страдальцев. А ког-

да архиерей по отбытии срока заключения или ссылки возвращался (правда, очень часто всего на несколько недель) в свой город, то торжество народа было неопишным: осыпали цветами и слезами путь его и за счастье считали целовать край его рясы... Это было и горькое, и счастливое время. И Церковь была еще крепка. Сила и превосходство над врагами ее были очевидными... Власть большевицкая оставалась бессильною перед Церковью, хотя грубому физическому насилию противостояла одна только моральная сила Церкви»<sup>24</sup>.

Поскольку через обновленцев не удалось осуществить раскол и разложить Церковь изнутри, богоборцы направили все усилия на Патриарха. Выпуская его из тюрьмы в 1923 году, они вынудили у него покаянные заявления. Патриарх написал, что он раскаивается в своей прежней деятельности против советской власти, и объявил, что отныне он ей не враг. Власти рассчитывали этим уронить авторитет Патриарха и внести смуту в Церковь. Однако «Покаянное заявление Патриарха, напечатанное в советских газетах, не произвело на верующий народ ни малейшего впечатления. Без всякой малейшей пропаганды весь верующий народ, как один человек, каким-то чудом Божиим, так формулировал свое отношение к этому "покаянному заявлению": "Это Патриарх написал не для нас, а для большевиков"»<sup>25</sup>.

<sup>24</sup> *Священник Михаил*. Положение Церкви в Советской России. Иерусалим, 1931. — СПб., 1995. Приложение к православному журналу "Возвращение". — С. 9–10.

<sup>25</sup> *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности патриарха Тихона (1923–1925). — Мюнхен, 1959. — С. 15. Цит. по: «Алчущие правды»: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. — С. 14.

Хотя определенные церковные круги крайне отрицательно восприняли эти унижительные заявления, никаких разделений в Церкви не произошло. Церковный народ и пастыри с радостью встретили Патриарха, объясняя, что он пошел на это унижение не из-за страха, а ради блага Церкви. Причем Патриарх жертвовал только самим собой, ни на кого не перелагая ответственности; и в этом была принципиальная разница между ним и позднее объявившим себя его последователем митрополитом Сергием (Страгородским).

Впрочем, сам Патриарх жалел, что согласился сделать эти заявления. Знай он правду о церковном положении, он ни за что бы не пошел на "примирение" с советской властью. Патриарх говорил своим близким: «Читая в заключение газеты, я с каждым днем все больше приходил в ужас, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки. Если бы я знал, что их успехи так ничтожны и народ за ними не пошел, я бы ни за что не вышел из тюрьмы»<sup>26</sup>. Кроме того, признавался Патриарх, он предполагал, что наконец появился закон, революционный хаос всякого беззакония окончился, и теперь ему предстоит иметь дело с настоящей государственной властью. Это впечатление нарочито создавали боготорческие власти. Как писал об этом отец Михаил Польский:

«Враг много раз соблазнял. Он уверял, что и при советской власти Церковь существовать может. Это как будто даже обеспечено советским государственным законом. Все зависит от нас самих. Кажется, уступи только, сделай то небольшое, что власть требует от тебя, и Церковь начнет спокойное и свободное существование, как это было и прежде.

---

<sup>26</sup> *Священник Михаил. Положение Церкви в Советской России.* С. 16.

И как было вначале не пойматься на этот обман? Через какие печальные опыты надо было убедиться, что государственная власть не только может не исполнять своих обещаний, но что ложь и обман входят в систему, в постоянный порядок государственного управления? Никогда не предполагалось, что такими хитростями власть добивается своих целей. Власть лгала и обманывала, требовала от Церкви уступок, много за это обещала и не только ничего не давала, но и преследовала ее, вела к уничтожению.

Как было не поверить закону, охранявшему права религий? И Патриарх подкреплял сдачу своих позиций мыслью, что у власти есть закон. И мы все сначала надеялись, что будем жить, преодолев какие-то наши недоразумения с властью»<sup>27</sup>.

Так и сам Михаил Польский во время допроса в Чрезвычайной комиссии в 1922 году на вопрос о политических убеждениях ответил: *«Я не имею права их иметь»*. Вслед за Патриархом он пытался *«очиститься от политики»*, зная, что Церковь существовала при всякой власти, невзирая на форму управления и отношение к ней власти. Он полагал, что может быть чист от всяких политических убеждений, но, конечно, такие взгляды нисколько не помогли ему. Когда следовательно обвинил его в пропаганде против советской власти, отец Михаил стал отрицать за собою такое преступное деяние, но признал, что всегда говорил в церковной проповеди против безбожия.

«— Кого вы разумеете под безбожниками? — спросил следователь.

— Безразлично. Всех: будет ли то рабочий или ученик школы, — ответил обвиняемый.

— Конечно, и представителей власти?

— Да, всех».

---

<sup>27</sup> Священник Михаил. Указ. соч. С. 30.

В "Обвинительном заключении" Михаилу Польскому было предъявлено обвинение: *«возбуждение масс на религиозной почве против Советской власти»*. Позднее отец Михаил вспоминал:

«Итак, я оказался все-таки политически виновным, несмотря на свое очищение от всякой политики. Но я все же настаивал на своем и рассуждал, что лучше страдать невинно по ложному обвинению с чистой совестью перед Богом, перед людьми, перед самим собою, страдать за религию, за веру, за Бога и Церковь, чем за дела политические. И действительно, всякое политическое чувство у меня было как-то атрофировано. Я не питал почему-то никакой ненависти к власти. Правда, впору было только нести тяготу тюремного сидения. Над своими же собратьями-соузниками, искренне желавшими скорейшей гибели этой власти, я шутил, говоря им, что хотя за ними и нет никаких политических преступлений, но они страдают справедливо: власть "угадала" их настроения и мысли и посадила их за дело. "Надо очиститься. Привыкли жить с властью заодно. Попробуйте пожить без нее, как жили наши предки с татарами или греки с турками, а то еще хуже, как первые христиане с Неронами и Диоклетианами, за которых умели еще и молиться! А мы вот отстали от истинного христианства и не имеем совсем духа и жизни наших отцов". Так рассуждал я»<sup>28</sup>.

Но это было вначале, в 1922 году; а вскоре отец Михаил убедился в ошибочности своих рассуждений, о чем подробно написал в своем очерке "Положение Церкви в Советской России", изданном в 1931 году в Иерусалиме. Его свидетельство очень важно, и мы обращаемся к нему неспроста. Будучи искренним и смелым священником, стойким и непоколебимым исповедником, про-

<sup>28</sup> Священник Михаил. Указ. соч. С. 8–9.

шедшим советские тюрьмы и концлагерь, отец Михаил на своем личном опыте пережил все те испытания и соблазны, которым подвергались церковные пастыри. Совершив побег из ссылки, рискуя жизнью, он вырвался из СССР и за границей не только подробно описал пережитое, но и дал глубокий анализ происходящего.

Выводы, к которым отец Михаил пришел, не просто получены в процессе интеллектуального размышления, а выстраданы сердцем. Они поразительно перекликаются и подчас даже полностью совпадают с мыслями и выводами других исповедников Российской Церкви, под гнетом безбожной власти не имевших доступа к печатному слову. В этом плане книга Михаила Польского уникальна — в ней выражены опыт и мнение не только его одного, но и целого круга священнослужителей Российской Православной Церкви, можно сказать, лучших ее представителей, духовно противостоящих наступающему безбожию. С большей частью из них отец Михаил лично не был знаком; пребывая в ссылке, он был оторван от тех, кто мог бы разделить его мысли, и очень от этого страдал. Позднее он писал:

«Я не пророк, а худший из православных священников Божиих, но понимал в те дни и переживал слова пророка, говорившего Богу: "Сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом, остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее" (3 Царств. 19, 10)»<sup>29</sup>.

Но отец Михаил также понимал, что был одинок только в своей обстановке, и бежал от нее, по его словам, как слабейший из его единомышленников, разбросанных, но оставшихся в России. Так же как и во вре-

---

<sup>29</sup> *Священник Михаил. Указ. соч. С. 84.*



мена Ильи Пророка, Господь «оставил между израильянами семь тысяч мужей, всех сих колена не преклонились перед Ваалом, и всех сих уста не лобызали его».

Несомненно, к единомышленникам священника Михаила принадлежали и епископ Максим (Жижиленко), и рукоположивший его архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов), и другие близкие им по духу священнослужители и миряне, ревнители Православия. Об их отношении к безбожной власти можно судить по материалам следственных дел, а также по сохранившимся в церковном предании устным свидетельствам. У нас нет данных о том, как складывалось это отношение: пытались ли они вслед за Патриархом, так же как священник Михаил, "очиститься" от политики или, не поддаваясь соблазнам "мирного существования", всегда стояли на твердых позициях непризнания советской власти. Но как бы то ни было, к концу 1920-х годов они пришли к тем же выводам, что и священник Михаил Польский. Никакого нормального существования Церкви в Советском государстве — быть не может! Сколько "ни очищайся" от политики, все равно верующий человек будет политическим преступником в глазах советской власти. Так как эта власть основана на безбожии, сознательном отвержении Бога, то самой своей верой в Бога верующий человек, хочет того или нет, подтачивает самые основы этой безбожной власти и неминуемо становится ее политическим противником и контрреволюционером. Единственная возможность "очиститься" от политики — это отказаться от веры...

Отец Михаил писал не только о бесполезности отделения религии от политики в безбожном государстве, но и о невозможности и даже принципиальной неверности такого отделения и подчеркивал, что за этим стоял очередной большевицкий обман:

«Для себя безбожная власть ни в каком случае не различает политики от безбожия (безбожие ее есть и политика, и политика ее есть безбожие), а от нас хитро требует этого различения: мы должны очиститься от политики ради того, чтобы она тем легче нас уничтожила. Вот каковы замыслы врага. Когда власть сочиняла статью закона — «возбуждение масс на религиозной почве против советской власти», то она знала, на что восставала, и спешила охранить себя законом. Она будет бороться с религией, а ты не смей защищаться, отделяй политику от религии, изгоняй политику из своих убеждений, признавай только ее права, а от своих священных прав отказывайся. Нет, сознательно позволять власти обманывать себя нельзя. У меня остается право — не признавать такую власть. Ибо, что значит — признавать такую власть и подчиняться ей? Не значит ли это — содействовать ей в нашем уничтожении, стать изменником и предателем своей веры? Признание по существу безбожной власти не есть ли отказ от исповедания моей веры? Если я верую в Бога, то я противник этой власти. Если же я говорю, что я не против нее, то я за нее, отрекаюсь от борьбы против нее, я поддерживаю ее и борюсь против себя, против своей веры. Чем я тогда отличаюсь от безбожника? Разве только на словах, а не на деле»<sup>30</sup>.

О принципиальном непризнании безбожной власти прямо говорил и архиепископ Димитрий (Любимов), причем не только в кругу своих единомышленников, но и открыто в лицо самим безбожникам. Так, например, на допросе 1 октября 1930 года владыка заявил: *«Мы считаем, что Церковь не может быть лояльной власти, которая ее гонит, а советская власть, по моему разумению, именно гонит Церковь»*; *«Мы считаем, что советская власть по религиозным соображениям*

---

<sup>30</sup> Священник Михаил. Указ. соч. С. 76–78.

не является для нас государственной властью, такой, какой мы подчиняться можем»<sup>31</sup>. Понятно отсюда, что владыка Димитрий, так же как и отец Михаил, считал покаянные заявления Патриарха бесполезным отказом "от славы мученика", совершенно напрасной "жертвой", ничего кроме скорбей не принесшей, и не скрывал своего отрицательного к ним отношения.

Что касается епископа Максима, то нам не известно, что он говорил по этому поводу. По словам И. М. Андреевского, на допросах владыка вел себя так осторожно и отвечал так мудро, что власти ничего не могли ему инкриминировать, кроме факта тайного монашества при одновременной работе главным врачом Таганской тюрьмы. На вопрос о дружбе с Патриархом, что их сближало, владыка Максим ответил: «полная аполитичность, полная лояльность к советской власти и духовное родство молитвенных устремлений и аскетических опытов»<sup>32</sup>. Однако именно содержание дружеских бесед с Патриархом, о которых епископ Максим поведал только своим союзникам на Соловках, как раз убедительно свидетельствует о том, что и сам Патриарх понимал бесполезность своей "аполитичности" и "лояльности" и в дальнейшем не видел для Церкви иного положения в Советском государстве, кроме нелегального.

Следует отметить еще один важный момент. Идя на уступки властям, Патриарх ни на кого не перекладывал своей ответственности. По словам отца Михаила, при нем Церкви легко было нести крест свой, потому что

---

<sup>31</sup> Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 208. (Следственное дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-Православная Церковь"».)

<sup>32</sup> *Михаил, протопресвитер*. Новые мученики Российские... Т. 2. С. 25.

вся тяжесть креста этого падала на его плечи. Патриарх прислушивался к голосу Церкви, имел мужество признать свои ошибки и отказаться от тех или иных решений, когда видел, что они таят опасность для Церкви. Агенты власти вели с ним непрестанную борьбу, пытались подчинить его своему влиянию. «Большевицкая власть не выпускала его из атмосферы своей лжи, провокации, обмана, клеветы, сеяния раздоров, расколов, недоверия. Патриарх постоянно должен был разгадывать тайные и злые замыслы и намерения, скрывающиеся под всякими благовидными предложениями власти»<sup>33</sup>.

О том, какой мукой были последние его годы жизни на свободе, оказавшейся хуже тюрьмы (недаром Патриарх вспоминал свое сидение как лучшее время), можно понять по свидетельству архиепископа Вереяского Илариона (Троицкого), ближайшего сотрудника Патриарха. При всем своем красноречии владыка Иларион, также подвергавшийся усиленной обработке агентами власти, не в состоянии был охарактеризовать «все обманы, ложь, наглое бесстыдство, омерзительное притворство и лицемерие, провокационные выходки и прочие подлости агентов власти».

«И когда разговор касался отношений власти и церковного управления, то он говорил так: "Нет, друзья мои, ведь надо побыть в той обстановке, хотя немного, а так не опишешь..." Посмотрев на нас, слушателей и как бы спрашивая нас, поверим ли мы ему или нет, он добавлял: "Это, воочию, сам сатана..."»<sup>34</sup>

---

<sup>33</sup> Священник Михаил. Положение Церкви в Советской России. С. 44.

<sup>34</sup> Священник Михаил. Указ. соч. С. 44.

Служивший с Патриархом последнюю литургию накануне его ареста в 1922 году отец Михаил вспоминал:

«Перед этим поздно ночью Патриарх вернулся из ЧК. Его только что долго и жестоко допрашивали. Дома своим приближенным, измученным ожиданием, Патриарх лишь обронил: "Уж очень строго допрашивали..." — "Что же вам будет?" — спросил кто-то с тревогой. "Обещали голову срубить", — отвечал Патриарх с обычным своим благодушием.

Литургию он служил, — как всегда, без малейшей тени нервности или хотя бы напряжения в молитве. Глядя на него, готовящегося к тюрьме, а может быть, и к казни (тогда это было серьезно), я невольно вспомнил слова Христовы: "Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего". Пусть обвиняют, ничего не найдут, он будет невинен. Так я думал, и на эту тему сказал проповедь за литургией. Благословляя меня на проповедь, Патриарх шепнул: "Их-то не затрагивай..." Знаю, что пожалел проповедника. Не за себя, а за тех, кто около него рискует собою, он боялся. Но не помню случая, чтобы кто-либо, кому выпадал случай проповедовать за патриаршей службой, утаивал в слове своем правду. Как-то всегда и всеми говорилось то, что надо, что соответствовало лицу Патриарха.

... Вспоминаю одного епископа, который сидел со мною в тюрьме. На вопрос чекистов, какого он мнения о Патриархе, ответил: "Я реально ощутил его святость..." Ответ привел чекистов в бешенство, и дело о ссылке епископа было тотчас решено.

Наконец, я вижу Патриарха после своего выхода из тюрьмы, когда принес ему поклоны от союзников<sup>35</sup>. Патриарх по-прежнему был добр, благодушен, но такой худенький,

---

<sup>35</sup> Осенью 1923 года, когда отец Михаил был освобожден на полторы недели, после чего вновь арестован.

измученный, что, прощаясь с ним, я заплакал от чувства жалости. Преклонив мою голову к своей груди, Патриарх спросил: "Что же ты плачешь?" Я совершенно неожиданно для себя самого ответил: "Мне кажется, что я Вас больше не увижу..." Конечно, не Патриарха я видел перед собою весьма недолговечным, а внутри меня была полная уверенность, что и я долго на свободе не прохожу. Патриарх рассмеялся и сказал: "Ну, гора с горой не сходятся, а человек с человеком сходится. Послужи завтра со мною"...

На другой день я еще раз сослужил Патриарху в церкви великомученицы Анастасии, что у Бутырской заставы. Затем был арестован и отправлен в Соловки. Больше я Патриарха не видел. Патриарх умер. Его замучила, сожгла на медленном огне своей сатанинской ненависти большевицкая власть»<sup>36</sup>.

О кончине Патриарха в народе ходили слухи, что он умер не своей смертью, а был отравлен. Позднее эти слухи нашли подтверждение; по свидетельству известного московского протоиерея Александра Толгского<sup>37</sup>, после признаний на исповеди одного из врачей Бакунинской больницы у него не осталось ни малейших сомнений в том, что Патриарх действительно был отравлен.

Патриарх не устраивал власти, он не позволял безбожникам овладеть церковным управлением и заставить служить их безбожным целям. Он мешал... Несомненно, Патриарх понимал, что для Церкви не остается места в советском обществе и единственный выход — это уход в катакомбы. Произошло бы это или нет, если

---

<sup>36</sup> *Священник Михаил*. Положение Церкви в Советской России. С. 18–20.

<sup>37</sup> Протоиерей Александр Васильевич Толгский (1880–1962) — настоятель храма пророка Ильи в Обыденном переулке.

бы он оставался в живых, мы теперь можем только предполагать. На это скажут: «История не терпит со- слагательного наклонения!» Так, по крайней мере, принято думать. Но в таком случае не имеет никаких оснований и противоположное предположение, которое высказал через два года после кончины Патриарха митрополит Сергей (Страгородский), оправдывая свои деяния как «долг продолжить дело Почившего», — дескать, Патриарх это сделал бы сам, если бы смог «по- жить еще годика три». Но Патриарх этого не сделал! Таков неоспоримый исторический факт, а все осталь- ное — домыслы из области, выходящей за рамки исторических исследований<sup>38</sup>.

Не сделал этого и временно возглавивший Церков- ное управление после кончины Патриарха 25 марта/ 7 апреля 1925 года митрополит Петр (Полянский). Не-

---

<sup>38</sup> Здесь лишь уместно привести замечание отца Михаила Поль- ского: «Бог, желая иметь такого чистого и безупречного челове- ка святым, взял его к себе вовремя и не позволил ему нанести вреда Церкви. Так взят вовремя и архиепископ Иларион. Даль- нейшие ошибки, и грехи, и преступления против Церкви Бог предоставил делать тем, кто к этому был готов и ранее»... И да- лее отец Михаил сделал следующее примечание к последней фразе: «Митрополит Сергей чрезвычайно легко переходил в свое время в обновленчество. Также легко и просто, сняв клобук и панагию, он публично каялся в этом перед Патриархом. Те- перь — он сотрудник ГПУ. Завтра, будь на то возможность, он легко и просто покаялся бы и перед заграничными иерархами всех направлений за причиненные неприятности. Эластичный человек, всегда удобный, бывший бессменный член Святейшего Синода, в отношении к обер-прокурорам типа — "чего изволи- те". Его первоначальный честный путь в борьбе с ГПУ за Цер- ковь есть невольное движение по линии, данной Патриархом и митрополитом Петром, пока, наконец, он не стал опять самим собою» (*Священник Михаил. Положение Церкви в Советской России*. С. 80).

смотря на то что он формально продолжил политику уступок и даже больше: под давлением чекистов опубликовал за подписью Патриарха так называемое "Завещание", составленное в ОГПУ. Но на деле владыка Петр оказался таким же неподатливым, как и Патриарх, став действительно его преемником, не по внешней форме, а по духу — при изъявлениях лояльности власти отстаивал церковную свободу. За что и был властями упрятан сначала в далекий заполярный самоедский поселок на берегу Ледовитого океана, а потом на годы мучительного строжайшего заключения в тюремной одиночке, откуда был выведен на расстрел в октябре 1937 года.

В отличие от митрополита Петра его заместитель, митрополит Сергей (Страгородский), усвоил внешнюю форму деятельности Патриарха.

«Сделав невольную ошибку своим выходом из заключения и покаянием пред властью, Патриарх, с одной стороны, обязал себя хранить мир с властью, выполняя ее задания, а с другой стороны, встал перед долгом своим в отношении к Церкви, против которой власть боролась. Он грех своих обещаний принимал на себя и сам страдал. А этот (митр<о-полит> Сергей) взялся выполнять обещания Патриарха и задания власти и на Церковь возложил всю тяжесть своих обязательств перед властью. Из деятельности Патриарха его преемники — митрополиты Петр и Сергей сделали разные выводы: первый усвоил дух и смысл этой деятельности — моральную стойкость в исполнении долга своего к Церкви, а второй рассудил по внешности и стал выполнять обещания и слова Патриарха, которые тот вынужден был давать. У митрополита Сергея своя последовательность. Старый член Синода счастливых царских времен России и всегда покорный слуга его обер-прокурора, государственного чиновника, хорошо знакомый с требованиями власти в отношении к



Церкви, может быть, он ничего и не мог заметить в своем договоре с ГПУ. По внешности, конечно, ничего. Если обер-прокурорам можно было подчиняться, то почему этим нельзя? По логике так, а по правде, которой живет Церковь, не так. Нельзя проглядеть маленькую сущность: если на обязанности обер-прокурора всегда были — защита, сохранение и укрепление Церкви, то у этих — разрушение и уничтожение ее. Не логика ума, а совесть, чувство правды руководили душою церковного народа, который протестовал против союза церковной власти с властью безбожников»<sup>39</sup>.

---

<sup>39</sup> *Священник Михаил.* Положение Церкви в Советской России. С. 57–58.



## Деятельность митрополита Сергия

Митрополит Сергий принял на себя церковное управление в качестве заместителя Патриаршего Местоблюстителя в декабре 1925 года после ареста митрополита Петра, и ему, так же как и его предшественникам, пришлось вести переговоры с властями о легализации церковного управления. Вопрос был насущный, так как с 1917 года Русская Православная Церковь не имела юридического статуса в Советском государстве. Разрешалось существование отдельных общин и приходов, при которых архиереи регистрировались как "служители культа", но ни епархиальные, ни тем более центральные органы церковного управления легализованы не были. Архиереи не имели права осуществлять церковное управление своими епархиями, всякая административная их деятельность была незаконна, и любой намек на нее использовался властями для репрессий. Так и самому Патриарху грозили за *«обнаружение канцелярских занятий»*, и еще в середине 1920-х многие архиереи были отправлены в ссылку именно за *«нелегальную административную деятельность»*. По-

нятно, что легализация была нужна, однако богоборческие власти, преследуя все те же разрушительные цели, предлагали ее на совершенно неприемлемых для Церкви условиях.

От архиереев требовали определенных обязательств, которые они должны были принять и обнародовать в декларации и затем исполнять. Главное, чего хотели добиться богоборцы, — это подчинить внутреннюю жизнь Церкви своему контролю. Именно на таких условиях Е. А. Тучков, возглавлявший VI отделение Секретного отдела ОГПУ, вел переговоры и с Патриархом Тихоном, и затем с митрополитом Петром. Однако ни Патриарх, ни митрополит Петр его условий не приняли. Не принял их поначалу и митрополит Сергей; составленный им летом 1926 года проект декларации был выдержан в церковном духе — при всей лояльности к власти в нем твердо отстаивалась духовная свобода Церкви. Конечно же, подобный проект Тучкова не устроил.

В декабре 1926 года митрополит Сергей был арестован и привлечен с рядом других архиереев к следствию по делу о «тайных выборах патриарха». «Выборы» заключались в том, что по инициативе группы епископов, получивших одобрение митрополита Сергия, был проведен письменный опрос русского епископата (отметим, что все производилось тайно, путем разъездов и личных встреч)<sup>40</sup>. Почти все опрошенные, не менее 60–70 архиереев, подали свои голоса за ми-

<sup>40</sup> Как размышлял один из современников: «События конца 1926 года остаются загадочными и непонятными. Была ли тут грандиозная провокация, имевшая целью избавиться от определенной части почему-либо неудобных епископов, имело ли место трусливое предательство тех, кто первый попал в ГПУ в ноябре 1926 года, может быть, даже случайно» (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 7–8).

трополита Казанского Кирилла (Смирнова). Эта странная история с выборами наглядно показала, какой высокий авторитет имел митрополит Кирилл у российских архиереев. Тучков незамедлительно пожелал этим воспользоваться. В феврале 1927 года он специально прибыл в Вятку и встретился с арестованным в ссылке и доставленным в Вятскую тюрьму митрополитом Кириллом. Тучков предложил владыке свободу и возможность возглавить Церковное управление, но оговорил свои условия:

«"Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь", — сказал Тучков. "Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: "Брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать"". — "Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами, и найти соответствующее обвинение!" Владыка Кирилл отказался. Говорят, он ответил: "Евгений Александрович! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!"»<sup>41</sup>.

После этого митрополит Кирилл был осужден на три года новой ссылки и под конвоем отправлен в далекий Туруханский край. Примечательно, что в день вынесения ему приговора, 23 марта 1927 года, в Москве был продлен срок содержания под стражей заключенного в Бутырской тюрьме митрополита Сергия, *«ввиду серьезности состава преступления»*. Однако неожиданно, спустя всего десять дней, последовало постановление о его освобождении. Никакого приговора

---

<sup>41</sup> Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2009. — С. 44.

вынесено не было, и в то время, как митрополита Кирилла везли за полярный круг, митрополит Сергей вышел на свободу. Что произошло за эти десять дней (после 23 марта), можно только догадываться, но, судя по ходу дальнейших событий, условия, предложенные Тучковым митрополиту Кириллу, были также предложены митрополиту Сергию и, очевидно, им приняты.

По выходе из тюрьмы митрополит Сергей собрал на совещание нескольких архиереев, составивших Временный Патриарший Священный Синод. 18 мая он обратился с заявлением в НКВД СССР, в котором «покорнейше просил» зарегистрировать его самого и временный Синод для заведования делами Русской Православной Церкви, а также просил «сделать распоряжение местным властям» о разрешении по епархиям регистрировать состоящих в его ведении архиереев (староцерковников). До получения регистрации митрополит Сергей просил разрешить ему и Синоду приступить к деятельности; 20 мая временное разрешение он получил<sup>42</sup>.

---

<sup>42</sup> В "Справке", выданной митрополиту Сергию 20 мая 1927 года, значилось: «Заявление и <справляющего> д<олжность> "Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола", митрополита Нижегородского Сергия, гр<ажданина> Страгородского, и список образовавшегося при нем временного, так называемого, Патриаршего Священного Синода <...> в Административном Отделе Ц<ентрального> А<дминистративного> У<правления> НКВД получены и приняты к сведению. Препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его, не встречается» (Акты Святейшего Патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. — М.: ПСТБИ: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. — С. 498).

Как писал современник и активный участник церковных событий:

«Для людей дальновидных стало несомненно, что между митрополитом Сергием и советским правительством в лице ГПУ во время его тюремного заключения состоялось какое-то соглашение, которое поставило его самого и близких ему епископов в совершенно исключительное положение наряду с другими. В то время, как продолжались аресты и ссылки, когда в ответ на убийство Войкова за границей в тюрьмы бросали по всей России не только последних епископов, но и рядовое духовенство, — митрополит Сергей получил право свободно жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста. Наконец, когда стали известны имена епископов, призванных им в Синод, о капитуляции митрополита перед Советской властью не могло быть больше сомнений. В Синод вошли архиепископ Сильвестр — бывший обновленец, архиепископ Алексей Хутынский, бывший обновленец, назначенный на петроградскую кафедру от живой церкви после казни митрополита Вениамина, архиепископ Филипп — бывший беглопопонец, митрополит Серафим Тверской — человек, о связях которого с ГПУ знала вся Россия, которому никто не верил.

Вслед за таким составом Синода начались такого же характера новые епископские хиротонии и назначения: Сергей Зенкевич, Владимир Горьковский и др <угие> бывшие обновленческие протоиереи были рукоположены во епископы; епископы Артемий Ильинский, Назарий, Андрей, Мельхиседек Паевский, Матфей Храмцов и др <угие> — тоже бывшие обновленцы, жившие на покое, были назначены на епархиальные кафедры. С другой стороны, начались увольнения на покой ссыльных епископов. В атмосфере все растущего недоверия вышла, наконец, в июле 1927 года и знаменитая декларация митрополита Сергия. Казалось, карты

были открыты — митрополит Сергий капитулировал перед ГПУ, принял все условия "легализации" и ныне последовательно проводит их в жизнь»<sup>43</sup>.

"Послание к пастырям и пастве", получившее в дальнейшем известность как декларация, было выпущено митрополитом Сергием и его Синодом 16 (29) июля 1927 года. Оно было разослано по всем епархиям и приходам и затем опубликовано в "Известиях ЦИК" от 19 августа 1927 года. Обращаясь к "Архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви", митрополит Сергий сообщал об учреждении Временного Патриаршего Синода и получении разрешения на его деятельность. «Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление», — писал митрополит Сергий. Однако на самом деле легализации центрального управления еще не было и Временный Синод лишь получил разрешение на существование "до формальной регистрации". «Ничего более существенного, чем приведенная выше "Справка" из Административного отдела ЦАУ НКВД о том, что его заявление об образовании Синода "принято к сведению" и "препятствий к деятельности органа, впредь до

---

<sup>43</sup> "Обзор главных событий церковной жизни в России за время с 1925 года до наших дней". Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 9. (Как установлено, автором "Обзора" был Георгий Александрович Косткевич (1904–1973), духовный сын известного киевского священника Анатолия Жураковского, активный церковный деятель, помощник и тайный курьер православных архиереев на Украине.)

утверждения его, не встречается", митрополит Сергей ("гр<ажданин> Страгородский"), судя по всему, так и не получил»<sup>44</sup>.

Тем не менее митрополит писал как о совершившемся факте и выражал надежду, «что легализация постепенно распространится и на низшее церковное управление», а именно на епархиальное, уездное, и призывал вознести благодарственные молитвы ко Господу и выразить «всенародно нашу благодарность и Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения», а вместе с тем заверить правительство, что «мы не употребим во зло оказанного нам доверия». Митрополит осуждал дейст-

---

<sup>44</sup> «По советским законам (а именно, по инструкции Нарком<а> юст<иции> и НКВД РСФСР от 27 апреля 1923 г<ода>) Синод как центральная организация мог быть должным образом легализован лишь в качестве "исполнительного органа всероссийского съезда религиозного общества". Именно так был легализован обновленческий "Священный Синод". "Но у митрополита Сергея, — говорилось в одном из полемических документов 1928 г<ода> — так называемом "Каноническом исследовании деяний митрополита Сергея", — этих церковных съездов не было, и Сергиев Синод составлен им единолично, по видимому, по соглашению с каким-нибудь органом советской власти, играющим в РСФСР роль бывшего обер-прокурора. Как можно думать, весь процесс регистрации Синода свелся к тому, что список членов Синода был предоставлен митрополитом Сергием в НКВД, а здесь он был присовокуплен к делу. Во всяком случае, у митрополита Сергея нет никакой официальной бумаги НКВД об утверждении Сергиевского Синода в качестве исполнительного органа староправославной Церкви. Таким образом, дефективный с точки зрения канонов Церкви Сергиев Синод не имеет никакого юридического значения и по гражданским законам» (*Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 122*).



вия зарубежных врагов, подчеркивая, что их действия мешают получению легализации и упорядочению церковной жизни, и потому считал обязательным показать, что «мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством».

«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза "не только из страха, но и по совести", как учил нас Апостол (Рим. 13,5)»<sup>45</sup>.

Упоминание Варшавского убийства в декларации не случайно. Несмотря на желание и неоднократные попытки как самого митрополита Сергия, так и его последователей истолковать ключевые слова декларации о "радостях" и "горестях" в смысле радостей и горестей страны, а не советской власти, заявление о Варшавском убийстве как ударе, направленном в православных, не оставляет места никаким другим толкованиям, ясно

<sup>45</sup> Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 510–512.

показывая действительный смысл этих "радостей" и "горестей".

«И чтобы никто не думал, что это простая политическая лояльность, признание Советской власти постольку, поскольку как Божия пощущения, а именно — полное духовное братание, тут же давался интересный перечень тех бедствий режима, которые Церковь, по Сергию, рассматривает и своими бедствиями или "ударами в нас", то есть в Церковь, как выражалась Декларация. В числе таких "ударов" обозначено "убийство из-за угла, подобное варшавскому".

До сей поры, кажется, никто не обратил должного внимания на этот своеобразный "пароль", секретные слова Сергия оголтелым антихристам. Под "варшавским убийством" имеется в виду убийство русским патриотом Борисом Ковердой большевистского дипломата Войкова (он же — Пинхус Лазаревич Вайнер) в 1927 году. Теперь не все знают, кто такой был Вайнер (Войков), а тогда, в 1927 году, все, в том числе и митрополит Сергей, прекрасно знали, что он один из самых главных организаторов убийства Царской Семьи... Так, прикровенно, косвенно, но достаточно определенно для понимающих Сергей давал понять, что Церковь едина с большевиками во всех их преступлениях, начиная с главного — с цареубийства. Все управление Церковью, всеми Ее внутренними делами, то есть всей жизнью, отдавалось сергианским церковным руководством в руки заведомых и беспощадных врагов Церкви. Но так, что воля этих врагов исполнялась как воля и решение церковной иерархии... Все это в обмен на "легальное существование" церковной власти в центре ("патриархия") и обещание разрешить церковную власть на местах (епархиальные управления)»<sup>46</sup>.

---

<sup>46</sup> *Лебедев Лев, протоиерей.* Границы Церкви // Православное Обозрение. СПб., 1996. Сентябрь. № 2.

Такой ценой была достигнута пресловутая легализация, а точнее, даже еще и не легализация, а лишь ее обещание. Не получив фактически ничего, церковное руководство со своей стороны пообещало слишком много и, увы, свои обещания в отличие от богоборческих властей вынуждено, вернее, принуждено было исполнять. Этот печальный факт констатировали очевидцы — авторы церковных документов, переданных за границу:

«Получая легализацию, Церковная организация вступала в известные договорные, конечно, несчастные отношения с правительством, принимая на себя ряд обязательств. Права, полученные ею при этом, как показала история, не выходили за пределы тех, кои предусмотрены советским же законодательством, т<о> е<сть> фактически Церковь не получала ничего, обязательства же, даваемые ею, были громадны. Она допускала, признавала право правительства регулировать свою внутреннюю жизнь, т<о> е<сть> фактически вступала в такие отношения с правительством, которые напоминают положение Государственной Церкви, с наличием всех привилегий государства, предусматриваемых этим положением, и при отсутствии таковых для Церкви.

Всякий дальновидный и сознательный ум не может не понимать, что Советское государство, приобретая права вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь, не может использовать их иначе как в интересах разрушения Церкви, а поэтому признание Церковью этих прав равносильно самоубийству... Однако церковные деятели, соблазняясь легализацией, думали, что им удастся перехитрить советскую власть, что, приобретя права легальной организации, они сумеют парировать влияние советской власти на церковную жизнь, так что оно не даст своих разрушительных для Церкви последствий».

«Митрополит Сергей, издавая Декларацию, может быть, полагал, что она ни к чему не обязывает его. Однако через год он вынужден был помянуть в храмах власть, которая гонит веру, а через 2 года вынужден был в своих знаменитых интервью произнести величайшую клевету на Церковь, на себя самого, сорвав с Церкви Ее мученический венец, втопав его в грязь у ног безбожия»<sup>47</sup>.

«Первые месяцы существования "легализованного" Церковного Управления протекали под знаком колоссального перемещения личного состава иерархов. При этом митрополит Сергей осуществлял совершенно ясно принцип Тучкова: ссыльные епископы в большинстве увольнялись на покой, возвращающиеся из ссылки за отбытием срока или вообще "малонадежные", с точки зрения Советской власти, назначались на кафедры на далекие окраины. Что же касается наиболее известных, влиятельных и центральных кафедр, то туда назначались либо новые люди, либо те, кто во всеуслышание выражал свою готовность на принятие всех условий и на верность принципам декларации митрополита Сергея, т<о> е<сть> принципам услужения Советской власти»<sup>48</sup>.

Этими перемещениями ОГПУ наконец достигало своей цели — разрушить духовные связи между пастырями и паствой. По словам Михаила Польского, «сплоченность и любовь народа и пастыря для ОГПУ совершенно невыносимы. Как разъединить — для ГПУ всегда была задача, ибо через тюрьму и ссылку это совсем не достигалось. Теперь чисто законным церковным порядком связь эта прерывалась. Распоряжения о

<sup>47</sup> К вопросу о положении Православной Церкви в СССР // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 139–140.

<sup>48</sup> К вопросу о положении Православной Церкви в СССР // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 10.

перемещениях произвели немалое волнение в Церкви. И паства, и архиереи протестовали»<sup>49</sup>.

Вот что писал в это же время о перемещениях архиереев и в целом о "кадровой политике" митрополита Сергия епископ Ижевский и Вотский Виктор (Островилов):

«При испытании 1923 года и позднее ясно обнаружилось, что оплотом Православной Церкви оказались исповедники Истины — епископы, связанные неразрывною благодатною связью и любовью с их паствами. И что же делают новые враги Православия? Они перемещают таких епископов с их кафедр и их места занимают своими ставленниками, и это не единичные случаи, а совершается это в определенной системе по всей Русской Церкви. Вы можете себе представить, какой стон, плач и ужас покрыли Православную Церковь, когда в ней началось это рассечение нерассекаемого!»

«Далее, — вторым оплотом Православия оказались приходские советы. И что же опять делают новые враги Православия? Они дают наказ свести значение приходских советов на нет, и это для того, чтобы их ставленники-епископы по своему усмотрению замещали священнослужительские места. Какое теперь начнется осквернение душ нечестивыми священнослужителями, которых епископы будут рассовывать везде, и какое и те, и другие, непризнанные верующим народом, произведут ужасное разложение веры и упадок религиозной жизни»<sup>50</sup>.

---

<sup>49</sup> *Священник Михаил*. Положение Церкви в Советской России. С. 40–41.

<sup>50</sup> Из письма епископу А. от 15 января 1928 г. // «Дело митрополита Сергия. Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929» // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 129.

И митрополит Сергей действительно продолжил разрушительную политику, исполняя все, что приказывала ему власть. В октябре 1927 года он запретил по церквям поминовение заключенного духовенства. Ведь, по логике властей, в тюрьмах могут сидеть только политические преступники и поминовение их является "политической демонстрацией". На этом же основании митрополит Сергей лишал кафедр заключенных архиереев и назначал на их места других, в то время как ранее назначались только временные заместители. Затем он издал указ о возношении молений о властях за богослужением и, наконец, распорядился поминать свое имя за богослужением после имени Местоблюстителя митрополита Петра. Как писал отец Михаил Польский:

«Вся Церковь почувствовала, что митрополит Сергей совершил преступление, что он сдал управление Церковью власти безбожников и действует и будет действовать впредь под диктовку ГПУ. Митрополит получил огромное количество анонимных писем с протестами, обвинениями и оскорблениями. Вопрос о признании митрополита Сергея был поставлен в православных приходах всей страны. От Белого моря и зырянских деревень и до Черного моря — на всем пути, который я в общем проехал перед побегом своим за границу и лично сам в этом убедился. В Москве народ при встрече с митрополитом не давал ему покоя.

Один из ближайших сотрудников митрополита писал мне в Зырянский край: "Каждая баба считает своим долгом бросать митрополиту Сергию оскорбления". Я ему отвечал: "Ведь у нас, у православных, так: если и архиерей лжет, то и баба ему об этом в глаза скажет".

Некоторые священники и многие епископы явились сами к митрополиту и высказывали ему в глаза резкие обвинения. Другие епископы написали ему очень смелые про-

тесты, в которых не только перечисляли пагубные для Церкви мероприятия его, но указали на вредность и бессмысленность самого союза Церкви с такою гражданской властью»<sup>51</sup>.

Одним из первых обратился к митрополиту Сергию епископ Виктор (Островидов), по прочтении посчитавший невозможным огласить июльскую декларацию в своей епархии и отославший ее обратно. В октябре 1927 года владыка Виктор написал митрополиту Сергию первое письмо-уведомление, в котором умолял его отказаться от разрушительной политики. Митрополит ответил резким упреком и вскоре издал указ о перемещении епископа Виктора. Владыка отказался подчиниться и обратился с новым письмом, отметив в нем главное — он не приемлет распоряжение о своем перемещении, дабы это не было расценено как согласие его с декларацией и послушание Синоду: «Не придется ли мне за это послушание отвечать перед Богом, ибо оно, по существу, объединяет меня с людьми, от Бога удалившимися. А что воззвание действительно достойно многих слез и что удаляет человека от Бога, — об этом я свои мысли изложил особо в форме письма к ближним, которое здесь прилагается». Приведем выдержку из этого документа:

«Но пусть узнают все, что последняя декларация-воззвание от 16/29 июля с <его> г<ода> митрополита Сергия — есть явная измена Истине (Иоан. XIV, 6). Св. Церковь, которую стяжал себе Господь, Кровию Своею от мира сего (Деян. XX, 28), и которая есть Тело Его (Колос. I, 24), а для всех нас — дом вечного благодатного спасения от сей

---

<sup>51</sup> *Священник Михаил. Положение Церкви в Советской России. С. 42.*

жизни-погибели, — ныне эта святая Божия Христова Церковь приспособляется на служение интересам не только чуждым ей, но и даже совершенно не совместимым с ее Божественностью и духовной свободой... И если ныне через "воззвание" Церковь объединяется с гражданской властью, то это не простой внешний маневр, но вместе с тяжелым поруганием, уничтожением Церкви Православной здесь совершен и величайший грех отречения от Истины Церкви, какового греха не могут оправдать никакие достижения земных благ для Церкви»<sup>52</sup>.

Епископа Виктора сразу же поддержали в Вятке четыре храма (из них два собора), монашествующие и Глазовское духовное управление. К ним стали присоединяться другие приходы Вятской епархии, и вскоре антисергианское движение охватило всю Вятскую и соседние епархии. По своему размаху это движение не уступало подобному же антисергианскому движению в Петроградской епархии, начавшемуся почти одновременно с "викторианским"<sup>53</sup>.

Петроградская епархия стала своего рода центром антисергианской оппозиции. Петроградские архиереи,

---

<sup>52</sup> Из "Письма ближним" епископа Виктора // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 129–130.

<sup>53</sup> Ход событий в Петроградской и Вятской епархиях подробно освещен в предыдущих книгах нашей серии: «Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский». Жизнеописание и труды. СПб.: Кифа — М.: Братонез, 2011; «Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и страдальцы». Жизнеописания и документы. — М.: Братонез, 2008; «Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян». — М.: Братонез, 2009; «Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов)». — М.: Братонез, 2010.



Гдовский Димитрий (Любимов) и Нарвский Сергей (Дружинин), так же как и епископ Виктор отделившиеся от митрополита Сергия в конце декабря 1927 года, действовали не просто от своего имени, малоизвестных викариев, а по благословию своего епархиального митрополита — высокопреосвященного Иосифа (Петровых), авторитет которого лишь по самому титулу — Петроградский — уже был на недосягаемой высоте. Недаром все движение стали называть "иосифлянским", и его участники, воодушевленные поддержкой митрополита, в первое время надеялись увлечь если и не большинство, то значительную часть духовенства и православного народа в России... К петроградским архиереям сразу стали обращаться многие клирики из разных епархий страны. И, таким образом, Петроград с его авторитетом бывшей столичной кафедры оказал самое решительное влияние на развитие исповеднического движения в Русской Церкви.

Примечательно, что этого ожидали сначала от московских архиереев. Так, епископ Виктор в письме от 29 декабря 1927 года, адресованном знакомому в Москве, повествуя о церковных событиях в Вятке и Глазове и отмечая, что темп церковной жизни у них там был гораздо сильнее, чем в столице, выражал надежду, что и Москва начнет действовать, «а не пассивно только переносить надругательства над Православной Церковью», и подчеркивал, что это необходимо и должно послужить ободряющим примером и для остальных епархий<sup>54</sup>.

Москва вскоре стала действовать, однако совсем не в тех масштабах, как ожидалось. В отличие от бывшей столицы здесь все-таки не нашлось архиерея, который смог бы возглавить оппозиционное митрополиту Сер-

<sup>54</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об. — 127.

гию движение. Самое большое, что сделали несогласные с митрополитом архиереи, — ушли на покой, отказались от участия в делах митрополита Сергия и его Синода. Хотя и это само по себе было уже смелым поступком и влекло за собой не только неприятности и неудобства, но и репрессии<sup>55</sup>, однако не могло устроить наиболее последовательных ревнителей церковной свободы. И потому они стали также обращаться к петроградским архиереям.

---

<sup>55</sup> Когда епископ Серафим (Звездинский) в октябре 1927 года отказался от управления Дмитровским викариатством, митрополит Сергей заявил: «Что это? Протест? Несогласие с Синодом? Нежелание договориться? А знаете, что митрополит Петр за свою несговорчивость поехал в Хе — в Заполярье, а вы будете не в Хе, а в хе-хе-хе». Цит. по: «Все вы в сердце моем»: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима, епископа Дмитровского / Сост. И. Г. Менькова. — М: Изд-во ПСТГИ, 2001. С. 74.



## Антисергианское движение в Москве

В Москве декларация митрополита Сергия и его политика, как и повсюду, вызвали протесты и неприятие у многих священнослужителей и ревностных мирян. Протоиерей Валентин Свенцицкий в ответ на вопрос епископа Виктора писал осенью 1927 года: «Вы спрашиваете, как отнеслась Москва к воззванию? Да так же, как и в былые годы к обновленчеству: все искренние люди возмущены, наипаче верующий народ, предатели же делают вид, что искренно согласны. Но, разумеется, ни один человек в душе из "соглашающихся" не считает себя правым»<sup>56</sup>.

О неприятии декларации или, по крайней мере, о равнодушном отношении к ее появлению и последствиям свидетельствует широкое хождение в московских церковных кругах целого ряда документов, подвергающих острой критике как декларацию, так и тот путь, на который она поставила ее сторонников. Многие из этих документов были составлены непосредственно в

---

<sup>56</sup> Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года... С. 206.

Москве. Так, очевидно, одним из самых первых откликов на декларацию явился московский документ, получивший название по первым словам предваряющего его эпиграфа «Уста священника...»<sup>57</sup>. Резкое обличение декларации и политики Синода митрополита Сергия в этом документе основывалось на глубоком знании Слова Божия и церковного предания и во многом перекликалось с письмами епископа Виктора. И это вполне объяснимо.

Вот, к примеру, что писал протоиерей Валентин Свенцицкий, ознакомившись с присланной ему по поводу декларации запиской владыки Виктора "Мысли православного христианина": «Я подписываюсь решительно под каждым словом присланных "мыслей" и дополнений к ним. Не замечательно ли, что в разных местах России (я имею сведения из других мест) люди церковные приходят к одному и тому же мнению о воззвании "Синода". Ясно, что это уже не мысли отдельных людей, а церковное сознание»<sup>58</sup>.

В связи с октябрьским указом митрополита Сергия о поминовании властей распространяются новые документы. Позднее их появляется еще больше: и это уже не просто отдельные листовки, письма, заметки, а целые брошюры, почти книги, обширные и серьезные исследования с глубоким анализом церковной ситуации и взаимоотношений Церкви и государства. Их переписывают от руки, перепечатывают на пишущих машинках, порой умудряются размножить и на копировальной

---

<sup>57</sup> Из книги пророка Малахии: «Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути его, для многих послужили соблазном в законе...» (Малах. 2, 7).

<sup>58</sup> Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года... С. 206.

технике (например, это делал на стеклографе Ленинградской военно-технической академии работавший там бывший подполковник русской императорской армии Константин Петрович Коверский)<sup>59</sup>.

Примечательны слова Валентины Михайловны Лосевой, активно участвовавшей в перепечатке и распространении церковных документов в Москве, утверждавшей на допросе в 1930 году, что в то трудное время лишь таким образом могла проявить себя живая мысль Церкви: *«Мне казалось, что в этих листовках православная мысль ищет правильных путей, познает, что такое Церковь, послушание, авторитет и т<ак> д<алее>, что все эти листочки как бы соборное мнение Церкви... в важную для нее историческую эпоху»*<sup>60</sup>.

Распространение и хранение подобных документов рассматривалось властями как серьезное преступление и жестоко каралось, а сами документы, изъятые при арестах, приобщались к материалам следственных дел в качестве "вещдоков"<sup>61</sup> "контрреволюционной" или "антисоветской" деятельности церковников (именно по этой причине документы и сохранились в архивах до наших дней; отдельные копии попали в свое время за рубеж и стали известны благодаря публикациям в изданиях Русской Зарубежной Церкви).

В целом эти документы как уникальный исторический источник еще ждут вдумчивого и внимательного исследования. Являясь выражением церковного сознания, плодом напряженного мыслительного труда многих искренних пастырей и верных чад Церкви, они до-

<sup>59</sup> Следственное дело петроградских иосифлян. 1929–1930 годы // Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-78806. Т. 1. Л. 508.

<sup>60</sup> Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 244.

<sup>61</sup> "Вещдок" — вещественное доказательство.

носят до нас не только подлинные голоса исповедников, но и живой поучительный опыт разрешения сложнейших вопросов, перед которыми была поставлена Русская Церковь и которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Думается, что публикация подобных документов в полном объеме весьма своевременна, и в Приложении данной книги небольшая их подборка помещена<sup>62</sup>.

Точно установить авторство и место написания всех документов не представляется возможным, но в отношении ряда из них можно предполагать, что они были написаны в Москве. Некоторые даже имеют указание — "московский документ". Кроме того, точно известно, что в Москве была составлена своего рода целая книга из таких документов под названием "Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1917–1928 г<одов>". Она представляет собой машинописный сборник в 453 страницы с перечнем документов и распределением их по разделам; год издания указан — 1929, а место — таинственный "Китежъ". Известны два экземпляра этого сборника. Один экземпляр попал за границу к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и позднее был им передан в Русский зарубежный исторический архив в Праге<sup>63</sup>. Второй экземпляр сборника, изъятый при арестах в 1946 году, обнаружен в следственном деле верующих одной московской об-

<sup>62</sup> Знаменательно, что во многих своих положениях и в самом основополагающем — о взаимоотношении Церкви и богоборческого государства — они созвучны мыслям священника Михаила Польского из вышеупомянутого очерка о положении Церкви в Советской России. И не случайно, но об этом речь еще впереди.

<sup>63</sup> После Второй мировой войны этот архив попал в СССР и в настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации.

щины, не поминавших митрополита Сергия<sup>64</sup>. Он «является точным повторением первого, будучи второй машинописной закладкой одной и той же перепечатки»<sup>65</sup>.

Первый экземпляр был вывезен за границу, как теперь определенно известно, астрономом Михаилом Брендстедом, принимавшим активное участие в церковной жизни Москвы в 1920-е годы; о нем есть упоминание в материалах следственного дела «*Всесоюзной организации ИПЦ*»<sup>66</sup>. В «Обвинительном заключении» указано, что следствие в отношении этого «*астронома*» выделено в особое производство, так как известно, что он собирал церковную информацию с целью передачи за рубеж через дипломатическую миссию и что это удалось, судя по начавшимся выступлениям среди эмигрантов в поддержку истинно-православных христиан. Однако розыски «астронома» с замысловатой фамилией, предпринятые ОГПУ в 1931 году, ни к чему не привели. В июле 1930 года М. Брендстед уже был во Франции. Как датскому подданному ему удалось выехать из СССР и перебросить за границу дипломатической вализой значительное количество рукописей, в том числе большой сборник церковных документов (250 листов), о чем он по своему приезду во Францию сразу написал Н. А. Бердяеву<sup>67</sup>.

---

<sup>64</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Н-18691.

<sup>65</sup> *Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. — С. 172.

<sup>66</sup> Правда, его непростая фамилия (датского происхождения) в материалах дела искажена, причем самым причудливым образом: в протоколах допросов встречается и «Бертстедт», и «Бернст-рем», и «Бретстед».

<sup>67</sup> Именно это его письмо недавно было обнаружено в Государственном архиве литературы и искусства в Москве.

В письме М. Брендстед писал о своих знакомствах в религиозно-философских кругах интеллигенции, преимущественно православных церковников, и о своей работе на церковном поприще, в том числе и об активном участии в сборе документов. В письме имеется ряд важных свидетельств: например, о том, что документы собирались под руководством Михаила Александровича Новоселова, «получившего пострижение в епископский сан» и «стоявшего во главе движения против митрополита Сергия», а «затем весь сборник был тщательно отредактирован покойным протоиереем Федором (Андреевым), бывшим главным советником и помощником у епископа Димитрия»<sup>68</sup>. Сообщение о епископстве Новоселова, по мнению О. В. Косик<sup>69</sup>, опубликовавшей данное письмо, «может расцениваться как аргумент в подтверждение распространенной версии относительно тайной епископской хиротонии М. А. Новоселова, до сих пор эта версия не имела документальных подтверждений»<sup>70</sup>.

Михаил Александрович Новоселов, несомненно, центральная фигура в антисергианском движении Москвы. Независимо от того, имел он или нет архиерейский сан, его влияние было значительным, если не сказать решающим. Об этом уже неоднократно упоминалось в церковно-исторической литературе, однако подробных исследований до сих пор еще не проведено.

<sup>68</sup> Косик О. В. Указ. соч. С. 181.

<sup>69</sup> Старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

<sup>70</sup> Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. — С. 182. (И надо добавить, что, после того как эта версия впервые прозвучала в публикациях середины 1990-х годов, она подвергалась жесточайшей критике и напрочь отвергалась многими исследователями.)



В различных публикациях, в той или иной мере затрагивающих церковную историю конца двадцатых — начала тридцатых годов, как правило, лишь в самых общих чертах повторяется краткое изложение информации из первых обзоров следственных дел. А в отдельном его жизнеописании, составленном как житие мученика, этому вопросу вообще не уделяется внимания, и в нескольких строчках лишь упомянуто вскользь о его присоединении к антисергианскому движению<sup>71</sup>.

Между тем это был один из самых драматических моментов в жизни Михаила Александровича, собственно, кульминационный этап его церковно-общественной деятельности, всегда отличавшейся искренностью и ревностью, а в боготорческом государстве неизбежно приобретающей исповеднический характер. Надеемся, что еще придет время для написания серьезного труда как об этой исповеднической деятельности М. А. Новоселова, так и в целом о его яркой жизни, увенчанной мученической кончиной. Здесь же ограничимся лишь самыми необходимыми сведениями о его участии в развитии церковных событий в Москве.

Михаил Александрович Новоселов пользовался большим авторитетом в церковных кругах еще до революции. Преодолев увлечение толстовством в молодости, он вернулся в Православную Церковь и отдал ей все силы своей души. Главным его поприщем стало христианское просвещение, ибо именно в нем, как это ни странно, более всего нуждалась Россия на десятом веку своей христианской истории. С 1902 года Михаил Александрович начал издавать религиозно-философскую библиотеку, где затрагивались самые насущные

---

<sup>71</sup> Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь / Сост. Игумен Дамаскин (Орловский). — Тверь: Издательство «Булат», 2001. — С. 83.

вопросы веры, сильно пошатнувшейся в русском народе, и особенно у представителей интеллигенции<sup>72</sup>. В 1907 году организовал "Кружок ищущих христианское просвещение"<sup>73</sup>; много лет состоял членом Училищного совета при Св. Синоде и в 1912 году избран был почетным членом Московской духовной академии.

После Октябрьской революции Михаил Александрович участвовал в работе Совета объединенных приходов; в 1922 году активно включился в борьбу с обновленцами. Тогда же перешел на нелегальное положение — после того как к нему на квартиру явились чекисты с ордером на арест, он стал скрываться (и при этом не сбрасывал бороду)<sup>74</sup>, жил в разных местах у друзей. Однако не прекратил своей борьбы за чистоту Пра-

---

<sup>72</sup> Всего вышло 39 выпусков, кроме того, еще много отдельных листков и книг. «Уже название первого выпуска говорило о программе и направлении будущего издательства, желающего привлечь внимание к великим духовным сокровищам, добытым святыми отцами и подвижниками, но забытым и невостребованным неблагодарными потомками» (*Новоселов М. А. Письма к друзьям / Предисловие Е. С. Полищука. — М.: ПСТБИ, 1994. — С. XIV.*).

<sup>73</sup> «Главное, что отличало "Кружок ищущих христианского просвещения", — его строго церковное направление: он принципиально ставил себя внутрь церковной ограды, пользовался покровительством ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского) и духовно окормлялся старцами Зосимовой пустыни. На его заседаниях царил подлинно православная атмосфера» (*Новоселов М. А. Письма к друзьям / Предисловие Е. С. Полищука. — М.: ПСТБИ, 1994. — С. XXIII–XXIV.*).

<sup>74</sup> И на замечание Пришвиной: «Вам надо обрезать бороду, она вас выдает», — шутливо отвечал: «Что ты? Разве ты не знаешь, как наши предки боролись с Петром Великим за свои бороды? Это была не просто борьба за привычку, они были убеждены, что борода есть символ священного благообразия...» (*Пришвина В. Д. Невидимый град. — М.: Молодая гвардия, 2003. — С. 261.*).

вославия; именно в это время им составлены знаменитые "Письма к друзьям". Они представляли собой не только реальные письма с ответами на вопросы друзей, но и серьезные религиозно-публицистические работы, посвященные как различным проблемам современной церковной жизни, так и догматическим вопросам о Церкви и ее отношении к миру, предназначенные для широкого распространения в церковных кругах.

Всего известно двадцать таких писем. Примечательно, что последнее письмо было написано 31 декабря 1927 года после всенощной и новогоднего молебна (то есть 13 января 1928 года по новому стилю; а предыдущее — в Неделю Всех Святых 1927 года, то есть более чем за полгода до последнего). Подводя итоги прошедшего года, Михаил Александрович писал, что не ошиблись те, кто предсказывал, что 1927 год будет чрезвычайно тяжел для Церкви Божией, и из множества ударов, нанесенных Церкви за этот год, указывал на два — кощунственный разгром и опустошение Саровского и Дивеевского монастырей. «Нужно ли разъяснять, что потеряли православные русские люди с уничтожением этих обителей? Кто хоть однажды побывал там и в прилежавшей к ним, также опустошенной обители Понетаевской, тот сердцем чувствует, какого источника религиозного воодушевления, духовной бодрости, особенно необходимой в наше тяжкое время, он лишился».

Но еще большим бедствием М. А. Новоселов считал иное испытание — «несравненно тягчайшее: накрепился и повис над бездной весь церковный корабль». Об этом испытании он больше ничего не писал, только заметил: «Небывалое искушение подкралось к чадам Церкви Божией. Новые сети раскинул князь мира сего — и уже уловил множество душ человеческих». И прибавил, что его друзья об этом были многократно и многообразно

предуведомлены (очевидно, через различные письма и листовки). В письме же он хотел их подбодрить и укрепить в вере в неодолимость Церкви, предлагая ознакомиться с конспектом замечательной статьи о Церкви профессора Киевской духовной академии<sup>75</sup>. По мнению Михаила Александровича, мысли автора этой статьи, вдумчивого созерцателя, «способны осветить путь Церкви Божией и исполнить сердца чтущих их утешением и упованием, столь потребными в переживаемые нами дни скорбных испытаний».

И далее он излагал действительно глубокие и утешительные для верующего христианского сердца мысли об историческом пути Церкви, о таинственной взаимосвязи судеб народов и государств с судьбами Церкви, о пределах и сроках пребывания Церкви на земле; подчеркивал мысль о том, что Церковь в существенных условиях своего бытия не зависит ни от какого царства человеческого — «Церковь Христова не отвергает содействий человеческих и покровительства земных властей для внешнего своего спокойствия и благолепия, но продолжение Ее существования, Ее непоколебимость на земле существенно не обуславливаются силами человеческими. Церковь сама в себе заключает всю полноту Божественных сил для непрерывного и непоколебимого своего существования...».

«Чудными и не всегда постижимыми путями ведет Церковь к победе и торжеству Божественный Вождь и Владыка Ее! Среди непрерывной брани со врагами Она то в царственном величии объемлет собою целые страны земли, то сокращается в тесные пределы немногих народов; то в великолепии и славе воздвигает храмы Свои и спокойно славословит в них Господа, то в нищете и гонении, под мечем и огнем исповедует Имя Хри-

---

<sup>75</sup> Издана в 1860 году в "Трудах Киевской духовной академии".

стово; то побеждает и торжествует над врагами своими, то в поношении от них страдает и бодрствует. Но при всех переменах судьбы брани своей она в истинных членах непрестанно и неуклонно идет к цели своей, и среди спокойствия и тишины, и среди скорбей и бедствий в Ней зиждется истинное, вечное счастье человека. **БЛАЖЕН ЧТЫЙ И СЛЫШАЩИЙ СЛОВЕСА ПРОРОЧЕСТВИЯ** о будущих судьбах Церкви и **СОБЛЮДАЮЩИЙ ПИСАННАЯ В НЕМ**, — восклицает святой созерцатель великих и дивных судеб Ее (Откр. 1, 3). Блажен, кто, внимая откровению Господа о судьбе Церкви Божией, не усумнится в истине торжества Ее над врагами или окончательной, совершенной победе Основателя и верховного Владыки Ее над древним змием, човекоубийцей искони, восставшим против Него всеми силами и средствами ада! Блажен, кто уповает на всемогущество кроткого Агнца, закланного для спасения мира, и кто не отступит от Него среди тяжких искушений, постигающих Церковь по коварству древнего врага Ее, и не выйдет из ряда добрых воинов Христовых, воодушевляясь упованием на участие во всемирном торжестве Церкви Христовой, имеющем открыться по скончании мира»<sup>76</sup>.

«Эти прекрасные, воодушевительные строки примите как прощальное заключительное слово ко всем моим беседам, которые я приостанавливаю на неопределенное время», — писал Михаил Александрович в последних строках. И эти слова, как и все письмо, действительно звучали как своего рода завещание новомученика, коим он завершал свои двадцатипятилетние труды на церковно-просветительском поприще. И хотя еще более года М. А. Новоселов оставался на свободе и

<sup>76</sup> Новоселов М. А. Письма к друзьям / Предисловие Е. С. Полищука. — М.: ПСТБИ, 1994. — С. 280–281, 285.

продолжал свою активную церковную деятельность, в том числе и писательскую, но все это уже было в ином жанре. Вести спокойные продолжительные беседы, углубляться и подолгу сосредотачиваться на догматических и отвлеченных вопросах он просто не имел возможности.

Церковные события разворачивались стремительно, и реагировать на них нужно было быстро и решительно; тем более что в самой гуще этих событий Михаил Александрович уже пребывал с осени 1927 года. Активно включившись в нарастающее антисергианское движение, он вместе с протоиереем Феодором Андреевым в Петроградской епархии принимал участие в собраниях, обсуждениях, написании документов и в конечном счете в обосновании отложения от митрополита Сергия петроградских архиереев и клириков, официально объявленном 13/26 декабря 1927 года. Как утверждал на допросе петроградский протоиерей Василий Верюжский: *«Инициатива нашего отхода от митрополита Сергия или, по крайней мере, последний толчок к нему принадлежали, по моему мнению, именно М. А. Новоселову»*<sup>77</sup>.

С сообщением об отложении петроградских клириков от митрополита Сергия Михаил Александрович побывал в Ростове у митрополита Иосифа (Петровых). В своих показаниях на допросе позднее он признал: *«К митрополиту Иосифу я ездил с письмом от епископа Димитрия и просил его стать каноническим главой нового течения, идущего против сергиевской декларации»*<sup>78</sup>. В известном ныне ответном письме митрополита, начинающемся словами: «Дорогой владыка! Узнав

<sup>77</sup> Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.-П. 83017. Т. 1. Л. 263.

<sup>78</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 150.

от М. А. о принятом Вами решении, нахожу (и после ознакомления со всеми материалами), что другого выхода нет», — под инициалами "М. А.", вероятно, имел в виду как раз Михаил Александрович Новоселов<sup>79</sup>.

Новоселов и раньше уже приезжал к митрополиту Иосифу, беседовал, как сказал митрополит, «о положении в Церкви, создавшемся после декларации Сергия», «говорил о том, что позиция декларации неприемлема для верующего народа и, в частности, для каких-то "ревнителей церковных из интеллигенции"... о нас же, представителях иерархии, говорилось, что и нам тоже пора сказать свое слово».

Михаил Александрович старался побудить архиереев и клириков к решительным действиям, объединить и организовать протестное антисергианское движение, придать ему каноническую форму и иерархическое возглавление. Об этом же свидетельствовал и архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), состоявший в переписке и лично хорошо знавший М. А. Новоселова. Архиепископ Серафим глубоко уважал Михаила Александровича и прислушивался к его мнению. По словам митрополита Иосифа, владыка Серафим говорил ему, что «Новоселова слушаться иногда невредно», и «под впечатлением Новоселова Серафим подготавливал какой-то протест против декларации митрополита Сергия».

Имел влияние М. А. Новоселов и на митрополита Ярославского Агафангела. И потому, как показал позднее на допросе владыка Иосиф: «На отход Агафангела и его группы, на их оформление в самостоятельное течение — он повлиял в том смысле, что подлил, как го-

---

<sup>79</sup> А не митрополит Агафангел, как предполагал Иоанн Снычев. См.: Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. — Самара, 1997. — С. 225.

*ворится, масла в огонь: он подтолкнул их на том пути, — на котором они уже стояли»<sup>80</sup>. 26 января/8 февраля 1928 года была подписана так называемая Ярославская декларация — обращение ярославских архиереев к митрополиту Сергию с извещением об отделении от него и Синода.*

Таким образом, Михаил Александрович сыграл решающую роль в развитии не только петроградских, но и ярославских событий. Это отмечали и агенты власти, недаром в материалах целого ряда следственных дел М. А. Новоселов неизменно именуется руководителем и создателем «*контрреволюционной организации церковников*»<sup>81</sup> и характеризуется как «*один из представителей реакционной части русской интеллигенции, которая боролась с Сов<етской> властью через Церковь*»<sup>82</sup>. Активная деятельность М. А. Новоселова особо отмечена в "Обвинительном заключении" по групповому делу петроградских иосифлян: «*М. А. Новоселов развивает лихорадочную деятельность, стремясь объединить разрозненное антисергианское духовенство и иерархов, придать их выступлениям организованный характер; побудить их увлечь за собой массы на борьбу с Сов<етской> властью и за ее свержение путем выступлений и восстаний под религиозно-фанатическими лозунгами*»<sup>83</sup>.

Идеологами отхода от митрополита Сергия называла Михаила Александровича, а также и своего супруга, протоиерея Феодора Андреева, Наталья Николаевна Андреева. Причем, по ее словам, влияние М. А. Новоселова было настолько велико, что он «*из боязни, как*

---

<sup>80</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 337.

<sup>81</sup> Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 7.

<sup>82</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 624.

<sup>83</sup> Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 8.



*бы его именем не стали называть это новое образование, как, например, в Москве, где отошедших от митрополита Сергия называли "новоселовцами", старался держаться в стороне, беседуя преимущественно с моим мужем»<sup>84</sup>.*

В Москве, как показал на допросе сам Новоселов, *«нашими были церкви Воздвижения на Воздвиженке, Николая на Ильинке, Грузинской Божьей Матери»*. В Твери он был связан с протоиереем Александром Левковским — *«там от Сергия отложился женский монастырь»*, и *«в Серпухове у нас было церковью 12»<sup>85</sup>*.

Первыми отделились от митрополита Сергия настоятель московского храма Никола Большой Крест на Ильинке протоиерей Валентин Свенцицкий и клирики Серпухова. 30 декабря 1927 года по старому стилю (то есть 12 января 1928 по новому)<sup>86</sup>, буквально накануне написания М. А. Новоселовым последнего письма к друзьям, они заявили об этом в официальных обращениях митрополиту Сергию, указав, что действуют по благословию епископа Гдовского Димитрия. Обстоятельства их обращения к владыке Димитрию точно неизвестны, но, очевидно, что это происходило именно через М. А. Новоселова.

Осенью и в декабре 1927 года М. А. Новоселов часто приезжал в Ленинград и, вероятно, даже большую часть времени пребывал там, с Москвой же поддерживал постоянную письменную связь, там основными его корреспондентами по общецерковным делам были суп-

---

<sup>84</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 625.

<sup>85</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 150.

<sup>86</sup> С такой датой оба документа опубликованы в сборнике документов «Акты Святейшего Патриарха Тихона...» (С. 553, 547). Однако датировка письма отца Валентина Свенцицкого может быть ошибочна.

руги Лосевы. В материалах следственного дела «*Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"*» имеется целый ряд писем М. А. Новоселова. В "Обвинительном заключении" по этому делу особо отмечалось: «*Переписка Новоселова с Лосевым носила полушифрованный характер. Новоселов в переписке назывался "гостенькой"; Лосев — "философом"; ГПУ — Глафирой Петровной; "заболеть" означало быть арестованным; "переход в другой трест" — означал измену организации*»<sup>87</sup>.

Во время следствия руководящая роль в «*контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ*» наряду с М. А. Новоселовым отводилась также и профессору Алексею Федоровичу Лосеву. По версии следователя, из группы антисоветски настроенных профессоров, с 1922 года собиравшихся на квартирах у Лосевых, к 1928 году образовался церковно-политический центр организации, ставящий своей задачей использовать Православную Церковь в активной борьбе с советской властью. Этот центр якобы создал церковно-административный центр в Ленинграде во главе с митрополитом Иосифом (Петровых) и его заместителем, архиепископом Димитрием (Любимовым), откуда распространил свое влияние по всей стране через свои «*филиалы*». В материалах дела неоднократно подчеркивалась «*роль НОВОСЕЛОВА как организатора контрреволюционной организации и как политического советника при ленинградском центре*».

<sup>87</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 630. Приведем другие шифрограммы: "товар ДО" — духовные отцы и монахи, "появилась эпидемия" — начались массовые аресты, "больница" — тюрьма, "авария" — тайная поездка в Ленинград, "экскурсия" — временно скрыться.

«Как уже было выше сказано, "церковно-политический центр" ставил своей задачей общеполитическое руководство организацией, которое осуществлялось путем воздействия на находившийся в Ленинграде ее церковно-административный центр. Наблюдение за этим центром и работа с ним проводилась НОВОСЕЛОВЫМ и женой видного ленинградского попа — АНДРЕЕВА — Натальей Николаевной АНДРЕЕВОЙ, дочерью профессора, через которую велась переписка НОВОСЕЛОВА с профессором ЛОСЕВЫМ»<sup>88</sup>.

По свидетельству супруги Лосева, Валентины Михайловны Лосевой, она действительно писала Новоселову на имя Натальи Николаевны Андреевой. Новоселов в свою очередь информировал Лосевых о делах в Ленинграде, пересылал различные документы, просил их передать или размножить. «Все было вполне в порядке вещей для жены Лосева — ходить по поручениям Новоселова, принимать от него через незнакомых светских и духовных лиц письма... Новоселов как личность производил сильное впечатление, "трогала его беспомощность", его "моральное величие". Он был организатор приходской жизни, хотя к определенному приходу не принадлежал. Ему, признавалась на допросе Валентина Михайловна, "я не могла отказать" и потому взяла на хранение его документы, составившие большой церковный архив»<sup>89</sup>.

Валентина Михайловна Лосева, судя по ее показаниям, познакомилась с М. А. Новоселовым незадолго до 1927 года в церкви на Поварской в Ржевском переулке. До этого, очевидно, Михаил Александрович не имел отношения к кружку Лосевых и не принимал участия в

<sup>88</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 631.

<sup>89</sup> Тахо-Годи А. А. Лосев. — М.: Молодая гвардия, 1997. — С. 115.

его деятельности. Так, его имени нет среди названных во время следствия участников собраний, проходивших постоянно с 1922 года у Лосевых, Егорова или Попова, где зачитывались и обсуждались доклады по философским и церковным вопросам. Не упоминает имени М. А. Новоселова в своей книге о А. Ф. Лосеве и А. А. Тахо-Годи, подробно перечисляя участников собраний, их доклады и документы, ими подписанные, главным образом посвященные имяславия, которое для Лосевых было не только исповеданием веры, но и основой научных трудов.

Деятельность имяславского кружка, сложившегося вокруг Лосевых в 1922–1927 годах, — это отдельный, еще мало исследованный вопрос. Прямого отношения к нашей теме он не имеет, несмотря на то что в материалах основного группового дела антисергианской оппозиции — «Всесоюзного центра ИПЦ» — именно этот кружок следствием был представлен как *«политический центр контрреволюционной организации»*, осуществлявший руководство антисоветской деятельностью во всесоюзном масштабе и готовящий свержение советской власти.

Однако на самом деле роль этого кружка преувеличена до невероятных размеров. Никакого политического центра он собой не представлял и никакого руководства, да еще во всесоюзном масштабе, осуществлять не мог. Его участники, так же как и Алексей Федорович Лосев, по большей части кабинетные ученые-теоретики, талантливейшие в своей области и искренне верующие люди, действительно не признавали богоборческую власть и занимали одну из самых крайних позиций по отношению к ней. Но никакой практической, а тем более повстанческой деятельности, конечно же, реально вести были не способны — их противостояние и борьба были чисто идейными. И хотя, как указывается в "Об-

винительном заключении", «профессор ЛОСЕВ признал, что повстанчество — логический вывод из их платформы», никаких практических шагов для применения своих идей ни Лосев, ни его единомышленники не делали. На допросе 11 октября 1930 года он утверждал: «Ни я, ни кто-либо другой не имели, конечно, в виду, что наши, антисоветские по существу, идеи будут использованы улицей или вообще активными а<нти>сов<етскими> элементами для восстания»<sup>90</sup>.

То же самое и в отношении использования Церкви в качестве «орудия борьбы с Советской властью», о чем А. Ф. Лосев дал подробные показания. Здесь помимо докладов и теоретических рассуждений предпринимались некоторые реальные действия, но они также ничем не заканчивались. Так, в 1923 году от Патриарха Тихона требовали «политики патриарха Гермогена», то есть, как показал Лосев на допросе, «подразумевалась такая политика, когда Церковь ведёт политическую организационную борьбу против врагов русского народа и Церкви. И если бы патриарх стал на эту точку зрения целиком, то Церковь должна была бы явиться организатором движения верующих против советской власти»<sup>91</sup>.

«Когда оказалось, что патриарх Тихон не считает предлагаемый ему метод действия целесообразным и при беседе с делегацией от группы отказался от ведения предлагаемой ему политики, участники последней решили создать оппозиционную группу епископов, настаивающую на необходимости более активной анти-советской деятельности»<sup>92</sup>.

<sup>90</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 612.

<sup>91</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 604.

<sup>92</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 604.

Однако кроме «переговоров с епископом Ювеналием»<sup>93</sup>, не увенчавшихся успехом, каких-то действий священника Никиты на Украине и «обработки попа Владимира Воробьева» в Москве, также безуспешной, в материалах следственного дела нет ничего об этой «анти-советской работе с Церковью». Только отмечено: «По признанию участников группы, они не добились сколько-нибудь удовлетворительных результатов в области влияния на церковные течения, исключая религиозно-фанатическую организацию "Имяславцев" на Кавказе, у которых борьба с Сов<етской> властью и монархизм были возведены в степень догмы»<sup>94</sup>.

С конца 1927 года московские имяславцы, воодушевленные развитием антисергианской оппозиции, попытались более активно участвовать в церковном движении. «Шли разговоры с профессором ЛОСЕВЫМ о том, что хорошо бы объединить отдельных лиц в церковное течение, которое было бы действительно честным и не вело бы политики компромиссов с советской властью»<sup>95</sup>. Но опять-таки все эти разговоры так и остались бы лишь разговорами, не подключись «к работе с церковниками» М. А. Новоселов.

Московские имяславцы пытались подвести свои идеи под антисергианское движение. Как отмечалось в "Обвинительном заключении": «Профессором ЛОСЕВЫМ и ЕГОРОВЫМ был выпущен документ "Большое имяславице", в котором советская власть трактовалась как наказание всему русскому народу, как "ужасное сатанинское десятилетие" и предлагалось

---

<sup>93</sup> Вероятно, речь идет о епископе Иувеналии (Масловском), с 1928 года занимавшем Рязанскую кафедру.

<sup>94</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 605.

<sup>95</sup> Из показаний А. В. Сузина от 14 ноября 1930 года // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 616.

для борьбы с ней сплотиться около церкви, встав на имяславческую точку зрения»<sup>96</sup>.

Профессор Дмитрий Федорович Егоров на допросе 3 ноября 1930 года показал: «Когда мы (я и ЛОСЕВ) окончательно редактировали наш принципиальный документ, обращенный к отходящим от Сергия, мы имели в виду, что одного только недовольства политикой Сергия недостаточно для отложения, т<ак> к<ак> такое отложение будет незаконным (неканоничным), и что поэтому под отложение должна быть подведена другая, а именно догматическая основа»<sup>97</sup>.

Однако и здесь имяславцы не имели никакого успеха; за исключением кавказских монахов, никто из антисергианской оппозиции "на имяславческую точку зрения" не встал. И ни в одном из известных документов оппозиции (опять-таки за исключением составленных либо кавказскими имяславцами, либо московскими из группы Лосева) об имяславии нет ни слова. Более того, нет подобных документов и в упомянутом сборнике "Дело митрополита Сергия". Несмотря на то что сборник составлялся М. А. Новоселовым и протоиереем Феодором Андреевым при участии Лосевых, они не сочли нужным включить ни один из имяславческих документов, в том числе и программный "Большое имяславие".

А. Ф. Лосев признавал, что у них были разные взгляды как с митрополитом Иосифом (Петровых), так и с другими церковными деятелями. В "Обвинительном заключении" по центральному делу значилось: «Об отношении центра к митрополиту Иосифу ПЕТРОВЫХ, одному из лидеров упоминаемого наиболее реакционного течения церковников, ЛОСЕВ пока-

<sup>96</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 628.

<sup>97</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 611.

зывает: "Единственным связывающим нас с ним моментом был антисоветский момент, которым было насыщено это новое течение, что отвечало, до известной степени, моим и моих знакомых настроениям"<sup>98</sup>. Позднее, в 1932 году, уже из концлагеря Алексей Федорович писал жене: «Я старый имяславец, имел право написать в одном из показаний, что "Иосиф для меня так же неприемлем, как и Сергей" и что поэтому мое объединение с иосифлянством вызвано в значительной мере просто ненавистью и оппозицией советскому правительству»<sup>99</sup>.

Для составления полной картины взаимоотношений кружка Лосевых с другими деятелями антисергианской оппозиции и, в частности, с М. А. Новоселовым требуются более глубокие исследования, которые, надеюсь, еще будут проведены. Но и то, что известно на сегодняшний день в общих чертах, главным образом из материалов следственного дела, достаточно для того, чтобы увидеть и понять, какое место занимал московский "политический центр" в антисергианском движении и кому на самом деле принадлежала в нем ведущая роль.

Был ли связан с А. Ф. Лосевым и его кругом таганский врач Михаил Александрович Жижиленко? До знакомства с М. А. Новоселовым, очевидно, нет, но о его участии в делах "центра" есть упоминание в "Обвинительном заключении" по делу «Всесоюзного центра ИПЦ»:

*«По показанию участницы центра В. М. ЛОСЕВОЙ и по признанию самого НОВОСЕЛОВА, такой же обработке подвергался колебавшийся в выборе политиче-*

<sup>98</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 617.

<sup>99</sup> Лосев А. Ф., Лосева В. М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. — М.: Русский путь, 2005. — С. 39.



ской позиции митрополит Агафангел. По этому поводу, как признает **НОВОСЕЛОВ**, шла шифрованная переписка между участниками центра: "В документе № 18 говорится о поездке **ЖИЖИЛЕНКО** к Агаше — справиться о ее здоровье и сообщить о результатах обследования". Эта иносказательная фраза относилась к позиции владыки Агафангела»<sup>100</sup>.

Когда состоялась эта поездка, не ясно. В своих показаниях на допросах в 1931 году епископ Максим утверждал, что впервые повидался с М. А. Новоселовым в мае 1928 года после своего рукоположения, когда тот подошел к нему с поздравлением. Возможно, что поездка в Ярославль могла состояться и после этого. Теперь затруднительно установить точно как время поездки, так и все остальные детали взаимоотношений владыки Максима с М. А. Новоселовым и в целом с московским "центром". В отличие от своего тезки таганский врач не был на виду, и о его деятельности в церковных кругах до его рукоположения ничего не было слышно. В своих показаниях на допросе епископ Максим назвал своим духовником протоиерея Валентина Свенцицкого, настоятеля храма Никола Большой Крест на Ильинке: «Знал я его как хорошего проповедника и ходил к нему в церковь, где он служил»<sup>101</sup>.

Однако до начала 1928 года Михаил Александрович Жижиленко был прихожанином Покровского монастыря, располагавшегося неподалеку от Таганской тюрьмы. Очевидно, он сразу стал ходить туда на службы по приезду в Москву и устройстве на работу весной 1922 года, об этом есть свидетельство иподиакона Ива-

---

<sup>100</sup> Из показаний М. А. Новоселова от 10 ноября 1930 года и показаний В. М. Лосевой от 21 июля 1931 года // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 621.

<sup>101</sup> ГА РФ. 10035. Оп. 2. Д. 28850 Т. 4. Л. 557.

на Кувшинова, встретившего его там<sup>102</sup>. И еще весьма примечательна запись в дневнике наместника Покровского монастыря, архимандрита Вениамина (Милова):

«На почве антисергианских выступлений немало огорчений доставил мне покойный доктор Михаил Александрович Жижиленко, примыкавший к так называемой иосифлянской церковной партии. Суть взглядов иосифлян состояла в неуступчивости церковных позиций при соприкосновении с властями, в хранении бескомпромиссного исповедничества и готовности умереть за чистоту Православия и церковных традиций. Михаил Александрович, впоследствии епископ Серпуховской Максим, восстал на меня в нашем церковном совете и стремился отколоть всю покровскую общину от церковно-канонического единения с митрополитом Сергием. Встретив мое противодействие, он возненавидел меня и вышел из нашей общины»<sup>103</sup>.

Запись датируется 10 апреля 1928 года, значит, Михаил Александрович Жижиленко на протяжении почти трех месяцев пытался побудить к отделению от митрополита Сергия свой приход в Покровском монастыре, по примеру протоиерея Валентина Свенцицкого.

---

<sup>102</sup> «Епископа ЖИЖИЛЕНКО я знал как верующего человека, когда он еще не был епископом, встретился с ним в бывшем Покровском монастыре» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 1. Л. 154).

<sup>103</sup> Дневник инока. Епископ Вениамин (Милов), запись 10 апреля 1928 года. — [http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1023#part\\_63](http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1023#part_63).



## Протоиерей Валентин Свенцицкий

С какого времени протоиерей Валентин Свенцицкий стал духовником Михаила Александровича Жижиленко, опять-таки не известно; возможно, познакомиться могли они зимой 1922/23 года, когда отец Валентин сидел в Таганской тюрьме перед отправкой в ссылку. Отец Валентин — яркая и выдающаяся личность, глубокий мыслитель, талантливый писатель и публицист, пламенный проповедник, ревностный и бескомпромиссный священник, к тому времени один из самых замечательных пастырей Москвы. Его принципиальная позиция по вопросу свободы Церкви, за которую он боролся до революции, поставила его в первые ряды исповедников, не принявших декларацию митрополита Сергия.

До принятия священства Валентин Свенцицкий прошел нелегкий путь<sup>104</sup>. В 1905 году он создал со свои-

---

<sup>104</sup> Родился 30 ноября 1881 в Казани в семье польского дворянина. Окончив гимназию, с 1903 — учился на историко-филологическом факультете Московского университета, осенью 1907 — отчислен за неуплату за учебу. В 1908 — в результате возбуждения против него нескольких уголовных дел по обвинению в антигосударственной деятельности за его печатные вы-

ми друзьями-студентами "Христианское братство борьбы", «дабы противостоять религиозной неправде самодержавия, вывести Церковь из пассивного состояния в отношении к светской власти и утвердить принцип христианской любви в социально-экономических отношениях». При этом, как пишет его биограф:

«Молодой Свенцицкий не был революционным радикалом, неоязычником или мятущимся интеллектуалом-декадентом, со временем оставившим мудрствование и превратившимся из Савла в Павла, как ныне измышляют плохо знакомые с его творчеством. Современникам такое не пришло бы в голову: даже противники признавали — это "яркий и выразительный представитель того религиозного движения", которое "ищет обновления душ человеческих путем христианства, и в самом христианстве — не путем какого-нибудь сектантства, старого или нового, но... церковным, царственным, средним путем" (В. В. Розанов); "верующий во Христа искренно и пламенно... За словами его так и чудится строгий коричневый лик со сжатыми бровями, с тяжким золотым нимбом, мерцающим в лампадных лучах" (З. Н. Гиппиус). Свенцицкий имел все основания сказать в 1911 году: "Никогда — ни в качестве лектора, ни в качестве писателя — не являлся для кого бы то ни было "соблазном". Если в моей личной жизни бывали падения и грехи, это дело моей совести. <...> Но в деятельности своей, по крайней мере, сознательно, не соблазнил ни одного из "малых сих"». Это чистая правда, ведь искушения неверием были преодолены еще в гимназии и возврат ко Христу случился задолго до первых

---

ступления, а также из-за проблем в личной жизни — нравственного падения — перешел на нелегальное положение, бежал из дома и стал странствовать по всей России, продолжая литературную и публицистическую деятельность. Напечатал под псевдонимом около 300 статей и путевых очерков, а также драматические произведения.

публичных выступлений. А со студенческих времен и до кончины в ссылке перед нами человек, сознательно выбравший Бога Господом, сердцем, помыслами и душой возлюбивший Его и всецело преданный Церкви. Каждая строка Свенцицкого дышит любовью к ней и болью за ее нестроения, каждое слово — призыв ко Христу»<sup>105</sup>.

Во иерея Валентин Свенцицкий был рукоположен в сентябре 1917 года будущим священномучеником митрополитом Вениамином (Казанским) и назначен проповедником при штабе 1-й армии Северного фронта. Со второй половины 1918 года он стал проповедником при Добровольческой армии. «Признавая великое героическое дело армии, считал, что одна военная доблесть не может создать новой России, и призывал духовенство к построению опоры грядущего правопорядка. Главную роль в объединении живых сил страны отводил церковным приходам, превращенным в ополченные верой и любовью общественные организации, способные взять в свои руки устройство местной жизни, а впоследствии и общегосударственной.

Коммунистический режим, возглавляемый ворами, предателями и уголовными каторжанами, определял как "ужасающую смесь дикой анархии и самого жестокого деспотизма", а нравственное и религиозное состояние народа называл "духовным разгромом". В печати и с амвона призывал обезумевший народ к покаянию и борьбе с бесовской силой большевизма»<sup>106</sup>.

Осенью 1920 года отец Валентин приехал в Москву (после победы большевиков ему удалось избежать ре-

---

<sup>105</sup> *Чертков С. В.* Провозвестник Христовой правды / *Свенцицкий Валентин, протоиерей.* Диалоги: Проповеди, статьи, письма. — М.: ПСТГУ, 2010. — С. 13–15.

<sup>106</sup> Там же. С. 32, 36.

прессий, и какое-то время он проживал в Туапсе у своего тестя, священника Сергия Краснова). В Москве отец Валентин был определен внештатным священником в церковь Воздвижения Креста. В 1922 году он дважды арестовывался за свои смелые обличения обновленцев и затем был отправлен в ссылку в Таджикистан. Из ссылки вернулся в Москву в декабре 1924 года; служил сначала в храме Св. Панкратия на Сретенке, а в середине 1926 года был назначен в храм Никола Большой Крест на Ильинке. Как и до ссылки, он постоянно проповедовал в храмах Москвы, кроме того, проводил еженедельные беседы о вере и Церкви; записи этих бесед в дальнейшем сохранялись его слушателями и в недавнее время опубликованы.

Начав свою общественно-христианскую деятельность с борьбы, отец Валентин продолжал ее всю жизнь. Как заметил С. И. Фудель, встретившийся с отцом Валентином в камере Бутырской тюрьмы: «Это был человек большой и трудный... В нем чувствовалась тогда мощь духовного борца, находящегося в смертельной схватке "невидимой брани" и еще не достигшего покоя. Мира души, как трофея победы, в нем еще не чувствовалось, но самая борьба его, настолько реальная, что как бы уже видимая, была сама по себе учительна и заразительна для других. Он был именно устремлен ко Христу: наверное, и он увидел Его где-то, может быть, тоже на пути, и эта устремленность устремляла других»<sup>107</sup>.

---

<sup>107</sup> Фудель С. И. Воспоминания. — М.: Русский путь, 2009. — С. 139. (Это впечатление Фуделя примечательно не столько последним замечанием об "устремленности", что общепризнано и неоднократно повторялось в отношении В. Свенцицкого, сколько замечанием об отсутствии у него мира и покоя души "как трофея победы". Вероятно, это в какой-то мере может объяснить противоречия последнего этапа жизни отца Валентина.)

С самого начала христианская борьба для отца Валентина Свенцицкого предполагала не только внешнюю реформаторскую деятельность, но и внутреннее духовное делание и со временем на нем все больше сосредотачивалась. Примечательно, что в одной из первых проповедей в храме Никола Большой Крест 8/21 сентября 1926 года, через девять лет после принятия священства, отец Валентин признал, что когда он принимал сан священника, то ему еще «представлялась деятельность пастыря как деятельность реформатора, который должен содействовать исправлению всевозможных недочетов церковной жизни». Но, по его словам, благодать Божия вразумила, и «достаточно было надеть эти одежды, чтобы сразу суетная и искушающая мысль о "реформации" оставила и явилась мысль иная — мысль о необходимости не реформирования внешнего порядка Церкви, а о необходимости внутреннего, духовного нашего возрождения»<sup>108</sup>.

Отец Валентин говорил об опыте богоносных отцов, которые достигали таких совершенств, о которых современные люди даже не дерзают подумать. И достигали этого не внешней суетной тщеславной деятельностью, а внутренним деланием.

«Нужны были недолгие, но все же годы для того, чтобы уяснить себе раскрываемую святыми отцами истину, так плохо нами усвояемую, которую ныне и считаю самым главным в деле нашего спасения.

Разумею — уходение от мира душой. Разумею — невидимый монастырь, разумею — решительное ограждение себя от безбожного, бесовского мира невидимой стеной, воздвигаемой молитвой, наипаче молитвой Иисусовой.

---

<sup>108</sup> *Свенцицкий Валентин, протоиерей. Проповеди.* — М.: Отчий дом, 2013. С. 148. Далее выдержки из проповедей отца Валентина приведены по данному изданию (С. 149–150, 341, 334, 336–338, 358–360).

...Надо решительно встать на церковный путь жизни. Надлежит исполнять не за страх, а за совесть, не перед людьми, а перед Господом то, что заповедует нам Святая Церковь: разумею — пост, разумею — молитву, разумею — частое, постоянное причащение Святых Тайн. Только этот путь такого именно оцерковления души устоит, не будет полонен теми дьявольскими мирскими силами, которые всегда ополчались, а ныне сугубо ополчаются на человеческую душу, ищущую спасения.

Путь церковный требует от нас подвига, требует трудов, скорбей, часто влечет за собой осмеяние, часто вражду людей мирских, часто будем на этом пути изнемогать, но эта возделенная цель спасения нашего, служение истинному Господу будет и воспламенять, и укреплять нас.

Поститься, молиться и причащаться — вот что нужно для того, чтобы не на словах, а на деле воздвигнуть тот невидимый монастырь, к которому Господь призывает всех верующих в преддверии к последним временам антихриста».

Казалось бы, что это внутреннее делание должно было совершенно отрешать от всего внешнего и оставлять равнодушным к ходу событий, в том числе и церковных. Тем более что в этой же проповеди отец Валентин говорил, что «никто ни в каких церковных условиях не мешает людям быть и преподобными, и подвижниками, и святыми, кроме нашей собственной немощи». Однако, если эти "церковные условия" настолько изменяются, что перестают быть "церковными", тогда уже и внутреннее делание становится невозможным, а значит, и спасение... 24 августа 1927 года отец Валентин в своей проповеди сказал:

«Вне Церкви нет богопознания, вне Церкви нет устроения духа, вне Церкви нет очищения сердца, вне Церкви нет



воли Божией, и посему истинный путь жизни, подготовляющий нас к вечности, есть путь церковный.

И крохи из этой сокровищницы дают нечто для жизни вечной. Но нам надлежало бы не эти крохи брать, а воспринять всю полноту Трапезы, которая предлагается нам Святой Церковью, всю полноту церковности.

А если так, то как же важно для каждого из нас оцерковлять свою жизнь, наипаче в Божественном и страшном таинстве Евхаристии. Как важно знать, где совершается это страшное таинство, ибо оно совершается только в истинной Церкви.

"Тогда, если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки" (Мф. 24, 23—24), то есть явится много подложных церквей. Спасение только в Церкви Христовой, в единой Православной Святой Церкви!»

Эта тема о Церкви, ее истинности и отпадении от нее постоянно звучит в проповедях отца Валентина, и особенно во второй половине 1927 года. «Всякое событие, которое служит обмирщению Церкви, должно рассматриваться как церковное бедствие», — сказал он 20 августа 1927 года, сразу же после опубликования декларации митрополита Сергия в советских газетах. И на следующий день, 21 августа, подробно остановился на переживаемых Церковью испытаниях:

«И если мы хотим достоительно принять посылаемые скорби и испытания церковные, то мы должны научиться твёрдому, ясному, пламенному, дерзновенному испытанию православной веры. Для нас точно расплывается грань, мы точно теряем её, в растерянности спрашиваем, где кончается православие и где начинается раскол, где кончается истинная Православная Церковь и где начинается подделка, где есть Святая, Соборная, Апостольская Православная Церковь и где есть церковь самозванная.

А между тем в этом чувствовании истинности Церкви — источник нашего спасения, ибо в последние времена наступят такие дни, когда восстанут лжехристы и лжепророки. Явится много лжецерквей, и для того чтобы спастись, для того чтобы ряженных не принять за истинных служителей Церкви и Божественную евхаристию не променять на кощунственное, лишь видимое священнодействие, — для этого надо распознать истинную Церковь от лжецеркви. Но для того, чтобы это было возможно, нужно прежде всего, чтобы в наших сердцах возгорелась ревность о православии, чтобы не было безразличного и равнодушного отношения к тому, что есть православие.

Когда говорят: "Не всё ли равно, и там, и здесь служат одинаково", нужно знать, где совершается страшное, святое таинство Евхаристии, то есть — где есть истинная Православная Церковь Христова, а вовсе не то только, где вычитывается всё по Типикону».

Далее отец Валентин привел пример святой ревности о вере из жизни пресвитера Кириака и, призывая к ней свою паству, так закончил проповедь:

«Вот когда такая ревность загорится в сердцах ваших, такая любовь к Церкви, такая преданность ей, такое нежелание, чтобы за Церковь выдавалось то, что не есть истинная Церковь, тогда вы будете стремиться к тому, чтобы была положена непроходимая пропасть между ложной, еретической, отпавшей, самозванной церковью и истинной православной, тогда в нужный час Господь каждого из вас вразумит, как ему исповедовать безбоязненно Святую Апостольскую истинную Православную Церковь».

В проповедях с амвона отец Валентин не мог прямо высказать своего мнения о митрополите Сергии и церковной политике, но ясно, что он оценивал ее как

разрушительную и отступническую и потому постоянно предупреждал свою паству:

«Никогда Святая Православная Церковь не строилась на лжи и неправде. Никогда никакое церковное благо не происходило от лицемерия, не покупалось ценой измены Христу, уклонением от исповедничества, от жертв., от мученичества...»

Когда нас смущают вопросы о том, так или не так надо поступать, что церковно и что нецерковно, что может привести к церковному благу и что к церковному несчастью, мы всегда должны помнить меру истинной церковности — святость ее. Если вы увидите ложь, если вы увидите малодушие, если увидите лукавство в основе Церкви, знайте, что здесь нет истинной Христовой Православной Церкви» (17 сентября 1927).

Неприятие декларации и того пути, на который она поставляла митрополита Сергия и всех его последователей, у отца Валентина было самое категорическое. В этом он был полностью единодушен с епископом Вятским Виктором (Островидовым) и, как упоминалось выше, писал владыке о своем согласии с его запиской "Мысли православного христианина..." и готов был подписаться под каждым ее словом. В свою очередь свои размышления отец Валентин изложил в письме владыке Виктору<sup>109</sup>:

«Воззвание Сергия страшный грех — ибо оно все от первого до последнего слова ложь. Оно страшная ошибка — ибо самый принцип легализации на таких началах есть самоубийство Церкви и оно величайшее несчастье, ибо в будущем несет только испытание и ужасающие потрясения. План

---

<sup>109</sup> Письмо без даты, возможно, начало осени 1927 года.

Т<учкова> ясен, он убедился, что каноны для верующих "не клочок бумаги", и решил оставить нам фикцию каноничности, весь дух Церкви сделал обновленческим. Сейчас Церковь разрушается уже в порядке управления — все делается с благословения "Лубянских старцев". А так как <они> принципиально за уничтожение Церкви, — то можно представить себе, что за управление у нас делается, такие "назначения", переводы, удаления на покой, что волосы встают дыбом»<sup>110</sup>.

Отец Валентин упоминал в письме о своих встречах с архиепископом Вятским Павлом (Борисовым), ранее проявившим себя смелым обличителем обновленцев и вместе с епископом Виктором (Островидовым) воспрепятствовавшим их деятельности в Вятской епархии, за что они оба были репрессированы властями:

«Он был у меня (до воззвания); и я был у него (после воззвания), сказал ему все, что думал... Больше он у меня не бывал. Стоило, говорю ему, столько страдать, тюрьма, ссылка, изгнание, чтобы потом подписать себе моральный смертельный приговор... А он говорит: другого выхода не было. Спрашиваю его: да разве ложь и предательство выход? Молчит. Как, говорю, у Вас поднялась рука подписать благодарность "всенародную" после разорения Сарова, Дивеева и проч<его>. А вот, говорит, первые христиане молились же за Нерона? Да, молились! Но они никогда не благодарили его за костры и проч<ее>, и никогда пастыри не предлагали верующим радоваться его радостями и печаловаться его печальями.

Сергий все сравнивает теперешнюю свою позицию с прежним отношением Церкви и государства. Нелепое сравнение. Пусть в прошлом отношение власти и Церкви было

<sup>110</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 4. Л. 601.

ненормальное. Церковь погрешала, — но ведь прежняя власть никогда не ставила себе сознательной задачи разрушить Церковь. В будущем ждем тяжелых испытаний, собор не радуется — ведь на нем обещан не патриарх, а постоянное церковное управление. По-видимому, это будет новый разбойничий собор, да и какой может быть собор, созванный "заместителем" вопреки намерениям само[го] Местоблюстителя и без епископов, сидящих в тюрьмах и в ссылках, будущее покажет»<sup>111</sup>.

Несогласие с декларацией и Синодом митрополита Сергия все же не сразу привело отца Валентина к решению разорвать каноническое общение. Очевидно, что, как и в Петроградской епархии и других местах, к этому побудила дальнейшая политика митрополита Сергия, и прежде всего октябрьские указы о поминании властей и его имени за богослужением. Отец Валентин, как и священники целого ряда церквей по Москве отказались это исполнить, после чего их стали именовать "непоминающие". В дальнейшем, убоявшись угроз прещениями со стороны Синода митрополита Сергия, многие подчинились. Остались непоминающими несколько храмов, но лишь три из них пошли на прямой разрыв канонического общения с митрополитом Сергием.

Отец Сергий Мечев, служивший в храме на Маросейке, например, будучи непоминающим, не прерывал общение с митрополитом, за что подвергался критике и

---

<sup>111</sup> Так и получилось. Собор "заместителем", вернее, уже незаконно объявившим себя "местоблюстителем" был созван, правда не скоро, а спустя более 15 лет, но действительно «вопреки намерению местоблюстителя», к тому времени расстрелянного, и без епископов, «сидящих в тюрьмах и в ссылках», большинство из которых также было замучено богоборцами.

со стороны митрополита Сергия за непослушание, и со стороны ревнителей за двойственность и малодушие. Как писал М. А. Новоселов в своей работе "Ответ востязующим":

«Эти люди занесли ногу через порог "блудилища", устроенного митрополитом Сергием и его Синодом, но не имеют сил выйти из него, опутав себя канонами, которые являются для них не оградой церковной правды, а кандалами последней. "Митрополит Сергий затягивает петлю на Русской Церкви, но мы бессильны противиться, т<ак> к<ак> он каноничен". — Чудовищные слова. Одной рукой они пытаются держаться за Невесту Христову, а другой объемяют любодейцу; одной ноздрей желают вдыхать благоухание Христова Царства, а другой втягивают в себя смрад сергианского нечестия, утверждаясь на непоминовении м<итрополита> Сергия как на какой-то панацее от церковных зол, как на некоей спасительной догматической истине. Надо шоры, чтобы не видеть в словах и деяниях м<итрополита> Сергия того, что, собственно, и делает невозможным молитвенное и каноническое общение с ним, — его отступничество и воскурение фимиама на антихристовом жертвеннике»<sup>112</sup>.

Позднее многие непоминающие заняли более определенную позицию и прервали общение с митрополитом Сергием. Их дальнейшие судьбы, как в целом и развитие движения непоминающих, — это тоже отдельная тема, еще требующая своей разработки<sup>113</sup>. Не

---

<sup>112</sup> «Ответ востязующим» // Священномученик Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы. — М.: Братонез, 2008. — С. 319.

<sup>113</sup> В одном документе, составленном самим Новоселовым или кем-то из его круга и переданном за рубеж в конце 1928 года, есть важное замечание: «Указ о поминовении властей и самого митропо-

сомненно, отец Валентин из всех московских непоминающих был настроен самым решительным образом. Неспроста еще в начале декабря 1927 года он направил одного из своих ревностных прихожан, Владимира Амбарцумова<sup>114</sup>, для рукоположения в священный сан именно к епископу Виктору. Известно, что в Преображенском соборе города Глазова владыка Виктор рукоположил Владимира в диакона и затем в священника.

Очевидно, через М. А. Новоселова отец Валентин был в курсе всех петроградских событий и потому почти сразу же после отложения петроградцев от митрополита Сергия последовал за ними. В своем известном письме отец Валентин уведомил митрополита о том, что он с благословения епископа Гдовского Димитрия прорывает с митрополитом каноническое и молитвенное общение и не считает его более заместителем Местоблюстителя. Приравнивая деятельность митрополита Сергия к обновленческой и даже прямо называя ее третьим обновлением, которое вместе с двумя первыми разрушает Церковь, отец Валентин писал:

«И Живая Церковь, захватившая власть патриарха, и "григорьевство", захватившее власть Местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, — делаете все одно общее антицерковное обновленческое дело, причем Вы являетесь созидателем самой опасной его формы, т<sup>а</sup>к к<sup>а</sup>к отказываетесь от церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности».

---

*лита Сергия почти в России нигде не исполняется, кроме трудливой Москвы, в которой только церковей 15–20 вовсе не исполнили указа, а в настоящее время многие, ободрившись, исполняют указ только вполсилы, поминая митрополита Сергия, но не поминая властей» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 4. Л. 168).*

<sup>114</sup> Подробная справка на него приведена в *Приложении III*.

«Я не создаю нового раскола и не нарушаю единства Церкви, а ухожу и увожу свою паству из тонкой обновленческой ловушки», — подчеркивал отец Валентин и заключал письмо подтверждением своей верности и послушания Православной Церкви и признания Местоблюстителем митрополита Петра (Полянского) и тех епископов, «которые, не присваивая себе самочинно общецерковной власти, уже порвали с Вами каноническую связь»<sup>115</sup>.

Это письмо отца Валентина было опубликовано за рубежом в книге издания Джорданвилльского монастыря "Луч света" и в Москве в сборнике документов, составленном М. Губониным. Текст в обоих изданиях идентичный, единственно у М. Губонина письмо датировано 12 января 1928 года по новому стилю, 30 декабря по старому, то есть в один день с заявлением серпуховских клириков. В книге "Луч света" указан только "декабрь 1927 года". Копия письма отца Валентина есть и в сборнике "Дело митрополита Сергия", и на ней тоже указан "декабрь". Еще одна копия письма находится в следственном деле архиепископа Димитрия (Любимова) 1929–1930 годов, причем ее текст несколько отличается от текста в указанных публикациях<sup>116</sup>. Так, например, в нем нет упоминания о благословении епископа Димитрия, но есть упоминание указа от 24 октября (о поминовении властей), отсутствующее в опубликованном тексте. Есть и еще кое-какие различия, которые позволяют предположить, что эта

<sup>115</sup> Луч света. В защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия / Сост. архим. Пантелеймон. — Джорданвилль. — 1970. — Ч. 2. — С. 12.

<sup>116</sup> Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 55–56. Опубликовано в книге: Священномученик Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадальцы. — М.: Братонез, 2008. — С. 421–422.



копия первоначального текста письма отца Валентина, позднее, вероятно, им отредактированного. На этой копии стоит дата — «Декабря "18" дня 1927 г<ода>», очевидно, по старому стилю, то есть 31 декабря по новому, — пять дней спустя после официального отложения епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина).

Как раз в это время отец Валентин уже заручился поддержкой своей общины. 30 декабря председатель церковного совета Никольского храма подал в установленном порядке заявление властям с просьбой о разрешении приходского собрания 10 января. Вероятно, как раз на этом собрании было официально объявлено об отложении от митрополита Сергия, но решение, очевидно, было принято ранее.

К тому времени отцу Валентину уже приходилось вступать в дискуссию с сергианами или, по крайней мере, отвечать на их аргументы. Одним из главных у защитников митрополита Сергия был вопрос о единстве Церкви. В развернувшейся церковной полемике они убеждали своих сторонников и даже тех, кто не был согласен с декларацией, не прерывать общение и подчиняться в послушании "высшей церковной власти" ради сохранения единства Церкви. Насколько далеко отстояло это ложно понимаемое сергианское «единство» от истинного церковного единства, прекрасно изложено в разных церковных трудах того времени, и особенно у протоиерея Феодора Андреева и М. А. Новоселова. В этом вопросе отец Валентин был полностью согласен с «идеологами иосифлянства», и его слова о единстве Церкви во многом созвучны с их мыслями. Так, в одной из проповедей в январе 1928 года он говорил:

«Церковь не есть Церковь лукавствующих. Это есть Церковь святых, мучеников, преподобных, угодников Божиих,

Небесных Сил и немощных душ человеческих, приносящих покаяние. Отсюда и единство Церкви есть единство святое, единство во истине, в правде, в любви.

Это не есть мирское и внешнее единство — это единство внутреннее, таинственное, совершенное...

Никогда это единство Церкви не может достигаться мирскими путями, мирскими средствами, оно никогда не может иметь в своей основе лжи, неправды, никогда оно не может утверждаться на насилии...

Если вспомнить великую жизнь Церкви, как часто этим призраком внешнего единства могли соблазниться идущие как бы на церковные разделения, и всегда этот соблазн отменяется служителем истинного церковного единства, ибо всегда перед совестью человека есть возможность проверить, истинное ли стремление к церковному единству руководит им или обманчивый призрак мирского и внешнего единства Церкви.

Нарушал ли это единство Максим Исповедник, когда говорил: "Если вся вселенная причастится с еретиком Патриархом, я один не причащусь!"?

Нарушал ли сие единство св. Григорий Богослов, когда в Константинополе оставалась одна отделившаяся от еретиков Святая Православная Церковь?..

Был ли такой пример в жизни Церкви, когда церковное единство требовало от людей лжи и неправды?» (10 января 1928 года).

«Не может быть единства тьмы и света, не может быть единства лжи и правды, не может быть единства страстей и духовной жизни. Единство во Христе строится и зиждется на любви, на правде, на истине, и оно разделяется от того, что есть тьма, ложь, неправда, предательство» (21 января 1928 года)<sup>117</sup>.

---

<sup>117</sup> *Свенцицкий Валентин, протоиерей. Проповеди. С. 447–449, 457.*

Протоиерей Валентин и далее постоянно говорил об исповедничестве, о борьбе за чистоту Церкви в многочисленных проповедях и беседах, которые он продолжал вести. Все это богоборческими властями было расценено как антисоветская пропаганда, и вскоре яркий проповедник, первым отделившийся от митрополита Сергия, был и первым арестован. Обнаруженная при аресте отца Валентина *«книга проповедей, отпечатанных на машинке (534 страницы)»*, была признана "вещдоком". В материалах следственного дела подробно перечисляются следующие темы, которых касался отец Валентин в проповедях и беседах и которые дали основание признать его виновность:

*«Церковь переживает время надругательства безбожников (стр<аница> 298 книги), что единственный пригодный для верующих путь в настоящее время — это смелое мученичество, не боясь увольнения со службы и большего (л<исты> д<ела> 333, 473 книги проповедей), что настоящее время несомненно время антихристов (л<ист> 323), что у русского народа есть свои святые, которые были опорой государства и церкви — ГЕРМОГЕН и ФИЛИПП, которым и надо подражать, борясь с антихристом до смерти (л<ист> 495), что русский народ имеет своего покровителя национального святого СЕРАФИМА, покровителя монархизма и Романовской династии (л<ист> книги 303), и что носителем этих традиций был лучший русский патриарх — ТИХОН (там же)».*

Кроме того, в качестве антисоветской пропаганды агенты власти вменили и поминовение *«страждущей страны российской» «во время совершения обрядов культа»*. И хотя отец Валентин попытался неуклюже оправдаться в этом обвинении, показав на допросе, что эту формулировку он понимает как то, что *«советская республика находится в состоянии строительства и*

*имеет некоторые болезненные процессы в силу этого», и, более того, заявил, что он лично противник царской власти и советскую власть считает «наиболее пригодной государственной системой, если отбросить ее атеистичность»<sup>118</sup>. Тем не менее его вина была признана, и в июле 1928 года он был выслан на три года в Сибирь.*

По прибытии в Канск 31 августа отец Валентин отправил первое письмо иеромонаху Никодиму Меркулову. Имея возможность наконец лично написать о Церкви то, «что передавал из тюрьмы отрывочно, через 3-и руки», он просил отца Никодима взять временно настоятельство в храме и исповедание его духовных детей, при этом сохраняя также без изменения весь богослужебный строй и устав. Ранее отец Никодим служил в храме Никола Большой Крест диаконом. В священника он был рукоположен епископом Димитрием Гдовским в кафедральном соборе Петроградской епархии, куда он сразу же поехал вместе с Михаилом Александровичем Жижиленко после ареста отца Валентина.

---

<sup>118</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41316. Л. 12, 8. (Следственное дело по обвинению протоиерея Валентина Свенцицкого.)



## Хиротонии

В своих показаниях на допросе Михаил Александрович Жижиленко назвал точную дату их поездки с диаконом Никодимом Меркуловым — 19 мая 1928 года; вероятно, об этом была договоренность с отцом Валентином на случай возможного его ареста, так как выехали они или на следующий же день после ареста, или даже в день ареста<sup>119</sup>. В храме Воскресения-на-Крови Михаил Жижиленко был возведен в сан диакона, а на следующий день — в священника. После рукоположения, когда его поздравляли, как он позднее показал на допросе, *«ко мне также подошел с поздравлением Новоселов Михаил Александрович, с которым я здесь первый раз повидался. В это время у меня с Новоселовым никаких разговоров не было»*<sup>120</sup>.

После рукоположения отец Михаил вернулся домой в Москву и, по его словам, *«до сентября 1928 был в Мо-*

---

<sup>119</sup> В "Анжете арестованного" В. Свенцицкого дата ареста указана "19 мая", а в "Постановлении" — "18 мая", возможно, что арест произошел в ночь с 18 на 19 мая.

<sup>120</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850 Т. 4. Л. 551–551 об.

*ске, продолжая работать врачом». Вероятно, его священство оставалось тайным, по крайней мере, о его служении в Никольском храме упоминаний нет. Почему его сразу не постригли в монахи — не ясно. Как сказал владыка Максим: «Кроме того, мне хотелось самое главное, иметь не сан священника, а быть просто монахом и больше никем. Потому в сентябре 1928 года поехал опять к Димитрию Гдовскому и стал просить его посвятить в монахи, но он сначала несколько упирался, мотивируя каноническими правилами, потом посвятил меня в монахи, и после этого я уехал опять в Москву». Постриг был совершен тайно, монашеское имя постригаемому было дано Максим, в честь преп. Максима Исповедника.*

Не прошло и месяца, как отец Максим был вновь вызван епископом Димитрием. *«В нач<sup>але</sup> октября 1928 я получил по почте от Димитрия Гдовского письмо, в котором он просил меня приехать к нему для посвящения в епископы, и на другой, кажется, день я один поехал к нему в Ленинград.*

*Когда я явился к нему, он мне сказал, что "я предполагаю Вас посвятить в епископы", но в силу некоторых сомнений мы этот вопрос пока отложили, и просил прийти на другой день, когда окончательно вопрос решится. Я ему говорил, что чувствую себя неопытным и недостойным этого звания, но он мне сказал, что, по его мнению и убеждению, я могу быть в этом сани. После этого, когда я к нему пришел вторично, он мне сказал, что на такой-то день нужно мне посвящаться в епископы.*

*12 октября состоялось посвящение меня в епископы».*

Архиерейская хиротония была совершена в Пантелеимоновской церкви подворья Александра Ошевенского монастыря на Пискаревке. Протоиерей Василий

Верюжский, участвовавший в служении, в показаниях на следствии сказал о том, что это посвящение было произведено епископами Димитрием (Любимовым) и Сергием (Дружининым) и оно было тайным. По словам владыки Максима, епископ Димитрий «сказал мне тогда, чтобы я не говорил никому в Москве о том, что я посвящен в епископа». Владыка Максим это исполнил и лишь написал о хиротонии своему духовнику, отцу Валентину Свенцицкому. Получивший его письмо 20 октября 1928 года и очень обеспокоенный, отец Валентин в свою очередь сразу же обратился с письмом к иеромонаху Никодиму Меркулову:

«Дорогой о<тец> Никодим!

Рад от всей души, что Вы остались по-прежнему в послушании, и благодарю Господа, что Он помог Вам освободиться от вражеского нападения.

Я получил письмо от е[пископа] Максима и сегодня же отвечаю ему.

Его епископство — воля Божия. Не будем судить никого. Но будем блюсти благо Церкви.

Имейте в виду следующее:

О<тец> Максим возведен в сан епископа, но он не Епископ *Московский* и без согласия московских православных церквей и не может быть *назначен* Московским, так как отсутствует Местоблюститель, единственно правомочный сделать это. Таким образом, сан его чтите, *но ни в коем случае никаких распоряжений* не исполняйте.

Сегодня я пишу обо всем и епископ[у] Димитрию. Если мне не удастся достучаться до сердца еп<ископа> Максима и он когда-либо будет домогаться кафедры Московской, — я буду всемерно стоять за неприятие его нашим храмом для Москвы и надеюсь, что Воздвиженский и Грузинский храм[ы] будут с нами — единомысленны.

Имейте в виду еще, что я всем духовным чадам своим, ушедшим к е[пископу] Максиму, предложил вернуться к Вам, и Вас прошу, если у Вас кто-либо с Вашего благословения ушел к о<тцу> Максиму, сказать им, что считаете это по некоторым обстоятельствам бесполезным и предлагаете им вернуться к Вам.

Дорогой о<тец> Никодим, прочтите, пожалуйста, это письмо всем членам причта, если для них епископство М[аксима] не секрет, и скажите, что по отдельным вопросам, о которых они писали, ответу каждому в отдельности. Если епископство секрет для них — тогда не читайте»<sup>121</sup>.

Что написал отец Валентин самому епископу Максиму — не известно, однако владыка на Московскую кафедру и не претендовал. С каким титулом он был рукоположен, точно не известно, его хиротония была тайной. Тайные хиротонии, как и тайные монашеские постриги, особо отмечены в следственных делах петроградских иосифлян. Чекисты рассматривали их «как увеличение кадров к<онтр>-р<еволюционной> организации». К примеру, в "Обвинительном заключении" по делу "истинно-православных" 1931 года выделена специальная глава, которая так и названа: «Тайный епископат, посвящения и пострижения в целях увеличения кадров». Начинается она так:

*«За время своего существования организация "Истинных" в целях создания кадров и для более упорной работы в массах широко практиковала тайное посвящение, и с этой целью был создан институт тайного епископата, священства и проводились пострижения в монахи».*

---

<sup>121</sup> Вестник ПСТБИ. Богословский сборник. № 8. М., 2001. С. 309–326 (публикация О. В. Косик по рукописным копиям: Центральный архив ФСБ. Д. 44340).



*Вопрос о тайном епископате возник в первый период существования организации, когда выяснилось, что массового присоединения епископов к "истинно-православным" не произошло. С другой стороны, опасения репрессий за контрреволюционную деятельность организации ставили в порядок дня вопрос о создании тайного епископата, в целях сохранения и увеличения руководящего кадра к<онтр>р<еволюционного> духовенства.*

*Как правило, в тайное монашество постригались или посвящались священники наиболее фанатические, непримиримо настроенные элементы, примыкавшие к организации»<sup>122</sup>.*

И далее приводились цитаты из показаний петроградских протоиереев Василия Верюжского и Никифора Стрельникова. Подробнейшие эти показания, несмотря на то что изложены в "специфическом" стиле, содержат важные факты. Так, например, протоиерей Никифор детально повествовал о собраниях духовенства 1927–1928 годов, особо остановившись на собрании в феврале 1928 года в квартире епископа Димитрия (Любимова), когда владыка объявил об официальном соглашении митрополита Иосифа (Петровых) возглавить всех отошедших от митрополита Сергия. Владыка высказал предположение об усилении антисергианского движения, и все участники собрания были воодушевлены и надеялись, «*что за митрополитом Иосифом пойдет большинство духовенства и епископата, а чрез то и массы мирян, и таким образом создастся серьезное противодействие "сергианству"*».

*«Однако, как потом выяснилось, епископы, которые на первых порах были солидарны с нами, — примкнуть к нашей организации отказались. Епископ Ди-*

<sup>122</sup> Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 16–17.

*митрий Любимов, Верюжский и Федор Андреев расценивали такое положение епископов боязнь встать с нами на открытый, но скользкий путь. В алтаре церкви Воскресения на крови между Димитрием Любимовым, Верюжским и Андреевым был по этому вопросу разговор, и решено было, на случай ареста епископов, производить тайные посвящения, кандидатов при этом в разговоре не называли».*

В материалах дела упоминается о том, что не раз предлагалось принять епископский сан М. А. Новоселову, но он отказывался. Были намечены рукоположения еще некоторых кандидатов, но осуществились ли они, не известно. Из показаний протоиереев Никифора Стрельникова и Василия Верюжского следует, что был лишь один случай тайного посвящения в епископы — Максима Жижиленко. По словам протоиерея Никифора, *«посвящение во епископа Максима было совершено настолько секретно, что о нем большинство духовенства узнало после».* Сам протоиерей Никифор услышал об этом от протоиерея Василия Верюжского, *«тайное посвящение совершалось в загородной маленькой церкви в отсутствие народа в будний день».* Позднее на допросе протоиерей Василий Верюжский разъяснил причины тайных посвящений:

*«Политические мотивы введения тайного монашества заключались в стремлении увеличить кадры надежных для Церкви лиц, которые были ценны уже тем, что не могли изменить ей; во-вторых, — они с большей безопасностью и более незаметно могли распространять "истинно-православие" и работать в духе контрреволюционных установок организации, в духе борьбы с безбожной властью.*

*Происхождение тайного монашества объяснялось отчасти и эсхатологическими взглядами на современность, свойственными организации. В последние вре-*

*мена мира, близость которых предполагали, должно прекратиться видимое священство и совершение служб. Отсюда возникла мысль о тайном священстве, о тайном епископстве и монашестве. Разговоры об этом были давно, еще в самом начале возникновения организации»<sup>123</sup>.*

Таким образом, тайные хиротонии совершались с перспективой на будущее. Иосифляне, хотя еще и пользовались великолепными храмами, где совершали торжественные богослужения со всей прежней пышностью имперских времен<sup>124</sup> и вели открытую борьбу за чистоту Православия, стараясь оказать влияние на церковные массы. Но они не могли не понимать, что время открытого служения подходит к концу. В этом плане интересно свидетельство протоиерея Феодора Андреева, который в материалах дела назван как *«первое лицо в организации иосифлян, истинно-православных»*:

*«Относясь к Советской власти совершенно непримиримо, он, полемизируя с "сергианами", пускал в обращение доказательство о полной невозможности поминать власть за богослужениями, о совершенной неприемлемости для христиан какого бы то ни было соприкосновения Церкви со властью, даже во внешних формах легализации. Он направлял внимание на то, что в настоящее время фазис борьбы Сов<етской> власти с Церковью устремляется на разрушение самых*

<sup>123</sup> Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 150 об., 108 об., 281.

<sup>124</sup> Самый яркий пример — петроградский кафедральный храм Воскресения-на-Крови, который иосифлянам удалось зарегистрировать и удерживать за собой почти два года до самого закрытия, — грандиозный собор, шедевр церковного зодчества и монументального искусства с прекрасным хором и благолепными службами, в том числе частыми архиерейскими, отличавшимися особой торжественностью.

*внутренних основ и существа христианских понятий о семье, о воспитании детей в духе безбожия; о переустройстве общества на основе материалистических безбожных начал, при коих Церковь, как видимая внешняя организация, уничтожится, и что поэтому — она теперь уже должна уходить в подполье, чтобы сохранить себя в чистоте и полной неприкосновенности к ней безбожной власти.*

*Взгляд прот<оиерея> Феодора Андреева на тогдашний современный момент был тот, что развивающееся социалистическое переустройство общества уничтожит Церковь и что поэтому, пока Церковь еще открыто существует в обществе как внешняя организация, она должна противодействовать проведению Советской властью социалистического строительства»<sup>125</sup>.*

Противоречие этой позиции: с одной стороны, «Церковь уже должна уходить в подполье», а с другой, «открыто существует и должна противодействовать безбожному строительству», — только кажущееся. Протоиерей Феодор, как и большинство иосифлян, не скрывался и не переходил на нелегальное положение, продолжая открытое служение, не кривя душой и не утаивая своего отношения к безбожию и богоборческой советской власти. Испытывая все большее давление власти, он не тешил себя иллюзией (в отличие от митрополита Сергия), что можно путем компромиссов ослабить это давление и тем более получить легализацию, какие-то права для Церкви и нормального ее существования. «"Не надо нам ваших советских прав, оставьте нам святое наше бесправие", — ответил отец Феодор в тюрьме на допросе следователю Макарову, рисовавшему перед исхудалым полуживым пастырем "прелести"

<sup>125</sup> Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т.1. Л. 168–169.

процветания Церкви, признанной коммунистической властью и пользующейся правами юридического лица»<sup>126</sup>.

Иосифляне видели, что власти создают все более невыносимые условия и что наступит момент, когда открытое служение в храмах будет невозможным, и тогда никакого иного пути, кроме подпольного, катакомбного, как в первые века христианства, у Церкви не останется. К этим новым условиям жизни Церковь нужно было готовить; отсюда — ряд тайных хиротоний, с которыми не медлили, так как не известно, будет ли возможно их совершать в будущем. Не исключено, что кроме рукоположения епископа Максима (Жижиленко) были и другие архиерейские хиротонии, произведенные в еще более строжайшей тайне, потому и оставшиеся неизвестными даже протоиерею Василию Верюжскому.

Однако до тех пор, пока еще оставалась возможность открытого служения, а значит, и большего влияния на народ, старались ее максимально использовать, при этом хорошо понимая, что подставляют себя под удар и рано или поздно подвергнутся репрессиям. Но к сему мужественно готовились сами и готовили других, призывая уповать на помощь Божию. Это был осознанный путь исповедничества и мученичества. Не случайно в материалах следственных дел неоднократно упоминалось о том, что владыка Димитрий (Любимов) в проповедях и беседах постоянно говорил о гонениях и страданиях, призывал не бояться мучений и смело идти до конца за Христом. На допросе 21 декабря 1930 года он должен был разъяснить свою "установку", особо заинтересовавшую следствие: «*Установку нашу на необхо-*

---

<sup>126</sup> *Польский Михаил, протопресвитер. Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 133.*

*димось в случае надобности "пострадать до крови" надо понимать в смысле мученичества»<sup>127</sup>.*

Такой же путь предстоял и епископу Максиму. Недолго владыка пробыл тайным епископом и в начале 1929 года вышел на открытое служение. В конце января 1929 года он приехал в Серпухов.

---

<sup>127</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 208.



## Серпуховские события 1927–1928 годов

Итак, Серпухов, небольшой уездный город<sup>128</sup> в 99 км к югу от Москвы, известный своими монастырями, основанными учениками преподобного Сергия в XIV веке. Ко времени прибытия владыки Максима прошел ровно год, как добрая половина духовенства этого подмосковного города прервала каноническое общение с митрополитом Сергием. Так, вопреки всем ожиданиям «действовать, а не пассивно переносить надругательства над Православной Церковью», как писал в упомянутом выше письме епископ Виктор (Островидов), решительно выступило против политики митрополита Сергия духовенство скромного Серпухова, а не столичной Москвы. Примечательно, что именно в то время, когда владыка Виктор, ожидая действий от Москвы,

---

<sup>128</sup> Небольшой — по сравнению с Москвой, но первый по количеству постоянных жителей среди городов Московской губернии. На 1926 год здесь проживало более 50 тысяч человек. Серпухов был одним из промышленных центров губернии — здесь еще с XVIII века начало развиваться текстильное производство, к началу XX века на фабриках было занято около 20 000 рабочих.

сообщал об отделении своей епархии от митрополита Сергия<sup>129</sup>, в Серпухове также разворачивались основные события. Здесь, как и в других местах, «темп церковной жизни» усилился «без всякой искусственности», и ревнители Православия вынуждаемы были активно действовать в ответ на неканонические и разрушительные действия со стороны архиереев Синода митрополита Сергия.

Ход серпуховских событий позволяют проследить архивные документы: прежде всего показания на допросах по материалам ряда групповых дел по Серпухову и Москве с 1928 по 1937 год, а также документ из центрального дела под названием "Краткая годичная история Русской Православной Церкви за 1927–1929 г<оды>". В материалах дела — это машинопись, 9 января 1929 года заверенная секретарем Синода Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). В подзаголовке указано, что «этот очерк только что получен из России очень известным, всеми почитаемым духовным лицом. Автор его — известный ревнитель Православия — духовное лицо»<sup>130</sup>. Очерк был опубликован в издаваемых в Сербии "Церковных ведомостях" РПЦЗ № 23–24, 1929. События в Серпухове там излагаются

---

<sup>129</sup> «Темп церковной жизни у нас сильнее, чем в Москве, а за последнюю неделю он еще более усилился. И это без всякой искусственности с нашей стороны, а сама жизнь заставляет нас так делать» (Письмо от 29 декабря 1927 года / Дело митрополита Сергия // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 126 об. — 127).

<sup>130</sup> «Статья "Краткая годичная история Русской Православной Церкви 1927–1928 гг." написана человеком из кружка М. А. Новоселова и, по сути, могла являться предисловием к "Делу митрополита Сергия"... Возможно, очерк был послан архиепископу Анастасию (Грибановскому), с которым у ряда церковных деятелей сохранилась письменная связь» (Косик О. В. Голоса из России... С. 174).



четко, хотя и не подробно, но с ясным указанием на главную причину, побудившую к резкому отходу от митрополита Сергия:

Епископ Серпуховский Сергей (Гришин)<sup>131</sup>, в то время управлявший делами Синода, «задумал поступить по-военному в своей епархии и потребовал в назначенный срок начать выполнять указ о поминовении митрополита Сергия и властей. Согласились поминать только две церкви из двадцати. Тогда епископ Сергей издает вторичный приказ: если кто не начнет немедленно поминать власти, тот тотчас будет запрещен в священнослужении. Это возымело свою силу: согласились поминать девять церквей, а одиннадцать, чтобы предупредить запрещение, немедленно присоединились к епископу Дмитрию Гдовскому, официально отделившемуся от митрополита Сергия и его Синода, причем оповестили их об этом документом. Это было в Рождественские праздники. 25 декабря приехал в Серпухов епископ Сергей на праздник Рождества Христова, и тогда произошло против него возмущение народа, посыпались эпитеты: красный и т<ому> п<одобное>. Если бы не успокоение народа отделившимися священниками и прибытие милиции, то епископу Сергию было бы плохо»<sup>132</sup>.

Епископ Сергей (Гришин) был рукоположен во епископа и назначен на Серпуховскую кафедру в апреле 1927 года, то есть его хиротония была совершена по выходе митрополита Сергия из тюрьмы после соглашения с Тучковым. При образовании митрополитом "Временного Синода" новопоставленный епископ стал деятельным его участником и секретарем, или "управляющим делами". Под июльской декларацией 1927 года стоит

<sup>131</sup> Подробная справка на него приведена в *Приложении III*.

<sup>132</sup> Краткая годичная история Русской Православной Церкви. 1927–1928 гг. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 4. Л. 166–167.

его подпись; также и под октябрьским указом о поминовении. Этот печально известный указ, принятый по предложению митрополита Сергия 8/21 октября 1927 года, «вводил единообразную форму иерархического поминовения за Богослужением» (без всяких канонических оснований после имени Местоблюстителя митрополита Петра вставлялось имя митрополита Сергия) и «поминовение предержавших властей» — на ектеньях по форме: "О стране нашей и о властях ея" и на сугубой ектенье: «Еще молимся о стране нашей и о властях ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте»<sup>133</sup>.

Как уже упоминалось, этот указ вызвал возмущение и не исполнялся многими пастырями. В Серпухове, судя по информации, представленной в очерке "Краткая годичная история РПЦ", он не исполнялся практически всеми (автор очерка пишет о двадцати церквях в городе). Вероятно, именно столько церквей еще действовало к концу 1927 года<sup>134</sup>; количество отделившихся, по нашим подсчетам, девять: из них восемь приходских храмов и одна Покровская церковь бывшего Высоцкого монастыря. Возможно, был еще один храм — Преображенский на Спасской горе, так называемый 2-й Спас (почему-то информации о нем не сохранилось, но, вероятно, именно его настоятелем был священник Владимир Бушуев).

---

<sup>133</sup> Цит. по: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года... С. 229.

<sup>134</sup> В книге "Храмы Серпуховского благочиния. Очерки из истории и современной жизни храмов города Серпухова" перечислено 22 храма. Известно, что два из них были закрыты вскоре после революции: храм св. благ. князя Александра Невского при тюремном замке сразу после 1917 года; храм Рождества Богородицы в 1923 году уже не действовал, иконы из него перенесены в Казанскую церковь.

Когда епископ Сергей (Гришин) издал свои приказы об обязательном поминовении, точно не известно. Но тот факт, что именно они вызвали отход от Синода серпуховских клириков, подтверждают показания одного из старейших священнослужителей города, протоиерея Сергея Боголепова<sup>135</sup>, во время следствия по первому групповому делу серпуховского духовенства в августе 1928 года: *«Причиной отхода нас от Синода послужило настойчивое требование епископа Сергия (в Серпухове) молиться за Сов<етскую> власть, угрожая в противном случае запретить священнодействия»*<sup>136</sup>.

Это же подтверждали в своих показаниях обвиняемые и свидетели, привлеченные к следствию по другим делам позднее. Так, например, на следствии 1930–1931 годов Ольга Алексеевна Боголепова (племянница протоиерея Сергия) показала: *«По вопросу раскола в церкви на тихоновцев (староверов) и на сергиевцев (нововеров) могу сказать, что узнала впервые в Троицком соборе от свящ<енника> Александра Кремышенского, который 1 января 1928 года после обедни объяснил верующим о причинах раскола в Церкви, говоря "митрополит Сергей заставляет нас почитать власть, чего мы по каноническим причинам не можем, так как существующая власть религию не признает, а потому мы и не можем почитать ее; в силу таких расхождений мы порываем каноническое общение с митрополитом Сергием и остаемся верны Петру Крутицкому, а в каноническое общение мы входим с епископом Димитрием Гдовским»*.

Протоиерей Александр Кремышенский — настоятель Троицкого собора и серпуховской благочинный —

<sup>135</sup> Подробная справка на него приведена в *Приложении III*.

<sup>136</sup> Здесь и далее приведены выдержки из дела: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51903. Л. 36, 56–57, 63–70, 536, 1108.

был одним из главных инициаторов отхода от митрополита Сергия. Незаурядный священник, ревностный пастырь, он за несколько лет служения снискал любовь и уважение серпуховской паствы. Несмотря на его молодость (в 1927 году ему едва исполнилось 30 лет), авторитет его был так высок, что от имени 12 000 серпуховских рабочих-верующих было передано ходатайство о рукоположении его во епископа.

Правда, в дальнейшем этот факт сторонники митрополита Сергия истолковывали как главную причину раскола в Серпухове. Так, один из заслуженных протоиереев Серпухова, оставшийся в подчинении митрополиту Сергию, в своих подробнейших свидетельских показаниях в ноябре — декабре 1930 года заявил, что *«иосифлянский раскол возник на почве личных взаимоотношений священника Кремьшенского и серпуховского духовенства и его почитателей, которые хотели, чтобы его поставили в епископы»*. Протоиерей подробно перечислил этих "почитателей", в их числе и группу монахинь во главе с игуменьей Валентиной (Алевтиной), *«поднявших невообразимую бузу»* по получении 1 мая 1927 года известия о переводе епископа Алексия (Готовцева) из Серпухова.

При этом рассказчик ссылался на данное ранее якобы обещание владыки Алексия оставить преемником после себя именно протоиерея Александра Кремьшенского, которого можно было посвятить в епископы по достижении им тридцати трех лет (сам Готовцев *«в такие же лета был епископом»*). К митрополиту Сергию были посланы делегации, когда же они не помогли, отец Александр якобы *«примкнул к епископу Сергию Гришину»* в надежде при его содействии получить епископство. Однако время шло, епископ Сергей приезжал в Серпухов, а о рукоположении протоиерея Александра речи не было. 23 декабря

1927 года отец Александр сам выехал в Москву и «*епископу Сергию от имени 12 000 рабочих заявил, что верующие просят, чтобы он, владыко Сергей, не ездил более в Серпухов, а произвел бы его, Александра Кремышенского, в епископы. Владыка Сергей, как обьяснил Кремышенский своим почитателям, попытался отделаться шутками. По приезде от епископа Сергия из Москвы Кремышенский собрал совещание 28 декабря 27 г<ода>*»<sup>137</sup>.

Примечательно, что на первом допросе протоиерей-свидетель показал только о собрании 2 января 1928 года, перечислив его участников, и ничего не говорил о личных мотивах. Причем эти показания он начал с главной причины разделения: «*Послание митр<ополита> Сергия "ваша радость — наша радость, ваши неудачи — наши неудачи" вызвало сильную оппозицию к нему со стороны наиболее реакционно настроенного духовенства г<орода> Серпухова*».

Потом же в дополнительных показаниях протоиерей "вспомнил" о предварительном совещании, после которого Александр Кремышенский и вызвал священников записками к себе на квартиру 2 января 1928 года.

Сам отец Александр Кремышенский в своих показаниях не называл точной даты собрания и не касался причин отделения: «*В конце 1927 года собирал священников на квартире и в церкви после службы, чтобы выработать свое мнение по отношению к Сергию. На совещании присутствовали: свящ<енники> Александр Владыченский, Николай Боголепов, Сергей Боголепов, Николай Теряев, Валентин Смородин, Иоанн Никольский, иеромонах Серапион*.

---

<sup>137</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 63. Далее по тексту главы, кроме оговоренных особо, все цитаты из этих подробнейших показаний протоиерея-свидетеля.

*На этом собрании пришли к выводу об отходе от митрополита Сергия и о необходимости войти в общение с Димитрием Гдовским. Нам было известно о церковной смуте и, в частности, о священнике Свенцицком. Нами было написано официальное заявление митрополиту Сергию о том, что мы с ним порываем всякое каноническое общение. Это заявление ему отвезла одна из соборных прихожан — Татьяна Малашина, а к Димитрию Гдовскому я лично сам ездил в январе 1928 года с просьбой принять нас в свое общение».*

В показаниях протоиерея-свидетеля, кроме упомянутых отцом Александром, названы еще и другие священники, присутствовавшие на собрании 2 января: «1) Смирнов Илья Александрович из ц<sup>еркви</sup> Богоявления Серпухова, 2) Куньев Владимир Егорович (проживает в Серпухове, числится за штатом), 3) Куняев Дмитрий Иванович (священник Троицкой церкви Серпухова)». Они «демонстративно ушли с собрания после того, как Кремышенский сказал, что "митрополит Сергий сделался красным, признал Советскую власть и велит ее почитать"».

Приведенные показания свидетеля весьма подробны. Несмотря на то что они давались почти три года спустя и потому в них неизбежны неточности, но в целом при сопоставлении с показаниями протоиерея Александра и других обвиняемых представляется, что основные события в них изложены верно, хотя, безусловно, крайне тенденциозно (протоиерей оставался в подчинении Синоду митрополита Сергия и крайне отрицательно относился к иосифлянам, немало натерпевшись от возмущенного народа).

Важно его упоминание о том, что еще за месяц до основных событий, «4 декабря, священник Ал<sup>ександр</sup> Кремышенский на служении неразделившегося духовенства во Владычнем монастыре говорил, (что) в

*Москве о<тец> Дулов не поминает власть и митр<о-полита> Сергия, составил группу и мне в Серпухове предлагает не признавать митрополита Сергия, незаконно присвоившего власть заместителя патриаршего Местоблюстителя.*

*А еще ранее, 14 ноября, в доме о<тца> А. Владыченского при епископе Сергии Гришине после службы в церкви Сретения говорил Кремьшенский, что о<тец> Дулов половину духовенства в Москве отвлек от Митрополита Сергия, на что тот сказал, нет, в Москве все стоят кроме Дулова за Владыку Митрополита, а вот в Орехово-Зуеве епископ Никита <Делекторский> с Дуловым заодно, и в Коломне Дулов сбил епископа Феодосия <Ганицкого>, а Феодосий и Никита посылали Дулова в Тамбов. Из Тамбова Дулов проехал в Воронеж, и по 2–3 священника, которым не дали митры в Воронеже, Тамбове, Коломне, отошли от митрополита Сергия».*

Конечно же, не митры были причиной отхода от митрополита Сергия духовенства в Воронеже и Тамбове. Здесь вслед за Вятской и Петроградской епархиями образовался один из самых мощных центров антисергианской оппозиции. И, несмотря на жестокие репрессии, в том числе и расстрелы священников в начале 1930-х годов, тайное служение истинных пастырей не прекращалось на протяжении десятилетий, и катакомбные священники окормляли здесь сотни и тысячи верующих. Сергиане как-то нелогично упрекали своих противников в личных амбициях, признавая при этом основной их мотив — непризнание советской власти.

Об этом, так же как и в отношении протоиерея Александра Кремьшенского, упоминалось в показаниях свидетеля о собрании 14 ноября: «Только что приехавший по приглашению епископа Сергия Гришина из Муромского района диакон Петр Петрович Байбаков заявил, все эти Дуловы, Никиты самолюбцы, враждеб-

*но настроены против Советской власти, единственно преследуют цель: воротить времена Николая, когда в церковь загоняли городовые, вот им не нравится выражение "радость наша, ваша радость". Ведь Дулов хотел быть настоятелем у Трифона Мученика (церковь в Москве), но молод, вот и затеял бузу — незаконный заместитель митрополит Сергей».*

Священник Николай Дулов и его судьба — отдельная тема. Искренняя ли ревность о чистоте Православия руководила им или же в большей мере дух любоначалия, или, как это нередко бывает, то и другое в неочищенной от страстей душе соединялось в причудливую смесь и в конце концов привело отца Николая к духовному краху?.. Бог знает... Сердечные помыслы никому неведомы, а открыты поступки и дела, а они, увы, говорят не в пользу бывшего священника Николая Дулова<sup>138</sup>.

---

<sup>138</sup> 1 марта 1931 года Николай Дулов подал докладную записку на имя Тучкова с детальным описанием положения в Церкви и антисергианской оппозиции, особенно подробно изложив взгляды митрополита Кирилла. «Как следует из этой же докладной записки, отношения Н. Н. Дулова с ОГПУ не были просто отношениями следствия и обвиняемого. По "предложению" представителей ОГПУ он выполнял определенные поручения органов. Так, им был подан обширный отзыв о книге А. Ф. Лосева "Диалектика мифа". В связи с этим Лосев, по свидетельству его второй жены А. А. Тахо-Годи, прямо называл Дулова "provokatorom"» (*Мазырин Александр, иерей*. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. — С. 112). 1 декабря 1931 года Дулов снял сан священника; по словам его дочери на следствии в 1937 году, он объяснял, «что снял сан священника, чтобы выжить», иначе грозила тюрьма; тем не менее, по ее свидетельству, он сохранял антисоветские настроения и готовился к войне, питал надежду и говорил, «что мне хоть немного, а придется пожить видным деятелем власти, и вся моя надежда — это война» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49980. Дело по обвинению Туркестанова В. Г. и Дулова Н. Н. 1937 год).



А вот в отношении епископа Никиты (Делекторского), как и большинства отделившихся от митрополита Сергия, обвинение совершенно несправедливо, и это очевидно. Как свидетельствует предание, он нес подвиг нестяжания и юродства, живя в полной нищете, а политику митрополита Сергия не признавал по глубокому убеждению и по отбытии срока в концлагере продолжил тайное служение и даже совершал хиротонии. В ноябре 1937 года владыка Никита был арестован, приговорен к высшей мере наказания как *«нелегальный епископ ИПЦ и контрреволюционер»* и расстрелян на Бутовском полигоне.

Вернемся к событиям в Серпухове. Епископ Сергей (Гришин), узнав от архидиакона Андрея Васильева о прошедших совещаниях у протоиерея Александра, вызвал Кремышенского к себе, но тот к нему не явился. 8 января 1928 года епископ Сергей сам прибыл в Серпухов, где должен был служить, как об этом было договорено еще за месяц до всех событий. Но в Троицкий собор прихожане его не пустили, а в Распятской церкви устроили, по словам все того же протоиерея-свидетеля, *«скандал, подсказанный Дуловым, осуществленный под указкой Кремышенского монахинями Владычного монастыря и работницами Серпуховских фабрик — кликушами Серпуховских церквей»*.

Настоятелем Распятского храма был упомянутый священник Сергей Боголепов. Не полагаясь на его твердость, по словам свидетеля, *«его племянник, Николай Боголепов настойчиво советовал не доверяться добродушному Сергею Андреевичу (Боголепову); и вот Кремышенский за час до службы, придя в церковь Распятая, заявил церковному Совету, в лице Черновой и настоятеля Боголепова и Крымовой Елизаветы Николаевны, что из Москвы Дулов прислал сообщение о состоявшемся будто постановлении 11 священников*

*признать митрополита Сергия и его ставленников красными и не допускать их служить».*

Епископ Сергей прислал иподиакона Михаила Оболенского сообщить, что он в церкви Распятия служить не будет, так как *«не может не помянуть митрополита Сергия, который всего только 8 месяцев, как его рукоположил».* Очевидно, условие "непомяновения" ему было кем-то передано, так как собиравшийся с ним служить и уже облачившийся диакон Петр Байбаков говорил, что только что был у епископа Сергия и тот собирается уже идти сюда служить.

Далее протоиерей-свидетель на допросе красочно описал события, происходившие в храме: *«Вы слушайте меня, покраснев, сказал Кремышенский Байбакову, а то и Вы должны уйти отсюда, а если Вы будете помянуть власть, как Вы уже раз сделали неделю тому назад в Троицком соборе и еще ранее 25 дек<абря> 27 г<ода> в ц<еркви> Спаса. В Москве Дулов двух диаконов прогнал из своей церкви за то, что они поминали власть. Вам Троицкий собор не будет платить жалованье (50 руб<лей>), если Вы будете помянуть власть и Митрополита Сергия. Лучше сейчас уходите. На это диакон Варсонофий Безсонов говорил: нам красные попы и безбожники-коммунисты не нужны. После этого Байбаков ушел, и Чернов по распоряжению Кремышенского послал за диаконом Иринархом (церковь Покрова).*

Епископ Сергей Гришин, оповещенный о происшедшем в церкви Распятия, стоял за всеобщей в церкви Александра Невского, а в 11 часов дня пришел по совету Байбакова разяснять дело верующим, куда их ведет Дулов и Кремышенский, пришел в церковь Распятия. Епископ в конце службы вошел на амвон, так как в алтарь дверь Безсонов затворил, крича, "не пущу еретика", а Кремышенский, обращаясь с клироса,

крикнул: "Еретику-епископу нельзя быть в Православной Церкви. Не только я, священник, запрещаю вам входить в общение с нами, но даже простой монах Максим Исповедник в VII веке отлучил самого патриарха византийского за ересь".

Епископ Сергей стал было говорить, что в Москве только один о<тец> Николай Дулов противится митрополиту Сергию, а в Ленинграде всего 11 священников, да 2 епископа, уже давно отлученные от Церкви и запрещенные в священнослужении, значит, неканоничные, не имеющие никакого юридического значения с точки зрения церковных канонов, отошли от Митрополита Сергия, и что о<тец> Александр (Кремышенский), как не обучавшийся в духовно-учебных заведениях, не может быть компетентным в церковных правилах, а о<тец> Дулов, окончивший университет, тоже совершенно не знает священного писания, которое учит, что всякая душа властям предержащим повинуется. В это время вырвался из алтаря диакон Варсонофий, удерживаемый за руку о<тцом> Сергием Боголеповым, и за руку вывел к двери Епископа Сергия: "Иди от нас, новый Арий, у нас будет епископом Александр Кремышенский".

А Моисей Доброхотов говорил: "Хороша радость наша, когда все монастыри Советская власть разорила. А сколько имущества, а разных сокровищ в монастыре Оптиной Пустыни взяла, какие лошади, какие коровы, экипажи, целые заводы лесопильные отобрала себе Сов<етская> власть, и радоваться за нее надо?.. Такого духовного начальника, как митрополит Сергей, не нужно нам. Он сам был при Патриархе сперва обновленцем, его Митрополит Петр Крутицкий к себе заместителем не назначал"».

И далее протоиерей-доносчик также ярко и подробно описал в своих показаниях и возмущенные крики

женщин в соборе, требующих удаления епископа Сергия, а самых активных из них назвал по фамилиям-именам-отчествам.

Оскорбленный епископ Сергей ушел и вечером того же дня, вернее, в ночь на 9 января 1928 года назначил благочинным епархии священника Сергия Крутякова<sup>139</sup>, после чего уехал.

12 января протоиерей Александр Кремышенский написал, по свидетельству все того же протоиерея, *«при участии московского профессора Новоселова воззвание к митр<ополиту> Сергию от имени Серпуховского духовенства, не признавшего Сергия, причем непризнание мотивировалось главным образом тем обстоятельством, что митр<ополит> Сергей безоговорочно признал Сов<етскую> власть»*.

Текст "воззвания" широко распространялся в кругах оппозиции. В сборник "Дело митрополита Сергия" он был включен Михаилом Александровичем Новоселовым под названием "Отложение Серпуховского духовенства и мирян от 30 декабря 1927 года". Дата указана по старому стилю, соответственно это 12 января 1928 года — по новому.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Не находя для себя более возможным оставаться на том скользком и двусмысленном пути, на который Вы своими декларациями и распоряжениями поставили всю Православную Церковь, и повинясь гласу совести и долгу пред Богом и верующими, мы — нижеподписавшиеся, порываем каноническое и молитвенное общение с Вами и так называемым "Патриаршим Синодом" и отказываемся признавать Вас Заместителем Патриаршего Престола по следующим причинам:

---

<sup>139</sup> Сергей Иванович Крутяков, настоятель Казанского храма в Серпухове.

- 1) Декларация Ваша от 16 июля, указ от 20 октября и все, что известно о Вашем управлении Церковью, с очевидностью говорит о том, что Вы поставили Церковь в зависимость от гражданской власти и лишили ее внутренней свободы и самостоятельности, нарушая тем и церковные каноны, и идя даже вопреки декретам гражданской власти.
- 2) Таким образом, Вы являетесь ничем иным, как продолжателем так называемого "обновленческого" движения, только в более утонченном и весьма опасном виде, ибо, заявляя о незыблемости Православия и сохранении каноничности, вы затуманиваете умы верующих и сознательно закрываете от их глаз ту пропасть, к которой неудержимо влекут святую Церковь все Ваши распоряжения.
- 3) Результат Вашей политики у нас налицо. Верующие гор<ода> Серпухова, взволнованные Вашими распоряжениями, охвачены сильнейшей тревогой и недоумением за судьбы св. Православной Церкви. Мы — их пастыри, поставленные Вами на двусмысленный путь, не только не можем внести упокоения в их сердца и умы, но вызываем с их стороны подозрение в измене делу Православия и переходе в лагерь обновленчества.

Все это повелительно заставляет нас дерзновенно возвысить свой голос и прекратить теперь уже преступное с нашей стороны замалчивание Ваших ошибок и неправильных действий и, с благословения Димитрия, Еп<ископа> Гдовского, отмежеваться от Вас и окружающих Вас лиц. Уходя от Вас, мы не отходим от законного Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра и отдаем себя на суд будущего Собора. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор — единый наш правомочный судья — нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонів святоотеческих, а как боящихся за их нарушение.

Серпухов. 30-XII—1927 года»<sup>140</sup>.

<sup>140</sup> ГА РФ. Ф. Р-5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 112 об. — 113; Луч света... С. 11–12.

Не ясно, сколько священнослужителей подписали это воззвание; протоиерей Александр Кремьшенский называет семь, в показаниях свидетеля указывается в два раза больше: прежде всего это сам отец Александр, настоятель Троицкого собора; протоиерей Сергей Боголепов, настоятель Распятской церкви; его племянник, священник Николай Боголепов, настоятель Спасо-Занарской церкви; протоиерей Александр Владыченский, настоятель Сретенской церкви; священник Николай Теряев, настоятель Воскресенской церкви; священник Иоанн Лебедев, настоятель церкви Николы в Бутках; архимандрит Пантелеимон (Орлов), игумен Никон (Хрулькевич), иеромонахи Кронид (Дубровный) и Серапион (Кушин) из Высоцкого монастыря. А также подписавшие не на собрании, а позднее: иеромонах Моисей (Доброхотов) из церкви Вознесения, архимандрит Иларию и иеромонах Акакий из Давидовой пустыни; оттуда же были иеродиакон Варсонофий Безсонов, служивший в церкви Распятия, и иеродиакон Иринарх (Белявский), служивший в Покровской церкви<sup>141</sup>. Остается неизвестным некий Иоанн Никольский — он назван только в показаниях свидетеля. Точно известен еще один подписавший обращение серпуховцев — иерей Владимир Бушуев, служивший в церкви 2-го Спаса<sup>142</sup>. Об этом говорится в письме на его имя, копия которого находится в следственном деле петроградских иосифлян<sup>143</sup>.

<sup>141</sup> Подробная информация о серпуховском духовенстве изложена в *Части II*.

<sup>142</sup> Вероятно, это был Преображенский храм у реки Нара на Спасской горе, разрушенный в 1975 году при строительстве новых корпусов ситценабивной фабрики.

<sup>143</sup> Из письма известно, что весной 1929 года отца Владимира уже не было в Серпухове, он выехал на родину и в апреле 1929 года прислал письмо к своей пастве и обращение к епископу Мануилу (Лемешевскому) о своем возвращении в общение с митрополитом Сергием (Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 48–50 об.).

14 января 1928 года епископ Сергей (Гришин) вновь приехал в Серпухов. По предложению иеродиакона Иринарха (Белявского) он решил служить в соборе Николая Белого, где после службы мог поговорить с верующими. Поскольку был большой праздник — 15 января, память преп. Серафима, народу должно было собраться много на всенощную, *«и власть гражданская не придерется — ведь пришли для молитвы»*. Но сам иеродиакон Иринарх, как сообщает в своих показаниях свидетель, в храм не пошел, а пришел в мужской монастырь к архимандриту Пантелеимону (Орлову). Туда же пришли иеромонах Серапион (Кушин), протоиерей Сергей Боголепов, иерей Николай Боголепов, иерей Николай Теряев, сам Александр Кремышенский. *«На что архимандрит Пантелеимон обрадованно сказал: вот у нас свое собрание, давайте за чайком беседовать. А в Никольском соборе пусть бабы распотрошат хорошенько владыку Сергия, покажут ему, что значит "радость наша, ваша радость"»*.

Откуда могли быть известны такие подробности протоиерею, который сам в этот момент находился в алтаре Никольского собора? Детали собрания в монастыре "за чайком" у архимандрита Пантелеимона, возможно, созданы его богатым воображением. А вот происходившее в соборе описано им уже по собственным впечатлениям:

*«Когда все это семейное совещание происходило в келии архимандрита Пантелеимона, другое, сперва молитвенное, мирное под председательством Епископа Сергия Гришина служение потом превратилось в четырехчасовое кошмарное бурное скопище фанатиков, организованное по указке Кремышенского и программе Дулова, как после выразился диакон Васинев из церкви Николая Белого. Епископ Сергей пришел в Николобельский собор в 3 1/2 вечера, но уже с 4-х часов в него набилось до 3-х тысяч человек фабричных работ-*

ников и работниц и в особенности кустарей и торговцев, из которых все, ходившие в церковь Распятая, — Кузнецов (галантерейщик), Хомутов Алексей (шорник); в Троицкий собор: Ежикова, Сурина (торговцы), еще до прихода Епископа Сергия кричали: "Не надо нам длиноволового". А Пучкова Евдокия топала ногами, вопила: "До Калинина дошла, с Рыковым справилась, а пузатого Сергия (митрополита) до кишок пропорю"... Евдокия Алексеевна Пучкова с особенным, ей только свойственным прищелкиванием языка повторяла: "Смидовича изругала (в 1925 г<оду>), а этого волосатого Сергия (митрополита) исколошмачу, взял у нас Епископа Алексия, дал Сергия дурака, а теперь гонит Александра Анатольевича Кремышенского. Долой его!"

А когда вошел в собор Епископ Сергей вместе с 12 священниками, Бочарова (торговка) стащила с него рясу, а когда началась служба, то Иванова Елена (казарма Урицкого), махая с амвона руками, кричала: "Не станем безбожников большевиков поминать". "Каторжников повесить", — кричала Костина Анна. "На Сахалин их, сукиных детей", — вторил Николай Костин.

А служба идет, Епископ и священники читают акафист Спасителю... Галкин (сын торговца, теперь с 1929 г<ода> кандидат партии... хотя ходит постоянно в Троицкий собор), кричит: "Вот сколько отступников от веры, предателей собрал длинногривый, в милицию его стащить, давайте в архиереи Кремышенского".

— Нас, рабочих, заел коммунизм... — кричит Василий Петрович Кузнецов (вышеупомянутый галантерейщик).

— Да ведь служба давно идет своим порядком, — возражает ему протоиерей Павел Иван<ович> Сминов.



— Зачем нам ваша большевистская вечерня, нам о<тец> Александр не велел с вами молиться, и Дулов Николай говорил в доме о<тца> Александра (Кремышенского): "Не молитесь, а на собрание идите, требуйте от имени Серпуховских рабочих".

— Не надо эту душегубную власть поминать, они враги наши, они богохульники, — кричала настойчиво и упорно в ответ на слова о<тца> Павла работница фабрики "Красный текстильщик" Ксения Л. Прописнова...

А когда в 7 часов вечера после вечерни на амвон вышел Епископ Сергей Гришин и прочел воззвание Кремышенского (об этом уже много сказано З/ХІ, Акт об отходе) и ответ митрополита Сергия, то поднялся такой шум, начатый вет<еринарным> врачом Доброховичем, работницами Ситценабивной фабрики из казармы Урицкого: Егоровой, Антоновой Анной, Екатеринославской Марией (дочь дьячка), Прохоровой Александрой; с фабрики "Красный Текстиль": Зотовой Параскевой, Галкиной Надеждой, Артемьевой Дарьей, Артемоновой Федосьей и Копинкиной Меланьей (показано о ней З/ХІ–30), что казалось, что потухнет электричество, лопнут стекла».

Вероятно, это эмоциональное описание не беспристрастно и преувеличивает разбушевавшуюся народную стихию. Хотя при любых массовых собраниях даже в несколько десятков человек всегда могут возникнуть какие-то эксцессы. Помимо горячности и несдержанности отдельных лиц, накаляющих всеобщую атмосферу, как правило, играют свою роль и откровенные провокаторы, стремящиеся и без того неорганизованную толпу сбить с толку и толкнуть на явно незаконные действия.

В серпуховском Никольском храме собрались не десятки, а сотни и даже тысячи людей. Свидетель повто-

ряет, что епископ Сергей стоял 2,5 часа перед толпой в 3000 человек. В большинстве это были люди верующие и искренние, но простые и выразившие свои чувства, очевидно, резко. Свидетель говорит, что они без конца кричали: «Долой Сергия, долой коммунистов!» — так что можно себе представить, насколько была наэлектризована толпа. И еще можно удивляться терпению верующих — на протяжении двух с лишним часов ожидать ухода епископа, ставшего в их глазах "красным", предателем веры и Церкви.

Правда, в показаниях упоминается, что церковный староста Петр Петров вошел в алтарь и столпившимся священникам: Синайскому, Смирнову Павлу и другим — говорил: *«Погодите выходить, на вас озлоблен народ, убьют, пожалуй»*. Но о том, чтобы кого-то тронули, в показаниях ничего нет; единственно упомянуто, что подростки по выходе из церкви кидали снежными комьями и сбили шапку священнику Иакову Бриллиантову. А епископ Сергей наутро заявил в ГПУ, что *«в него кидали комьями снега, от удара которых он свалился с ног, и его уже усадили в сани. И в извозчика кидали льдинами, сбили шапку, поэтому извозчик, уже повезший его на квартиру, повернул в дом милиции»*. Свидетель обратил особое внимание на то, что при этом *«Сурин Михаил, 18 лет», Алексей Сурин, 16 лет, Костин, 18 лет, кричали: "Это Вас угостить велели о<тец> Александр и о<тец> Николай"»*.

Едва ли эти хулиганские действия были организованы и одобрены священниками, скорее всего, конечно, это была просто "инициатива юнцов". Также и на Крещение 19 января, когда крестным ходом сергианское духовенство с верующими спускалось с Красной горы на реку Нару, то от Троицкого собора, где служил в то время обедню протоиерей Александр Кремышенский, в них кидали поленьями и кричали: *«Вот вам вместо*

*креста, погрузите в воду». Когда священник Крутяков при встрече со священником Николаем Боголеповым упрекнул верующих в этих безобразиях, то отец Николай ответил, что народ выражает свое возмущение тем, что «вы поминаете Сов<етскую> власть, которая угнетает рабочих».*

Многие жители Серпухова отказались принимать сергианских священников, ходивших по обыкновению освящать дома крещенской водой. *«О<тец> Павел Смирнов (от Александро-Невского храма) рассказывал, что когда пришлось ходить в крещение, то половина верующих (из 250 домов) заявила: "Вы красные, нам Димитрий Гдовский велел принимать Кремышенского, или Акакия"<sup>144</sup>, или Дулова, если он будет сюда приезжать". То же самое заявили (из 400 домов 180 домохозяев), что "красных" не принимают, то же, по словам Крутякова, было и в Казанском приходе, в деревнях пригородной волости и в рабочих казармах Успенского прихода». По словам доносчика, вместо них освящал дома иеромонах Моисей (Доброхотов).*

16 января, как показывает свидетель, архиепископ Филипп (Гумилевский) "отлучил от Церкви" протоиерея Александра Кремышенского, вероятно, и других священников, подписавших воззвание. Однако это не возымело никакого действия, напротив, к отцу Александру присоединились иеромонахи Акакий (Бачурин) и Моисей (Доброхотов). *«Открыто заявил о своей солидарности с возванием архим<андрит> Иллариий БАБЫКИН (проживающий в дер<евне> Дедаково и Плешково и служащий в церкви Покрова в пос<елке> Речма, в 12 в<ерстах> от Серпухова; ему около 65 лет)».*

21 января протоиерей Александр Кремышенский выехал в Ленинград к епископу Димитрию Гдовскому,

<sup>144</sup> Иеромонах Акакий (Бачурин).

а затем — к митрополиту Иосифу (Петровых) в Ростов. По словам свидетеля, митрополит Иосиф *«предписал Димитрию Гдовскому "принять в общение Серпуховскую церковь", о чем и объявил верующим Кремышенский по возвращении в Серпухов, добавив, что Димитрий назначил его благочинным и что поминать следует Иосифа и Димитрия».*

По поручению Александра Кремышенского иеродиакон Варсонофий (Безсонов) съездил в села Давидову Пустынь, Крюково и Талеж; иеродиакон Иринарх (Белявский) — в села Шатово и Березню; священник Владимир Бушуев — в Коломну и Озера; везде было предложено, *«чтобы духовенство не поминало митрополита Сергия и Сов<етскую> власть, а поминало Митрополита Иосифа и Епископа Димитрия Гдовского».* Слухи о серпуховских событиях распространялись, в Серпухов приезжали посланцы от церковных общин Московской области, Калуги и Тулы.

29 апреля 1928 года вместо епископа Сергия (Гришина), переведенного в Полтаву, в Серпухов был назначен епископ Мануил (Лемешевский). Он прибыл в Серпухов в субботу 5 мая 1928 года и в тот же день встречался и беседовал с протоиереем Александром Кремышенским. В показаниях протоиерея-свидетеля упоминается, что эта беседа продолжалась около пяти часов. Отец Александр *«сперва получил у него благословение, но, не успев уговорить Мануила не поминать власть и митрополита Сергия, ушел, не взяв благословения. 10 мая 28 г<ода> в Троицком соборе, по словам Ежиковой и Суриной, объявил народу, что новый Епископ такой же тяжелый, стоит за власть и что он, о<тец> Александр, от беседы с ним вынес одну тягость и более с ним в общении не будет».*

Вечером в день своего приезда епископ Мануил отслужил всенощную в Ильинском храме, а на следующую

щий день — литургию в Никольском соборе, который стал кафедральным для сторонников митрополита Сергия, поскольку Троицкий собор был у иосифлян. Оставился епископ Мануил в архиерейском доме, который находился напротив Троицкого собора на Красной горе, и потому когда он возвращался после служб в дом, то часто сталкивался с не признававшими его верующими, которые, как пишет его биограф, «осыпали его градом ругательств, насмешек и т<ому> п<одобных> дерзостей и даже держали камни за пазухой»<sup>145</sup>.

Биограф не стесняется в резких характеристиках иосифлян и их настроений и не скупится на похвалы в отношении терпения епископа Мануила и его энергичных и умелых действий в борьбе с "расколом"<sup>146</sup>: «Прошло два месяца усердного и терпеливого труда, и иосифлянство в Серпухове если не совсем было ликвидировано, то во всяком случае низведено до минимума... С лета 1928 года сюда уже спокойно приезжали в разное время на праздники православные русские архиереи: митр<ополит> Сергей (Страгородский), Зам<еститель> Патриаршего Местоблюстителя, архиеп<ископ> Рязанский Ювеналий (Масловский), архиеп<ископ> Вятский Павел (Борисовский), еп<ископ>

---

<sup>145</sup> Здесь и далее цитаты из кн.: *Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. — Самара, 1997. — С. 294–296.*

<sup>146</sup> И подчеркивает особенную сложность этой борьбы, поскольку в Серпухове "отрицательную" роль играли бывшие епископы. Алексей (Готовцев) и Арсений (Жадановский), которые «были тайными оппозиционерами и, не отделяясь от митрополита Сергия, настраивали народ против него». Они пользовались большим уважением у верующих Серпухова. «Когда епископ Алексей был переведен в другой город, еп<ископ> Арсений, проживавший тогда в одном из женских монастырей, тайно поддерживал в своих почитателях оппозиционерство».

Подольский Иннокентий (Летяев) и еп<ископ> Сергиевский Петр (Руднев)».

Однако биограф, так же как и при описании деятельности епископа Мануила в Петроградской епархии, не только преувеличивает его заслуги в ослаблении иосифлянства<sup>147</sup>, но и умалчивает о главной причине ослабления — репрессиях со стороны безбожной власти. Летом 1928 года в Серпухове были произведены первые аресты. В ночь с 12 на 13 августа власти арестовали протоиерея Александра Кремышенского, иеродиакона Варсонофия (Безсонова) и иеромонаха Моисея (Добротова)<sup>148</sup>.

Как отметил отец Александр в анкете арестованного в графе "где и когда арестован": «В Серпухове на своей квартире, в 3 часа ночи, во время сна»<sup>149</sup>. В показаниях все того же протоиерея-свидетеля отмечено, что «арест совпал с кануном его дня Ангела, и в квартире его отца, Анатолия Петровича Кремышенского, в собственном доме по ул<ице> Карла Маркса было приготовлено работницами ф<абри>ки Ногина, Зубаковой

<sup>147</sup> Так, он писал: «После того, как в Ленинграде и Серпухове был нанесен сокрушительный удар главным силам раскола, иосифлянское движение быстро начало падать...» (*Иоанн (Снычев), митр.* Указ. соч. С. 296). Однако факты свидетельствуют об обратном — именно в это время, после «сокрушительного удара Мануила», иосифлянское движение набирало силу в Петроградской епархии. К осени 1928 года здесь насчитывалось 25 иосифлянских храмов. Всего в Петроградской епархии иосифлянскими были около 70 приходов, в том числе 21 приход в самом городе. Из них к митрополиту Сергию перешли позднее только — 6, все остальные были закрыты властями (*Шкаровский М. В.* Судьбы иосифлянских пастырей. — СПб.: Сатис, 2006. — С. 15, 21).

<sup>148</sup> Подробные справки на них приведены в *Приложении III*.

<sup>149</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51903. Л. 9 об.

*Наталией и Барановой Анной, много продуктов для именин».*

Также свидетель не преминул сообщить "о неприятностях" в связи с арестом и у иеромонаха Моисея: *«Для Моисея Доброхотова это было неприятным сюрпризом; он на деньги, собранные среди прихожан церкви Вознесения, — рабочих Ситценабивной фабрики, 2500 руб<лей> — собрался купить дом у Анастасии Петровны Русаковой по ул<ице> Нижней Серпейки, и на 15-е число августа было назначено заключение договора, и приготовленный задаток в 800 р<ублей> в квартире Доброхотова под № 5... был агентами ГПУ изъят».*

В этот же день отец протоиерея Александра, Анатолий Петрович Кремышенский, выехал в Москву и, встретившись с протоиереем Николаем Дуловым, сообщил ему о случившемся. Отец Николай приехал в Серпухов и отслужил праздничную службу на 1 (14) августа и провел собрание верующих Троицкого прихода. По свидетельству все того же "свидетеля-летописца", в собрании приняли участие 600 прихожан, ими, по предложению председателя церковно-приходского совета Николая Костина, были приняты решения: *«о возбуждении ходатайства от имени рабочих серпуховских фабрик пред епископом Димитрием Гдовским о посвящении монаха Парфения (Крутякова) в сан иеромонаха к Серпуховскому Троицкому собору; и о собрании с каждого прихожанина по 3 р<убля>».*

*«Дулов также тут, на собрании, просил Андронникова составить обращение во ВЦИК о неправильном аресте Кремышенского, а подписи с тех, которых не было на собрании, должна была собрать Ежикова Любовь Александровна, которой тут же Дулов дал 2 пустых листа. После собрания Дулов отправился в б<ЫВШИЙ> мужской монастырь вместе с иеромонахами*

*Серапионом Кушиным, Кронидом Севастинюком*<sup>150</sup>. И под руководством архимандрита Пантелеимона было условлено, что в Троицком соборе будет вместо Кремьшенского служить один из иеромонахов Высоцкого монастыря, а иеромонах Серапион отправится в Ленинград для инструкции к прот<оиерею> Верюжскому и к Димитрию Гдовскому о скором посвящении в Серпухов особого Епископа и о срочном посвящении Парфения (Крутякова)<sup>151</sup>, как непримиримого сторонника прежней царской и вообще прежней жизни»<sup>152</sup>.

Однако в тот же день, возможно, вечер или в ночь с 14 на 15 августа иеромонах Серапион Кушин был арестован. Ему, так же как и арестованным накануне клирикам, было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде. Арестованные были перевезены из Серпухова в Москву и заключены в Бутырскую тюрьму.

Следствие было недолгим, в материалах дела — всего по одному допросу обвиняемых и двух свидетелей. В сентябре уже было вынесено "Обвинительное заключение" в отношении «*группы служителей религиозного культа*»: протоиерей Александр Кремьшенский, иеродиакон Варсонофий (Безсонов) и иеромонахи Моисей (Доброхотов) и Серапион (Кушин) обвинялись в том,

<sup>150</sup> Очевидно, речь идет об иеромонахе Крониде (Дубровном); по какой-то причине свидетель называет его "*Севастинюком*".

<sup>151</sup> Об иеромонахе Парфении почти ничего не известно, кроме того, что он был из Оптиной пустыни. Когда он начал служение и когда его арестовали, тоже не известно. Свидетель упоминает только, что к 14 октября 1928 года он был рукоположен в Ленинграде, служил в Троицком соборе в Серпухове и был епископом Максимом (Жижиленко) назначен благочинным. В 1930 году в ссылке в Пинеге его встречал знакомый с ним еще по Оптиной пустыни иеромонах Никон (Беляев).

<sup>152</sup> ГА РФ. 10035. Оп. 1. Д. П-51903. Л. 71.



что «считают себя подданными бывшего дома Романовых, производят активное моление о бывшем царе Николае II как невинно расстрелянном. Систематически ведут антисоветскую агитацию среди прихожан и произносят в церкви проповеди с призывом молящимся, указывая: не ходите на собрания и не слушайте советских агитаторов, готовьтесь к расправе с большевиками, не подписывайтесь на займы». «И всех лояльно относящихся к Сов<етской> власти как слуг антихриста выводят из церкви. Производят сборы для оказания материальной помощи ссыльным церковникам как невинно пострадавшим от Сов<етской> власти. Устраивают нелегальные собрания для проработки антисоветских посланий и распространяют соловецкие декларации и другие антисоветские послания»<sup>153</sup>.

Кроме того, обвиняемым инкриминировалось ведение антисоветской деятельности не только в Серпухове, но и в окружающих деревнях и других городах СССР «посредством посылки своих агентов, писем и воззваний, в содержании коих призыв присоединения к их группе и продолжение борьбы с Сов<етской> властью до конца». Поездки по Серпуховскому уезду и соседним областям иеродиакона Варсонофия (Безсонова) и других клириков были хорошо известны, а в июне 1928 года иеродиакон побывал в Козельске, Киеве, Полтаве, Одессе. Хотя на допросе он и отрицал ведение какой-либо агитации во время поездки и получение "задания" от протоиерея Александра (Кремышенского). В свою очередь и отец Александр утверждал, что иеродиакон Варсонофий просто путешествовал во время отпуска, как он это делал каждый год, и что «никаких указаний ему о выяснении церковной жизни не было». Но в свидетельских показаниях по этому делу указывалось, что

<sup>153</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51903. Л. 51.

Варсонофий, как и по всему Серпуховскому уезду, «ездил агитировать по указанию Кремьшенского» и что «ездил в Полтаву и агитировал там духовенство и верующих, чтобы они не принимали Сергия<sup>154</sup>, так как он, как говорил Безсонов, стал красным»<sup>155</sup>.

8 октября 1928 года обвиняемым был вынесен приговор. Протоиерей Александр Кремьшенский и иеродиакон Варсонофий (Безсонов) были приговорены к 3 годам концлагеря, иеромонах Моисей (Доброхотов) — к 3 годам ссылки в Сибирь, иеромонах Серапион (Кушин) — к 4 месяцам тюрьмы.

Тем временем служение в Серпухове продолжалось. По свидетельству все того же свидетеля-"летописца", архимандрит Пантелеимон (Орлов), очень высоко отзывавшийся об арестованном протоиерее Александре, назвал его первым исповедником и сказал, что надо во что бы то ни стало продолжить его путь. По показаниям "летописца", архимандрит Пантелеимон заявил: «Я поеду на свою родину (к 14 октября Покрову празднику) и там посмотрю, нет ли подходящих батюшек сюда в Серпухов, потом, нет ли в Твери у нас и в губернии вообще кого-нибудь подходящих в архиереи, какого-нибудь профессора или доктора». Доносчик показал далее, что «об этом архимандрит предложил сообщить о<тцу> Александру в тюрьму, чтобы получить от него согласие».

На праздник Воздвижения 14/27 сентября архимандрит Пантелеимон был у иерея Николая Дулова, служившего тогда в храме Воздвижения на Воздвиженке. Потом поехал в Кимры. Вернувшись в Серпухов, он 8 ноября на престольный праздник св. Димитрия Солунского в Троицком соборе сообщил верующим, что

<sup>154</sup> Епископа Сергия (Гришина).

<sup>155</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51903. Л. 35.

*«бывший в Твери некто доктор Михаил Михайлович Жижиленко не против посвятиться от Иосифа, митрополита Ленинградского, в серпуховские епископы, только, считая неудобным отбивать место у Кремышенского до решения его дела, отложил принятие епископского сана до весны, а когда 27–28 января диакон Иринарх Белявский и Константин Щербинин съездили в Москву к Жижиленко и, с его согласия, в Ленинград к митрополиту Иосифу за его разрешением, то, по словам епископа Мануила Лемешевского, посвятил в сан епископа с пострижением в рясофор с именем Максима — Жижиленко — епископ Владимир, бывший Екатеринбургский»<sup>156</sup>.*

Здесь явно искаженная информация, переданная свидетелем по слухам, особенно последнее, касательно рукоположения, — полная чепуха! Тем не менее возможность встречи архимандрита Пантелеимона с ново рукоположенным епископом Максимом не исключена, а его объяснение по поводу *«отложения принятия сана»* (скорее это было отложение вступления на кафедру) в какой-то мере может объяснять загадку "тайной" хиротонии, ставшей явной через три месяца.

Как бы то ни было, в октябре 1928 года владыка Максим уже имел епископский сан, а о принятии Серпуховской епархии показал на допросе следующее: *«В Москве 8 января 1929 года ко мне явилась делегация из Серпухова в лице протоиерея Александра ВЛАДЫЧИНСКОГО и старосты... кажется, КОСТИН (имя-отчества не знаю), и диакона ИРИНАРХА, которые мне сказали, что они обращались к Димитрию Гдовскому просить епископа для управления епархией, и он нам указал на вас. Я решил поехать, так как, по моему мнению, я заключил, что это делается в инте-*

<sup>156</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51903. Л. 72.

*ресах Православной Церкви. Будучи уже епископом в Серпухове, я в феврале 1929 года ездил к Димитрию Гдовскому, доложил, что я вступил в исполнение своих обязанностей, с которым у меня помимо этого был разговор исключительно по церковным делам и о деталях архиерейской службы»<sup>157</sup>.*

---

<sup>157</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 552.



## В Серпухове

По приезде в Серпухов, отслужив первую службу, очевидно в Троицком соборе, епископ Максим (Жижигленко) был приглашен на торжественный обед, устроенный для всего духовенства в доме прихожанки Меланьи Тимофеевны Капинкиной. Позднее на допросе, упоминая об этом обеде, владыка утверждал, что *«разговор во время обеда у нас исключительно был на тему религиозности прихожан и о впечатлении, которое произвела моя служба. Только один кто-то из монахов или священник Сергей Боголепов обратился ко мне с вопросом, что слышно от духовенства в Ленинграде, на что я ему ничего не ответил»*<sup>158</sup>.

По понятным причинам владыка старался на допросе обойтись самым минимумом информации, дабы не давать никаких поводов для обвинений в антисоветской агитации и привлечения к следствию новых лиц. Меланью Тимофеевну он назвал *«какой-то гражданкой»*, фамилии которой он якобы не знает и отчества точно не помнит. В свою очередь и Меланья Тимофеевна пыта-

---

<sup>158</sup> Здесь и далее приведены выдержки из дела: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 1. Л. 292; Т. 2. Л. 84, 92–93; Т. 4. Л. 553.

лась во время следствия сделать вид, что владыку Максима почти не знала и никаких дел с ним не имела; он якобы остановился у нее на квартире лишь по приезде: *«Ко мне приходили женщины, просили, чтобы я Максиму дала квартиру. Максим приехал на 1 сутки, предлагали мне отдать им комнату для канцелярских работ. Говорили: "Нам она нужна, потому что жить уютно и глухая улица". <У него был> большой чемодан, может, печатная машинка. На вторые сутки Максиму не разрешила оставаться — надоело с ним возиться, и он переехал на другую квартиру»*.

Однако сын Меланьи Тимофеевны показал на допросе, что, к его большому неудовольствию, епископ Максим *«жил у них месяца 4»*, но *«мать успокаивала, что это временно, они ищут себе более удобную квартиру»*. Из показаний других свидетелей явствует, что владыка не все время пребывал в Серпухове, а приезжал из Москвы на воскресные и праздничные дни, и первое время он действительно останавливался в доме Капинкиных на бывшей Гончарной улице<sup>159</sup>, конечно же, не на *«одни сутки»*, туда к нему и приходило духовенство. Позднее владыка останавливался на другой квартире, в Варгинском проезде<sup>160</sup>. Так, Анатолий Петрович Кремьшенский на допросе показал: *«Епископ Максим прибыл в феврале месяце 1929 г<ода>, жил он в Серпухове у Капинкиной, приблизительно около месяца, а позже он квартировался за Нарой по Варгинскому проезду»*.

Меланья Капинкина принимала деятельное участие в церковной жизни, о чем, помимо кратких показаний на допросе некоторых свидетелей, очень обстоятельно повествует анонимное письмо, непонятно к кому обращенное, но приобщенное к материалам следственного

<sup>159</sup> По Тульской улице, дом 24/1.

<sup>160</sup> Ныне улица Юных Пролетариев.

дела<sup>161</sup>. Это омерзительное по тону, дышащее злобой и завистью письмо не стоило бы даже упоминать, но оно, с одной стороны, является настолько типичным для своего времени, что служит яркой иллюстрацией нравов советской эпохи, а с другой стороны, подтверждает активную церковную деятельность Меланьи Тимофеевны. Начинается это подметное письмо так:

*«Товарищи! В ночь на 28 ноября были арестованы по Тульской ул<ице> домовладельцы М. Т. Капинкина с сыном. Считаю таков<ое> справедлив<ым>, только вот сын ее не виноват, а она сама злостная к<онтр>революционерка... Заслуживает строгой кары. Многих возмущает и поражает, как до сих пор ярого врага терпят в пределах Московской губернии. Она до фанатизма реакционна, пойдет за святую братию на все...»*

*Все время (до этих квартирантов) возилась с попами, архиереями, монашками: состояла членом церковного совета ныне разрушенной церкви Спаса. Устраивала разные обеды, богато сервированные после торжественных богослужений. Имеет тесную связь со всеми духовными особами, высланными за пределы Московской губернии. Занималась пересылкой посылок сосланным, так, связь у нее не порвалась со своим духовником Кремышенским. Для этого она продала много хороших вещей».*

Далее в письме подробно перечислены разные вещи, проданные Меланьей Капинкиной, подаренные ей в свое время ее отцом Бобровицким, бывшим главным управляющим имения Шевернево генерала Хрулева. И всячески поносится "зловредная" распорядительница этих вещей, к которой неизвестный автор требует при-

---

<sup>161</sup> И оригинал, написанный карандашом, и копия, отпечатанная на машинке.

менить самые строгие меры — «*пусть получит возмездие!*».

Меланья Тимофеевна Капинкина была арестована и проходила в числе основных обвиняемых по групповому делу московских иосифлян. В феврале 1931 года она была приговорена к 10 годам концлагеря с заменой на высылку в Казахстан и отправлена в Семипалатинск. 23 декабря 1937 года там была арестована, 26 декабря приговорена к высшей мере наказания и в тот же день расстреляна<sup>162</sup>.

Некоторые исследователи считают, что Меланья Тимофеевна Капинкина была именно той самой "госпожой К.", которая вела переписку с известным протоиереем Романом Медведем, одним из ярых защитников митрополита Сергия. Как писал об этом в своем очерке И. М. Андреевский:

«Отец Роман был, несомненно, одним из самых достойных московских священников. Слава о нем распространилась далеко за пределы Москвы. Его изумительная по духовному напряжению и внутренней красоте служба в храме Святителя Алексия на Тверской собирала молящихся со всех концов города. Нескольким ближайшим духовным детям и ученикам о<тца> Романа пришлось порвать с ним духовное общение вследствие раскола.

В числе ушедших от него духовных детей была и г<оспо>жа К., выбравшая себе в качестве нового духовника владыку Максима Серпуховского. Судьбе угодно было vybrать ее сердце ареной великой "духовной брани" между владыкой Максимом и отцом Романом. Живя в Серпухове, она писала горячие письма своему бывшему духовному отцу. Он отвечал ей столь же горячо и внимательно. Предметом

---

<sup>162</sup> «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — 3-е изд. — М.: Звенья, 2004.



переписки служил церковный раскол, вопрос об отношении к власти, проблема молитвы за большевиков или о большевиках и т<ак> д<але>. К., отличавшаяся светлым умом и большим литературным талантом, удачно воспроизводила пламенную аргументацию своего нового духовника.

Отец Роман, зная, с кем он имеет дело, пользовался своей огромной эрудицией (почерпнутой в многолетнюю бытность свою в Галиции) для отражения ударов своего невидимого высокого противника.

После ареста и ссылки К. за то, что она приютила у себя Таганского старца, часть ее переписки с отцом Романом Медведем сохранилась и, может быть, когда-нибудь послужит образцом величия и духовной красоты той исторической трагедии, которая выпала на долю Церкви в самые тяжелые дни ее испытаний»<sup>163</sup>.

К сожалению, эта переписка до сих пор остается неизвестной и, по всей видимости, утрачена. В материалах следственного дела также нет упоминаний о такого рода переписке, как нет ничего и о переписке Меланьи Тимофеевны с кем-либо или ее личных писем. Поэтому сказать определенно, что именно она писала протоиерею Роману Медведеву, не представляется возможным.

О собраниях духовенства в доме у Меланьи Капинкиной неоднократно упоминалось в показаниях многих обвиняемых и свидетелей. Например, одна из свидетельниц утверждала на допросе, что епископ Максим (Жижиленко) приехал в Серпухов вместе с келейником Василием Трусовым в феврале 1929 года: *«Первое время они жили в доме Капинкиной по улице Гончарной, к нему очень часто ходили священники наших серпуховских церквей. Теперь почти все сосланные. Приезжали*

---

<sup>163</sup> Польский Михаил, протопресвитер. Новые мученики Российские: в 2 ч. Ч. 2. С. 24–25.

священники из уезда и из Москвы. Из села Кузьменки, Березня, Подмоклово и Волковское»<sup>164</sup>. Далее свидетель упоминал и иерея Никиту Игнатьева<sup>165</sup> из Казани, который успел скрыться из Серпухова до начала массовых арестов.

Приведем показания еще двух свидетелей, включенные в "Обвинительное заключение": «Епископ Максим иногда проводил нелегальные собрания на квартире обвиняемой Копинкиной, где в целях конспирации служил молебен и устраивал торжественные обеды. Под ширмой этих молебнов епископ Максим внушал собравшимся, что Сов<етская> власть преследует религию, и учил, как лучше подойти к верующему, чтобы они не признавали Сов<етской> власти». «На этих обедах среди собравшихся к Копинкиной попов велись разговоры о том, что международное положение складывается не в пользу Сов<етской> власти, и потому эта власть должна скоро слететь; для чего и верующие должны организовываться, чтобы помочь активным к<онтр>р<еволюционным> силам в борьбе с Сов<етской> властью и коммунистами».

Факт проведения на квартире Капинкиной собраний, по версии следствия, "сборищ" «для обсуждения вопросов антисоветской деятельности» подтвердил келейник владыки Максима, Василий Трусов. Он рассказал также и о поездках епископа по приходам: на праздник св. Николая они вместе ездили в Каширу, где служили; затем поехали в какое-то далекое село<sup>166</sup>,

<sup>164</sup> Здесь и далее приведены выдержки из дела: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 1. Л. 214, 320; Т. 2. Л. 265; Т. 4. Л. 72, 156, 182, 217, 241, 250, 266, 1278, 1401.

<sup>165</sup> Иерей Никита здесь отмечен не случайно, о нем еще много будет сказано, но об этом речь — впереди.

<sup>166</sup> В протоколе допроса название этого села написано неразборчиво.

*«там служили всенощную и обедню. Священник Александр сказал перед входом вступительное слово — очень рад встретить епископа в таком захолустье».*

Келейник Василий также упомянул о приездах к епископу Максиму священнослужителей из окрестных сел Подмосковья, а также монаха Иоасафа из Воронежа, прибывшего к нему для рукоположения. Вероятно, бывали у него и другие; владыка должен был принимать духовенство и совершать новые хиротонии. В марте 1929 года он рукоположил в диакона Павла Аврааменко, псаломщика из села Новоникольское Серпуховского района. 14 апреля того же года принял и определил на служение в Распятскую церковь иеродиакона Анувия (Капинуса)<sup>167</sup>. Сколько всего было принято духовенства и сколько совершено хиротоний, не известно, поскольку каких-либо документов, фиксирующих данные факты, не осталось. Как уже отмечалось, никакой канцелярии в то время у архиереев быть не могло, так что фактически материалы следственных дел — это единственный письменный источник, содержащий свидетельства об этом, и далеко не полный.

Известно, что после 7 марта 1929 года, когда был арестован епископ Алексей (Буй), владыка Максим стал управлять его воронежской паствой. Это подтвердил на допросе священник Николай Дулов: после ареста епископа Алексея он приехал к владыке Максиму в Серпухов — *«для выяснения его согласия взять на себя управление Воронежской епархией, на что Максим согласился».*

---

<sup>167</sup> О нем, как и о священнике Никите Игнатъеве, речь впереди. Промыслом Божиим им суждено было еще на протяжении многих лет осуществлять тайное служение под игом богоборческой власти, и их духовные чада до наших дней донесли живое свидетельство об этом исповедническом подвиге своих духовных пастырей.

Приходили к епископу Максиму и сторонники митрополита Сергия. Так, Алексей Улитин, *«прихожанин церкви св. Троицы сергиевской ориентации»*<sup>168</sup>, показал на допросе, что священники дмитровской ориентации и сергианской очень недружелюбно, даже враждебно настроены. Далее он утверждал, что епископа Максима посетила делегация от церковного совета Николаевского кафедрального собора, чтобы лично ему задать главный вопрос: *«Нельзя ли устранить раскол?»* На что владыка Максим строго ответил: *«Я не благословляю верующих ходить в эти неблагоприятные храмы и даже запрещаю, проходя мимо их, молиться».*)

Более подробно показал один из свидетелей о встрече епископа Максима с делегацией священников и мирян, членов приходского совета храмов Св. Жен-Мироносиц<sup>169</sup>. Во время беседы владыка твердо заявил им: *«Вы напрасно пришли уговаривать меня, вы еретики, в сущности. Вы признаете на молитве богоборную власть, входите с нею в общение, а ведь Писание Священное говорит: с богохульниками не сходишь. Вы говорите, я не богослов, не пойдет за мной народ, но я войду в сношения с моими знакомыми в Тамбове, Воронеже, где я практиковал в 1914–1918 годы, и у меня есть список священников, сочувствующих владыке Димитрию и Сергию Каргопольскому. Я уже обратился к ним с воззванием и уполномочен владыкой Димитрием с согласия митрополита Иосифа управлять всеми местами, начиная от Москвы и Твери, и посвящать в*

<sup>168</sup> Троицкая церковь на Посаде — одна из древнейших, в 1961 году закрыта.

<sup>169</sup> Мироносицкий приход был одним из самых больших и посещаемых в Серпухове. Имел два храма Св. Жен-Мироносиц, старый и новый. Старый разрушен в 1930-е годы, новый отошел к военному ведомству, пострадал во время войны в 1941 году, а в 1960-е был разобран.

*священники, диаконы во все приходы, куда потребуют верующие. Мне разговаривать с вами нечего, у нас дороги разные, мы истинно-верующие, отходящие от враждебной Церкви власти, а вы поощряете эту власть, когда молитесь за нее».*

Из слов владыки Максима в передаче свидетеля не совсем понятно, какими «всеми местами, начиная от Москвы и Твери» был уполномочен он управлять. Как уже указывалось, он принял на себя полномочия епископа Алексия (Буя); и поскольку в ведении владыки Алексия был весь юг России, то, соответственно, епископ Максим мог управлять не только воронежскими, но и другими приходами и общинами. Зато в показаниях предельно ясно передана позиция владыки Максима по отношению к сергианам, правда в специфически чекистском стиле. (Далее тот же свидетель показал, что от приехавших протоиерея Александра Владыченского и иеродиакона Иринарха (Белявского) он узнал, что епископ Максим говорил им, что «от Сов<етской> власти и от красных попов рабочим и крестьянам хорошего никогда не дожидаться»).

В протоколах допросов в целом немало свидетельств о строгом, до крайности, отношении священнослужителей, отошедших от митрополита Сергия, к его сторонникам. Например, иерей Борис Успенский показал на допросе: «Священники максимовской ориентации крайне недружелюбны, считают "безблагодатными". Служил на Пасху 1930 года в селе Подможье, а когда потом туда пригласили священников максимовской ориентации, они стали "освящать" храм, а потом приступили к службе».

Прихожанин храма Богоявления Егор Конопатиков с явным недоумением заявил на допросе, что священников Иоанна Белокурова и Илью Смирнова, служивших в их храме, почему-то считают красными, и далее

показал: *«Когда пошла вражда между попами, одни стали называться красными, другие — белыми. К белым отошли — Покров, Сретение, Никола Будка, Кладбищенская, Мужской монастырь, Распятие, Воскресение и Соборная, а мы, то есть остальные, стали почему-то называться красными... Со стороны священства белых в то время и теперь велась бешеная агитация среди верующих, попы им доказывали, что красные священники — христонпродавцы, они продались большевикам, а большевики ведут народ к гибели».*

Певчая Федосия Серова показала на допросе, что в июне 1930 года зашла в Троицкий собор с диаконом Даниилом: *«Монашки стали у дверей кричать: "Вы куда идете, антихристы, нам не велено вас пускать в церковь, потому что вы опозорите храм наш со своим противным Сергием. Вы за колхозы и Сов<етскую> власть читаете в церкви акафисты"». Вышел Шишканов и сказал: "Что вам нужно, граждане, уйдите из храма, и нечего здесь быть, потому мы с вами разговаривать вместе не желаем, а не только посещать церкви". (На вопрос почему?) "Вы, предатели, сволочи, красные шпионы из ОГПУ, пришли сюда рассматривать, что мы делаем, но не молиться"».*

И далее Федосия утверждала, что *«эти тихоновцы действовали своими а<нти>с<оветскими> выступлениями на верующих, в силу чего стали упрекать даже отдельные рабочие, что вот сергиевцы превратили Церковь в еретическую идею».*

При прочтении подобных протоколов допросов может сложиться впечатление, что все отошедшие от митрополита Сергия были просто бездумными фанатиками, злобными, исполненными ненависти к своим прежним собратьям, и при этом совершенно безграмотными, темными, грубыми и невоспитанными. Однако

следует учитывать специфику данного источника<sup>170</sup>; иначе при некритическом обращении с ним может создаться весьма искаженная картина событий. Впрочем, если резкости и грубости в разговорах и проявлялись, то не со стороны священства и тем более епископата. Даже митрополит Иоанн (Снычев), никогда не упускавший возможности в своих писаниях отметить и привести в подробностях факты "безобразий" иосифлян<sup>171</sup>, свидетельствовал о безупречном поведении епископа Максима:

«Интересны бывали случаи, когда епископ Мануил, в своем скромном экипаже спускаясь с горы к Никольскому храму, встречался с иосифлянским еп<ископом> Максимом, поднимавшимся в своем экипаже в свою церковь, находившуюся как раз напротив архиерейского дома на Красной горе. Оба епископа слегка кланялись друг другу и продолжали свой путь. Сопровождавшие же люди еп<ископа> Максима исподлобья смотрели на православного епископа и явно выражали свое к нему презрение»<sup>172</sup>.

А во-вторых, если простой народ и некоторые монашествующие, порой действительно безграмотные, допускали резкости в выражении своего отношения к сергианам, то это проистекало не от недалекости и бездумного фанатизма, а по самой коренной и глубокой причине неприятия сергианства — как самого серьезного заблуждения, искажающего вероучение Православной Церкви. И в этом плане понятно, что сергиан

<sup>170</sup> Место и время его появления, неизбежный, мягко выражаясь, "субъективизм" авторов и так далее.

<sup>171</sup> Очевидно, по свидетельству митрополита Мануила (Лемешевского).

<sup>172</sup> *Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. — СПб., 1999. — С. 124.

действительно называли "еретиками", "антихристами", "христородавцами" и не пускали в храмы. Простые верующие и монашествующие коротко и ясно выражали то, что чувствовали сердцем, но не в состоянии были подробно разъяснить и обосновать это богословски и канонически. И что как раз могли и должны были делать их пастыри и архипастыри.

Поэтому, конечно же, епископ Максим подробно беседовал с приходящими к нему священниками и тем более с делегациями священников и мирян, а не отделялся голословными обвинениями в ереси. Даже при том, что у владыки не было богословского образования, он обстоятельно разъяснял, почему он прервал общение с митрополитом Сергием и в чем он видел ересь в сергианстве. А то, что он стоял именно на этой точке зрения, т. е. на одной из самых крайних в антисергианской оппозиции, подтверждают не только кратко переданные в протоколе допроса заявления членам «делегации» серпуховских церковных советов, но и воспоминания его союзника И. М. Андреевского (см. ниже), а также различные свидетельства о единомыслии епископа Максима с архиепископом Димитрием (Любимовым) и «идеологами» иосифлянства, протоиереем Феодором Андреевым и М. А. Новоселовым. Вот что показал об этом, например, Николай Дулов во время следствия 1930 года:

*«Новоселова Жижиленко знал, и мы с ним говорили о нем. Жижиленко говорил, что он очень доволен тем, что около епископа Димитрия находится такой человек, как Новоселов, и что его литература, выпускаемая нелегально, весьма помогает разобраться в интересующих вопросах, и что он, Жижиленко, разделяет точку зрения Новоселова. По-моему, Жижиленко являлся самым крайним правым из епископов этой ориентации».*





## Вопрос отношения к безбожной власти

Несмотря на то что сам владыка Максим на допросах отрицал чтение и получение каких-либо "*контрреволюционных брошюр*", в том числе особо интересовавшую следствие — "*Что должен знать православный христианин*"<sup>173</sup>, а знакомство с М. А. Новоселовым упомянул невзначай, как совершенно случайное в мае 1928 года, отметив при этом: «*В то время у меня с Новоселовым никаких разговоров не было*», это вовсе не означало, что разговоров вообще не было и что он не читал другие церковные брошюры и документы; более

---

<sup>173</sup> Был ли Новоселов составителем этой брошюры, точно не известно. Несмотря на то что в последнее время с легкой руки некоторых историков его авторство прочно укрепилось и за этой работой, и за другой, известной под названием "*Беседа двух друзей*", определенных данных, подтверждающих его авторство (как, например, в отношении работы "*Ответ востязующим*"), найти не удалось. Напротив, при всей "*антисоветской*" направленности этих работ вопрос о прекращении канонического и молитвенного общения с митрополитом Сергием в них еще только ставился; в то время как М. А. Новоселов вместе с петроградскими иосифлянами это общение прервали еще в конце декабря 1927 года.

того, вероятно, владыка Максим активно помогал М. А. Новоселову. Как уже указывалось выше, в 1928 году он ездил со специальным поручением к митрополиту Агафангелу (Преображенскому), о чем показали во время следствия В. М. Лосева и сам М. А. Новоселов.

Какую же точку зрения Михаила Александровича Новоселова разделял епископ Максим? Конечно, в первую очередь по вопросам отношения к советской власти и, соответственно, к Синоду митрополита Сергия, подписавшего соглашение с этой властью. Касательно последнего М. А. Новоселов был предельно строг, его категоричные оценки деяний митрополита Сергия четко выражены в работе "Ответы востязующим", написанной им весной 1928 года. Так, в параграфе XV на вопрос: «Что преступного совершил м<итрополит> Сергий против Церкви?» — Михаил Александрович писал: «М<итрополит> Сергий вступил в блок с антихристом, нарушил каноны и допустил равное отступничеству от Христа малодушие или хитроумие». И в параграфе IX: «Но преступление м<итрополита> Сергия заключается не в одних канонических правонарушениях в отношении церковного строя, как было уже не раз показано в различных "обращениях" к нему и, в особенности, в одном подробном ученом разборе всего дела м<итрополита> Сергия (см<отри> также и здесь пар<аграф> XV), оно касается самого существа Церкви. Именно в своей декларации м<итрополит> Сергий как бы исповедал, а в делах осуществляет незаконное слияние Божьего и Кесарева, или, лучше, Христова с антихристовым, что является догматическим грехом против Церкви и определяется как грех апостасии, т<о> е<сть> отступничества от Нея»<sup>174</sup>.

<sup>174</sup> Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 66–87.

В отношении безбожной власти позиция М. А. Новоселова была также довольно ясна: он выражал ее и письменно, и устно в беседах, не скрывал и во время следствия. Однако все же она не была столь категоричной: так, исповедуя себя верующим человеком, Михаил Александрович прямо заявлял свое неприятие безбожной власти, подвергающей гонениям церковников, но при этом он не делал крайних практических выводов. Еще на первых допросах после ареста весной 1929 года он определял свою позицию как "пассивное мученичество":

*«Мое воззрение на создавшееся отношение между Церковью и Советским государством таково. Церковь в современных условиях в силу утесненного положения очищается и улучшается. Я считаю, что, не говоря, конечно, о всех без исключения церковниках, они несут репрессии, по-моему, в порядке исповедничества, то есть они репрессируются не за политическую контрреволюционную деятельность, а как носители неугодной идеологии, противоположной коммунистической. Я считаю, что налицо не только физическое, но и моральное гонение, например, нападки в печати и так далее. Собственно, правильнее будет употребить термин "утеснение", поскольку на всю Церковь сразу репрессии не простираются. Практический вывод, который я делал для Церкви, — было "пассивное мученичество", но никак не активное сопротивление советской власти. "Мученичество" я понимаю не в таком буквальном смысле, как понималось раньше, когда лишение жизни за религиозные убеждения было рядовым явлением.*

*Я не был сторонником полного перехода Церкви на катакомбное положение. Что касается моей собственной деятельности, то, конечно, здесь налицо и нелегальное проживание, и нелегальное распространение*

*моих документов. Но сказать то же о всем церковном течении, к которому я принадлежу, — не могу. По крайней мере, епископ Димитрий Ленинградский или московские священники служат открыто и не скрываются. Изложенной мной точки зрения я придерживался строго во всех случаях, даже тогда, когда спрашивали о моем отношении к какому-либо не мною составленному документу. Если эти документы не совпадали с моей точкой зрения о "пассивном мученичестве", то я прямо заявлял о своем несогласии»<sup>175</sup>.*

О своем несогласии с установками, изложенными в некоторых документах, М. А. Новоселов упомянул и во время следствия по делу "Всесоюзного центра ИПЦ", к которому он был привлечен осенью 1930 года. Отметив такие выражения в отношении советской власти, как «слуги сатаны», «сатанинство, которое обуяло теперь нашу несчастную родину», он заявил: «Эту установку я считаю сугубо не церковной, т<sup><ак></sup>к<sup><ак></sup> если верующие, особенно люди малоразвитые, всерьез приняли бы эту точку зрения, то они должны были бы перейти к поступкам нелепым, изуверным, но с их точки зрения допустимым по отношению к сатанинской власти, как-то: к отказу иметь что-либо общее с теперешними государственными учреждениями. Такие документы являются призывом к отходу не от Сергия, а от советской власти. В отдельных случаях такая платформа может даже вызвать непредвиденные эксцессы, то есть нарушение нормальной политической жизни. Я искренно сожалею, что в иосифовско-дмитровском течении эти настроения не были своевременно преодолены»<sup>176</sup>.

<sup>175</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41328. Л. 10. (Следственное дело по обвинению М. А. Новоселова 1929 года.)

<sup>176</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 8. Л. 11.

Подчеркивая чисто религиозный характер своих взглядов, Михаил Александрович Новоселов старался не затрагивать вопросов политики. Так, заявляя, что он славянофил, он признавал, что как славянофил придерживался монархических взглядов, но его воззрения *«оставались чисто теоретическими»*, поэтому ни в каких монархических организациях он не состоял. На допросе 9 апреля 1931 года он особо отметил: *«Как я уже раньше показывал, для меня в славянофильстве существенным моментом был момент религиозный»*. И свое активное участие в иосифовском течении он также объяснял чисто религиозными причинами: *«Обсуждая с Алексеем Федоровичем Лосевым вопросы иосифовского течения, его успехи и неудачи, присоединение или неприсоединение отдельных епископов и причины этих явлений, я все время руководствовался чисто церковными интересами и, даже могу сказать, исключительно ими»*<sup>177</sup>.

Несмотря на это, следствие рассматривало М. А. Новоселова как одного из создателей и руководителей *«контрреволюционной организации»*, использовавшей

---

<sup>177</sup> В "Обвинительном заключении" приведены и такие показания Новоселова: *«Возвращаясь к вопросу об иосифовском течении, над созданием которого я и Алексей Федорович ЛОСЕВ работали, необходимо, конечно, признать, что со стороны ЛОСЕВА, как это и видно из присланных мне документов, он несколько по-своему смотрел на Церковь. Его документы, его установка требовали от центра крайней непримиримости по отношению к Советской власти, которая всегда в таких случаях называлась "сатанинской". Здесь, по существу, стремление сделать Церковь своего рода политической партией, использовать ее влияние на малокультурных верующих с целью крайнего возбуждения последних на почве фанатизма против власти, и подтолкнуть их на разные изуверские антисоветские выступления»* (Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 617).

Церковь для борьбы с советской властью. Особо был отмечен документ "О поминовении властей", переданный М. А. Новоселовым А. Ф. Лосеву, с молитвой о властях: «*НОВОСЕЛОВЫМ совместно с ЛОСЕВЫМ и его женой составлена была для чтения в церквях организации специальная молитва о свержении Советской власти. Молитва эта содержала такое выражение: "Мерзкое, богохульное, агарянское царство вскоре испровержи" (то есть свергни)*»<sup>178</sup>. И хотя Михаил Александрович на допросе пояснил, что эта молитва «*была взята из помянника*», «*ведет свое начало из древности*» предназначалась лишь для частного употребления, и в "Обвинительном заключении" было отмечено: «*Профессор ЛОСЕВ по поводу этой молитвы дал такое показание: "В данном случае эту формулу НОВОСЕЛОВ применяет к Советской власти, но эта формула не означает призыва к активному действию верующих, а лишь призывает их к молению о свержении богоотступной власти"*»<sup>179</sup>. Независимо от этих объяснений подобное моление рассматривалось следствием как тяжкое политическое преступление; так что М. А. Новоселов с его религиозными взглядами представлялся заклятым контрреволюционером и врагом советской власти.

Михаил Александрович этого и не отрицал и в своих показаниях на последнем допросе от 9 апреля 1931 года прямо заявил: «*Касаясь моего отношения к Советской власти, должен сказать, что я являюсь ее недругом, опять-таки в силу моих религиозных убеждений. Поскольку Советская власть является властью безбожной и даже богоборческой, я считаю, что, как истин-*

<sup>178</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 628.

<sup>179</sup> Из показаний А. Ф. Лосева от 5 ноября 1930 года // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 629.

ный христианин, не могу укреплять каким бы то ни было путем эту власть в силу ее, повторяю, богоборческого характера. Участники нашей организации "иосифлянской" придерживались в общем того взгляда, что у нас, как у верующих, с Советской властью вообще быть ничего не может».

Однако и здесь Михаил Александрович вновь оговаривается о "практике" и "крайностях": «Тем не менее по справедливости следует сказать, что, несмотря на такие определенные настроения и невозможность сотрудничества с властью, очень многие участники организации все же оставались на советской службе или иначе принимали участие в советском строительстве. Я лично только в таком направлении и высказывался в беседах с отдельными участниками организации, когда мне приходилось беседовать с ними по вопросам о власти»; «Тем не менее в отдельных случаях среди нашей организации иногда наблюдались более решительные по части борьбы с Советской властью настроения, примерно такого рода может быть хоть брошюра, начинающаяся словами "Святой Нифонт"»<sup>180</sup>.

Ранее, на допросе 5 ноября 1930 года, по поводу этого документа М. А. Новоселов показал, что обсуждать его не будет, так как он для него «является слишком личным». Однако нельзя не отметить, что этот "слишком личный" документ был замечателен по глубине богословского анализа, безупречной логике и последовательности; недаром М. А. Новоселов поместил его в своем сборнике "Дело митрополита Сергия" под заголовком "К обличению митрополита Сергия"<sup>181</sup>. Именно этот документ привлек самое пристальное внимание чекистов,

<sup>180</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 160.

<sup>181</sup> Полный текст приведен в Приложении I.

неоднократно упоминавших его на допросах как "*повстанческий*" и подробно цитировавших<sup>182</sup>.

Автор этого документа — священник Павел Боротинский, служивший до 1922 года в Дивеевском монастыре. Примечательно, что еще в 1923 году с отцом Павлом встречался священник Михаил Польский, собирая материал о гонениях на Церковь. Об этой встрече особо выспрашивали чекисты П. А. Боротинского во время следствия 1932 года. И в "Обвинительном заключении" по групповому делу особо отмечалось, что П. А. Боротинский вместе с *«обвиняемыми данного дела Максимовым и Польским, впоследствии бежавшим за границу, в Дивеевском монастыре участвовал в составлении антисоветских рукописей, которые Польским были изданы за границей»*<sup>183</sup>.

Отец Павел четко и ясно ставил вопрос об отношениях Церкви и безбожной советской власти и пытался разрешить его в русле церковного предания; по его словам, он делал то, что должны были сделать архиереи Русской Церкви. В начале своей работы он писал: «В течение вот уже 10 лет ни один из православных русских архиереев не дерзнул разобрать больной для всех вопрос о взаимоотношениях между Церковью и нынешней гражданской властью с точки зрения нравоучения Православной Церкви». А ведь от этого вопроса зависели судьбы миллионов православных христиан. Как им было правильно строить свою жизнь в новых условиях, в безбожном государстве? Как не покривить душой и не пойти против совести? Не предать веры, не отступить от Церкви? И в то же время не поддаться

---

<sup>182</sup> В "Обвинительном заключении" по центральному делу "Всесоюзного центра ИПЦ" цитаты из этого документа заняли почти три листа.

<sup>183</sup> Архив УФСБ РФ по Самарской области. Д. П-17773. Т. 6. Л. 14.



слепому фанатизму и не поспешить к крайним эсхатологическим выводам со всеми печальными последствиями этой поспешности?<sup>184</sup>

Насколько безупречно решил этот вопрос отец Павел — не нам судить; безусловно, решение столь важно и до сих пор не потерявшего своей актуальности и болезненности вопроса — дело соборного разума Церкви, а нам сейчас важно услышать и донести голос священномученика. При всей категоричности своих выводов он, в сущности, был единомыслен с иосифлянами, хотя и считал их позицию недостаточно последовательной; по его словам, он *«в своих взглядах оказался правее»*. Так, летом 1928 года отец Павел специально предпринял поездку в Ленинград с целью *«выяснения полной платформы иосифовской ориентации»* и встретился с епископом Димитрием (Любимовым) и протоиереем Феодором Андреевым. По его словам, *«Андреев и Димитрий согласились с моей платформой»*, но, несмотря на это, отец Павел остался недоволен тем, что иосифляне не ставят вопрос об отношении к советской власти прямо и открыто, а *«тушуют его употреблением слова "лояльность"»*. Хотя он понимал, что делалось это из *«тактических соображений»*, дабы не потерять легальность, но для него это было принципиально, а употребление самого слова "лояльность" совершенно недопустимо в отношении советской власти.

Отец Павел также считал недостаточным, что иосифляне обличают только митрополита Сергия, он полагал, что нужно начинать *«с патриарха Тихона и Петра Крутицкого, по существу, первых начинателей лояльного отношения к советской власти»*. С этим, как уже указывалось, иосифляне были согласны; и

---

<sup>184</sup> Пример подобного преждевременного "апокалиптического исхода" старообрядцев был у всех перед глазами.

владыка Димитрий, и М. А. Новоселов признавали, что покаянные заявления Патриарха Тихона были ошибкой и что Церковь должна вернуться к своей позиции, определенной на Соборе в 1918 году. Именно это признал на допросе 1 сентября 1930 года владыка Димитрий: *«По моим и моих сторонников убеждениям Церковь вела себя правильно в политическом отношении по отношению к Советской власти до раскаяния патриарха Тихона в контрреволюционной деятельности»*<sup>185</sup>. А о позиции М. А. Новоселова свидетельствуют показания на допросе протоиерея Александра Левковского: *«Мы с Новоселовым пришли к выводу, что единственно правильный путь... на котором Церковь стояла в 1918 году»*<sup>186</sup>.

Вероятно, и в отношении употребления слова "лояльность" иосифляне были согласны с отцом Павлом. Владыка Димитрий твердо заявил на допросе, что Церковь не может быть лояльной к власти, которая ее гонит. О лояльности никогда не говорили ни М. А. Новоселов, ни епископ Максим (Жижиленко). Достаточно точно общая позиция иосифлян была выражена киевским священником Анатолием Жураковским в показаниях на допросе 24 февраля 1931 года: *«Власть признавалась безбожной, богоборческой, ведущей преследование Церкви и веры. Лояльность по отношению к Советской власти для лиц, принадлежавших к организации Истинно-Православной Церкви, признавалась невозможной. Отсюда делались различными лицами, принадлежавшими к организации, различные выводы: одни говорили о неповиновении власти по отдельным вопросам (например, культурно-просветительская работа), другие — о бойкоте власти (например, коллек-*

<sup>185</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 11. Л. 204.

<sup>186</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 2. Л. 345.

тивизация), *третьи — об открытой борьбе с Сов<етской> властью и даже о восстании*<sup>187</sup>.

На первый взгляд спектр мнений и у иосифлян, и в целом в антисергианской оппозиции весьма широк: от самых строгих и решительных, как у отца Павла Боротинского или епископов Василия (Зеленцова) и Варлаама (Лазаренко), выступавших за открытую борьбу с безбожной властью, до крайне мягких "либеральных" высказываний пастырей и архипастырей, объявлявших себя честными и законопослушными гражданами Советской страны. Так, и сам митрополит Иосиф на допросах подчеркивал полную аполитичность антисергианского движения, ограничивающего себя *«чисто церковною деятельностью, чуждою гражданской политики»*, и даже выражал сожаление о своем *«нелояльном поведении по отношению к власти»*.

В этом спектре мнений позиция архиепископа Дмитрия Любимова, М. А. Новоселова и, очевидно, епископа Максима (Жижиленко) находится как бы посередине: о явном сопротивлении они не говорили, устраняясь от "политики", но и нелояльность свою не скрывали, противостояли безбожии и бойкотировали различные мероприятия, в том числе коллективизацию.

Следует отметить, что при всем различии мнений речь идет все-таки об одной и той же церковной позиции — непризнании безбожной власти — и лишь о разных формах этого "непризнания" в зависимости от конкретных обстоятельств. При употреблении слова "лояльность" митрополит Иосиф и другие архиереи антисергианской оппозиции вкладывали в него иной смысл, нежели митрополит Сергей и его сторонники, подразумевая под лояльностью лишь "повиновение", а не признание.

---

<sup>187</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 6. Л. 645.

Разграничение этих понятий подчеркивал и отец Павел Боротинский, указав, что как раз их отождествление и мешает решению вопроса о взаимоотношениях власти и Церкви. Так, он писал: «Когда мы попадаем в плен к разбойникам, то мы повинемся им, если нас заставляют мыть полы, стряпать и т<ому> п<одобное>, поскольку их требования не идут вразрез с христианской совестью; но это отнюдь не значит, что, исполняя их требования, и мы считаем себя членами их шайки или "признаем" их, т<о> е<сть> те задачи и цели, к которым направлена их деятельность: это не значит, что "их радости и успехи" мы признаем за свои»; «Христианин не может считать себя даже гражданином советского сатанинского государства. Все, в чем он повинуется советской власти, он делает не за совесть, а за "страх", исключительно как пленник разбойнической шайки»<sup>188</sup>.

Именно это имел в виду М. А. Новоселов, когда говорил о работе в советских учреждениях. Однако и это "повиновение" имело свои границы, христиане не могли участвовать в безбожных мероприятиях и строить коммунистическое общество. Фактически они не могли

---

<sup>188</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 190 об. — 191, 198 об. (Таким образом, строго говоря, слово "лояльность" недопустимо в отношении безбожной власти, и его употребление только затемняло смысл и вносило путаницу. Как утверждал отец Павел Боротинский: «Так как сущностью большевизма является сатанизм, духом которого проникнута как идеология его, так и все мероприятия в области ее практического осуществления, то какое бы значение слова "лояльный" мы ни взяли, оно совершенно не применимо к ним. И прежде всего папство, если оно будет лояльно к большевизму, то этим проявит нелояльность к Церкви». Если папство будет исполнять свой долг, то есть воспитывать своих пасомых в христианском духе, он неизбежно будет противоречить основам безбожного государства и его законам.)

принимать участие и в культурной или научной жизни Советского государства, объявившего своей идеологией воинствующий атеизм. Им оставалось только "мыть полы" и "стряпать", то есть чисто физический труд, да и тот не всегда был допустим для христианской совести — как, например, работа в колхозах; наиболее ревностные христиане категорически отказывались вступать в них по религиозным мотивам, не желая быть членами безбожной коммуны.

Как жить в богоборческом государстве, каждый христианин должен был решать сам, руководствуясь церковным преданием и голосом своей совести. Относиться к советской богоборческой власти как к власти языческих римских императоров и тем более ссылаться на знаменитые слова апостола Павла о властях и покорности было в корне неверным. Об этом убедительно писал отец Павел Боротинский, и с ним, как уже указывалось, были единомысленны многие исповедники, в том числе и отец Михаил Польский. В своем очерке о положении Церкви в Советском государстве (обширные выдержки из которого уже были приведены в начале книги) отец Михаил пришел к тем же выводам, что и отец Павел: строить жизнь по примеру первых христиан, поставленных пред лицом гонящей их языческой римской власти, в советском богоборном государстве невозможно.

«Я, например, боролся с властью за Церковь, за веру и хотел не быть политическим врагом ее, как-то признавать ее. Это было возможно по отношению к языческим и магометанским и вообще признающим Бога властям. У язычников и магометан религия была связана с политикой и с общим строем государственной жизни, но всякая другая религия и, в частности, христианская всегда находила среди них условия для своего существования, хотя и весьма трудные под-

час. Власть иногда не терпела иноверных и преследовала их, а то и терпела и даже просила их молиться за себя. И христиане терпели иноверную власть и отделяли политику от религии. Но, естественно, в государстве безбожном никаких условий для существования ни для какой религии нет. Безбожие и вера в Бога взаимно исключают друг друга. Одна сторона должна вытеснить другую, вместе они не уживутся. В безбожном и богоборном государстве принципиально исключается бытие религии на земле. Борьба идет не на жизнь, а на смерть».

«Как я, верующий человек, могу признать безбожную власть? Что значит — не быть политическим врагом ее? В совместной жизни с язычниками я мог кесаря признавать, а богов кесаря отвергать. Теперь же, будучи верующим, я неизбежно, необходимо борюсь против власти, хочу ли этого или не хочу, — подтачиваю ее основы, уничтожаю дух революции, препятствую социалистическому построению государства. Если религия по существу контрреволюционна, то я — контрреволюционер. Моя контрреволюция есть моя борьба за веру. Если я за религию, то я органически уже против большевицкой власти. И как я отделию безбожие от большевицкой власти?»

Если человечество впервые имеет в большевиках совершенно безбожную власть, то не есть ли это первый и единственный случай в истории, когда и для верующего человека религия неотделима от политики?»<sup>189</sup>

---

<sup>189</sup> *Священник Михаил. Указ. соч. С. 76–78.*



## Арест и заключение

24 мая 1929 года епископ Максим (Жижиленко) был арестован в Серпухове вместе с другими священнослужителями, среди которых были и настоятель Спасо-Занарской церкви Николай Боголепов, и архимандрит Пантелеимон (Орлов), последний настоятель Высоцкого монастыря<sup>190</sup>. Следствие по групповому делу прошло ударными темпами, уже 5 июня были вынесены приговоры. Епископ Максим был приговорен к трем годам концлагеря<sup>191</sup>, хотя, как свидетельствовал И. М. Андреевский, владыка был очень осторожен и так умно отвечал на вопросы, что следствие не могло ему ничего инкриминировать, кроме факта тайного монашества и епископства.

Обвинение в антисоветской пропаганде владыка, очевидно, отвергал, как и позднее на следствии 1930–1931 годов: *«В предъявленном мне обвинении по*

---

<sup>190</sup> Сам монастырь уже не существовал, а действовала только его Покровская церковь. Архимандрит Пантелеимон принял настоятельство в 1918 году после ухода на покой архимандрита Тихона.

<sup>191</sup> Материалы следственного дела отсутствуют.

*ст<атьям> 58–10 и 58–11 виновным себя не признаю, так как считаю, что ни в какой а<нти>с<оветской> организации не состоял и к<онтр>р<еволюционной> работой не занимался. Проповеди я никогда не говорил, за исключением слова, сказанного в ответ на приветствие при вступлении на кафедру в гор<од> Серпухов, в котором я обратился к духовенству с просьбой быть моими руководителями, объяснив свою неопытность и молодость в смысле сана»<sup>192</sup>.*

Тем не менее именно по поводу "проповедей" у властей и были серьезные претензии, о чем есть яркое свидетельство в показаниях келейника владыки Козьмы (Трусова): «К епископу Максиму в Соловки ездила в этом году его сестра Полонецкая Вера К.<sup>193</sup>, которая мне говорила, что епископ сослан без вины. Когда его в ГПУ допрашивали, говорил ли епископ в церкви проповеди, то он ответил — нет. Тогда ему сказали, что ты будешь выслан. Он спросил, за что, если я проповеди не говорил. Но они, т<о> е<сть> следователи, ответили — за то, <что> ты сам ходячая проповедь, за это мы тебя и вышлем»<sup>194</sup>.

Так оно и было. Верующий человек, тем более священнослужитель, в Советском государстве был именно «ходячей проповедью» — религиозной пропагандой, которая была запрещена, а значит, сам факт существования верующего человека был антисоветской пропагандой, направленной на подрыв основ Советского государства, и, следовательно, являлся в Советском государстве политическим преступлением. Поэтому все

<sup>192</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 549.

<sup>193</sup> Вера Константиновна Паланская, согласно показаниям епископа Максима.

<sup>194</sup> Показания Козьмы Трусова на допросе 20 ноября 1930 года // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 1. Л. 320.



попытки найти "мирное существование" с воинствующим безбожием были обречены. Все заявления об аполитичности, "лояльности" — совершенно бесполезны, да и вредны<sup>195</sup>. В богоборческом государстве места для христиан, действительно верующих, тем более архипастырей, не оставалось. Им предстоял путь мученический.

Епископ Максим был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Не говоря о поведении чекистов во время ареста и издевательствах в тюрьме, к месту отбывания наказания владыку, как и любого заключенного, везли в нечеловеческих условиях, в тесноте, грязи, изнуряя голодом и жаждой; при этом путь, на который требовалось один-два дня, мог продолжаться неделю и более. Но самое тяжкое, еще до прибытия на Соловки, ждало его в Кеми — он, как обычно, должен был пройти через знаменитый Кемский пересыльный пункт, по образному выражению заключенных, "чистилище, первые круги "Дантова ада": «Тюремная обстановка позади, впереди — лагерная, или, как образно до весны 1930 года втолковывали всем новичкам: "Тут кончилась власть советская и началась власть соловецкая". По всем советским тюрьмам и подвалам ГПУ в сотнях вариаций, действительных или присочиненных, путешествовали рассказы о соловецком мучителе на Поповом острове в Кемперпункте ротном Курилке; кто с 1928 по 1929 год и в начале 30-го "крестил" всех новых соловчан, проходивших через его карантинную роту».

М. З. Никонов-Сморозин, прибывший с этапом в 600 человек в начале лета 1928 года, подробно описал общие мучения и унижения:

---

<sup>195</sup> См. размышления священников Павла Боротинского и Михаила Польского.

«Партию нашу окружили конвоиры. Полчаса ходьбы, и мы у проволочного ограждения. Из барака вышел рослый человек в военном обмундировании и с места обдал нас потоком грязной брани. Это и был Курилко, человек крикливый, с жестоким нервным тиком лица. — Что вы их сюда привели? — орал он на конвоиров, гримасничая, будто от острой боли. — Промуштровать их, да хорошенько!

Нас погнали дальше, к самому морю, на довольно широкий дощатый мол. Красноармейцы сдали нас Курилке с его командой. Начался опять, как неизбежный ритуал, нудный личный обыск, ощупывали самих, одежду. Но вот обыск окончен и раздалась команда: — Стройся по четыре в ряд! Низенький, но коренастый крепыш отделился от начальства и резким голосом, кипяťясь непонятной злобой, принялся обучать нашу пеструю ораву военному строю, пересыпая команду потоками ругани шпанского образца. Дико было видеть, как епископы и священники в рясах и престарелые монахи, почтенные люди науки повертывались в строю сотни раз направо и налево под команду горлана-изувера, не уставшего при том же ругаться под угрожающее щелканье затворов винтовок прочих охранников. Наконец, после трех-четырёх часов муштры и обучения идиотскому "здра!" этап повели внутрь ограды. Натискали нас в барак так, как не приходилось видеть ни в тюрьмах, ни в подвалах. Но только мы разместились, как новая команда выгнала нас вон. Началось заполнение анкет»<sup>196</sup>.

«После анкет сразу погнали на пристань, и под крики десятника, по здешнему — "гавкало", начали погрузку бревен

---

<sup>196</sup> «Двадцать пять "имяславцев" в нашем этапе отказались назвать свои имена, и их поставили на валуны. Почти целые сутки выстояли они под дождем и холодным ветром с моря, но имен так и не открыли "Антихристу". Впрочем, и нам было не легче» (Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. — Кн. 1. — С. 47).

из штабеля. Здоровые и больные, старые и молодые — тут различий нет, работай до изнеможения. В одурелой голове ни единой мысли... Все шатаются от усталости... Проработали всю ночь и утро и к полудню вернулись в барак...

На обед и "отдых" нам дали два часа... И снова усталых, полусонных отмаршировали на новую работу — очищать какую-то площадь под непрерывную брань надзирателей. Не дав закончить очистку, конвоир повел нас обратно и с угрозами и ругательствами через минуту приказал бежать. Сам бежал сбоку, поминутно щелкая затвором и орал: — Не отставать! Убью!

Кому и зачем нужен был этот бессмысленный и беспощадный бег, я и посейчас не знаю...»<sup>197</sup>

Из Кеми на Соловецкие острова, по свидетельству И. М. Андреевского, владыка Михаил был доставлен в октябре 1929 года обычным порядком: на бывшем монастырском корабле или барже в битком набитом трюме. Теснота в трюме там бывала невероятная, как вспоминал Дмитрий Сергеевич Лихачев, попавший на Соловки в то же время, когда выгружали их этап, из трюма выносили трупы задохшихся или тяжело заболевших: стиснутых до перелома костей, до кровавого поноса<sup>198</sup>.

На Соловецком острове епископ Максим также не мог избежать тринадцатой карантинной роты, куда помещали всех привезенных. В этой роте для размещения заключенных использовался главный храм Соловецкого монастыря — громадный Преображенский собор, за-

---

<sup>197</sup> «Добрели до проволоки. И едва глазам верим: "имяславцы" все еще стоят на своих местах... Из барака выходит ротный Курилко и, злорадно оглядев нас полумертвых, стал вызывать по списку» (Розанов М. Указ. соч. С. 47).

<sup>198</sup> Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 1. — СПб.: АРС, 2006. — С. 152.

битый до предела людьми на нарах в три яруса, подвергавшихся всяческому издевательству<sup>199</sup>. К счастью, в дальнейшем владыку не отправили на общие работы, а определили в Санитарную часть — работать по своей специальности; его назначили заведующим одним из тифозных барачков.

Официально доктор Максим Жижиленко был заведующим Никольским отделением центрального лазарета; проживал он в десятой роте, где помещались работники Санитарной части, в их числе был и И. М. Андреевский. У врачей были довольно сносные условия, они занимали отдельную келью — и пользовались относительной свободой, имели пропуск на выход из кремля. Благодаря чему владыка Максим имел возможность совместно с единомысленным ему духовенством совершать тайные богослужения; в отличие от "сергиан", которые, по свидетельству И. М. Андреевского, вели себя осторожно и тайных богослужений никогда не устраивали. К тому времени среди соловецкого заключенного духовенства уже произошло разделение из-за декларации митрополита Сергия так же, как и на воле. Позднее И. М. Андреевский писал:

«Если среди заключенных, попавших в Соловки до издания Декларации митрополита Сергия, первое время большинство было "сергианами", то среди новых заключенных, прибывших после Декларации, наоборот, преобладали так называемые иосифляне (по имени митрополита Иосифа, вокруг которого главным образом группировались непоколебимые и верные чада Церкви). С прибытием новых заключенных число последних все более и более увеличивалось.

---

<sup>199</sup> Все эти ужасы достаточно подробно описаны в воспоминаниях очевидцев. Некоторые из них приведены и в наших книгах. См., например, в книге «Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов)» (М.: Братонез, 2010).

Ко времени прибытия владыки Максима на Соловках были следующие епископы "иосифляне": епископ Виктор Глазовский (первый выступивший с обличительным посланием против Декларации митрополита Сергия), епископ Иларион, викарий Смоленский, епископ Нектарий Трезвинский. К "сергианам" же принадлежали: архиепископ Антоний Мариупольский и епископ Иоасаф (кн<язь> Жевахов). Менее яростным, но все же "сергианцем" был архиепископ Иларион Троицкий, осуждавший Декларацию митрополита Сергия, но не порвавший общения с ним, как "канонически правильным" первосвятителем Русской Церкви.

Прибытие на Соловки владыки Максима чрезвычайно усилило (и до этого преобладавшее) влияние иосифлян»<sup>200</sup>.

Вероятно, с архиепископом Иларионом (Троицким) епископ Максим не встретился, поскольку тот уже в октябре 1929 года получил новый срок и был выслан этапом в Казахстан<sup>201</sup>. С его отъездом, как подчеркивал И. М. Андреевский, исчезли и сергианские настроения.

«Упорными сергианами оставались только архиепископ Антоний и особенно епископ Иоасаф (Жевахов). Они не желали даже увидеться и побеседовать с епископом Максимом...

Отрицая катакомбную Церковь, соловецкие "сергиане" отрицали и "слухи" о том, что к митроп<олиту> Сергию писались обличительные послания и ездили протестующие делегации от епархий. Узнав, что мне, светскому человеку,

---

<sup>200</sup> *Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Российские... Т. 28. (Следует сделать уточнение. Хотя епископ Нектарий был единомыслен с иосифлянами и участвовал в тайных богослужениях на Соловках, но с владыкой Максимом встретиться не мог, так как осенью 1928 года был уже освобожден из лагеря.)

<sup>201</sup> По дороге он заболел тифом и скончался в тюремной больнице в Ленинграде в декабре 1929 года.

лично пришлось участвовать в одной из таких делегаций, — архиепископ Антоний Мариупольский однажды, находясь в качестве больного в лазарете, пожелал выслушать мой рассказ о поездке к митрополиту Сергию вместе с представителями от епископата и белого духовенства. Владыки Виктор и Максим благословили мне отправиться в лазарет, где лежал архиепископ Антоний, и рассказать ему об этой поездке. В случае, если он после моего рассказа обнаружил бы солидарность с протестовавшими против "новой церковной политики", — мне разрешалось взять у него благословение. В случае же его упорного "сергианства" — благословения я не должен был брать. Беседа моя с архиепископом Антонием продолжалась более 2 часов. Я ему подробно рассказал об исторической делегации Петроградской епархии в 1927 г <оду>, после которой произошел церковный раскол. В конце моего рассказа архиепископ Антоний попросил меня сообщить ему о личности и деятельности Владыки Максима. Я ответил ему очень сдержанно и кратко, и он заметил, что я не вполне ему доверяю. Он спросил меня об этом. Я откровенно ответил, что мы, катакомбники, опасаемся не только агентов ГПУ, но и "сергиан", которые неоднократно предавали нас ГПУ. Архиепископ Антоний был очень взволнован и долго ходил по врачебному кабинету, куда я его вызвал якобы для осмотра, как врач-консультант. Затем вдруг он решительно сказал: "А я все-таки остаюсь с митрополитом Сергием". Я поднялся, поклонился и намеревался уйти. Он поднял руку для благословения, но я, помня указания Владык Виктора и Максима, уклонился от принятия благословения и вышел.

Когда я рассказал о происшедшем Владыке Максиму, — он еще раз подтвердил, чтобы я никогда не брал благословения упорных "сергиан". "Советская и Катакомбная Церкви — несовместимы", — значительно, твердо и убежденно сказал Владыка Максим и, помолчав, тихо добавил: "Тайная, пустынная, катакомбная Церковь анафематствовала "сергиан" и иже с ними".

Несмотря на чрезвычайные строгости режима Соловецкого лагеря, рискуя быть запытаннами и расстрелянными, Владыки Виктор, Иларий, Нектарий и Максим не только часто служили в тайных катакомбных богослужениях в лесах острова, но и совершали тайные хиротонии нескольких новых епископов. Совершалось это в строжайшей тайне даже от самых близких, чтобы в случае ареста и пыток они не могли выдать ГПУ воистину тайных епископов. Только накануне моего отъезда из Соловков я узнал от своего близкого друга, одного целибатного священника, что он уже не священник, а тайный епископ.

Тайных катакомбных храмов у нас в Соловках было несколько, но самыми любимыми было два: "Кафедральный Собор во имя Пресв. Троицы" и храм во имя св. Николая Чудотворца. Первый представлял собою небольшую поляну среди густого леса в направлении на командировку "Саватьево". Куполом этого храма было небо. Стены представляли собою березовый лес... Храм же св. Николая находился в глухом лесу в направлении на командировку "Муксоляма". Он представлял собою куцу, естественно созданную семью большими елями...

Чаще всего тайные богослужения совершались именно здесь в церкви св. Николая. В "Троицком же Кафедральном соборе" богослужения совершались только летом, в большие праздники и особенно торжественно в день св. Пятидесятницы.

Иногда, в зависимости от обстоятельств, совершались сугубо тайные богослужения и в других местах. Так, например, в Великий Четверг 1929 г <ода><sup>202</sup> служба с чтением

---

<sup>202</sup> Описанное богослужение происходило не в 1929, а в 1930 году, так как епископ Максим только в октябре 1929 года прибыл в Соловки. Епископ Нектарий не мог принимать в нем участие, поскольку, как уже указывалось, осенью 1928 года был освобожден из лагеря. Эти неточности вполне объяснимы тем, что воспоминания писались И. М. Андреевским спустя годы (как минимум через 20–25 лет).

12 Евангелий была совершена в нашей камере врачей, в 10-й роте. К нам пришли, якобы по делу дезинфекции, Владыка Виктор и о<тец> Николай (Пискановский). Потом отслужили церковную службу, закрыв на задвижку и дверь. В Великую же Пятницу был прочитан по всем ротам приказ, в котором сообщалось, что в течение 3-х дней выход из рот после 8 часов вечера разрешается только в исключительных случаях, по особым письменным пропускам коменданта лагеря.

В 7 часов вечера в пятницу, когда мы, врачи, только что вернулись в свои камеры после 12-часового рабочего дня, к нам пришел о<тец> Николай и сообщил следующее: плащаница, в ладонь величиной, написана художником Р... Богослужение — чин погребения — состоится и начнется через час. "Где?" — спросил владыка Максим. "В большом ящике для сушки рыбы, который находится около леса вблизи от роты... Условный стук 3 и 2 раза. Приходить лучше по одному"...

Через полчаса владыка Максим и я вышли из нашей роты и направились по указанному "адресу". Дважды у нас спросили патрули пропуска. Мы, врачи, их имели. Но как же другие: вл<адыка> Виктор, вл<адыка> Иларион, вл<адыка> Нектарий и о<тец> Николай... Владыка Виктор служил бухгалтером на канатной фабрике, вл<адыка> Нектарий — рыбачил, остальные — плели сети...

Вот и опушка леса. Вот ящик, длиной сажени 4. Без окон. Дверь едва заметна. Светлые сумерки. Небо в темных тучах. Стучим 3 и потом 2 раза. Открывает о<тец> Николай. Вл<адыка> Виктор и вл<адыка> Иларион уже здесь... Через несколько минут приходит и вл<адыка> Нектарий. Внутренность ящика превратилась в церковь. На полу, на стенах еловые ветки. Теплятся несколько свечей. Маленькие бумажные иконки. Маленькая, в ладонь величиной, плащаница утопает в зелени веток. Молящихся человек 10. Позднее пришли еще 4—5, из них два монаха. Началось богослу-



жение. Шепотом. Казалось, тел у нас не было, а были одни уши. Ничто не развлекало и не мешало молиться. Я не помню — как мы шли "домой", т<о> е<сть> в свои роты. Господь покрывл.

Светлая заутреня была назначена в нашей камере врачей. К 12 часам ночи под разными срочными предложениями по медицинской части без всяких письменных разрешений собрались все, кто собирался прийти, человек около 15. После заутрени и обедни — сели разговляться. На столе были куличи, пасха, крашенные яйца, закуски, вино (жидкие дрожжи с клюквенным экстрактом и сахаром). Около 3-х часов разошлись. Контрольные обходы нашей роты комендантом лагеря были до и после богослужения, в 11 час<ов> вечера и в 4 часа утра. Застав нас, 4-х врачей во главе с владыкой Максимом при последнем обходе не спящими, комендант сказал: "Что, врачи, не спите? — и тотчас добавил: — Ночь-то какая... и спать не хочется". И ушел.

"Господи Иисусе Христе, благодарим Тебя за чудо твоей милости и силы", — проникновенно произнес Владыка Максим, выражая наши общие чувства. Белая соловецкая ночь была на исходе. Нежное розовое соловецкое пасхальное утро играющим от радости солнцем встречало монастырь-концлагерь, превращая его в невидимый град Китеж, и наполняло наши свободные души тихой нездешней радостью.

Много лет прошло с тех пор, а благоухание об этом нежном пасхальном утре незабываемо живо, словно это было только вчера. И сердце верит, что между нами тогда был святой...

Владыка Максим был особенно дружен с Владыкою Виктором, который представлял собою полную противоположность епископу-врачу. Вл<адыка> Виктор был небольшого роста, полный, жизнерадостный, открытый, доступный, ко всем приветливый, разговорчивый. "Каждого человека надо чем-нибудь утешить", — говорил он и каждого встречного умел "утешить", порадовать, вызвать улыбку. Приходил он

часто и подолгу беседовал с Вл<адыкой> Максимом о судьбах Русской Православной Церкви. Будучи оптимистом, он постоянно старался "заразить" своей верой в светлое будущее России Вл<адыку> Максима, но тот оставался пессимистом, или, как он сам себя определял словами К. Леонтьева, "оптимистическим пессимистом". Приближается трагический конец мировой истории, а потому, по слову Господню, надо "восклонить головы" в ожидании неперменного торжества Христовой правды.

21 января/3 февраля 1930 г<ода>, в день преп. Максима Исповедника (день Ангела Вл<адыки> Максима), мы, врачи, вскладчину купили в нашей лагерной лавке огромную "архиерейскую" фарфоровую чайную чашку чрезвычайно изящной работы и торжественно преподнесли ее в подарок дорогому Владыке. Ел Владыка мало, а чай пить любил. Подарок имел большой успех. Весь этот день мы снова провели, как и на Пасху, вместе в нашей камере, и Вл<адыка> Виктор много рассказывал нам об интересных подробностях суда над преп. Максимом Исповедником. "Счастливы Вы, Владыко, что носите имя такого великого небесного покровителя исповедника в настоящее время", — проникновенно-радостно закончил свои рассказы Вл<адыка> Виктор.

5/18 июля 1930 г<ода>, в день преп. Сергия Радонежского, наши друзья из канцелярии Санитарной части сообщили мне, что я буду ночью арестован и отправлен со "специальным конвоем" в Ленинград, "по новому делу". Предупрежденный, я собрался, попрощался с друзьями и, не ложась спать, стал ожидать ареста. Заслышав в 2 часа ночи шум и шаги внизу (наша камера находилась во втором этаже), я поклонился до земли Владыке Максиму (который тоже не спал) и попросил благословить меня и помолиться о том, чтобы Господь послал мне силы для перенесения грядущих скорбей, страданий, а может быть, — пыток и смерти. Владыка встал с постели, вытянулся во весь свой богатырский рост (мне показалось, что он вырос и стал огромным), мед-

ленно благословил меня, трижды облобызал и проникновенно сказал: "Много будет у Вас скорбей и тяжких испытаний, но жизнь Ваша сохранится, и в конце концов Вы выйдете на свободу. А вот меня через несколько месяцев тоже арестуют и... расстреляют. Молитесь и Вы за меня, и за живого, и, особенно, после смерти..."

Предсказания Владыки Максима сбылись точно: в декабре 1930 г <ода> он был арестован, отвезен в Москву и там расстрелян»<sup>203</sup>.

Так и произошло, но только этому предшествовал еще один арест, о котором И. М. Андреевский уже не мог знать. Осенью того же 1930 года епископ Максим был арестован на Соловках и привлечен к следствию по делу о Никольском лазарете. Это дело, раздутое до целого пухлого тома, хранящегося в настоящее время в архиве Управления ФСБ по Архангельской области (вернее, погребенного там, причем не известно, на сколько лет, возможно, и навсегда), касалось всего персонала лазарета, и прежде всего его заведующего — самого епископа Максима. Благодаря исследователям, в свое время кратко ознакомившимся с этим делом, известно, что владыку обвиняли в том, что он, *«используя свое положение, окружил себя священниками и, не жалея сил, врачевал души, совершая религиозные обряды»*, причем отмечалось, что Жижиленко *«религиозные обряды совершал в полном облачении»* и *«раздавал архипастырское благословение»*. Медперсонал лазарета, подобранный владыкой, именовался *«штабом из духовенства»*.

И действительно, епископ Максим «сумел привлечь к работе в своем отделении большую группу священников. Так, вместе с ним работал протоиерей Сергей Го-

<sup>203</sup> Польский М., *протопресв.* Указ. соч. Ч. 2. С. 29–33.

лощапов, сосланный на три года в 1929 г. После болезни тифом он сдал экзамен на лекарского помощника и остался работать в санчасти в аптеке (сщмч. Сергей Голощапов расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 19 декабря 1937 г.). Медбратом в лазарете работал священник Евгений Климентовский из Рязани, фельдшером — протоиерей Петр Чельцов... В это же время в лазарете работали епископ Венедикт (Алентов), священники Владимир Кучинский (перед арестом он служил на Ваганьковском кладбище в Москве), Николай Борисевич, Николай Быстров, Константин Травин, Борис Дроздовский, Чулаевский, дьякон Александр Якобсон-Зайдман, монахиня Любовь Барышева, Иван Михайлович Андреевский — профессор, историк церкви и врач-психиатр и другие»<sup>204</sup>.

Как и все привлеченные по делу, епископ Максим был признан виновным, к его лагерному сроку добавили еще 5 лет и перевели на материк в тот самый злополучный Кемский пересыльный пункт. Там он встретился с серпуховским благочинным протоиереем Александром Кремышенским. Отец Александр находился в Кемии с начала ноября 1928 года. Срок его заключения должен был закончиться 14 августа 1931 года, однако летом 1929 года он был арестован и привлечен в качестве обвиняемого по делу Г. Н. Канорской. Это дело было возбуждено ИСЧ СЛОН<sup>205</sup> на основании поступивших сведений о том, что вдова священника, Канорская Градислава Никаноровна, проживавшая на Поповом острове,

<sup>204</sup> Из записей соловецкого историка Антонины Алексеевны Сошиной (1948–2013), а также ее статья «"Наш путь — смиренная преданность Отцу Небесному": Исполнение пастырского долга в условиях лагеря» (Альманах «Соловецкое море». 2006. № 5).

<sup>205</sup> Информационно-следственная часть Соловецкого лагеря особого назначения.

*«начиная с 1923 года занимается посредничеством в переписке между антисоветски настроенным духовенством, находящимся на воле, и духовенством, заключенным в концлагере, выполняя отдельные поручения в смысле специальных поездок в разные города СССР с информацией о жизни духовенства в концлагере и с обратными сведениями о группировках и настроениях духовенства на воле».*

Следствием было установлено, что *«гражданка Канорская»* совершила несколько поездок в разные места, передавала пакеты с письмами от заключенного духовенства и привозила им письма и документы с воли. Причем перечислялся целый ряд имен архиереев, с которыми была связана Канорская, а также назывались лица из низшего духовенства: священники Александр Кремышенский, Поликарп Золотых и Федор Филатов-Филиппов, — отбывавшие заключение в Кемском пересыльном пункте.

Особенно подробно уполномоченный ИСЧ остановился на последней поездке Канорской по поручению Кремышенского и Золотых: *«В январе месяце 1929 года Канорская выехала в г. Ленинград к архиепископу Димитрию, откуда проехала на родину Кремышенского в г. Серпухов. В указанную поездку Канорская взяла от Кремышенского 6 писем: к архиепископу Димитрию, к иеромонаху Порфирию и остальные 4 разным лицам... Помимо вручения писем Канорская должна была по поручению Кремышенского сходить к Серпуховскому архиепископу<sup>206</sup> Максиму с устной информацией о жизни заключенного духовенства в концлагере».* От священника Поликарпа Золотых Канорская привезла письмо архиепископу Димитрию, в котором тот просил его принять, сообщив, что отходит от митрополита Сергия.

<sup>206</sup> Так в тексте следственного дела. — *Прим. сост.*

*«Как установлено материалами следствия, Канорская выехала 28/1 в г. Ленинград. По прибытии туда лично вручила письма заключенных Кремышенского и Золотых архиепископу Дмитрию, информируя последнего о жизни и взглядах духовенства, находящегося в Соллагерях. От Дмитрия Канорская получила пакет на имя заключенного Золотых, содержание коего следствию установить не удалось. Из Ленинграда Канорская поехала в Москву, где вручила по принадлежности остальные письма, проехала в г. Серпухов, побывав там у архиепископа Максима — т. е. выполнила все поручения Кремышенского и Золотых. На обратном пути в г. Кемь Канорская в Ленинграде взяла открытое письмо митрополита Кирилла, находящегося в данное время в адмсылке, и по приезде в Кемь передала это письмо вместе с оказавшимися у нее воззванием архиепископа Серафима и другими письмами заключенному Золотых. Впоследствии привезенные ею воззвания были заключенным Золотых размножены и распространены среди заключенного духовенства».* (Речь, очевидно, идет о январском письме митрополита Кирилла (Смирнова) и знаменитом «Послании» архиепископа Серафима (Самойловича) от 7/20 января.)

В июне 1929 года планировалась еще одна поездка, детали которой обсуждали все три упомянутых священника, специально для этого собравшиеся на квартире у Градиславы Никаноровны; предполагалось, что она опять поедет в Ленинград к архиепископу Димитрию, а также к духовенству в Вологду. Были приготовлены 10 писем по разным адресам. Однако выехать она уже не смогла... При аресте у нее был произведен обыск, во время которого изъяты и письма, и другие церковные документы.

Как отмечалось в материалах следствия: *«Канорская — подтвердила все имеющиеся в отношении нее*

*сведения и показала, что найденные у нее при обыске документы оставлены были ей разными лицами из заключенного духовенства. Обнаруженные у нее письма в количестве 10 штук она должна была по поручению заключенных Кремышенского, Золотых и Филатова отвезти адресатам, и что действительно начиная с 1923 года у нее на квартире заключенные из духовенства находили себе убежище и что ими устраивались совещания. Кроме пересылки писем, как указала Канорская, она также переправляла для духовенства посылки и деньги и что на ее имя родственниками заключенного духовенства переводились денежные суммы».*

Арестованные священники также признали, что вели нелегальную переписку. «Из всего изложенного» уполномоченный ИСЧ, конечно же, усмотрел, что все обвиняемые «достаточно изобличаются в антисоветской деятельности, сводившейся к нелегальной переписке с к/р настроенным духовенством, получению от них воззваний и распространению среди духовенства, находящегося в концлагере, устраивании нелегальных собраний на квартире у гр-ки Канорской, ведя всю деятельность при непосредственном соучастии последней»...

В начале 1930 года Градислава Никаноровна Канорская была приговорена к трем годам концлагеря. (Дальнейшая судьба этой самоотверженной женщины неизвестна.) Обвиняемым священникам Кремышенскому, Золотых и Филатову-Филиппову срок заключения был увеличен на два года. Протоиерей Александр Кремышенский был оставлен в Кемь, где осенью 1930 года и встретился с владыкой Максимом. Известно, что они оба работали в лагерной больнице. В материалах Московского следственного дела есть следующий документ — запрос начальника Секретного отделения

ОГПУ по Московской области начальнику Соловецкого лагеря от 2 декабря 1930 года:

*«На ст<анции> Кемь Мурм<анской> ж<елезной> д<ороги> отбывает наказание б<ывший> епископ (по специальности врач) ЖИЖИЛЕНКО М. А. и поп КРЕМЫШЕНСКИЙ Ал<ександ>р Анат<ольевич>, причем первый, по имеющимся сведениям, работает в больнице врачом, а второй — санитаром.*

*Ввиду того, что указанные лица проходят по находящемуся в нашем производстве след<ственным> делу к<онтр>р<еволюционной> организации как руководители периферийных филиалов этой организации — просьба выслать их в наше распоряжение для привлечения их в качестве обвиняемых.*

*НАЧ<альник> С<екретного> О<тдела>  
У<правления> ОГПУ М<осковской> О<бласти>  
Гордон*

*НАЧ<альник> С<екретного> О<тдела>  
П<олномочного> П<редставительства> ОГПУ  
Орлов»<sup>207</sup>.*

В конце января 1931 года епископ Максим и протоиерей Александр были доставлены в Бутырскую тюрьму в Москве и допрошены в качестве обвиняемых уже по новому групповому делу.

<sup>207</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 6. Л. 93.





## Дело «церковно-монархической организации "Истинного Православия"» Московской области

Следственное дело «по обвинению членов нелегальной церковно-монархической организации "Истинного Православия"» началось с арестов московских священников, не имеющих прямого отношения к иосифлянам и лишь знакомившихся с их литературой. Далее были произведены первые аресты в Серпухове, где после ряда допросов последовали новые аресты. Масштабы группового дела увеличивались, обещая дать богатый "улов". Разрабатывалось это дело одновременно с "центральным" (то есть с делом центра "Всесоюзной организации ИПЦ", по которому было привлечено огромное число иосифлянского духовенства), и, как отмечалось в его "Обвинительном заключении", «указанная организация является филиалом одновременно ликвидированного С<екретным> О<тделом> ОГПУ нелегального Всесоюзного центра "Истинного Православия", руководимого проф<ессорами> Новоселовым, Лосевым»<sup>208</sup>.

<sup>208</sup> Здесь и далее приведены выдержки из дела: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 1–7.

*«Контрреволюционная организация ИПЦ в Московской области» была представлена как весьма многочисленная часть этой "Всесоюзной контрреволюционной организации", «поставившей своей задачей организацию и подготовку контрреволюционных сил из числа последователей "истинного православия", с целью организации восстания и свержения Советской власти». После "выявления" связи членов организации Московской области «с легальным центром в Ленинграде (во главе которого стояли митрополит Иосиф, архиепископ Гдовский Дмитрий и епископ Нарвский Сергей) и нелегальным политическим центром в Москве (Новоселов и другие)», и «обнаружив филиалы организации» в Москве, Серпухове, Твери, селе Гора Орехово-Зуевского района и в городе Вышний Волочек, чекисты приступили к их ликвидации, арестовав 63 человека, из них 17 священнослужителей и 23 монашествующих.*

18 августа 1930 года в Москве первым был арестован священник Воскресенской церкви на Таганке Николай Троицкий<sup>209</sup>. На допросе 11 сентября отец Николай давал подробные показания по поводу обнаруженных у него рукописей и их распространения: *«С момента церковного раскола еще при жизни патриарха Тихона распространялись широко по церковным кругам разного рода листовки об отношении церковных группировок между собой и по поводу существующей власти. Такого рода листовки писал и я». «Обнаруженная у меня листовка под названием "Что должен знать православный христианин" попала ко мне года два-три тому назад, так же как и предыдущие, распространяемые сторонниками соответствующих цер-*

---

<sup>209</sup> Подробная справка на него, как и справки на всех упоминаемых в данной главе обвиняемых, приведена в Приложении III.

ковных группировок. Кто мне дал эту последнюю, я не помню. Я с этой листовки снял две копии и одну из них простым письмом без комментариев отправил на имя архиепископа Филиппа. Это я сделал для того, чтобы знали и церковные верха (Синод), какие документы-листовки распространяются среди верующих, зачастую не разбирающихся в окружающем. Второй экземпляр остался у меня, который и был при обыске изъят».

Отец Николай показал также, что с весны 1930 года по церквам Москвы распространялись «письма митр<ополита> Кирилла к митр<ополиту> Сергию с обвинениями последнего в измене Церкви за неканоничность и за поминование властей и т<ому> п<одобное>. На это была также распространяема проповедь митр<ополита> Сергия». Последних документов у отца Николая не осталось, кто ему приносил их, так же как и другие, он не помнил. На следующем допросе 16 сентября он заявил, что рукопись "Что должен знать православный христианин" им «получена в 1927 году от Ивана Алексеевича, кажется, Иванова». На допросе 3 октября прозвучала уже настоящая фамилия Ивана Алексеевича — Кувшинов, «отец иподиакона Кувшинова из церкви Никиты мученика».

К этому времени уже был допрошен арестованный 19 сентября настоятель Воскресенского храма священник Ипполит Красновский, получавший от Ивана Кувшинова брошюру "Что должен знать православный христианин". Второй раз эту брошюру он получал от священника Николая Троицкого, который также передал ему рукописную брошюру, начинающуюся словами "Уста священника", полученную от некой Евдокии Федоровны (фамилии которой отец Ипполит не знал). Он подчеркнул, что приносимые Николаем Троицким документы просматривал бегло и говорил тому, что «не

*следовало бы их приносить», теперь же он сожалел, что «не хватило настойчивости решительно предложить Троицкому прекратить приносить в храм литературу».*

19 октября был произведен арест Ивана Кувшинова. На допросе он показал, что получал литературу от монаха Гуреева из Даниловского монастыря и священника Николая Дулова из церкви св. Трифона. Иван Алексеевич также признал: *«Литература, даваемая Дуловым, — контрреволюционна, и это соответствовало моим взглядам. Дулов давал ее для распространения среди лиц, идущих против митр<ополита> Сергия. "Дуловщина", по-моему, является определенно к<онтр>р<еволюционной> организацией, и, как известно, всякая к<онтр>р<еволюционная> организация в конечном итоге в условиях Советской власти стремится к свержению власти».*

Одновременно с Иваном Кувшиновым были арестованы "странник" Симеон (Козорез), священники двух храмов на Таганке: настоятель Никольского в Студенцах Василий Скворцов и Успенского в Гончарах Алексей Вознесенский (именно ему "странник" Симеон приносил рукописи) — и Григорий Лысяк. Примечательно, что они, как и священники Воскресенского храма, не были иосифлянами, и даже непоминающими их можно было назвать лишь отчасти.

Так, священник Василий Скворцов, у которого при аресте была найдена рукопись "Уста священника", показал на допросе: *«После интервью митрополита Сергия в связи с крестовым походом на СССР, организованным Папой Римским, я прекратил поминовение митрополита Сергия, т<ак> к<ак> почти все соседние церкви тоже прекратили, и на нашу церковь стали указывать прихожане как на какое-то исключение. Это, однако, было лишь тактическим маневром с моей*

*стороны, т<ак> к<ак> Сергия я признавал все время и опять установил его поминовение, как только вопрос с интервью утерял свою остроту. На проскомидии же я поминал митрополита Сергия непрерывно».*

Клирики Успенской церкви занимали выжидательную неопределенную позицию, стараясь от всего устраниваться. По словам отца Григория Лысяка, когда после указа митрополита Сергия о признании властей кто-то из прихожан пытался вручить ему какой-то документ, то он отказался взять его, пояснив, что «не хотел связываться в это дело. Снял с дверей воззвание Сергия, чтобы другие не докучали». В Воскресенском храме, по свидетельству псаломщика Николая Смирнова: «Когда был получен указ о поминовении м<итрополита> Сергия, Филиппа и властей, в алтаре во время службы кто-то из священников (не помню, Троицкий или Красновский) объявили: "Вот, братие, поступила бумажка о поминовении Сергия и власти, как будем?" На этот вопрос определенного ответа ни от кого не последовало, а на следующий день в газетах появилась статья о том, что власти такое поминовение не надо, после чего и решили: власть, а также Сергия не помянуть, хотя этот вопрос на обсуждение верующих не ставился».

Настоятель Воскресенского храма отец Ипполит Красновский на допросе показал более определенно: «Я принадлежу к ориентации митрополита Сергия, указы которого я исполняю, но поминовение Сергия в церкви не производится, так как я не хочу вносить в церковную жизнь дух партийности, считая, что Сергей является возглавляющим одну из церковных партий. Впрочем, один указ Сергия мною не исполняется — это поминовение властей по предложенной формуле, хотя о властях я молюсь по-своему. Это произошло потому, что в "Безбожнике" была статья, в которой излага-

лась мысль, что власть в подобных молитвах не нужна».

В начале ноября 1930 года был арестован иподиакон Иоанн Кувшинов, сын упомянутого Ивана Алексеевича, принимавший самое активное участие в церковной жизни Москвы. В 1926 году иподиакон Иоанн по инициативе епископа Павлина (Крошечкина), организовавшего "тайные выборы" патриарха, стал одним из четырех посланцев, собиравших голоса архиереев, за что был арестован и приговорен к 3 годам концлагеря. Получив по освобождению ограничение проживания на 3 года ("минус 6"), он с начала 1930 года поселился в Орехове-Зуеве, но церковной деятельности не оставлял, в том числе и *«распространения контрреволюционной литературы»*. На его допросе прозвучало имя владыки Максима (Жижиленко), которого иподиакон Иоанн знал ранее, еще как прихожанина Покровского монастыря.

По ходу следствия епископу Максиму была отведена одна из главных ролей в контрреволюционной организации. В "Обвинительном заключении" доктор М. А. Жижиленко был представлен *«руководителем Серпуховского филиала контрреволюционной организации с января по май 1929 года»*, сменившим арестованного протоиерея Александра Кремьшенского, занимавшего это положение с января по сентябрь 1928 года. *«После же ареста и высылки Жижиленко»*, по версии следствия, *«руководство принял поп Ищенко Николай Трофимович»*; активными членами филиала признаны еще один священник, пять иеромонахов, диакон, а также несколько монахинь и серпуховских активных мирян. 14–15 ноября 1930 года последовали их аресты, и все они были доставлены в Бутырский изолятор в Москве.

Надо сказать, что после ареста епископа Максима осенью 1929 года в Серпухове уже была арестована

группа священнослужителей и наиболее активных верующих, получивших различные сроки концлагеря или ссылки. Теперь же началась более масштабная операция по *«изъятию антисоветских элементов»*, да и в дальнейшем аресты духовенства и мирян продолжались<sup>210</sup>.

Священник Николай Ищенко служил в Серпухове чуть больше года. Летом 1929 года он приехал с Украины и по рекомендации иосифлянского священника Петра Григоровича, служившего в Воздвиженской церкви в Москве, а также с согласия церковного совета стал настоятелем Спасо-Занарской церкви в Серпухове. Написал прошение к архиепископу Димитрию Гдовскому, которое передал с иеродиаконом Ануviем (Капинусом), выехавшим к Димитрию для рукоположения.

В ответной записке, присланной от владыки Димитрия, значилось, что иерей Николай Ищенко *«назначается временным исполняющим обязанности священника до возвращения из ссылки бывшего настоятелем этой церкви Боголепов Николай»*<sup>211</sup>. Свой приезд в Серпухов отец Николай Ищенко старался представить на допросе совершенно случайным, не связанным с церковными разногласиями. Он даже заявил, что *«не читал указа митрополита Сергия о лояльности по отношению к Советской власти»*, а только слышал о нем. Свое избрание благочинным серпуховских церквей, по предложению священника Никиты Игнатьева, не отрицал, но утверждал на допросе, что *«это в жизнь проведено не было»*.

Другие серпуховские священнослужители на допросах были откровеннее. Иеромонах Козьма (Трусов) на

<sup>210</sup> См. подробнее о серпуховских христианах в *Части II*.

<sup>211</sup> Боголепов Николай был арестован в мае 1929 года.

одном из первых допросов заявил: *«Я по своему убеждению принадлежу к группе церковников во главе с митрополитом Иосифом и архиепископом Димитрием Гдовским, которые не признают митрополита Сергия. Наша группа церковная считает, что за безбожную власть на литургиях не следует молиться, потому что она (власть) идет против Бога и Церкви».*

Иеромонах Илиодор (Трусиллин) в своих показаниях не отрицал: *«Я принадлежу к церковной ориентации православной тихоновской. Нахожусь в общении с епископами Димитрием и Петром. Дмитриевская церковная группировка не признает и не находится в общении с митрополитом Сергием, потому что опубликованную им декларацию о признании и поминовении властей предержавших мы считаем для себя неприемлемой, ибо не можем признавать и почитать власть, которая не признает Бога. Эта власть послана в наказание, как кнут».*

Иеромонах Серафим (Бубликов) признал себя виновным в том, что как православный священник не молился за советскую власть и молился за священников и епископов, находящихся в тюрьмах и ссылках. И прямо заявил, что считает современную советскую власть, не признающую Бога и подвергающую религию поруганию, *«безусловно властью антихристовой, поскольку она идет против христианства и, по-моему, послана Богом как пощущение в наказание за наши грехи. Поэтому нужно укреплять религию и больше молиться».*

Иеромонах Анувий (Капинус), хотя в анкете указал, что *«ни к какой партии не принадлежит и убеждений политических также не имеет»*, подписал протокол допроса, начинавшийся так: *«Я принадлежу к церковной ориентации, возглавлявшейся Димитрием Гдовским, и прибыл в Серпухов в апреле 1929 года, где была*



ячейка этой организации. Организация эта является контрреволюционной, т<ак> к<ак> она не признает Сов<етскую> власть за то, что последняя притесняет религию». Отец Анувий не счел нужным как-то менять формулировку, столь удобную для следствия, разрабатывавшего дело о контрреволюционной организации церковников.

Это может показаться странным, особенно в связи с тем, что большинство обвиняемых по церковным делам, как правило, всегда старались отместить все обвинения в контрреволюции и не выявлять своего истинного отношения к властям, или если и говорили о непризнании, то подчеркивали все ту же пресловутую "политическую лояльность". Отец Анувий не стал ничего скрывать и прямо заявил безбожникам, что он о них думает, так и в дальнейшем он делал это смело, полагая, что нет смысла перед ними юлить и изворачиваться.

И действительно, эти "признания" ничего не меняли. Для безбожных властей церковные люди, как и Церковь в целом, являлись «контрреволюционной организацией». При этом даже "раскаяние" некоторых церковников в своей «контрреволюционной деятельности» не имело никакого значения; как верующие и тем более священнослужители они для следствия являлись «махровыми контрреволюционерами», врагами советской власти и, значит, подлежали уничтожению.

В этом плане показателен пример иеромонаха Кронида (Дубровного), служившего в Высоцком монастыре Серпухова. На допросе он также назвал «Дмитровскую ориентацию политически по существу к<онтр>революционной». Признавая свою принадлежность к ней, поминал «за службой митр<ополита> Петра и епископа Максима (Жижиленко)», а также свое участие в собрании серпуховского духовенства по поводу

отхода от митрополита Сергия и подпись под обращением, отец Кронид, в отличие от иеромонаха Анувия, заявил: *«Встав на путь раскаяния в своих действиях, чистосердечно заявляю, что не был противником Советской власти, а встал на Дмитровскую платформу — по существу платформу борьбы с властью — по неведению»*. Однако, несмотря на это, Кронид (Дубровский) был приговорен к расстрелу вместе с иеромонахом Серафимом (Бубликовым) и другими священниками, мужественно выразившими свое исповедание и не выразившими сожаления и тем более "раскаяния" в своей деятельности против безбожия.

Во время следствия "раскаяться" вынудили иеромонаха Козьму (Трусова), хотя на первых допросах он отрицал все обвинения. Будучи келейником владыки Максима в Серпухове, Козьма, в то время еще послушник Василий, полностью разделял убеждения владыки. Знал он его еще с 1923 года как доктора Михаила Жижиленко, вероятно, по храму Никола Большой Крест, где Василий прислуживал пономарем. Приняв монашеский постриг и рукоположение уже после ареста владыки Максима, иеромонах Козьма (бывший послушник Василий) на первом допросе 15 ноября заявил: *«Я и Жижиленко с митр<ополитом> Сергием в каноническом общении не находимся, а признаем лишь Петра независимо от того, что он находится в ссылке. За всех священников и епископов, находящихся в тюрьмах и ссылках, мы молимся за богослужением. Я лично епископу Максиму оказывал мат<ериальную> помощь во время его нахождения в Соловках. За что выслан Жижиленко, мне неизвестно, если за политику, то считаю, что напрасно, т<ак> к<ак> всякое обвинение в к<онтр>р<еволюции> православного христианина есть ложное обвинение, ибо православный христианин к<онтр>р<еволюцию> делать не может. Сам*

*себя считаю тоже православным христианином и, за что арестован, не знаю».*

Но спустя неделю, на допросе 23 ноября Козьма показал следующее: *«Я, Василий Трусов, чистосердечно раскаиваюсь в том, что под влиянием епископа Максима (доктора Жижиленко) сделался противником Сов<етской> власти, начал заниматься к<онтр>р<еволюционной> работой, так как епископ Максим внушил мне, что безбожная Советская власть преследует религию и потому с нею надо бороться. С этой целью я вступил в к<онтр>р<еволюционную> организацию, которая ставила своей задачей агитацию против Соввласти, воспитание верующих в таком духе, чтобы подготовить свержение этой власти»<sup>212</sup>. И далее перечислил руководителей этой «к<онтр>р<еволюционной> организации, уполномоченных одним из руководителей всесоюзной организации — архиепископом Димитрием Гдовским для ведения а<нти>с<овет-*

---

<sup>212</sup> Под каким давлением давались эти показания, можно только предполагать. Следует иметь в виду, что иеромонаху Козьме в то время едва исполнилось 23 года. В искренности его веры и ревностном служении сомневаться не приходится. Однако ревность эта была скорее в силу молодости, "не по разуму" и, как часто бывает в таких случаях, вела к ошибкам и падениям. Недаром владыка Максим в переписке, отвечая на вопросы о том, как устраивать духовную жизнь, не советовал Василию идти в монахи. Но тот не внял доброму совету, упорно добиваясь пострига и рукоположения (дважды безуспешно ездил за этим к владыке Гдовскому Димитрию в Ленинград и затем в Казань к епископу Нектарию). Однако в отличие от Николая Дулова Козьма не отказался от сана и не пошел на сотрудничество с чекистами. На протяжении всей своей жизни продолжал служение, за что претерпел большие страдания. После девяти лет каторжных работ, выйдя на свободу в 1939 году, он проводил тайные богослужения и окормлял катакомбные общины. В 1950 году был вновь арестован и приговорен к 25 годам концлагеря.

ской> работы в Серпухове», — епископа Максима (Жижиленко) и протоиерея Александра Кремышенского, а в качестве их помощника — священника Василия Шишканова, присланного из Твери.

Отец Василий Шишканов, также арестованный 15 ноября 1930 года в Серпухове, на допросе отвергал наличие какой-либо организации: *«Настоящим показываю, что о существовании контрреволюционной организации я ничего не знаю. Контрреволюционной работы никакой нигде не вел»*. Но признавал, что принадлежит к *«церковной ориентации, не признающей митрополита Сергия за опубликованную им декларацию о лояльности к Советской власти»*. И подчеркнул: *«Если поминовение за богослужением митрополита Петра Крутицкого, возглавляющего Русскую Православную Церковь, ныне находящегося в ссылке, а также поминовение епископа Максима Серпуховского, возглавляющего православные храмы в Серпухове, поминовение находящихся в ссылках и тюрьмах, чтение за богослужением молитвы о Церкви и мое служение в сане священника считается контрреволюционной работой, прошу судить меня по существующим законам»*.

Также отец Василий прямо сказал: *«Я как православный христианин по вопросам Церкви и Советской власти являюсь противником, потому что Советская власть не верующая власть, насаждает безбожие, закрывает церкви... Я же человек верующий»*.

В Серпухов он действительно приехал из Твери, где служил диаконом в церкви бывшего женского монастыря, и вместе с другим духовенством весной 1928 года присоединился к епископу Димитрию Гдовскому. После закрытия властями монастырской церкви по совету тверского благочинного протоиерея Александра Левковского диакон Василий поехал в подмосковное

село Гора Орехово-Зуевского района, откуда в октябре 1929 года вместе со священником и настоятелем храма Ильей Крыловым приезжал в Серпухов, где познакомился с духовенством. В мае 1930 года, после рукоположения во священнический сан епископом Сергием (Дружининым), отец Василий был приглашен на служение в Троицкий собор.

Так в следственном деле выявились «связи Серпуховского филиала», и возникли новые «филиалы к<онтр>р<еволюционной> организации». Тверь среди них занимала особое место. 10 октября 1930 года следствием было принято к производству групповое дело о тверских истинно-православных; к тому времени уже были собраны оперативные данные и показания свидетелей о крайне антисоветских проповедях на службах духовенства "Дмитровского" течения, возглавляемого протоиереем Александром Левковским. В Твери начались аресты и допросы. Отца Александра не застали, 18 октября он уехал в Серпухов к священнику Василию Шишканову и служил с ним в Троицком соборе. 27 октября в Серпухов приехала жена отца Александра и, рассказав о том, что происходит, просила его из Серпухова уехать.

Но уже на следующий день, 28 октября, протоиерей Александр был арестован в Серпухове, под конвоем препровожден в Тверь и заключен в Исправительный дом. Там же содержались арестованные его единомышленники — священники Арсений Фессалоницкий и Владимир Бартоломей, иеромонахи Горгоний (Анисимов) и Симеон (Козорез). Следствие шло ударными темпами. В качестве обвиняемых были привлечены также арестованные в Твери монахини: Августа Нечаева, Васса Герасимова, Сусанна Наумова, Людмила Крылова-Щербакова. Иеромонах Фотий (Солодов), скрывшийся от следствия, был объявлен во всесоюзный розыск.

В декабре 1930 года материалы группового дела «*духовенства Дмитровской ориентации в Твери*» были направлены «*в Секретный Отдел ОГПУ Московской области для дальнейшего расследования*». Обвиняемых перевезли в Москву и заключили в Бутырскую тюрьму, но новых допросов не производилось. Материалов, присланных из Твери, было более чем достаточно для доказательства тяжкой вины как «*участников тверского филиала ИПЦ*», так и всех остальных «*истинно-православных христиан*» Московской области, в той или иной мере с ними связанных. Материалы следствия из Твери просто приобщили к общему делу, они заняли целый том, и на них было много ссылок в "Обвинительном заключении".

Важно отметить твердую и непоколебимую церковную позицию тверского духовенства и монашествующих; все они не скрывали и смело исповедовали ее и пред народом, и пред лицом богоборцев. В своих показаниях не только священнослужители, но и монахини заявляли о непризнании безбожной власти, недаром в "Обвинительном заключении" «*Тверской филиал*» был отмечен как «*наиболее деятельный*», а его участники как крайне антисоветски настроенные. Так же мужественно вели себя и многие простые миряне, привлеченные к делу и в Твери, и в Серпухове: в конце ноября и начале декабря 1930 года там были произведены дополнительные аресты.

Вскоре в следственном деле появились еще два филиала — «*Орехово-Зуевский*» и «*Вышне-Волоцкая ячейка*». В конце декабря там были арестованы: священник Илья Крылов и иеромонах Клавдий (Дворянский), служившие в церкви села Гора Орехово-Зуевского района, монахини Марфа Лабзина и Евдокия Савинова, мирянин Сергей Буянов; а в Вышнем Волочке — иеромонах Феофан (Ишков) и бывший купец Александр Димитриусов.

В начале января 1931 года последние аресты добавили к «Московскому филиалу» также крайне антисоветски настроенных «членов контрреволюционной организации "Истинного Православия"» в Можайском районе Московской области. 2 января были арестованы бывшая игуменья Сергиево-Дубровского монастыря Олимпиада (Кабанова) и мирянин Федор Булановский, по показаниям свидетелей, активно выступавшие против властей.

*«КАБАНОВА часто собирает группу верующих и высказывается, что у власти сидят одни жидаы и издеваются над крестьянами, но "скоро придет конец жидовскому царству, и тогда мы возьмем свое"». «В октябре 1930 года КАБАНОВА собрала группу крестьян, говорила: "Вот до чего дожили — большевики ободрали крестьян налогами и хлебозаготовками, а теперь добрались и до церкви... мы, верующие, должны протестовать"».*

*«БУЛАНОВСКИЙ неоднократно агитировал среди крестьян и верующих, что "товарищи засели на шею крестьян и обдирают их, но им все мало, и теперь грабят церкви, чтобы откупиться от войны"».*

3 января неподалеку от Можайска в селе Остапово Волоколамского района была арестована монахиня Нина Барина. Кроме стандартного обвинения — «участница контрреволюционной организации» и вела «антисоветскую агитацию» — ей добавили и такое: «демонстративно украшала могилу б<ывшего> великого князя Олега»<sup>213</sup>. На допросе монахиня заявила ко-

<sup>213</sup> Великий князь Олег Константинович, родился в 1892 в семье великого князя Константина Константиновича Романова (4-й сын). В 1914 — во время Первой мировой войны погиб на фронте, будучи в первых рядах сражающихся воинов. Похоронен в имении Остапово, в 1916 — над его могилой был возведен храм-усыпальница, разоренный после революции.

ротко и просто: *«Я противница Соввласти потому, что она проводит гонение религии».*

4 января в Дмитровском районе были арестованы монах Тимофей Надеждин и крестьянин Михаил Смирнов. Согласно показаниям свидетелей: *«Монах Тимон (Надеждин) и гр<аждаин> СМИРНОВ по большим праздникам всегда приезжали в Деденевскую церковь и вели агитацию против Сов<етской> власти. Так, на Пасху в 1930 году СМІРНОВ говорил, что "церковная власть продана антихристу и потому верующим надо объединяться около надежных пастырей вроде Димитрия Гдовского", а монах Надеждин добавил, что "уже скоро этих слуг антихриста будут вешать на одном фонаре с коммунистами". Во время же их приезда на Троицу в 1930 году они вели разговор, что "в народе идет брожение, Бог услышал молитву гонимых верующих и пошлет другую власть". При этом они рассказывали, что бывают в Москве в церкви Воскресения Слоущего, где встречают отца Николая (Троицкого), который передает им какие-то бумажки, и что отец Николай, а также отец Ипполит (Красновский) очень тонко ведут дело Божие».*

5 января 1931 года в Москве арестовали последнего обвиняемого, Николая Бесфамильного, как сказано в "Обвинительном заключении", *«занимавшегося нищенством и юродствующего»*, обвиненного в связях с членами контрреволюционной организации и в том, что он *«ходил по деревням и вел антисоветскую агитацию»*. Вина юродствующего странника оказалась настолько велика, что его наряду с главными руководителями приговорили к расстрелу.

Наконец, 27 января 1931 года в Москву привезли последних и *«главных фигурантов»* дела — протоиерея Александра Кремышенского и епископа Максима (Жижиленко). "Главными" они были определены еще в



конце ноября 1930 года, как «руководители Серпуховской нелегальной антисоветской группы церковников, связанной с такими же группами в Москве и Твери, а также с центром нелегальной антисоветской организации», о чем была подана соответствующая докладная записка, в которой отмечалось: «При рассмотрении их дела в 1929 году указанные обстоятельства учтены не были, так как эти обстоятельства были в то время неизвестны». И далее испрашивалось распоряжение о доставке указанных лиц для допросов и привлечения в качестве обвиняемых «по делу участия их в нелегальной а<нти>с<оветской> организации, ставившей целью свержение Сов<етской> власти».

Допросы были проведены незамедлительно: сначала был допрошен протоиерей Александр Кремышенский, затем, 31 января, — владыка Максим. Виновными в предъявленном обвинении они себя не признали.

3 февраля 1931 года было утверждено "Обвинительное заключение" по следственному делу № 3015: «по обвинению членов нелегальной церковно-монархической организации "Истинного Православия" — ЖИЖИЛЕНКО, КРЕМЫШЕНСКОГО, ЛЕВКОВСКОГО, КУВШИНОВА, ТРОИЦКОГО и др<угих> — по ст<атьям> 58–10 и 58–11 УК». Как уже указывалось, материалы дела согласовывались с документами разрабатывающегося в это же время группового дела участников «Все-союзной к<онтр>р<еволюционной> организации "Истинно-Православная Церковь"». Церковные группы разных регионов страны были представлены как филиалы этой организации; и по одному и тому же шаблону составлялись для них "Обвинительные заключения". Так и для организации в Московской области было применено общее определение:

«Дело возникло на основании поступивших в С<екретный> О<тдел> П<олномочного> П<редставителя>

ОГПУ М<sup>осковской</sup> О<sup>бласти</sup> сведений о том, что на территории Московской области существует нелегальная контрреволюционная монархическая организация, занимающаяся а<sup>нти</sup>с<sup>оветской</sup> деятельностью, под флагом защиты от безбожной власти "Истинного Православия"... Эта организация была раскрыта и ликвидирована С<sup>екретным</sup> О<sup>тделом</sup> П<sup>олномочного</sup> П<sup>редставителя</sup> ОГПУ М<sup>осковской</sup> О<sup>бласти</sup> в ноябре — декабре 1930 г<sup>ода</sup>, и произведено предварительное следствие о ее к<sup>онтр</sup>р<sup>еволюционной</sup> деятельности, причем в результате следствия установлено, что указанная организация является филиалом одновременно ликвидированного С<sup>екретным</sup> О<sup>тделом</sup> нелегального всесоюзного центра "Истинного Православия", руководимого проф<sup>ессорами</sup>: Новоселовым, Лосевым и др<sup>угими</sup>.

В своей практической к<sup>онтр</sup>р<sup>еволюционной</sup> работе члены организации Московской области поддерживали связь и получали руководство от легально существовавшего центра в Ленинграде, во главе которого стояли: митр<sup>ополит</sup> Ленинградский ИОСИФ, архиеп<sup>ископ</sup> Гдовский ДИМИТРИЙ и еп<sup>ископ</sup> Нарвский СЕРГИЙ; этот легальный центр по заданиям руководителей нелегального центра — НОВОСЕЛОВА и других, — резко отмежевался от главы Православной Церкви митр<sup>ополита</sup> СЕРГИЯ под предлогом несогласия "по каноническим вопросам" и порвал с ним всю связь, развязав себе руки в отношении управления епархиями. Свобода "церковных действий" нужна была центру организации "Истинного Православия" для того, чтобы под видом легальных "богоугодных" целей проводить работу по созданию своих филиалов и ячеек на местах.

Подчинив легальную церковную деятельность главной цели — нелегальной контрреволюционной рабо-

те, — организация последовательно проводила принцип использования легальных возможностей для нелегальных целей: передвижения активных работников связи, распространение к<онтр>р<еволюционной> литературы, организационная работа и пр<очее> — все делалось под видом назначения попов на приходы, поездок за благословениями, рукоположениями и других "богоугодных" целей».

Конечная цель организации представлена в "Обвинительном заключении" как «свержение Сов<етской> власти и реставрация монархического строя во главе с законным царским правительством». В доказательство были приведены подробные цитаты из «обнаруженных при обысках у членов организации материалов», а также их показания на допросах. Причем к наиболее важным материалам отнесена антисоветская литература, «исходившая от политического центра в лице проф<ессоров> Новоселова, Лосева и др<угих>, которые снабжали литературой руководителей отдельных филиалов и доверенных лиц, а последние распространяли ее среди рядовых членов и надежных церковников, сочувствующих идеям организации».

В 4-й главе "Обвинительного заключения" перечислена эта антисоветская литература: «1) Брошюра "Что должен знать православный христианин"; 2) Брошюра, начинающаяся словами "Уста священника должны хранить ведение"; 3) Брошюра "О двух путях"; 4) Брошюра "Беседа двух друзей"; 5) Брошюра "Памяти св. обителей"; 6) Конспекты проповедей Бартоломея и Фессалоницкого и пр<очих>»<sup>214</sup>. В этих докумен-

<sup>214</sup> Брошюры "Что должен знать православный христианин" и "Уста священника должны хранить ведение", а также "Беседа двух друзей" полностью приведены в Приложении I.

тах чекисты усматривали выражение «конкретных программных задач организации», вытекающих из «основы общей платформы» — «отказ от соглашений с неверующей властью», «призывы к восстанию против Сов<етской> власти», «установку на интервенцию».

"Доказав" «повстанческий характер организации», следствие имело основания для привлечения в качестве обвиняемых всех арестованных по делу. Первым в списке значился епископ Максим:

ЖИЖИЛЕНКО Михаил Александрович — «обвиняется в том, что в конце 1928 г<ода> вступил в к<онтр>r<еволюционную> организацию "Истинного православия" и центром этой организации был назначен руководителем Серпуховского филиала, где и проводил к<онтр>r<еволюционную> работу до ареста, является одним из активных организаторов и руководителей Серпуховского филиала, т<о> е<сть> в преступлениях, предусмотренных ст<атьями> 58–10 и 58–11.

Виновным в предъявленном ему обвинении себя не признал».

Вторым в списке был поставлен протоиерей Александр Кремышенский, также как руководитель Серпуховского филиала. Затем следовали Иван Алексеевич Кувшинов как руководитель Московского филиала и протоиерей Александр Левковский как руководитель Тверского филиала. За ними — 10 священников и далее уже вперемешку священнослужители и миряне, монашествующие. Всего 63 человека (22 священника, в том числе иеромонахи, 3 диакона, 14 монахинь и 23 мирянина). Завершалось "Обвинительное заключение" стандартно:

«Принимая во внимание, что контрреволюционная деятельность обвиняемых полностью доказана

*материалами предварительного следствия, дело № 3015 подлежит представлению на рассмотрение Судебной Тройки при П<олномочном> П<редставителе> ОГПУ М<осковской> О<бласти> после предварительного согласования с Прокурором Московской области».*

Уже через день, 5 февраля 1931 года, были вынесены приговоры 45 обвиняемым: 12 человек приговорены к десяти годам концлагеря, большинство — к пяти годам концлагеря или высылки и несколько человек — к трем годам. Участь остальных 17 человек решилась через две недели. Согласно "Выписке из Протокола заседания Коллегии ОГПУ от 18 февраля 1931 года", они были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу). Первым в списке был епископ Максим (Жижиленко).

Через пять дней, 23 февраля, были расстреляны 13 человек: священники Николай Ищенко, Николай Троицкий, Владимир Бартоломей, Арсений Фессалоницкий; иеромонахи Горгоний (Анисимов), Симеон (Козорез), Кронид (Дубровный), Симеон (Бубликов); иподиакон Иоанн Кувшинов и миряне — Борис Андронников, Семен Кузнецов и Николай Бесфамильный.

В отношении владыки Максима (Жижиленко) и еще четырех обвиняемых исполнение приговора было отложено. Очевидно, они как *«руководители филиалов»* были оставлены "на всякий случай" для допросов по делу центра *«Всесоюзной контрреволюционной организации ИПЦ»*, которое еще разрабатывалось. Так, иеромонах Феофан (Ишков) был допрошен 10 марта 1931 года. В "Обвинительном заключении" по центральному делу приведены его показания как *«руководителя ячейки в Вышнем Волочке»*: *«По своим политическим убеждениям — я, как истинно-верующий*

человек, считаю себя монархистом. В силу своих убеждений я и вступил в контррев<олюционную> организацию, так называемую "ИПЦ"»<sup>215</sup>.

Не известно, допрашивались ли остальные осужденные. Надо думать, что приговор им был объявлен сразу же после вынесения, так что на протяжении более чем трех с половиной месяцев<sup>216</sup> владыка Максим, протоиереи Александр Кремышенский и Александр Левковский, иеромонах Феофан (Ишков) и мирянин Иван Кувшинов пребывали "смертниками" (очевидно, в камере смертников), и каждый день, вернее, ночь должны были ожидать расстрела...

И. М. Андреевский в своем очерке привел сообщение из русской газеты за границей: «Ватикан. 30 ноября (Гавас). Только сегодня комиссией Ватикана "Про-Россия" получено известие о смерти магистра Максима, православного епископа Серпухова. Епископ Максим был расстрелян 6 июля большевиками за отказ признать митрополита Сергия, примирившегося, как известно, с советской властью»<sup>217</sup>.

Согласно справкам из следственного дела, епископ Максим, протоиереи Александр Кремышенский и Александр Левковский, мирянин Иван Кувшинов были расстреляны 4 июня 1931 года. Но об этой дате, конечно, никто, кроме ОГПУ, не знал, и, как правило, родственникам не спешили о ней сообщить, как и о самом факте расстрела. Так, по свидетельству родственников протоиерея Александра Левковского, им о расстреле ничего не сказали, только перестали принимать пере-

<sup>215</sup> ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. Т. 2. Л. 645.

<sup>216</sup> Для иеромонаха Феофана (Ишкова) эти муки длились два месяца. Он был расстрелян 24 апреля 1931 года.

<sup>217</sup> *Михаил, протопресвитер*. Новые мученики Российские... Т. 2. С. 33.

дачи; последняя была принята 2 июня. Все, что удалось им узнать, — это то, что отец Александр был вызван из камеры с вещами и больше не вернулся.

В Серпухове о расстреле узнали. В первом томе следственного дела есть заявление в ОГПУ матери протоиерея Александра Кремышенского, Александры Алексеевны: *«Прошу выдать вещи, оставшиеся после смерти моего сына, Александра Анатольевича Кремышанского: белье, верхнюю одежду, обувь... чемодан, деньги и вообще все, что осталось»*.

*Адрес: г<ород> Серпухов, Москов<ской> обл<асти>.*

*Ул<ица> К. Маркса, дом 41/10».*

Можно только представить, что пережила несчастная мать, у которой отняли сына, арестовали мужа<sup>218</sup>, через несколько месяцев арестуют дочь<sup>219</sup>. Как и многие тысячи русских матерей в то время, она не имела даже того единственного утешения, которое имеют близкие по смерти: провести последние часы рядом с телом умершего, попрощаться с ним при погребении и потом иметь возможность приходить на кладбище и припадать к родной могилке.

Как говорил об этом в одной из своих духовных бесед еще в 1904 году будущий митрополит Иосиф (Петровых), тогда еще архимандрит: «Горечь потери близкого дорогого человека много умеряется тем, когда остается возможность выплакать скорбные слезы хотя на могиле его, быть близко хотя к останкам его, имея отраду привязать свою любовь хотя к слабым могильным напоминаниям его». Размышляя о переживаниях одной из са-

---

<sup>218</sup> Анатолий Иванович Кремышенский был арестован и приговорен к 5 годам ссылки. Подробная справка на него приведена в *Приложении II*.

<sup>219</sup> Мария Анатольевна Кремышенская была арестована в декабре 1931 года по делу священника Золотавина и других, об этом подробно в *Части II*.

мых верных учениц Христовых, равноапостольной Марии Магдалины, архимандрит Иосиф отмечал, что святая Мария первая спешит ко гробу Спасителя: «Дорогое тело его раньше всех она пришла помазать драгоценным миром, омыть любящими горячими слезами. И вдруг — о ужас!.. Отнято последнее благо, которого не решаются отнимать даже самые бессердечные палачи у близких казненного»<sup>220</sup>.

Советские палачи самого, по их заверениям, "гуманного" государства, не задумываясь или, скорее, совершенно сознательно, с дьявольской жестокостью отнимали это благо у несчастных русских людей<sup>221</sup>. Расстрелы производились ночами, и ночью же вывозили мертвые тела и, свалив их в общие могилы, также под прикрытием ночи и в глубочайшей тайне хоронили, вернее, наспех зарывали в землю, запрещая под страхом расстрела исполнителям разглашать эту секретную информацию.

Лишь спустя более полувека преступные тайны стали приоткрываться, хотя и не до конца. Благодаря частичному рассекречиванию архивных документов и кропотливой работе искренних людей, собиравших по

---

<sup>220</sup> Архимандрит Иосиф (Петровых). От крупниц Евангельских. Беседы инока. — Сергиев Посад, 1904. — С. 159–160.

<sup>221</sup> Александра Алексеевна Кремышенская, так же как, по-видимому, и близкие епископа Максима и других, расстрелянных в 1931 году, по крайней мере, узнала о кончине сына. Через несколько лет, в 1937–1938 годах, даже этого будут лишены родственники репрессированных. И с какой-то еще более изощренной жестокостью от них будут скрывать расстрелы, сообщая вместо них о приговорах к «10 годам без права переписки». И таким образом преступно скрывая не только тела, но и судьбы убитых и обрекая их близких на мучительную неизвестность, длившуюся порой десятилетиями ожидания возвращения дорогих людей.



крупницам свидетельства очевидцев, по всем регионам страны, фактически в каждом областном городе, а порой и в крупных районных центрах обнаруживались места массовых захоронений. Конечно, найти в них останки или хотя бы определить примерное место захоронения отдельного человека, расстрелянного и погребенного среди тысяч на том или ином кладбище или специальном полигоне НКВД, практически невозможно<sup>222</sup>. И хорошо, если сохранились сами эти места, хотя бы общих захоронений, так как иногда и сами кладбища сносились и на костях осуществлялись новые застройки.

В Москве место общего захоронения расстрелянных в начале 1930-х годов — Ваганьковское кладбище — сохранилось. Однако найти на нем сами захоронения невозможно, поскольку с 1940-х годов поверх них устраивались новые могилы, в которых хоронили умерших в обычном порядке. Исследователь истории Ваганьковского кладбища ссылается на свидетельство сына одного из репрессированных, Михаила Феопемтовича Горячева:

«По словам генерала-майора КГБ Прилукова, руководившего работами по рассекречиванию архивов КГБ, расстрелянных ночью тайно хоронили на дальнем 58-м участке кладбища. Здесь находится овраг, образованный руслом Ваганьковского ручья (Студенца), заключенного в коллектор. Именно в этом овраге и покоятся останки более тысячи убиенных.

---

<sup>222</sup> Хотя и здесь по милости Божией случаются чудеса. Так, в начале 1990-х в одной из общих могил в Йошкар-Оле по сохранившейся справке на имя одного из расстрелянных удалось идентифицировать его останки и по его фамилии установить, что в этой могиле захоронены останки еще 164 человек, осужденных с ним по одному групповому делу в августе 1937 года.

Это представляется вполне вероятным. Дальний участок наиболее подходил для того, чтобы не привлекать внимание к происходящему здесь по ночам (напомним, что на кладбище жили обыватели), а овраг позволял лишь немного углубляться в грунт и засыпать тела землей с верхней части. Факт погребения тел репрессированных в этом в овраге подтверждает и внук настоятеля храма в 20–30-е годы обновленческого архиепископа Георгия Жука — Георгий Илларионович Медведев. Многочисленная семья этого настоятеля проживала в подвале под кладбищенским храмом. По воспоминаниям Г. И. Медведева, один из сыновей "архиерея" работал могильщиком, ночью его часто будили и отправляли хоронить расстрелянных на "6-й разряд" кладбища, что соответствует современным 50-м участкам.

Поскольку сейчас здесь находятся новые могилы, произведение археологических раскопок, способных подтвердить этот факт, практически невозможно. Но могильщики, которые роют здесь могилы для повторных захоронений, свидетельствуют о нахождении здесь большого количества человеческих останков. Такие массовые скопления человеческих костей, находящихся на глубине 0,5–1 м, они называют "расстрелкой". Встречаются слои "расстрелки" вдоль всего Ваганьковского оврага»<sup>223</sup>.

58-й и 59-й участки ограничены с одной стороны стеной кладбища, с другой — Бауманской аллей, которая ведет к могиле этого революционера и тянется вдоль всего оврага. Это огромная площадь, более гектара, узких "кладбищенских улиц" бесчисленных могил, заброшенных или ухоженных, с самыми разнообраз-

---

<sup>223</sup> *Иерей Сергей Матюшин*. Священное Ваганьково. — М., 2007. — С. 192–193.

ными крестами или памятниками, с привычными для старых городских кладбищ тесными железными оградками, густо заросшими вокруг кустарником и травой. Самые ранние даты захоронений — середина 1940-х годов. Где-то под ними скрыты погребения расстрелянных в 1930-х годах... Но где точно, теперь узнать едва ли возможно...

Увы, такова судьба почти всех погребений репрессированных, и, к прискорбию, православные христиане, почитающие память святых новомучеников, лишены возможности поклониться их святым мощам. Однако это ни в коей мере не умаляет их славы и почитания. Как поет Церковь в службе новомученикам: «Господи Боже наш, славу сию мучеником от века бывшим даровавший, яко мощи их сеются во храмах обновления нашего ради, подаждь славу сию и страстотерпцем новым, аще и неведома суть места погребения их» (*1-я песнь Канона на Утрени*).

В 1981 году епископ Максим был прославлен в сонме новомучеников и исповедников Русской Зарубежной Церковью; его имя упоминается в 8-й песне Канона: «Главны и в житии и в кончине своей святители **Герафим Угличский** и **Максим Берпүховский**, он же и врач, на тайное епископство благословенный. Многотрудно есть служение Церкви гонимья, его же и совершивше сии, предсташа Христу Богу, моляще его о стаде своем, славяще же Его присно во веки».

На следующий год после прославления новомучеников в Калифорнии была издана книга "The Russia's Catacomb Saints"; в ней после очерка о владыке Максиме опубликовано следующее примечание: «Святость священномученика Максима — не только в его мученичестве, но и во всей жизни, — ярко просиявшая в этом первом его жизнеописании, получила недавнее подтверждение в свидетельстве племянни-

цы<sup>224</sup> владыки, проживающей в Нью-Йорке. Как раз в этом году она спаслась, казалось, из совершенно безвыходной ситуации, несомненно, с помощью, посланной свыше, и в своем письме редактору она подчеркнула: "Я твердо уверена, что это произошло по молитвам пред Господом моего дяди" »<sup>225</sup>.

---

<sup>224</sup> Вероятно, это дочь той самой сестры владыки Максима — Лидии, которая оказалась в эмиграции и на рассказы которой ссылался И. М. Андреевский.

<sup>225</sup> The Russia's Catacomb Saints. — Platina: Saint Herman of Alaska Press, 1982. — P. 68.



## **ЧАСТЬ II**

**Серпуховские иосифляне —  
сподвижники епископа Максима**

**(по материалам следственных дел  
1929–1937 годов)**







## Пастыри и прихожане Свято-Троицкого собора<sup>226</sup>

Отделившихся от митрополита Сергия в Серпухове чаще именовали не иосифлянами, а "дмитровцами" (по имени епископа Гдовского Димитрия (Любимова), заместителя митрополита Петроградского Иосифа), затем после приезда в Серпухов епископа Максима (Жижигленко) — "максимовцами". На богослужениях они поминали непременно Местоблюстителя Патриаршего престола, митрополита Крутицкого Петра (Полянского), и в качестве правящего архиерея — сначала преосвященного Гдовского Димитрия, а с 1929 года — преосвященного Серпуховского Максима. После ареста епископа Максима поминание его как правящего архиерея продолжалось, и в Серпухове, по нашим сведениям, его поминало духовенство с прихожанами девяти храмов, и среди них главное место занимал Троицкий собор.

---

<sup>226</sup> Подробные биографические справки на всех серпуховских клириков и мирян, о которых повествуется в данной главе, приведены в *Приложении III*.



Собор Святой и Живоначальной Троицы — один из древнейших храмов Серпухова<sup>227</sup>; а после учреждения здесь епископской кафедры в 1904 году стал кафедральным<sup>228</sup>. Как уже упоминалось, его настоятелю, протоиерею Александру Кремышенскому, принадлежала в 1927 году инициатива отхода от митрополита Сергия. Отец Александр — незаурядный талантливый священник, яркий проповедник, заботливый пастырь, искренний ревнитель Православия — был уроженцем Серпухова, вероятно, из потомственного священнического рода.

Его отец, Анатолий Иванович Кремышенский, согласно материалам следственного дела, родился в 1870 году в Серпухове в семье священника; после окончания трех классов гимназии служил бухгалтером в учреждении, проживая в Серпухове в собственном доме<sup>229</sup>. Он был глубоко верующим человеком и в послереволюционные годы лютых гонений принимал самое активное участие в церковной жизни, состоя членом церковно-приходского совета Троицкого собора. Так же как и сын, в начале 1930-х Анатолий Иванович по обвинению «в антисоветской пропаганде» подвергся репрессиям и после тюрем и пятилетней высылки вновь

---

<sup>227</sup> Первый, еще деревянный храм был освящен в 1380 году, в XVI веке построено каменное здание, капитально перестроенное после пожара в конце XVII века.

<sup>228</sup> Серпуховские епископы, будучи московскими викариями, проживали в Москве и в Серпухове бывали наездами. В 1914 году рядом с храмом на Соборной горе возвели архиерейский дом, он принадлежал настоятелю собора, протоиерею Алексию Синайскому. В одной половине дома проживал протоиерей с семьей, а другая была отведена для архиереев, которые останавливались там, приезжая в Серпухов.

<sup>229</sup> По адресу: улица Карла Маркса, дом 41/10.



был арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян на Бутовском полигоне в конце 1937 года.

Александр Анатольевич Кремышенский родился в 1897 году, окончил восемь классов гимназии и поступил на медицинский факультет Московского университета, откуда *«с первого курса был мобилизован в качестве вспомогательного интенданта на борьбу с сыпным тифом в Серпухове. На военной службе с 1918 года — на фронте Южном и Юго-Восточном — при штабе фронта»*. В 1920 году Александр Анатольевич поступил в Московскую духовную академию, по его словам, окончил ее в 1923 году<sup>230</sup>. Дата его хиротоний не указывается, известно только, что с 1924 года он уже служил священником в Серпухове. Нет данных и о том, с какого времени он стал настоятелем Троицкого собора, точно известно лишь, что в 1927 году отец Александр был настоятелем и благочинным<sup>231</sup>.

Ход событий в Серпухове с конца 1927 по начало 1928 года подробно изложен в первой части книги. После ареста в августе 1928 года протоиерея Александра Кремышенского<sup>232</sup> службы в Троицком соборе не прерывались. Архимандрит Пантелеимон (Орлов) прислал

---

<sup>230</sup> После закрытия Троице-Сергиевой лавры Духовная академия была перенесена в Москву, с 1919 года занятия проходили в разных церковных помещениях. С марта 1923 года по постановлению Антирелигиозной комиссии Духовная академия была закрыта официально, но деятельность ее продолжалась нелегально.

<sup>231</sup> В 1924 году прежний настоятель, протоиерей Алексей Синайский, был арестован по недоразумению вместо епископа Алексия (Готовцева) и на какое-то время выслан. После освобождения вернулся в Серпухов и служил в Успенском храме, став в дальнейшем активным противником иосифлян.

<sup>232</sup> По первому делу иосифлян Серпухова вместе с иеродиаконном Варсонофием (Безсоновым), иеромонахами Моисеем (Доброхотовым) и Сералионом (Кушиным).

из Высоцкого монастыря иеромонаха Акакия (Бачурина), затем вскоре был посвящен в иеромонахи Парфений (Крутяков), и сразу было послано ходатайство о посвящении для Серпухова епископа. Видимо, это было связано с тем, что присланный из Сергиевского Синода епископ Мануил (Лемешевский) развернул активную деятельность по *«искоренению раскола»* и постоянно пребывал в Серпухове, проживая в архиерейском доме на Соборной (Красной) горе напротив Троицкого собора, хотя близкое соседство с главным иосифлянским храмом было мало приятно для сергианского архиерея.

Епископ Максим (Жижиленко) во время своего пребывания в Серпухове служил по большей части в Троицком соборе; там же служили иеромонах Акакий (Бачурин) и рукоположенный к тому времени иеромонах Парфений (Крутяков). О них мало что известно: Акакий, по-видимому, был монахом Давидовой пустыни, после ее закрытия служил в Серпухове в Николобельском соборе, откуда вместе с псаломщиком Василием Глуховым перешел в Троицкий собор. Парфений — оптинский монах, согласно показаниям свидетелей, епископ Димитрий рукоположил его в иеромонаха в октябре 1928 года, и он стал настоятелем Троицкого собора и серпуховским благочинным. Арестовали отца Парфения, по-видимому, в конце мая 1929 года вместе с епископом Максимом и иеромонахом Акакием. Дальнейшая его судьба неизвестна, есть сведения, что в 1930 году в ссылке в Пинеге с ним встретился иеромонах Никон (Беляев), с которым они были знакомы еще по Оптиной пустыни.

А вот судьба иеромонаха Акакия известна. В 1937 году он был арестован по групповому делу о нелегальных богослужениях и в своих показаниях заявил, что в 1929 году в числе одиннадцати монахов был выслан на три года на Пинегу, затем еще три года ему было за-

прещено проживать в центральной части России. В 1935 году он вернулся в Серпухов и стал служить тайно<sup>233</sup>.

Оставшиеся без пастырей прихожане Троицкого собора в начале лета 1929 года обратились за помощью к иосифлянам Москвы; в следственном деле об этом написано следующее: *«Церковным советом, во главе которого стоял Костин Н. Н., были приняты все меры для приглашения новых попов. Через посредничество московского священника Николая Дулова (ц<sup>ерковь</sup> на Воздвиженке) в августе месяце 1929 года был приглашен в Серпухов архимандрит Пимен, монах Московского Даниловского монастыря по фамилии Трунов, причем при обсуждении его кандидатуры было вынесено постановление церковным советом: принять архим<sup>андрита</sup> Пимена как непримиримого противника Митрополита Сергия и ревностного борца против поминовения Советской власти и уступок ей. Это постановление при заполнении протокола было зафиксировано в иной формулировке, вполне лояльного характера. В то же время был приглашен на службу и священник Кунцевич В. Л. из Воронежа, откуда ему было предложено выехать за антисоветскую деятельность»*<sup>234</sup>.

В "Обвинительном заключении" отмечена особая активность председателя церковного совета Николая Николаевича Костина, диакона Феодора Фролова, псаломщика Василия Ивановича Глухова, *«устраивавших тайные собрания на квартире у Костина»*, а также члена церковного совета Марии Лукиничны Суриной.

<sup>233</sup> См. далее: Следственное дело по обвинению Прокофьева Василия Филипповича и других //ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20723.

<sup>234</sup> Следственное дело по обвинению Трунова, Хрулькевич и других // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1 Д. П-49286. Л. 68.

12 октября 1929 года архимандрит Пимен (Трунов) и Мария Сурина были арестованы; в тот же день арестовали игумена Никона (Хруль-Хрулькевича), служившего в Воскресенской церкви Серпухова. Игумена Никона, по версии следствия, «*примыкавшего к данной контрреволюционной группировке*», обвинили также в хождении по деревням с агитацией и производстве сбора среди крестьян, несмотря на то что он отрицал какие-либо хождения в силу своих тяжких болезней.

14 октября арестовали священника Василия Кунцевича, на следующий день — председателя церковного совета Костина, еще через несколько дней — диакона Феодора Фролова и псаломщика Василия Глухова; все были заключены в Серпуховской домзак. Оперативно были проведены допросы обвиняемых и свидетелей, на основании их показаний уже 4 ноября было составлено и утверждено "Обвинительное заключение":

*«По поступившим в Серпуховской Окр<ужной> отдел ОГПУ сведениям стало известно, что в Троицком соборе, находящемся в Серпухове, существует контрреволюционная организация церковников, которая развернула свою организационную деятельность в направлении срыва мероприятий Сов<етской> власти по коллективизации и индустриализации страны. Эта организация возглавлялась священником КРЕМЫШЕНСКИМ Александром, сосланным ОГПУ в начале лета 1929 года за контрреволюционную деятельность.*

*После него организацию возглавляли священники: ТРУНОВ П. И. и КУНЦЕВИЧ В. Л. при активном участии других церковников. Деятельность и организация выражалась в том, что проводилась систематическая агитация среди рабочих и работниц, а также в деревнях среди крестьян, куда посылались специальные агенты. Среди рабочих как в храме, так и частично на*

*предприятиях производились сборы средств для организации помощи ссыльным священникам, причем члены общины вносили регулярные членские взносы. В самой церкви распространялись книги черносотенного содержания».*

Помощь ссыльным считалась самым серьезным преступлением, и в дальнейшем, кто жертвовал и тем более посылал или отвозил те крохи, что верующие собирали для голодающих заключенных и ссыльных, жестоко наказывались. Безбожная власть, основанная на ненависти, всячески эту ненависть в народе разжигала и воспитывала, подавляя любое проявление милосердия и искореняя его как вредный пережиток старого мира.

Семь арестованных, признанных *«участниками контрреволюционной группировки Троицкого собора»*, обвинялись *«в активной антисоветской деятельности, направленной к срыву мероприятий Советской власти»*. 3 января 1930 года обвиняемые были приговорены: к 3 годам концлагеря — священник Василий Кунцевич; к 3 годам ссылки в Северный край — архимандрит Пимен (Трунов), игумен Никон (Хруль-Хрулькевич), диакон Феодор (Фролов), псаломщик Василий Глухов и Мария Сурина; к 6 месяцам принудительных работ — Николай Костин.

\* \* \*

Кто служил в Троицком соборе с октября 1929 года — непонятно, по-видимому, какое-то время священника не было и службы проводились нерегулярно. Так же как и в Сретенской церкви, где той же осенью 1929 года был арестован настоятель, протоиерей Александр Владыченский: *«После ареста Владыченского в церкви Сретеня некоторое время — больше месяца священ-*

*ника постоянного у нас не было, служили изредка приглашенные»<sup>235</sup>.*

Вероятно, в начале 1930 года Троицкий храм вообще был закрыт, так как, согласно показаниям мирянина Михаила Барбашова, в мае 1930 года его избрали членом церковно-приходского совета на собрании верующих при открытии собора. По его словам, начальник административного отдела в течение двух часов не открывал собрания, пока не приехал иеромонах Серафим (Бубликов) из села Березня. Очевидно, что после открытия храма в нем совершались службы разными священниками.

В начале июня 1930 года Анатолий Иванович Кремьшенский по поручению приходского совета пришел к настоятелю Спасо-Занарской церкви, священнику Николаю Ищенко, и просил его отслужить в соборе в воскресенье или в ближайший праздник. Отец Николай в силу своей занятости отослал его к отцу Димитрию Игнатьеву. В тот момент из Твери как раз приехал священник Василий Шишканов, искавший место священника; он и был определен в Троицкий собор и прослужил там до ареста в середине ноября 1930 года.

После ареста отца Василия, как показали свидетели, церковный совет провел собрание прихожан Троицкого собора. Решали чисто хозяйственные проблемы, вопрос о новом священнике не поднимался: надеялись на освобождение Василия Шишканова, так как жена его поехала хлопотать в Москву. В следующее воскресенье, 23 ноября, на службу собралось много народу, но священника не было, и служба не состоялась. Согласно показаниям одной из прихожанок, *«при встрече с членом церковно-приходского совета Михаилом (фамилии я*

---

<sup>235</sup> Из показаний уборщицы и старосты Сретенской церкви Ольги Лебедевой //ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 164.

*его не знаю, знаю, что он крестьянин с деревни Воздвиженка) последний мне сказал, что ездил в Ленинград, — уже после ареста священника с тем, чтобы к нам прислали священника, и ему там обещали. Михаил оставил там 20 рублей денег на дорогу сюда к нам... священнику»<sup>236</sup>.*

Однако из Ленинграда никто уже приехать в Серпухов не мог. В декабре 1930 года там прокатилась волна новых массовых арестов: были схвачены последние иосифлянские архиереи — епископы Сергей (Дружинин) и Василий (Докторов), а также еще 46 священников, 12 монахов и 16 мирян; все они по общему групповому делу были приговорены по большей части к тюремным и лагерным срокам. Так и в Серпухове после ноябрьских арестов иосифлянские храмы остались без пастырей, так как почти все священники были заключены в тюрьму: священник Василий Шишканов из Троицкого собора; иеромонах Никодим (Рыбаков) из Сретенского храма; иеромонахи Илиодор (Трусиллин) и Анувий (Капинус) из Покровской церкви; иеромонахи Кронид (Дубровный) и Козьма (Трусов) из Высоцкого монастыря; священник Николай Ищенко из Спасо-Занарской церкви.

К тому времени Вознесенская и Воскресенская церкви, а также Преображенская (2-й Спас), по-видимому, были уже окончательно закрыты (о богослужениях в них после 1929 года в следственных делах нет упоминаний). Служивший ранее в Вознесенской церкви иеромонах Моисей (Доброхотов) был арестован и выслан еще летом 1928 года. Настоятель Воскресенской церкви, отец Николай Теряев, был выслан летом 1929 года, заменивший его игумен Никон (Хруль-Хрулькевич) был выслан в октябре того же года. Настоятель Спасо-

<sup>236</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 196 об.

Преображенской церкви, отец Владимир Бушуев, уехавший из Серпухова, в мае 1929 года официально присоединился к сергианам. Здание этой церкви, как и Вознесенской, было разрушено<sup>237</sup>.

Не ясно, что происходило с Распятской церковью после кончины ее многолетнего настоятеля, протоиерея Сергия Боголепова<sup>238</sup>. Служивший в ней в 1929 году иеродиакон, а после рукоположения в октябре 1929 года — иеромонах Анувий (Капинус) на допросе показал, что с 14 апреля 1930 года он уже служил в Покровской церкви Серпухова. По-видимому, Распятская церковь была закрыта в 1930 году<sup>239</sup>.

А вот церковь Николы Будки<sup>240</sup> не закрывалась, по крайней мере, до начала 1933 года. Судьба ее настоятеля, отца Иоанна Лебедева, подписавшего акт отделения от митрополита Сергия, неизвестна. Служивший в ней иеромонах Андрей (Алексеев) был арестован в октябре 1929 года и приговорен к 3 годам концлагеря<sup>241</sup>. В начале 1930 года в церкви служил священник Димитрий Игнатьев, летом того же года он был арестован, но 1 ав-

---

<sup>237</sup> Сейчас это территория ситценабивной фабрики.

<sup>238</sup> Его погребение совершалось в феврале или марте 1930 года, согласно материалам следственного дела: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 1. Л. 225.

<sup>239</sup> В следственном деле весны 1931 года есть показания монахинь о том, что они после закрытия Распятской церкви перешли в Сретенскую и там регентовали.

<sup>240</sup> Храм называли «Никола Будка», но правильное название — «Никола-в-Бутках» — известно с середины XVI века. Буткиной улицей называли участок Боровской дороги при въезде на высокий берег реки Нары; происходит от слова «бутить», то есть мостить битым камнем. Видимо, этот трудный подъем стал первой мостовой в городе (Храмы Серпуховского благочиния... С. 69).

<sup>241</sup> По групповому делу «По обвинению священника Николая Дулова и других».



густа освобожден и после служения на праздник преп. Серафима выехал на родину. Однако службы в церкви продолжались: когда не было священников, возможно, их проводил Василий Преображенский, состоявший на должности псаломщика этой церкви еще с 1898 года<sup>242</sup>.

О том, что службы могли проводиться мирским чином, свидетельствуют показания многих прихожан других церквей. Так, например, исполняющая обязанности старосты Троицкого собора Дарья Артамонова на допросе в начале 1931 года показала: *«После того, как взяли нашего священника, мы собираемся в церкви вечером, зажигаем лампадки и молимся, там поют певчие монашки, из них я знаю Иванову (старуха 60 лет). Там беседуем, почему взяли нашего священника и вообще всех тихоновцев по гор<оду> Серпухову. Считаю, что правды нет и не найдешь ее нигде, потому никто не знает — почему берут священников тихоновской церковной ориентации»*<sup>243</sup>.

Прихожане Троицкого собора не сдавались, искали священников, принимали приезжавших и объявлявших свою принадлежность к истинно-православным, убеждали монашествующих рукополагаться у иосифлянских архиереев. Так, с середины апреля 1931 года в Троицком храме стал служить иеромонах Ананий (Шумский). Бывший Афонский монах, он до 1929 года пребывал в Давидовой пустыни, с 1930 года служил

<sup>242</sup> В книге "Храмы Серпуховского благочиния" и в базе данных ПСТГУ он назван священником, правда оговорено, что не сохранилось данных о том, в каком году он был рукоположен. В следственном деле 1931–1932 годов "По обвинению Золотавина и других" он проходит как «псаломщик церкви Никола Будка». 14 декабря 1931 года Василий Преображенский подтвердил на допросе: *«Я служу псаломщиком в цер<кви> Николы Будки»*.

<sup>243</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 170.

иеродиаконом в церкви Высоцкого монастыря. По его словам, после ареста священников верующие очень просили его принять священный сан, «особенно настойчиво просила монашка Анастасия, которая несколько раз приходила с какими-то мирскими женщинами и упрасивала, в конце концов я согласился».

«Монашка Анастасия на мой вопрос: "Где рукополагаться", — так как в г<ороде> Серпухове в то время епископа не было, ответила, что у них "есть свой епископ Синезий, проживающий в г<ороде> Ижевске, куда они меня и повезут". Действительно 14/IV — 31 г<ода> я совместно с монашкой Анастасией поехали в г<ород> Ижевск. Приехав в Ижевск, мы нашли квартиру еп<ископа> Синезия и договорились о рукоположении. Вечером того же дня я служил всеночную в церкви гор<ода> Ижевска. На другой день 18/IV я был еп<ископом> Синезием рукоположен и тотчас же уехал в г<ород> Серпухов»<sup>244</sup>.

Всего месяц прослужил отец Ананий в Троицком соборе и 19 мая 1931 года был арестован и привлечен к следствию по групповому делу монашествующих<sup>245</sup>.

С августа 1931 года в соборе служил некий Павел Глазунов<sup>246</sup>; иеромонаху Варсонофию (Безсонову) он представился как тайный архиепископ Истинно-Православной Церкви, а по материалам следственного дела он проходил как настоятель Троицкого собора и свидетель. Его показания как в отношении актива приходского совета, так и в отношении иеромонаха Варсонофия (Безсонова) — убийственны. Такую же роль Па-

<sup>244</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76243. Л. 161.

<sup>245</sup> О его дальнейшей судьбе см. далее.

<sup>246</sup> Почему-то отец Аркадий Золотавин и иеромонах Варсонофий (Безсонов) в своих показаниях называют его Силиным.

вел Глазунов сыграл и в деле священника Димитрия Перехвальского в начале 1933 года<sup>247</sup>.

Судя по всему, это был провокатор, и, по-видимому, очень умелый, если так просто обманывал и духовенство, и народ. Такого рода "клириков", вероятно, в то время хватало. Если и не откровенных провокаторов, то приспособленцев, искавших себе места и никакого отношения не имеющих к иосифлянам. Так, некий Павел Дмитриевич Кораблев, представленный в материалах следственного дела 1932 года как священник, окончивший Московскую духовную академию, приехал в Серпухов в декабре 1931 года, решив устроиться служить на свободный приход, но, как показал он на допросе:

*«Познакомившись с некоторыми активными церковными деятелями, я установил, что в Серпухове существует сплоченная контрреволюционная группа сторонников бывшего митрополита Ленинградского Иосифа Петровых, причем представители этой группы называют себя "истинными христианами". Учтя это обстоятельство, я пришел к выводу, что получить приход в Серпухове мне будет невозможно, если меня узнают как сторонника церковной ориентации митрополита Сергия, объявившего о необходимости лояльного отношения к Советской власти. Поэтому я решил объявить, что я тоже являюсь представителем "истинно-православной Церкви" и что мне лично знакомы некоторые архиереи, стоявшие во главе этой ориентации. Таким образом, я был принят в эту группировку, и мне разрешили послужить в Троицком соборе города Серпухова»<sup>248</sup>.*

Далее Кораблев, как и Павел Глазунов, подробно изложил контрреволюционные разговоры и настроения

<sup>247</sup> О его дальнейшей судьбе см. далее.

<sup>248</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76589. Л. 370.

"истинно-православных". Подобные же показания дал и некий молодой священник, Николай Воинов, по его словам на допросе в мае 1932 года, он *«служил в Сретенской церкви больше года»*. Однако в его анкете он записан как священник церкви Николы Будки, по видимому, именно о нем идет речь в показаниях Евдокии Филатовой, члена двадцатки Троицкого собора: *«Я вошла в двадцатку с той целью, чтобы у нас не закрыли храм, записалась я добровольно. Из священников я знаю следующих: отца Николая, Феодора и Павла, все они поочередно служили в соборе»*.

*«Закрытых молитвенных собраний я не посещала, не знаю о них ничего. Николай у нас служил недолго, а потом перешел в другую церковь, его верующие не любили, так как считали мы его красным священником. К отцу Павлу относились лучше, т<ак> к<ак> он полностью зарекомендовал себя тихоновским священником. Помогали ему платить налог от церкви. Летом он уехал неизвестно куда. Отец Феодор осенью у нас служил, но недолго, вызвал подозрение. Все думали, что он пролез в собор для разложения тихоновского убеждения, а сам является сергиевцем. Тогда мы решили попросить у него для проверки документы с тем, чтобы узнать, кем он является, но выяснилось из документов, что он тоже тихоновец, так как его документ был подписан Димитрием. После этого все мы верующие успокоились»<sup>249</sup>*.

Установить, о каком священнике Феодоре идет речь, не удалось, а Павел, несомненно, тот самый Глазунов. О нем же упоминала в своих показаниях Пелагея Конкина, также входившая в состав приходского совета Троицкого собора: *«Наш собор и мы, прихожане, в частности и я, принадлежим к организации Истинно-*

<sup>249</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 147.

*Православная Церковь. К нам в собор приезжал служить иногда тайно из Москвы священник по имени Павел, фамилию я не знаю. Во время его отсутствия мы иногда, истинно-верующие, собирались сами и сами проводили служение Господу Богу, во время которого читали акафисты и пели молитвы»<sup>250</sup>. Отметим, что Павел Глазунов в свою очередь не забыл особо упомянуть в показаниях именно этих двух "активисток", членов церковно-приходского совета Троицкого собора:*

*«В отношении Серпухова мне известно следующее: там имеется многочисленная группа, разделяющая взгляды на современную власть как на царство антихриста с вытекающими из этого последствиями. Эта группа целиком находилась на нелегальном положении и занималась агитацией против Сов<етской> власти при каждом удобном случае. Для церковных богослужений подбирались только такие священники, которые целиком разделяли взгляды этой группы, причем эти священники должны были жить нелегально, без прописки. Желая получить место священника, я неоднократно обращался с просьбой к активистам этой группы, **КОНКИНОЙ**, **ФИЛАТОВОЙ** и др<угим>, но они предложили, чтобы я не прописывался. Ввиду того, что некуда было деваться, я согласился жить без прописки и был принят священником в Троицкий собор. Однако, как только я помянул за службой Сов<етскую> власть, меня сейчас же выгнали из собора»<sup>251</sup>.*

Далее он назвал имена-фамилии пятнадцати мирян, главным образом прихожан Троицкого собора, добавив к этому следующее: *«При этом необходимо отметить, что особо активную организующую роль в деле этой*

<sup>250</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 130 об.

<sup>251</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 293–294.

*группы играли Конкина и Филатова, которые ведали денежными делами группы, подыскивали священников по своим убеждениям и устраивали тайные собрания в соборе, когда не было священника». Далее Глазунов утверждал, что именно Пелагея Конкина на этих собраниях «произносила проповеди, в коих призывала к всемерной борьбе с антихристом». Кроме того, он показал, что участницам группы, поступившим работать на фабрику, она «давала установку», что каждая из них «обязана не только сама не участвовать в ударничестве и соцсоревновании»<sup>252</sup>, но и других работниц от этого отговаривать, так как ударничество и соцсоревнование — это есть печать антихриста»<sup>253</sup>.*

Когда окончательно закрыли Троицкий собор — не известно. По крайней мере, до начала 1933 года его прихожане собирались на молитву. Также продолжали действовать и другие иосифлянские церкви в Серпухове: Покровская, Сретенская, Никольская, Покровская Высоцкого монастыря. Правда, в Никольской служил священник Николай Воинов, а в Сретенской — Александр Успенский, судя по их показаниям, не разделявшие иосифлянских взглядов своих прихожан, но эти иереи вынуждены были подчиняться требованиям иосифлян и не поминали на службах митрополита Сергия и власти.

Таким образом, на протяжении почти пяти лет после первых арестов настоятелей и на протяжении двух лет после арестов фактически всех серпуховских священников верующие Серпухова отстаивали свои храмы, пребывая на твердых позициях истинного православного исповедания. Они регистрировали свои приходские

<sup>252</sup> Соцсоревнование — социалистическое соревнование.

<sup>253</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 294–295.

общины, так называемые "двадцатки", единственно официально разрешенную советской юстицией форму религиозной организации. Для этого их члены должны были подавать свои данные в Административный отдел ГПУ, заведомо подставляя себя под удар репрессий. А в том, что они неминуемо последуют, никто из верующих не сомневался. Ведь еще в самом начале широкомасштабных гонений местные газеты публиковали, например, такого рода материалы: 4 мая 1929 года в серпуховской газете "Набат" была опубликована статья под броским заголовком "Вскрываем классовое лицо религии. Торговцы и кустари — заправила церквей", и в ней утверждалось:

«В условиях пролетарской общественности проповедь в духе "любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас" кажется немислимой. Но когда присмотришься поближе к руководителям церкви, то поймешь сущность и основу такой пропаганды.

В нашем уезде церковные советы на 90 проц<ентов> состоят из лиц, лишенных избирательных прав, как-то: торговцев, кулаков, огородников, людей с сомнительным прошлым и т<ак> д<алее>.

Публикуемый сегодня список руководителей церковных советов служит ярким подтверждение этого:

Церковный совет церкви Покрова Пресвятой Богородицы имеет: Соболева И. Д. — кровельщика-кустаря, Лезова А. И. — маляра-кустаря».

Далее следовало перечисление еще тринадцати городских церквей, среди них, помимо Покровской, — еще четыре иосифлянских со списком фамилий членов их церковно-приходских советов:

«В церкви Сретение: Владыченский — священник, председатель совета, Воронина А. И. — бывшая торговка, Баранчев П. Г. — б<ывший> жандарм, Тутыкин А. И. — торговец, Головин А. С. — торговец.

В церкви Воскресения: Теряев — священник, председатель совета, Манчинов — торговец, Крымова Н. И. — жена торговца.

В церкви Распятия: Боголепов — священник, председатель совета, Чернов — бывший торговец, Кузнецова — жена торговца, Шибаета Д. П. — жена торговца.

В церкви Николы Будки: Леднев — священник, Смодин — священник, секретарь совета, Жаворонков — сапожник, Шевелев Ф. А. — кузнец, Шилова Е. В. — жена бывшего городского головы, Мамонов Н. В. — торговец.

Церковный совет Троицкого собора: Щербинин — кузнец, Сурина — жена торговца».

Вскоре почти все перечисленные "заправила" были арестованы и осуждены. Но так как в состав "двадцаток" записывались не только "бывшие" люди с "*сомнительным прошлым*", но часто и, вероятно, в большом числе принадлежащие к "*передовому*", "*правлящему*" классу<sup>254</sup>, да и на моления собиралось еще немало рабочих, то власти закрывали серпуховские храмы не сразу. В какой-то мере приходилось считаться с этими активными массами верующих; к тому же их *«религиозные настроения подогревались»* монашествующими из закрытых монастырей, проживавшими в Серпухове и окрестных селах. Многие из них являлись прихожанами иосифлянских храмов и были крайне отрицательно настроены по отношению к сергианству и безбожной власти.

Отметим, что в документах следственных дел все монашествующие неизменно характеризовались как *«монархисты и реакционеры»*, *«питавшие непримиримую вражду к Сов<етской> власти»*, *«занимав-*

---

<sup>254</sup> Как, например, упомянутые Дарья Артамонова и Пелагея Конкина — ткачихи.



---

*щиеся систематической злостной антисоветской агитацией», «использовавшие для своей гнусной к<онтр>р<еволюционной> деятельности церкви и свои квартиры, где вели организованную антисоветскую обработку верующего населения». Понятно, что для успешной борьбы с «религиозными пережитками» в массах прежде всего безбожной власти нужно было расправиться с этим «реакционным элементом».*



## Гонения монашествующих. 1931 год

19 мая 1931 года в Серпухове были арестованы 23 монахини бывшего Владычного монастыря, закрытого еще в 1924 году. Через день, 21 мая, арестовали еще 72 монахини в Серпухове и деревнях Заборье и Никифорово. Часть монахинь в Серпухове проживали на территории Высоцкого монастыря и посещали его Покровскую церковь, другие, расселившись во Владычной слободе, посещали Троицкий собор. Они зарабатывали на жизнь поденной работой в деревнях, стиркой белья, шитьем одеял. Кто-то устраивался на постоянную работу уборщицами и совсем немногие — на фабрики, если удавалось скрыть факт своего монашества.

Некоторые совсем старенькие и немощные монахини жили на подаяние верующих, и за ними ухаживали более молодые сестры. Так, монахиня Лидия Туркина упоминала во время следствия, что с ней на территории бывшего Высоцкого монастыря живет еще *«15 человек монашек, все дряхлые»*. А монахиня Александра Шмелькова на допросе показала: *«Не могла расстаться со своими сестрами-монашками, которые проживают в Серпухове, более 100 человек, — всех их я хорошо знаю и встречаюсь в церкви мужского монастыря и*

Троицкого собора, куда обычно больше всего собирается монашек»<sup>255</sup>.

В "Обвинительных заключениях" по групповым делам следствие подчеркивало тот факт, что поселившиеся после ликвидации монастыря на территории Владычной слободы монахини и монахи «поддерживали между собой, а также и с Серпуховским духовенством тесную связь» и «занимались активной а<нти>советской работой, направленной на срыв мероприятий, проводимых Сов<етской> властью как в городе, так и в деревне». Особо отмечалась «антисоветская агитация» против коллективизации, когда монашествующие, постоянно вращаясь среди населения Серпухова и крестьян окрестных деревень, «говорили, что в колхозы верующие вступать не должны, так как это мероприятие антихристовой Советской власти, которая ведет к безбожию».

«Систематически собираясь и организовывая вокруг себя верующих, высказывали враждебное отношение к Сов<етской> власти и, воздействуя на религиозные чувства верующих, старались вызвать массовое недовольство последних к различным мероприятиям, проводимым Сов<етской> властью, а главное, к вопросу отделения Церкви от государства, призывали верующих оказывать материальную помощь ссыльным попам и молиться за гибель Сов<етской> власти»<sup>256</sup>.

По первому делу вместе с монахинями были арестованы служившие в Троицком соборе иеромонах Ананий (Шумский) и иеродиакон Даниил (Лобанов), служивший в Покровской церкви Высоцкого монастыря иеромонах Назарий (Прохоров) и служивший в церкви села Спасс-Тешлово иеромонах Серафим (Егоров), причем

<sup>255</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76243. Л. 10.

<sup>256</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 44321. Л. 363.

все они прослужили совсем недолго: иеромонах Назарий — три месяца, иеромонах Ананий — один месяц, будучи рукоположен лишь в апреле 1931 года. Где и кем был рукоположен иеромонах Серафим, не ясно, как сказано в материалах следственного дела, с 1924 до 1931 года он был псаломщиком в церкви своего села, а *«последние полтора месяца до ареста поп церкви села Спасс-Тешлово»*.

Несколько месяцев прослужил и двадцатидвухлетний иеродиакон Даниил (Лобанов), рукоположенный сергианским архиереем Иоасафом (Шишковским-Дрылевским). Он вообще мало что понимал (или делал вид) и на допросе заявлял: *«Убежденный я патриарших и признаю митрополитом как Тихона, так и Сергия. Расколов, считаю, быть не может среди верующих. Так мне Иоасаф заявлял, что нужно разъяснить верующим, чтобы объединялись в одно убеждение — признавать Бога и Церковь православную»*<sup>257</sup>.

В отличие от него большинство арестованных, даже малограмотные монахини, все очень хорошо понимали и совершенно четко свою церковную позицию определяли: *«Мы убежденных тихоновских, посещаем церкви, где поминают митрополита Петра и Максима, митрополита Сергия не признаем»*.

*«Все монашки Владычного монастыря остались убежденных тихоновских. Епископ Максим всех нас убедил, что мы, православные, должны не отступить от православия и не идти за Сергием, который продает наши церкви»*, — сказала на допросе Мария Спиридонова.

Некоторые из монахинь не страшась, прямо говорили о своем неприятии советской власти. Так, например, монахиня Варвара Аносова твердо заявила: *«Я, как*

<sup>257</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76243. Л. 31.

*истинная христианка, Советскую власть не признаю и доброжелательно к ней относиться не могу. При Советской власти идет жестокое гонение на религию и верующих, сейчас стало тяжело жить. Всякое мероприятие, проводимое Сов<етской> властью, является богопротивным, а Советскую власть Бог послал нам за наши грехи».*

И даже пенсионерка Елизавета Крымова, арестованная вместе с монахинями, хотя и объявила себя прихожанкой "красной" Успенской церкви, где поминают «митрополитов Сергия и Петра, а также епископа Иоасафа», не побоялась на допросе сказать: «С политикой Сов<етской> власти в религиозном вопросе я не согласна, ибо это оскорбляет мои религиозные чувства»<sup>258</sup>.

Иеромонах Ананий на допросе коротко, но ясно и откровенно заявил: «Сергия я не поминал, а также и не молился о властях, ибо как я, так и приход нашей церкви м<итрополита> Сергия и Сов<етскую> власть не признаем, а потому не молимся за них». Еще более откровенен был в своих показаниях иеромонах Назарий (Прохоров). С 1904 года он подвизался в Спасо-Голутвином монастыре в Коломне, после его закрытия в 1923 году поселился в деревне Малицы Лопасненского района, в двух верстах от Давидовой пустыни. Изредка служил в церквях, где отсутствовали священники, приезжал в Серпухов и служил в Покровской церкви мужского монастыря. После ареста священства в конце 1930 года церковный совет церкви просил его остаться и служить постоянно, что он и сделал с 15 февраля 1931 года.

На допросе 31 мая он сказал, что митрополита Сергия не признает, во время службы за проскомидией поминал Петра Крутицкого, томящегося в ссылке епи-

<sup>258</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76243. Л. 14 об., 87, 131.

скопа Максима (Жижиленко), отправленного на Соловки, и ссыльных священников. Из серпуховских клириков был знаком с владыкой Максимом, священником Николаем Ищенко и иеромонахами Илиодором, Анувием, Кронидом, Козьмой<sup>259</sup>. "О властях земли русской" он у себя в церкви не молился, ибо советскую власть не признавал как власть безбожную, считал, что она послана «за наши грехи», а по тому безбожию и гонению на религию такая власть, по его словам, «является предтечей царства антихриста». На допросе 2 июня 1931 года иеромонах Назарий заявил:

*«Я все время принадлежал к тихоновской ориентации духовенства, т<о> е<сть> не разделял политику митр<ополита> Сергия по отношению к Сов<етской> власти. Считаю, что хотя и всякая власть посылается на землю Богом, но молиться за безбожную власть, т<о> е<сть> власть, которая не признает Бога, которая не нуждается в наших молитвах, молиться не следует, благодаря этому я в общении с митр<ополитом> Сергием не нахожусь.*

*Признавая Сов<етскую> власть как власть, посланную Богом, в то же время я являюсь противником ее по своим религиозным убеждениям. Отсюда я являюсь и противником всех мероприятий, проводимых Сов<етской> властью, т<ак> к<ак> они в конечном итоге сводятся к укреплению и развитию безбожия. Так, в частности, проведение коллективизации не может встретить поддержку со стороны верующих, потому что, вступив в колхоз, верующий должен отказаться от Бога, так как в колхозе праздников не признают и верующий не сможет ходить в церковь. Отсюда колхозы — это путь к безбожию.*

---

<sup>259</sup> Имеются в виду: иеромонахи Илиодор (Трусиллин), Анувий (Капинус), Кронид (Дубровный), Козьма (Трусов).

Действительно, ко мне приходили женщины, которые спрашивали, идти им в колхоз или нет? Я им отвечал: это дело ваше, ничего не скажу, но вот, по моему мнению, вам не придется молиться, т<ак> к<ак> там пятидневка и праздников не признают.

На проводимую Сов<етской> властью пятилетку строительства я также смотрю отрицательно, потому что она также способствует развитию безбожия и своей конечной целью ставит полное уничтожение религии, так что я часто скорблю о все более и более закрываемых храмах.

Мое отношение к Сов<етской> власти безусловно отрицательное, т<ак> к<ак> мы являемся в религиозном вопросе двумя противоположными лагерями, а отсюда и отношение ко всем проводимым мероприятиям. Я часто скорблю и очень скорблю о прежней (при царском строе) хорошей жизни»<sup>260</sup>.

По материалам следственного дела не ясно, какой приговор был вынесен в отношении иеромонаха Назария (Прохорова). 16 июля 1931 года иеромонах Ананий (Шумский) и другие обвиняемые были приговорены к высылке в Казахстан. Также были высланы и все монахини (72) по второму делу<sup>261</sup>.

Но на этом чекисты не остановились. 28 июля 1931 года было вынесено постановление в отношении еще 20 монахинь: «подвергнуть обыску и аресту с содержанием под стражей в Серпуховском Домзаке». 1 августа было утверждено "Постановление" о привлечении всех в качестве обвиняемых:

*«Монашки, укрывшиеся от ареста в период массовой операции в мае м<еся>це с<его> г<ода>... всего 20 человек, проживающие нелегально, т<о> е<сть> без*

<sup>260</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76243. Л. 147.

<sup>261</sup> Подробные справки на всех приведены в Приложении III.

*прописки в городе СЕРПУХОВЕ и районе, поддерживая между собой тесные связи и группируя вокруг себя верующих, систематически вели антисоветскую агитацию, выражающуюся в распространении провокационных слухов о скорой войне и гибели Сов<етской> власти, ходили по деревням, где имеются колхозы, и, действуя на религиозные чувства верующих, всячески пытались развалить таковые, при этом, приводя выдержки из священного писания, заявляли: "Ленин сатана, и вся его колхозная идея есть сатанинское насаждение на святой русской земле". Организационным порядком, под руководством монашек ПОДКОЛЗИНОЙ А. Ф. И МАЛЫГИНОЙ В. Ф., оказывали материальную помощь контрреволюционной группировке (церковников): КРЕМЫШЕНСКОМУ, БУБЛИКОВУ, КАПИНУСУ и другим, высланным в С<еверный> К<азахстан>, собирали деньги, продукты с верующих и посылали по месту ссылки, что подтверждается вещ<ественным> доказательством отобранной суммы денег у ПОДКОЛЗИНОЙ — 184 рубля, собранной с верующих и предназначенной для посылки ссылкой по-пам»<sup>262</sup>.*

"Обвинительное заключение" датируется уже следующим днем — 2 августа 1931 года. Все двадцать монахинь также, по-видимому, были высланы<sup>263</sup>. Далее аресты продолжались, кроме монашествующих арестовывались и миряне — самые ревностные, и уже не по групповым делам. Так, например, в октябре 1931 года было возбуждено дело против Василия Новикова, председателя церковного совета Покровской церкви Высоцкого монастыря. В "Обвинительном заключении" указывалось:

<sup>262</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-40486. Л. 94.

<sup>263</sup> Подробные справки на всех приведены в Приложении III.



*«После ликвидации в городе Серпухове в декабре месяце 1930 г<ода> к<онтр>р<еволюционной> группы (30 человек) оставшийся председателем церковного совета мужского монастыря НОВИКОВ Василий, возглавляя церковную общину (тихоновской ориентации), систематически вел а<нти>сов<етскую> деятельность, доказывая верующим, что — "Советская власть издевается над священниками, производит гонения на Церковь", что "она послана не от Бога и все ее законы являются сатанинскими", оказывал материальную денежную помощь ссыльным священникам, как-то: Терентию, Козьме, Кремышенскому<sup>264</sup> и другим». Приводились подробные показания свидетелей, доказывающие «антисоветскую деятельность» Василия Новикова. И он подтвердил на допросе: «Я действительно сохранял к<онтр>р<еволюционную> молитву, материально помогал ссыльным священникам, не допускал в церковь служить сергиевских священников, предпочитал монашествующий элемент и царский строй»<sup>265</sup>.*

---

<sup>264</sup> Имеются в виду: диакон Терентий Чернявский, иеромонах Козьма (Трусов) и протоиерей Александр Кремышенский.

<sup>265</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. Л. 27, 29.



## Следственное дело Аркадия Золотавина. 1931–1932 годы

В ноябре 1931 года в Серпухове началось следствие по групповому делу прихожан Троицкого собора и священника Аркадия Золотавина<sup>266</sup>. Отец Аркадий еще в декабре 1930 года присоединился к Ижевскому епископу Синезию, а в апреле 1931 года познакомился с иеромонахом Ананием (Шумским), когда тот приезжал в Ижевск на рукоположение. От него отец Аркадий и узнал, что в Серпухове остались «четыре или пять церквей нашей ориентации», и потому после ареста епископа Синезия поехал в Серпухов. Однако пробыл там всего неделю, успев провести лишь две службы в Троицком соборе.

Как показал отец Аркадий на первом допросе: *«Мне сразу сказали, чтобы я не нарушал установленный в соборе порядок, и предложили поминать за службами епископа Максима, хотя я совершенно не знал, что из*

---

<sup>266</sup> Подробные биографические справки на всех приведены в Приложении III.

себя представляет Максим, знаком я с ним не был, но слышал, что он арестован. О том, что Максим — один из руководителей контрреволюционной организации, я тоже не знал. Тогда же мне предложили читать за службами специальную молитву "о многострадальной Церкви". Ознакомившись с этой молитвой, я увидел, что молитва имеет резкие выражения и по существу является контрреволюционной, т<sup>а</sup>к<sup>а</sup>к<sup>а</sup> способна возбуждать верующих на антисоветские мысли. Свой взгляд на молитву я и высказал и добавил, что опасюсь, как бы нас за это не обвинили в контрреволюции. Однако мне ответили, что нарушать установленный порядок не следует, и я эту молитву читал за службами»<sup>267</sup>.

«Специальная» молитва о Церкви, о которой идет речь, читалась не только в Серпухове, но и по всей стране в иосифлянских храмах. Кем и когда она была составлена и включена в богослужение, не совсем понятно. Общепринято считать, что она была введена в употребление петроградскими архиереями после отделения от митрополита Сергия. Однако были предположения, что ее ввел еще Патриарх Тихон<sup>268</sup>. Как бы то ни было, чтение молитвы в иосифлянских храмах (во время литургии после сугубой ектеньи) стало обязательным. Старейшая питерская иосифлянка, дожившая до наших дней, Лидия Павловна Семенова (1915–2012), вспоминала, как читал эту молитву в 1934 году ее духовник отец Анатолий Согласнов в Троицкой церкви в Лесном: «На коленях перед престолом, и все прихожане также опускались на колени»...

<sup>267</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. Л. 70.

<sup>268</sup> Об этом говорится в примечаниях к тексту молитвы в некоторых следственных делах, например, в Воронежском деле епископа Алексия (Буя).

По словам Тверского священника Василия Шишканова, служившего в 1930 году в Серпухове, *«как в Твери, так и в Серпухове произносилась за богослужением молитва следующего содержания. В ней говорилось о том, чтобы Господь не оставил Своими милостынями Церковь и чтобы послал ей тишину и благополучие. В молитве говорится, чтобы Господь всех отошедших от Церкви возвратил бы в Церковь»*<sup>269</sup>.

Понятно, что подобная молитва воспринималась богосборческими властями как явная демонстрация контрреволюционных настроений и чтение ее расценивалось как открытая антисоветская пропаганда<sup>270</sup>. Так что опасения священника Аркадия были не безосновательны. После того как он все же согласился с условиями служения в Троицком соборе, он вместе с церковно-приходским советом, желая соблюсти канонический

<sup>269</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 1. Л. 261. Полностью текст молитвы приведен в *Приложении I*.

<sup>270</sup> Тем более что поминались заключенные и ссыльные священники и производился сбор помощи для них. Вот, к примеру, выдержка из обвинительного заключения по делу «Истинно-Православных» 1930–1931 года: *«Большое место в работе к.-р. организации занимала помощь высланным, а главным образом, а/с агитация среди населения на этой почве. Во всех церквях, где попами были члены организации "Истинного Православия", систематически производились поминовения ссыльных "за здравие" и читалась специально составленная центром организации молитва, в которой главное место занимают такие выражения:*

*"Буди, Господи, милостив — молит Тя многострадальная Церковь Твоя... Помяни, праведный Боже, обещание Твое не ложное: "Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют Ея".*

*После прочтения этой молитвы обыкновенно происходило обращение к молящимся о необходимости оказать материальную помощь "в изгнании сущим пастырям", и производился тарелочный сбор»* (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 7. Л. 49).

порядок, написал официальное заявление на имя епископа Синезия — с просьбой о назначении священника Аркадия настоятелем Троицкого собора. И хотя отец Аркадий знал, что епископ Синезий уже арестован, он все же поехал с этим заявлением в Ижевск, надеясь, что там кто-то замещает владыку. В Ижевске, узнав от матери епископа, что тот *«никому заместительства не передал, и все служащие с Синезием священники арестованы»*, отец Аркадий выехал домой, в Уральскую область. Там его отец, заштатный священник-старик, посоветовал ему все же поехать в Серпухов и продолжить служение *«без благословения владыки, раз его нет»*.

Так священник Аркадий еще раз появился в Серпухове в сентябре 1931 года. Церковный совет, конечно же, согласился принять его без резолюции епископа, и он прослужил там около трех недель. Потом ему вновь пришлось выехать домой, уже на похороны матери, а в начале ноября, после получения письма от старосты Троицкого собора Анисии Семеновой с просьбой вернуться, отец Аркадий в третий раз приехал в Серпухов и там познакомился с протоиереем Павлом (Силиным)<sup>271</sup>, служившим в это время в соборе. Через неделю, 16 ноября, отец Аркадий выехал в Москву, по его словам, *«с целью закупить здесь продукты, которых в Серпухове достать нельзя»*, и в Москве был арестован.

Этот "рассказ", то есть показание на допросах, требует уточнения. По свидетельству старосты Троицкого собора Анисии Семеновой, священник Аркадий в первый раз выехал из Серпухова в конце июля после предупреждения прихожанки, что его искала милиция. В "Обвинительном заключении" по групповому делу это обстоятельство отмечено особо: *«Проживая на неле-*

---

<sup>271</sup> Как уже упоминалось, это неверно; настоящая фамилия, по крайней мере как она занесена в протокол допроса, — Глазунов.

гальном положении, Золотавин находился в Серпухове до начала августа м<еся>ца 1931 г<ода> без прописки, ночуя поочередно у МИХАЛИЩЕВОЙ, МАЛАШИНОЙ И ДЕРГАЧЕВОЙ, которые установили специальную негласную охрану Золотавина от возможного ареста. В начале августа МАЛАШИНОЙ стало известно, что Золотавин разыскивается Серпуховской милицией, о чем она предупредила МИХАЛИЩЕВУ И ДЕРГАЧЕВУ и организовала бегство Золотавина сначала в Москву, а потом в Уральскую область»<sup>272</sup>.

Отец Аркадий сразу же выехал в Москву, куда Анисия Семенова через два-три дня привезла ему вещи. А в начале ноября она ему действительно написала, приглашая приехать и служить, так как священник Павел служил непостоянно, бывая в Серпухове наездами. По приезде отец Аркадий остановился у нее. Когда же 13 ноября 1931 года Татяна Малашина, член приходского совета Троицкого собора, получила повестку-вызов на допрос, о чем сразу же стало известно, отец Аркадий ушел из Серпухова в деревню, где пробыл два дня у верующих, а потом выехал в Москву...

Все эти перемещения были расценены властями как «контрреволюционная деятельность, направленная на восстановление Серпуховского "филиала" ИПЦ», ликвидированного в феврале 1931 года. Руководителями его, конечно же, были названы все те же и уже осужденные: «д<окто>р ЖИЖИЛЕНКО (он же епископ МАКСИМ), поп КРЕМЫШЕНСКИЙ, поп ИЩЕНКО, иеромонахи ТРУСИЛИН, КАПИНУС, ДУБРОВНЫЙ и др<угие> — арестованы и заключены в концлагерь на разные сроки»<sup>273</sup>.

<sup>272</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. Л. 207.

<sup>273</sup> Даже в своих документах чекисты лгали — из шести перечисленных «руководителей» трое были расстреляны.

По версии следствия, «*поп Золотавин был командирован в Серпухов епископом Синезием, одним из руководителей ИПЦ*», «*с заданием организовать вокруг себя оставшихся на свободе сторонников ИПЦ и возобновить нелегальную работу*». Группа лиц, с которыми "связался" Золотавин, была обвинена в «*систематической к<онтр>революционной деятельности среди работниц Серпуховских фабрик и верующих г<орода> Серпухова*», распространении слухов «*о предстоящем падении Сов<етской> власти, о пришествии антихриста и о невозможности работать в ударных бригадах как организациях антихриста*».

Первой из этой группы была арестована 1 декабря 1931 года прихожанка Троицкого собора Татиана Малашина, по версии следствия, «*активная церковница*». 9 декабря арестовали других «*активных церковников*», членов приходского совета: Нину Игнатову, Елизавету Михалищеву, монахиню Серафиму Дергачеву и Марию Кремьшенскую, сестру расстрелянного протоиерея Александра, а также иподиакона Назарова, псаломщика Василия Преображенского и бывшего торговца Воронина. Все арестованные давали смелые показания; например, Нина Игнатова заявила:

*«Наш собор возглавляется организацией епископа Максима Жижиленко, ныне высланного ОГПУ, которого поминаем на богослужениях, кроме него поминаем владыку Петра. С митрополитом Сергием наш собор в общении не состоит... Поминование властей не производится, так как наша церковь, как действительно Истинно-Православная Церковь, — не может поминать безбожников, не признающих никакой религии. Потому и Советская власть, которая возглавляется безбожниками-коммунистами, отрицающими как религию, так и веру в Бога, безусловно, не может быть, с точки зрения истинно-верующего человека,*

*поминаема открыто за богослужением в православной церкви»<sup>274</sup>.*

14 декабря 1931 года Василий Преображенский показал: *«Я служу псаломщиком в церкви Николы Будки в гор<оде> Серпухове. Наша церковь, как Истинно-Православная Церковь, принадлежит к организации, возглавляемой бывшим епископом Серпуховским Максимом Жижиленко, в настоящее время арестованным и высланным ОГПУ. Наша организация, и в частности церковь, в которой я служу, не имеет никакого общения с митрополитом Сергием, как совершенно не разделяющая его взгляда по вопросам отношения Православной Церкви к Сов<етской> власти, изложенного им в свое время в обращении, а также в интервью».*

По вопросу колхозного строительства псаломщик Василий высказал свое мнение открыто: *«Совместный организованный труд крестьянства более продуктивен, чем труд крестьянина-единоличника, но поскольку колхозы строятся безбожной властью и в колхозах насаждается безбожие, в результате его крестьянин-колхозник перестает верить в Бога и ходить в церковь, церкви в большинстве колхозов закрываются, с такими колхозами и проводимыми мероприятиями, не угодными Господу Богу, я не согласен и отрицаю необходимость верующему человеку вступать в колхозы.*

*Рассматривая все события жизни, происходящие при Сов<етской> власти, как-то: голод, творящиеся всякие бесчинства, непослушание детей своим отцам, насаждение безбожия и преследование всей Православной Церкви и ее служителей, в ряде мест землетрясения и пр<очее>, и сравнивая все это со священным писанием, — я считаю, что Сов<етская> власть послана нам Богом как пощущение за грехи наши и что все эти*

<sup>274</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. Л. 165.



*страдания, причиняемые нам, мы должны будем переносить, так как все идет к тому, что должно быть появление антихриста»<sup>275</sup>.*

*Священник Аркадий Золотавин также видел в происходящих событиях признаки наступления последних времен, «того, что мы идем по пути к антихристу, и если эти события будут развиваться везде, т<о> е<сть> во всех странах, тем скорее мы будем приближаться к антихристу, и завершится все это вторым пришествием Христа Спасителя. В этом духе наша Истинная Православная Церковь и мы, ее служители, воспитываем своих истинно-верующих людей и должны воспитывать».*

*Отец Аркадий подчеркнул, что дальнейшее гонение на Церковь, насаждение неверия приведут к тому, что церкви будут все закрыты, но верующие все равно останутся и будут молиться по домам. В показаниях на последнем допросе он прямо заявил: «Я, как служитель Истинно-Православной Церкви, считал своей обязанностью одно, чтобы моих прихожан, которых я обслуживал, воспитать действительно в духе истинно-верующего человека, что я и делал, когда мне приходилось беседовать с верующими людьми».*

*У священника Аркадия было своеобразное мнение о политике советской власти; он, по его словам, не считал, что имеется открытое гонение на православную веру и Церковь, так как «верующие все-таки, несмотря на закрытие храмов, имеют возможность молиться в других храмах, и, вообще, Сов<етская> власть не запрещает молиться, но борьба с религией безусловно существует, которая выражается в том, что свободно ведется антирелигиозная пропаганда везде и всюду, тогда как священнослужители в этом стеснены и не*

<sup>275</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. Л. 160.

*могут свободно вне храма проповедовать слово Божие и священное писание. Происходящее закрытие православных церквей меньше всего происходит по желанию самих верующих, так как верующие люди безусловно заинтересованы в существовании церкви, а происходит все это под давлением безбожного и комсомольского актива. Все мероприятия по антирелигиозной работе, а также содержание всяких безбожных агитаторов — все это финансируется властью. Исходя из этого, я считаю, что вообще борьба Советской власти с православной верой есть, и я, как верующий человек, являясь духовным лицом, к этому мероприятию отношусь отрицательно»<sup>276</sup>.*

Не скрывала своего отношения к власти и монахиня Серафима Дергачева. Ее показания на допросе 27 декабря 1931 года настолько ярки, что их следует привести полностью:

*«В городе Серпухове я состою членом церковного совета церкви Николая Будки; с прошлого 1930 года наша церковь принадлежит к организации, возглавляемой бывшим епископом Серпуховским — Максимом Жижиленко. С митрополитом Сергием наша церковь в общении не состоит. Я лично, как истинно-верующий человек, считаю вполне правильным, что наша церковь не имеет общения с митрополитом Сергием, которого я считаю лжецом и отступником от Истинно-Православной Церкви по следующим соображениям.*

*Наша церковь, как истинно-православная церковь, не должна ничего иметь общего с Советской властью как властью безбожной, не признающей никакую религию и своей безбожной политикой проводящей гонения на Православную Церковь путем закрытия храмов*

<sup>276</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. Л. 204.

последних. Митр<ополит> Сергей обязывает Церковь почитать власть в церкви, а поскольку власть безбожная и у власти сидят управители, безбожники-коммунисты и евреи, Истинно-Православная Церковь не может эту власть почитать. Кроме этого митр<ополит> Сергей, если бы он действительно был настоящим главой Истинно-Православной Церкви и, видя все те страдания и гонения на Православную Церковь, он бы должен был выступить в защиту Церкви, а он, наоборот, в своем интервью, которое было опубликовано в газетах, заявил всенародно, что Церковь Сов<етской> властью не преследуется. Это я считаю неправильным и поэтому считаю его лжецом и отступником от Истинно-Православной Церкви.

Мое отношение к Сов<етской> власти таково, что, хотя Сов<етскую> власть я, как истинно-верующий человек, считаю посланной нам самим Богом, но эта власть, поскольку она безбожная власть, — есть как Божие попущение за наши грехи. Политика, проводимая безбожной Сов<етской> властью по отношению к Церкви и религии, т<о> е<сть> преследование Церкви и закрытие храмов, ссылка невинных священников и истинно-верующих людей, всякие антирелигиозные демонстрации в такие великие праздники, как Пасха и Рождество, отмена учения Закона Божия, — есть политика, не угодная Господу Богу и не в интересах верующего человека. И если власть не покается и не изменит свою политику по отношению к Православной Церкви, то эта власть неминуемо должна погибнуть. Лично я от Советской власти чувствую только страдания и гонения как истинно-верующий человек. И при старой царской власти я была спокойна, а также Церковь и вера православная не терпели гонения.

Все события, которые мы переживаем при Сов<етской> власти, как преследование Православной Церкви, гонение крещеного человека, голод, дети не слушаются своих родителей и пр<очее>. Кроме этого в священном писании сказано "всякий, не признающий Христа, пришедшего во плоти, есть от беса", поэтому и Сов<етская> власть, отрицающая это, — есть власть бесовская, и неминуемо появление антихриста и второе пришествие Спасителя на землю, чтобы судить нас, грешных...

Колхозы, которые строятся Сов<етской> властью в деревне, — есть не что иное, как бесовское наваждение, т<ак> к<ак> в колхозах нет креста и Бога, а также верующий человек, если он хочет действительно остаться верующим, то не должен идти в колхозы как организации богопротивные.

Всеми сказанными мною убеждениями, как у истинно-верующего человека, я делилась как в разговорах со знакомыми моими монашествующими людьми, а также с истинно-верующими людьми, которых я знаю»<sup>277</sup>.

Священник Аркадий Золотавин, монахиня Серафима Дергачева и еще восемь арестованных обвинялись как участники «к<онтр>р<еволюционной> церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь"» в попытке «организовать филиал этой организации в Серпухове», а также в «систематической к<онтр>р<еволюционной> деятельности среди рабочих Серпуховских фабрик и верующих г<орода> Серпухова путем распространения слухов о предстоящем падении Сов<етской> власти, о пришествии антихриста и о невозможности работать в ударных бригадах как организациях "антихриста"».

<sup>277</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. Л. 195–196.

В феврале 1932 года по данному делу были приговорены к трем годам концлагеря священник Аркадий Золотавин и монахиня Серафима Дергачева; остальные обвиняемые — к высылке в Казахстан или запрету на проживание в Московской области: Преображенский Василий, Кремьшенская Мария, Воронин Яков, Назаров Владимир, Малашина Татiana, Игнатова Нина, Михалищева Елизавета. В отношении старосты Семеновой Анисии дело было прекращено.



## Следственное дело Варсонофия (Безсонова). 1932 год

Весной 1932 года в Серпухове было возбуждено еще одно групповое дело. Главным его фигурантом следствие выставило иеромонаха Варсонофия (Безсонова)<sup>278</sup>, служившего в церкви села Ченцова Заокского района. Еще в конце 1927 года, будучи иеродиаконом, Варсонофий стал одним из самых активных противников сергианской политики в Серпухове. 8 января 1928 года во время обструкции, устроенной епископу Сергию (Гришину) в Распятской церкви, именно Варсонофий не пустил того в алтарь, а потом вывел за руку из церкви, приговаривая: «Иди от нас, новый Арий». Недаром Варсонофия (Безсонова) арестовали в числе первых и вместе с протоиереем Александром Кремышенским приговорили к трем годам концлагеря.

Отбыв этот срок в Соловецком лагере особого назначения, Варсонофий был в июне 1931 года освобожден и направлен в Арзамас. Там ему следовало пробыть, со-

---

<sup>278</sup> Кем и где он был рукоположен во иеромонаха, не известно. На первом допросе он только сказал, что был рукоположен 4 октября 1931 года.

гласно его показаниям, полтора месяца. По истечении этого срока он явился в местный отдел ОГПУ, где ему сказано было зайти еще раз. После этого он приходил еще несколько раз, и каждый раз ему предлагали зайти через несколько дней или через месяц. В последний раз он должен был явиться 1 ноября, но, согласно его показаниям: *«Не зная, какие результаты даст это посещение, 15 октября я из Арзамаса уехал без ведома местного отдела ОГПУ. Приехал я в с<ело> Ченцово и занял там место священника без благословения епископа по просьбе прихожан. На следующий день по прибытии в Ченцово я явился в местный сельсовет для регистрации удостоверения личности, в котором указано, что моей основной профессией является конторская работа. Однако я зарегистрировался как служитель культа, но не сказал, что вернулся из концлагеря и самовольно уехал из Арзамаса, т<ак> к<ак> об этом меня и не спрашивали»*<sup>279</sup>.

По версии следствия, Безсонов Константин Иванович, в прошлом *«активный член Серпуховского филиала ИПЦ, сохранив старые связи с монашеским миром Серпухова, начал активно работать по воссозданию филиала, избрав центром своей деятельности Заокский район, граничащий с Серпуховским... Для зашифровки своей принадлежности к "ИПЦ" — Безсонов установил связи с епископом сергиевской ориентации и получил от последнего официальное назначение в с<ело> Ченцово в качестве попа. Одновременно с этим Безсонов усиленно искал епископа "Истинно-Православной Церкви", под руководство которого предполагал передать организованную им ячейку "ИПЦ"»*.

<sup>279</sup> Здесь и далее приведены выдержки из дела: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76589. Л. 11, 12–12 об., 15, 43, 71, 98, 372, 378–379.

Все получалось довольно складно. Один из самых ярых противников сергианства в Серпухове, ранее в числе первых осужденный за антисоветскую деятельность, отбывший срок заключения, нелегально возвратившийся, тайно посвящен в сан священника и продолжил служение в церкви! Конечно же, он только для вида вошел в общение с сергианским епископом! А на самом деле должен был оставаться, как и прежде, наиболее активным участником *«нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь"»*, Серпуховской "филиал" которой и старался восстановить. Для чего и *«установил связи с членами "ИПЦ" в Серпухове, контрреволюционную деятельность которых активизировал и давал им соответствующее направление»*, а также *«завербовал в организацию и попов Федорова и Пантюхина»*, служивших в соседних селах.

Однако на самом деле все было не так просто. В своих показаниях иеромонах Варсонофий говорил о том, что в январе 1932 года к нему явился из Серпухова священник Павел Силин, который назвался епископом (тот самый Глазунов-провокатор). Хотя документов у него не оказалось, но он представлялся активным сторонником митрополита Иосифа (Петровых), предложил Варсонофию присоединиться к их ориентации и заготовил соответствующую подписку о том, что тот вступает в молитвенное общение с ним. *«Такую подписку я подписал для того, чтобы отвязаться от Павла, чтобы не дать ему возможности скомпрометировать меня пред серпуховскими монашками как "красного"»*, — показал иеромонах Варсонофий на допросе.

Было ли так на самом деле, трудно решить. Понятно, что во время следствия обвиняемый скрывал свои истинные намерения и мог делать вид, что он отошел от истинно-православных. Тем не менее он признал, что



посылал на покаяние к Павлу, как к епископу, священника Кирилла Пантюхина<sup>280</sup>, служившего в церкви соседнего села Дмитровское. Однако потом предложил тому все-таки поехать в Москву в Синод, то есть к митрополиту Сергию. Сам иеромонах Варсонофий несколько раз бывал в Москве у сергианского епископа Иннокентия Каширского, управляющего приходами Заокского района; и едва ли он делал это, как утверждало следствие, «для зашифровки своей принадлежности к ИПЦ». На допросе отец Варсонофий подтвердил, что бывал у епископа Иннокентия несколько раз:

*«Последний раз у Иннокентия я был 21 апреля, когда он меня наградил набедренником и просил напомнить иеромонахам Афанасию и Серафиму (село М... в 10 верстах от Ченцова) о необходимости внесения причитающихся с них взносов на содержание епископской кафедры. Иннокентию я сказал, что церковь, в которой я служил до высылки, принадлежала к иосифовской ориентации, но я как церковник служил также и в сергианских церквях и подписку о переходе в иосифовскую ориентацию не давал. На это Иннокентий ответил, что нужно твердо держаться какого-либо одного направления. Каяться в принадлежности к Иосифу он меня не заставил.*

*Я рассказал также Иннокентию о том, что дал Павлу подписку о переходе в общение к нему, но от сов-местной службы уклонился. Иннокентий категорически предложил мне прервать всякую связь с Павлом и больше его не принимать. При этом Иннокентий заявил, что такого епископа он вообще не знает. По возвращении из Москвы в вагоне поезда я встретил Павла и получил от него бумажку о том, что награждаюсь наперсным крестом. Я пытался отказаться от*

<sup>280</sup> Так как Кирилл Пантюхин был рукоположен обновленцами.

*этой награды под разными предложениями, но Павел настоятельно убеждал меня, что он обязательно пришлет мне крест через монашку».*

Тогда же Павел передал иеромонаху Варсонофию три тетрадки, две рукописные и одну отпечатанную на машинке. В тот же день Варсонофий был арестован вместе с этими тетрадками, которые положил в свою сумку, по его словам, не успев даже с ними ознакомиться. Наличие при личном обыске Варсонофия этих тетрадок добавило ему к стандартным обвинениям еще и «*хранение контрреволюционной нелегальной литературы*». Насколько это было серьезным обвинением, можно судить по делу 1930–1931 годов. Как и в том деле, в "Обвинительном заключении" по делу Варсонофия Безсонова были приведены подробные цитаты из всех трех брошюр и отмечены главные их мысли, в чекистском понимании, конечно.

Так, из первой брошюры, в которой ставился вопрос: "Можно ли христианину признавать так называемую Советскую власть", — приведена следующая цитата:

«Когда мы попадаем в плен к разбойникам, мы повинемся им, поскольку их требования не идут вразрез с христианской совестью, но это отнюдь не значит, что, исполняя эти требования, мы считаем себя членами их шайки и признаем их»<sup>281</sup>.

Из второй брошюры также взяты, по версии следствия, «*контрреволюционные рассуждения*»:

«Советская власть является единственной на протяжении всей мировой истории противницей и разрушительницей Бо-

---

<sup>281</sup> Это работа священника Павла Боротинского "К обличению митрополита Сергия"; приведена в *Приложении I*.

гом установленной власти, и потому она не может происходить от Бога. Ибо Бог самому себе противиться не может. Говорить после этого о происхождении советской власти от Бога — все равно что утверждать: "несть бо блудник, пьяница, убийца, аще не от Бога", т<ак> к<ак> в смысле попущения они тоже от Бога. Но если такое выражение недопустимо как явно кощунственное, то в отношении большевиков оно тем более недопустимо, чем более разница между убийцей, пьяницей, блудником, с одной стороны, и сатанистом-анархистом и богоборцем — с другой».

А из последней приведена цитата, явно задевшая за живое и обидевшая читателей из ОГПУ: *«В третьей брошюре, наряду с пропагандой идеи монархизма, Сов<етская> власть сравнивается с публичным домом»*:

«Между Сов<етской> властью и языческим царем Нероном существует большое различие, которое станет ясным из следующего примера: мы можем молиться и молимся о спасении и направлении на прямой путь блудниц, но отсюда не следует, чтобы мы возносили молитвы о публичном доме».

Иеромонах Варсонофий не разделял или, по крайней мере, на допросах не выражал взглядов авторов приведенных брошюр. Напротив, он даже почти по-сержиански заявил: *«Советскую власть я признаю, поскольку Апостол Павел сказал, что нет власти, которая не от Бога»*. Правда, уточнил: *«Учитывая, что Советская власть закрывает церкви и пр<очее>, — я считаю, что эта власть является попущением Божиим»*. И не скрывал, что за богослужением поминал *«в изгнании сущих и заключенных за веру»*. Но опять-таки при этом поминал за богослужениями и митрополита Сергия, а власти, по его словам, не поминал из-за

народа, *«так как боялся, что может получиться скандал, и меня могут избить»*.

Эта некая двойственность позиции иеромонаха Варсонофия не может быть объяснена его беспринципностью или банальной трусостью. Он, например, не боялся произносить проповеди в церкви, хотя, по показаниям некоторых свидетелей, они носили "контрреволюционный" характер: *«Так, на праздник Рождества он говорил об избииении Иродом младенцев и сравнивал страдания верующих с избииением Ирода. В заключение он сказал: "Православные, мы должны безбоязненно пострадать за веру, не страшась убивающих тело, а душу не могущих убить". Такая же контрреволюционная проповедь была произнесена и на праздник Крещения»*.

*«Безсонов в своих проповедях призывает колхозников не "сеять, не жать и не собирать в житницы", призывал одновременно жертвовать на церковь и для оказания помощи высланным. Верующие часто обращаются к Безсонову за советами, можно ли вступить в колхоз, на что он отвечает: "Вы идете прямо в челюсть антихриста, в колхозах теперь дело не ладится, т<ак> к<ак> на них нет божьего благословения"»*.

На допросе иеромонах Варсонофий не скрывал, что на проскомидии поминал всех православных христиан, в том числе среди умерших и царей: *«Не желая лицемерить и играть двойную роль, — я старался идти прямой дорогой. Я совершенно открыто хранил синодик, в котором записал за упокой русских царей и, в частности, Николая II со всем его семейством как убиенных»*. Поминал он и серпуховского епископа Максима (Жижиленко) как убиенного, так как *«был слух, что он расстрелян»*. Вместе с тем он поминал и воинствующего безбожника, откровенного богоборца В. И. Ленина *«как князя Владимира»*, считая, по-видимому, что может вынимать за него частицу на проскомидии как за

крещеного в младенчестве, а вот *«Троцкого, как еврея, не поминал»*.

Неоднозначность позиции иеромонаха Варсонофия может быть объяснена по-разному, но как бы то ни было, едва ли он мог играть ту роль, которая отводилась ему следствием. На последнем допросе он заявил: *«Признаю себя виновным в антисоветской агитации и в хранении контрреволюционных тетрадок, а также в самовольном оставлении места ссылки. Не признаю себя виновным в принадлежности к организации "Истинно-Православная Церковь", т<sup>а</sup>к к<sup>а</sup>к из этой организации я вышел и прекратил с ней связи еще в ссылке»*.

Другие арестованные по делу Безсонова оставались на иосифлянских позициях и не отрицали свою принадлежность к "ИПЦ". Так, например, председатель церковного совета Троицкого собора Иван Михайлович Петров показал: *«Поддерживаю Истинно-Православную Церковь во главе с Петром Крутицким и владыкой Иосифом Ленинградским. Я, как и большинство духовенства, с сергиевской ориентацией не согласен, так как Сергей по существу от Православной Церкви отложился»*. И Андрей Иванович Зубов, председатель приходского совета церкви Николаы Будки, также подтвердил: *«Принадлежим к организации Истинно-Православной Церкви во главе с владыками Петром и Иосифом. Сергия я не признаю, так как он откололся от православия и обманывает верующих, что якобы нет гонений на религию»*.

О принадлежности к Истинно-Православной Церкви заявил и дьячок церкви Николаы Будки Николай Васильевич Каюков, добавив: *«Считаю, что Сов<sup>е</sup>тская власть притесняет религию»*. Такие же показания дали все арестованные монахи и церковники. Например, Елизавета Готовцева, сестра епископа Алексия, по

словам свидетеля, «бежавшая от своего отца-священника, потому что последнего считает "красным": "Я сторонница организации Истинно-Православная Церковь во главе с митрополитом Иосифом"».

Или Анна Афанасьевна Дергачева, так же как и ее сестра<sup>282</sup>, тайно постриженная в монахини игуменом Никоном, показала: «В Серпухове только один храм — собор — был истинно-православным, а все храмы, признающие митрополита Сергия, изменили истинному Православию, т<ак> к<ак> начали поминать и молиться за Советскую власть. Хотя Господь и сказал, что надо молиться за своих врагов, но это не значит, что можно молиться за всяких врагов. Молиться можно только за того, кто наносит мне личную обиду, а нельзя молиться за того, кто возводит хулу на Бога, т<ак> к<ак> такой человек является врагом Бога».

Примечательно, что священники Троицкого собора и Никольской церкви не только не разделяли этих взглядов, но в своих показаниях, на которых и базировалось обвинение, выставили церковный актив Серпухова и связанных с ним священников в Заокском районе как ярых "контрреволюционеров". Так, Павел Глазунов показал: «Я хорошо знаю всех участников "Истинно-Православной Церкви" в Серпухове, которые представляют контрреволюционно настроенную группу, вредно влияющую на работниц Серпуховских фабрик, еще не порвавших с религией. Вся работа группировки проводится весьма конспиративно, причем подыскиваются священники, проживающие на неле-

---

<sup>282</sup> Из показаний Александры Афанасьевны Дергачевой: «Постриглась я в монахини по своим личным убеждениям, как глубоко верующая. Жалею, что не пришлось попасть в монастырь, но зато попала в тюрьму и имею возможность спастись так же, как и в монастыре».

гальном положении, которым создаются условия для проживания без прописки. Эта же группа пользуется большими суммами церковных денег, часть которых отправляется в ссылку своим единомышленникам. Из наиболее активных членов этой группировки мне известны следующие<sup>283</sup>».

К этой группе были добавлены еще несколько человек, все они обвинялись в том, что «состояли в нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь" и систематически занимались контрреволюционной деятельностью среди населения гор<ода> Серпухова и Заокского района».

9 июля 1932 года обвиняемые были приговорены: к 3 годам лагерей — иеромонах Варсонофий (Безсонов) и монахиня Евдокия (Быкова), к 3 годам ссылки в Казахстан — Каюков Николай Васильевич, Готовцева Елизавета Дмитриевна, Федорова Клавдия Ивановна, Цыганова Мария Алексеевна, Терентьева Елизавета Петровна, Мельникова Клавдия Михайловна, Кузьмина Мавра Антоновна, Лебедева Ольга Хрисанфовна, Дергачева Анна Афанасьевна, Дергачева Александра Афанасьевна, Зубов Андрей Иванович, Чистехина Акулина Антоновна, Антонов Василий Константинович, Князева Екатерина Михайловна, Пантюхин Кирилл Егорович, Федоров Алексей Петрович.

---

<sup>283</sup> Далее он перечислил 19 человек, под номером 15 — Варсонофий (Безсонов).



## Следственное дело Иринарха (Белявского). 1933 год

Летом 1932 года в Серпухов вернулся из ссылки иеромонах Иринарх (Белявский). До ареста он служил в Покровской церкви как иеродиакон и находился в самой гуще церковных событий 1927–1928 годов, в январе 1929 года вместе с протоиереем Александром Владычинским и старостой Костиным ездил в Москву к епископу Максиму (Жижиленко), а после ареста владыки Максима был рукоположен во иеромонаха архиепископом Гдовским Дмитрием и продолжил служение в Покровской церкви. На допросе он показал: *«Служа в Серпухове, я находился в общении с митрополитом Максимом, митрополита Сергия я не признавал и не признаю, так как он установил поминовение Сов<етской> власти, чего нельзя, так как эта власть богоборческая»*<sup>284</sup>.

Осенью 1929 года иеромонах Иринарх бы арестован и отправлен в ссылку на Север, где пробыл в течение трех лет. Вернувшись в Серпухов, он вновь стал слу-

---

<sup>284</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 112 об. (Следственное дело по обвинению Винкуватова, Гессель, Осипова, Перехвальского, Козлова и др.)



жить, по-видимому, в Покровской церкви и Троицком соборе, нисколько не поколебавшись в своих убеждениях. Как сообщил об этом следствию один из свидетелей:

*«Приблизительно в половине июля месяца 1932 года в Серпухов приехал из ссылки иеромонах Белявский Иринарх, который явился ко мне и заявил, что по-прежнему придерживается иосифовских взглядов и состоит в истинно-православной церкви... Белявский начал читать особую молитву "О многострадальной церкви" и о "в изгнании сущих", т. е. о церковниках, находящихся в ссылке за к/р. деятельность». Далее свидетель добавил, что «не отстаёт от Иринарха и свящ. ПЕРЕХВАЛЬСКИЙ, который тоже читает аналогичную молитву и группирует вокруг себя большое количество монашек, принадлежащих истинно-православной церкви»<sup>285</sup>.*

Священник Димитрий Перехвальский, о котором идет речь, служил в Покровской церкви Высоцкого монастыря. Откуда и когда он приехал в Серпухов, неизвестно, и вообще сведения о нем весьма скудны. В следственном деле упоминается, что в прошлом он принадлежал к обновленческой ориентации и присоединился к "ИПЦ" летом 1932 года. Служивший в это время в церкви Николая Будки молодой священник Николай Воинов дал следующие показания:

*«В первых числах января с/г <1933> у меня на квартире были ПЕРЕХВАЛЬСКИЙ и другой священник, причем Перехвальский рассказывал, что он бывает в ОГПУ, но там они ничего добиться от него не могут. ОГПУ он назвал застенком и "пилатовой контрой" и говорил, что там арестованных подвергают пыткам, т. к. сначала запирают в холодную комнату — на мороз, а потом водворяют в жарко натоп-*

<sup>285</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 286.

ленную баню. Одновременно с этим ПЕРЕХВАЛЬСКИЙ утверждал, что Сов. власти скоро будет конец, так как ожидается возмущение рабочих, которым нечего есть».

«Перехвальский принадлежит к группе "истинно-православных" Серпухова и имеет связи с активистами этого направления монашками — Конкиной, Филатовой, и др. ...а также с иеромонахом Белявским... и служившим у меня псаломщиком Козловым. Последний организовал у себя дома церковь, которую предполагает освятить в честь Флора и Лавра, как только начнут закрывать "истинно-православные" церкви. Вся эта публика настроена контрреволюционно и считает, что наступили последние времена и в мир пришел антихрист, с которым надо вести борьбу. Антихристом считается советская власть. Иринарх Белявский представляется в глазах верующих страдальцем за веру и мучеником, т. к. в ссылке отморозил палец, чем и спекулирует»<sup>286</sup>.

Иеромонах Иринарх и священник Димитрий были обвинены в контрреволюционной деятельности по печально известной статье 58 (пункты 10, 11)<sup>287</sup>, и в следственном деле, возбужденном против них и большой

<sup>286</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 295–296.

<sup>287</sup> «58–10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58–2 — 58–9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания...»

«58–11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой...»

группы их единомышленников, они проходили как основные руководители «контрреволюционной организации "Истинно-Православная Церковь"» в Серпухове. В качестве их помощников в деле были названы прихожанки Троицкого собора, руководившие группой монахинь, Евдокия Филатова и Пелагея Конкина. Как отмечалось в "Обвинительном заключении":

*«Особой активностью отличаются КОНКИНА и ФИЛАТОВА, которые играют организующую роль и распоряжаются всеми денежными средствами этой группы. Они же устраивают нелегальные собрания в церкви, где ФИЛАТОВА мажет членов группировки лампадным маслом, а КОНКИНА произносит проповеди и призывает к борьбе с антихристом. При этом она внушает, что если кто-либо поступит на фабрику — он обязан вести агитацию против ударничества и соцсоревнования, так как это, по ее словам, печать антихриста»<sup>288</sup>.*

К делу был также привлечен и псаломщик Филипп Козлов. На допросе он подтвердил, что устроил у себя дома церковь для тайных богослужений. Факт создания нелегальных церквей давал основание для обвинений не только в восстановлении «разгромленной в 1930–1931 гг. контрреволюционной организации "ИПЦ"», но и в использовании «новых тактических форм борьбы с Сов<етской> властью». На это следствием было обращено особое внимание, и в обвинительном заключении подчеркивалось: «Готовя в глубоком подполье активные контрреволюционные кадры, организация призвала всех "истинно-верующих" к переходу на нелегальное положение, объявив вторую пятилетку "попыткой окончательного установления царства антихриста"».

<sup>288</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 336.

Переход церкви на нелегальное положение рассматривался как один из главных пунктов программы организации. Недаром в "Обвинительном заключении" с этого начиналась специальная глава «*Платформа ликвидированной организации*», и в ней приводились цитаты из брошюры, изъятой при обыске в Троицкой церкви:

*«Во всем ныне совершающемся ясно видно время, предуказанное Господом, — пришествие антихриста... Приготовьтесь к исходу, как первые христиане, в катакомбы, приучив себя в сокровенности хранить веру и таинства, в общении с немногими близкими, известными и верными христианами, с величайшими предосторожностями общаясь с благодатными пастырями»<sup>289</sup>.*

В процессе следствия серпуховскую «контрреволюционную организацию ИПЦ» связали с московской, представленной двумя нелегальными группами, созданными иеродиаконном Исаакием (Винкуватовым) — «*в квартире кустаря-сапожника МИТЮШИНА на ул. Красная Пресня и в доме ОСИПОВА в Черкизове*». Связь между группами осуществлялась, по версии следствия, «*б<ывшей> дворянкой СТАРОСТИНОЙ-РЯБОВОЙ и б<ывшим> офицером ГЕССЕЛЕМ, которые периодически выезжали в Серпухов, участвовали там в нелегальных собраниях и информировали московские группы о положении в Серпухове, а Серпуховскую группу о положении в Москве*».

Действительно ли выполняли роль «связников» Любков Старостина-Рябова и Константин Гессель — «*бывшие*» для советской власти люди? Из материалов дела известно лишь, что они побывали в Серпухове летом

<sup>289</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 332.

1932 года и познакомились там со служившим в Троицком соборе Павлом Глазуновым. Они ему доверились, и, поскольку Павел представлялся тайным епископом, Гессель открыл свой тайный диаконский сан и просил у Павла рукоположения во иерейский<sup>290</sup>, а Старостина-Рябова познакомила Павла в Москве с иеродиаконом Исаакием (Винкуватовым), которому Павел в свою очередь сам предложил иерейскую хиротонию. (Исаакий отказался, по его словам, из-за своего преклонного возраста.) Обо всех этих встречах Павел донес следствию и изложил контрреволюционные настроения и разговоры с упомянутыми лицами так же подробно, как еще ранее о разговорах со всеми членами серпуховской группы.

*«Любовь Николаевна СТАРОСТИНА познакомила меня со старцем Исаакием /он же ВИНКУВАТОВ/, проживающим в д. № 6 по ул. Красная Пресня. Оказалось, что Исаакий живет нелегально, устраивает тайные богослужения и воспитывает верующих в к.-р. духе. В беседе со мною старец Исаакий следующим образом охарактеризовал свое настроение и деятельность: "Когда Россией правил православный царь, Господь Бог относился к России с любовью, и русский народ благоденствовал, но когда появились богохульники-революционеры, Спаситель прогневался на православных за то, что они не могли искоренить эту крамолу. И вот результат: антихрист забирает все большую власть, и настолько опьянен властью, что собирается*

<sup>290</sup> На вопрос Павла, чем вызвано это желание, «ГЕССЕЛЬ ответил, что он — истинно-верующий и считает, что в мир пришел антихрист, с которым надо вести борьбу и воспитать хотя бы небольшую группу верующих в духе, противном существующему строю. Для этого и требуется духовный сан» (Л. 298).

*физически уничтожить всех добрых людей. Это ясно видно из планов пятилетки. Но мне Господь подсказывает, что гибель антихриста в его ярости. Народ не стерпит таких издевательств и уничтожит всех приставников антихриста. Вот к этой развязке нам и надо готовиться"»<sup>291</sup>.*

Иеродиакон Исаакий был насельником Валаамского монастыря, а после 1926 года, по его словам, странствовал по России. На допросе он не стал отрицать своей нелегальной деятельности: *«Я все время живу без прописки и несколько раз устраивал тайные службы в Черкизове и на ул.<ище> Красная Пресня. Во время этих служб я Сов<етской> власти не поминал, так как сочувствую не ей, а монархическому строю».*

В Москве иеродиакон Исаакий был знаком с иеромонахом Григорием (Горюновым) и вместе с ним служил, главным образом по домам, а ранее какое-то время и в еще не закрытых храмах. Иеродиакон упомянул о служении в церкви на станции Баковка: *«Во время службы там я существующие власти не поминал, также и митр. Сергия, так как Григорий сказал, что в этой церкви такие порядки»<sup>292</sup>*. Летом 1932 года, когда иеродиакон ездил на станцию Баковка последний раз, церковь там была закрыта<sup>293</sup>.

Иеромонаха Григория, ранее служившего в московском храме Св. Николая в Подкопаях, арестовать не удалось, он скрывался, и поэтому следствию пришлось довольствоваться показаниями Исаакия и свидетелей, подтвердивших проведение тайных богослужений, в

<sup>291</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 334.

<sup>292</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 24.

<sup>293</sup> Есть сведения, что небольшая деревянная церковь на станции Баковка сгорела после 1926 года и службы совершались в частном доме, переоборудованном под храм.

том числе и литургий (у иеромонаха Григория был антиминс).

*«Тайные службы мы устраивали потому, что считаем церкви оскверненными духовенством, продавшимся Сов<етской> власти. Свою паству мы готовили к переходу в катакомбы, так как наступило царство антихриста, и вера может исповедоваться только тайно».* (Показания монаха ВИНКУВАТОВА — л. д. 25.)<sup>294</sup>

Хозяева дома в Черкизово, где проводились тайные службы, отец и сын Осиповы, по их словам, знакомые с иеромонахом Григорием по церкви Николы в Подкопаях, не отрицали своей "вины" в организации нелегальных богослужений: *«В нашем доме систематически устраивались тайные богослужения, на которых обычно присутствовали посторонние, лично мне незнакомые лица. Эти богослужения устраивались потому, что церкви осквернены соглашением с Сов. властью. Церковь должна была бы встать на защиту религии, а она вступила в сделку с Сов. властью».* (Показания ОСИПОВА Александра — л. д. 62.)

*«Признаю себя виновным в том, что дома устраивал тайные богослужения, но кто на них присутствовал — не знаю, так как, не желая быть Иудой-предателем, имен я не спрашивал. Находящимся в ссылке верующим содрузгам я посылал деньги и продукты».* (Показания ОСИПОВА Федора — л. д. 57 и 59.)

Также и серпуховские верующие, проводившие нелегальные богослужения (без разрешения в Троицкой церкви или сугубо тайно по домам), давали откровен-

<sup>294</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 332. Далее по тексту главы все цитаты, кроме оговоренных особо, из "Обвинительного заключения" по данному делу: Л. 330–345.

ные показания. Псаломщик Филипп Козлов: *«Я посещал только истинно-православные церкви, так как все остальные осквернены. На случай закрытия последних истинных церквей — в своем доме я сделал маленькую церковь с царскими вратами и со всеми прочими принадлежностями нашей церкви. Русский народ темный, в результате чего и ведут его на поводу. Когда же совсем никаких церквей не останется, верующие уйдут в катакомбы»*. (Показания бывш. члена ВКП/б/ — КОЗЛОВА.)

Пелагея Конкина о службах в Троицком соборе: *«Мы иногда, истинно-верующие, собирались сами и сами проводили служение Господу Богу, во время которого читали акафисты и пели молитвы. Местных священников мы к себе служить не приглашали, т. к. они к нашей организации не принадлежат...»*

*По своим убеждениям являюсь истинно-верующим человеком и желаю быть до конца (неразбор.) последовательницей учения Христа Спасителя, так как только действительно верующий человек, претерпевший все до конца и не поддавшийся на ложь антихриста, может быть спасен и унаследует Царство божие. Советскую власть, по писанию, послал нам Бог, но Он послал эту власть не в утешение народу, а для скорби и страданий — это и есть божие попущение за наши грехи перед Ним всевозможные, потому надо верующему человеку просто молиться о прощении наших грехов, не отступать от него, невзирая на всякие страдания, тогда только могут проститься наши грехи и дарована нам будет счастливая жизнь, а антихрист будет побежден»<sup>295</sup>.*

Изъятая при обысках «нелегальная» литература подтверждала «контрреволюционные настроения» ве-

<sup>295</sup> ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. Л. 130–130 об.



рующих. В "Обвинительном заключении" об этом подробно написано:

*«У арестованных обнаружено 25 названий различных листовок и брошюр к.р. содержания, в большинстве рукописных и отпечатанных на машинке. Основная масса этой "литературы" хранилась в трубах отопления Троицкой церкви, а отдельные экземпляры находились на руках<sup>296</sup>. Общей темой всех листовок и брошюр является утверждение, что советская власть есть "царство антихриста", в доказательство чего делаются ссылки на "предсказания" Серафима Саровского и других "чудотворцев". Заслуживает внимания брошюра под названием "На закате", в которой говорится:*

"Вспомните, где совершились распятие и смерть Господа нашего Иисуса Христа: в центре Израиля — в Иерусалиме, на лобном месте. Где же у нас имеется такое историческое кровавое место. Только в Москве, на Красной площади. Сейчас там под маркой мавзолея что-то сооружено... Вероятно, это голгофа для последней горсти христиан. Кстати, как Голгофа Иерусалимская была известна всему иудейскому народу, так и Голгофа Красной площади получила ныне мировое значение и известность — особенно за последние годы... Жало коммунизма весьма опасно и неизбежно, если своевременно не принять нужных мер и мер исключительно особых... Сатанисты-масоны посылают одну экскурсию за другой в коммунистический музей зверств, дабы рабочий класс воочию убедился, что делают озверелые социалисты-большевики. Мир заволновался. На сцену начали выползать спасители, которые начали оптовую продажу народа сатане"».

---

<sup>296</sup> *«У арестованных КОЗЛОВА, ЗУБАКОВОЙ, ЧЕРНИКОВОЙ, КЛЯГИНОЙ, МАЛЫГИНОЙ, КАРПОВОЙ И СУРИНОЙ».*

В изъятной литературе следствие выявило призывы «к активным контрреволюционным действиям». Например, в брошюре, обнаруженной у Козлова, отмечен такой «призыв»:

«Христиане, проснитесь. Зверь из бездны подкрался во мраке и уже топчет и сквернит святыни Ваши, уже занес кровавую лапу — отнять самую жизнь вашу, которую он будет выпивать из вас капля за каплей. Что же мы действительно бессильны против врагов церкви? Нет. Надо поднять на защиту веры нашей то орудие, коим воинствовали церкви мучеников».

Или в рукописной листовке "Коммунизм — высшая школа сатаны":

«Нужно заметить, что предварительная печать антихриста уже давно разгуливает на земле. Достаточно вспомнить организации, направленные против руки удерживающего, куда люди, руководимые принципом "свободы, равенства и братства", пачками идут, с умилением подписываясь в активнейшие члены этих сатанинских сборищ. А коммунизм? Кто может сказать, что это не высшая школа сатаны. Взгляните на православных христиан: что стало с ними за 15 лет. Сколько хороших людей попало в скверные тенета дьявола. Что же остается делать миру, когда всюду и везде бактерия коммунизма подтачивает еле живой организм мировой цивилизации... Нужно найти сильного человека для проведения практических работ».

«Практической контрреволюционной деятельности членов организации» следствие уделило пристальное внимание и привело несколько фактов:

«Участница "ИПЦ" — монахиня КАРПОВА устроилась скотницей в колхозе в селе Серпухова и заня-

лась хищением молока, которым снабжала монашек. Когда это обстоятельство было вскрыто, КАРПОВУ из колхоза уволили, но через некоторое время она рас-пропагандировала группу колхозниц, при содействии которых вновь была принята в колхоз на должность конюха;

Получив жилплощадь в колхозе, КАРПОВА поселила у себя монашку СУРИНУ, работавшую чернорабочей на Ново-Ткацкой фабрике. Вслед за этим КАРПОВА и СУРИНА превратили свою комнату в монашескую келью и занялись хищением колхозного овса, который сбывали на частный рынок в Серпухове в порядке "колхозной торговли". Одновременно с этим СУРИНА систематически воровала на фабрике мануфактуру, которой при обыске у нее обнаружено свыше 200 метров, а также большое количество ниток, пряжи и др. материалов».

«Собирая женщин-колхозниц по праздникам, КАРПОВА и СУРИНА вели среди них антиколхозную агитацию, называя колхозы кабалой и говоря, что от этой кабалы можно освободиться только организованным восстанием. При этом они называли коммунистов и комсомольцев антихристами и агитировали за невыполнение государственных обязательств. Выступали также против ударных бригад и соцсоревнования, говоря, что все это лишнее».

«Обвиняемая КАРПОВА, не отрицая своей к.-р. деятельности в колхозе, показала: "Работая в колхозе конюхом, я говорила колхозникам, что единоличным крестьянством жить лучше, а в колхозе полное разорение, до которого довела безбожная власть. При этом, однако, я оговорила, что Бог даст, эта власть долго не продержится" (Л. 258).

Антиколхозной деятельностью занимались также другие члены организации, имевшие какие-либо связи с

деревней. В этом отношении характерны следующие факты:

"В дер. Бутурлино проживает гр-ка ЗУБАКОВА Наталья, ведущая монашеский образ жизни и представляющая ночлег каким-то попам и монахам. Зубакова часто беседует с крестьянами, которые говорят, что Бог наказал их колхозами за неверие и нерадение к церкви; коммунисты — это слуги антихриста, и с ними надо вести борьбу.

Вместе с Зубаковой живет монашка ШИМАНАЕВА, которая оказывает ей поддержку в антиколхозной агитации. Так, осенью 1932 г. ЗУБАКОВА и ШИМАНАЕВА вели агитацию против уборочной кампании". (Показания свидетеля А... — л. 317.)

"Коммунистов я считаю антихристами, поскольку они преследуют религию. Я же посвятила себя служению Богу и потому выражала недовольство и Сов. властью и колхозами". (Показания ШИМАНАЕВОЙ — л. 174 и 176.)

"Ко мне часто приходили крестьяне за советами по разным вопросам, в частности, спрашивали, можно ли им вступать в колхозы. Я всегда давал добрые советы, что надо еще немного потерпеть". (Показания БЕСПУТИНА — л. 164.)

"Ко мне часто собирались верующие, которым я доказывал, что Сов<етская> власть поступает неправильно, преследуя религию и загоняя крестьян в колхозы, и что вообще сейчас живеття тяжело православным". (Показания монаха ШАРКОВА — л. 154.)

В отношении систематической агитации среди верующих арестованные члены организации дали следующие показания:

"Сов<етскую> власть я ненавижу и не признаю никаких ее мероприятий, в том числе ударничество и соцсоревнование, и считаю, что власть всех обманыва-

*ет, в результате чего ею и недоволен народ". (Показания КЛЯГИНОЙ — л. 182 и 183.)*

*"Среди монашек я говорила, что коммунисты — хриstopродавцы и мучители народа, но скоро им будет конец, так как на земле установится царство Божие, а антихристы-коммунисты будут изгнаны". (Показания Ивудиной — л. 203.)*

*"В связи с тем, что народ очень недоволен сов. властью, я говорила верующим, что пришло очень плохое время — всех нас, верующих, хотят уничтожить. При царской власти этого не было и тогда всем жилось свободнее". (Показания ФУРМАНОВОЙ — л. 217.)*

*"Я говорила, что сейчас плохо живется потому, что всем делом заправляют антихристы-коммунисты. До тех пор, пока они будут у власти, никакого улучшения не наступит". (Показания БЕЛОВОЙ — л. 229.)»*

*«Я считаю советскую власть наказанием Божиим за грехи людей. Поэтому она есть явление временное и будет существовать до тех пор, пока Бог не смилуеться над измученным народом, и тогда на смену советской власти придет другое благочестивое правительство». (Показания КОНКИНОЙ — л. 133 об.)*

Все 28 привлеченных по делу обвиняемых были признаны виновными, и в отношении них 19 марта 1933 года вынесены следующие приговоры:

иеромонах Иринарх (Белявский) и диакон Константин Гессель приговорены к расстрелу;

священник Димитрий Перехвальский — к 10 годам концлагеря;

иеродиакон Исаакий (Винкуватов), псаломщик Филипп Козлов, монахини Татьяна (Карпова) и Надежда (Сурина) — к 5 годам концлагеря;

иеромонах Серафим (Шарков), 9 монахинь: Александра (Фурманова), Елизавета (Малыгина), Ксения (Ивутина), Матрена (Руфеева), Наталья (Бутяева), Наталья (Зубакова), Пелагея (Котова), Прасковья (Клягина), Степанида (Дьякова); и миряне: Любовь Старостина, Нина Иванова, Александр Осипов, Федор Осипов, Евдокия Филатова, Пелагея Конкина, Акулина Шимонаева — к 3 годам концлагеря;

и лишь четверо пожилых монашествующих: иеромонах Иоанн (Беспутин), монахини Акулина (Черникова), Александра (Белова) и Матрена (Сычова) — к 3 годам ссылки в Казахстан.



## Следственное дело о подпольных церквях. 1937 год

Это дело, как и тысячи подобных дел, возбужденных по всей стране в тот страшный 1937 год, было проведено быстро и жестоко: 14 сентября выписаны ордера на производство арестов и обысков, а спустя месяц, 17 октября, уже вынесены приговоры, все, за исключением одного, расстрельные. Правда, в то время и месячный срок ведения дела по сравнению с "ударными" темпами чекистов в других регионах являлся довольно продолжительным. Серпуховской отдел Управления НКВД явно не спешил и вел дело основательно. Не довольствовался опять-таки, как это было почти повсеместно, одним кратким допросом обвиняемых и не измышлял фантастических, абсурдных показаний. Обвиняемые допрашивались неоднократно, их показания тщательно записывались. Протоколы допросов занимали по несколько листов, и записанные в них показания выглядели вполне правдоподобно. Да ведь и факты, изложенные в них, не нуждались в особых дополнениях. Сами по себе они доказывали тяжкую вину обвиняемых. Для окончательного ее подтверждения требовалось лишь

поставить заданные акценты, что следователями и было сделано<sup>297</sup>.

Главными фигурантами дела стали вернувшиеся из ссылки в середине 1930-х годов протоиерей Александр Владыченский, иеромонахи Моисей (Доброхотов) и Акакий (Бачурин). По возвращении в Серпухов они не оставили свою православную паству без духовного окормления и стали совершать тайные богослужения по домам верных чад. Следствием они были представлены как опаснейшие враги советской власти — злостные контрреволюционеры, а осуществлявшиеся ими тайные богослужения — как средство подготовки активных церковников для борьбы с советской властью. Поэтому и обвинения им предъявили не просто в создании подпольных церквей и проведении тайных богослужений, но именно «в контрреволюционной деятельности», которая через эти церкви проводилась. И от обвиняемых добились (вполне вероятно, в буквальном смысле этого слова) признания этих обвинений.

Например, иеромонах Моисей (Доброхотов) на последнем допросе "признался" так: *«Да, признаю, создавая подпольные церкви, мы ставили своей задачей и проводили в жизнь: активных членов подпольных церквей подготавливать на борьбу с Сов<етской> властью всеми доступными мерами, и в первую очередь в случае каких-либо осложнений в стране, как внешних, так и внутренних, активно выступать против Советской власти, используя религиозные убеждения*

---

<sup>297</sup> Подобное изложение показаний четко охарактеризовал митрополит Иосиф (Петровых), подписав протокол одного из своих допросов во время следствия 1930–1931 годов так: *«Записано с моих слов правильно, но тенденциозно»* (ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 323).



масс»<sup>298</sup>. А протоиерей Александр Владыченский не отрицал: «Признаю себя виновным в том, что создал не-легальную церковь в дер<евне> Макарово и создал не-легальную к<онтр>р<еволюционную> организацию активных монахов и церковников».

Иеромонах Моисей (Доброхотов) — бывший оптинский монах, служивший в конце 1920-х годов в серпуховской церкви Вознесения и активно поддерживавший инициативу отхода серпуховского духовенства от митрополита Сергия, — в числе первых репрессированных в Серпухове<sup>299</sup> был приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. По возвращении из ссылки в 1933 году он поселился в деревне Трояново Высокинского района Московской области<sup>300</sup>.

В 1935 году в соседнюю деревню Макарово приехали также вернувшиеся из ссылки бывший настоятель Сретенской церкви в Серпухове священник Александр Владыченский и бывший насельник Давидовой пустыни, служивший в Троицком соборе Серпухова, иеромонах Акакий (Бачурин). Ранее они также были приговорены к высылке, но не в Сибирь, а на Север: иеромонах Акакий — в мае 1929 года, а отец Александр — в конце того же года. Встретились они в Архангельске, откуда были этапированы дальше вместе с еще одним серпуховским иосифлянцем, игуменом Никоном (Хруль-Хрулькевичем), «в Печору» — в село Усть-Цильма Печорского края, где в то время пребывало множество ссыльных, в том числе из духовного звания.

<sup>298</sup> Здесь и далее до конца главы все цитаты, кроме оговоренных особо, из следственного дела по обвинению Прокофьева Василия Филипповича и др. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20723).

<sup>299</sup> Арестован в августе 1928 года вместе с протоиереем Александром Кремышенским по обвинению в «антисоветской агитации среди прихожан».

<sup>300</sup> Ныне деревня Трояново в Жуковском районе Калужской области.

По отбытии трехлетней ссылки вернуться в Серпухов отцы сразу не могли, так как на три года им было запрещено проживание в определенных областях, и прежде всего в центральных (так называемое "–6"). И потому приехали они только в 1935 году, причем сначала иеромонах Акакий<sup>301</sup>, а потом уже к концу года и протоиерей Александр. Тогда-то с ними сразу и связался иеромонах Моисей, по его показаниям на допросе, «*путем посещения их*», и таким образом составила, по версии следствия, «*контрреволюционная организация церковников*», на создание которой Моисей (Доброхотов) получил благословение от ссыльного епископа Дамаскина (Цедрика). Вот что показал отец Моисей на допросе:

*«В 1935 г<оду> через одну монашку я установил связь с находящимся в ссылке в гор<оде> Архангельске епископом Иоанном Дамаскином, к этому времени из ссылки прибыл иеромонах Акакий, священник Владыченский... В начале 1936 года от епископа Иоанна Дамаскина я получил благословение на объединение активных церковников в создававшихся подпольных церквях, подготавливая их на борьбу с советской властью в случае каких-либо конфликтов как внутри, так и внешних. На основании благословения епископа Иоанна Дамаскина в 1936 году я создал к<онтр>р<еволюционную> организацию церковников, в состав которой входили иеромонах Акакий (Бачурин Алексей), священник Владыченский и я, Доброхотов. Все мы разделяли благословение епископа Иоанна Дамаскина, а с 1936 года приступили как в деревнях, так и в самом городе Серпухове к вербовке отдельных активных церковников, объединяя их в подпольных церквях».*

<sup>301</sup> В деревню Макарово Высокинского района он поехал не случайно, там проживала Елизавета Бачурина, по-видимому, его родственница, которая, как об этом говорится в материалах дела, стала принимать участие в тайных богослужениях.

В свою очередь и протоиерей Александр Владыченский на допросе признал, что также получил подобное архиерейское благословение, но только от епископа Виктора (Островидова): *«Да, я признаю, что, находясь в ссылке, я и Бачурин получили благословение епископа Виктора Вятского на создание нелегальных церквей, и с возвращением из ссылки мною создана нелегальная церковь в с<еле> Макарово». А на вопрос о связях с епископом Виктором отец Александр ответил: «С Виктором Вятским я познакомился, находясь в ссылке на Печоре, проживая в одном селе, имея общение с ним. Находясь в Сев<ерном> крае, незадолго до смерти Виктора Вятского я получил от него благословение оставаться верным Истинно-Православной Церкви и наставлениям б<ывшего> патриарха Тихона, вместе со мной получил благословение Виктора и Бачурин Алексей».*

Несмотря на всю "тенденциозность" занесенных в протоколы допросов показаний, они являются важным свидетельством о церковной ситуации того времени, а главное — о единомыслии архиереев антисергианской оппозиции. Епископ Виктор (Островидов) — один из первых отделившихся от митрополита Сергия, яркий и строгий обличитель сергианского отступничества, весьма категоричный в своих выводах. И епископ Дамаскин (Цедрик), поначалу не склонный к решительным действиям и не сразу прервавший общение с Сергием<sup>302</sup>, теперь также благословил тайное служение и

---

<sup>302</sup> До конца 1928 года епископ Дамаскин находился в далекой заполярной ссылке и потому хотя и отрицательно воспринял изданную митрополитом Сергием декларацию, но с выводами не спешил. Только после возвращения из ссылки после личной беседы с митрополитом Сергием, а также увидев воочию, что происходит в его епархии и как разрушительна политика митрополита Сергия, прервал с ним литургическое общение и написал целый ряд посланий и писем.

создание катакомбных церквей на том основании, как сказал об этом иеромонах Моисей во время допроса, *«что духовенство сергиевской ориентации нарушило канонический устав Истинно-Православной Церкви, отошло от завещания митрополита Тихона<sup>303</sup> и перешло на сторону советской власти»*.

А то, что речь идет именно об этих архиереях, то есть названные в следственном деле *«епископ Виктор Вятский»* и *«епископ Иоанн Дамаскин»* — именно они, нет никаких сомнений. Епископ Виктор (Островидов) был викарием Вятской епархии, и потому часто его называли "Вятским". В 1931 году после отбытия срока заключения в Соловецком концлагере он был отправлен в Печорский край в Усть-Цильму<sup>304</sup>. Как раз в это время там уже находились иеромонах Акакий (Бачурин) и протоиерей Александр Владыченский. Понятно, что встреча и знакомство в ссылке серпуховских священников и владыки Виктора были большой радостью и для них, и для владыки. Он рассказал им и о тайных богослужениях в Соловецком концлагере, и о душевных беседах с их серпуховским архипастырем, епископом Максимом (Жижиленко), и том полном единодушии и взаимопонимании, которое они с ним, несмотря на всю разность характеров, нашли.

Также благословивший создание подпольных церквей епископ *«Иоанн Дамаскин»*, о котором сказал в своих показаниях Моисей (Доброхотов), очевидно, не кто иной, как епископ Дамаскин (Цедрик). Возможно, с ним иеромонах Моисей познакомился еще в конце

---

<sup>303</sup> Имеется в виду Патриарх Тихон.

<sup>304</sup> После ареста в декабре 1932 года и полугодового пребывания в Сыктывкарской тюрьме епископ Виктор был возвращен обратно в Усть-Цильму, но с предписанием проживать в соседнем, более труднодоступном селе Нерица, где он и пробыл до своей кончины в мае 1934 года.

1928 года по пути следования в ссылку<sup>305</sup>. Почему он назвал владыку "Иоанном", не ясно, поскольку обычно употреблялось "Дамаскин". Но небесный покровитель у владыки был действительно св. Иоанн Дамаскин, так что допустимо было и употребление полного имени. Кроме того, в 1935 году в Архангельске не могло быть иного Дамаскина, кроме Цедрика, высланного с Украины в августе 1935 года. В Архангельске владыка Дамаскин пребывал до нового ареста в марте 1936 года, так что, очевидно, письмо иеромонаху Моисею им было написано в начале года.

На вопрос следователя: *«Где находится в настоящее время епископ Иван Дамаскин?»* — иеромонах Моисей дал такой ответ: *«В конце 1936 или начале 1937 года мною было получено из Архангельска письмо от неизвестной мне монашки с подписью мать Любовь, что епископа Иоанна Дамаскина снова арестовали и для отбывания наказания направили в лагеря, а в какие лагеря, в письме не указывалось. Письма я получал по месту жительства, с<ело> Трояново Высокинического района».*

Епископ Дамаскин в октябре 1936 года был осужден на 5 лет и отправлен в Карагандинский лагерь (где в сентябре 1937 года был вновь осужден по новому делу и приговорен к расстрелу). В 1936 году он проходил по делу контрреволюционной церковно-монархической группы на территории Кировского края, *«состоящей из духовенства патриаршей, а по-местному викторовской церковной ориентации»*, в руководстве которой его обвинили. После ареста в Архангельске его отпра-

---

<sup>305</sup> Известно, что епископ Дамаскин по окончании срока своей ссылки в Туруханском крае в ноябре 1928 года пребывал в Красноярске, через который и должен был следовать иеромонах Моисей, в конце октября отправленный в Тайшет.

вили в Киров, где велось следствие и были арестованы другие священнослужители и миряне. Владыке было предъявлено обвинение в руководстве нелегальным церковным центром, объединяющим 52 действующие церкви: *«Со второй половины 1935 года по февраль включительно 1936 года нелегально возглавлял "Вятскую епархию православной церкви" викторовской ориентации, нелегально руководил таковой через контрреволюционную группу церковников. Давал им указания контрреволюционного характера»*.

В такой формулировке владыка обвинения не признал, но подтвердил на допросах, что действительно был связан с отдельными общинами Вятской епархии и что о духовном окормлении вятской паствы просил его архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), который в свою очередь принял это попечение по просьбе епископа Виктора (Островидова). *«Летом 1935 года в письме, полученном почтой из лагеря, была написана фраза о том, что он <архиепископ Серафим> просит меня быть полезным его "Вятским детям"»*<sup>306</sup>, — показал владыка Дамаскин на допросе. На вопрос, кто уполномочил Серафима Угличского на временное управление Вятской епархией, владыка ответил, что сам епископ Виктор перед своей кончиной.

Здесь еще одно убедительное свидетельство о единомыслии и взаимодействии ссыльного епископата. Епископ Угличский Серафим (Самойлович), о котором упоминал епископ Дамаскин, — также видный представитель антисергианской оппозиции, ревностный архипастырь, непоколебимый в своем исповедничестве, за что, как и другие исповедники, претерпевал мучения в тюрьмах и лагерях. Владыка Серафим поддерживал

---

<sup>306</sup> Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 67790. Д. СУ-9730. Т. 1. Л. 30 об.

связь со многими архиереями и старался сплотить всех не принявших декларации митрополита Сергия. С епископом Виктором он встретился в Соловецком лагере в 1930–1931 годах на материковой командировке Май-Губа и потом писал ему из Козьмодемьянска (в 1932 — нач. 1933 года), а затем из Архангельска, где пребывал с мая 1933 по май 1934 года. По-видимому, именно в Архангельской ссылке архиепископ Серафим познакомился с епископом Дамаскином. В ноябре 1933 года владыка Дамаскин, получив освобождение из Соловецкого лагеря, поехал на Украину и, вероятно, по дороге остановился в Архангельске<sup>307</sup> и мог принять там участие в важном совещании духовенства, состоявшемся в декабре 1933 года. (Точно известно, что в Херсон епископ Дамаскин прибыл только 1 января 1934 года.)

На совещаниях духовенства, проходивших по инициативе архиепископа Серафима, обсуждались самые насущные церковные вопросы. Так, исполнявший одно время обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя владыка Серафим считал своим долгом найти возможность вынести общее решение епископата Российской Церкви в отношении отступничества митрополита Сергия. Это, судя по всему, и было сделано: в декабре 1933 года в так называемом «Деянии» митрополит Сергей признан узурпатором церковной власти, учинившим раскол, впавшим в ересь и отступившим от

---

<sup>307</sup> По свидетельству одной из обвиняемых по делу тайной каткомбной церкви в Архангельске в 1940 году Екатерины Захаровны Земляницыной, она, попав в ссылку в Архангельск в 1933 году, здесь через архиепископа Серафима познакомилась с другим ссыльным духовенством, в том числе и с епископом Дамаскином (Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Д. П-12580. Л. 5а–6. Цит. по: *Косик О. В.* Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. — С. 169–170).

исповедничества Православия. Более того, в «Деянии» утверждалось: «Отказавшись от призыва Христа к исповедничеству, митр. Сергей произнес хулу на Церковь, и в лице Ея на исповедников, а в расточении Церкви и хулу на Духа Святого (Мф. 12, 30, 32)»<sup>308</sup>.

Сколько архиереев подписало это «Деяние», не известно. В дальнейшем не было возможности как-то распространить этот документ или оповестить о нем, поскольку все его составители, прежде всего сам архиепископ Серафим<sup>309</sup>, были арестованы. Тем не менее «Деяние» выражало общее мнение большинства ссыльного духовенства и может рассматриваться как соборное мнение Российской Православной Церкви.

*«Путь митрополита Сергея — путь несомненной апостасии. Отсюда и отщепление благодати у него несомненно. Несомненен отход от благодати и всякого сознательно внедряющего в жизнь план "мудрейшего"»*<sup>310</sup>, — писал в письме архиепископу Серафиму епископ Дамаскин в начале 1934 года. С ним был полностью согласен и митрополит Кирилл (Смирнов)<sup>311</sup>, и многие другие архиереи.

---

<sup>308</sup> Деяние нового священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь (Джорданвилль). — 1999. — № 9. — С. 7.

<sup>309</sup> Летом 1934 года архиепископ Серафим был отправлен в Сиблаг. В ноябре 1937 года в лагере расстрелян.

<sup>310</sup> Полностью письмо опубликовано: «Совершается Суд Божий над Церковью и народом русским...» Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ. О. Косик // Богословский сборник. — Вып. 10. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. — С. 454–465.

<sup>311</sup> Самый авторитетный из всех архиереев Российской Церкви. На допросе митрополит Кирилл показал: «Автором этого письма является епископ Дамаскин, мой единомышленник», — а взгляды, изложенные в письме, владыка Кирилл «сам выска-



План "мудрейшего" по "спасению" Церкви ничего, кроме новых бедствий, Церкви не принес. Даже своих сторонников и близких митрополит Сергей не мог спасти<sup>312</sup>. Ни о каком легализованном существовании Православной Церкви в богоборческом государстве не могло быть и речи. Все попытки его обрести и как-то договориться с властями ни к чему доброму не привели. Уступки были напрасны, власти ими пользовались лишь для ослабления Церкви, а сами нисколько не уступали; и не собирались отступить от своей программы воинствующего безбожия, не скрывая своих целей полного уничтожения Церкви. В этих условиях у Церкви был только один способ существования и выживания — нелегальный. Христианам предстояло, как и в первые века, спуститься в катакомбы, создавать подпольные церкви и проводить тайные богослужения.

Об этом говорили духоносные пастыри еще в начале революции (а некоторые, как, например, оптинский старец Амвросий, и задолго до нее). Это предвидел и Патриарх Тихон, убедившийся в бесполезности переговоров и компромиссов с властями и благословивший своего друга, таганского врача Михаила Александровича Жижиленко, на исповеднический путь. Недаром богоборческие власти считали Патриарха Тихона неприимимым врагом, так же как и всех его последователей. И не случайно, что, как и в сотнях и тысячах подобных следственных дел, в серпуховском деле 1937 года о тай-

---

*зывал епископам Дамаскину и Афанасию, и с ним они были по этому поводу солидарны» (Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава "правой" Церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. — Вып 12. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. — С. 251).*

<sup>312</sup> К 1939 году на свободе оставались всего четыре архиерея вместе с митрополитом Сергием, да и ему со дня на день грозил арест, и лишь начавшаяся Вторая мировая война это предотвратила.

ных церквях именно в таком контексте прозвучало имя Патриарха.

Из допроса иеромонаха Моисея Доброхотова 1 октября 1937 года:

*«Вопрос: Как известно, б<ывший> патриарх Тихон проводил активную к<онтр>р<еволюционную> деятельность, направленную к подрыву мощи Советского государства, объясните, какое положение занимали Вы?»*

*Ответ: Я не отрицаю, до дня моего ареста я оставался верным ставленником Тихона и его борьбу против Советской власти поддерживал, и в 1936 году, имея благословение епископа Иоанна на создание подпольных церквей, начал подбирать верующих, используя их дома для сборищ молящихся...»*

На вопрос, сколько раз он бывал у Патриарха, отец Моисей ответил, что после закрытия Оптиной пустыни и приезда в Серпухов в 1924 году он два раза был у Патриарха в Донском монастыре: *«Незадолго до смерти патриарха Тихона был у него на личном приеме. Патриарх Тихон при благословении говорил мне, что я должен оставаться верным сыном Православной Церкви и всяческими мерами вести борьбу с советской властью, властью антихриста».*

В дальнейшем все священнослужители Российской Церкви, не признававшие митрополита Сергия и продолжавшие свое служение в тайных церквях, несмотря на жесточайшие гонения, считали себя последователями Патриарха Тихона и именовались "тихоновцами". Так их называли и сами гонители, подтверждая свое негативное отношение к Патриарху Тихону как вдохновителю церковного сопротивления и перехода на тайное служение.

Принципы создания подпольных церквей, о чем особенно допытывался следователь на допросе, иеромонах

Моисей назвал в своих показаниях (как обычно, тенденциозно изложенных в протоколе):

*«Согласно письменного благословения епископа Иоанна Дамаскина, созданием подпольных церквей преследовалось объединить активных церковников, враждебно настроенных к советской власти и подготавливая их на борьбу с Советской властью, а поэтому при создании подпольных церквей мы должны были сохранять следующее:*

*1) Создаваемая подпольная церковь, а равно и созданная должны быть в строгой тайне от представителей Советской власти.*

*2) Вовлекать в подпольные церкви в первую очередь мы должны были б<ЫВШИХ> монашествующих, репрессированных <ранее> служителей религиозного культа, активных церковников, входивших в наши приходы.*

*3) Среди привлекаемых нами в подпольные церкви в первую очередь мы должны были вести беседы о гонимой Истинно-Православной Церкви.*

*4) В целях конспирации (тайны) одна группа верующих, объединенная в подпольную церковь, не должна знать членов другой группы подпольной церкви, члены подпольной церкви, созданной мной в деревне, не должны знать членов подпольной церкви, созданной в городе, и наоборот.*

*5) В подпольных церквях количество членов в целях конспирации не должно превышать 15–20 человек. Число подпольных церквей должно быть столько, сколько хватит сил».*

В материалах дела указывается, что тайные церкви были устроены иеромонахом Моисеем в деревне Новики у Веры Матвеевой, в деревне Дашково у Плотниковых, а также в Серпухове в доме Лидии Ивановой.

Протоиерей Александр Владыченский служил в деревне Макарово в доме Курашевой Ксении (здесь он

квартировал). Иеромонах Акакий служил в Серпухове в домах у Георгия Дорофеева и Марии Шашаниной. В качестве псаломщиков в богослужениях принимали участие монахи Иоанн (Кирпичев) и Василий Глухов, бывшие псаломщики серпуховских церквей (Распятской и Троицкого собора), также побывавшие в ссылке. Примечательно, что, кроме них и бывшего председателя церковного совета крестьянина-единоличника из деревни Новики Василия Прокофьева<sup>313</sup>, другие участники богослужений, в том числе и хозяева домов, где они проводились, к следствию привлечены не были (по крайней мере, в качестве обвиняемых они не проходят, хотя в материалах дела и упомянуты).

Не был осужден и привлеченный к следствию еще один бывший ссыльный серпуховской священнослужитель, игумен Никон (Хрулькевич) из Высоцкого монастыря (служивший до ареста 1929 года в Воскресенской церкви Серпухова). Более того, игумен Никон даже был освобожден из тюрьмы *«за недоказанность состава преступления»*. Он категорически отверг предъявленные обвинения<sup>314</sup> и отрицал свою причастность к *«контрреволюционной организации»*, что подтвердили в своих показаниях и другие обвиняемые<sup>315</sup>.

<sup>313</sup> На вопрос следователя о причинах неуступления в колхоз Василий Прокофьев сказал: *«В колхоз я не вступаю потому, что считал и считаю, что, ведя единоличное хозяйство, я живу лучше — сам себе хозяин, когда хочу, тогда и работаю, когда хочу, тогда и отдыхаю, и все, что имеется в хозяйстве, принадлежит мне, а вступая в колхоз, нужно отдать имущество в колхоз»*.

<sup>314</sup> Игумен Никон (Хруль-Хрулькевич) на допросе показал: *«Видновным себя против сов<етской> власти ни в чем не признаю»*.

<sup>315</sup> Иеромонах Моисей (Доброхотов) встречался с игуменом Никонном лишь за чаем и в работе на пасеке в Заокском районе. Протоиерей Александр Владыченский хотя и был с ним вместе в ссылке, но потом *«регулярно связи не поддерживал»* и лишь *«случайно встречал в Серпухове»*.

Зато осужден был священник Василий Виноградов, прежний настоятель Никольской церкви на погосте Березна, ко времени ареста работавший счетоводом в какой-то конторе и, судя по материалам дела, не принимавший участия в тайных богослужениях. По-видимому, его вина заключалась лишь в знакомстве с крестьянином-единоличником Василием Прокофьевым и сочувствии его антисоветским настроениям, о чем Виноградов показал на допросе: *«В беседах с Прокофьевым он враждебно высказывался к существующему советскому строю. Зная об антисоветских настроениях Прокофьева, я его скрывал»*. Тем не менее и этого было достаточно для обвинения *«в контрреволюционной деятельности»*, и Василий Виноградов был осужден наряду с руководителями *«контрреволюционной организации церковников»* и вместе с ними приговорен к высшей мере наказания.

Только Василий Прокофьев был приговорен к 10 годам концлагеря, однако, что с ним произошло в дальнейшем, не ясно. В деле есть письмо его супруги, Татьяны Ильиничны Прокофьевой, от 9 июля 1940 года, адресованное *«Народному комиссару внутренней безопасности т<оварищу> Берия»*. Она пишет, что до сих пор не может понять, за что арестован ее муж, и просит разобрать его дело *«по всем правилам советской власти»*, отмечая, что все ее запросы и жалобы в местные органы НКВД, в прокуратуру областную и союзную остались без ответа. Не известно, был ли ответ и на последнее заявление, в материалах дела есть лишь заключение оперуполномоченного отделения отдела Управления МГБ Московской области от 19 ноября 1951 года, в котором тот подтверждал, что Прокофьев был *«участником к<онтр>р<еволюционной> организации»* и что *«принятыми мерами по розыску местожительства его в настоящее время не установлено»*, но после

просмотра дела он заключил, *«что компрометирующих материалов для объявления его во Всесоюзный розыск недостаточно. Учитывая характер материалов в отношении Прокофьева и его преклонный возраст<sup>316</sup>, полагал бы розыск Прокофьева Василия Филипповича прекратить»*.

Возможно, Василию Прокофьеву удалось бежать из заключения и он скрывался. Что касается остальных осужденных, то приговор «судебной тройки», вынесенный в отношении них 17 октября 1937 года, через 4 дня был приведен в исполнение, и 21 октября содержащиеся в Таганской тюрьме протоиерей Александр Владычинский, иеромонахи Моисей (Доброхотов) и Акакий (Бачурин), иерей Василий Виноградов, псаломщики Василий Глухов и Илья (Иоанн) Кирпичев были расстреляны на Бутовском полигоне.

---

<sup>316</sup> В анкете В. Ф. Прокофьева над годом его рождения (1881) сделана приписка карандашом — «70 лет».



## **Катакомбный исповедник отец Амвросий (Капинус)**

Отец Амвросий — один из немногих священнослужителей-исповедников, переживших 1930-е годы. После двух лагерных сроков (в общей сложности 10 лет каторжных работ) да нескольких лет "вольнонаемного" труда и полуголодного существования на той же каторге он продолжил свое пастырское служение и вновь подвергся аресту и новому приговору на 10 лет концлагеря. Освободившись по амнистии в 1955 году, до самой кончины еще на протяжении целого десятилетия осуществлял тайные богослужения и духовно окормлял свою многочисленную паству. А о том, что она в последние годы его многотрудной жизни не только не уменьшалась, а, напротив, увеличивалась, свидетельствовали многие очевидцы. Некоторые из них дожили до окончания открытых гонений и в 1990-х годах смогли уже относительно свободно и подробно рассказать о своем духовном пастыре. На основании этих рассказов были опубликованы в различных изданиях как в России, так и за рубежом биографические справки или краткие жизнеописания отца Амвросия. Таким обра-

зом, его имя стало широко известно и в церковной, и в научной среде.

Однако хотя канва событий в этих публикациях изложена верно, но допущено немало ошибок и неточностей. Кроме того, отсутствует информация о пребывании в концлагерях, а ведь это 15 лет жизни (и каких!) исповедника. Да и о служении на свободе, вернее, в подполье также довольно скудные сведения, все больше общие слова. Надеемся, что подробное жизнеописание священноисповедника Амвросия еще будет составлено. В данной главе мы предлагаем лишь небольшой очерк с уточненными по имеющимся в нашем распоряжении материалам следственных дел основными данными о жизни иеромонаха Амвросия Капинуса и выдержками из воспоминаний его духовных чад.

Прежде всего требуют уточнения имя и фамилия священноисповедника. Имя Амвросий он принял при постриге в схиму незадолго до кончины, а всю свою монашескую жизнь (почти 40 лет) носил имя Анувий. Будущий иеромонах Анувий (Амвросий) — в миру Андрей Антонович Капинус — родился в 1887 году в селе Юрьевка Маловисковской волости Елизаветградского уезда Херсонской губернии в простой крестьянской семье. Происхождение его столь необычной для Украины фамилии выясняется из материалов последнего следственного дела 1951 года. На вопрос, какова его действительная фамилия, отец Анувий ответил: "Капынос". А на требование объяснить, почему в официальных документах, в том числе и в справке сельсовета, он значится как "Капинус", сказал, что фамилия отца и матери по-украински была "Капынос", а во время службы в царской армии его стали официально звать по фамилии "Капинус". И с этой фамилией после возвращения в 1918 году из армии он был внесен в официальные до-



кументы родного села<sup>317</sup>, и потому в дальнейшем в материалах всех следственных дел и в лагерных документах проходил под этой фамилией.

Родители Андрея Антоновича умерли в 1905–1906 годах, когда он еще жил в родном селе и занимался, по его словам, сельским хозяйством, вероятно, со старшими братьями, о которых он упоминает в показаниях. В 1909 году он был призван на военную службу, с 1911 года работал сторожем в экспедиции заготовки государственных бумаг. В 1914 году, с началом Первой мировой войны, был мобилизован в действующую армию: до 1916 года был на Германском фронте, а в 1917-м — на Румынском в чине ефрейтора. После демобилизации вернулся на родину и, по его словам, в 1918–1921 годах хозяйствовал в деревне Юрьевка. На допросах отец Анувий отрицал свое участие в каких-либо воинских формированиях во время Гражданской войны (так что широко распространенную версию о том, что он служил в Белой армии, не представляется возможным подтвердить). Единственно, на допросе 1951 года он признал, что с 1918 года не становился на воинский учет и проживал в Юрьевке нелегально, и многие односельчане, возможно, не подозревали, что он жил в селе.

---

<sup>317</sup> В справке сельсовета было указано, что он уроженец деревни Краснополки, а не Юрьевки. На требование объяснить эту разницу Анувий ответил: *«Я родился в дер<евне> Юрьевка, которая расположена в 3 км от местечка Малая Виска бывшей Херсонской губ<ернии> Елизаветградского уезда (теперь Кировоградской обл<асти>). Дер<евня> Юрьевка и дер<евня> Краснополка отделены от первого населенного пункта только речкой, составляя, по сути дела, одно целое. Сельсовет был общий и для Юрьевки, и для Краснополки»* (Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 9323. Оп. 2. Д. П-25437. Т. 1. Л. 174).

В 1922 году по совету своей сестры Зинаиды, монахини, Андрей Антонович ушел в Онуфриевский монастырь возле Черкаска Киевской губернии, позднее принял там монашеский постриг с именем Анувий. После закрытия Онуфриевского монастыря в 1923 году перешел в Николаевский монастырь; с 1925 года служил диаконом при церкви в городе Каневе, с 1927-го — в Ионовском монастыре в Киеве. После его закрытия весной 1929 года приехал сначала в Москву, а оттуда — в Серпухов, где был определен в качестве иеродиакона в Распятскую церковь. О том, как он попал в Серпухов, отец Анувий на первом допросе во время следствия в 1930 году показал следующее: *«В Москве знать никого не знал, случайно зашел в церковь на Воздвиженке, и там с незнакомым мирянином разговорились о том, что в Серпухове есть свободные вакансии, куда я и поехал»*<sup>318</sup>.

На самом деле иеродиакон Анувий совсем не случайно оказался в Москве именно в иосифлянском Воздвиженском храме, непосредственно связанном с Серпуховом. Он переписывался со своим земляком, монахом Иринархом (Белявским), и потому был в курсе церковных дел. Иеродиакон Иринарх до 1923 года был насельником Виноградского Успенского монастыря в Черкасском уезде, где, вероятно, с ним и познакомился иеродиакон Анувий, приехавший в 1922 году в Онуфриевский монастырь того же уезда. В 1923 году Иринарх уехал в Серпухов, служил в Покровской церкви и в конце 1927 года активно поддержал антисергианское движение серпуховского духовенства. *«Когда я жил на Киевщине, то получил письмо от своего земляка архидиакона Иринарха Белявского, который служил в Серпухове»*, — признался на одном из допросов отец Анувий. *«В Серпухове я обратился к епископу Максиму,*

<sup>318</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 36.

который спросил, к какой церковной ориентации я принадлежу, и когда я объяснил, что считаю себя принадлежащим к патриаршей Тихоновской церкви, он определил меня дьяконом».

13 октября 1929 года отец Анувий был рукоположен во иеромонаха в Петроградской епархии. «В октябре 1929 года я посвящался в Ленинграде епископом Дмитрием, так как Максим был в ссылке». С апреля 1930 года, очевидно, после закрытия Распятской церкви, иеромонах Анувий начал служить в Покровской церкви. Служившие там прежде игумен Никон (Хруль-Хрулькевич) и иеромонах Иринарх (Белявский) осенью 1929 года были высланы на Север, и их заменили иеромонахи Илиодор (Трусиллин) и Серафим (Бубликов). Ко времени перехода отца Анувия иеромонах Серафим стал служить в церкви погоста Берзна под Серпуховом. 15 ноября 1930 года все они также были арестованы как члены «нелегальной церковно-монархической организации "Истинного Православия"» в Московской области, являвшейся, по версии следствия, филиалом «Всесоюзного центра "Истинного Православия", руководимого проф<ессорами> Новоселовым, Лосевым».

В "Обвинительном заключении" в отношении иеромонаха Анувия было определено следующее: «КАПИ-НУС Андрей Антонович обвиняется в том, что, состоя членом той же организации, участвовал в нелегальных собраниях Серпуховского филиала и обсуждал вопросы к<онтр>р<еволюционного> характера; занимался систематической а<нти>с<оветской> агитацией, воспитывая верующих в монархическом духе, т<о>е<сть> в преступлениях, предусмотренных ст<атьями> 58-10 и 58-11 УК. Виновным себя признал частично»<sup>319</sup>.

<sup>319</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 7. Л. 66.

Как уже указывалось в главе, посвященной данному делу, обвиняемый Капинус не скрывал своего отрицательного отношения к безбожной власти и подчеркнул, что принадлежит «к церковной ориентации, не признающей советскую власть за то, что она притесняет религию». Это же подтверждали и свидетели: так, например, бывший сторож Троицкого собора рассказал о собрании верующих в соборе в мае 1930 года. Тогда производился сбор пожертвований ссыльным священникам, «а священник Капинус Анувий вел беседу с верующими: "Вот видите, красных попов не преследуют, они живут, и верующие их помогать не желают нашим страдальцам в ссылке, священникам. Все коммунисты задавили налогами церкви и разрушают матушку Россию, но пострадаем немного, наш день скоро настанет"»<sup>320</sup>. Помощь ссыльным всегда расценивалась властями как преступление, а иеромонах Анувий не только призывал жертвовать, но и ежемесячно отчислял от своих доходов в Покровской церкви «по 15 рублей на высланных».

5 февраля 1931 года отец Анувий был приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Воркутлаг. Осенью 1935 года после окончания срока он был освобожден и выехал в Астрахань. В своих показаниях во время следствия в 1951 году отец Анувий сообщил: «В 1935–1936 годах я жил в г<ороде> Астрахани по улице 2-й Степной. Вместе со мной на одной квартире жил настоятель Покровской церкви в Астрахани архимандрит Анимпадист<sup>321</sup> (в схиме "Антоний"). Анимпадист мне рассказывал, что вскоре после Октябрьской революции он жил в Москве и являлся послуш-

<sup>320</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 276.

<sup>321</sup> Так записано имя в протоколе допроса.

ником-келейником бывшего патриарха Тихона»<sup>322</sup>. На вопрос, где сейчас находится "Анимпадист", отец Анувий ответил, что тот умер в 1936 году в Астрахани.

Речь шла об известном архимандрите Анемподисте (Алексееве), близком друге Патриарха Тихона. С ним Патриарх познакомился еще в 1915 году во время пребывания на Виленской кафедре, Анемподист в то время был игуменом Виленского Святодуховского монастыря. Позднее он был назначен в Толгский монастырь Ярославской епархии, а с 1921 года стал экономом Троицкого патриаршего подворья в Москве. В мае 1922 года архимандрит Анемподист подвергся аресту за соучастие в «антисоветской деятельности патриарха». Он мужественно вел себя на допросах, был вскоре освобожден и продолжал служение с Патриархом.

По воспоминаниям современников, Анемподист, как и Иаков Полозов, был самым близким доверенным лицом Патриарха: «Кто бывал в приемной Патриарха Тихона в Троицком подворье на Самотеке, отлично помнит огромного, тучного, размашистого и быстрого в походке патриаршего эконома архимандрита Анемподиста (Алексеева), который при изъятии ценностей церкви этого Подворья, облачившись, заявил свой протест комиссии, а потом разоблачился и вышел из храма. Такой земной и плотяной по виду монах совсем не казался героем духа и нравственной силы. Однако Патриарх знал своего эконома, этого простого, малообразованного человека. Когда из суда приходили и сообщали о его поведении, Патриарх с улыбкой говорил: "Ну, мой Анемподист не сдастся, на него я надеюсь"».

В январе 1925 года архимандрита Анемподиста арестовали и уже после кончины Патриарха выслали на три

---

<sup>322</sup> Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 9323. Оп. 2 Д. П-25437. Т. 1. Л. 133.

года в Чимкент. О дальнейшей его судьбе подробных сведений нигде не приводилось, кроме сведений, которыми располагал М. Губонин: «скончался где-то в сер<едине> 30-х в Астрахани, проживая здесь в полузатворе и безвестности, облекшись в святую схиму»<sup>323</sup>.

Таким образом, свидетельство отца Анувия очень важно. Он называет пребывавшего "в безвестности" архимандрита Анемподиста «настоятелем Покровской церкви в Астрахани», а это как-никак была действующая церковь, не переходившая в обновленчество и не закрывавшаяся до 1941 года. Когда в ней настоятельствовал архимандрит Анемподист, точно не известно. Возможно, в середине 1930-х годов он уже был в "полузатворе", поскольку астраханский юрист А. И. Кузнецов, очевидец и участник церковных событий того времени, в своих воспоминаниях не называет его имени среди духовенства Покровского храма в 1934–1936 годах<sup>324</sup>.

Но отец Анемподист, возможно, служил и до этого времени, по крайней мере, в Астрахань он мог приехать уже в 1928 году по окончании ссылки. Несмотря на то что Астраханской епархией управляли или, скорее, пытались управлять архиереи, назначаемые Синодом митрополита Сергия, ситуация в епархии была весьма сложной<sup>325</sup>, и архимандрит в своем храме мог быть не-

<sup>323</sup> Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 730.

<sup>324</sup> Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. / Сост. и автор коммент. М. И. Губонин. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. — С. 360–361.

<sup>325</sup> Помимо обновленцев, не ослабевающих в своей разрушительной деятельности в Астраханской епархии, прибавились замешательства и среди прежде канонического епископата. Временно управляющий епархией с 1929 года епископ Вольский Андрей (Комаров) не пользовался доверием у церковного народа из-за своей критики правящего архиерея Филиппа (Ставицкого), арестованного и в письмах из тюрьмы настраивавшего паству против нового архиерея. В 1930 году епископа Андрея арестовали

поминающим. Подтверждением сему может являться тот факт, что именно у него поселился иеромонах Анувий после отбытия лагерного срока. Очевидно, что как в Серпухов в 1929 году, так и теперь в Астрахань он попал не случайно, и не случайно именно к архимандриту Анемподисту. Едва ли к отцу архимандриту направили бы случайного человека после лагеря, и едва ли тот приютил бы осужденного с такими статьями и настроениями, если бы сам их не разделял.

Недаром в своих показаниях отец Анувий вспомнил об архимандрите Анемподисте, излагая свою церковную позицию. Так, подчеркнув, что Анемподист был келейником Патриарха, он после этого сразу заявил: *«В иеромонахи меня рукоположил приверженец Тихона — ленинградский архиепископ Димитрий»*<sup>326</sup>. Через несколько месяцев на другом допросе имя архимандрита повторилось в том же контексте. Отец Анувий, отвечая на вопрос следователя, *«что явилось источником формирования ваших враждебных антисоветских взглядов»*, сказал:

*«Проживая с 1929 года в гор<оде> Серпухове Московской области и исполняя обязанности священника Покровской церкви, я вращался в кругу духовенства тихоновской ориентации, что в известной мере повлияло на формирование моих антисоветских взглядов. Большое значение имело то обстоятельство, что я был рукоположен в иеромонахи в гор<оде> Ленинграде ближайшим последователем Тихона — архиепископом Ленинградским и Гдовским Димитрием (фамилии*

---

по обвинению «в организации группировки тихоновского духовенства с контрреволюционной целью», но вскоре освободили, в то время как священники, проходившие с ним по делу, были осуждены, что не прибавило ему доверия.

<sup>326</sup> Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 9323. Оп. 2 Д. П-25437. Т. 1. Л. 133, 216, 219.

его не знаю). Уже тогда я решил, что буду всегда придерживаться тех же взглядов, что и бывший патриарх Тихон. В 1930 году в числе группы священников-тихоновцев я был арестован за антисоветскую деятельность. Находясь в ссылке в гор<оде> Астрахани в 1936 году, я проживал некоторое время на одной квартире вместе с бывшим келейником патриарха Тихона — архимандритом Анимпадистом.

В 1936 году я был вторично арестован в гор. Астрахань и в 1937 году осужден за проведение антисоветской агитации на 5 лет ИТЛ»<sup>327</sup>.

Поскольку архимандрит Анемподист скончался в 1936 году, то следствие им больше не интересовалось, и вопросов о нем на допросах задано не было. Следствию нужны были живые "тихоновцы", о которых и допытывались у отца Анувия, прямо заявившего: «Я, как и мои единомышленники, являюсь последователем Тихона, который не признавал Советской власти». Напомним, что это было сказано на допросе в 1951 году; к тому времени отец Анувий уже более четырех лет служил в Воронежской области, куда прибыл по приглашению верующих после Воркутинского лагеря, где пробыл в заключении с 1937 по 1942 год, а затем еще три года работал в Воркуте.

К сожалению, мы не располагаем материалами следственного дела 1936–1937 годов. Но поскольку отец Анувий в 1951 году признал, что, «вернувшись после отбытия наказания в центральные области СССР, я опять стал проводить антисоветскую работу», то можно с уверенностью сказать, что и в 1936 году, так же как и в самом начале своего служения на рубеже 1920–1930-х или в последние годы жизни, он проводил все ту же самую в глазах безбожной власти «антисо-

<sup>327</sup> ЦДНИ ВО. Ф. 9323. Оп. 2 Д. П-25437. Т. 1. Л. 219.



*ветскую контрреволюционную работу»,* которую как православный священник обязан был проводить, т. е. совершал богослужения и воспитывал свою паству в истинно-христианском духе, не изменяя своих убеждений и оставаясь верным последователем Патриарха Тихона.

Называя себя в числе "священников-тихоновцев", придерживающихся тех же взглядов, что и Патриарх Тихон, отец Анувий нисколько не противоречил исторической действительности. Обличавшая безбожную власть и ее беззакония с самого начала революции Российская Православная Церковь, возглавляемая Патриархом Тихоном (промыслительно избранным на Патриарший престол во время захвата большевиками власти в Москве), именовалась "тихоновской". В противовес ей созданная при помощи богоборческих властей в 1922 году и получившая легализацию "обновленческая церковь" полностью этим властям подчинялась и исполняла все их указания.

В 1923 году Патриарх Тихон в публичных заявлениях как будто отказался от своей позиции и "раскаялся" в своей прежней деятельности. Однако дальше этих заявлений Патриарх не пошел и до самой своей смерти, сохраняя духовную свободу, не позволял богоборцам вмешиваться в дела Церкви и тем более поставить ее на служение их богоборным интересам<sup>328</sup>. Недаром Патриарх воспринимался властями как заклятый враг и контрреволюционер и "тихоновщина" по-прежнему считалась крайне антисоветским настроением, которым проникнута была большая часть как духовенства, так и церковного народа, остававшегося в каноническом подчинении Патриарху, а после его кончины — Патриаршему Местоблюстителю.

---

<sup>328</sup> Подробно об этом: Часть I, глава "РПЦ и Советское государство".

В 1927 году заместитель Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Сергей пошел на соглашение с властями и перешел на обновленческие позиции. Советская печать ликовала, газеты писали о падении "тихоновщины". «Сдавалась та самая Церковь, которая считалась гонимой, которая страдала. Тихоновцев просто не стало. Появились сергиевцы, за которыми укрепилось это имя, а имя "тихоновцев" к ним не пристало, и оно почти совсем исчезло в Советской России. Некого стало этим именем называть. Если Патриарх берег Церковь, и власть над нею не уступал ГПУ, и правил ею сам, а митрополит Сергей поступил наоборот, то управляемая митрополитом Церковь не есть патриаршая или тихоновская Церковь, как называли ее в отличие от обновленческой, а именно сергиевская»<sup>329</sup>.

Несмотря на то что митрополит Сергей уверял, что он преемник Патриарха и лишь исполняет то, что Патриарх не успел сделать, никто, кроме самого митрополита и его ближайших последователей, это не признавал, а "тихоновцами" стали именоваться его церковные оппоненты. Причем в первое время после раскола 1927 года это не было широко распространено, и, как писал М. Польский в 1931 году, «имя тихоновцев почти исчезло», а противники митрополита Сергия назывались по именам своих епархиальных архиереев, превративших общение с Сергием ("иосифляне", "викторовцы", "максимовцы", "буевцы"), но в дальнейшем имя "тихоновцы" повсеместно распространилось. Причем его употребляли как безбожные власти по отношению к последователям архиереев антисергианской оппозиции, — то есть тому исповедническому духовенству и мирянам, которые подобно отцу Анувию и его пастве

---

<sup>329</sup> *Священник Михаил.* Положение Церкви в Советской России... С. 57.

осуществляли тайное нелегальное служение, — так и сами эти исповедники. Называя себя "истинно-православными христианами", "тихоновцами", они осознали свою преемственность и духовное единство с почившим Патриархом.

И это, повторим, не случайно. Поняв всю безуспешность переговоров с властями<sup>380</sup> и бессмысленность «очищения от политики», Церковь отвергла соблазн обретения "мирного сосуществования" с богоборцами и вернулась к изначальной позиции Патриарха, четко выраженной в его посланиях 1918–1920 годов. Как свидетельствовал епископ Максим (Жижиленко), сам

---

<sup>380</sup> Среди епископата теплились надежды на достижение договоренности, хотя в глубине души все понимали, что эта договоренность может быть достигнута только на пути недопустимого компромисса. Но все же на что-то надеялись... Как писал отец Михаил Польский: «Враг, делая свою политику, вступал в беседу, звал на соглашение и уступки; все хотя и знали, что враг — обманщик, но увлеклись игрой в политику и вместо готовых прямых ответов "да" и "нет" пытались оттянуть время и придумать что-либо такое, что было бы ни "да", ни "нет". Решительного шага боялись сделать в отношении к власти». В конечном итоге "доигрались" до декларации и попали в ловушку. «Если в игре в политику духовенства с большевицкой властью опасность для Церкви раньше только надвигалась, то теперь эта опасность пришла. Духовенство вместо прямого и открытого разрыва с богоборной властью ради своей веры, как это было в древности, во времена гонений, попыталось теперь с властью договориться на почве обоюдного соглашения и уступок со своей стороны. Игра в политику оказалась нам не по плечу. Политика как искусство — не нашего духа дело. Власть в этой игре выиграла, а мы сдались полностью. Кто-то однажды при мне в присутствии одного архиерея сказал, что, может быть, удастся и перехитрить власть, и мы дождемся, что власть сдастся и принуждена будет дать нам религиозную свободу. Епископ на это ответил: "Беса не перехитришь" ...» (*Священник Михаил. Положение Церкви... С. 29, 37–38*).

Патриарх понимал бесполезность своей "аполитичности" и уступок врагам Церкви, все больше убеждаясь, что предел их требований лежит за пределами верности Христу и что у Церкви не останется иного выхода, как уход в катакомбы.

Это и произошло, когда с начала 1930-х годов после закрытия и сноса храмов, жесточайших репрессий против духовенства и верующих по всей стране стали совершаться нелегальные тайные богослужения: в домах, подпольях, в горах и лесах, землянках и пещерах, — как и в первые века христианства Церковь ушла в катакомбы. Те православные христиане, которые действительно дорожили истиной Православия, не могли принять сергианского компромисса и в своей деятельности руководствовались "тихоновскими" установками, опираясь прежде всего на провозглашенную Патриархом Тихоном анафему гонителям Церкви.

Так и в Воронежской области, куда приехал отец Анувий, возникло еще в 1930-х годах немало тайных общин истинно-православных христиан под духовным руководством тихоновского духовенства. Как показал крестьянин Матвей Щеглов, с которым отец Анувий познакомился в Воркутинском лагере: *«Мои антисоветские взгляды сложились на почве религиозных воззрений "тихоновского" толка. Начиная со школьных лет, я начал посещать церковь и читать различные религиозные книги. Этого требовали от меня мои родители. Впоследствии я сам заинтересовался религиозными вопросами. В 1934 году вместе с моими родителями я переехал в с<ело> Мазурки Песковского р<айо>на Воронежской обл<асти>, где вскоре познакомился с церковным старостой мазуркинской церкви Перегудовым Марком Васильевичем. Сам Перегудов в колхозе не состоял. Он был членом церковного совета. Примерно в 1934–1936 г<одах> Перегудов ездил в*

*Москву к митрополиту Сергию. После этой поездки в Москву к митрополиту Сергию и в особенности после того, как в с<еле> Мазурках была закрыта церковь, Перегудов неоднократно мне заявлял, что церковь, управляемая Сергием, враждебная христианам, ибо она лояльна по отношению к Сов<етской> власти»<sup>331</sup>.*

С 1936 года Матвей стал считать себя, как это занесено в протокол допроса, «сторонником истинно православной веры». В 1940 году он вступил в тайную общину христиан, руководимую иеромонахом-тихоновцем Антонием: «Антоний прямо говорил, что если желаешь быть "истинным христианином", то не признавай Советскую власть и не подчиняйся ей ни в чем». В 1941 году Матвей Щеглов отказался идти на фронт. «По своим убеждениям я считал, что нападение фашистской Германии на Сов<етский> Союз является наказанием, ниспосланным свыше, за то, что сов<етская> власть не признает религии. А защищать безбожную власть я не хотел, результаты войны меня не интересовали».

Матвей был арестован при отказе принять повестку и приговорен к 10 годам концлагеря. В 1944 году в Воркутлаге он встретился с иеромонахом Анувием, и, по его словам, они «сошлись в своих антисоветских взглядах». Освободившись из лагеря по амнистии в конце 1945 года, Матвей вернулся домой и написал письмо отцу Анувию, уехавшему из Воркуты еще в июле того же года, пригласив его приехать к нему. В то время отец Анувий проживал в городе Чембар Пензенской области в семье одного из своих солагерников.

---

<sup>331</sup> Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 9323. Оп. 2 Д. П-25437. Т. 2. Л. 58–59. Здесь и далее по тексту главы приведены выдержки из этого дела.

Летом 1946 года отец Анувий приехал в село Мазурки. Сначала он жил в доме у Матвея Щеглова, потом перешел в село Малая Грибановка, при этом бывал и в других селах, а также в городах Урюпинске и Борисоглебске.

Матвей Щеглов признал, что по приезде иеромонаха Анувия (Капинуса) он познакомил его у себя в доме с *«бывшими участниками антисоветской организации иеромонаха Антония»*. Они в свою очередь познакомили его с Александром Ивановичем, который *«располагал большими связями среди христиан "тихоновского толка"»*. Александр Иванович предложил объединить эти группы и стать для них духовником. Вместе с ним отец Анувий выехал в Борисоглебск, побывал на станции Калмык, где также познакомился с *«христианами-тихоновцами»*; позднее кто-то из них познакомил его с верующими села Большая Грибановка. Везде, где бывал, иеромонах Анувий совершал тайные богослужения по домам. Таким образом, стала создаваться, как это определено в материалах следственного дела, *«антисоветская организация истинно-православных христиан»*, охватившая ряд районов Воронежской области и прилегающие к ним Урюпинский и Хоперский районы Сталинградской области.

В *«Обвинительном заключении»* по делу Капинуса и активных участников этой организации отмечалось, что *«возникла она на базе объединения подпольных групп и отдельных участников существовавших ранее в Воронежской и Сталинградской областях антисоветских общин истинно-православных христиан иеромонаха Перепелицы, он же Корец, Антона Марковича и Самойлова Бориса Михайловича. В нее вошли подвергавшиеся в прошлом репрессиям органов Советской власти церковники, бывшие кулаки, единолични-*

ки, служители религиозного культа, а также антисоветски настроенные лица».

«Организация ставила перед собой задачи — под видом сохранения "истинно-православной веры" оторвать от социалистического строительства в городе и деревне попавших под ее влияние верующих, тем самым ослабить экономическую мощь Советского Союза. Среди ее участников имели место высказывания об изменении государственного строя в СССР, некоторая часть из них идеализировала бывший царский монархический режим.

В целях выполнения поставленной перед собой задачи руководители организации и активные ее участники проводили агитацию за выход из колхозов, отказ от работы на советских предприятиях, участия в профсоюзах и других общественно-политических организациях, участия в выборах в местные и центральные органы Советской власти, учебы детей в советских школах. В 1950 году во время кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия они отказались от подписи этого воззвания.

Среди участников организации имелась значительная группа фанатично настроенных лиц, которые совершенно порвали связи с внешним миром и находились на нелегальном положении ("Жить в миру, как не в миру").

На протяжении 1948–1959 годов Капинусом было тайно пострижено в монахи около 20 человек. Образовавшаяся в результате этого группа монахов, или "монастырь в миру", также была обособлена и наиболее реакционно настроена...

Основной формой антисоветской деятельности организации являлись тайные сборища, на которых наряду с отпращиванием религиозных обрядов проводилась

*антисоветская агитация, с враждебных позиций истолковывалась религиозная литература. Участники общины хранили и распространяли контрреволюционную литературу. Имели место случаи "поминания" бывших царей.*

*В целях конспирации антисоветской деятельности сборища проводились преимущественно по ночам с участием небольшого числа единомышленников».*

Во главе этой организации следствием, конечно же, был поставлен иеромонах Анувий (Капинус), а Матвей Щеглов назван его ближайшим помощником. В составе "организации" насчитывалось более десяти нелегальных групп общим числом более ста человек, систематически проводивших «нелегальные сборища» (так чекисты именовали тайные богослужения), для чего в каждом населенном пункте использовались определенные дома «активных участников организации». Наряду с руководителями особая роль придавалась "связникам-послушницам", осуществлявшим постоянную связь между руководителями и отдельными группами; через одну из таких "послушниц" отцу Анувию удалось «восстановить связи» с единомышленниками своего прежнего места служения — Серпухова.

Как показал отец Анувий на допросе, в Серпухове проживала его духовная дочь Анастасия-Еликонида, постриженная им в монахини в 1930 году: при постриге он дал ей монашеское имя Анастасия, а имя Еликонида она получила при постриге в схиму, совершенном приблизительно в 1938–1939 годах неким «митрополитом Агафангелом». Тот же постриг в монахини и ее дочь с именем Антония. Одна из воронежских прихожанок отца Анувия, бывая в Серпухове у своей знакомой, в 1948 году встретила там схимонахиню Еликониду, которая, узнав о своем духовном пастыре, поехала к нему в село Малая Грибановка. Потом дважды, в 1949 и



1950 годах, приезжала ее дочь, тайная монахиня Антония.

Вероятно, со слов этих серпуховских монахинь иеромонах Анувий показал на допросе, что обе они после войны состояли в общине иеромонаха Варфоломея. В 1950 году этот иеромонах ездил к тульскому епископу с обличением, а тот хотел наложить на него епитимию, предложив поселиться в Троице-Сергиевой лавре. Варфоломей отказался и остался на нелегальном положении в Серпухове. Что это был за иеромонах, какова его дальнейшая судьба, не известно. Ни о нем, ни о «*митрополите Агафангеле*»<sup>332</sup>, ни об упомянутых серпуховских монахинях никаких сведений больше нет. Вообще во время следствия было названо много новых имен, в той или иной мере причастных к «*деятельности организации, руководимой Капинусом*»; их судьбы — отдельная тема, надеемся, со временем она будет подробно раскрыта в книгах, посвященных исповедникам Воронежской области. Но для этого еще требуются дополнительные серьезные исследования и изыскания, впрочем, как и в целом для изучения антисергианского движения в этом регионе, где с конца 1920-х годов образовался один из самых мощных центров этого движения и на протяжении десятилетий, вплоть до наших дней, сохранялись многочисленные

<sup>332</sup> Возможно, что речь идет о катакомбном епископе Агафангеле (Садовскове), создателе многочисленных катакомбных иоаннитских общин в Башкирии, на Урале, в Поволжье, на Кубани и Кавказе. Правда, владыка был арестован в 1934 году, но даты постригов серпуховских монахинь могли быть названы неправильно (см.: *Зилкина Н. П.* К вопросу об иоаннитском движении в Русской Православной Церкви и возникновении в конце 1920-х гг. катакомбного течения "архиепископа" Агафангела (Садовскова) // *Вестник ПСТГУ*. — Сер. II. — 2010. — Вып. II: 4 (37). — С. 28–54).

катакомбные общины истинно-православных христиан тихоновцев.

Здесь же мы приведем лишь сведения об иеромонахе Анувии. Он был арестован 4 января 1951 года на станции Поворино. На первых допросах показал, что оказался в Воронежской области случайно (по дороге домой на Украину у него выкрали документы), и своих взглядов вначале не высказывал. На вопрос следователя: *«Какой вы ориентации придерживаетесь в духовном отношении, проповедуя религию»*, — коротко ответил: *«Я монах»*. На окрик: *«Вы прямо отвечайте на поставленный вопрос!»* — опять-таки ответил: *«Как монах я ставлю себе задачей только молиться Богу, никаких ориентаций в религии не придерживался. Других задач у меня не было»*.

Свое проживание без документов отец Анувий и дальше объяснял тем, что они были украдены. Этой же версии он был вынужден придерживаться и на последующих допросах, поскольку, по-видимому, о "пропаже" документов заявил сразу при аресте. Так, будто именно по этой причине он остался жить у своего знакомого Матвея Щеглова, затем в конце 1947 или начале 1948 года перешел на жительство в село Малая Грибановка: *«При проверке документов в доме Щеглова сотрудник милиции обнаружил, что у меня нет документов. На следующий день после этого случая я ушел от Щеглова в с<ело> Малую Грибановку, т<ак> к<ак> считал, что в с<еле> Мазурки находится мне больше нельзя»*.

Ситуация для Советского Союза в то время невыносимая! Милиционер, обнаружив гражданина без документов, не задержал его для выяснения личности?! Но эта несурезица уже не волновала следствие, располагавшее достаточной информацией об антисоветской деятельности подследственного и причинах его прожи-

вания без документов<sup>333</sup>. Поняв это, отец Анувий оставил свои слабые попытки как-то выкрутиться и признал, что перешел на нелегальное положение в связи со своей *«деятельностью тайного священника»*. Он еще, правда, никого не называл, кроме известных следствию Матвея Щеглова, Евдокии Лариной и Герасимовой, в доме которых он проживал в селе Малая Грибановка. И на вопрос: *«Почему эти люди, имея возможность совершать религиозные обряды в легально действующей церкви, предпочли делать это тайно у вас»*, — ответил: *«Они хотели делать это лично у меня, да и церкви не было ни в селе Мазурках, ни в селе Малой Грибановке»*.

Однако после того, как следователь объявил, что следствию известны его встречи со многими лицами из других районов Воронежской области, а также других областей, и, вероятно, большинство из них сам и назвал, отец Анувий не стал отнекиваться и признал:

*«Я имею много своих единомышленников в разных районах Воронежской и Сталинградской областей. Все они не посещают легально действующие церкви, потому что не признают их, ибо являются "христианами тихоновского направления". Это значит, что они считают легальную ("обновленческую") Церковь антихристовой, потому что она не выступает против Сов<етской> власти, против коммунистов-безбожников и относится лояльно к Сов<етской> власти. Я по своим убеждениям тоже "тихоновец" и тоже считал, что "Истинно-Православная" Церковь не*

---

<sup>333</sup> Матвей Щеглов на одном из допросов показал, что у Анувия (Капинуса) было временное годичное удостоверение личности, выданное ему в 1946 году, и он его предъявлял милиционеру. Потом на другом допросе опроверг эти свои показания и сказал, что ошибся и что у Капинуса не было документов.

*должна признавать безбожной Сов<етской> власти. Вот поэтому христиане-тихоновцы обращались ко мне для совершения религиозных обрядов».*

Отец Анувий далее прямо изложил свои «антисоветские взгляды»: «Мы считаем, исходя из своих религиозных взглядов, что Советская власть как власть безбожная является "предтечей антихриста" и поэтому будет якобы недолговечной, что скоро совершится так называемое "второе пришествие Христа". Отсюда и вытекали мои антисоветские установки, что ради "спасения" "христиане" (т<о> е<сть> участники нашей организации) должны избегать "сетей антихриста". Иначе говоря — не вступать в колхозы, не работать в советских учреждениях, не участвовать в выборах в Верховный Совет СССР и местные Советы, не разрешать детям учиться в советской школе, не подписывать воззвание о запрещении атомного оружия, а также не вступать в ВКП(б), комсомол, профсоюзы и другие советские организации».

Безусловно, показания иеромонаха Анувия в протокол допроса занесены с известной "тенденциозностью", кроме того, воронежский следователь не решался дословно даже в кавычках передавать особо "крамольные" антисоветские высказывания подследственного и прибавлял обязательно "якобы" (это, кстати, наблюдается на протяжении всего следствия в протоколах других допросов).

Примечательно, что при всей его категоричности позиция иеромонаха Анувия не была самой крайней. Так, согласно показаниям Матвея Щеглова, его прежний духовник, иеромонах Антоний, был еще более строг в своих требованиях неприятия советской власти:

*«А Капинус более умело агитировал людей, зная, что не все могут решиться пойти на открытое неприятие Сов<етской> власти. Капинус говорил*

"христианам" только то, что они могли на первых порах сделать без риска для себя... Неудивительно, что многие платили государственные налоги, и это Капинус не воспрещал... Капинус далее объяснял мне, что Сов<етская> власть якобы подобна "репейнику", от которого почти каждый человек набирается чего-нибудь, а потому нужно "колючки от репейника вытаскивать осторожно"».

«Атоний лично мне давал указания в 1941 г<оду> прервать всякие связи с Сов<етской> властью и не выполнять законы, в силу чего я уклонился от призыва на мобилизацию в 1941 г<оду>. В противовес этому Анувий говорил, что надо смотреть, какого человека ты хочешь "свернуть на путь истины", а отсюда нужно применять различные подходы, не так резко ставить вопрос о разрыве с Сов<етской> властью. Дословно Анувий говорил, что "мы теперь не пасем готовое христианское стадо, а вырываем его от зверя (т<о> е<сть> социализма) и воспитываем в своем духе". Поэтому я всегда в очень осторожной форме беседовал с верующими колхозниками, и если убеждался в их "верности идеям христианства", то начинал постепенно убеждать в том, что настоящему христианину не по пути с социализмом, который ведет к гибели человечество».

«Приблизительно в 1947 г<оду> во время неоднократных бесед со мною в с<еле> Мазурки Капинус говорил, что если во время существования группы иеромонаха Антония имелись христиане, которые не поддерживали никакой связи с советским государством, то после войны таких христиан почти не стало, а оставшиеся верующие в той или иной степени "замешаны в социалистическом строительстве". Поэтому если в прошлом Антоний пас готовое стадо, то в настоящее время надо "христиан" вырывать и воспи-

тывать их в а<нти>с<оветском> духе. Но так как они в чем-либо связаны с Сов<етской> властью и порой боятся отказаться от материальных выгод, вытекающих из их положения, то следует с ними заниматься осторожно, постепенно убеждать их в "гибельности социалистического пути". Таким образом, Капинус мне объяснил, что резкие формы считает неприемлемыми в настоящее время».

И все же иеромонах Анувий был очень требователен к своей пастве и, как отмечалось в "Обвинительном заключении", «в качестве наказания за невыполнение антисоветских установок применял "эпитимии"», что подтвердили Матвей Щеглов<sup>334</sup> и другие обвиняемые. Сам отец Анувий не отрицал это и, перечислив «антисоветские установки» истинно-православных — неучастие в выборах, отказ работать в советских учреждениях и организациях и так далее, — он подчеркнул: «нарушение этих правил считалось у нас грехом». После чего следователь задал отцу Анувию наконец уже самый принципиальный для следствия вопрос:

«— Значит, вы и ваши единомышленники рассчитывали на изменение государственного строя в Советском Союзе?»

— Да, по существу это так. Мы считали, что в дальнейшем после всемирной революции советская власть преобразуется в какой-то форме во всемирную и миром овладеет "антихрист" (безбожье). Однако мировое государство будет якобы существовать только 3,5 года, после чего оно падет. Поэтому я и мои единомышленники считали, что не должны поддерживать советскую власть».

---

<sup>334</sup> Так, Матвей Щеглов показал, что за участие в выборах отец Анувий наложил на него епитимью — 150 поклонов ежедневно в течение месяца.

Следователь не стал развивать эту тему далее; эсхатологические настроения подследственного его не очень интересовали, а высказанного и так было вполне достаточно для предъявления обвинений по серьезным статьям Уголовного кодекса: «*участие в контрреволюционной организации*» и «*антисоветская агитация*». Вместе с еще десятью "истинно-православными" иеромонах Анувий был признан виновным и приговорен к 10 годам концлагеря. Тот же срок получил и Матвей Щеглов; еще пять обвиняемых были приговорены к 8 годам, трое — к 5 годам концлагеря, и только одна обвиняемая — к трем годам ссылки.

Отправлен был иеромонах Анувий в Озерлаг в Иркутской области (один из семи особых лагерей, созданных в 1948 году специально для политзаключенных и отличавшихся особой строгостью режима). В 1955 году отец Анувий был по амнистии освобожден из лагеря, вернулся к своей пастве в Воронежскую область и продолжил свое пастырское служение. В Воронеже он встретился также с вернувшимся из заключения протоиереем Иоанном Андреевским, признанным руководителем воронежских общин. По свидетельству воронежских монахинь, протоиерей Иоанн пожелал принять монашество, и отец Анувий постриг его с именем Иларион. Потом уже иеромонах Иларион постриг отца Анувия в схиму с именем Амвросий.

В июне 1961 года отец Иларион (Андреевский) скончался, передав отцу Амвросию духовное руководство тайными общинами. По воспоминаниям схимонахини Маргариты (Чеботаревой): «Перед смертью сказал нам: "Во всем я грешен, но от Православия ни на йоту не отступил". Потом призвал отца Амвросия и вручил ему Церковные ключи управления (а именно он был их хранителем) со словами: "Со дня раскола Церкви каноническое Православие не было прервано, эта золотая

ниточка жива, все церковные дела передаю вам до появления православного епископа. А искать такового надо!" — надел на отца Амвросия свой крест»<sup>335</sup>.

Отец Амвросий принял это послушание и окормлял все воронежские общины, а также большое число общин из других областей вплоть до самой своей кончины 14 октября 1966 года. Об этом служении отца Амвросия в последние годы его жизни сохранились записи воспоминаний его духовных чад: инокини Евникии (в последние годы игуменьи Евфросинии) и инокини Ксении (Ларионовой). Приводим их по первой публикации<sup>336</sup>.

### Из беседы с инокиней Евникией<sup>337</sup>

*8/21 февраля 1997 года*

— В церковь я приходила на покаяние. А потом, когда узнали... С подругой я ходила. Подруга у меня Анна была. Мы с ней и ходили. Нам все говорили, что в эту церковь, которую после войны открыли, ходить нельзя. Мы все ходили кругом, добивались, ходили по болящим, которые знали. Мы ходили и у них допытывались, можно или нельзя ходить. Но все же ходили в церковь. Поп у нас был старый, старинный еще. Он нас

<sup>335</sup> Катакомбные исповедники. Рассказ монахини Маргариты (Чеботаревой) // Возвращение. 1993. № 2. С. 27.

<sup>336</sup> Тайной Церкви ревнитель. Епископ Гурий Казанский и его со-молитвенники. — М.: Братонез, 2008.

<sup>337</sup> В миру Елизавета Махрова, родилась в 1919 в селе Семикеево Кайбицкого района, в Татарии. С детства ходила в церковь, во время войны церковь закрыли. После войны открыли церковь в соседнем селе Гари, стала ходить туда. В середине 1950-х — приняла иноческий постриг с именем Евникия, в 1997 — пострижена в мантию с именем Евфросиния и возведена в игуменьи. В 2003 — скончалась.



уважал. Потом, когда умер Сталин, его начали отпевать... Вот тут-то мы и поняли... Когда мы услышали, что ему служили погребение, мы с того времени... Мы разубили и больше не стали ходить.

А поп нас вызывал и спрашивал, почему Анна с Елизаветой перестали ходить? Потом мы стали понимать, что там в церквах молятся о властях и воинстве. Как же? Власти безбожники. Воинство какое? Ну, вот, когда он нас вызвал, мы к нему пришли на квартиру в дом и ему там сказали. Но он нам ответил, что пока еще можно... Мы ему говорим, как же можно, ведь возглас так и так даете. А он говорит, я вроде не упираюсь на это, я только о воинстве, а о властях вроде и не упоминаю... Мы ему: как же, поминаешь... И все, зарубили и больше не стали ходить. А все равно было жалко. Ходили, проверяли еще, можно или нет. Без церкви-то как? А уж потом стали искать тайных священников.

— А как вы узнали, что они вообще существуют? Кто-то сказал об этом?

— Конечно, ведь они были скрытые. Кто у нас первый священник? Он дома служил в деревне. Стали к нему ходить. А корни откуда? Мы тогда еще не понимали...

— Как его звали?

— Иван. Долго мы так ходили, пока мне не сказали, что надо узнать, кем он рукоположен. Он мне сказал, вот такой-то отец Серафим.

— Владыка Серафим?

— Не знаю. Только когда я его спросила, он сказал, что тот его не в священники, а в диаконы рукоположил. Я говорю: а как же вы служите священником? Он говорит: что ж, священников-то нет. Ну, мы и бросили. Стали искать еще.

Вот сидела монашка в тюрьме, а брат ее жил возле нас. Он пришел как-то к нам и говорит: «Тетя Оля

<мама матушки>, вот у меня сестра приехала и ищет, где таких верующих найти. Она из тюрьмы пришла. Сидела за голосование. Голосовать не ходила, ее и забрали. Теперь она освободилась и вот пришла». Мама говорит: «Пусть придет, нам тоже хочется поговорить с ней». Вот эта монашка пришла к нам. Мы с ней долго беседовали. Потом еще раз пришла, опять пришла. Потом мы от нее добились — она сказала, что есть у них священник, отец Амвросий, иеросхимонах. Мы стали к ней приставать, как к нему попасть. А он жил там, не доезжая Воронежа. Поворино...

Ну, вот мы попросили, и она сказала: «Поеду и спрошу, разрешит он или нет». Ведь он тайный был. Мы ждали ее, конечно, ждали долго. Она письмо прислала или сама приехала... «Готовьтесь». Это было в 55-м году. Она сказала нам, когда поедем, чтобы дали телеграмму. Дала нам адрес, чтобы нас встретили. Мы дали телеграмму и поехали. Я и еще один старик. Они нас встретили в Поворино. Отец Амвросий жил у одного монаха, отца Мелентия. Встретила нас старушка, а они сидели в саду в Поворино. Мы в сад прошли. Я к нему не подошла, только кланяюсь. Втихую ведь, все украдкой. Это сейчас же вольно...

Должна была прийти электричка, и мы поехали. Они впереди, а мы за ними. Доехали до Камыка. Они пошли на квартиру к одной монашке, а мы к другой. За нами приехала молодежь, ребята, и повезли на лошади. Когда стемнелось, поехали. Они этих стариков, батюшку Амвросия и этого старика, который приехал со мною, положили на телегу и накрыли. Доехали до села. Забыла какое, кажется, Варваринка. Они вот там всю ночь молились в одном доме, батюшка Амвросий, отец Мелентий и ребята пять человек. Вот с тех пор мы и стали ездить к отцу Амвросию...

— А кто вас постриг?

— Отец Амвросий. Наверное, через год после того, как мы с ним познакомились, году в 56-м или 57-м. Тайно постриг. В 58-м году мы сгорели. Я уже была монашка. Весь поселок сгорел и наша избушка. Жили мы с мамой. Мама тоже приняла пострижение. Олимпиада имя, инокиня. У нас много было инокинь, а монашка была всего одна, она была еще в монастыре за Свяжском. Когда она умерла, то мне поручили дары Святые возить и причащать людей. Батюшка Амвросий меня благословил на это.

— У вас не было игуменьи?

— Как не было? Была в Воронеже матушка Агния. Схимонахиня, игуменья. Когда принимали пострижение, так она и была. Она была игуменьей у нас. Но она далеко была, и батюшка Амвросий рукоположил для нас монахиню Веру.

— Вы к ней за советами духовными ездили?

— Да, ездили, бывало. Как пост, так и едем.

— Исповедовались вы ей или отцу Амвросию?

— Она покаяния не принимала. Спрашивали, как, что делать, как жить и все прочее.

— Схимонахиня Агния постриг еще до революции приняла?

— Да, она стара монашка. А вот матушка Вера уже от отца Амвросия постриг приняла. Она была мантийная монахиня, а потом и схиму приняла. Да, много было монахинь и духовных ребят у отца Амвросия...

Отец Амвросий умер в 1966 году, умер на Покров. Мы ему память всегда совершаем на Покров. Он на Покров отслужил всенощную и говорит своей прислужнице: «Митродора, мне плохо». Плохо, плохо... и через два часа умер. Вызвали врача. Тот проверил и говорит: «Ох, какой! Это не человек, это обыкновенный ангел».

## Из рассказов инокини Ксении (Ларионовой)

В 1960 году Клавдия (Ларионова)<sup>338</sup> узнала от Елизаветы Махровой (инокини Евникии) об иеромонахе Амвросии в Воронежской области. Ей рассказывали о том, что у него много монашествующих. Клавдия стала проситься, чтобы ее тоже взяли с собой, хотелось поглядеть, какие они, монашки-то. Получив разрешение от батюшки Амвросия, ее привезли к нему. Станция Балашово, Поворнинский район Воронежской области. Тайком добирались ночью, чтобы никто не видел.

Отец Амвросий сразу ее встретил вопросом: «Зачем приехала?» Она растерялась и не знала, что сказать. Матушки стали говорить: «Ну, батюшка, зачем к вам приезжают... Исповедаться, причаститься». — «Нет, — сказал он, — она монашков приехала посмотреть». Благословил ее пожить неделю, подумать. Все его чада духовные не вступали в колхоз, не получали пенсии. Клавдии было боязно.

«Я была на второй группе, пенсию получала. А он не принимал тех, кто пенсию получал, кто с паспортом. За меня стали просить:

— Батюшка, примите ее.

— Не могу, она пенсию получает. Если даст обещание пред Евангелием и Крестом, что не будет получать, я ее приму.

— Батюшка, она такая больная, как она будет жить?

— Ничего, ничего.

Пришлось дать обещание. Приезжаю домой. Матушка Марионилла у меня домовничала. Я ей — так и так, от пенсии

---

<sup>338</sup> Инокиня Ксения, в миру Клавдия Семеновна Ларионова, родилась в 1921 в деревне Николаевка Салтыковского района Пензенской (ныне Саратовской) области, недалеко от станции Ртищево в простой крестьянской семье. С детства воспитана в крепкой вере и благочестии. Скончалась в феврале 2012 года.

отказалась. Она: "Клавденька, ты такая больная. Как ты будешь жить?" Заплакала. А я ей: "Матушка, я дала слово, ты уж меня не расстраивай. Давай надеяться на Бога. Он что говорит — возверзите на Меня печаль, и Я вас пропитаю. Раз он так говорит, значит, исполнит". А у меня всего двадцать копеек осталось. Я проехала, на дорогу все истратила. Пошла купила хлеб — шестнадцать копеек. Осталось четыре.

Она: "Клавденька, как теперь будем жить?" — "Матушка, не беспокойся. Господь даст нам".

На второй день приходит женщина: "Пошейте мне платье". Взяли, сшили. Она дала нам три рубля. Я и говорю: "Вот, матушка, и картошка, и капуста, и хлеб, и молоко у нас будет". Потом племянница встречает другую женщину, и та заказывает одеяло. Матушка хорошо их умела шить, как фабричные. Заплатила пять рублей...»

Отец Амвросий постриг Клавдию в инокини. Когда ей сказали о постриге, она заколебалась. Очень боялась: а если не исполнишь обеты? Если человеку обещаешь и не выполняешь, то стыдно при встрече ему в глаза глядеть. А каково будет отвечать пред Богом, если не исполнишь обещанного Ему? Благословили ее подумать. И вот ночью ей приснился сон:

«На мне рубашка, полная вшей. Они разные: и мелкие, и крупные. Откуда они взялись, думаю. Я утюг накалила и гладить. И все чистое стало. Наутро рассказала матушке Вере, и та сказала: "Наверное, примешь постриг и все грехи попалишь. Исповедь, постриг все грехи очищают". А я думаю: "Да, зато сколько новых насобираешь". Принесли мне книгу, где написано, как усопшие радуются, если у них родственники становятся монахами. А я тряслась — как буду принимать такую обузу?»

Все же она решилась. Во время пострига трепетала — исполнит или не исполнит обеты. Говорили, что

она стояла белая как полотно. При постриге ей было дано имя Ксения. Сначала отец Амвросий хотел дать другое имя, трудно произносимое. Матушки говорят: «Батюшка, да что вы ей такое имя даете?» А он: «Мне и самому не нравится». — «Вот позавчера была Ксения». Житие принесли. На обратном пути она заехала к родственникам. Удивлялись, что она отказывалась есть мясное — гусятину, курятину.

Потом матушка постоянно ездила к отцу Амвросию. Часто ездила с инокиней Евникией, возили "покаяния" (письменные исповеди). Один раз их остановила милиция. Они сильно напугались, так как в корзинах везли свечи и целый ворох "покаяний". Но все обошлось, так как встречающий их человек оказался знакомым милиционера. Порой мать Евникия посылала ее одну отвозить исповеди. Страшно было, но за послушание ехала. Где бы ни была, и даже в поезде, матушка Ксения перед едой обязательно крестилась, несмотря на изумленные взгляды окружающих: "А все вокруг лупятся..." Однажды ей стало плохо в поезде. Сердечный приступ, прямо умирала. Подумала: "Умру, выкинут из поезда, так выкинут". В Канаше стало лучше. В поезде познакомилась со старушкой, которая тоже оказалась из катакомбников, тоже тайно ехала к священнику.

Отец Амвросий принимал исповеди, доверял ей отвезти Запасные Святые Дары по числу приславших исповеди. Обычно он назначал время, когда все написавшие исповеди должны были собраться. Они молились, готовились ко Св. Причастию. А он у себя в это же время читал разрешительную молитву. Запасные Дары выкладывались на икону, и каждый, сложив руки крестообразно, подходил и принимал святыню. Сначала отец Амвросий это не практиковал. Но позднее ему привезли старинную книгу, где описывалось, как в

древние времена при гонениях христиане могли сами причащаться.

И поскольку паства у него была обширная и всем невозможно было приезжать к нему, он стал доверять Западные Дары монахиням. Обычно это происходило Рождественским и Великим постами. Очень редко, когда Успенским и никогда Петровским, поскольку летом из-за долгого светового дня трудно было скрытно под покровом ночи добраться до его жилища. Приезжала матушка Ксения вечером и ночью шла в ближайший дом к монахине, и уже оттуда они шли тайком в дом к бабушке.

Как-то она везла две сумки исповедей (людей было много у них). Три километра нужно было пройти полем в полной темноте. Грязь непролазная, чернозем. Через речку мостик, очень хлипкий. Она упала головой вниз. Выбралась еле-еле: "Вся в грязи с головы до ног, как свинья". Добрела до ближайшего домика монахини. Та всплеснула руками, увидев ее: "Батюшки, матушки..." Растопила печку, стала ее отмывать. Только на следующую ночь они пошли к отцу Амвросию.

Всенощную отец Амвросий служил обыкновенно с вечера до полуночи. Несколько часов перерыв, в три-четыре утра — Часы и Божественная литургия. Исповедь была с вечера, пока шла всенощная. Как-то во время службы вдруг подъехал черный ворон. Что делать? Открыли подпол, и все туда попрыгали. Милиция зашла — никого нет. Один милиционер открыл подпол и закрыл. Господь ему закрыл глаза, и он ничего не увидел.

Батюшка Амвросий был строгий, духовно требовательный и прозорливый. Матушка Ксения на своем опыте неоднократно убеждалась в этом, когда батюшка открывал ей ее помыслы или отвечал на ее мысленные вопросы. Молитвенное правило он дал ей следующее: с

утра вычитывать полунощницу, утренние молитвы, акафист, часы, обедницу, кафизму, главы из Посланий Апостольских и Евангелия, изобразительные. Вечером — девятый час, вечерню и повечерие с тремя канонами, пятисотку. И это иноческое правило, у монахинь было еще больше.

Паства батюшки, особенно монашествующие, строго постилась. Монахи и монахини рыбу не ели в понедельник, среду и пятницу. Инокиням разрешали рыбу в понедельник. В Великий пост постное масло дозволялось только в субботу и воскресенье. В первую седмицу — хлеб и вода.

«Объедаться не велели. Батюшка Амвросий говорил: "Можно и три раза поесть, но не досыта, чем ты наешься раз. Какой это пост? Надо оставлять место Св. Духу". Сам был высокий, худенький, "кожа да кости". Монахам не разрешал больно вкусное есть. Как-то обедали: матушка Агния сварила очень вкусный борщ. Все с таким аппетитом ели. А он взял да и варенья в него наложил. Они: "Батюшка!" А он: "Ничего, ничего..." И все — всё, молчок. Не любил, чтоб нам, монахам, со вкусом есть. И матушки все худенькие были. Которые работали, разрешал молоко, яйца есть. Но вкусного не было. Да и не на что было покупать. Если кто и принесет рыбы и тому подобное. Верующие подавали. Те, кто в колхоз не вступал, держали коровок. Помогали и деньгами. Вообще друг другу помогали. Если у кого чего не хватало, помогали. Если у старушки нет денег на уголь, соберут, привезут и угля, и дров на растопку».

Приезжающих отец Амвросий все время спрашивал о епископах, не слышали ли что-нибудь. С заграницей не хотел связываться. Говорил, что если здесь не разрежься, то там тем более можно легко в яму попасть. Хотел искать епископов, но вскорости заболел и умер в



1966 году 14 октября. На его похороны собралось вдруг очень много народу. Просто толпы, гроб несли на руках до кладбища, и народ все норовил под гробом пройти и прикоснуться. Милиция прибыла на кладбище, увидев такое скопление народа. А кого хоронят, так и не могли выяснить. Потом пришли к слепой старушке, из дома которой выносили гроб с телом отца Амвросия, и стали допытываться, кто это был. Она сказала, что не знает, пришел странник, попросился отдохнуть и умер. А кто при этом был, она не знает, так как слепая.



## **Исповеднический путь священников Никиты и Дмитрия Игнатьевых**

Братья Игнатьевы так же, как и иеромонах Анувий (Капинус), в Серпухове пробыли совсем недолго. Но если об отце Анувии в материалах следственного дела 1930–1931 годов сохранилась подробная информация, то о них никаких точных данных нет<sup>339</sup>, лишь в протоколах допросов некоторых обвиняемых, проходивших по этому делу, есть косвенные сведения (и довольно скудные). Не известно, когда и откуда приехали Игнатьевы в Серпухов, кто и когда их рукоположил во священный сан, где они служили ранее. Точно известно лишь одно: в 1930 году они служили в серпуховских церквях. Как показал на допросе священник Николай Ищенко, отец Никита приехал в Серпухов в начале февраля 1930 года и остановился у иеромонаха Анувия (Капинуса). Отец Анувий на допросе подтвердил, что священник Никита проживал с ним какое-то время на

---

<sup>339</sup> Иеромонах Анувий (Капинус) проходил по делу, а братьев Игнатьевых арестовать не успели.

одной квартире и часто ездил в Москву в Крестовоздвиженскую церковь. О том, что отец Никита был связан с этим иосифлянским храмом на Воздвиженке в Москве, есть и другие свидетельства; подтверждают это и рассказы его духовных чад о служении в Москве<sup>340</sup>.

Будучи в Серпухове, отец Никита, согласно показаниям свидетелей, "выписал" своего брата священника Димитрия и устроил его служить сначала в церковь Николы Будки, а потом — в Троицкий собор. В июле 1930 отец Димитрий был арестован, но уже 1 августа его освободили, и после служения на праздник преп. Серафима Саровского он выехал на родину; там был вскоре арестован и выслан в Казахстан.

Отец Никита еще оставался в Серпухове, в конце августа принимал участие в службах на праздник иконы Богородицы "Взыскание погибших", отличавшихся в Серпухове большой торжественностью. Как обычно при большом стечении народа прошли соборные служения серпуховского духовенства сначала в Троицком храме, затем в Сретенской и Спасо-Занарской церквях. После

---

<sup>340</sup> Правда, они называли храм Христа Спасителя, но эта ошибка вполне объяснима — в памяти могло стереться название храма. А вот рассказ о святынях как раз свидетельствует о том, что это происходило в Крестовоздвиженском храме. Как вспоминала Маргарита Васильевна Тюльканова в июле 2008 года: «Говорил батюшка: "У меня был гвоздь в руках, которым Господа распинали, вершиночка у него была вот так немного сломлена... И мы, когда освящали воду, народ нам кричал, покажите нам гвоздь, которым Господа распинали. Мы вот так обмакнем в воду и стоим на амвоне и подыдем высоко, — вот смотрите гвоздь. Была и риза Господа. Мы ее откроем и покажем народу с амвона"». До революции Риза и Гвоздь хранились в Успенском соборе Московского Кремля, в 1918 году были перенесены в Крестовоздвиженский храм, а после разрушения храма в 1934 году поступили в запасники музея Кремля.

богослужений духовенство обсуждало вопрос избрания благочинного, по предложению отца Никиты приняло решение ходатайствовать о назначении протоиерея Николая Ищенко и направить с этим ходатайством отца Никиту к епископу Сергию (Дружинину) в Ленинград.

В сентябре 1930 года отец Никита был еще в Серпухове и вместе с протоиереем Николаем Ищенко посетил иеромонаха Серафима (Бубликова), служившего в церкви села Дашковка. Как показала одна из свидетельниц: «Там же был о<тец> Никита ИГНАТЬЕВ, по слухам, они там проводили торжественную службу и колхозникам говорили, "что если не выйдете из колхоза, то мы вас будем считать неверующими и в церковь не пустим"»<sup>341</sup>.

Вскоре после этого отец Никита из Серпухова уехал. Пенсионерка Евфимия Ивановна Позднякова, бывшая кухарка, готовившая обеды епископу Максиму во время его пребывания в Серпухове, а потом и отцу Никите, показала на допросе, что, уезжая из Серпухова, Никита Игнатъев оставил свой адрес: «Казанская обл<асть>. Ошкар-ола, с<ело> Табашное»<sup>342</sup>. Она написала ему, он ответил, просил передать привет врачу больницы Семашко и другим знакомым<sup>343</sup>, просил переслать его ве-

<sup>341</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 16.

<sup>342</sup> Правильно: село Табашино. В то время оно входило в Марийскую автономную область Нижегородского края (в 1932 году Нижегородский край переименован в Горьковский, а в 1936 году Марийская область выделена и преобразована в Марийскую АССР со столицей Йошкар-Ола). До революции все это была территория Казанской губернии, поэтому, несмотря на столь неточный адрес, письма доставлялись.

<sup>343</sup> Мария Анатольевна Кремышенская в своих показаниях упоминала, что отец Никита прислал письмо Евфимии Поздняковой, в котором была записка и для нее, — отец Никита писал, что жив здоров, и передавал привет всему семейству.

щи в Москву одной из его прихожанок, приехавшей в Серпухов, когда он служил здесь в Сретенской церкви.

В Казанской области, по словам Евфимии Ивановны, Игнатьев жил и раньше, и ему туда писали. В Серпухове он бывал, а в начале 1929 года *«часто приходил к епископу Максиму, с ним пил чай и беседовал о церковных делах»*. *«Обстановка в Серпухове ему нравилась»*, поэтому, получив приглашение от верующих, он в начале 1930 года приехал и *«заступил место священника»*. По просьбе отца Никиты Евфимия Ивановна дважды готовила обеды для гостей: *«На обедах присутствовало много священников, и также с молитвой переговаривались о досадностях в церквях. Характера разговора я не понимала. Игнатьев с епископом Максимом имел все время переписку, об этом я знала из разговоров Кузьмы»*<sup>344</sup>.

Кузьма — это иеромонах Козьма (Трусов), бывший келейник епископа Максима (Жижиленко), в миру — Василий Федосеевич. Он был пострижен в монашество уже после ареста владыки Максима и рукоположен в иеромонахи в Казани епископом Нектарием (Трезвинским), очевидно, по рекомендации отца Никиты. В показаниях священника Николая Ищенко упоминалось, что Козьма (Трусов) отсутствовал в Серпухове в декабре 1929 — январе 1930 года: *«Говорил, что едет к священнику Никите. Уезжал монахом, вернулся уже иеромонахом. Посвятить его мог только епископ»*<sup>345</sup>.

Согласно материалам дела, иеромонах Козьма был арестован 14 ноября 1930 года в Серпухове, скорее всего в ночь на 14 ноября. В своих показаниях он упоминал, что служили всенощную в Сретенской церкви на

<sup>344</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 422.

<sup>345</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 220.

праздник Козьмы и Дамиана, то есть вечером 13 ноября, но не ясно, с кем он служил тогда, хотя по контексту возможно, что он имел в виду Николая Ищенко. Но вполне вероятно, что все же это был отец Никита, судя по пересказу воспоминаний отца Никиты его духовными чадами:

«Они двое служили — Василий и Никита. Батюшка рассказывал: "Василий ушел вперед, а я подзадержался в церкви, опоздал, и когда пришел домой, то Василия уже забрали и увезли, а я вижу, милиционер сидит за столом, навалился на локти и уснул. А я иду, а двери скрип, скрип... Хозяйка стоит рядом и машет рукой — уходи, уходи, скорей, с погонями тут сидит — и показывает. Я к задней двери и ходу, убежал". Если бы милиционер не спал, он бы его взял. Когда проснулся, спрашивает: "А где же другой поп?" Хозяйка: "А я не знаю, у них квартира не одна, может, он ушел на другую квартиру" ...»<sup>346</sup>

Иеромонах Козьма (Трусов) отметил в показаниях на допросах, что *«во время своих приездов в Москву 3–4 раза останавливался у своего единомышленника священника Никиты ИГНАТЬЕВА (от церкви Крестовоздвиженской), который живет у Яузской апте-*

---

<sup>346</sup> Вполне вероятно, что речь шла как раз о событиях в Серпухове поздним вечером 13 ноября 1930 года, и Козьма здесь просто был назван своим прежним именем Василий. Есть и другая версия этого рассказа, опубликованная в газете «Суздальские епархиальные ведомости» (№ 4, 1998) и подхваченная некоторыми историками, — что это было не с Василием, а с епископом Максимом. Однако какими-либо данными, подтверждающими эту версию, мы не располагаем, а некоторые ее детали, прямо-таки легендарного характера (как, например, что владыка Максим и священник Никита снимали вместе комнату), вызывают сомнения в ее достоверности.

ки»<sup>347</sup>. В показаниях он также подтвердил, что Игнатъев вел переписку с епископом Максимом. Более подробно об этой переписке показала староста Сретенской церкви: *«Гражданка по имени Евфимия Ивановна, проживающая по Боровой улице в Серпухове, рассказывала одной монахине, что она получила недавно письмо от Игнатъева, в котором последний сообщает, что епископ Максим (Жижиленко) находится в ссылке где-то на Севере и работает врачом в больнице, а Кремышенский — санитаром в той же больнице, причем за эту работу Жижиленко сняли один год ссылки, т<ак> ч<то> он должен вернуться через год».* (Информация верна в части того, что владыка действительно осенью 1930 года работал в Кеми вместе с протоиереем Александром Кремышенским, но непонятно, откуда появилось снятие ему года ссылки, в то время как, наоборот, ему прибавили пять лет.)

В целом показания этой старосты, при всей негативной ее оценке деятельности отца Никиты, весьма информативны. Так, она показала, что именно Евфимия Позднякова, у которой был адрес священника Никиты Игнатъева, предложила написать ему и пригласить служить в Сретенской церкви, когда осенью 1929 года был арестован настоятель, протоиерей Александр Владыченский. На что староста дала согласие: *«Через некоторое время, т<о> е<сть> по получении письма, Никита приехал к нам и в разговоре со мной после оговорки, что он и без письма уже собирался выехать в г<ород> Серпухов, так как в тот момент в Казанской губернии, где он находился, всех лишенцев, в том числе и духовенство, направляли на лесозаготовки, и ему тоже надо было бы пойти, но он, избегая этого, собрался выезжать сюда, и здесь же получил это письмо из Серпухова».*

<sup>347</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 315.

Далее староста показала, что Никита по приезде говорил, что пробудет в Серпухове недолго, и как только получит письмо от своего духовника Серафима, сразу же уедет обратно. Это, по-видимому, ее не устраивало, и, выведав у отца Никиты адрес епископа Нектария в Казани, она написала тому письмо с просьбой переслать и Серафиму. Что она писала, из показаний на допросе не совсем понятно, по ее словам, она *«случайно прочитала письмо на имя Никиты, присланное его духовником»*, а также письмо от его родителей, видимо, также *«случайно»*, из чего она поняла, что Никита им жаловался на тяжелую жизнь, что якобы ему *«некому стряпать, стирать, стоять в очередях и т<ому> п<одобное>»*. Ее это страшно возмутило, и в письме епископу Нектарию (для передачи и Серафиму) она спрашивала, *«зачем они хотят выписывать Никиту обратно»*, уверяла их, что здесь *«ему действительно живет хорошо»*, и предполагала, что *«в своих письмах он им, видимо, много врет»*.

Еще большее возмущение у старосты вызвал приезд из села Городище под Казанью некой Екатерины, с которой отец Никита ранее сидел в тюрьме. *«За что именно, не знаю, но слушки после были»*, — показала староста на допросе, не преминув добавить и других более грязных слухов. Отметила также, что незадолго до Пасхи отец Никита сам ездил под Казань: *«Причем, возвращаясь оттуда, — он сильно законспирировался: надел черную тужурку с большими пуговицами, шапку с ушами, под которую подобрал волосы, сгорбился и опирался на длинную палку. Когда в таком виде он приехал в Москву и появился у своих знакомых на Воздвиженке, его не узнали и не хотели пустить ночевать»*.

“Конспирация” отца Никиты раздражала старосту: судя по ее показаниям, *«устроился он служить*



*при церкви Сретения, а ночевал каждую ночь на разных квартирах, так как боялся ареста», «а мне, как церковному старосте, приходилось искать его по всему городу в случаях, когда приходили верующие за священником для исполнения треб». Вообще, судя по ее словам, руководствовалась она главным образом желанием удержать отца Никиту в своем приходе, поэтому он должен был постоянно находиться при Сретенской церкви. Староста весьма ревниво относилась ко всем его отлучкам, не желая его отпускать никуда. И когда однажды после вечерней службы он сказал, что думает перейти куда-либо в село или на служение в церковь Николы Будки, да и прихожане Троицкого собора также приглашают его и уже послали делегацию к епископу Сергию в Ленинград, тут староста не выдержала и выплеснула все накипевшее на душе: «Я ему так сказала, если ты будешь вертеться, то я скорее в тюрьму вас посажу или же заставлю здесь служить, а в Троицком соборе вам не бывать».*

Сцена была, видимо, очень неприятная, так как присутствовавшие при этом прихожане были удивлены, как сказала сама же староста, добавив: *«Когда он вскоре после этого уехал из Серпухова неизвестно куда, меня прихожане некоторые и монашки всячески ругали, говорили, что я его сжила отсюда».* Уже после отъезда отца Никиты она якобы получила от епископа Нектария (Трезвинского) письмо, в котором он, по ее словам, весьма нелестно отзывался о служении священника Никиты Игнатьева в церквях сел Городище и Табашино<sup>348</sup>. Что было написано на самом деле в том письме, теперь узнать трудно. Но что-то там произошло во время служения отца Никиты, известно, что на него

<sup>348</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28850. Т. 4. Л. 154 об., 164, 154.

обрушились зависть и клевета, что какие-то проблемы возникли из-за другого священника.

О служении священника Никиты Игнатъева в селах Табашино и Городище Санчурского района по благословению епископа Нектария (Трезвинского) точно известно из материалов следственного дела 1945 года о церковном подполье Кировской области. Об этом свидетельствовала в своих показаниях монахиня Екатерина Голованова, одна из главных фигурантов данного дела, названная, как и Никита Игнатъев, *«руководителем антисоветского церковного подполья»*. Матушка Екатерина и ее исповедническая жизнь заслуживают особого внимания<sup>349</sup>, здесь же приведем лишь краткую, доступную на сегодняшний день информацию, позволившую хоть в какой-то мере уточнить основные, хотя далеко не все данные об отце Никите Игнатъеве<sup>350</sup>.

Екатерина Ильинична Голованова, позднее монахиня Антония, бывшая насельница женского монастыря в Ташкенте, после роспуска монастыря<sup>351</sup> в начале 1920-х годов была назначена епископом Иннокентием Ташкентским псаломщицей в церковь села Суплатовка Чимкентского уезда. Священником там служил иеромонах Серафим (Черствов), в миру Иван Васильевич, в

---

<sup>349</sup> Надеюсь, что о ней и других обвиняемых по этому делу будет рассказано в будущих книгах, посвященных мученикам и исповедникам Вятской епархии.

<sup>350</sup> Примечательно, что они подтверждают те немногие факты, которые оставались в памяти его духовных чад по его рассказам; часть из них была опубликована в цикле статей под заголовком "И врата адова не одолеют ее..." в газете "Суздальские епархиальные ведомости" (№ 4–6, 1998).

<sup>351</sup> Как вспоминала матушка: «Монастырь разогнали, пришли солдаты, да пьяные. Всё стали разбивать. Монашки разбежались кто куда, кто в окошко, кто куда, все разбежались...» (Из беседы с Маргаритой Тюлькановой в декабре 2008 года).

1924 году его арестовали и посадили в тюрьму, и Екатерина носила ему передачи. Вместе с ним сидел в тюрьме и красноармеец Никита Игнатъев, бывший псаломщик, арестованный за самовольную отлучку из воинской части и распространение слухов о басмачестве, якобы «антисоветского содержания» (по-видимому, Никита, будучи призван в армию по декрету 1922 года<sup>352</sup>, проходил воинскую службу в Ташкенте). Иеромонах Серафим попросил Екатерину приносить передачи и Никите, что она, по ее словам, и делала, — «не зная Игнатъева, на протяжении 11 месяцев, пока он сидел в тюрьме, носила ему передачи»<sup>353</sup>.

Иеромонах Серафим (Черствов) был приговорен к трем годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (не ясно, тогда же или позднее, в 1925 году). Очевидно, по его рекомендации Никита Игнатъев был рукоположен во священника — кем и где, опять-таки не известно. В показаниях Екатерины Головановой об этом сведений нет, лишь коротко упомянуто: «Потом Игнатъев вышел из тюрьмы и устроился священником на место Черствова». Она сама там же продолжала служить псаломщиком и регентшей. Отец Никита, по свидетельству его духовных чад, говорил,

---

<sup>352</sup> Согласно декрету, обязательную военную службу должны были пройти мужчины в возрасте от 20 до 40 лет, так что о возрасте Никиты Игнатъева в период его служения в армии в 1922–1923 годах ничего определенного сказать нельзя. По свидетельству одних духовных чад, он был ровесником века, то есть в 1917 году ему было 17 лет; по свидетельству других, он на 8 лет был младше брата Димитрия Игнатъева, а его год рождения, согласно анкете из следственного дела — 1888-й.

<sup>353</sup> Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 67790. Оп. 8. Д. СУ-10292. Т. 1. Л. 29. Здесь и далее по ходу главы цитаты, кроме оговоренных особо, из данного дела.

что стал священником в Ташкенте в 23 года. После выхода из тюрьмы он должен был прожить в Ташкенте три года без права выезда. Вместе с матушкой Екатериной и единомысленным духовенством они всерьез задумались о переходе к катакомбному служению, о чем матушка сказала в своих показаниях (занесенных в протокол допроса, конечно же, в специфическом чекистском стиле):

*«В 1925–1927 годах наша антисоветская деятельность выражалась в том, что мы организованно проводили нелегальные сборища, на которых обсуждали вопросы создания тайных церквей, причем ставился вопрос так, что если это не удастся сделать в городе, то организовать тайную церковь в горах. С целью руководства тайными церквями одного из участников организации Мелхиседека было решено нелегально посвятить в сан епископа». «Игнатъев принимал активное участие в организации тайных церквей. Руководством организации Игнатъев посылался в село Кауфмановка (железнодорожная станция Янгиоль, бывшая станция Кауфманская) на побережье Аральского моря».*

В 1927 году последовали аресты. Монах Мельхиседек скрылся, по словам матушки Екатерины, она и священник Никита Игнатъев также ушли в горы и укрывались в расположении обсерватории у профессора Гавриила Васильевича Попова. В том же 1927 году Никита Игнатъев выехал в Москву, а матушка осталась в Ташкенте. В 1928 году иеромонах Серафим (Черствов), отбыв заключение в Соловках, приехал в Йошкар-Олу. Он вызвал из Ташкента Екатерину Голованову, а затем из Москвы и отца Никиту Игнатъева. «В связи с чем Игнатъев приехал из Москвы в Йошкар-Олу?» — поинтересовался следователь. На это Екатерина ответила без обиняков, но в протокол допроса ее ответ, конечно же, был записан с присущей "тенденциозностью":

*«Игнатъев разделял политические взгляды церковников реакционного крыла в Православной Церкви, искал себе единомышленников. Одним из таких единомышленников его был Черствов, ставший к тому времени уже архимандритом (нелегальным). Поэтому Игнатъев приехал в Йошкар-Олу к Черстову.*

*Руководителем а<нти>с<оветской> организации церковников тогда был у нас епископ Нектарий (Трезвинский), проживавший в ссылке в Казани. Черстов направил Игнатъева в Казань к Трезвинскому. Тот назначил Игнатъева священником в село Табашино, а затем перевел в село Городище Санчурского района, недалеко от Марийской АССР, где в Йошкар-Оле проживал Черстов».*

В "Обвинительном заключении" по цитируемому делу особо отмечалось, что архимандрит Серафим (Черстов) и епископ Нектарий (Трезвинский), будучи «участниками заговора ссыльного духовенства, состоявшегося в 1927 году в Соловецких лагерях», создали антисоветскую организацию в Кировской области и Марийской АССР, ставшую «прямым ответвлением этого заговора»:

*«В 1928 году ЧЕРСТОВ по освобождении из Соловков был выслан в Марийскую АССР. Находясь в ссылке, ЧЕРСТОВ быстро восстановил прежнюю связь с нелегалом ИГНАТЬЕВЫМ, ГОЛОВАНОВОЙ, епископом ТРЕЗВИНСКИМ Нектарием, находившимся в ссылке в г<ороде> Казани, и связался с проживавшим в г<ороде> Йошкар-Ола бывшим игуменом МЫТИКОВЫМ.*

*ЧЕРСТОВ, ТРЕЗВИНСКИЙ, МЫТИКОВ, ГОЛОВАНОВА с того времени возобновили организованную антисоветскую деятельность. Во исполнение принятых в Соловках решений о создании для борьбы с Советской властью "тайных церквей" они стали подби-*

*рать и назначать тайных священников, которых использовали как организаторов антисоветского подполья вокруг "тайных церквей". ТРЕЗВИНСКИМ и ЧЕРСТВОВЫМ нелегальными священниками были назначены: ИГНАТЬЕВ Никита, ТРУСОВ Василий, ПРОТАСОВ Иван, ЯНДУЛЕЦКИЙ Семен, РУЧИН Иван, ВАСЕНЕВ Лукиан и другие<sup>354</sup>. Лица, посвященные в священники-нелегалы по руководству тайными церквями, предварительно проходили специальную подготовку. Причем обучение церковной службе проводилось одновременно с дачей установок по антисоветской работе».*

Епископ Нектарий и его исповедническая жизнь, увенчанная мученической кончиной, — это отдельная тема. Ревностный молодой архипастырь за несколько месяцев своего архипастырского служения на Яранской кафедре, он снискал такую любовь и преданность паствы, что она не только его не оставляла в последующие годы скитаний по тюрьмам и лагерям, но и после его мученической кончины на протяжении десятилетий хранила письма и наставления, строго им следуя, напроочь отвергая компромисс с безбожниками и подчинившимися им церковными деятелями. Влияние владыки Нектария в бывших Вятской и прилегающих к ней Казанской и Нижегородской губерниях было столь велико, что антисергианское движение там стали называть "викторо"<sup>355</sup>-нектарьевским" или даже просто "нектарьевским". О встрече с епископом Нектарием отец Никита вспоминал так:

---

<sup>354</sup> Обо всех этих тайных священнослужителях и подвиге их катакомбного служения, а также об их замечательной пастве, как уже было сказано, мы надеемся опубликовать материалы в будущих книгах.

<sup>355</sup> По имени епископа Виктора (Островидова).

«Я приехал в Казань, разыскал эту улицу, дом, номер. Пришел — он в столярке работает, невысокого роста в штатской одежде, в пиджаке. "Как бы мне Владыку Нектария найти увидеть?" — "Сейчас, — говорит, — увидите". Он быстро повернулся, — юркий такой, молодой был, недавно ведь из Академии, — пошел надел подрясник, рясу надел, клобук, вышел: "Вот, Владыка Нектарий вам".

Отец Никита взял благословение и сознался, как ему неудобно перед Владыкой: "Принял Вас за послушника..." — "Ничего, зато я Вас — за митрополита..."»

«Отец Никита и в самом деле был очень представительный, красивой наружности, по словам его духовных чад, всем одарен был: "И красотой, и высотой, — и голос, и во-лос"... Чтобы сказать о голосе: после беседы Владыка Нектарий увел отца Никиту из кельи попеть около двора. Когда отец Никита запел, соседи начали сбегаться слушать..."<sup>356</sup>»

Епископ Нектарий написал отцу Никите специальную бумагу с разрешением служить во всех храмах Яранской епархии. «"Владыка, я ведь к отцу Серафиму в гости, я ведь только на две недели", — попробовал возразить молодой священник. Владыка похлопал его по плечу: "А может, на двадцать лет..."»<sup>357</sup>

Во время служения в приходах сел Табашино и Городище отец Никита не скрывал своего отрицательного отношения к безбожной власти и твердо наставлял свою паству. По словам его духовных чад: «Отец Никита строгий был. Такого человека не найдешь нигде. Как скажет — в колхоз не идти, человек в одной рубашке останется, а в колхоз не пойдет. Он не благословлял в колхоз идти, и люди не шли, слушались его». Понятно, что власти не могли это долго терпеть, и отец Никита в

<sup>356</sup> Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С. 35.

<sup>357</sup> Там же.

самом скором времени должен был попасть за решетку. Однако ему чудом удалось избежать ареста. В тот поздний вечер, как будто предчувствуя недоброе, батюшка не стал ложиться спать; и постель в его комнате осталась неразобранной. Сам он рассказывал так:

«Я сел и сижу, малахай в руках и не раздетый. У меня сердце заболело, — наверное, что-то будет. Раздался стук в окошко. "Идут меня забирать", — уверенно сказал отец Никита. На стук матушка Голованова пошла встречать непрошенных гостей со свечой... Дверь из избы в сени открывалась наружу, и отец Никита встал в сенях за распахнутой дверью. Ввалившиеся с улицы в сени "гости" внезапно оказались в непроглядной темноте. "Ой, свечу задуло, — воскликнула матушка. — Пошли в залу, там светло". Вошедшие устремились в освещенную часть жилища, а отец Никита в это время вышел из дому; он оказался вполне готовым к приходу гостей, и даже одежда верхняя была на нем.

— Где батюшка? — спросили "гости".

— А вызвали его с требой в Серково.

Осмотрели дом. Койка батюшки оказалась неразобранной — они поверили и поехали в сторону Серкова... Этим кончилась приходская жизнь отца Никиты. Сходили за старостой, отслужили молебен в церкви в последний раз, и отец Никита пошел странствовать. Подсказывало ли ему сердце, что уж больше на этой земле в храме служить и даже бывать не придется?»<sup>358</sup>

Позднее Екатерина Голованова показала на допросе: *«В 1932 г<оду> Игнатъев оставил службу в церкви и перешел на нелегальное положение, потому что дальше так открыто действовать, как это было раньше, стало нельзя. После ухода из села Городище Игнатъев*

<sup>358</sup> Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С. 35–36.



*уехал в Ташкент. Я ездила вместе с ним. Там проживали его знакомые: профессор обсерватории Попов Гавриил Васильев<ич> и бывший судья, не знаю, где служивший при Советской власти, Исаков Иван Константинович. Попов и Исаков пытались устроить Игнатьева в Ташкенте, но у него не было документов, поэтому устроить его на жительство там не удалось. С Игнатьевым я возвратилась в Кировскую область.*

*На протяжении 4 лет, до 1936 года, Игнатьев скрывался у разных лиц в Санчурском, Кикнурском районах Кировской области. Периодически жил в дер<евне> Ситниково у Русанова Петра Васильевича (в 1944 — осужден), в дер<евне> Исаково — у Алексея Егоровича, фамилии не знаю (незадолго до войны умер), у меня в квартире в деревне Пешки, поскольку я тогда не скрывалась, а служила регентшей в селе Улеш. А также жил в домах других верующих».*

В 1936 году в Кикнурский район Кировской области после освобождения из ссылки приехал архимандрит Серафим (Черстов). Когда и куда он был сослан, не известно; о нем вообще очень мало сведений: известно лишь, что происходил он из крестьян подмосковного села Загорново Богородского уезда. Его брат Дмитрий, 1874 года рождения, помимо сельского хозяйства занимался там бакалейной торговлей, имел два дома в городе Богородске<sup>359</sup>, состоял церковным старостой Тихвинской церкви. В 1930 году был раскулачен, обвинен в антисоветской пропаганде и выслан на три года на Урал. В материалах следственного дела по обвинению Дмитрия Васильевича Черстова упоминается, что «его брат, уйдя в монахи, после при советской власти неоднократно высылался в Соловки, а в настоящее время

<sup>359</sup> Переименован в Ногинск в 1930 году.

находится под надзором административных органов»<sup>360</sup>. Соответственно, выслан он мог быть после 1930 года.

В Кикнурский район архимандрит Серафим (Черствов) приехал, по словам матушки Екатерины, «с решением поступить на службу», очевидно, в одну из непоминающих митрополита Сергия церквей, которые еще оставались действующими в Вятской епархии. Устроиться ему не удалось, и он уехал к себе на родину в город Ногинск (бывший Богородск) Московской области<sup>361</sup>. Вслед за ним уехал к себе на родину в Молдавию и священник Никита Игнатьев, по совету владыки Серафима; тот надеялся, что отец Никита сможет устроиться там, поскольку, находясь на нелегальном положении, он ставил под удар и себя, и свою паству.

Однако на родине отцу Никите устроиться не удалось, и вскоре он вернулся обратно. На вопрос следователя, что он рассказывал о своей поездке в Молдавию, матушка Екатерина показала: «Игнатьев рассказывал, что он был у своих родителей, проживающих в селе Слободзея<sup>362</sup>, районном центре, но это пограничная полоса, объявиться там нельзя без документов. Проживать без документов там было невозможно, поэтому он вынужден был ехать обратно. При этом Игнатьев рассказал, что у него было намерение перейти границу в Румынии, там у него якобы были родственники, но это ему осуществить не представилось возможным. Кроме этого Игнатьев рассказывал об условиях жизни на родине, но эти разговоры ничего интересного не представляют».

<sup>360</sup> ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 48805. Л. 8.

<sup>361</sup> Дальнейшая судьба архимандрита Серафима Черстова неизвестна, есть лишь упоминание в следственном деле 1945 года о том, что он был осужден в 1944 году.

<sup>362</sup> Село Слободзея, в 12 км от Тирасполя, с 2002 года — город.

Не были ли эти «не представляющие интерес» для чекистов рассказы как раз о том, как заморили голодом родителей отца Никиты? Вот что рассказывали духовные чада отца Никиты по его воспоминаниям о родителях, Илларионе и Евфросинии Игнатьевых:

«Они жили в своем доме где-то на юге. Дом большой был. У них рядом еще дом стоял, они паломников держали. Мать говорила: "Может, и моим сыновьям придется поскитаться, так чтобы и им дали приют", — и вот принимали паломников, ночлег им давали, кормили. Потом у них все забрали, а им самим отгородили комнатку в уголке. Врачи ездили, как будто их лечили. А когда сосед спросил, а какой болью они болеют, то врач только и сказал: "Накормить хлебушком досыта, да и оздоровеют". Так с голоду и померли...»<sup>363</sup>

К сожалению, это все, что было известно или, по крайней мере, что сохранилось в памяти. В это же время погиб и брат отца Никиты, Димитрий. Не известно, встречались ли они после Серпухова и имели ли какие-то связи? До отца Никиты только дошли слухи, что брат помер в тюрьме. На самом деле, как теперь выяснилось, священник Димитрий Игнатьев был расстрелян. В базе данных ПСТГУ есть подробная биографическая справка, предоставленная исследователем А. В. Биляш по материалам последнего следственного дела 1937 года<sup>364</sup>.

Димитрий Илларионович Игнатьев родился в 1888 году в селе Слободзея Тираспольского уезда Херсонской

---

<sup>363</sup> Из беседы с Маргаритой Васильевной Тюлькановой, декабрь 2008 года.

<sup>364</sup> Как указано: «Сведения получены от КГБ (службы безопасности Украины) 09.07.1993».

губернии. До 1909 года занимался сельским хозяйством, в 1910 году приехал в Одессу и работал на разных предприятиях. Служил также псаломщиком в Николаевском соборе Одессы, с какого времени — не известно; с 1925 года — диаконом. В 1930 году в Одессе он был арестован и приговорен к высылке за «покушение перехода в пограничную зону румынской границы», то есть, приехав из Серпухова на родину, священник Димитрий пытался бежать. Это же, как выше упоминалось, пытался сделать и его брат, отец Никита, в 1936 году.

В конце 1930 года отец Димитрий был выслан в Казахстан; в 1934 году вернулся в Одессу. Согласно материалам следственного дела: *«Периодически в разных местах служил священником. Определенного места жительства не имел, ночевал на кладбище, проживал в Одессе на нелегальном положении, без паспорта»*. 10 сентября 1937 года был арестован и за нарушение паспортного режима приговорен к двум годам лагерей. 29 декабря 1937 года ему предъявили новое "Обвинительное заключение", в нем значилось:

*«Игнатъев Д. И., будучи враждебно настроен против Сов<етской> власти, находясь в тюрьме г<орода> Одессы, группирует вокруг себя заключенных, среди которых проводит к<онтр>р<еволюционную> агитацию, разжигая в заключенных религиозные чувства, Игнатъев использовал их для своих к<онтр>р<еволюционных> целей. Среди заключенных распространял провокационные слухи об ожидаемых расстрелах заключенных. Проводя среди заключенных беседы на антисоветские темы, Игнатъев Д. И. дискредитирует вождей коммунистической партии и советского правительства. Принимая во внимание, что Игнатъев Д. И. является особо опасным социальным элементом и что мерам воспитательного характера не поддается, постановил настоящее дело на заклю-*

ченного *Игнатъева Д. И. передать на рассмотрение тройки при У<правлении> НКВД по Одесской области*».

Из показаний заключенного, который в материалах следственного дела значился как "свидетель": «*Игнатъев, бывший священник, находится в одной камере со мной. Среди сокамерников Игнатъев ведет к<онтр>р<еволюционную> пропаганду. Несколько дней тому назад Игнатъев, собрав вокруг себя группу заключенных, стал доказывать, что по данным библии должен был народиться диавол. Составляя из спичек слово "Ленин", он доказывает окружающим, что библия предсказывала рождение диавола в лице Ленина. Вокруг Игнатъева группируются многие заключенные нашей камеры, на которых он имеет большое влияние. Заключенные, находящиеся под его влиянием, одурманены им настолько, что крестят даже воду перед тем, как пить ее. 21.12 в камере повели разговор о возможной амнистии со стороны Верховного Совета. Игнатъев при этом вставил реплику: "Ждите скорее расстрела, а не амнистии". 2 января 1938 года священник Димитрий Игнатъев был расстрелян»<sup>365</sup>.*

Понятно, что отцу Никите Игнатъеву об этом никто сообщить не мог, но о том, что брат в тюрьме, он как-то узнал. В это же самое время, в конце 1937 года, он сам едва не попал в тюрьму, когда в Санчурском и Кикнурском районах, где он после возвращения из Молдавии совершал нелегальные богослужения, начались повальные аресты. По словам матушки Екатерины: «*Скрываться стало труднее, и потому в начале 1938 года Игнатъев уехал в Ногинск к Черствову и там у Черствова на родине остался. Черствов устроил его к своему дальнему родственнику в дер<евне> Каменка*

<sup>365</sup> [http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind\\_oem.html/ans](http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans).

*(4 км от Ногинска), к Лешухину Федору Ильичу. В указанной деревне под Москвой Игнатьев жил до января 1942 года, причем за время проживания там раза три приезжал ненадолго в Кикнурский район для того, чтобы не терять связи со своими единомышленниками. В начале 1942 года Игнатьев совсем приехал в Кикнурский район в связи с тем, что ему как скрывающемуся не дали продовольствия, а достать было негде».*

«В 1942-м его духовник отец Серафим ему сказал: "Отец, поезжай в Вятку". Отец Никита говорит: "А как же я поеду? Сейчас идет война, без документов не проедешь". Отец Серафим показал вверх: "Вот наши документы". — "Ну, благословите меня тогда". Когда ехал, по вагону шли, проверяли документы. Тогда свету не было, проверяющий фонариком светил. Все подавали документы. И с верхних полок тоже. А он сидит, у него какие документы? Прижал икону Матери Божие (он всегда ее с собой возил на груди, благословение матери). Тот проверяющий фонариком посветил, посмотрел на него... Тут подошел второй: "Что не проверяешь?" — "Все проверено, пошли", — вдруг сказал первый и проверять документы не стал. Вот так и проехал, по батюшкиному благословию»<sup>366</sup>.

И вновь отец Никита тайно служил в вятских краях, скрываясь и постоянно переходя из одного села в другое. В Кикнурском районе у него была большая паства, и многие укрывали батюшку, сами подвергаясь опасности быть арестованными.

«На хозяев ложилась особая ответственность, и во время тайных богослужений, происходивших, разумеется, по но-

---

<sup>366</sup> Из беседы с Маргаритой Васильевной Тюлькановой, декабрь 2008 года.

чам, они не столько молились, сколько стерегли. И бывало так, что, по их словам, прощались с жизнью... Бывали ложные тревоги, напрасные страхи, но, увы, дело обстояло так далеко не всегда. Тайну приходилось соблюдать так строго, что если, к примеру, к батюшке приходили двое, то было заведено, чтоб разговоров между собой об этом не было.

Обстановка была такая беспокойная, что прихожане отца Никиты решили отвести его в другой район, за 50 километров, где им казалось, будет для батюшки безопаснее. Но это только теперь легко сказать — пройти 50 километров, а тогда очень трудно было сделать даже простое, такое и всем, казалось бы, доступное дело. Пешая ходьба превращалась в сложную задачу, когда каждый мужчина был на счету и на виду, а тем более для такой приметной фигуры, какой являлся отец Никита. Вот и приходилось ему превращаться на время перехода в согбенного старца. Как сам он рассказывал: "Наберу ношу лаптей, — а борода у меня большая была, — пригнусь — как будто старик с лаптями идет на базар"... Так и переходили с места на место, и батюшка потом рассказывал, как волновался он перед каждым таким переходом»<sup>367</sup>.

В это же время в соседних районах еще служили другие тайные священники. Власти, зная о них и их "подрывной" деятельности, старались выследить и выявить тайники, которые устраивались верующими, по версии чекистов, «для укрытия священников-нелегалов и проведения антисоветских сборищ». Как отмечалось в материалах "Обвинительного заключения" по делу 1945 года: «Такие тайники имелись в домах обвиняемых: КОЗЛОВОЙ Елизаветы, МУХИНОЙ Евдокии, КОЗЛОВОЙ Екатерины, СМИРНОВОЙ Евдокии, ЗАРНИЦЫНОЙ Александры, ГЛАДЫШЕВА Михаи-

<sup>367</sup> Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С 37.

ла и других, где скрывались находившиеся на нелегальном положении ИГНАТЬЕВ, ГОЛОВАНОВА, КОСОЛАПОВА. В этих же тайниках проводились нелегальные собрания, на которых высказывалась злостная клевета на Советскую власть, пораженческие настроения и объяснялось, что в России будет восстановлена монархия».

Особенно беспокоила безбожные власти антиколхозная деятельность церковников:

«Участники организации считали, что "чем скорее развалятся колхозы, тем скорее можно избавиться от Советской власти". Поэтому все участники подполья удерживали единоличников от вступления в колхозы. Наряду с этим менее устойчивые колхозники склонялись к выходу из колхозов, в связи с чем в ряде селений имели место случаи выходов из колхозов. Вместе с этим широко проводилась агитация, направленная на ослабление трудовой дисциплины в колхозах и на саботаж в выполнении государственных обязательств.

Отдельные участники организации — единоличники брали незаконно у колхозников землю в аренду и даже скупали колхозную землю, не платили за нее никаких налогов государству, обеспечивали себя в большом количестве хлебом и использовали это в своей агитации против колхозов.

Участница антисоветской организации КНЯЗЕВА по поручению связной ИГНАТЬЕВА Никиты — ЦАРЕГОРОДЦЕВОЙ изготовляла заявления на выход из колхозов, которые раздавались колхозникам.

Значительное влияние на выход из колхозов оказала распространявшаяся по указанию ИГНАТЬЕВА рукопись под названием "Видение Иоанна Кронштадтского". В этой рукописи объявляется грехом для верующих состоять в колхозах и выполнять обязательства перед Советской властью».



В 1943 году матушка Екатерина Голованова была арестована, но за недоказанностью вины ее выпустили. Когда она рассказала о своем пребывании в тюрьме отцу Никите (в это время он жил в семье Александры Романовны Порохиной в селе Бибинском), *«он выразился так, что если бы знал, что ты сидишь лично из-за меня, то я бы явился сам, лишь бы из-за меня не мучился человек»*. В июне 1944 года матушка Екатерина вновь была задержана в Салобелякском районе, но сбежала и перешла на нелегальное положение. По воспоминаниям ее близких, ее задержали в доме одной знакомой два милиционера, разыскивающие отца Никиту.

«Но час был поздний, и притомившиеся стражи хотели спать. Один задремал за столом, другой — на пороге, видно, караулил дверь, чтоб матушка не сбежала. Матушка пождала-пождала, отворила окошко, да и была такова. Была она в бегах, как говорят, с полгода, потом все-таки ее опять арестовали. "Ну-ка, рассказывай, как сбежала".

"Да, как? Они спят, а я подумала, что просто так сидеть? Отворила окошко да и ушла".

"Правильно сделала, — был ей на это ответ, — поймал — не спи"»<sup>368</sup>.

24 мая 1945 года матушка из деревни Муреево Корляковского района направилась на станцию Шахунья и там была арестована. На этот раз материала против нее было собрано достаточно для обвинения в тяжких преступлениях против Советского государства<sup>369</sup>. Она и бывший игумен Мироносицкой пустыни Сергей Мытников, тайно служивший в Йошкар-Оле, обвинялись в том, что:

<sup>368</sup> Суздальские епархиальные ведомости. 1998. № 4. С. 38.

<sup>369</sup> Обвинение ей было предъявлено по статьям 58–10 ч. 2 и 58–11 УК РСФСР.

- «а) приняли активное участие в создании антисоветского подполья и являлись активными руководителями антисоветской организации на территории Кировской области и Марийской АССР;*
- б) в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны создали несколько нелегальных церквей и вокруг них антисоветские группы, возглавив их. МЫТИКОВ тайную церковь имел в своем собственном доме;*
- в) поручали участникам групп и сами проводили вербовочную работу, использовали религиозные чувства верующих, привлекая их к антисоветской деятельности;*
- г) вражескую деятельность участников антисоветской организации направляли: на развал колхозов, срыв мероприятий Советской власти в деревне, уклонение от мобилизации и работ;*
- д) проводили агитацию за свержение Советской власти и восстановление в России монархического строя, призывали верующих всемерно содействовать этому».*

Кроме матушки Екатерины и игумена Сергия к делу было привлечено еще 34 человека — все из паствы отца Никиты. Его имя неоднократно повторялось в материалах дела и в предъявленных обвинениях. Так, к примеру, обвинялись:

- «6. КОСОЛАПОВА Евдокия Федоровна,*
- 7. СЕЛИВАНОВА Александра Федоровна,*
- 8. ВЕРШИНИНА Матрена Афанасьевна,*
- 9. ПОРОХИНА Александра Романовна в том, что:*

- а) являлись активными участниками антисоветской организации, действовавшей на территории Кировской области и Марийской АССР;*

- б) выполняя указания руководителей этой организации, занимались вербовочной деятельностью и привлечением к антисоветской деятельности новых лиц;
- в) изыскивали тайники, в которые направляли ИГНАТЬЕВА, ГОЛОВАНОВУ и скрывались сами;
- г) участвовали в организации нелегальных антисоветских сборищ, на которых обсуждались вопросы борьбы с Советской властью;
- д) выполняли поручения ГОЛОВАНОВОЙ и ИГНАТЬЕВА по связям с участниками антисоветского подполья, с этой целью выезжали в другие города и вели зашифрованную переписку;

- 10. СОКОЛОВА Анна Степановна,
- 11. СМИРНОВА Евдокия Ивановна,
- 12. МЯГЧИЛОВА Анна Ивановна,
- 13. ЗАРНИЦЫНА Александра Васильевна,
- 14. КОЗЛОВА Елизавета Алексеевна,
- 15. КОЗЛОВА Екатерина Степановна,
- 16. МУХИНА Евдокия Даниловна,
- 17. НЕМИХИН Василий Кузьмич,
- 18. ГЛАДЫШЕВ Михаил Терентьевич,
- 19. ГЛАДЫШЕВА Таисия Михайловна,
- 20. ОХОТНИКОВА Лариса Петровна,
- 21. ВОРОНЦОВА Матрена Федоровна,
- 22. ВОРОНЦОВА Агафья Евсеевна,
- 23. ВОХМИНЦЕВА Валентина Ивановна,
- 24. РЫЖАКОВА Пелагея Егоровна,
- 25. ОЖИГАНОВА Мария Веденеевна в том, что:

- а) являлись активными участниками антисоветской организации;
- б) укрывали руководителей этой организации ИГНАТЬЕВА и ГОЛОВАНОВУ в своих кварти-

*рах, сопровождали их от одного к другому, участвовали в антисоветских сборищах, проводившихся в их домах под видом тайных молений;*

- в) выполняя указания ГОЛОВАНОВОЙ и ИГНАТЬЕВА, среди населения проводили антисоветскую агитацию клеветнического и пораженческого характера, распространяли провокационные вымыслы;*

*31. ШЕВЕЛЕВА Евгения Федоровна,*

*32. КНЯЗЕВА Афанасия Петровна,*

*33. ЗАРНИЦЫНА Евгения Петровна,*

*34. КАЛЯГИНА Таисия Александровна,*

*35. РАЗГУЛИНА Анна Васильевна,*

*36. КОЖИНОВА Анна Егоровна в том, что:*

- а) являлись участниками антисоветской организации;*
- б) поддерживали связь с руководителями организации ИГНАТЬЕВЫМ и ГОЛОВАНОВОЙ, скрывали их, присутствовали на антисоветских сборищах;*
- в) проводили антисоветскую агитацию клеветнического характера, вместе с этим призывали население к выходу из колхозов...»*

У всех арестованных допытывались, где находится Никита Игнатьев.

«Тормошили матушку: "Давай сказывай, где он есть!" Она: "Может, он у вас в руках. Как я могу сказать, где он? Ничего не знаю".

Ее же били, нагайкой хлестали. На спине остались от нагайки черные пятнышки. Как-то, когда она уже старенькая была, в бане увидела ее помощница и спросила:

— Что это у вас, матушка?

— Да, пауки искушали... — ответила. Пятна так и остались до смерти.

Много люди пережили. Она говорила: "Что я пережила, никому не желаю". Конечно, били их сильно, сильно били. Все выколачивали батюшку... Но никто не выдал...

А судили в Вятке, в Кирове. Она говорила, что на суде было 32 человека. Так вот, была такая Анна Соколова, вроде как мушиным мешком похлопана. Но на суде говорила чище всех. Судья думал, что она как бы глупенькая, и посмеяться над ней хотел:

— Анна, что с тобой будем делать?

А она ему:

— Поймал — суди!

Он рассмеялся:

— Как?

— А вот так! Поймал — суди, а отпустишь, я квашонку хлеба дома испеку и побегу к батюшке.

— Анна, мы все шины у машины избили, ищем батюшку, а ты пойдешь батюшку найдешь?

А она ему:

— Ты что думаешь, хорошие дела делаешь?

— Анна, тебе, поди, царя надо?

— Да, неплохо, если б царь был. И ты при царе барином был бы.

— А я и сейчас барин.

— Какой ты барин?! Собрал старух деревенских в лаптях и судишь! Какой ты барин?!

А ему и неудобно стало. Вот тебе и дурочка!

Дали последнее слово, говори, что там... Она: "Дайте мне пулю". Он: "Анна, на тебя пули-то жаль". Ее тоже посадили, 9 лет дали, а матушке — 12. Но они все не досидели, пришли домой, когда Маленкова-то поставили... освободил всех»<sup>370</sup>.

<sup>370</sup> Из рассказа Маргариты Тюлькановой, ноябрь 2007 года.

Согласно материалам дела, Екатерина Голованова была осуждена на 10 лет лагерей, Анна Соколова на 8. Все остальные обвиняемые также получили лагерные сроки от 7 до 10 лет. Игумен Сергей скончался в Кировской тюрьме.

По выходе из лагеря матушка вернулась в вятские края. Отец Никита продолжал там служить, по-прежнему скрываясь. Что это значило, до конца понять и почувствовать, наверное, невозможно, особенно не пережившим подобные гонения... Ему приходилось жить в разных местах, переходить из дома в дом, из деревни в деревню, порой прятаться по сараям, нежилым домам. Служить в тесных комнатках, подполье, чуланах. И это не год и не два, и даже не десять!.. Уже миновали и двадцать предсказанных епископом Нектарием лет пребывания в вятских краях, а скитания и страдания отца Никиты продолжались, и конца им не виделось... Уже стали возвращаться по амнистии осужденные по 58-й статье, а отец Никита все также оставался на нелегальном положении под постоянной угрозой обнаружения и ареста.

Несмотря на внешнюю либерализацию советского режима, антихристианская сущность которого не менялась, гонения продолжались, и в 1960-е и 1970-е годы отец Никита должен был прятаться, как и в 1930-е и 1940-е, с той лишь разницей, что теперь он был уже вдвое старше и годы лишений и волнений давали себя знать. Лишь последние семь лет его исповеднической жизни ему довелось провести на одном месте, в спокойной обстановке, среди близких ему по духу людей — в доме супругов Иакова Михайловича Кодолова и Маргариты Васильевны Тюлькановой<sup>371</sup>. Но и здесь все равно приходилось таиться. Как вспоминала Маргарита Васильевна:

---

<sup>371</sup> В браке оставалась со своей девичьей фамилией.

«Батюшка много потерпел, ой, много... Во святые его можно ввести, можно... Ведь кто идет, ему надо прятаться. Как-то однажды я ушла по хлеб, и приходит человек в галифе, в хромовых сапогах. А раньше так милиция и ходила ведь — брюки галифе и хромовые сапоги. Я пришла, и батюшка мне говорит: "Маргарита, был вот милиционер". — "Ой, — говорю, — что это?" — "Да, был милиционер, наверное, еще придет. Замок увидел и ушел обратно".

Ой, думаю, что делать? Мы с ним вдвоем, Иакова дома не было, на работы ушел. Решила, давай пойду к Тарасовым, может, хоть на ночку увести его туда. У нас была прятка, но батюшка, может, не успеет в прятку-то спрятаться... У нас во дворе была прятка. Сейчас ее нет, разобрали: не под землей... А так сделана... Вот и увела я его вечером. А на другой день этот мужчина опять идет. Я была дома. Постучался, я вышла.

— Иаков Михайлович здесь живет?

— Да, говорю, здесь, а вы его знаете?

— Знаю. Сосед я, вместе выросли мы с ним.

Я вспомнила, что это Веры Андреевны муж, пьяница.

Ответила:

— Иакова нет дома, он на работе. Раньше выходного не будет.

Он ушел. Я побежала к батюшке, чтобы он не переживал:

— Батюшко! Это не милиционер!

— Неужели, неужели? Вы за мной придите.

— Придем, вот Иаков с работы вернется, и придем.

Это было, наверное, в четверг. У нас-то конурочка, избушечка небольшая. А там два дома, две избы. И живут двое, две сестры. И у них неохота ему быть. Они хоть и верующие были, но какие-то не больно спокойные.

Иаков пришел в субботу с работы. Я говорю: Иаков, вот что у нас сделалось, сегодня пойдем за батюшкой. Пошли. И вот батюшка сказал: "Я как только услышал ваш голос, так души не чаял, скорее сам собрался". Вперед нас вышел на

улицу, во двор. А мы с Таисией стоим и разговариваем. А бабушка только на нас глядит и думает: "Да хоть бы не согласились, хоть бы не оставили!" К нам пришел, я его спрашиваю: "Бабушка, да что вам там не нравилось? Такой дом, такие сестры хорошие". — "Да ну их, крикуши какие-то!" — и смеется. Они больно шумливые были. А у нас в избушке тихо. Иаков спокойный мужик был...»

Рассказывала это Маргарита Васильевна во время нашей встречи в декабре 2008 года в ее доме, той самой "избушке", где жил и окончил свои дни отец Никита. Все это скромно, как-то застенчиво, словно стесняясь, что удостоилась такой радости — принять бабушку. К тому времени она здесь осталась одна — уже 35-й год, как схоронили бабушку, за ним ушли и родные: мама, Иаков, сестры, братья...

Маргарите Васильевне исполнилось уже 80 лет, но она по-прежнему в поте лица трудилась: обрабатывала свой огорожок, летом ходила в лес по грибы и ягоды, зимой вязала шали, шапки, варежки, носки — тем и зарабатывала на хлеб. Пенсии у нее нет, и она ее не хотела брать. На вопрос «почему?» смущенно отвечала: «Да так, неохота... Пока сама себя кормлю». Скромно улыбалась: «Так вот и не беру...» Заботливые племянники не оставляли и приглашали к ним жить, но она не хотела никого обременять, да и оставлять намоленного места своего не хотела: «Неохота из своего дома, из своей избушки куда-то на квартиру уходить... Прошу Бога, чтобы до смерти дожить в своей избушке; чтобы Господь не отнял разум, ноженьки, рученьки, глазоньки; чтобы до смерти в своей избушке дожить... никуда не уходить, никого не беспокоить».

За полгода до этого, в июле 2008 года, мы уже беседовали с Маргаритой Васильевной. Приехав тогда в Шахунью с хорошими ее знакомыми, яранскими хри-



стианами, мы поначалу ее не застали. Дверь в домик была заперта. Самый обычный деревенский домик, ничем не выделяющийся на улице: типичная двускатная крыша, покрытая шифером, простые, но все-таки резные наличники с облупившейся краской. Низенький редкий заборчик, деревянная калиточка, конечно, не запиравшаяся.

Мы вошли, ходили по двору, полюбовались на аккуратные грядки в огороде, на поспевающую малину, горку только что выкопанного чеснока. По-видимому, Маргарита отлучилась ненадолго и неподалеку. Наша провожатая отправилась к соседям и вскоре показалась вместе с Маргаритой. Та спешила к нам и последние метры даже бежала. Оказалось, что к племяннику приехали родственники и они что-то праздновали. Маргарита была радостно-возбужденной, пригубила рюмочку в гостях, скованности и стеснения не было. Гостеприимная, приветливая, заботливая, кроткая, смиренная. Она была от души рада гостям и охотно отвечала на наши вопросы. Ее мягкий певучий вятский говор особенно ласково звучал, когда она вспоминала дорогого батюшку:

«Хороший был батюшко... Придешь к нему на исповедь, так он все из тебя... Все расскажешь, что и забыл, все расскажешь. Хороший был батюшка. Служил здесь... И вот прямо за печкой его койка стояла, иконы, окошечко маленькое было. Придет сюда, пообедаст, поиграют они с Иаковом на гитаре, попоют. Хорошо играл, пел. "Иаков, пой смелей!" А Иаков тихонько как-то пел. А у батюшки голос сильный, бас. Пели молитвы, стишки, песни они не пели, а только стишки духовные. Эх, вот бы записать... Да, тогда же такого не было, это теперь можно бы и записать. Ведь и службу можно было бы всю записать... Тогда-то ничего не было, бедно еще жили. А когда это появилось... Но уж без дела все появилось...

А отец Никита, ой, уж и пел хорошо! Громко пел на службе, вечером-то особо не боялись. А стихи вот такие читал:

Господь ведет тропой тернистой,  
Господь ведет — ступай,  
И лишь молитвой чистой  
Дорогу расчищай.  
Когда тебя постигнет горе  
И ты отрады не найдешь  
И обессиленный на землю  
С молитвой к Богу припадешь.  
И будешь спрашивать, зачем я,  
Так страдая, должен жить.  
Создавший нас про это знает,  
Почему так должно быть...

Прочитает, а сам заплачет... Он настрадался, конечно... Сколько натерпелся! Тернистый у него путь-то был. Все шел, как Господь дал, так все и шел...»

О том, что и ее жизненный путь, так же как и всех ее близких, тоже был нелегким и тернистым, Маргарита Васильевна не говорила. Она вообще о себе бы не говорила, если бы не наши вопросы. Но, отвечая на них, она рассказывала все без утайки или рисовки, ропота или негодования, все спокойно и благостно, с великой верой и благодарностью Богу за великие милости и благодатную помощь в трудные минуты.

Родившись в простых крестьянских семьях, Маргарита и ее супруг Иаков<sup>372</sup> с младенческих лет испытали все ужасы советской коллективизации, фактически геноцида российского крестьянства. Семью Иакова раскулачили, отца забрали в тюрьму, и никаких вестей о нем не было.

---

<sup>372</sup> Маргарита родилась в 1928 году, Иаков — в 1924 году.

«Иаков так и не знал, жив ли тятенька. Все вспоминал своего отца. Они с матерью остались, еще у него было 4 сестры. У них все отобрали, даже и чашки, и ложки, все утащили. Оставили безо всего, из дома всё вынесли, дом отобрали. Их самих вывели — хоть куда, хоть среди улицы сиди. Один сосед все-таки приютил, сказал: "Давайте к нам, живите". Тогда-то кулаков и не пускали... Они все равно в колхоз не пошли. И прожили. Все были портные, научились шить и этим кормились».

Семью Маргариты не "кулачили", они были совсем бедные, но мать в колхоз категорически отказалась вступать, и отец не выдержал:

«Не пошла мама в колхоз, сказала — сама не пойду и детей не отдам. Тятя жить и не стал. Он ушел, нас оставил пятерых. Еще пятая Мария и не родилась, еще в животе была. Никаких бабушек, никого не было. Мама одна нас растила. Всяко пришлось жить. Брат старший — 1924-го, второй — 1926-го, я — 1928-го, третий брат — 1931-го и сестра — 1935-го. В 1935 году отец и ушел. Мне 6 лет было... Ходили, собирали, потом няньками, потом пастушили коров, а как подросли, ушли в лес работать с братом. Лес пилили».

Школы рядом не было, да и учиться было некогда. Маргарита так и осталась неграмотной. Труд, тяжелый труд от зари до зари, порой только за кусок хлеба.

«Мы жали в деревне в колхозе по найму ячмень, пшеницу. Пожнем, пожнем, да хлеб и не отдадут нам. Поработаем лето, и даром... 40 гектар мы выжали как-то за лето. Все лето жали, не разгибая спины, вручную серпом. Да мы еще ведь все дети были небольшие. И хоть бы нам фунтик дали! Пока жали, нам давали, когда 2 кг мучки, когда 3, когда 4. Мама пресняков напечет, мы и сыты. И вот жали-жали...

Когда кончили, серпы на плечи и домой пошли. Расчет весь... Ничего не дали. И спасибо не сказали; поди, хоть не пнули под зад, и ладно. И в скольких деревнях жали, и до войны, и в войну».

С юных лет Маргарита и ее близкие стали духовными чадами отца Никиты. Также и Иаков, но друг о друге они сначала не знали. И даже когда познакомились, о батюшке, как это было принято, ничего не говорили:

«И он, и я знали отца Никиту, только один другому не говорили. А потом как-то сошлись. Он говорит: "О! Я не знал, что ты ходишь". И я говорю: "И я не знала, что ты ходишь". Мы носили исповеди, пометки, и когда придешь, то и поговещешь. Батюшка исповедовал, причащал. Литургию служил под праздник. С Иаковым нас обручал, венчал. Венцы были из церкви настоящие».

В их дом отец Никита пришел в 1966 или 1967 году.

### **Из рассказов о священнике Никите Игнатьеве Маргариты Васильевны Тюлькановой<sup>373</sup>**

«Случилась тогда у нас беда. Жил батюшка в деревне Кузнецы в Кикнурском районе. И на Благовещение соседи заметили, что люди ходят. И придумали председатель да партком на другой день прийти и сделать обыск в том доме. Батюшка только успел плащ надеть да в подпол спуститься, как они пришли. Тетка Матрена встала там на западню, а один, который пришел, и говорит: "Ну-ка, бабушка, чего ты здесь?" — "Вроде пить захотела". — "А ну-ка сойди". И открыл западню. А батюшка стоит в подполье. Как он расска-

<sup>373</sup> По записям 2007–2008 годов.

зывал: "А я стою, у меня Матерь Божия Владимирская была, которой меня еще мать благословила" (он ее все время с собой носил). И вот тот открыл подполье, а солнышко светит тут в окошко в подполье-то. И бабушку всего видно. "Всё, попался!" Заочно своих чад благословил. Думал: "Попался, сейчас возьмут". А тот, кто открыл подполье, поглядел, но как не видел... Так посмотрел на него и закрыл...

После тетка Настя спрашивала его (кто смотрел в подполье):

— А вы, когда подполье открывали, так видели кого-нибудь?

— Видел!

— А чего думали?

— А я поглядел — старик, седой, я его сейчас выну из подполья, по деревне поведу, а потом я умру, так срать ходить на могилу все будут ко мне. Вся деревня...

Вот так и оставил.

Второй бежит:

— Ну, чего?

— В подполье никого нет. А вон попадья на печи сидит.

А у них Галя Яранская была, она на печь залезла:

— Я не попадья, я портниха.

— Вот слезай с печи, сейчас узнаем, кто ты, собирайся.

А сами ушли во вторую половину дома. Увидели там рижский бальзам, в таких глиняных бутылочках. Их они завлекли.

— А что это?

— А вы разве не знаете? Рижский бальзам.

— А его можно пить?

— Обязательно.

— А ну-ка давай!

Открыли бутылочку. Взяли рюмку. Налили, ей подали. Она выпила. После нее они уже стали пить. А про Галю-то и забыли. Саня ей: "Бежи!" Так поймают. Поймают, не поймают. "Бежи!" А им неинтересно, чтобы поймать. Она вышла, по

деревне идет потихоньку. Идет-идет, смотрит, никто за ней не пошел. В поле как вышла, да бегом, да бегом до Кикнура добежала, а там уж и автобус на Яранск пошел. Приехала в Яранск к Василию Павловичу, его теща там еще жива в Яранске, она — к ней. Рассказала, что вот такое дело, я убежала, а батюшка там остался, чего там будет, не знаю. Василий Павлович сразу на автобус и в Шахунью — к Виктору, Виктор — к нам. В два часа ночи пришел. Мы спали. Я услышала стук.

— Кто?

— Я, Виктор.

Я открыла двери, он заходит. Иаков лежит на койке:

— А ты чего это ночью-то бродишь? Спать-то нам не даешь?

А он:

— Вот, я как сейчас скажу, так и соскочишь, и побежишь, не уснешь!

— Чего-чего?

— А вот чего!

Ой! Какой тут сон. Сразу все на ноги. А ну как батюшку забрали?.. Нужно к тетке Кате съездить сказать (матушке Антонии). Она жила тогда не здесь, уезжала, скрылась из Шахуньи. Хотели Иакова послать. У него документов тогда не было. Я говорю:

— Я съезжу.

— А ты найдешь?

— О, да что я не найду-то! Язык до Киева доведет.

Давайте адрес.

Станция Космынино, куда-то туда надо было ехать. Я поехала. А как ехала, вот так держу коленки — ноги не прыгают, а как отпущу, они запрыгают... Потом задремала. И мне как будто кто-то сказал: "Маргарита, не тужи, Господь батюшку сохранил". Мне сразу стало повеселей, ноги перестали плясать.

Приехала к ним утром рано, они все еще спали. Нашла дом, Саня выходит: "Тише, тише". Я им: "Хватит спать, хватит

спать!" Матушка услышала, выбежала в одной рубашонке. "Ой, Маргарита, говори, что случилось?" Я сказала. Она обомлела. Но я ей: "Матушка, не расстраивайтесь, я вот ехала, мне по дороге кто-то сказал..."

Поехали мы домой. Народу у нас полная изба набилась. А Виктор за это время ходил и уже возвращается. Я вижу, он идет веселый, — наверное, Господь сохранил батюшку. Пришел и говорит: "Да, пока сохраненный, не знаю, что будет дальше". Батюшка ведь неделю мотался по чужим нежилым домам, ни пить, ни есть, ни спать...

Как матушка говорила, так и случилось. Она же предупредила, что батюшку обязательно надо оттуда вывезти. Писала хозяевам: "Если не вывезем, его заберут оттоле. Он не проживет ни сколь" (дважды посылала Маргариту с письмами к ним и батюшке, он уже было собрался уехать, но они все упрямяствовали и не отпускали).

Матушка-то им говорила: "Вы пока чай с вареньем с батюшкой пиёте, вам хорошо. А если вам придется пострадать, как вот я страдала, так вы возьмете батюшку за руку и скажете: уйди от нас, нам легче будет без тебя". Точно так и получилось. Когда пугнули, они взяли за руку и вывели, а всю церковь подарили, все кресты, все... все его имущество. Он к нам пришел, у него с собою ничего не было, ничего. Ни креста, только подрясник старенький. Великим говеньем он к нам пришел, в Великий понедельник. Надо людей приобщать, а у него нечем. У нас была рюмочка на железной ножке. Мы ее прочистили, эту рюмочку. Она такая белая стала, как серебряная. Он из этой рюмочки нас причащал.

Вот непослушание к чему приводит. Раз матушка велела вывести его, надо было вовремя вывести, все бы было сохранено, а так все, всю церковь подарили советской власти. И самого батюшку отпустить не отпустили вовремя, а как пришло время, они его вывели: "Иди хоть куда, нам без тебя отчитываться легче".

Вот он то в сарае, то в нежилом доме сидел. А потом его пустили в один дом ночевать, так уж сто рублей за ночь взяли. Да и то ведь только девчонка пустила. Хозяева бы не пустили. По нежилым домам походил, а это после Благовещения, ведь еще холодно было. Потом его привели к тетке Насте. Она одна жила. Пустила, будь что будет — замерзает человек на улице. Побыл он у нее.

Виктор пришел, хотел его увести: "Давайте-ка, батюшка, я вас уведу". Прошли они два дома. И батюшка говорит: "Виктор, я не могу идти. Не смогаю". Он обратно его увел к тетке Насте. Это все там же в Кузнецях. А сам Виктор к нам в Шахунью пришел опять. Говорит: "Я вот что придумал: давай мы найдем работу там, устроимся плотничать и батюшку к себе на квартиру возьмем". А Иаков: "Когда это будет, и будет ли работа? А человек переживает. "Давайте соберемся и его оттуда выведем. Надо собраться побольше, и мы его на носилках вынесем".

Ну, вот так и собрались. Взяли одеяло. Мужики вырубili палки, зашили одеяло вот так кругом и пошли за ним. Пришли, Виктор заходит. Он спрашивает:

— Кто пришел?

— Я, Виктор, за тобой, батюшка.

— Витенька, милый, я не смогаю. Как это я пойду? Я не смогаю.

— Батюшка, я в Шахунью съездил, нас много пришло, мы тебя прямо унесем на носилках.

Тут у него как какая бодрость поднялась, какая сила взялась.

— Ой, Витя, скорее, скорее пойдем.

Они с теткой Настей его обувают, собирают. Скорее-скорее. Сапоги надели. Плащ у него. Скуфейка на голове (шапку не носил, скуфейка). Только вышли на крыльцо, Василий подбегает, его под другую руку берет. Он: "Ой, это кто? Ой, это мои чада!"



Идут, река бурлит, мы стоим у реки по ту сторону. Он видит — народ стоит. Подходит: "А это кто, а это кто? Ой, мои чада, мои чада!" Как он обрадовался!

"Мои чада пришли меня выручать. А я ведь вас всех заочно благословил, думал, что все, меня сейчас возьмут, я вас больше никого не увижу... А это что у вас?" — "Дак носилки, мы, батюшка, вас хотим нести". — "Убирайте, убирайте, я, может быть, дойду".

И вот мы шли. Река разлилась. Земля разжижена, идем, вязнем. Когда туда спешили, мужики начерпают сапоги, упадут, ноги кверху поднимут, выльют и бегут опять. Вот какая погода была. А батюшку уже вели осторожно. Один идет с палкой, смотрит дорогу, чтобы в воду не залезть. Вода же все по дороге. Двое под руки батюшку ведут. Ведь ночью. Темно. Весной ночи темные.

Вывели мы его из деревни, километров пять прошли. Завели в баню. Батюшку на полок положили, где-то соломы нашли. Сели кто где, а мне надо быстрее домой. Матушка-то придет, а меня нет... Так мне километров двадцать пять бежать. В сухомятку хлеба поела и побежала. Только домой пришла, истопила печку, залезаю на койку. "Ну, — думаю, — хоть маленько отдохну". Уж которую ночь, наверное, три ночи не спали.

Только прилегла, тут матушка в окошко стучит. Выбежала ее встречать: "Матушка, не тужите, батюшка жив, уж пять километров вывели, сидят в бане, до ночи будут сидеть". А народу набежало, все ждали, что я хоть расскажу. Всем охота узнать...

На другую ночь они дошли до Кукушан, уже побольше прошли. Тут уж Кикнур рядом. А в Кикнуре знакомых нет. Василий Павлович пошел в Путиново, село недалеко от Кикнура, там Клавдия жила, пришел, а Клавдия куда-то делась, спряталась. Вот тебе! Надо помощь звать, а она убежала и спряталась. Василий Павлович пришел узнать, где хоть эта Клавдия. "А уехала в Йошкар-Олу на три месяца", — гово-

рят. Он прямо и заревел: "Мы, люди семейные, идем, батюшку храним, а она одинока убежала!" Пришел в Кикнур, ходит по Кикнуру. Вот бы сегодня надо в Кикнур идти ночью, а нет никого. В нежилой дом-то они зашли ночью и так и сидели. В Кикнур боятся идти, ведь кругом свет. И вся милиция кикнурская-то на дыбы встала, и даже из Вятки приехали, кировские-то, кировская милиция. Как разбойника какого ищут, а взять и не знают как.

И вот Господь послал такой ветер, дождь, и все провода оборвало, и света в Кикнуре не было. Вот что Господь сделал. И прошли они, когда темно было. А милиция в такую погоду тоже ничего не делала. Вот Господь церковь сохранил. Вот как в сказке...

В Кикнуре Саня Шамаковская встретилась. Она уже слышала, что беда стряслась, побежала узнать, там были христиане. А спросила — не пустили, испугались. Все ведь боялись. Пришла Саня и говорит: не пустили. Что делать? Никого больше нет. И тогда она пошла к председателю колхоза, а сын у него Сергей врачом работал в больнице. Делать нечего, она к ним. Клавдия Петровна одна дома была.

— Клавдия Петровна, вы не слыхали, у нас вот такое горе случилось?

— Слышала.

— А вы нам не поможете?

— А чем вам помочь и как?

— Пусти на квартиру, хоть на сарай, ночку-то.

— Пожалуйста.

Надо же такой дом, председатель колхоза, Леонид Сергеич, очень хороший, работающий. Колхоз вел хорошо. Верующие тоже были. Клавдия Петровна была верующая, но она сама никуда не ходила. Хорошая женщина была. А потом и вся семья пришла в христианство. И сам говел Леонид Сергеевич, и сын брачился. И все у батюшки были. Она потом им рассказала, когда все уже стихло. Они удивились: "Ты по-ди-ка, а ну, целую неделю!" Везде шумиха, батюшку ищут, а

и не подумают, что у председателя колхоза он сидит. В сарай они не ходили. А в Вербное воскресенье хотели делать уборку, к маю надо готовиться. Она не разрешила им: "Сегодня такой праздник, не разрешу уборку делать". Она боялась, что они услышат, что на сарае люди, и они, и те напугаются, если услышат. Послушались и не стали делать.

А Клавдия Петровна на работу проводит семью-то всю, так и к ним идет на сарай. Несет чайничек воды, там чё сварит, покормит их. Они маленько-то теплое поедят... Спали там же, в соломе. Сделали там, вроде как гнездо свили. Не оставляли батюшку. Так батюшка там целую неделю просидел. Не на чем было его везти. Это сейчас машин полно, а тогда же не было ни у кого. А пешком-то до Шахуньи-то не дойдешь.

Когда матушка уже в Яранске нашла какую-то старую машинешку и шофера, вот тогда они и привезли его. Машина-то, тарантайка, как телега, но все равно привезли батюшку. Из Кикнура в Шахунью привезли также ночью. Матушка постучала в окошко, я гляжу, матушка. Я открыла. Она: "Давай скорей, сейчас батюшку везут".

Вот он уже на крыльце. Как на крыльце взошел, переkreстился и говорит: "Слава Тебе, Господи. Я на свободу вышел. На крыльце, на крыльце"... В сени зашел: "Слава Тебе, Господи, я в сенях, я в сенях"... Больно уж он рад... Потом зашел: "Слава Тебе, Господи, я в избе, я в избе". Ноги ему вымыли, чайком попоили, на койку уложили. Он уж вздыхает: "Слава Тебе, Господи. Я уж на койке, на постели". Больно уж рад был. Потом дожили до утра. А народ не остановишь, всем охота повидаться, узнать, как все было. И уж он как станет рассказывать. А он красноречивый: "Голгофу прошел, Голгофу прошел..." Конечно, у него переживаний много было, мотался по квартирам этим, по сараям, по нежилым домам.

Ночами шли, все боялись. Бес, и тот бросился топиться. Мы идем, пока прошли к Середьянам, а тут перелесочек не-

большой. А от перелеска бежит кошка черная и прямо нам перебежала дорогу и бух в реку, как корова, только вода булькала. Выскочила на берег, а мы шли по берегу. Берег-то крутой, она выскочила сзади нас на берег и опять — раз — в реку. Мы и не подумали, кошка и кошка. Потом матушке рассказываем, вот чё случилось, когда шли дорогой. Она говорит: "Это не кошка была, это был бес. Он бы вам в человеческом виде показался, вы бы все испугались, а Господь не допустил. И он не стерпел, хоть кошкой, да показался вам". И вправду, зачем кошка будет в воду прыгать? А бесу тошно стало, а ну-ка, Церковь ведь пошла, Церковь пошла! Сохранил Господь Церкву, и чуть не утопился бес, так ему тошно было.

А батюшка потом говорил: "Если еще жизнь продлится, это все будет сказано в истории. Как верующие хранили своего отца духовного". Он дожидал, говорил: "Как советская власть кончится, я вот сюда выйду на гору и сослужу большой молебен". А я ему: "Ой, батюшка, как вы выйдете на гору, и как соседи увидят, придут, да народ сбежится. И как увидят, что из такой маленькой избенки такой большой человек вышел!" А он смеется, смеется: "Да, да!" Высокий был, тяжелый. Все удивятся, какого человека сохранили.

Говорил, что если советская власть кончится, вы мне не сразу говорите, а исподволь, а то я могу умереть от радости. Все дожидал, что, может, кончится советская власть. А вот не пришлось дождать, когда советская власть кончится, скорее батюшка кончился...

Он помер у нас в 1973 году, 25 марта в два часа дня. Я это хорошо помню. Перед кончиной люди нам предлагали его увести куда-нибудь, но мы отказались. Батюшка нас напутствовал: "Маргарита, может, и придется пострадать, но нужно потерпеть, будет награда". Он не смог все. Лежал, не мог головы поднять, я ему помогала подняться. Встанет, посидит, попьет чайку. Поднесу ему кружку чаю, он вот так ее поднесет к иконе и говорит: "Вот эта кружка чаю вменится тебе в

доброе дело". И так он говорил: "Кто меня вел, кто за мной приходил, чтобы на том свете не проходить мытарства. Вы здесь прошли мытарства". Но я-то мало шла...

Когда заболел сильно, матушка сказала: "Батюшка, пере-давайте паству кому-нибудь". Тогда же были еще батюшки: отец Гурий, отец Кирилл, отец Серафим. Кому передать паству? У нас отец Валентин здесь ближе. Отец Никита все еще думал оздоровит, а у него водянка была. Почки отказали. Болезнь его вся затягивает, затягивает. Видим, он уж ослаб. Был у нас Геннадий, Иакова сестры муж. Мы с ним батюшку под-няли, сам не смог встать. Сидит он вот так, сидит, голову тяжело ему держать. Спрашиваю: "Батюшко, кого привести, какого батюшку? Давайте уж возьмем, который ближе, отца Валентина". Он говорит: "Так что? И отца Валентина неплохо ж привести. Я уж не смогаю, я уж не могу больше"...

Я сразу побежала к Петро, он здесь жил: "Петро, пойд к мужикам сходи, привезли бы отца Валентина, пока батюшко жив. Он у нас слаб, сильно заболел и велел отца Валентина привезти. Надо покаяться и паству передать". Петро сразу побежал к Василию, Василий побежал к Виктору, Виктор к Павлу Воробьеву. У того был мотоцикл с люлькой. Павел не отказался: давайте поедем. Поехали за отцом Валентином.

Только к нему зашли, тот им: "А я только видел до этого во сне... Говорите скорей, что-то неладно у вас". — "А вот поедем скорей, батюшка болеет. Не знаем, застанем его живого или не застанем". Отец Валентин так расстроился и думал: "Ой, как хоть бы только живого застать". У них дорогой мотоцикл сломался, и пришлось ночевать в Яранске. Отец Валентин всю ночь не спал и думал, хоть бы на сколь-нибудь, на сколь-нибудь его живого застать. Но Господь все знает.

Приехали они к нам в десятом часу. Батюшка спал. Я сразу посадила их обедать. Тут у батюшки кровать там встрепенулась, я сразу побежала к нему, отец Валентин тоже вылез из-за стола, не стал обедать. Батюшку мы поднимаем, матушка еще здесь была. Поднимаем его, говорим: "Отец

Валентин приехал". Он: "Ой, да что вы, а ну-ка его сюда скорее!" Они повстречались. У нас диван здесь был. Они на него сели, он ему все рассказывает. Вроде ему как стало полегче, он и говорит: "Если я останусь жив, вы в помощники мне согласитесь быть?" Отец Валентин: "Соглашусь, буду с вами". — "Я вас везде буду посылать. Матушка, может, и вы поедете с ним?" Она: "Да, пожалуйста, везде съездим, куда пошлешь".

У него паства большая была. В городах, селах, везде. Тогда много верующих было, и в Москве много верующих было его паствы. Приезжали сюда. И вот он все рассказывает, а самого болезнь все затягивает, затягивает, и он все слабнет, слабнет... "Батюшка, вам бы отдохнуть немножко". — "Да, да, я вам буду передавать паству. Я вам передам паству свою и уж тогда лягу отдохнуть".

И вот он передал паству, нас благословил, мы подошли к нему, что-то читали тогда, акафист читали, молебен служили... На нас как благодать какая вроде упала. Но вот как все ревели, как ревели... И реветь-то неохота. А само ревется, потому что все ревели. Ревем, ревим... Потом уж положили его отдохнуть, и как он лег спать, и больше уж не проснулся, так и помер, а паству он передал.

Я перед ним стояла, видела, как он умирал. Как свечушка растаял. Вот так вот батюшка наш умер. Вот батюшка дорогой... Жаль было расставаться, уж я так ревела, так об нем ревела. Батюшку не целуют. Его отпоют и сразу лицо закрывают воздухом, лицо. А я подошла без всяких, попросилась и поцеловала. "Ой, дак нельзя целовать батюшку!" А отец Валентин: "Она как хозяйка, ей можно".

На отпевании матушка была. Пели громко, боялись, улышат на улице. Она: "Э-э, пойте, кто и услышит сегодня, оглохнет, пойте, не бойтесь". Матушка пела, Иаков и еще тут приходили. Пели полным голосом.

Вот он лежит, а Иаков ему только ризу сшил новую. Он освятил и послужил раз и еще может. И вот так в этой ризе

отошел. До того все говорил: "Мне умирать некогда, не готова еще риза". Мы с Иаковом в Кирове купили атласу голубого. Иаков шил. И вот, когда его в ризу одели, вечером лежит, как в золоте, как в золоте... Ой! Какой был батюшка! Какой был хороший! Хоронять было жаль.

А хороняли, страху было! Василий пришел и сказал: "Давайте будем схоронять скорее. Если мы не похороним, то все попадем. Но мы-то попадем — ладно. Мы-то что? Мы-то грешные. Нам-то надо. Но покойного-то повезут на поругание". Матушка рассказывала, когда у нее допытывали, где отец Никита, она спросила: "А если вы его найдете, что вы с ним будете делать?" Начальник милиции сказал: "Вот так по суставчику всего изрежем (показал жестами)! Вот что будем делать! Если и мертвого его найдем, не дадим его земле, в пушку — и выстрелим!"

А куда повезем хоронить? Такая была распутица. Весна ранняя, еще снег лежал, а как ступишь, он — до земли сразу проваливается. Как вода, был снег. Куда поедешь? На салазках не увезти. И ни машины, ни лошади, ничего нету. Как везти?

Стали могилу копать. Пол не то что поднимали, а вообще убирали, и здесь его спускали в подпол. Замок повесили. Народу полно, пол раздирают, доски тешут, колотят, стучают, а дом на замке. Сосед уж догадался, бес ему подсказал, дак милицию хотел вызывать. Был выпивший, кричал на всю Шахунью: "Что тут делается в этом доме?" Народ-то идет, они видят.

Уж тогда мы больно все перепугались, что всех заберут и батюшку покойного увезут на издевательства. Но Господь все сохранил, прикрыл. Я вот как переживала. Прямо без ума переживала. А отец Валентин говорил: "Не переживайте, у меня сердце спокойное. Господь сохранит". Ну, ладно, разобрали пол, похоронили батюшку. Успокоились. Матушка Антония была. Пообедали, легли спать... И я слышу...

Я не хвастаюсь, это я просто вам рассказываю. Я никому не рассказывала. Ну, вот легли спать, а меня всю трясет.

Сердце прямо вот так бьется. Мне батюшки-то жаль без ума. Да ведь и страшно. Живого-то уведут, а мертвого. И вот лежу и слышу над ухом — голос такой. Запеваёт тонкий чистый голос. Села, слышу перед ним, наверное, тысячи голосов поют:

— Иаков, слушай!

А он так вот сел:

— Ничего не слышу.

— Слушай, ведь поют.

— Кто поет?

— Не знаю, поют. Тысячи голосов...

— Ну, вот, а ты испугалась, да если бы и одного ангела Господь послал, сохранил бы, а если тысяча, то и бояться нечего!

Вот как батюшку встречали, тысячи голосов. И у меня прямо все от сердца отвалило.

Когда он в подполье лежал, я с ним как с живым разговаривала. Меня спрашивали, не боюсь ли я, что батюшка у нас лежит. "Нет, не боюсь, я как с живым разговаривала". Когда его перехороняли, больно его было жаль. И вот я во сне его вижу, и он говорит: "Маргарита, был я у вас, а сейчас я не у вас. А ваш домик тщательно сохраняю". И вот я живу, а батюшка как знал, что я останусь одна, и сказал: "Ваш домик тщательно сохранен". Я уж теперь надеюсь, что батюшка меня хранит. Покойный зря не скажет.

Десять месяцев он у нас лежал в нашем подполье. Надо было бы поближе перехоронить. Да на наше кладбище не пустили. Верующая была сторож, а не пустила на наше кладбище. Побоялась, что узнают, да посадят, да семью пошевелят. Что делать? Пришлось везти в Шангино за Тоншаево. Матушка там жила. Нашелся добрый человек, взял машину, работал он в пожарном, и ночью увезли, зимой, среди зимы.

Матушку тоже там похоронили, рядом с батюшкой. После батюшки умерла. Сколь она пожила? Года два-три она пожила... Хорошая была. Придешь, да так приголубит, как



родная. Она монахиня была. Питомкой монастыря была, с детства при монастыре. Под руководством архимандрита Серафима.

Я с ней познакомилась уже после того, как она из тюрьмы вышла. Батюшка посылал матушке деньги. Она из тюрьмы вышла, ей же жить надо было чем-то. Она уже пожилая была. Какого года, не знаю. Она его постарше была. Батюшка Серафим, его духовник, когда его сюда послал, то сказал: "Слушайся Катеньки. Она постарше тебя". Она учена была. Ее чего ни спроси, она все ответит, на любой вопрос ответит. Такая была. Матушка... С ней посоветоваться можно, к ней народ со всех сторон шли, ехали... И батюшка умер, все равно шли... Вот она умерла, так ее на руках несли, все время на руках на смену несли. Все хотели нести...

Эх, если бы я знала, что кто спросит, я бы ее все расспросила, она бы все рассказала. Но я и не думала, что они когда-то умрут, да и их не будет. Думала, всё будем так жить, все вместе так...

*(Маргарита запела духовный стих, пояснив перед этим: "Этот стих в тюрьме сочинили священники, сами про себя...")*

...

Спишь от вражеской руки,  
Спишь от вражеской руки.  
В тебе колокол церковный  
Громким гласом не звучит,  
Громким гласом не звучит.  
Не найдет он храм Господень,  
Спят святые алтари,  
Спят святые алтари.  
Мы как овцы здесь заблудшие,  
Нету пастырей у нас,  
Нету пастырей у нас.  
Наши пастыри духовны  
Разосланы кто куда,

Разосланы кто куда.  
Они в темницах заключены,  
Терпят скорбь и нищету,  
Терпят скорбь и нищету.  
Голод, холод переносят,  
Слезы горкия там льют,  
Слезы горкия там льют.  
Дай им, Господи, терпения  
Путь тернистый перейти,  
Путь тернистый перейти.  
Помоги, всевышний, Боже,  
Крест свой с радостью нести,  
Крест свой с радостью нести.  
Все обиды, униженья  
Претерпеть им до конца,  
Претерпеть им до конца.  
Умири ты вражью силу  
Благодатию в сердца,  
Благодатию в сердца.  
Под свое крыло святое  
Всех гонимых собери,  
Всех гонимых собери.  
Сотвори ты с ними милость,  
Дверь церковну отвори,  
Дверь церковну отвори.  
Мы колена преклоняем,  
Славу Богу воздадим,  
Славу Богу воздадим.  
Вот звучит церковно пенье.  
Вновь воскреснут алтари,  
Вновь воскреснут алтари.

Вот воскресли алтари... Матушка говорила, что воскреснет христианская вера под конец, как цветок в болоте на закате солнца. Вот на сколь ненадолго».



## Приложение I

### Церковные документы. 1927–1928<sup>374</sup>

#### I. Из сборника «Дело Митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж. 1929»

##### 1. "Всем верным чадам Христовой Церкви"

##### Воззвание по поводу послания Митрополита Сергия об изменении текста ектений (Осень 1927 года)

«Всем верным чадам Христовой Церкви.

Вопрос о декларации М<итрополита> Сергия и его Синода продолжает волновать умы верующих, а посему необходимо дать посильное объяснение этому печальному явлению.

Со времени издания декрета "об отделении Церкви от государства" Церковь поставлена в исключительное

---

<sup>374</sup> Орфография и пунктуация оригиналов сохранена, исправлены лишь ошибки — явные опечатки.

положение и из господствующей обратилась в гонимую. Хотя самый декрет "об отделении Церкви от государства" сравнивал только Церковь Православную со всеми другими религиями, не только инославными, но и иноверными. Декрет "об отделении Церкви от государства" по той свободе Церкви, которая в нем указана, равен Миланскому Эдикту 313 года. Разница только в том, что Миланский Эдикт прекратил гонения на Церковь и был зарей ее будущего господствующего положения в государстве, а декрет "об отделении...", наоборот, поставил Церковь в ее первобытное состояние "ко временам св. Апостолов" в положение гонимой.

Декрет "об отделении Церкви от государства" издан по чисто человеческим соображениям и предположениям. Правительство, издавая свой декрет, предполагало, что Церковь Православная, лишенная своих материальных богатств и государственной поддержки, сама собою разрушится и совершенно уничтожится, когда же этого не случилось, т<ак> к<ак> Христос Господь создал Церковь не материальную, подобно всем человеческим обществам и организациям, которые, лишенные материальных средств к существованию, немедленно погибали, но создал Церковь духовную, утвержденную на Петровом исповедании "Ты еси Христос, Сын Бога Живаго" (Мф. 16, 16), Которого и врата ада не одолеют (ст. 18), тогда правительство постаралось найти другие пути к ее уничтожению и вопреки своему декрету "об отделении Церкви от государства" вмешалось в дела и жизнь Церкви, предъявив церковным деятелям обвинение в контрреволюции. И на основании этого обвинения произошли в Церкви разделения, появилось обновленчество, лубенщина, самосвятство, ВЦС<sup>375</sup> и проч<ее>, т<ак> к<ак> нашлись

<sup>375</sup> ВЦС — Высший Церковный Совет.

недостойные архипастыри и пастыри, которые или позабыли идеалы Церкви, или, будучи атеистами в рясе, согласились вступить в ряды врагов Христовых и произвели вышесказанные расколы и разделения.

В первые века гонений на Церковь христиане подавали апологии, в которых объясняли императорам, что они (христиане) вовсе не такие, какими христиан изображали их враги, иудеи и язычники. Тогда апологии имели смысл, т<ак> к<ак> Римское правительство не понимало сущности христианства и часто смешивало христиан с иудеями, всегда склонными к возмущениям. В настоящее время этого сказать нельзя, нельзя упрекнуть правительство в незнании идеологии христианства, потому что правительство состоит в большинстве из христиан-отступников, которым с детства известно, что в христианстве нет ничего преступного и оно чуждо земных расчетов и не вмешивается в гражданскую жизнь своих членов, следуя в этом примеру самого Господа, Который на просьбу братьев разделить им имение ответил: "Кто поставил Меня судить или делить вас" (Лук. 12, 14). Если же христианские императоры поддерживали Христианскую Церковь, то они как члены Христовой Церкви обязаны были это делать на основании того правила: "что каждый гражданин, не исключая и самого императора, обязан защищать свое отечество; так и всякий христианин обязан защищать свою веру". Исходя из этого взгляда, мы видим: что языческие Римские императоры покровительствовали язычеству, магометанская власть покровительствовала исламу, православные же государи естественно покровительствовали Православной Церкви, сдерживая своей властью врагов Церкви, но, однако, в то же время предоставляя им возможность свободно существовать и действовать. — И Господь Бог ограничивает духов злобы, которым если бы было попущено, говорит препо-

добный Макарий Египетский, то они мгновенно стерли бы с лица земли не только христиан, но и язычников (26 беседа, стр. 193).

Пример такого ограничения действий диавола мы видим на Иове, у которого Господь для испытания чистоты и твердости его веры попустил диаволу отнять не только детей и имущество, но и самого поразить лютой проказой, однако ограничив его действие одним телесным составом праведника: "вот он в руке твоей, только душу его сбереги" (Иов 2, 6).

Декрет "об отделении Церкви от государства" хотя и бессознательно, однако выражает то истинное положение вещей, какое наблюдается в мироздании, в мире духовном и в мире физическом. Небесные чины Ангельские, человек и духи злобы созданы со свободной волей. И человек служит объектом влияния, как Ангелов, так и демонов, которые только внушают человеку свои мысли, но не насилуют его волю, и от самого человека зависит, послушать совета Ангела или совета демона. Таково положение вещей в мире физическом. Например, церковный колокол зовет христианина в Храм Божий на молитву; театр же посредством плакатов и афиш зовет его же на веселое представление. Ни церковный колокол, ни театр при этом не насилуют человеческой свободы, и здесь опять от самого человека зависит, послушать призыва того или другого. Вот истинное выражение должно бы быть целью декрета "об отделении Церкви от государства". И у Церкви нет оснований его не принять.

И если бы советское правительство, состоящее из людей совершенно неверующих, стояло строго на платформе своего декрета "об отделении Церкви от государства", не вмешиваясь в жизнь Церкви, как и Церковь не вмешивается в жизнь государства, то у Церкви и коммунизма не было бы причин к столкновению, но

была бы только идейная борьба и влияние на человека, подобно влиянию на душу человека Ангелов и демонов. Не было бы и обвинений духовенства и верных Богу христиан в контрреволюции, которой на самом деле нет, что и доказывают негласные приговоры над духовенством, тогда как для контрреволюционеров существует гласный суд. Но так как коммунизм не в силах идейно бороться с христианством, то советское правительство, которое, по выражению тов<аруща> Бухарина, не отделимо от коммунизма (см<отри> «Известия» от 18 августа 1927 г<ода> № 187/3121), употребляет физическую силу, заключая ревностных архипастырей, пастырей и добрых христиан в тюрьмы и посылая в далекие ссылки, возводя на них ложное обвинение в контрреволюции, которая чужда истинным последователям Христа. Христиане никогда не подымали оружия против своих притеснителей, ибо сказавший: "вложи меч твой в ножны" (Иоан. 18, 11) не заповедал им этого, но сказал: "в терпении вашем стяжите души ваши" (Лк. 21, 19). На этом основании не подымали оружия древние против своих гонителей, хотя и владели оружием, так Римский легион, состоящий из христиан, позволил себя уничтожить Максимиனு, не подняв в защиту себя меча, и св. Мученик Андрей Стратилат (пам<ять> 19 августа) со своими войнами (2593 ч<еловека>) спокойно преклонили свои главы на усечение. И действительно, христиане не внешнею физическою силою, но своими терпением и верою победили царства (Евр. 2, 33). "Сия есть победа, победившая мира, вера наша" (Иоан. 5, 4). Так что победа христианства над язычеством выразилась не в превосходстве сил физических, но сил нравственных. Эти-то нравственные силы нужны христианам и в настоящее время для идейной борьбы с новым врагом — коммунизмом, идеал которого есть атеизм и богоборчество; также нужны терпение

и вера святых (Апок. 13, 10). И для этого высшая церковная власть и каждый христианин в частности должны определенно выяснить свое отношение к власти гражданской, не поступаясь при этом ни одной йотой из учения, канонов и догматов Церкви. При этом нужно заметить, что Церковь, как сила нравственная, лучше государства, как душа лучше тела. Церковь, как и душа человеческая, имеет вечное нетленное существование. Тело же человеческое, как и государства, как предметы земные и физические, имеют временное существование; тело по смерти разлагается на свои составные части, а государства уничтожатся при кончине мира, когда Господь упразднит всякое начальство, всякую власть и силу (Кор. 15, 24). И на этом основании Церковь исполняет все требования государства, которые имеют временное земное значение, как и душа не противится своей волей требованиям тела, как, например, — утолению голода и жажды, покрытию тела одеждой во исполнение слов св. Писания: "никто же бо свою плоть когда возненавидит, но питает и греет ю" (Ефес. 5, 29).

Но те требования государства, которые противны заповедям Божиим, догматам и канонам Церкви, христиане не должны исполнять, — "ибо должно повиноваться более Богу, нежели человекам" (Деян. 5, 29), а посему повторяем, власть церковная и каждый христианин в частности должны определенно и твердо встать на чисто церковную точку зрения, но не искать компромиссных путей, чтобы добиться легализации. Всякие компромиссы служат знаком не силы, но слабости, и им Церковь ничего не достигает, т<sub>а</sub>к к<sub>а</sub>к коммунизм всякую уступку со стороны Церкви признает как свою победу над слабым противником и только усилит свои требования, которые Церковь никогда не может исполнить по их внутреннему противоречию са-



мому духу и идеалам Церкви. А посему Церковь может существовать и без регистрации, т<ак> к<ак> Христос Господь, посылая своих святых учеников и Апостолов на всемирную проповедь, ничего не упомянул о регистрации, не сказал о том, что они прежде должны зарегистрироваться у Иудейского Синедриона или у Римской языческой власти. Конечно, регистрация хороша тогда, когда она дает свободное существование Церкви, свободу богослужения, проповеди, церковного управления и проч<его>, но без всяких компромиссов со стороны Церкви. Если же требуются для регистрации Церкви компромиссы, то лучше жить без регистрации, как жила Церковь первые три века христианства, когда терпела гонение, но, однако, нравственно укреплялась и умножалась в числе.

В первые три века христианства Римские языческие императоры для начала гонения на Церковь издавали особые эдикты; эдиктами же и прекращались гонения, вовсе не требуя от христиан никаких компромиссных уступок для прекращения гонения. Так оно должно быть и теперь, так оно будет впоследствии, когда гражданская власть убедится, что Церковь православная непобедима.

Прежде во времена гонений требовалось от каждого христианина отказаться от своей веры и поклониться идолам. В настоящее же время требуется от всей Церкви в лице ее архипастырей и пастырей оправдать идеологию коммунизма и сочувствовать ему. Этого же Церковь сделать не может, т<ак> к<ак> вера в Единого Истинного Бога и атеизм взаимно исключают друг друга, и никаких компромиссов между ними быть не может. И за это несогласие Церкви на требования коммунизма церковных деятелей обвиняют в контрреволюции. Церковь это обвинение отрицает. И вопрос остается открытым и нерешенным. Для решения этого вопроса обратимся к словарю иностранных слов, вошедших в рус-

ский язык, и посмотрим, как в словаре объяснено слово «революция», и увидим: что слово «революция» — есть всякое насильственное действие, другими словами — революция есть насилие. А всякое насилие Церковь отвергает. Она терпит насилие, но насилию не сочувствует и его не канонизирует. Так Церковь терпела насилие, т<sup>о</sup> е<sup>сть</sup> гонение от Римских императоров языческих; терпела насилие от Греко-римских императоров еретических, и плод этого насилия были еретические соборы, вроде Копронимова собора 754 г<sup>ода</sup>. Далее. Церковь терпела насилие от греческих императоров политических, которые, чтобы добиться военной помощи против турок от западных христиан, решили подчинить восточную православную Церковь главенству Римских пап, и плод этого насилия были две унии — Лионская 1274 г<sup>ода</sup> и Флорентийская 1439 г<sup>ода</sup>; обе отвергнутые верующим народом, который решил лучше терпеть мусульманское иго, чем изменить чистоте своего православия. Далее. Русская Православная Церковь много раз терпела насилие за синодальный период, как, например, во времена Бирона, и самое учреждение св. Синода есть насилие над Церковью, вовсе ей не родственное; недаром на учреждение в России св. Синода прислали благословение только два патриарха: Константинопольский Иеремия и Антиохийский Афанасий, прочие же патриархи впоследствии признали св. Синод только как совершившийся факт. И как только Русская Православная Церковь получила свободу самой определять свою судьбу, тотчас избрала взамен св. Синода св. Патриарха Тихона, которого вся восточная православная Церковь поспешила с радостью признать после двухсотлетнего обер-прокурорского плена, возглавившего Русскую Православную Церковь.

Церковь идет на восток, имея конечный пункт небо, а мир идет на запад, имея конечный пункт дно адаво.

И на этом встречном пути они часто между собою сталкиваются, и Церковь всегда бывает гонима, когда власть гражданская отступает от Бога, и этого гонения избежать невозможно, т<ак> к<ак> всякий человек, как состоящий из души и тела, естественно свои душевные настроения выражает в своих физических действиях, и это такой закон, который ни обойти, ни объехать невозможно. Приведем пример: если человек чувствует душевную радость, то она необходимо выражается на его лице, по слову св. Писания: "сердцу веселящемуся, лице цветет"; и если человек чувствует душевную скорбь, то и она выражается на лице. Так было со Спасителем в саду Гефсиманском, когда Сам Христос сказал: "Душа Моя скорбит смертельно" (Мф. 26, 38). И как знак этой душевной скорби, был кровавый пот, падающий с Божественного лика Христова (Лк. 22, 44). В силу этого естественного закона коммунисты не могут не сочувствовать успеху атеизма, а христиане не могут не сочувствовать успеху христианства. Идеинная борьба между ними неизбежна. Но как христианское правительство покровительствовало Христовой Церкви, предоставляя в то же время свободное существование в государстве других религий, не только инославных, но и иноверных, и даже просто грубого язычества, не требуя от них сочувствия христианству, — что наблюдается во многих государствах. Так и неверующее советское правительство, если оно только желает быть справедливо, симпатизируя атеизму, должно предоставить свободное существование Православной Церкви, не требуя от нее сочувствия идеям коммунизма и не вмешиваясь в религиозную жизнь Церкви и ее управление.

Сравнивая ветхозаветную историю Иова с историей Церкви наших дней, скажем: как тогда праведный Иов наслаждался почетом и всеми земными благами и славословил Господа, так и Церковь православная в Рус-

ском государстве имела господствующее положение и обладала благами земными.

Как Иову позавидовал праведных враг и решил погубить, так и святой Церкви позавидовал враг ее и решил ее уничтожить. Для посрамления диавола и прославления праведника Господь допустил диаволу отнять у Иова его детей и имущество. Так и для прославления святой Церкви и посрамления врагов ее Господь допустил отнять у Церкви все ее материальные блага.

Как Иов, лишенный всего, благословил Господа, сказав: "Господь даде, Господь отъят, буди благословенно имя Господне". Так и св. Церковь, лишенная благ земных, не погибла, а благословила Господа, и чада ее крепче стали верою. Дьявол посрамленный сказал Господу: "Кожу за кожу, а за жизнь свою все отдаст человек, но... коснись плоти и костей его и увидишь, благословит ли он Тебя?" Так и враги Церкви, увидя, что она легко перенесла лишение имущества и не отверглась веры своей, решили подвергнуть Церковь страданию. И как дьявол поразил Иова лютою проказою с головы до ног, так и св. Церковь подверглась страданию с главы своей — свят. Патриарха Тихона, до ног — до последнего верного Церкви христианина, по слову Св. Писания: "если страждет один уд, с ним страждут все уды".

При этом страдании Иова на гноище пришли друзья его и начали обвинять его в тайных преступлениях пред Богом, говоря, что он правильно наказывается, что он достоин этого. Так и при страдании св. Церкви пришли так называемые друзья ее, живцы-обновленцы, лубенцы, ВЦС и стали обвинять Церковь в контрреволюции. Сами же они признали правоту социальной революции (См. Деяния Собора 1923 г<ода> и т<ому> п<одобное>).

После обвинений друзей Иова не вытерпела и жена его, которая, по слову Господню, составляла с ним

плоть едину (Мф. 19, 5–6). И которой надоело скитаться по чужим людям и работать как рабыне, и она, наученная диаволом, — чтобы погубить душу праведника, которой сам он (диавол) не имел права коснуться, — посоветовала Иову сказать "некий глагол Господу", т<о> е<сть> похулить Господа и умереть. Так и наша законная высшая церковная власть, в лице митрополита Сергия, которая составляет со св. Церковью плоть едину и которой, видимо, надоело страдать за Церковь Божию, этот "столп и утверждение истины" (1 Тим. 3. 15), подобно жене Иова, предложила (своей декларацией) Церкви сочувствовать революции, т<о> е<сть> насилию в мировом масштабе, и таким образом умереть, т<о> е<сть> перестать быть православной. И как праведный Иов ответил жене своей: "Ты говоришь, как одна из безумных. Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? И не даде Иов безумия Богу", — так и св. Церковь в лице всех своих верных чад говорит митрополиту Сергию и его Синоду: "Мы отвергаем вашу декларацию, которая ведет не к благу св. Церкви, а к ее уничтожению, так как в ней белое называется черным и черное белым, — и не дадим безумия Богу". — И как Иову Господь за его терпение и верность опять даровал сынов и дочерей и блага земные, и гнев Господа возгорелся на друзей Иова, и только молитву Иова за друзей Господь обещал принять (42, 7–9), так и св. Церковь уповает, что Господь за подвиг страданья за Церковь Божию — архипастырей, пастырей и всех верных Богу христиан, вернет в лоно Св. Церкви заблудших чад ее и дарует мир Церкви Своей. Ибо Господь сказал через пророка: "Я Господь, и нет иного; Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я Господь, делаю все это" (Ис. 45, 6–7).

Власть гражданская, руководимая коммунистической партией, с которой она составляет одно целое, как

выразился тов<арищ> Бухарин (см<отри> "Известия" от 18 авг<уста> 1927 г<ода> № 187/3121), хотя имеет своей целью совершенное уничтожение Церкви Божией и ее духовенства (см<отри> 11 ответ тов<арища> Сталина американской делегации, "Изв<естия>" от 15 сент<ября> 1927 г<ода> № 211/3145), однако, видя верность Богу архипастырей и пастырей и добрых христиан, может сказать всем отступникам от Церкви и ее идеалов то, что сказал Констанций Хлор неверным христианам: "вы не были верны своему Богу, не будете верны и мне", — лишит их своей поддержки и покровительства, а православной Церкви дарует полную свободу действий; и тогда исполнятся на нас слова св. Писания: когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним (Притч. 16, 7).

Подводя общий итог всему вышеизложенному, мы говорим: что декрет "об отделении Церкви от государства", даруя свободу Церкви, дарует и врагам ее свободу действий, а посему земная Церковь Христова, подобно Ангелам, которые бдят о душах христиан и разрушают козни вражды, должна бдеть о христианах, указывая им путь спасения, и разрушать словами истины все хитросплетения лжесловесников, сожженных в своей совести (1 Тим. 4, 2).

Церковь есть душа мира, а государство тело мира; те и другие созданы Богом и вместе составляют одно целое.

Относиться Церковь к государству должна так, как человек относится к своему телу: ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее (Ефес. 5, 29). Если же тело потребует нарушения заповедей Божиих (всего чаще тело по сладострастию требует нарушения первой и седьмой заповедей Божиих): нарушение первой, т<о> е<сть> отрицания бытия Божия для мнимого избежания ответственности за грех,

хотя грех неверия есть собственно грех души, а не тела, но он часто бывает не по гордости ума, но из желания жить по своим страстям; нарушение седьмой для удовлетворения своего сладострастия, то душа должна противиться этому нечестивому желанию своего тела, дабы не погибнуть вместе с ним.

Каждый гражданин обязан защищать свое отечество, а всякий христианин обязан защищать свою веру.

Революция, как и контрреволюция, по словарю иностранных слов, есть насилие. Церковь же всякое насилие отвергает и сочувствовать ему не может. Она терпит насилие, но его не канонизирует. Всякое насилие Церковь признает только как совершившийся факт. Насилие есть зло, попускаемое Богом для наказания грешного человечества, и есть дело самого государства, а не Церкви. Так поступала Церковь во время частых династических переворотов в христианской Греко-Римской империи, признавая их для избежания большего зла, только как совершившийся факт. Они сопровождались почти всегда пролитием крови и представлялись в очах Церкви злом, попускаемым промыслом Божиим для наказания людей. По верованиям Церкви нет ни одного бедствия, которое бы не Господь допустил, то на этом основании св. Церковь все перевороты во все времена признает только как совершившийся факт, вовсе им не сочувствуя и их не одобряя. Так было в православной Греческой империи, так было и у нас во времена княжеской Руси, когда князья русские отнимали друг у друга власть, или сам народ изгонял своих князей. Церковь Русская этому не сочувствовала, а только старалась примирить враждующих.

Во времена междуцарствия, когда Гришка Отрепьев захватил трон царей Московских, низложил патриарха Иова и избрал нового лжепатриарха Игнатия-грека, Церковь Русская этого не одобряла и этому не сочувст-

вовала, но только признала как совершившийся факт — не более. И св. Патриарх Ермоген, тогда еще митрополит Казанский, не обличил самозванца в незаконном захвате власти, признавая это волей Божией, которая бывает или благоволительная, или попустительная, но только сказал: "Не достоин царю православному оженитися еретичкою", — считая делом Церкви только одно хранение чистоты православия, а государственное устройство предоставить самому народу. То же самое происходило и во времена дворцовых переворотов 18 века, и тогда Церковь не вмешивалась в них, их не одобряя и не сочувствуя им, но признавая их только как совершившийся факт, Богом допущенный.

Так Церковь мыслит и в настоящее время, а посему всякое обвинение Церкви в контрреволюции есть или недоразумение, или намеренное искажение истины, которое не должно смущать православно верующих. Ибо обвинение в политических или уголовных преступлениях есть удел всех исповедников Христовых: "блаженны егда поносят вас и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради. — Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша много на небеси" (Мф. 5, 11–12). Начало сему положил иудейский синедрион, который обвинял Христа Господа перед Пилатом, говоря: "Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя себя Христом Царем" (Лк. 23, 2). Тогда как Христос сказал: "воздадите Кесарево Кесарю, а Божие Богу" (Лк. 20, 25).

Далее. Мы видим из истории Церкви, особенно во времена ересей, всех борцов за православие еретики, не могущие их одолеть, обвиняли в государственных и уголовных преступлениях, и даже в безнравственной жизни. Пример чему св. Афанасий Великий (п<а-мять> 2 мая); св. Мартин Испов<едник> Папа Римский (п<амять> 14 апреля); пр. Максим Исповедник



(пам<ать> 21 января); св. Иоанн Дамаскин (п<амать> 4 декабря); преп. Феодор Студит (п<амать> 11 ноября); препмч. Стефан Новый (п<амать> 28 ноября) и многие другие отцы св. Причем так св. исповедников веры Христовой, кои занимали высокое положение в обществе, обвиняли в государственной измене, а те, кои по своему положению не могли быть обвинены в государственном преступлении, тех обвиняли в уголовных преступлениях или безнравственной жизни. При этом первая цель врагов Христовых была та, чтобы ослабить силу духа у исповедников и привести их в сомнение: "Правда ли, что они страдают за Христа?", об вере в Которого их даже и не спрашивают, но обвиняют в гражданских преступлениях, которые они не совершали, и "угоден ли Богу их подвиг?"

Вторая цель врагов Церкви та, чтобы в глазах народа выставить исповедников не как борцов за православие, но как преступников, достойных не сожаления, но наказания. Только благодать Божия и чистота совести исповедников сохраняет их отпадения, а верующий народ внутреннее духовное чувство побуждает следовать за своими исповедниками и страдальцами за Церковь Божию, невзирая на обвинение их в политических и уголовных преступлениях. Все же вместе взятое разрушает козни вражьи и доставляет победу Церкви. А посему, возлюбленный о Христе брат, и в настоящее время не смущайся тем, если тебя обвиняют не за веру твою, но обвиняют в контрреволюции, которой ты не совершал. Помни слова Христовы: "Раб не больше Господа своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас" (Иоан. 15, 20). Стой под крестом Христовым мужественно и верно; когда предлежит подвиг за Его имя и честь, ты должен изъяснить в слове твердость, с какой исповедуем Его, при допросе уверенность, с какой последуем Ему, в смерти терпение, потому что через нее венчаемся

(св. муч<еник> Киприан Карфагенский: объяснение молитвы "Отче наш").

Относительно декларации митрополита Сергия и его Синода скажем — она составлена в таких выражениях, что непринятие ее совестью верующих необходимо приводит их к обвинению в контрреволюции. Оценку ей дадим словами св. Илария Пуатьерского (Пиктавийского), сказанными им арианину Констанцию, сыну Константина Великого и равноапостольного:

"Она (декларация) подкрадывается тихо под нашим именем, умерщвляет ласково, совершает нечестие под видом набожности, уничтожает Христову веру, будучи ложной проповедницей Христа. Она все бедствия гонений располагает так, что и в грехе уничтожает помилование и в исповедании мученичество. Она научает побеждать без храбрости, умерщвлять без меча, преследовать без поношения, ненавидеть без подозрения, обманываться без соображения, исповедовать без веры, ласкать без расположенности, делать что хочешь, но не обнаруживать чего хочешь" (Иларий в книге против Констанция).

Последующие за декларацией события не оправдали ее ожидания, не дали свободы Церкви и не избавили Церковь от обвинений в контрреволюции, каковые обвинения против Церкви, по ходу дела видно, продолжатся до последнего дня судного. Чему пример мы видим — в обвинении в контрреволюции, брошенном в лице Церкви православной бывшим профессором Московского университета А. И. Покровским, ныне обновленцем. Обвинения его следующие: Тихоновщина за то страдает, что идет против декретов советской власти, как, например, декрет о гражданском браке и разводе (см<отри> обновл<енный> "Вестник Св. Синода", № 5–6 (18–19), 1927 год, ст. 24). Почтенный профессор, видимо, атеист, только притворяется христианином,

когда пренебрегает словами Христа: "Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует и женившийся на разведенной прелюбодействует" (Мф. 19, 19); что Бог сочетал, того человек да не разлучает (ст. 6). Этими Господними словами руководится св. Церковь, а посему никаких обвинений за исполнение закона Божия не боялась и не боится.

Болея душой за Церковь Божию, весь верующий народ православный должен просить митрополита Сергия, пока еще не поздно, исправить свою ошибку, ибо в декларации слышен голос, чуждый голосу доброго Пастыря, и овцы за ним не идут (Иоан. 10, 5). Св. Церковь ждет от него подвига, и он должен, как добрый Пастырь, положить душу свою за овцы своя (Иоан. 10, 11), но не быть виновником нового раскола в Церкви православной; ибо грех раскола, по свидетельству священномученика Киприана Карфагенского, не омоется и мученической кровью ("О единстве Церкви"). Страдания за Церковь Божию архипастырей и пастырей, по слову св. Апостола Павла, укрепляют Церковь, который говорит о себе: что большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью безбоязненно проповедовать слово Божие (Филип. 1, 14).

Не овцы должны увещевать пастырей, а пастыри овец, по примеру св. Апостола Павла, который говорит: "Прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава" (Ефес. 3, 13).

Матерь Божия, спаси церковь Русскую.

Все святые земли русской, молитесь Бога о нас, а ты, православный христианин, буди верен до смерти, и дам тебе венец живота (Апок. 2, 10)<sup>376</sup>.

<sup>376</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об. — 55.



## 2. "Уста священника..." Московский документ. 1927 г.

«"Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе... За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, т<ак> к<ак> вы не соблюдаете путей Моих, лицеприяствуете в делах закона".

(Малах. 2, 7–9)

Эти слова пророка Божия невольно приходят на память после прочтения последнего воззвания митрополита Нижегородского Сергия и организованного им "Временного Патриаршего Синода", встают в ней как обличение этого пути, на котором так решительно и беспощадно стали они в этом своем воззвании. Может ли Церковь, которая есть "столп и утверждение исти-

ны", — может ли она и ее иерархия при каких угодно случаях и для каких угодно целей становиться на путь лжи и человекоугодничества? Нет, ибо это безусловно воспрещается ей Словом Божиим (Деян. 4, 19; Иезек. 3, 18). Все, что говорится от лица Церкви, должно дышать истиною Христовою, исходить из нее, быть сообразно ей, и всякое отклонение от истины, какими бы соображениями оно ни оправдывалось, является оплеванием Пречистого Лика Христова, и для Церкви, в конечном счете, оказывается всегда позорным и вредным. Позорно для Церкви и вредно ей и то дело, которое начато митрополитом Сергием и о котором он возвещает в изданном им воззвании: позорно и вредно потому, что в нем нет истины, а все оно полно лжи, соображений и расчетов человеческих.

После октябрьского переворота Русская Церковь оказалась перед лицом государственной власти не только безрелигиозной, но ярко антихристианской, в существе своем христианству противоположной и христианство отрицающей, и потому фатально обреченной на борьбу с нею. Церковь стоит на дороге к коммунизму в самом главном основном пункте: она является отрицанием коммунизма в области его материалистической философии, его исторических концепций и практических средств его осуществления. Противоположность эта равняется противоположности между да и нет, между утверждением и отрицанием, и поэтому, повторяем, неизбежны были враждебные действия государственной власти по отношению к Церкви. Однако власть не нашла в себе силы открыто начать бороться с Церковью как Церковью, — она делает это под видом борьбы с политической контрреволюцией церковной иерархии и церковных организаций. Но если явления политической контрреволюции и имели место в словах и деяниях отдельных немногих личностей церковной

иерархии, то они были, во-первых, весьма немногочисленны, а во-вторых, быстро кончились. Кроме того, несомненно, что если бы этих явлений и совершенно не было, то все-таки враждебные действия советской власти по отношению к Церкви обязательно были бы как истекающие из гораздо более глубоких причин, чем случайное поведение тех или иных личностей; значит, объяснить отношения между Церковью и властью лишь политическими нестроениями отдельных иерархов нельзя. Понятно, когда это делает власть, но когда это же начинает делать церковный деятель, когда напряженные отношения между Церковью и властью он начинает объяснять только как следствие контрреволюционных политических настроений церковных кругов, то такому поведению трудно найти имя.

До сих пор этими инсинуациями занимались обновленцы и прочие предатели и враги Церкви Христовой. И мы и за себя лично, и от лица всей Церкви с негодованием отвергали все такие обвинения, как ложь и клевету. Но теперь к этому хору лжесвидетелей присоединяется и Заместитель Патриаршего Местоблюстителя со своим Временным Патриаршим Священным Синодом. Объясняя то, почему Православная Церковь в России до сих пор гонима, они пишут: "Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это недостаточное осознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение советской власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным". В другом месте недоверие правительства к Церкви митрополит Сергей называет "естественным и справедливым", т<sup>о</sup> е<sup>сть</sup> вину за него возлагает всецело на Церковь, а не на правительство. Т<sup>о</sup> е<sup>сть</sup> оказывается, что разгром церковных организаций, тюрьмы и ссылки мно-

гих и многих епископов, отнятие храмов, беззаконие даже с точки зрения нынешних законов, по мнению митрополита Сергия и его "Временного Патриаршего Синода", законны и справедливы. Больше того: оказывается, что все гонения эти и, вообще, отсутствие мира между властью и Церковью, по мнению митрополита Сергия, имеют причину только в том, что Церковь со дня на день ждала краха советской власти и этой власти в чем-то противилась, что поэтому правы были не мы, а живисты-обновленцы, сразу "оценившие конъюнктуру" и поспешившие еще пять лет тому назад сделать то, что теперь с таким опозданием делает митрополит Сергий.

Неизвестно, по каким побуждениям высказаны митрополитом Сергием все эти столь невероятные в устах православного иерарха утверждения. Но для всякого христианина ясно, что в этих утверждениях нет истины, что это опасная клевета на Церковь и ее епископов и что в действительности враждебное отношение советской власти к Православной Церкви отнюдь не было "естественным и справедливым", как пытается утверждать в своем послании митрополит Сергий.

Одна неправда влечет за собой другую. Мы видели, как несправедливо обвиняет митрополит Сергий православных епископов в контрреволюционном политиканстве, становясь, таким образом, единомышленником обновленцев и других врагов Церкви. И вот, зная, что эти его выступления вызовут справедливое возмущение и сопротивление народа церковного, митрополит Сергий с целью защитить себя снова говорит неправду. Эта новая неправда состоит в том, что митрополит Сергий старается заранее опорочить перед правительством и перед народом тех, кто по совести не сможет присоединиться к несправедливым делам его и его Синода. Этим

несогласным с ним он снова навязывает политическую контрреволюцию, говоря, будто все, кто не поддерживают его в его новом начинании, думают, "что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием". Митрополит Сергей знает, как опасно в настоящее время даже самое легкое подозрение в контрреволюционности, и, тем не менее, не боится эту опасность навлекать своим воззванием на служителей и рядовых членов Церкви, на своих братьев и своих детей, объявляя их контрреволюционерами. И за что же? За то, что они не в состоянии по совести признать, что "радости и успехи Советского Союза — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи", что "всякий удар, направленный в Союз... сознается нами, как удар, направленный в нас". Но разве люди, не признающие этого, обязательно контрреволюционеры и даже монархисты? Разве христиане, которые не всякую радость безбожного, воинствующего против всякой религии коммунизма могут счесть своей радостью и не всякий успех — своим успехом, тем самым политические враги советской власти? Да и можно ли требовать от верующего христианина такого отождествления в жизненных оценках с безбожным коммунизмом, какого требует митрополит Сергей. Пусть митрополит Сергей не укрывается за казуистическое различие Советского Союза и коммунизма: это исключается многочисленными заявлениями членов правительства вроде сделанного недавно Бухариным, заявившим, что "наша партия неотделима от СССР" ("Известия ВЦИК" от 18/VII 1927, № 187/3121). И так оно, конечно, и есть. Поэтому всецело на совести митрополита Сергея и грех несправедливого и опасного обвинения своих братьев в тяжелых политических преступлениях, и грех унижительной и чудовищной лжи и пресмыкательства перед сильными мира сего, совершаемый им



от лица Церкви Святой, вопреки прямому завещанию Апостола, заповедующего не сообразоваться с веком сем (Рим. 12, 2).

Что же понудило митрополита Сергия к такому греху против Церкви Русской? Очевидно, желание этим путем добиться легального существования церковных организаций. Вопреки примеру Господа, решительно отвергшего путь сделок с совестью для получения возможности иметь поддержку в силах мира сего (Мф. 4, 8–10), митрополит Сергей позволил себе это сделать. Каковы же результаты этой сделки с совестью? Митрополит Сергей сам пишет об этом результате в печати, что его усилия "как будто (?) не остаются бесплодными, что с учреждением Синода укрепляется надежда (и только?) на приведение всего церковного правления в должный строй и возрастает уверенность в возможность (sic!) мирной жизни". Он не уверен даже в том, что легализация распространится далее Синода, а только надеется на это и думает, кроме того, что это произойдет не скоро, а постепенно. Т<о> е<сть> кроме туманных посулов и неопределенных обещаний покамест ничего не получено. Печальный итог, даже с точки зрения житейских соображений. "Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся в положении нашей Православной Церкви", — говорит митрополит Сергей. Да, едва ли, потому что все ясно. Ясно, почему вместе с легализацией Синода не легализуется тем самым и вся Церковь. Так бы оно должно быть, если бы Синод был действительно центром Церкви, единым с нею в мысли и жизни. Но не так на самом деле, и с легализацией Синода Церковь продолжает пребывать в бесправном состоянии, ибо легализуется не Церковь, а всего лишь новая ориентация, носящая, к слову сказать, ярко политический

характер. Церковь же легализуют лишь тогда, когда она в лице Собора "даст окончательное одобрение предпринятому" митрополитом Сергием "делу", т<о>е<сть> совершит тот же грех самооплевания и преступного компромисса.

Ясно и то, почему митрополит Сергей, говоря о "Втором Поместном Соборе", говорит не о том, что этот Собор избирает Патриарха, как должен был бы сказать, а только о том, что он "изберет нам уже не временное, а постоянное церковное управление". Умолчание знаменательное. Ясно, почему нужно было исказить слова Апостола, когда условием "тихого и безмятежного жития" выставлена не молитва, как у Апостола, а поминовение законной власти, причем опять-таки по контексту это поминовение как будто должно носить характер полной солидаризации с нею. Ясно, для чего потребовалась такая обостренная формулировка новых отношений Церкви и власти, по которой "радости и успехи ее — наши радости и успехи, а неудачи ее — наши неудачи" и т<ак> д<алее>.

Это явная, унижительная, смешная и бесполезная ложь, по справедливости оцененная в газетных комментариях к воззванию ("Известия ВЦИК" от 19 августа 1927 г<ода>), однако, необходима для того, чтобы сделать условия легализации, проводимой митрополитом Сергием, по возможности более неприемлемыми для всех честных церковных деятелей; и тем самым уже как бы не по суду государства, но по суду самой Церкви ослабить их политическими контрреволюционерами, лишив, таким образом, лучших пастырей Церкви возможности принимать участие в церковной жизни, и тем самым ослабить Церковь. Ясно, наконец, и то, как будет проходить легализация: будут анкеты в том или ином роде, как во время оно у живистов, с известными уже по воззванию, а может быть, еще и не из-

вестными обязательствами. Отвергшие эти обязательства будут заключены в тюрьмы, заточены и сосланы. Словом, все останется по-старому, и Церковь Христова будет по-прежнему гонима.

Новое же во всем этом печальном деле будет лишь то, что это гонение на Русскую Церковь будет оправдываться временным Первостоятелем ее, митрополитом Сергием.

Делая то, что он делает, митрополит Сергей во всяком случае обязан был выполнить то, чего он сам требовал от митрополита Агафангела, от бывшего архиепископа Григория Екатеринбургского и прочих претендентов на создание новых ориентаций: испросить благословение своего иерархического начальника. Ведь митрополит Сергей только заместитель Местоблюстителя, т<sup>о</sup> е<sup>сть</sup> лицо не самостоятельное и долженствующее действовать во всяком случае не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего Господина, поэтому он должен был испросить митрополита Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному шагу и только с его благословения действовать. Между тем ни в протоколах Синодских заседаний, ни в самом воззвании нет и следов указаний на то, что так было сделано и что благословение получено. Наоборот, обоснование на *словах* покойного Патриарха Тихона (что страшно сближает митрополита Сергия с ВВЦС<sup>377</sup>, Лубенцами и прочими, обязательно "продолжающими" дело покойного Патриарха Тихона) дает веское основание заключить, что санкции от митрополита Петра не получено. А если так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для митрополита получить благословение митро-

<sup>377</sup> ВВЦС — Временный Высший Церковный Совет.

полита Петра, показывает то соображение, что в случае его несогласия с деятельностью своего заместителя митрополита Сергия этот последний сразу становится таким же "похитителем власти", как и те лица, о которых он упоминает в своем воззвании.

Остается еще сказать по вопросу о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Это сложный и большой вопрос, решение которого неотделимо от решения другого, более общего вопроса церковного бытия, ныне приобретающего особенно жгучий характер, вопрос о должных отношениях между Церковью и государством. Ясно, во всяком случае, одно, что требовать от иерархов и прочих членов клира заграничных русских церквей подписки с обязательством в своей церковной и общественной деятельности не допускать ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности к советскому правительству, глубоко несправедливо.

Это весьма широкая и туманная формулировка может быть истолкована как запрещение и простого правдивого рассказа о действительном положении Православной Церкви в России, о том жестоком поругании ее святынь и непрекращающемся гонении на ее служителей, которое имеет место в каждом городе и в каждом селе нашей необозримой родины. И снова Синод во главе с митрополитом Сергием, сам не желающий говорить правду о положении Церкви в России, запрещает и другим говорить эту правду и выступает, таким образом, в роли защитника гонителей Церкви Божией.

Будем же молить Господа, да услышит Он это слабое, но правдивое слово, и да устрасит их пророческая угроза позора и унижения перед всем народом за несоблюдение заповеди о хранении истины устами священническими.

"Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою. Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям" (Мф. 5, 13). Да сохранит нас всех Господь от такой участи»<sup>378</sup>.

---

<sup>378</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 55–59.



### 3. "Беседа двух друзей. К защите отложившихся"

«Дорогой друг, Вы желаете узнать мое мнение по поводу современных церковных вопросов и их разрешения. Охотно исполняю Ваше желание, но при условии, если мы положим в основание нашей беседы Христовы слова "по тому узнают все, что Вы мои ученики, если будете иметь любовь между собой" (Иоан.13, 35). Это нам и необходимо помнить, чтобы не иметь огорчений между собой, если наши мнения не сойдутся. Вы спрашиваете, на каких условиях мог бы состояться мир церковный между м<итрополитом> Сергием и его синодом, с одной стороны, и отделившимися от них епископами, клириками и мирянами, — с другой.

Первое условие — признание синода совещательным органом, согласно заявлению м<итрополита> Сергия от 5/18 мая 1927 года, где м<итрополит> Сергей говорит, что полномочия синода вытекают из его полномочий как заместителя Патриаршего Местоблюстителя и вместе с ним падают, но отнюдь не признание синода органом соуправления, как заявил м<итрополит> Сергей 1/14 декабря 1927 г<ода> группе ленинградского духовенства и мирян, вопреки своему первому заявлению.

Какая же в том разница?

— Разница в том, что согласно постановлению Всероссийского священного собора от 7 декабря 1917 г<ода> синод при Патриархе выбирается Всероссийским поместным собором и есть орган соуправляющий Патриарху, и его полномочия не вытекают из полномочий Патриарха, как в синоде м<итрополита> Сергия, и патриарший синод ответственен за свои действия перед Всероссийским собором, как и Патриарх.

Второе условие — признание декларации от 16/29 июля 1927 г<ода> личным мнением м<итрополита> Сергия и единомысленных с ним епископов, не обязательным для прочих членов Православной Русской Церкви, с передачей декларации на обсуждение всего епископата, не исключая ссыльных епископов.

Третье условие — отмена указа от 8/21 октября 1927 г<ода> "О поминовении".

Четвертое условие — возвращение уволенных за протест против декларации и прочих неканонических действий м<итрополита> Сергия на их кафедры по их личному желанию.

— Как же это сделать безболезненным, ибо с обеих сторон допущены как резкие выпады, так и ошибки, способные углубить раскол, а не уничтожить?

— Это легко можно сделать при условии, если обе стороны положат в основание своей веры и деятельности славу Божию, чистоту и благо св. Церкви, но не свои личные счеты и самолюбие, которым нет места в деле Божием, ибо здесь христиан всех степеней и рангов должны воодушевлять Ильина ревность, Петрово исповедание, Иоаннова любовь и Павлово снисхождение, чтобы исполнить закон Христов (Гал. 6, 2).

— Что требуется со стороны м<итрополита> Сергия для возбуждения церковного мира?

1) Взять обратно свою непогрешимость, каковую он выразил в своем ответе группе ленинградского духовенства и мирян 1/14 декабря 1927 г<ода>, заявив, что новый курс церковной политики он признал отвечающим интересам и благу Церкви, который отмене не подлежит.

2) Свою декларацию от 16/29 июля 27 г<ода> и свое разногласие с разделившимися епископами передать на третейский епископский суд, подобно тому, как в апреле 1928 г<ода> он предлагал м<итрополиту> Агафангелу вопрос о местоблюстителе передать на третейский суд, чем и заслужил в то время любовь и поддержку верующих.

3) Отменить свои неправильные запрещения в священнослужении епископов, несогласных с новой политикой м<итрополита> Сергия<sup>379</sup>.

— Что же должна сделать группа ленинградского духовенства и мирян для мира церковного?

— Взять обратно ультимативный характер своих требований, выразившихся в заявлении 1/14 декабря 1927 г<ода>, "что это их последнее слово и, в зависимости от ответа м<итрополита> Сергия, они определяют свое отношение к нему, как к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя". Почему так? А потому что такое заявление ленинградцев поставило их в необходимость немедленного разрыва. Ибо они (ленинградцы) при своем заявлении упустили из виду следующий психологический фактор — почти всякий человек в тайных своих ошибках нелегко сознается, то тем более сознаться немедленно в ошибках, которые совершены перед лицом целого общества, большинство людей вовсе не может, а

---

<sup>379</sup> Ибо несправедливо наказывать за нежелание прежде химического анализа пить из источника, вода которого вызывает сомнение в своей чистоте и полезности для здоровья.



таковы ошибки и Сергия, совершенные им перед лицом всей Церкви и даже целого мира. А посему данный м<итрополитом> Сергием отказ необходимо нужно было предвидеть и поставить вопрос не в категорической форме, а мягче, щадя самолюбие последнего, т<о> е<сть> поставить вопрос таким образом: "в зависимости от Вашего ответа мы оставляем за собой свободу действий", чем и была бы предупреждена необходимость немедленного разрыва.

— Но ведь это же игра слов.

— Нет, не игра слов, а логический вывод из душевных свойств человека, а именно — часто бывает так, когда сказанное, хотя и правдивое слово, но не в той форме, в какой требуется, бывает способно еще более ожесточить человека, чем его исправить. Пример такого различия в словах мы видим в отношениях преп. Макария Египетского и его ученика к языческому жрецу (п<амять> 19 янв<аря>).

— При таком положении спорного вопроса легко могла бы вмешаться третья сторона и предложить свое посредничество или третейский епископский суд.

Кроме этого небольшого упущения ленинградцы во всем остальном поступили правильно, так как были вынуждены к своему выступлению действиями митрополита Сергия и его синода, и выступили они в защиту своего архипастыря м<итрополита> Иосифа, ибо не могли допустить незаконного увольнения и направления последнего в угоду внешним, но вопреки церковным канонам (16 пр<авило> Двукратного Собора), выступить же были они обязаны, т<ак> к<ак> всякая власть, как гражданская, так и духовная, сильна любовью, преданностью, послушанием и защитой народа, и они (ленинградцы) своим выступлением не раскол учинили, а защищали внутреннюю свободу Церкви, жертвуя не только своей личной свободой, но и жизнью.

И наименование их раскольниками позорит не их, а тех, от кого исходят эти позорные слова.

— Как вы определяете раскол?

— Раскол, по определению Великого Василия (1 пр<авило>), есть разделение во мнениях о некоторых предметах церковных, допускающих уврачевание, и по смыслу сего правила именование раскольниками несогласных только тогда возможно, когда собор на основании канонов и преданий церковных соборов не разрешит спорный вопрос (пример: наши глаголемые старообрядцы, осужденные на соборах 1666–67 г<одов>). Даже закоснелых еретиков св. Отцы прежде соборного суда не именовали еретиками. Пример: Несторий, которого не только св. Кирилл, но и Вселенский Собор именовал "благоговейнейшим епископом Несторием", когда приглашал его на собор, и только уже после осуждения соборного Нестория Вселенский Собор писал: "Несторию, новому Иуде" (Деян<ия> 3 Вселенск<ого> Собора). В деле же ленинградцев соборного рассуждения не было, да и притом вопрос о Синоде, о послании 16/29 июля и указе о поминовении от 8/21 октября 27 г<ода>, не есть дело одних ленинградцев, а дело всей Русской Церкви Православной, а потому говорить о расколе и за это налагать запрещение в священнослужении преждевременно.

— Но ведь наложено же запрещение на обновленцев и ВВЦС.

— Там другое дело. Живоцерковники-обновленцы есть не только раскольники, но и еретики и отступники, признавшие правоту социальной революции и стремящиеся реформировать Церковь в духе коммунизма. А ВВЦС хотя не еретики, но они также вошли в соглашение с богоборной властью и, подобно обновленцам, революционным путем захватили себе власть и образовали свое отдельное правление, т<о> е<сть>, по

смыслу 31 Апостольского правила, водрузили иной алтарь и для углубления раскола немедленно приступили к незаконным епископским хиротониям, за что правильно запрещены в священнослужении.

В деле же ленинградцев, епископов Виктора, Алексия и Иерофея, и отделения Ярославской церковной области от м<итрополита> Сергия нет тех признаков раскола, ради которых полагается запрещение в священнослужении, и мы, перефразируя слова Ефесского блюстителя порядка (Деян<ия> 13, 37), скажем: что все отделившиеся от м<итрополита> Сергия по поводу послания от 16/29 июля 27 г<ода> и последующих его действий, ни власти законной не восхитили себе, ни Церкви Божией не хулили, как хулили обновленцы и прочие отщепенцы, и не углубляли раскола епископскими хиротониями. И если разногласят с м<итрополитом> Сергием по поводу каноничности синода, послания от 16–29 июля–27 г<ода> и указа о поминовении от 8/21 октября того же года, то на это есть суд Церкви, который в лице Всероссийского собора или, по крайней мере, в лице всего епископата силен разрушить все недоумения, и до решения этого суда запрещение должно быть снято м<итрополитом> Сергием. Ибо Господь дал власть к созиданию Церкви, а не к разорению ее (2 Кор. 13, 10). И пастыри сильны за истину, а не против истины (ст. 8). Слова эти толкуя, св. Златоуст говорит: если мы будем наказывать вас за истину, то Бог не будет нам содействовать, ибо он для того дал нам силу, чтобы мы произносили приговор верно, праведно, а не вопреки истине (еп<ископ> Феофан, Толк<ование> 2 Кор. 13, 8–9).

А посему злоупотреблять властью, данной от Бога к созиданию Церкви, а не разорению, не следует, т<ак> к<ак> самое запрещение в священнослужении за явную вину прекращает действие благодати священства в

надежде на его покаяние и исправление. Что объясняется притчею о блудном сыне, который, удалившись на сторону далече, расточил все отеческое имение, т<о> е<сть> дары благодати Св. Духа, но, покайся, был восстановлен в своем чине. Соборное же осуждение за явную вину обнажает совершенно благодати священства, и если виновный покается после соборного осуждения, то в степенях священства восстановлен не будет, но будет принят как мирянин (Ап<остольское> Пр<авило> 62).

Что объясняется притчею о девяти девах, из которых пять юродивых хотя и покаяться впоследствии, но, однако, услышали: "не вем вас".

Для мирянина же по смерти частный суд Божий также изображается притчею о блудном сыне, ибо после частного суда Божия есть еще надежда на помилование по молитвам св. Церкви и родственников, но после окончательного приговора на Страшном суде помилования никому не будет, что и изображается ответом Господа юродивым девам — "не вем вас".

— Бывали ли в истории Церкви неправильные приговоры судебные не только отдельных епископов, но и соборов, которых бы не утверждал Господь?

— Да, бывали и многократно, это случалось тогда, когда в дело Божие вмешивались человеческие страсти и злоба людская, стремящаяся стереть с лица земли праведников.

Так св. Афанасий Великий (пам<ять> 2 мая), оклеветанный еретиками, многократно был осужден на соборах первой половины четвертого века, а на Миланском Соборе (присутствовало 400 епископов) только три епископа — Евсевий Верцельский, Дионисий Миланский и Люцифер Кальярский — отказались, несмотря на требования самого императора Констанция, подпи-

сать осуждение невинного Афанасия и за это несогласие сами посланы были в ссылку.

Был неправильно осужден и св. Златоуст (пам<ять> 13 ноября) собором при Дубе в 403 г<оду>. А св. Патриарх Фотий (пам<ять> 6 февр<алья>) был несколько раз анафематствован Римскими папами, а одним (папой Иоанном VIII в 881 г<оду>) даже с евангелием в руках в присутствии многочисленного народа св. Фотий был предан анафеме за отказ его исполнить незаконные притязания Рима на Болгарию.

В Русской Церкви тоже были незаконные осуждения св. мужей, частью по невежеству, частью по злобе врагов в угоду сильным мира сего. Так осужден при Иоанне Грозном св. Филипп, митр<ополит> Московский (п<амьять> 9 января), преп. Максим Грек (п<амьять> 11 января) осужден как еретик, преп. Дионисий, знаменитый архимандрит Т<роице>-С<ергиевой> Лавры, во времени междоусобия был осужден как огневий еретик (п<амьять> 12 мая). Далее осужден св. Патриарх Никон своими врагами. Всех сих св. мужей Господь прославил даром чудес и исцелений, чем ясно показал, что Он хотя и дал власть вязать и решать, но утверждает приговоры только над врагами Церкви, а не над защитниками ее<sup>380</sup>.

— Как смотреть на отделение отдельных приходов от м<итрополита> Сергия и его синода?

— Здесь есть недоразумение и неправильное толкование канонов Церкви. По канонам Церкви, если епископ запрещен своим патриархом или митрополитом

---

<sup>380</sup> Господь, предвидя то, что люди не всегда справедливо будут судить и более склонны и пристрастны к несправедливости, ключи царствия небесного отдал апостолам и их преемникам: "и дам тебе ключи царствия небесного" (Мф. 16, 19), а ключи ада оставил у Себя; имею ключи ада и смерти (Апок. 1, 18), чтобы люди несправедливо, по злобе и пристрастию, кого в ад не посадили.

или клирик своим епископом, то другой не имеет права принять запрещенного. Таков смысл церковных правил, причем, разумеется, здесь запрещение правильное, за явную вину, налагаемое церковной властью, и это запрещение действительно независимо от того, отделился клирик или епископ от своего патриарха или епископа прежде запрещения или после. Такой порядок в Церкви существует, во-первых, потому, что Христос не разделяется; во-вторых, для мира между автокефальными Церквями — относительно епископов — и для мира между отдельными епископами — относительно клириков — и то только для мирного времени, но во время ересей этот порядок изменяется, и епископы и клирики поместной Церкви, согласно 15 пр<авила> Двукратного Собора, со спокойной совестью могут отделяться от своих патриарха или епископа, пренебрегая их запрещением, если последние проповедают ересь, осужденную Церковью.

— Прошу объяснить это точнее, выяснив роды церковных наказаний.

— Церковные наказания бывают двух родов и налагаются по дамнаторному (обвинительному) или деклараторному (разъяснительному) приговору. При приговоре дамнаторном обвинительного характера наказание называется дикастики пини — судебное наказание, т<о> е<сть> такое наказание, которое налагается за преступление, требующее церковного разбирательства дела и после церковного суда (см<отри> 13 пр<авило> Антиох<ийского> Соб<ора>). Если же приговор бывает деклараторного (разъяснительного) характера, то наказание называется номики пини — наказание юридическое или законное (см<отри> Апост<ольское> Пр<авило> 28 и 62; Титу 3, 10–11), т<о> е<сть> за такое преступление, которое не требует судебного разбирательства дела и явно само по себе, как, например, отрече-

чение от Христа (см<отри> еп<ископа> Никодима Милаша толк<ование> на 1 Антиох<ийское> Прав<ило> ч<асть> 2 стр<аницы> 55–57). И такой приговор нужен не виновному, а для предупреждения тех, кои могут последовать пагубному примеру.

Приведем пример: если кто-либо из клириков или мирян уклоняется в латинство или лютеранство или другую какую-либо ересь, то клятвы, какие наложены Церковью на эти ереси, автоматически переходят на нового прозелита независимо от того, предупредил ли он раньше наложенное на него за отступничество епископом отлучение или уже после подвергся сему наказанию. На этом основании Церковь налагает анафему и после смерти еретиков: так Феодор М. — учитель Нестория — спустя 250 лет после смерти был анафематствован 4 Вселенским Собором, а также еретики-монофелиты: Гонорий Римский, Кир Александрийский, Сергей, Пирр, Петр и Павел Константинопольский были преданы анафеме VI Вселенского Собора после смерти.

Если преступление дамнакторного характера еще не открыто, а виновный, испросив у епископа мирную представительную грамоту, перейдет в другую епархию в ведение другого епископа (перейдет, а не останется на старом месте), то прежний епископ, открыв впоследствии преступление клирика, уже не имеет над ним власти, и клирик подлежит уже суду нового своего епископа. Если же преступление прежде открыто, и виновный подвергся запрещению, то другой уже не может его принять в сущем сане согласно 1–2, 15 и 16 апостольского правила. Что сказано о клириках, то согласно 1 прав<ила> Собора в храме премудрости Божией относится и к епископам, т<о> е<сть> его (епископа) не могут принять в свой клир прочие автокефальные Церкви — раз он осужден своим патриархом, независимо от

того, правильно осужден или нет, потому что упомянутое первое правило собора в храме премудрости Божией составлено для мира автокефальных Церквей между собой. Так, например, быв<шего> Еп<ископа> Владимира Путятю или обновленцев прочие не могут принять — раз они отлучены своим патриархом. Так поступила и Русская Церковь, не принимая в общение Болгарскую Церковь, отлученную Вселенским Патриархом в 1872 г<оду>, хотя отлучение явно тенденциозно и неправильно, т<о> е<сть> здесь проявился во всей своей силе греческий филэллизм, стремящийся к полному уничтожению славянства, но для мира со Вселенской Церковью Российская Церковь, согласно 1 пр<авила> Софийского Константинопольского собора, признала то отлучение, предоставляя все это дело суду Божию. Но если ересь произведет возмущение во всей Вселенской Церкви, и в каждой поместной церкви произойдет разделение епископата, клира и мирян на еретиков и православных, то православные епископы и клир легко могут войти в молитвенное общение и каноническое подчинение православной части другой поместной церкви, помимо своей высшей церковной власти, находящейся в еретичестве, независимо от того, что они уже подверглись запрещению за благочестие со стороны высшей церковной власти, проповедующей ересь, или еще не подверглись. И другая автокефальная православная Церковь, принимая епископа, и епископы, принимая клириков, гонимых за благочестие, ничуть в этом не погрешат против канонов, что показывается примером св. Афанасия и других отцов и учителей Церкви, гонимых арианами за благочестие на востоке и с любовью принятых на западе, или примером Св. Максима исповедника и его учеников, гонимых за благочестие и принадлежащих к Константинопольскому патриархату, и оттуда удалившихся в Рим и там с лю-



бовью принятых как борцы за веру Евангельскую. А посему клирикам спешить порвать общение со своими епископами и м<итрополитом> Сергием из-за одного страха перед запрещением в священнослужении не было нужды, ибо их легко могли бы принять под свое окормление епископы и после запрещения, не нарушая канонов Церкви, т<ак> к<ак> для войны существуют другие законы, нежели для мирной жизни. Это-то неправильное истолкование канонов Церкви только можно вменить им в вину. А вся вина за раскол лежит на епископах, которые не должны были требовать, с угрозой непокорных клириков немедленно запретить в священнослужении, немедленного и категорического исполнения указа о поминовении, противного совести верующих и являющегося новшеством в Христовой Церкви.

— Как смотреть на народное возмущение против епископов?

— Возмущения народного ставить в вину духовенству нельзя, ибо возмущения народные часто бывают по инициативе народа самого. Душа народа такова, что всякую свою радость выражает криками радости (ура), а всякий гнев свой выражает криками гнева и бесчинствами. Так поступает во все времена не только простой народ, но и высокообразованные депутаты Европейских парламентов. Такова, повторяем, психофизиология всех людей, и обвинять отделившееся духовенство за народное бесчиние не следует. Народ не имеет других путей для защиты своей веры или защиты любимых своих вождей и учителей, как грозное возмущение против несправедливостей, и это бывает почти всегда по инициативе самого народа. Эту-то народную инициативу мы видим из св. Евангелия, когда народ, пораженный чудом насыщения пятью хлебами пяти тысяч человек, возымел желание по своей личной инициативе восхитить

Христа и сотворить себе царя, говоря: это истинно тот пророк, которому должно прийти в мир. Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять и сделать его царем, опять удалился на гору Один (Иоан 6, 14–15).

Крик народный: "Осанна Сыну Давидову", — при входе Господа в Иерусалим тоже произошел по инициативе народной и вопреки желанию книжников и фарисеев (Мф. 21, 8–11; 15). Далее св. Евангелие нам повествует, что иудейский синедрион несколько раз намеревался взять Христа под стражу, но боялись народа, потому что Его почитали за пророка (Мф. 21, 46). Также Ирод опасался ярости народной и не решался убить Иоанна Крестителя опять также потому, что его почитали за пророка (Мф. 14, 5). А также св. Апостолов иудейский синедрион не решался наказывать по причине народа (Деян<ия> 4, 26), боясь, чтобы не побили их камнями (Деян<ия> 5, 28). Хотя св. Евангелие и Деяния Апостольские обо всем этом кратко нам повествуют, при этом о возмущении народном вовсе ничего не говорят, но надо предполагать, что бывали многократные народные возмущения при попытках как Ирода, так и синедриона взять Христа и Предтечу, иначе не объясним их страх перед народом. И этого народного возмущения никак нельзя поставить в вину ни Спасителю, ни Предтече, ни св. Апостолам. Далее св. Афанасий Вел<икий>, Св. Иоанн Златоуст и св. Василий Вел<икий> не могли возбуждать народа в свою защиту, однако же эти народные возмущения были. Так в защиту св. Василия Вел<икого> вспыхнуло уличное восстание. Мастеровые императорских фабрик, т<о> е<сть> оружейники и ткачи, вооружившись чем попало, чуть не поголовно явились к трибуналу, и Евсевий, дядя императрицы, из грозного судии превратился в смиренного просителя (IV том В. В. Болотова, Петроград, 1918). Так бывало и во всех других случаях, когда народ за-

щищал свою веру и своих любимых пастырей. Правда, св. Евангелие повествует и о том, как первосвященники возбудили народ просить Варраву, а Иисуса погубить (Мф. 27, 20). Но это, вероятно, были подонки общества, заранее к тому подкупленные, и слуги архиерейские, исполнявшие волю своих владык, но не самый народ, который в это ночное время не мог еще собраться и тайно от которого и притом глубокой ночью взяли Христа и предали Пилату.

— Как смотреть на отделение Ярославских архипастырей от м<итрополита> Сергия и его Синода?

— Ярославские архипастыри допустили ошибку в том, что не сделали, согласно требованиям канонов Церкви, трехкратное представление м<итрополиту> Сергию его ошибок официальным путем; путь же неофициальный для этого недостаточен, т<ак> к<ак> о нем большинство епископов и верующих не знают, а посему никто и не последовал за ними. И, другими словами, Ярославские архипастыри в точности не исполнили заповедь Христа о согрешившем брате (Мф. 18, 15–17), они обличили его наедине, но т<ак> к<ак> он не послушал, то им следовало бы поведать о том Церкви, но они этого не сделали, а прямо, хотя только административно, отделились от него.

— Но ведь согрешения м<итрополита> Сергия известны всей Церкви.

— Я с этим согласен, но, однако, обличить его никто из епископов официально не решился до самого отделения от него, а неофициальные обличения не имели силы. Хотя в оправдание отделившихся епископов можно сказать то, что они боялись, чтобы немедленно без пользы для дела не быть изолированными, и не решились на официальные обличения м<итрополита> Сергия до самого отделения от него. Последствия их официального отделения от м<итрополита> Сергия и

обличения оправдали их опасения, ибо они почти все пострадали за свое смелое выступление. При сем в заявлении Ярославских архипастырей от 24 января/6 февраля 1928 г<ода> не понятны начальные слова: "хотя ни церковные каноны, ни практика католической Церкви православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917–18 г<одов> далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашею отечественною Церковью"... Спрашивается, с какого времени единоличное управление Русской Церковью стало не каноничным: с момента ли роспуска избранного Всероссийским Собором 1917 г<ода> синода при Патриархе, или с момента смерти свят. Патриарха Тихона и принятия власти Местоблюстителем м<итрополитом> Петром Крутицким, или с момента принятия м<итрополитом> Сергием прав и обязанностей заместителя Патриаршего Местоблюстителя, т<о> е<сть> 6 декабря 1925 г<ода>? Если считать не каноничность единоличного возглавления Русской Церкви с момента сих трех событий, то это будет неправильно, т<ак> к<ак> на это единоличное назначение и возглавление было закрытое постановление Всероссийского собора, как это разъяснил в момент спора между м<итрополитом> Сергием и архиеп<ископом> Григорием, председателем ВВЦС, за права Местоблюстителя в 1928 г<оду> Василий Зеленцов, еп<ископ> Прилуцкий, бывший на том закрытом заседании, на котором давалось Патриарху полномочие от Собора: "ввиду исключительности переживаемого времени избрать себе единоличного заместителя". Что Патриарх и исполнил в мае 1922 г<ода>, передав права и власть патриаршую м<итрополиту> Агафангелу, а перед смертью актом от 25 декабря 1924 г<ода>/7 января 1925 г<ода> единолично назначил себе трех местоблюстителей. М<итрополит> Петр Крутицкий в свою очередь единолично

актом от 6 дек<абря> 1925 г<ода> свои права и власть передал м<итрополиту> Сергию. Точно так же поступили м<итрополит> Сергей в декабре 1926 г<ода> и м<итрополит> Иосиф, передавший власть архиепископу Серафиму Угличскому. Следовательно, с этого момента считать не каноничность м<итрополита> Сергия не приходится, а если считать с момента освобождения м<итрополита> Сергия, — это будет нелогично. Если же считать с момента издания декларации от 16/29 июля 1927 г<ода>, то этому препятствуют слова заявления от 24 янв<аря>/6 февр<алья> 1928 г<ода>: "сознавая всю неканоничность своего единоличного управления Церковью, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе "патриарший синод" из людей случайных, доверием епископов не пользующихся". Это темное место заявления многих верующих привело в смущение и поступило минусом к выступлению Ярославских пастырей. Хотя при этом любовное, сыновнее письмо архиеп<ископа> Серафима Угличского м<итрополиту> Сергию от 24 янв<аря>/6 февр<алья> 1928 г<ода> покрыло эту недостачу и выявило чистоту их намерений и действий во благо св. Церкви. А посему запрещение в священнослужении м<итрополитом> Сергием отделившихся от него епископов Ярославской и других епархий и назначение на их место других лишней раз доказывает, что м<итрополит> Сергей глух ко всем справедливым представлениям со стороны православного епископата о неправильности его новой церковной политики и своими действиями не уничтожает, а углубляет раскол. Если же он делает это по малодушию и слабости воли, как давший прежде свое обещание внешним проводить неуклонно свою новую политику, то чтобы исправить уже содеянное, из среды епископата должны найтись епископы, подражатели преп. Саввы Освященного

(пам<ять> 5 дек<абря>) и Феодосия Великого (пам<ять> 11 янв<аря>), ибо последние в 517 г<оду> в Иерусалиме поддержали малодушного патриарха Иоакима, убедив его встать твердо за честь Халкидонского IV Вселенского Собора и отвергнуть ранее данное обещание гражданской власти утвердить своим патриаршим авторитетом монофизитскую ересь, — способные поддержать м<итрополита> Сергия при исправлении им своих ошибок и тем даровать мир Церкви, но отнюдь не углублять раскол, ибо грех раскола всецело ляжет на м<итрополита> Сергия и единомысленных с ним епископов, который, по свидетельству св. муч<еника> Киприана Карфагенского, не смоеся и мученической кровью (о единстве Церкви).

— Как относиться к запрещению в священнослужении епископов и клириков, не согласных с новой политикой м<итрополита> Сергия?

— Это дело личной совести каждого — кому совесть не позволяет, пусть не служит, но благочестие хранит.

Каноны же Церкви таковы, что в случае неправильности запрещения виновный, если дерзнет служить, то лишается сана св. собором (Ап<остольское> Прав<ило> 28; Антиох<ийское> 13). А если запрещение неправильное — за благочестие, то запрещенный, если служит, согласно 3 прав<илу> III Вселенского собора Ефесского, не виновен. Так поступил III Вселенский собор, который после осуждения Нестория был отлучен собором Восточных епископов под председательством Иоанна Антиохийского, друга Нестория, за якобы неправильное осуждение Нестория. Но епископы III Вселенского собора, дотоле не служившие (служили одни пресвитеры), совершенно игнорируя наложенные на них со стороны восточных запрещения, совершили торжественное богослужение (В. В. Болотов, 4 том, стр<аницы> 209–210, перифраз). Точно так же посту-

пил и св. патриарх Фотий, великий защитник православной веры, который много раз подвергался несправедливой папской анафеме и, пренебрегая прещением, говорил: "Было время, что анафема была страшна и ужасна, потому что она тогда произносилась против нечестивых и в ограждение благочестивых. Не мнение врага истины делает и наказание страшным, но виновность претерпевающих; а невинность осужденных обращает наказание в стыд судиям" (Лет<sup><опись></sup> церк<sup><овных></sup> соб<sup><ытий></sup> еп<sup><ископа></sup> Арсения, стр<sup><аница></sup> 337). Считаю долгом заметить, что Римские папы в то время были православные, хотя и начали вводить свои новшества, за что и были обличены св. Фотием.

— Как относиться к тем, которые порочат отделяющихся от м<sup><итрополита></sup> Сергия, что будто бы они пошли против м<sup><итрополита></sup> Сергия, защищая не свободу Церкви, а свое оскорбленное самолюбие или имея в виду материальные блага?

— Этим смущаться не следует, ибо таковые обвинения недостойны опровержения, т<sup><ак></sup> к<sup><ак></sup> исходят от таких лиц, которые кроме своих эгоистических целей и материальных выгод ничего не преследуют, а по сему никаких благородных порывов и самоотверженных подвигов и в других не видят, по пословице: "Кто создан ползать по земле, тот летать не может".

— Как относиться к тем епископам, клирикам и мирянам, которые поддерживают м<sup><итрополита></sup> Сергия и осуждают отделившихся от него?

— Здесь вопрос сложный, и для выяснения его необходимо разделить весь епископат, клир и мирян на две группы. Первая группа всецело принимает послание м<sup><итрополита></sup> Сергия от 16/29 июля 27 г<sup><ода></sup>, говоря попросту, и подписывается под ним обеими руками и в силу этого одобряет все его дальнейшие действия

независимо от их каноничности или неканоничности. Эта группа полагает в основание своей веры и деятельности телесный страх и земное благополучие и равнодушна к чистоте веры и благу св. Церкви.

Другая группа всецело осуждает послание м<итрополита> Сергия, но молитвенного общения с ним не порывает, ожидая дальнейшего хода церковных событий, — частью из предосторожности, потому что не могут хорошо разобраться в современных церковных вопросах; частью веря искренности м<итрополита> Сергия, ожидают от него исправления своих ошибок, согласно его посланию от 18/31 декабря 1927 г<ода>, и его ответа группе духовенства и мирян Гатчинского уезда от 19 января/1 февр<аля> 1928 г<ода>, и его письма м<итрополиту> Агафангелу от 28 января с<его> г<ода>. Вторую группу отделившиеся осуждать не должны, но почитать их как своих друзей, которые от них разделяются не образом мыслей, но образом действий, подобно тому как св. Афанасий Вел<икий> приветствовал омиусиан после отделения от них омиев как своих друзей в арианском стане, которые, православно веруя, подобно Григорию Назианзину старшему, не принимали слово омоусиос (единосущный). И подобно св. Василию Вел<икокому>, отделившиеся должны снисходить к немощам близких, который, подражая св. ап<остолу> Павлу, своим снисхождением к немощам близких сам был заподозрен в чистоте православия, и только поддержка его и признание правости его действий со стороны такого борца за Никейский символ, как Афанасий Вел<икий>, образумила неразумных ревнителей и примирила с ним (св. Василием Вел<иким>) православных омиусиан. Что и дало ему возможность довести начатое им дело умиротворения Церкви до конца и тем обеспечить торжество православия на II Вселенском Соборе, хотя до собора он сам и не до-



жил, и преимущественно за это умиротворение Церкви получил он звание великого и учителя вселенной.

А все те, кои не принимают послания от 16/28 июля 27 г<ода> и связанных с ним дальнейших действий м<итрополита> Сергия, направленных на порабощение Церкви со стороны гражданской власти, не должны осуждать отделившихся потому, что на их долю выпал жребий принять на себя первый удар новоцерковной политики м<итрополита> Сергия, и они, жертвуя всем своим земным благополучием и самой жизнью, восстали за свободу св. Церкви, восстали не как враги Креста Христова, подобные обновленцам, григорианам и прочим отщепенцам, но как истинные сыны матери св. Церкви, и если они допустили какие резкие выпады и ошибки, легко исправимые, то все-таки своим выступлением остановили начатое дело порабощения св. Церкви и всем неотделившимся дали время и возможность обсудить спокойно свое положение и избежать неминуемых ошибок в новом для нас деле. Т<ак> к<ак> такого положения, в каком Русская Церковь находится в настоящее время, еще не было во всей мировой истории, ибо не было еще на свете такого государства, которое ставило бы борьбу с Церковью в такую плоскость, не вводя никакой ереси, старалось бы подчинить Церковь своему влиянию и заставить ее служить своим богоборным идеям, а посему и современных церковных деятелей, подпавших под влияние неверующего государства, невозможно обличить ни в какой ереси, но только в подмене христианства антихристианством.

Действия отделившихся от митрополита Сергия епископов и клириков и неотделившихся можно образно представить в следующем виде. Первые, т<о> е<сть> отделившиеся, как хирурги, сделали легкую операцию на теле больного, надеясь, что они своим от-

сечением предупредят ампутацию заболевшего члена. Вторые же, т<о> е<сть> неотделившиеся, как любвеобильные родственники, своею любовью и преданностью утешают больного, представляя ему не так болезненно произведенную операцию. Те и другие имеют одинаковые намерения излечить тяжелобольного, хотя и действуют различно. А всю историю болезни и ее лечения можно представить образно в следующем виде. Микроб болезни высшей церковной власти в лице м<итрополита> Сергия — есть зародившаяся в уме м<итрополита> Сергия в момент изоляции компромиссная мысль, за которой последовало его освобождение. Лечение этого признака болезни — дружеские советы авторитетнейших лиц — не делать вредного для Церкви шага, и как следствие недействительности этого лекарства, т<о> е<сть> не принятия добрых советов — появление красноты. Наружная краснота на теле больного — синод из архиереев с подмоченной репутацией с правами совещательно органа, согласно заявлению м<итрополита> Сергия от 5/18 мая 1927 г<ода>.

Увеличение красноты — присвоение синодом не принадлежащих ему прав и власти соуправляющего м<итрополиту> Сергию и перемещение синодом епископов.

Злокачественный нарост — появление декларации от 16/29 июля 27 г<ода>. Различные способы лечения болезни — осуждение декларации совестью верующих и листовки со стороны ревнителей православия, обличающие деяния м<итрополита> Сергия и его синода и разъясняющие правильное отношение Церкви к государству в современных условиях.

Образование гнойника — указ от 8/21 октября 27 г<ода> о поминовении м<итрополита> Сергия и гражданских властей.

Хирургический разрез гнойника с целью предупредить дальнейшее заражение — частичное отделение от

м<итрополита> Сергия и его синода целых епархий и отдельных приходов. Если после этой операции исцеления не последует, то придется с болью сердца сделать ампутацию заболевшего члена, т<o> е<сть> отделиться окончательно от м<итрополита> Сергия всем ревнителям чистоты православия. Дай Бог, чтобы этого не случилось. Долг м<итрополита> Сергия исправить свои ошибки, ибо ошибаться свойственно всем людям. "И общество священников", говорит св. муч<еник> Киприан Карфагенский, "для того и многочисленно, чтобы исправлять ошибки, если кто-либо из епископов впадет в заблуждение, то другие могли бы братски его исправить" (О единстве Церкви, перифраз).

— Как относиться к епископам и клирикам, возвратившимся из ссылки или освободившимся из заключения и ставшим на сторону м<итрополита> Сергия и его синода?

— Их также можно разделить на две группы. Одни, находясь вдали от центра событий церковных, а посему и незнакомые с ходом церковных дел, естественно, поступают осторожно, попутно знакомясь с положением дела и выслушивая обе стороны, и потом, переработав все слышанное и виденное в горниле своей совести, принимают определенное решение. Другие же при самом освобождении дали обещание быть верными м<итрополиту> Сергию, вне зависимости от правоты его действий, забывая то, что они должны быть верными Христу, охраняя чистоту св. веры и ставя благо св. Церкви выше своего земного благополучия. Хотя последние и хранят свое обещание в тайниках души своей, но им не лишне будет напомнить слова старого исповедника Потамона, сказанные им на Тирском соборе в 335 г<оду> Евсевию Кесарийскому, одному из судей невинного Афанасия: "Ты и я были некогда вместе в темнице за исповедание Христово. Я лишился там гла-

за, как же ты вышел оттуда невредим, не поступившись своей совестью" (Фаррар. Жизнь и труды св. Отцов).

— Как относиться к тем слухам, которые распространяются сторонниками м<итрополита> Сергия, что будто бы ни м<итрополит> Кирилл, ни м<итрополит> Арсений, ни даже сам Местоблюстителъ Петр, ни прочие авторитетные иерархи ничего не имеют против м<итрополита> Сергия и вполне с ним согласны?

— На это можно ответить следующее: против м<итрополита> Сергия как личности и даже как заместителя никто ничего не имеет, ибо он один из образованнейших, мудрейших и авторитетнейших иерархов Российской Церкви, но принять его дела, начиная с образования синода из иерархов с подмоченной репутацией и особенно с выхода в свет его послания от 16/29 июля 27 г<ода>, все дорожащие чистотой православия, свободой и благом св. Церкви едва ли согласятся, а посему можно вопрос в своем ответе поставить так: кто подписывается под посланием м<итрополита> Сергия от 16/29 июля 27 г<ода> и заботится о проведении его в жизнь, тот подлинно и поистине единомыслен с м<итрополитом> Сергием в вопросах его новоцерковной политики и не единомыслен, кто бы он ни был, со всеми верными чадами Церкви Христовой, дорожащими ее свободой и чистотой.

Далее. От таких слухов не следует смущаться, хотя бы они были даже и правильны. Ибо самое исповедание, говорит св. муч<еник> Киприан Карфагенский, еще не освобождает от козней вражеских, и исповедники иногда нечестиво и тяжко согрешают, хотя они вскоре, сознав свою ошибку, спешат исправить ее (О единстве Церкви, перефраз). Пример, Гальские исповедники, пролившие свою кровь за Христа, но потом увлеченные в Новоцианский раскол.

При этом искушении православные должны помнить бессмертные слова Гальского епископа Фебадия, сказанные им императору Констанцию — арианину, привлекавшему его к своему нечестию и указавшему: на пример Либерия, папы Римского, который сравнивал Констанция с Навуходоносором, но после двухлетней и тяжелой ссылки ослабел и подписал арианский символ и согласился на осуждение невинного Афанасия в 358 г<оду>; на пример патриарха соборов IV века Осии Кордубского, по старости плохо разбиравшегося в тонкостях богословия и также подписавшегося под арианским символом в 357 г<оду>. И отвечать: мы не судим о вере по лицам, но о лицах по вере их. Притом все исповедники, находящиеся вдали от центра церковных событий и получавшие одностороннее освещение от высшей церковной власти, легко могут ошибаться, если положатся на авторитет и искренность м<итрополита> Сергия. Пример, св. Епифаний Кипрский, который хотя был и святой муж, но, однако, находясь вдали от Константинополя и положась на тенденциозное сообщение таких авторитетных лиц, как патриарх Александрийский Феофил и императрица Евдоксия, врагов Златоуста, приехал осудить святого мужа, но после личного свидания со св. Златоустом понял свою ошибку и исправил ее. А посему все православные не должны смущаться различными слухами и не колебаться в вере, и терпеливо ждать, пока Господу Богу угодно будет возратить наших исповедников и глаголати с ними усты ко устом.

Ложные слухи, а особенно тенденциозное затемнение истины происходило во все времена, а посему преп. Максим исповедник (п<амать> 21 янв<аря>) вынужден был заявить смущавшим его: "Аще и вся вселенная начнет с патриархом (еретиком) причащаться, аз не имам причащаться с ним. Вем бо Духа Святого, через

Ап<остола> Павла и ангелов анафеме предающего, аще бы инако благовестили, новое что вносяще, ибо Христос Господь Кафолической Церковью нарече быти правое и спасенное веры исповедание". Подобно сему отвечал и Вас<илий> Велик<ий> Терентию Комиту: "Я никогда не соглашусь отступить от истины вследствие того, что кто-либо из людей, получивши какое-нибудь писание, станет хвалиться им; но и в том случае, если бы оно сошло с самих небес, а не следует здравому слову веры" (св. Вас<илий> Вел<икий>, ч<асть> 7, стр<аница> 86. М<осковская> Д<уховная> Ак<адемия>. 1902 г<од>). Такое заявление св. Василия Вел<икого> и Максима исповедника отнюдь было не по гордости, но вытекало из глубины их души и свидетельствовало, что они так были уверены в истине и правоте своего исповедания, что никакие отступления от истины церковных авторитетов и большинства людей, никакие соблазны и страдания не в силах изменить их правой веры и отлучить от любви Христовой.

— Как же мыслить о тех, которые говорят, что то были люди святые, а мы люди грешные, а посему и должны смириться и оказывать слепое послушание начальству и старцам?

— Слепое послушание было тогда, когда были духоносные отцы и матери, полагающие целью своей жизни славу Божию, чистоту веры и спасение своих чад духовных, бывшие совершенными христианами, а посему и слепое послушание им ставилось во главу угла для спасения хотящих последовать их святому примеру. Для нашего же времени этого дара Богом не дано, что и предсказали духоносные старцы. Так, один из них, отвечая на вопрос ученика, какова судьба монашества, препод. старец ответил: "Мы и отцы наши исполнили заповеди Божии, после нас исполняют в половину, а последние вовсе не исполняют, но им пошлются скорби, и

кто в это время окажется добрым — будет выше нас и отцов наших”.

В наше время есть много боговедцев и богочтецов по свидетельству человеческому, однако требующих себе слепого послушания от своих чад духовных. Но труднее найти боговедца и богочтеца, говорит еп<ископ> Игнатий Брянчанинов, свидетельствованного Богом (Неизданные письма. См. Соколова <Морально>аскет<ические> возз<рения> еп<ископа> Игнатия Брян<чанинова>), а потому слепое послушание нужно оказывать им с рассуждением, в особенности в делах веры, ибо преп. Антоний Вел<икий> говорит, что многие своими подвигами изнурили тело, но, однако, удалились от Бога (Древ<ний> Патерик, о рассуждении). Св. Игнатий Богоносец говорит: “Всяк глаголай кроме повеленных, аще и достоверен будет, аще и постит, аще и девствует, аще и знамения творит, аще и пророчествует, волк тебе да мнится в овечей коже, овцам пагубу содевающе” (св. Игнатий Богоносец. К Ирону Диякону, слав<янский> перев<од>. Стр<аница> 57 на обор<оте>. Киев, 1888 г<ода>). Ныне почти нет истинного благочестия, говорит уже святитель Тихон за сто лет перед сим. Ныне одно лицемерство, во-первых, в себе самом, потом в других; убойся именно потому, что оно в характере времени и способно заразить всякого при малейшем уклонении в легкомысленное поведение. Не осуждай ближних, предоставляя суд над ними Богу, — и очистится сердце твое от лицемерства. Преследуй лицемерство в себе, изгоняй его из себя; уклонись от зараженных им масс, действующих и намеренно, и бессознательно в направлении его, прикрывающих служение миру служением Богу, искательство временных благ искательством благ вечных, прикрывающих личиною порочную жизнь и душу, всецело преданную страстям. Спасай да спасет свою душу, сказано остатку христиан Духом

Божиим ("Отечник" Игнатия Брян<чанинова>, заключение, стр<аница> 543, 1903 г<ода>).

Святыми отцами хотя и сказано о слепом послушании старцам, но там разумелось послушание таким старцам, которые заботились всего более о чистоте веры без малейшего пристрастия к земным благам и своему благополучию. Так сказано: верь игумену, как Богу, но это сказано в делах чисто житейских, хотя и имеющих свою целью спасение души. — Таково монастырское послушание, которое должно быть до самой смерти, если потребует благо обители, но не в делах веры, где необходимо самому рассуждать, что послушание старцу или игумену согласно с чистотою веры и заповедями Божиими или нет. Ибо хотя и сказано, что монах или монахиня должны до смерти пребывать в той обители, в которой приняли постриг, но если случится, что игумен или игумения окажутся еретиками, то немедленно должны оставить обитель, согласно 17 правила св. Никифора исповедника (Никод<им> Милаш, ч<асть> 2, стр<аница> 583 или номоканон при Большом требнике Павлова пр<авило> 112), если нет надежды на покаяние игумена или игумении. И при таком положении дела заботящемуся о чистоте веры не следует помышлять, что он останется один, ибо, говорит преп. Антоний Вел<икий>, настанет некогда время, и человеки вознегодуют, увидев неподверженного общей болезни; восстанут на него, говоря: "Ты по преимуществу находишься в недуге, потому что не подобен нам". Здесь весьма не лишним будет заметить, что этому одному надо очень остерегаться помыслов ложного смиренного мудрия, которые не преминут быть предъявлены ему демонами и человеками — орудиями демонов. Обыкновенно в таких случаях мирское мудрование возражает: "Неужели ты один прав, а все или большая часть людей ошибаются". Возражение, не имеющее никакого зна-



чения; всегда немногие, весьма немногие шествовали по узкому пути; в последние дни мира этот путь до крайности оскудеет (Еп<ископ> Игн<атий> Брянч<анинов>. "Отечник", стр<аница> 21, 1903 г<ода>. № 41).

Верить слепо можно только тем духовным руководителям, которые поставляют чистоту веры не на словах, а на деле выше всего и которые могут сказать вместе со св. Кириллом Иерусалимским: "Я вам проповедую истину Евангельскую, и если я почему-либо стану говорить противоположное тому, что говорю сейчас, то тогда не верьте мне" (Оглас. поучение св. Кирилла).

— Почему одни хорошо понимают церковные события, а другие нет, независимо от степени своего образования?

— Относительно разумения или неразумения совершающихся перед нашими глазами церковных и мирских событий люди разделяются на два класса. Одни обладают ведением и мудростью, которая знает давно прошедшее и предугадывает будущее, знает тонкости слов и разрешение загадок (предузнает знамения и последствия лет и времен) (Прем. Соломона 8, 8). Для других необходимы очевидные плоды, т<ак> к<ак> по появившейся зелени они не в состоянии определить качество посеянного семени. Приведем следующий пример: если знающий выйдет в поле, засеянное разными злаками, то по появившейся зелени сразу определит, где посеяна пшеница, где рожь, а где овес, неопытный же возможет определить сорт семян, когда они вполне созреют. Или же, смотря на зерно, опытный в своем воображении живо представляет вид зелени, цвета и семени во всех периодах созревания плода, неопытный же сего не видит. Таково положение в настоящее время церковных дел. Таковы два класса людей в отношении

к современным церковным событиям и, согласно своего понимания, они определяют свои действия<sup>381</sup>.

Относительно же своих действий люди разделяются на три класса. Одни подобны воску, другие подобны камню, а третьи подобны алмазиту. Первые, ставя в основание своей веры и деятельности телесный страх и земное благополучие, легко применяются к обстоятельствам; или как сказал Господь: "Во время благоприятное веруют, а во время напасти отпадают". Такие люди никогда не страдают, т<ак> к<ак> они подобны воску, из которого легко сделать любую фигурку — стоит лишь подавить пальцем — получится впадина. Так и они всегда придерживаются того, кто обладает в настоящее время силой и властью. Так было в 1922 г<о-ду> и в начале 28 г<ода>. Во времена ареста св. Патриарха Тихона, когда большинство духовенства подчинялось ВЦУ<sup>382</sup>, находя для усыпления своей совести и для оправдания себя в глазах верующих благовидные предлоги. С выходом св. Патриарха на свободу они почувствовали силу у него и превратились в кающихся грешников. Так и в настоящее время многие и многие были против декларации м<итрополита> Сергия и его указа о поминовении гражданских властей, но лишь последовало строгое предписание в точности выполнить указ, они тотчас переменили свои мнения и стали ревностными защитниками и последователями сего поминовения, извращая для этого истинный смысл апостольских и святоотеческих писаний.

<sup>381</sup> А самое понимание зависит от чистоты сердца: «блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». Чистота же сердца зависит от кротости и смирения: "научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем", а не видом, ибо смиренным видом бывают и те, кои приходят в одеждах овчих, внутри суть волки хищные (Мф. 7, 15).

<sup>382</sup> ВЦУ — Высшее Церковное Управление.

Другие, подобные камню, полагают в основание своей веры и деятельности славу Божию и благо св. Церкви, но не вполне убежденно, а посему после некоторых страданий и лишений — тюремного заключения и ссылки — ослабевают и, подобно простому камню, сокрушаются тяжелым молотом, соглашаются исполнить волю своих гонителей и затем путем компромиссов стремятся сохранить то и другое — чистоту веры и земное благополучие; и звание исповедников, к голосу которых и верующие должны прислушиваться: они забывают, что Господь не напрасно сказал: "претерпевший до конца, той спасен будет" (Мф. 24, 13), а св. Церковь, согласно слов Господних, венчает только победителей, а не побежденных.

Третьи подобны алмазному, несокрушимому никакими силами. Они, помня Христовы слова: "будь верен до смерти и дам тебе венец живота" (Апок. 2, 10), — не сокрушаются никакими страданиями и всегда бывают победителями и славой Церкви. Ибо, заботясь о чистоте православия и о свободе св. Церкви, не возлюбили души своей даже до смерти (Апок. 12, 11).

— К какому разряду суда по церковным канонам принадлежат деяния м<итрополита> Сергия, начиная с образования так наз<ываемого> патриаршего священного синода и со дня появления в свет его декларации от 16/29 июля 1927 г<ода>?

— Деяния м<итрополита> Сергия даждательного (обвинительного) характера и подлежат соборному суждению, подобно новопоявившейся ереси, которая еще не была осуждена соборным разумом Церкви.

— Почему так?

— Потому, повторяем, что такого положения Церкви, в каком находится в настоящее время Русская Православная Церковь, во всей мировой истории еще не было, ибо не было на свете такого государства, кро-

ме кратковременной французской революции, которое имело бы своей конечной целью уничтожение всякой религии на земле и которое борьбу со Христовой Церковью ставило бы в такую плоскость, при которой, не вводя никакой новой ереси церковного характера, старалось бы Церковь подчинить своему влиянию и лишить той внутренней свободы, которая дарована Ей ее небесным Основателем Христом Господом. А посему и все деяния современных церковных деятелей, подпавших под влияние неверующего государства, должны рассматриваться по дамнакторному способу, т<sup>е</sup>сть по судебному следствию святым собором (Антиох<sup>ийское</sup> Прав<sup>ило</sup> 13), который и должен составить особые правила, которыми на будущее время ограждалась бы внутренняя свобода Церкви от подчинения ее идеям антихристианского правительства.

Примечание: Всеблаговому промыслу Божиему угодно было поставить именно православную Русскую Церковь перед лицом неверующего государства, которая не только велика и по значению своего просвещения, имеющая многочисленный ученый епископат, клир и мирян, по сравнению с прочими автокефальными православными Церквями, а посему свои определения она должна выразить безошибочно, которые определяли бы правильное отношение Церкви к такому государству, которое ставит своей конечной целью борьбу с Богом и Его властью в сердцах народа. Такие соборные определения Русской Церкви будут иметь руководящее значение для всего мира во времена эсхатологические.

— Что может служить критерием неправости новой церковной политики м<sup>итрополита</sup> Сергия?

— Критерием неправоты действий м<sup>итрополита</sup> Сергия служит его декларация от 16/29 июля 27 г<sup>ода</sup>,

толкающая Церковь в политику и приводящая ее к унии с неверующим государством за счет потери внутренней свободы Церкви.

— Что служит критерием непринятия Церковью декларации м<итрополита> Сергия и его синода?

— Критерием непринятия Церковью декларации служит осуждение декларации совестью верующих, и, как знак этого осуждения, есть протест против декларации старших иерархов Русской Церкви, м<итрополита> Агафангела, м<итрополита> Иосифа и архиепископа Серафима Угличского от 24 января/6 фев<аля> 28 г<ода>, т<о> е<сть> протест таких канонических лиц, из которых первые два указаны в завещании св. Патриарха Тихона и Местоблюстителя м<итрополита> Петра Крутицкого, последний (архиеп<ископ> Серафим Угличский), назначенный м<итрополитом> Иосифом, управлял Церковью во времена изоляции м<итрополита> Сергия, и которые этот протест, согласно постановления Всероссийского собора от 8 дек<абря> 1917 г<ода>, ст<атья> 8, обязаны были сделать.

— Но ведь есть слух: что они примирились с м<итрополитом> Сергием?

— Протест этот против декларации и связанных с нею неканонических действий м<итрополита> Сергия должен иметь силу, несмотря на всю неудовлетворительность и даже ошибочность этого документа от 24 января /6 фев<раля> 28 г<ода>.

Должен иметь свою силу самый факт протеста как голос протеста верующих против декларации, даже и в том случае, если бы они (м<итрополит> Агафангел, м<итрополит> Иосиф и архиеп<ископ> Серафим) отказались сами от этого протеста. Как оказалось впоследствии, большинство участников первого Вселенского Собора Никейского от термина «омоусиос»

(единосущный) отказалось, так что почти один Афанасий Вел<икий> в течение 46 лет своего епископства на своих плечах вынес всю борьбу за Никейский символ.

— Но ведь м<итрополит> Сергей в своих писаниях ссылается на пример св. Патриарха Тихона, подражать которому стремится.

— На это отвечаю, что св. Патриарх Тихон в своем управлении Церковью иногда ошибался. Так он сделал две ошибки, способные потрясти всю Церковь, — перешел на новый стиль и было принял в свой синод безбожного Красницкого, но внял голосу Божию, немедленно исправил их, чем и сохранил Церковь Русскую от нового раскола.

Новая церковная политика м<итрополита> Сергия есть тоже ошибка, которая потрясла всю Русскую Православную Церковь, и м<итрополит> Сергей, если подражал почившему Патриарху в ошибках, то и в исправлении оных ошибок должен подражать, чем и доказать, что он искренне ошибся, а не намеренно пошел на компромисс, сохраняя свое благополучие.

— Если же м<итрополит> Сергей сознает свои ошибки и признает декларацию от 16/29 июля своим личным мнением и мнением единомысленных с ним епископов и передаст ее на обсуждение, за невозможностью в настоящее время собрать церковный собор, всего епископата, не исключая и ссыльных епископов, то как должны в таком случае поступить все отделившиеся от м<итрополита> Сергия из-за декларации и связанных с нею его неканонических действий?

— Они, по моему мнению, тогда должны войти с м<итрополитом> Сергием и его синодом в молитвенное и каноническое общение, покрывая братской о Христе любовью своих братьев, и сообща заняться устройством церковных дел на благо св. Церкви, передав

все свои теперешние разногласия суду Божию, как то было сделано в 305 г<оду> на соборе в Пирте (ле-топ<ись> Церков. Собор. 84).

— Если м<итрополит> Сергий не пожелает сознать своих роковых ошибок и будет настойчиво проводить в жизнь свою декларацию от 16/29 июля 27 г<ода> при поддержке гражданского начальства?

— В таком случае пусть он знает и ведаёт, что его декларация, как и все компромиссные документы древности, как то — генотикон (согласительное вероопределение) императора Зинона 482 г<ода>; ексесис (изложение веры), составленный патриархом Сергием-монофелитом и изданный от имени императора Ираклия в 638 г<оду>; типос (тип веры), составленный патриархом Павлом-мнофелитом и обнародованный от имени импер<атора> Констанция в 648 г<оду>; Лионская уния 1274 г<ода> и Флорентийская 1439 г<ода>, — будут Церковью осуждены впоследствии на соборе, как были осуждены все компромиссные деяния высшей церковной власти древности, а в настоящее время (декларация) осуждается совестью верующих.

— Как же поступить в дальнейшем, согласно канон Церкви, если м<итрополит> Сергий ничем не вздумится?

— В таком случае нужно обратиться к определениям Всероссийского собора 1917 г<ода> и на основании его определений поступать. А прежде всего скажем, что относительно высшего церковного управления в каждой поместной Церкви кроме канонів вселенского значения существует свой особый церковный устав, которым и руководится Поместная Церковь при выборе патриархов и назначении членов синода, а также о предании их церковному суду как подсудной мерой, устранением их от должности и заменой их на подсудное время другими иерархами.

Во время синодального управления в Русской Церкви действовал регламент Петра Вел<икого>, а в настоящее время действуют определения Всероссийского церковного поместного собора от 8 декабря 17 г<ода> относительно выбора Патриарха или предания его церковному суду.

Протест старейших русских иерархов Русской Церкви м<итрополита> Агафангела, м<итрополита> Иосифа, архиеп<ископа> Серафима от 24 янв<аря>/6 фев<р<аля> 28 г<ода> был сделан на основании ст<атьи> 8 соборного определения от 8 дек<абря> 1917 г<ода>. Этот протест должен быть сделан вторично официальным путем, и если после вторичного вразумления м<итрополит> Сергей не исправит своих ошибок, то согласно ст<атьи> 10 того же соборного определения епископат должен собрать наличных епископских голосов и предать его (м<итрополита> Сергея) церковному суду, заменив его другим заместителем. Если до этого момента Местоблюститель м<итрополит> Петр Крутицкий не будет выпущен на свободу, с выпуском которого на свободу полномочия м<итрополита> Сергея само собой падают. И до этого момента, по церковным канонам, нельзя не признавать м<итрополита> Сергея заместителем Патриаршего Местоблюстителя, хотя при этом его неканонических распоряжений исполнять нельзя, пассивно ему противодействуя, но в то же время не делая церковного раскола.

А посему все епископы, отделившиеся от м<итрополита> Сергея или отказавшие ему в повиновении, не должны углублять раскола епископскими хиротониями. Если бы была и самая крайняя нужда в новых епископах. Этим они докажут, что они не желают раскола, и если выступили против м<итрополита> Сергея, то с единственной целью защитить внутреннюю свободу Церкви от подчинения неверующему государству.



Пример такого нежелания церковного раскола мы видим в действиях синода свободной Еллады, по настоянию гражданского правительства провозгласившего автокефалию без благословения вселенского патриарха и после целых 17 лет, несмотря на крайнюю нужду в новых епископах, не делавшего епископских хиротоний, пока 29 июня 1860 г<ода> на Константинопольском Соборе Церковь свободной Еллады не была признана законно самостоятельной.

Митрополит же Сергей, со своей стороны, для избежания углубления церковного раскола не должен посылать других архиереев на кафедры от него отделившихся из-за декларации от 16/29 июля 27 г<ода>, ибо такие действия его, согласно 16 правила Двукратного собора, не каноничны и способны еще более углубить раскол, а не уничтожить его.

Всем же иерархам, занявшим чужие кафедры, не лишним считаем напомнить слова огорчения дотоле кроткого и смиренного Иоанна Златоуста о епископе, занявшем его кафедру после его незаконного осуждения и удаления от кафедры; "слышал и я об этом шуте Арсакии, которого императрица посадила на мою кафедру, что он подверг бедствиям всю братию, не пожелавшую иметь с ним общение, многие, таким образом, даже умерли из-за меня в темнице. Этот волк в овечьей шкуре, хотя по наружности епископ, но на деле прелюбодей, потому что как женщина при живом муже, живя с другим, становится прелюбодейкой, так равно прелюбодей и он — не по плоти, а по духу, еще при моей жизни восхитил мою церковную кафедру" (Творения св. Златоуста, т<ом> 3, стр<аницы> 728–729, письмо к еп<ископу> Кириаку, находящемуся, как и Златоуст, в изгнании).

В заключение нашей беседы скажем, что м<итрополит> Сергей, если поистине желает церковного мира,

то свою декларацию должен передать за невозможностью, повторяем, в настоящее время собрать канонически правильный церковный собор, на свободное обсуждение всего епископата, единомысленного и не единомысленного с ним. Подобно тому, как император Лев Вел<икий> в 457 г<оду>, желая узнать истину, потребовал свободного письменного ответа ото всех без исключения епископов, как они относятся к Халкидонскому Собору (см<отри> IV Деян<ия> Вс<еленского> Соб<ора>). И вообще история Церкви нам показывает, что только одни еретики и раскольники силою навязывали свои мнения другим, а православные поступали наоборот, предоставляя на своих соборах свободное обсуждение спорных вопросов, и даже сами православные императоры отказывались присутствовать на вселенских соборах, чтобы своим присутствием не стеснять свободы прений. То же самое свободное обсуждение спорных вопросов происходило на соборах 1666–1667 г<одов>, когда обсуждалось невежественное упорство раскольников, хотя последние и бесчинствовали даже в присутствии царя и патриарха. Так должно быть и в настоящее время, хотя собора собрать и нельзя, но обойтись можно и без собора, как обходились в 1922 г<оду> по делу ВЦС<sup>383</sup> и м<итрополита> Агафангела. Если же паче чаяния по вине м<итрополита> Сергия церковного мира не последует, то и в этом случае православные не должны унывать, а принять все скорби за истину от Всеблагого промысла Божия, для испытания нашей веры ниспосылаемые. Ведь и для св. Апостолов наступило тяжкое время испытания их веры, когда их Божественный Учитель после бесчисленных своих чудес, до воскрешения четверодневного Лазаря включительно был предан позорной смерти со

---

<sup>383</sup> ВЦС — Высший Церковный Совет.

злодеями. Но после глухой темной Гефсиманской ночи последовало светлое и радостное утро воскресения Христова, преложившее скорбь св. Апостолов на радость. Точно так же и во все времена ереси и расколы временно торжествовали, подкрепляемые внешней силой, причиняя скорбь и страдания православным, но за этим временным торжеством тьмы наступало светлое утро торжества православия. Так будет и после наших скорбей, хотя, может быть, к моменту торжества св. веры Церковь Христова и умалится до последней крайности, но мы и тогда имеем утешительное обетование своего Господа "не бойся малое стадо, яко Отец ваш благоволил дати вам царство" (Лк. 12, 32). Это мы должны помнить и не хромать на оба колена. Таково мое "кредо".

"Я христианин есмь и ничего противного быти кесарю не делаю", — был ответ древних христиан на суде римских правителей. По их святому примеру и мы должны отвечать имеющим власть вопрошать нас. — "Я христианин есмь — революцию признаю как совершившийся факт, Богом попущенный, но сочувствовать ей как насилию, сопровождающемуся пролитием человеческой крови, ни ее идеям, не могу. Власти всякой повинуюсь в пределах заповеди: "повиноватися подобает более Богу, нежели человекам" (Деян. 5, 29).

Без всякого употребления слова «лояльность», ибо термин «лояльность», по словарю иностранных слов, имеет разное значение, а посему удовлетворить обе стороны не может.

Хотя Господь и сказал, когда поведут вас пред царей и правителей за имя Мое, "будет же вам это для свидетельства, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противодействовать все, противящиеся вам" (Лк. 21, 12–15), но, однако, были общие положения для ответа христиан: "Я христианин

есмы и ничего противного кесарю не делаю". Ибо правда и мужество должны отличать всех истинных христиан от нехристиан и от ложных христиан, кои суть все еретики и раскольники, чем мы и покажем, что любим Господа Своего, ибо в любви нет страха, боящийся не совершен в любви (1 Иоан. 4, 18), когда будем готовы положить душу свою за Господа Своего. Аминь»<sup>384</sup>.

---

<sup>384</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 150–162.



#### 4. “Что должен знать православный христианин”

«1. Вопрос. Как следует понимать слова Ап. Павла “Несть бо власть, аще не от Бога” (Рим. 13, 1).

Ответ. Власть от Бога, а не начальник, говорит и преподобный Исидор Пелусиот (память 4 февраля), т. е. власть или идеал власти есть тот Божественный порядок, по которому одни начальствуют, а другие подчиняются ради Бога и по чувству долга, как дети родителям.

Таковой Божественный порядок мы видим среди девяти чинов ангельских, из которых одни начальствуют, а другие подчиняются. Таковой порядок существует и среди духов злобы, о чем нам открыло слово Божие (Мф. 9, 34; Ефес. 6, 12), причем духи злобы хотя и отпали от Бога, но, однако, сохранили у себя тот Божественный порядок, т. е. чиноподчинение, — каковой имели, будучи ангелами.

2. В. Когда начальник бывает от Бога.

О. а) Тогда, когда он законно поставлен и творит дело Божие, т. е. служит благу народа и содействует ему в служении Истинному Богу.

б) Когда сам начальник призывает Бога и поклоняется Ему.

3. В. Когда начальник бывает не от Бога.

О. Когда он не хочет знать истинного Бога и когда незаконно захватит сию власть, то не утверждаем, говорит преп. Исидор Пелусиот, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему или изблевать все свое лукавство, как Фараону, и в таком случае понести наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна жестокость, как царь Вавилонский уцеломудрил Иудеев (пр. Исидор Пелусиот на слова: "Несть бо власть аще не от Бога" (Рим. 13, 1) к Дионисию т. 2, Москва, 1860 г., стр. 8, МДАК).

4. В. Как следует православному христианину смотреть на современную гражданскую власть, которая борется с Богом и гонит св. Церковь.

О. Как на попущение Божие, для нашего наказания и вразумления, во исполнение слов св. Писания: "бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы (Амос. 3, 6; — Я Господь и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я Господь, делаю все это (Исайя 45, 7).

5. В. Как следует православным христианам относиться к гражданской власти.

О. Подчиняться во всем, что не противно заповедям Божиим и не вредит нашему спасению; "будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа" (I Петр. 2, 13–14), т. е. платить все налоги и содействовать благосостоянию и безопасности всего народа, но если от нас потребуют чего-либо противного Закону Божию и нашему христианскому званию, то отвечать словами святых Апостолов: — "Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам" (Деян. 5, 29). Ничего не боясь за таковой ответ, ибо без воли Божией и влас главы нашей не спадет. Эти слова Христовы мы долж-

ны знать не только в теории, но главным образом на практике, и тогда мы будем всегда счастливы и радоваться в страданиях своих за Христа и его св. Церковь. Как был счастлив (Деян. 26, 2) и радовался св. ап. Павел: "Радуюсь во страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь" (Колосян. 1, 24).

6. В. Как быть христианину, если его обвиняют в контрреволюции.

О. Этим не следует смущаться. Это обвинение ложное и выдуманно врагами Христа и есть удел всех исповедников веры.

7. В. Откуда это видно.

О. Из святого Евангелия и житий святых. Начало сему положил Иудейский синедрион, который пред лицом Пилата в политическом преступлении обвинял Христа Господа, говоря: — Он развращает народ наш и запрещает давать подать Кесарю, называя себя Христом Царем (Лук. 23, 2). Тогда как Христос Господь сказал: "Воздадите кесарево Кесарю, а Божие Богу" (Мф. 22, 21). По примеру обвинений на Христа, в политических или уголовных преступлениях также обвинялись и все борцы за св. веру и Церковь православную, как, например, св. Афанасий Вел. (п<амять> 2 мая), св. Мартин Исповедник папа Рим. (п<амять> 14 апреля), преп. Максим Исповедник (п<амять> 21 января), преп. Иоанн Дамаскин (п<амять> 4 декабря), преп. Феодор Студит (п<амять> 11 ноября) и многие другие.

8. В. Какая цель таких обвинений со стороны врагов Христа и Его св. Церкви.

О. Цель та, чтобы — во-первых, ослабить силу духа у исповедников и привести их в смущение. — Правда ли,

что они страдают за Христа, о вере в Которого их даже и не спрашивают, но обвиняют их в таких преступлениях, которых они не совершали, и угоден ли Богу их подвиг. — Во-вторых, выставить их в глазах народа не как исповедников веры, святому примеру которых христиане должны следовать, но как преступников, достойных наказания. Только в таких случаях милость Божия, чистота совести и веры сохраняют исповедников Христовых от падения, и православный народ привлекает к ним.

Примечание. Причем исповедников веры, которые занимали высокое положение в обществе, обвиняли в государственных преступлениях, а кои по своему общественному положению не могли быть обвинены в государственном преступлении, тех обвиняли в уголовных преступлениях или безнравственной жизни. В настоящее время они, почти все, обвиняются в контрреволюции.

9. В. Как Церковь и всякий христианин в частности относится к революции и контрреволюции.

О. Необходимо прежде всего выяснить, что означает слово «революция» и на основании этого определения определить свое отношение к ней.

10. В. Что означает слово «революция».

О. Слово «революция», по словарю иностранных слов, есть всякое насильственное действие: будет ли это государственный переворот или общественный, или даже семейный. Другими словами, революция есть насилие.

11. В. Может ли Церковь сочувствовать этому насилию.

О. Нет, не может.



## 12. В. Почему.

О. Да потому, что всякое насилие Церковь отвергает и сочувствовать ему не может. Тем более, что это насилие, почти всегда, сопровождается пролитием человеческой крови и есть зло в очах Божиих и его св. Церкви.

Примечание. Церковь терпит насилие в своем мировом масштабе постоянно, но ему не сочувствует и его не канонизирует. Она терпела насилие от Римских императоров языческих — гонения на христиан. Она терпела насилие от Греко-Римских императоров еретических, и плод этого насилия были еретические соборы вроде Копронимова 754 г. Далее, она терпела насилие от Греческих императоров политических, которые, чтобы получить военную помощь против турок от западных христиан, решили подчинить восточную Церковь главенству Римских пап, и плод этого насилия были две унии Лионская 1274 г. и Флорентийская 1439 г., обе отвергнутые верующим народом, который решил лучше потерять политическую свободу, чем религиозную, дарованную св. Церкви ее Божественным Основателем Христом Господом.

13. В. Как же Церковь относилась к государственным переворотам.

О. Она признавала их только как совершившийся факт, Богом попущенный для наказания людей, не более.

## 14. В. Всегда ли Церковь так поступала.

О. Всегда, да иначе и быть не могло. Так она поступала при частых династических переворотах христианской Греко-Римской империи, признавая их как свершившийся факт для избежания большего зла. Так Церковь поступала и у нас в России во время княжеских междоусобий, когда русские удельные князья от-

нимали власть друг у друга или сам народ изгонял своих князей. Церковь об этом скорбела и только старалась примирить враждующих. Так же русская Церковь поступала и во время частых дворцовых переворотов 18-го века, вовсе им не сочувствуя и не канонизируя их. Так Церковь поступает и в настоящее время, когда в корне изменился весь государственный строй. Когда прежняя идея государственности, установленная Самим Богом и вытекающая из идеи семьи, изменилась. Церковь это приняла только как совершившийся факт, допущенный Богом, не более.

15. В. Что такое идея государственности, вытекающая из идеи семьи, установленная Самим Богом.

О. Идея семьи есть взаимная любовь родителей к своим детям и обратно с обязательной для каждого члена семьи заботой о благосостоянии и безопасности своего семейства. Из совокупности семей равных родоначальников образовались государства с тою же обязанностью каждого гражданина заботиться о благосостоянии и безопасности своего народа. Это есть Божественное установление, о чем нам повествует книга Бытия и особенно история Израильского народа.

16. В. Идея семьи и государственности, установленная Самим Богом, принадлежит ли одному христианству или принадлежит и прочим иноверным народам, не знающим Истинного Бога.

О. Да. Принадлежит и всем иноверным народам, — где хранится Божественный порядок передачи власти, который мы видим из книги Бытия, а именно: из благословения Ноя, Исаака и Иакова своим сынам.

17. В. Чем отличается современная нам идея государственности от идеи, установленной Самим Богом.

О. Тем, что в прежней идее государственности власть передавалась сверху вниз, от Бога через верховную власть, преемственно до последнего самого малого начальника (I Петр. 2, 13–14). А у современной нам идеи государственности власть, взятая снизу, передается вверх, т. е. извратился Божественный порядок, а посему эту власть нельзя признать законной, т. е. нельзя признать властью от Бога, но только Богом попущенной, как выше было сказано (Отв. 4).

18. В. Какие же причины и последствия такого нарушения Божественного установления.

О. Причины — есть недовольство своим положением и неверие в промысел Божий. Последствие — восстание на Бога и властное богоборчество, чему начало Нимврод, потомок Адама, скончавшееся вавилонским столпотворением и смешением языков (Быт. 10, 8; 11, 4–7).

19. В. Когда окончится богоборчество.

О. В последние дни мира, когда нечестивец (антихрист) задумает воспротивиться Самому Богу: "И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его" (Апокал.19,19).

20. В. Какие же причины гонений на Церковь со стороны неверующей власти.

О. Стремление подчинить Церковь своему влиянию и через Церковь приготовить народ к будущему принятию антихриста как политического и духовного главы падшего человечества.

21. В. Каким образом совершится соединение в одном лице верховной власти политической и духовной, и нет ли тому признаков в древней истории мира.

О. Есть. Первый пример мы видим в истории ветхозаветных патриархов. Второй пример мы видим в истории Римской империи.

22. В. Как же это объяснить, чтобы было понятно всякому.

О. Объясняется это двойственностью природы человека. Господь создал человека из души и тела и дал законы для его земного бытия, подчинив детей власти родительской. С размножением рода человеческого Господь поставил над каждым народом особых правителей, которые заботились о земном благополучии врученных их попечению и власти людей. Для духовной природы человека, т. е. для души, Господь также даровал Свои законы — заповеди, за исполнение которых обещал вечную блаженную жизнь и соединение с Богом в Его Небесном Царствии.

Вначале родоначальники были как физическими, так и духовными главами и руководителями своего потомства. Они заботились не только о земном благополучии своих домочадцев, но и предстательствовали о них перед Богом, т. е. были священниками своего потомства и народа. Так Мельхиседек царь Салима был священник Бога Всевышнего (Евр. 7, 1).

23. В. Всегда ли это было в Ветхозаветной церкви.

О. Нет, не всегда. С размножением потомства патриарха Иакова Господь для предстательства пред Ним за народ избрал одно из колен сынов Израиля — колено Левино, которое и стало священниками всего народа Израильского (Исх. 28, 1; Евр. 7, 5). С этого момента произошло разделение власти гражданской и власти церковной в Ветхозаветной церкви, но среди народов языческих совмещение обязанностей гражданских и духовных в одном лице продолжалось до самого паде-

ния язычества, так что Римский император считался верховным первосвященником (Понтифекс Максимус). И сам Юлиан Отступник как верховный первосвященник приносил жертвы идолам.

24. В. Возможно ли в христианстве совмещение в одном лице власти гражданской и власти духовной.

О. Нет, не возможно.

25. Почему.

О. Да потому, что христианство не от мира сего и есть служение Единому Богу и ясно различается от служения миру: "воздадите кесарево Кесарю, а Божие Богу" (Мф. 22, 24). Только Сам Христос Господь в Своем лице соединяет обе эти власти.

Он, как царь мира, создал государства, поставив над каждым народом правителей, т. е. епископов внешних дел, каким именем назвал себя Константин Вел. пред отцами первого Вселенского собора, сказав: "Я епископ внешних дел, поставленный Богом на сие служение". (Как бы ученые ни толковали слова Константина Вел., но они выражают действительно то истинное положение вещей, какое наблюдается в мироздании.) Все правители именно есть епископы внешних дел, физических, тогда как св. Апостолы и их преемники есть епископы дел духовных, поставленные на служение Христом Господом при основании Его св. Церкви (Мф. 16, 19–20). Те и другие, повторяем, соединены под единою Главою Христом. Таким образом, ввиду разделения Богом между правителями и епископами дел гражданских и дел церковных смешение между ними или подчинение одних другим не возможно.

26. В. Бывали ли попытки подчинить Церковь власти гражданской.

О. Да. Бывали и многократно. Это случалось тогда, когда гражданское правительство состояло из еретиков, которые путем насилия старались привить Церкви свое пагубное заблуждение. Пример тому: арианин Констанций, сын равноапостольного Константина Вел., Константин Копроним и другие.

27. В. Чем же Церковь отвечала на такие попытки.

О. Церковь ценою мученичества и исповедничества отстаивала свою свободу и независимость, дарованную ей Христом: "Если Сын освободит вас, то истинно освобождены будете" (Иоанн. 8, 36). И все попытки еретиков остались бесплодны.

28. В. Какая же причина стремлений современной гражданской власти подчинить Церковь своему влиянию и власти, когда антихриста еще нет, и власть гражданская не еретическая, но только неверующая.

О. Власть гражданская борется с Богом путем проведения в жизнь коммунистических идей и есть переходная ступень к полному антихристианству и власти богоборца антихриста. И ей необходимо одобрение ее действий со стороны духовенства, которое, кстати сказать, необходимо и самому богоборцу антихристу и которое в лице лжепророка (Апокал. 13, 11–15) укажет народу антихриста как самого лучшего правителя. Чтобы этого достигнуть, необходимо изменить понятия духовенства, приучив его волей или неволей зло называть добром, а добро злом, а этого без гонения на духовенство сделать невозможно.

29. В. Каким образом антихристианство проникает в среду христиан.

О. Антихристианство в среде христиан проникает для многих незаметно, оставляя только внешнюю форму христианства, а самый дух и сущность христианства заменяя антихристианством.

### 30. В. Как это узнать.

О. Христианство требует подвига исповедания и страдания за Христа. Антихристианство или ложное христианство бежит от подвига и путем компромиссов и сделок со своей совестью стремится сохранить свое внешнее благополучие, т. е. думает следовать за Христом, не неся креста своего, но Христос говорит таким людям грозные слова: "кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником" (Лук. 14, 27). Причем несение креста есть не только путь скорбей и страданий, но главным образом есть преданность воле Божией: "Не Моя воля, но Твоя будет" (Лука 22, 42). Страдание же или благополучие не от нас зависят, но от Бога, по слову Св. Писания: "без воли Божией и влас с главы вашей не упадет". От нас требуется только преданность воле Божией и готовность на страдания за свое исповедание за Христа как Сына Божия и Спасителя мира.

31. В. Может ли Христова Церковь идти на компромиссное соглашение с неверующей гражданской властью, если не может, то почему.

О. Не может, потому что это пользы не принесет и недостойно истинных последователей Христа, которые если сознают себя единомысленными и единоверными со святыми мучениками и исповедниками первых трех веков и последующих, то не должны этого делать, но отстаивать свою свободу, как отстаивала древняя Христова Церковь. Ибо такова воля Божия, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и

огнем испытываемого золота (I Петр. 1, 7), если вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете (I Петр. 4, 13).

32. В. Какие же требования неверующей гражданской власти предъявлены к Церкви.

О. Первое. Оправдать ее противные христианству действия, т. е. признать справедливость революции, которая, повторяем, по словарю иностранных слов, есть насилие, кем бы оно ни совершалось, противно учению Христову и духу Его св. Церкви и Церковью никогда оправдано не будет.

Второе. Сочувствовать революции и ее идеям — и отсюда обвинение в контрреволюции всех христиан, и кои, по своей христианской совести, не могут сочувствовать ни революции как таковой, ни ее идеям, не отрекаясь от Христа хотя бы внешне.

Третье. Признать компетентность неверующей власти в делах чисто церковных и признать ее покровительницей Церкви, что не естественно.

33. В. Что дает гражданская власть за признание правоты ее богоборных действий и сочувствия им.

О. Центральное церковное управление, свободу действий для сохранения истинных христиан и благоденственное мирное житие, хотя весьма относительное и призрачное.

34. В. Есть ли принявшие такое предложение правительства.

О. К сожалению, есть. Таковы живцы-обновленцы, (см. деяния собора 1923 г.) ВЦС, Лубенцы, Самосвяты и разные автокефалисты, кои суть все враги Христовой Церкви и ложные христиане, продавшие, как Исав



свое первородство за чечевичную похлебку (Быт. 25, 31–34).

35. В. Какая же цель таковых требований правительства, предъявленных к Церкви.

О. Власть коммунистическая, как выше сказано, есть переходная ступень к антихристанству и самому антихристу, а посему ее идеи и требования есть прообраз будущих идей и требований к христианам со стороны антихриста.

36. В. Какие же идеи и требования антихриста.

О. Соединение в одном лице власти гражданской и власти духовной и желание признания его со стороны христиан своим единственным покровителем.

Картину таких требований со стороны антихриста христианам изобразил Владимир Соловьев в своей повести об антихристе (см. три разговора). Антихрист, достигнув политического владычества как всемирный монарх, соберет вселенский собор из представителей всех религий (прообразом такого собора был конгресс всех религий, собранный в Чикаго в Америке в 1893 г.) и предложит всем религиям признать его единственным своим главою и покровителем, причем главное свое внимание обратит на христиан всех ориентаций, обещая им за признание его своим покровителем все блага земные, а непокорным грозя страшными репрессиями. И все ложные христиане, для которых земное благополучие дороже спасения своей души, прельщаемые антихристом, поспешат перейти на его сторону и признают его не только политическим, но и духовным своим владыкою и богом. Не то ли мы видим и в настоящее время, когда власть гражданская, как самая справедливая в мире, признана всеми отщепенцами, которые не жалеют никаких раб-

ски льстивых похвал для нее за дарованную им свободу действий (см. деяния лжесобора 1923–25 г. и все раскольнические журналы), считая безбожную власть своей покровительницей.

37. В. На каких условиях Церковь и коммунизм могли бы рядом существовать, ведя идейную борьбу между собой и в то же время не стесняя человеческой свободы.

О. На тех самых условиях, какие существуют и в мире духовном между ангелами и духами злобы. Те и другие, имея объектом своего влияния душу человека, не стесняют, однако, его свободы, и от самого человека зависит, послушать совет ангела или совет демона. Или как, например, в мире физическом церковный колокол призывает христианина в храм Божий на молитву, а театр посредством афиш и плакатов зовет его же на веселое представление. Причем ни церковный колокол, ни театр не стесняют человеческой свободы, и от самого человека зависит, послушать призыва того или другого.

38. В. Можно ли молиться за современную нам неверующую власть.

О. Нет, потому что ее идеи, как моральные, так и физические, противны христианству.

39. В. Как же св. Апостол Павел повелел молиться за царей и всех начальствующих (I Тим. 2, 2). Тогда власть была языческая, и римские императоры мучили и гнали христиан, и их идеи были противны христианству.

О. Цель апостольской заповеди была молитва о спасении людей, а не молитва о поспешении их идеям, которые могут быть противны христианству (но, од-

нако же, идеи Римского государства были согласны с христианством и установлены Самим Богом) (Рим. 13,1–7), что он далее сам и поясняет: "Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (ст. 4).

40. В. Что побудило св. Апостола Павла дать заповедь о молитве за власть имущих.

О. Тому причиной всеобъемлющая любовь Христова "Отче отпусти им, не ведят бо, что творят", которой св. Апостол желал научить христиан, ибо они, гонимые и мучимые, естественно, могли питать враждебное чувство к своим гонителям, что было противно заповеди Божией о любви к врагам, каковую заповедь совершенные христиане восполняли в точности, пример — первомученик архидиакон Стефан: "Господи, не постави им греха сего" (Деян. 7, 60)<sup>385</sup>.

Вторая причина апостольской заповеди та: что Римские языческие императоры, хотя и гнали христиан, но в то же время блюли идею государственности, установленную Самим Богом, нередко жертвуя своею жизнью за благо своего народа без различия национальностей и вероисповедания. И христиане, как граждане Римского государства, хотя и гонимые, обязаны были своими молитвами помогать своему правительству защищать свое отечество, так как сами в том были заинтересованы, ибо если Римское войско бывало разбито, то от нашествия врагов страдали не одни язычники, но и христиане как

---

<sup>385</sup> Кроме личных врагов есть еще враги Божии и Его св. Церкви и враги отечества. На три разряда каковых разделяет и м. Филарет, когда говорит: "гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша" (Слово в 19 неделю по Пятидесятнице 1806–08 г. // Слова и речи м. Филарета, Москва. Т. 1. Москва, 1873 г. С. 289).

граждане одного и того же государства. Но Юлиану Отступнику христиане не могли содействовать своими молитвами, т. к. его благополучное возвращение принесло бы смерть христианству. И христиане во главе с такими светилами Церкви, как Василий Великий и Григорий Богослов, молили Бога о поражении Юлиана, и Бог услышал их молитву, и Юлиан был убит<sup>386</sup>. Так и св. Апостол Павел не мог желать, чтобы язычество процветало, а посему заповедал христианам о том молиться.

41. В. Какая же разница между идеями язычества и идеями коммунизма.

О. Язычество, думая пронести службу Богу (Иоанн 16, 2)<sup>387</sup>, заставляло христиан кланяться своим богам, не желающих же сего делать называло безбожниками, а коммунизм отвлекает от Истинного Бога к безбожию с определенной целью разрушить веру во Единого Истинного Бога, т. е. стремится уничтожить христианство, заменив его антихристианством.

42. В. Какие же к тому приняты меры.

О. Введен гражданский брак, который фактически в самом корне уничтожает идею семьи, установленную Богом, и получается скотская жизнь. Патриотизм за-

<sup>386</sup> Преп. Юлиан пустынный в Месопотамии, во время лютого на Церковь гонения от Юлиана отступника бывше молящися к Богу, слыша глас свыше глаголющий: "Не точию Твоих ради молить, но и иных ради многих молений и слез, злочестивый Юлиан закаляется; и убиен бысть в то время скверный оный Отступник" (Жит. Свят. 18 сентября) (подобное см. 1 января Жит. Василия Велик.).

<sup>387</sup> Т. е. язычники признавали высшее себя "начало", т. е. признавали Бога, хотя и ложно в Него веровали, а посему и были способны принять проповедь о Христе, говорит Тертулиан, что отметил св. Апостол Павел в Афинах (Деян. 17, 22–23).

менен интернационализмом и классовой борьбой. Святая обязанность каждого гражданина защищать свое отечество, жертвуя своею жизнью для блага своего народа, по слову Христову: "нет больше той любви, кто душу свою положит за други своя" (Иоанн. 15, 13) — заменена обязанностью стремиться ко всемирной революции и защищать ее идеи, кои суть классовая борьба и богоборчество, несущие смерть христианству, а посему христианин и не может своею молитвою воспомоществовать революционной власти<sup>388</sup>.

43. В В изданном м. Сергием указе от 8/21 октября не сказано, что Церковь должна молиться об успехах революции, но сказано просто: "о стране нашей и властях ее".

О. Прошение на ектении о стране нашей Российской поставлено вместо прошения об императоре и оканчивается: "о еже покорити под нозе его всякого врага и супостата", т. е. в этом прошении Церковь молится о благопоспешении своему правительству. И если прибавлено в прошении о стране нашей и властях ее, но не сказано, о чем молиться, то это само собой ясно и никого не может обмануть: не сказано же, о чем мы должны молиться или по недомыслию, или намеренно, чтобы обмануть малых сих, но св. Церковь никого не может обманывать, ибо все, что говорится от лица Церкви, должно дышать истиной, и молитва ее должна быть разумная, но не слепая, тем более не может быть лукавая, ибо лукавнующий, по слову Св. Писания, потребится (Пс. 36, 9).

---

<sup>388</sup> Такая молитва запрещена была Богом еще в Ветхом Завете пророку Иеремии, которому Господь сказал: "Ты не молись за них, ибо Я не услышу тебя, не видишь ли что они делают" (Иер. 7, 16–17).

44. В. Как же можно молиться о властях.

О. Власти наши, с христианской точки зрения, есть заблудшие, то и молиться о них можно только как о заблудших, и то только о тех, кои прежде были христиане, такая молитва находится в конце псалтири в помяннике.

45. В. Молятся ли христиане в других государствах о своих властях неверных.

О. В магометанской Турции не молятся, чему свидетели мы все поклонники гроба Господня в Иерусалиме и о чем упоминает и проф. Скабалланович в своем толковании Типикона ч. 2 стр.102. В Австро-Венгрии православные сербы, румыны и русины не молились о своем императоре Франце-Иосифе как неправославном; то же самое не поминались имена короля Георга — лютеранина в православной Греции и царя Фердинанда — католика в православной Болгарии, вместо их поминались их православные престолонаследники<sup>389</sup>. Таковой порядок в православных странах Востока подтверждается и ответом Вселенского Патриарха Геннадия Синайского монахам в 1460 г. на их вопрос, можно ли принять милостыню от неправославного государя и как молиться за него. Патриарх Геннадий ответил: милостыню вы можете принять от него для его же пользы, да останется он в христианстве, но открыто за богослужением не поминайте его, но в своей трапезе после благодарения Бога за пищу, если заблагорассудите, можете о

<sup>389</sup> Болгарский синод 1888 г. был разогнан Фердинандом Кебургским, и синодальные члены с жандармами были высланы из столицы за то, что отказались ввести в церквях молитву за князя-католика, оскорблявшего многими своими действиями Православную Церковь. После этого правительство в течение шести лет не позволяло собираться синоду (История христианских Церквей. П. И. Малицкого. Вып. 3. Тула, 1913. С. 155).

нем просить Господа, да причтет его в число истинных чад св. Своей Церкви и воскликнуть о нем: "Господи помилуй" (Лет. Цер. соб. еп. Арсения). Но в известных случаях молитва о них могла быть допустима, т. к. они блюли идею государственности, установленную Самим Богом.

46. В. Как нужно смотреть на послание м. Сергия и его синода от 16/29 июля 1927 г.

О. Признать его как личное мнение м. Сергия и единомысленных с ним епископов, не обязательное для прочих членов православной Русской Церкви.

47. В. Почему так, ведь послание м. Сергия есть декларация к гражданскому правительству от лица всей Русской Церкви.

О. Потому что оно издано с нарушением 34 Апостольского правила, которое повелевает епископам всякого народа знать первого из них, почитать его как главу и без его рассуждения ничего превышающего их власть не предпринимать, но и первый ничего да творит без рассуждения всех.

Первый епископ нашей Церкви Патриаршей местоблюститель м. Крутицкий Петр находится в ссылке, куда послан из Тобольска почти в самый момент появления в свет декларации м. Сергия, следовательно, местоблюстителем не дано благословения м. Сергию на таковой шаг.

Во-вторых — декларация не обсуждалась всем епископатом, а издана почти единолично м. Сергием, если не считать его синода, не имеющего канонического основания, т. к. он (синод) не избран Всероссийским Поместным собором и даже не избран всем епископатом Российской Православной Церкви.

48. В. Современные условия церковной жизни не позволяют всем епископам собраться воедино для обсуждения декларации.

О. Можно обойтись и без общего собрания епископов, чему уже были примеры, когда весь епископат, не исключая ссыльных епископов, и вся Церковь поддерживала м. Сергия в его борьбе с архиеп. Григорием, председателем ВВЦС, и м. Агафангелом, и декларация от 28 мая/ 10 июня 1926 г. была передана м. Сергием на обсуждение всего епископата, тем более что времени с момента освобождения м. Сергия до издания декларации прошло 4 месяца.

49. В. Следовательно, послание м. Сергия от 16/29 июля 1927 г. есть каноническая ошибка.

О. Да. Тем более что оно не дало свободы Церкви, епископы во главе с местоблюстителем м. Петром по-прежнему томятся в тюрьмах и ссылках; если освобождены некоторые, которые или окончили срок своего заключения, или оказались единомысленны с творцами июльского послания. Далее. Уже при существовании послания разрушены такие народные святыни, как Саров и Дивеево, и поставлено на очередном съезде Советов усилить антирелигиозную пропаганду.

50. В. Следовательно, благодарность, выраженная в послании м. Сергия, советскому правительству за внимание к духовным нуждам православной Церкви, бесполезна.

О. Да. Не только бесполезна, но ее не должно и быть, потому что она есть или обманутая доверчивость, или лесть, недостойная христианина, или нежелание знать, что христианство и коммунизм взаимно исключают друг друга, т. е. вера во Единого Истинного Бога и бого-



борчество в мире между собой жить не могут, и идейная борьба между ними неизбежна, и атеизм не может быть покровителем христианства.

51. В. Бывали ли в истории епископы, которые отказывали неверному правительству в благодарности, когда оно гнало Церковь православную.

О. Да, бывали. Таков первый Болгарский епископ Стефан Кованевич, которому в 1854 г. Порта, чтобы придать в глазах православных болгар священное значение войне с Россией, приказывала освятить воинские знамена для так наз. славянских казаков, но он не согласился на это, а также отказался подписать во имя болгар благодарственный адрес султану за его будто бы отеческие милости им. И за этот отказ еп. Стефан был сослан в Трапезунд, но Господь Бог благословил его на подвиг.

52. В. В чем же выражается благословение Божие еп. Стефану.

О. В том, что в Трапезунде он нашел до 50 тысяч тайных христиан и крестил 2025 человек их детей обою пола, исполняя притом и другие требы с опасностью ежеминутно быть расстрелянным (Лет. Церк. соб. еп. Арсения 1890 г.). В этом-то и выражается благословение Божие, ибо как ангелы на небеси, по слову Христову, радуются о едином грешнике кающемся, так и для христианина, тем более епископа, нет большей радости, как видеть Церковь Христову умножающуюся. — "Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят во истине" (3 Иоан. 4).

53. В. Какие же неправильности в послании м. Сергия.

О. Вообще в нем много неясностей и недоговоренности, но особенно бросается в глаза фраза о предполагаемом соборе, который должен одобрить принятую м. Сергием позицию, на котором будет избрано высшее центральное церковное управление. Что означают эти слова — будет ли избран патриарх или патриаршество будет совсем уничтожено и заменено синодальным управлением, послание не поясняет, что православных приводит в смущение.

54. В. Какая разница между патриаршеством и синодальным управлением.

О. Та, что патриарх единолично возглавляет Церковь и он один ответственен за нее, хотя, согласно 34 Апостольского правила, без рассуждения всего епископата ничего важного один предпринимать не может, а при синодальном управлении ответственного лица нет, т. к. в случае какого-либо неправильного решения каждый член синода — архиерей легко снимет с себя ответственность, говоря: так решил синод — я подчинился большинству. Притом с одним патриархом гражданской власти, в случае столкновения ее с патриархом, труднее справиться, чем с целым синодом. Т. к. при патриаршестве, если страждет патриарх, то всем ясно, что Церковь терпит гонение; при синодальном же управлении этого не заметно, т. к. всегда истинно-православных и крепких духом архипастырей, легко и незаметно для народа, можно удалить из состава синода, заменив их другими угодными правительству лицами. Что нередко случалось за синодальный период, когда стойкие и крепкие духом и правдивые архипастыри бывали уволены на покой или даже лишены сана, что наблюдалось в Русской Церкви при Бироне, а в синоде оставались архиереи вроде Феофана Прокоповича, и некому тогда было постоять за

святую веру и Церковь православную, не было у нее главы и вождя патриарха.

55. В. При каких условиях предполагаемый собор может быть принят верующими как православный, обязательный для всей Русской Церкви.

О. Первое условие: участие на нем всех епископов наших исповедников во главе с местоблюстителем Петром Крутицким и м. Кириллом.

Второе условие: избрание патриарха.

Третье условие: сохранение чистоты православия и свободы Церкви от вмешательства в дела чисто церковные гражданской власти, согласно декрета: об отделении Церкви от государства.

С нарушением этих условий собор не может быть принят верующим народом, который в этом случае исполнит только учение Церкви, выраженное в послании Восточных патриархов от 6 мая 1848 г.

& 17. У православных ни патриархи, ни соборы никогда не могли внести чего-либо нового, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить свою веру неизменной, согласной с верой отцев его.

56. В. Как смотреть на распоряжение м. Сергия о поминовении его за богослужениями "как господина нашего" наравне с местоблюстителем м. Петром.

О. Как неканоническое по трем причинам.

Во-первых: он (м. Сергей) не имеет на это благословения ни местоблюстителя, ни собора 1917 г., избравшего Патриарха. Ибо в Церкви Божией все по чину бывает (I Кор. 14, 40), а посему и Патриарх не сам себя наименовал Святейшим и не сам велел возносить за богослужением свое имя во всех православных храмах Российской Церкви взамен упоминания св. Синода. Это

сделал Всероссийский собор как Высшая Церковная власть поместной Церкви (см. определения Всерос. Соб. от 8 дек. 1917 г. && 1 и 3). Также не сам себя избрал м. Петр местоблюстителем, но был указан в патриаршем завещании от 25 декабря 1924 г. / 7 янв. 1925 г. и утвержден был в должности местоблюстителя патриаршего престола собором епископов, не сам м. Петр повелел возносить за богослужением свое имя во всех православных храмах как патриаршего местоблюстителя, на это было постановление собора 1917–18 гг. (см. определения собора от 28 июля / 10 августа 1918 г.), и если он, лишаемый свободы действий в передаточном документе от 6 дек. 1925 г., завещал о поименовании себя как патриаршего местоблюстителя, то это сделал законно, как имеющий прежде на то право и для сохранения единства Церкви.

Во-вторых: со времени образования синода и послания от 16/29 июля 1927 г. и последующих действий у Церкви с м. Сергием прекратилось единомыслие, а поименование епископа за богослужением "как господина нашего" есть именно, выражение этого единомыслия: "возлюбим друг друга; да единомыслием исповемы".

В-третьих: поименованием имени м. Сергия "как господина нашего" затемняется личность м. Петра как патриаршего местоблюстителя и готовится незаметно для народа отмена патриаршества, подобно тому как было при Петре Великом.

57. В. В каком месте богослужения поминать м. Сергия.

О. На проскомидии и на заздравной ектеньи, в том месте прошения, где все поминаются: скорбящие, болящие и пр. Помянуть же его "как господина нашего" только в том храме, где он лично служит и присутствует за богослужением.

58. В. Когда можно прекратить каноническое и молитвенное общение с м. Сергием.

О. 1) Тогда, когда он сам выйдет из молитвенного общения и канонического подчинения Патриаршему местоблюстителю, т. е. перестанет за богослужением возносить имя м. Петра "как господина нашего" Патриаршего местоблюстителя" согласно 15 прав. Двукратного Собора.

2) Когда соберет собор без местоблюстителя и прочих наших исповедников епископов и сделает попытку выдать этот собор за Всероссийский с обязательством его постановлений для всей Церкви.

3) Когда на этом соборе или сам лично отменит патриаршество и т. п.

59. В. Что такое автокефалисты, упоминаемые в ответе № 34.

О. Автокефалистами называются те раскольники, которые, чтобы избежать гонений за крест Христов (Гал. 6, 12), отмежевались от православной Церкви, прекратив поминовение местоблюстителя м. Петра и не пристали ни к одному раскольничьему движению, а заняли нейтральное положение между православием и расколом обновленчества и григорьевщины и думают тем службу принести Богу (Иоан. 16, 2), т. е. сохраняют свое земное благополучие и хотят следовать за Христом, не неся креста своего, но слышат грозные слова Христовы: "Кто не несет креста своего и следует за Мной, не может быть Моим учеником" (Лук. 14, 27); кто не со Мной, тот против Меня; кто не собирает со Мной, тот расточает (Мф. 12, 30); кто не против вас, тот за вас" (Марк. 9, 40).

60. В. Можно ли ходить на молитву в неправославные храмы.

О. Нет, потому что вместе с ересью войдет в храм или в обитель бес, и будут они пустыми домами "се оставляется вам дом ваш пуст" (Мф. 23, 38). Подлинно, как скоро введена ересь, то отлетел ангел-хранитель тех мест, по словам Вел. Василия, и такой храм стал обыкновенным домом. И не вниду, говорит Псалмопевец, в церковь лукавующих (Пс. 25, 5) (Ник. Милаш. Тол. Прав., ч. 2, стр. 597, вопр. и отв. 3; Василия Вел., ч. 7, стр. 154, письмо к Никопольским пресвитерам). Аминь»<sup>390</sup>.

---

<sup>390</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 213 об. — 221 об.



## 5. "К обличению митрополита Сергия"<sup>391</sup>

«Св. Нифонт предрекал, что "в последние времена занимающие престолы священства во всем мире будут вовсе не искусны и не будут знать художества добродетели... Ибо все будут низложены чревоугодием и тщеславием"<sup>392</sup> ... Также и препод. Серафим Саровский предсказывал: "...будет время, когда архиереи земли русской и проч. духовные лица уклонятся от сохранения православия во всей его чистоте, и за это гнев Божий поразит их"<sup>393</sup> ...

Эти слова наиболее оправдываются на епископате нашего времени: в течение вот уже 10 лет ни один из православных русских архиереев не дерзнул разобрать больной для всех вопрос о взаимоотношениях между Церковью и нынешней гражданской властью с точки зрения правоучения П<равославной> Ц<еркви>. На протяжении 10 лет мы имеем диаметрально противоположные решения этого вопроса и даже одними и теми же лицами. Так, например, покойный Патриарх Тихон

---

<sup>391</sup> Автор документа священник Павел Боротинский. — *Прим. сост.*

<sup>392</sup> Варсануф. и Иоан. Руковод. М., 1893. С. 496.

<sup>393</sup> Душеполезное Чтение. 1912. № 2.

в 1918 г. анафематствовал власть, а в 1923 г. раскаивался в этом пред им же самим анафематствованной властью. Он же в 1923–24 годах издает распоряжение о поминовении ее за богослужением, но он вынужден был отказаться от этого шага. Те же самые архиереи, которые в 1918 году подписывали особое постановление от 22 января, "с любовью приветствовали послание свят. патриарха" об анафематствовании власти и "свидетельствовали" о своей готовности "жертвенно исповедовать свою веру"<sup>394</sup>, в 1927 г., "перекрасившись в советские цвета", с той же любовью свидетельствовали, что их радость — наша радость"<sup>395</sup> и что те, которых они раньше, в 1918 г. приняли было за "злых лиходеев и врагов Церкви", — суть власть "законная и нормальная, при которой в благочестии можно жить тихо и безмятежно".

Удивляться, однако, такому явлению не следует. Из истории видно, что даже в наиболее цветущие времена ее жизни большинство епископата почти всегда стояли не на высоте своего звания, уклоняясь от истины. Выразителями истины и борцами за нее являлись большею частью отдельные лица /Афанасий Великий, Кирилл Александрийский, Марк Эфесский/, часто даже не епископского достоинства /Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Феодор Студит/. Бывало даже и так, что почти весь епископат целой поместной Церкви уклонялся в ересь. Так, например, было на известном соборе 754 г., на котором присутствовало 338 епископов и почти все они голосовали против иконопочитания<sup>396</sup>. Впрочем, хотя и тогда были времена лютые, но на тверди

<sup>394</sup> См.: Церковные Ведомости. 1918. № 5.

<sup>395</sup> Воззвание злочестивого Сергия.

<sup>396</sup> Болотов В. В. Лекция по истории Древней Церкви. Т. IV. 1918. С. 522.



церковной были и великие светила, освещавшие путь к истине всем, способным к ее восприятию. В нынешнее время при всем желании менее всего можно полагаться на авторитет тех или других лиц, ибо святыми отцами за много веков предсказано, что "занимающие престолы священства будут вовсе неискусны", а иноки "отнюдь не будут иметь монашеского делания"<sup>397</sup>. Епископ Брянчанинов еще 70 лет назад писал, что "есть много богословов по свидетельству человеческого, но трудно найти Богом засвидетельствованного богослова и боготца"<sup>398</sup>. В беседах с некоторыми "богословами и боготцами, свидетельствовавших человекам", мы не нашли удовлетворения по этому больному вопросу: обычное плавание по течению и, в лучшем случае, решительное уклонение от бесед на эту тему под благовидным предлогом нежелания смешивать Церковь с политикой. Но может ли Церковь быть аполитичной, доколе чада ее обитают на территории какого-либо государства, независимо от того — находится ли она в союзе с государством или нет? Все наши действия, мысли, чувства — или положительны, или отрицательны: их нравственное достоинство определяет Церковь, ибо она входит во все стороны человеческой жизни, в том числе и в гражданскую жизнь, определяя нравственное достоинство каждого деяния человека как гражданина. Из истории Церкви мы видим не только Сергиев и Ермогенов, благословлявших к свержению "чужего ярма", но и Филиппов, обличающих "грозных" Амвросиев, отлучающих императоров от Церкви. Амвросий Медиоланский потребовал даже от императора Феодосия В<еликого> издания закона о том, чтобы между произнесением смертного приговора и

<sup>397</sup> Еп<ископ> Игн<атий> Бр<янчанинов>. Т. V. Изд. 2-е. С. 137.

<sup>398</sup> Еп<ископ> Игн<атий> Бр<янчанинов>. Неизд. письма.

приведением его в исполнение проходило не менее месяца<sup>399</sup>.

Ныне к приходским священникам приходят и спрашивают — можно ли отдавать детей в "ясли, детские дома" или жертвовать на разные "филантропические (!)"<sup>400</sup> учреждения с богоборческими целями. Все это есть вмешательство Церкви в политику. Между Церковью и политикой такое же взаимоотношение, какое существует между душой и телом. Душа может жить без тела, когда она отделяется от него, но пока она живет в теле, она не может не влиять на физическую жизнь тела. Церковь может быть аполитична, но только тогда, когда будет жить в пустыне, доколе же она живет в государстве, аполитичной она быть не может. А раз так, то нужно ставить вопрос ребром — можно ли христианину признавать так называемую советскую власть?

Решение этого вопроса весьма затемняется тем, что мы отождествляем понятие о "признании" власти с понятием о "повиновении" власти, тогда как эти понятия далеко не тождественные. Когда мы попадаем в плен к разбойникам, то мы повинемся им, если нас заставляют мыть полы, стряпать и т. п., поскольку их требования не идут вразрез с христианской совестью: но это отнюдь не значит, что, исполняя эти требования, мы считаем себя членами их шайки или "признаем" их, т. е. те задачи и цели, к которым направлена их деятельность: это не значит, что "их радости и успехи" мы признаем за свои.

"Признавать" власть — значит солидаризироваться с нею и оправдывать те задачи и цели, к достижению которых она стремится как таковая, и считать против-

<sup>399</sup> *Поселянин Е. Жития Св. М XII.*

<sup>400</sup> В тексте пробел в скобках, очевидно, предполагалось греческое написание — *Прим. сост.*

ление ей противлением Самому Богу (Рим. XIII, 2), солидаризация эта, конечно, не всегда распространяется и на практические способы их осуществления.

Теперь, когда карты большевиков раскрыты и как ими самими и некоторыми исследователями едва ли можно оспаривать, что сравнение их с шайкой разбойников является лишь слабым подобием печальной действительности, что эпитет разбойника в отношении идеологии, способов осуществления и происхождения советской власти является слишком мягким, что гораздо ближе к истине было бы характеризовать их как сатанистов, как и предполагалось на Соборе 1917–18 гг. Но хотя вышеприведенная аналогия и не вполне точна, тем не менее она вполне разрешает те недоумения, которые возникают в связи с вопросом об отношении к советской власти. Проведя параллель между советской властью и шайкой разбойников, мы легко уясним себе, что повинование им допустимо под влиянием насилия в пределах заповеди "повиноваться подобает Богу паче нежели человеку" (Деян. V, 29). Признание же их и добровольное служение им во всех видах совершенно недопустимо, как недопустимо служение и признание (добровольное, конечно) разбойникам.

Тем чудовищнее представляется признание советской власти властью от Бога со стороны нашего епископата. В основание такого утверждения приводится обычно известный текст из послания к Рим.: "всяка душа властем предержащим да повинуется: несть бо власть аще не от Бога" (Рим. XIII, I), известно, что все ереси и заблуждения происходят от того, что в основу понимания Свящ. Писания ставится свое личное разумение. Поэтому как бы ни казалось ясным какое-либо место из Свящ. Писания, православная Церковь вменяет всем своим чадам, не исключая, конечно, и архиереев, в непрременную обязанность руководство

ваться в понимании слова Божия святоотеческим разумом.

Сравнивая святоотеческое толкование вышеозначенного текста с пониманием его нашими архиереями, приходится заключать о том, что последние извращают истинный его смысл подобно тому, как протестанты извращают истинный смысл, напр., следующих слов Спасителя: "не то, что входит в уста, человека оскверняет: но то, что выходит из уст" (Мф. 15, II). Хотя входящее в уста и не оскверняет человека, но из этого нельзя делать вывода о ненужности постов в смысле перемены пищи, как это делают протестанты. Подобно этому хотя Апостол и говорит, что "несть бо власти, аще не от Бога", но из этого не следует заключать о приложимости этих слов к советской власти.

Но приведем подлинное толкование св. Отцов из толкования еписк. Феофана Затворника на послание к Римлянам: слова св. Иоанна Златоустаго:

"...несть бо власть аще не от Бога, — говорит Апостол. Как это? Ужели всякий НАЧАЛЬНИК ПОСТАВЛЕН ОТ БОГА? НЕ ТО ГОВОРЮ Я, ОТВЕТСТВУЕТ АПОСТОЛ, У МЕНЯ ИДЕТ ТЕПЕРЬ РЕЧЬ НЕ О КАЖДОМ НАЧАЛЬНИКЕ В ОСОБЕННОСТИ, НО О САМОМ НАЧАЛЬСТВЕ. Что есть начальство, что одни начальствуют, а другие подчинены им... Посему Апостол НЕ СКАЗАЛ, ЧТО НЕТ НАЧАЛЬНИКА, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ БЫ ПОСТАВЛЕН ОТ БОГА, НО, РАССУЖДАЯ ВООБЩЕ О (власти) НАЧАЛЬСТВЕ... ПОДОБНО СЕМУ, КОГДА ПРЕМУДРЫЙ ГОВОРИТ, ЧТО ОТ ГОСПОДА СОЧЕТАВАЕТСЯ ЖЕНА МУЖЕВИ (Пр. XIX, 14), РАЗУМЕЕМ ЧЕРЕЗ СИЕ, ЧТО БРАК УСТАНОВЛЕН ОТ БОГА, А НЕ ТО, ЧТО БОГ СОЧЕТОВАЕТ КАЖДОГО ВСТУПАЮЩЕГО В БРАК, ИНО ВИДИМ, ЧТО МНОГИЕ ВСТУПАЮТ В БРАК С ХУДЫМИ ВИДАМИ И НЕ ПО ЗАКОНУ, ЧЕГО,

**ОДНАКО ЖЕ, НИКАК НЕ МОЖЕМ ВМЕНИТЬ БОГУ" ...**

"Поелику равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды начальства и подчиненных, как-то между мужем и женой, между сыном и отцом, между старцем и юношей, рабом и свободным..."

"Напротив, безначалие везде есть зло и производит замешательство" ...

Таким образом, по разуму св. Отцев, ап. Павел относит к Богу происхождение **ЛИШЬ ИНСТИТУТА ВЛАСТИ**, в персональном же смысле от Бога только та власть, которая имеет добрые задачи и цели, власть же, имеющая какие-либо "**ХУДЫЕ ВИДЫ**", по мысли Златоуста, не от Бога. Государственная власть м<ожет> б<ыть> от Бога, но не всякий имущий власть от Бога: папство от Бога, но не всякий папство от Бога...

В отрицательном смысле (т. е. в смысле поущения) все от Бога, но что Апостол здесь говорит не о поущении Божиим, это видно и из текста его речи: он имеет в виду только такую власть, которая за доброе "похваляет", а за недоброе наказывает.

**«Князи БО НЕ СУТЬ БОЯЗНЬ ДОБРЫМ ДЕЛОМ, НО ЗЛЫМ. ХОЩЕМ ЛИ НЕ БОЯТЬСЯ ВЛАСТИ БЛАГОЕ ТВОРИ И ИМЕТИ БУДЕШИ ПОХВАЛУ ОТ НЕГО. БОЖИЙ БО СЛУГА ЕСТЬ ТЕБЕ ВО БЛАГОЕ. АЩЕ ЛИ ЗЛЕ ТВОРИШИ, БОЙСЯ, НЕ БО БЕЗ УМА МЕЧ НОСИТ: БОЖИЙ БО СЛУГА ЕСТЬ ОТМСТИТЕЛЬ В ГНЕВ (т. е. наказание) ЗЛО ТВОРЯЩЕМУ (Рим. XIII, 3–4).** Что эти слова не приложимы к советской власти, видно из того, что основные задачи и цели, к осуществлению которых стремится советская власть, — уничтожение религии и насаждение анархии — таковы, что всякий христианин фатально обречен на борьбу с ними и, творя сие "благое", ждать должен не похвалы, а меча. Если папство будет, исполняя папский долг,

объяснять пасомым, что с христианской точки зрения гражданский брак есть блуд, а аборт — убийство, или он будет удерживать их от воспитания детей в безбожных филантропических учреждениях — яслях, детских домах... то за это он, конечно, не похвалу получит. До сих пор земля не видела еще такого государства, которое ставило бы борьбу со всякого рода религией — основной своей целью.

**ЛОЗУНГ — "РЕЛИГИЯ ЕСТЬ ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА"** — центр всей философии научного марксизма, и все последователи его... первой своей обязанностью считают не только отступление от Бога, но и борьбу против Него: "союз безбожников", море антирелигиозной литературы, наводняющей большевистское царство, не выдумка, а яд, действие которого... могут видеть все. Без антирелигиозной борьбы немыслимо даже существование советских государств. Все государственные церемонии носят у них исключительно чистый, без всякой примеси богоборческий характер. Все школы, все государственные, культурные и общественные организации и учреждения не только вытравливают идею Бога из голов своих подданных, но и активно борются против всего "называемого Богом или Святыней" (II Солун. II, 4), только то одно и имея в виду, чтобы стереть с лица земли средневековые суеверия (т. е. религию) и насадить взамен этого новые семена антирелигиозного мирозерцания.

Отвергая идею всякой власти и имея целью похищение Божеской и человеческой власти, большевистское законодательство ВСЕ пропитано классовой ненавистью, направленной в сторону насаждения анархических начал, как в области международного государственного права, так и в области гражданских взаимоотношений в нем. Кодекс уголовный возводит в степень важнейшего государственного преступления всякое действие или

бездействие, направленное в сторону борьбы против начал безбожия и анархизма, карая эти преступления со всей строгостью и беспощадностью.

В соответствии с этими анархическими началами строится и так называемый "новый быт" и нравы советских граждан. Достаточно перевернуть наоборот все заповеди десятислова и блаженств, чтобы получить кодекс тех коммунистических заповедей, за исполнение которых получают похвалы в советском государстве, где ПЕРВАЯ заповедь требует от своих подданных отрицания всякого божества; ВТОРАЯ — прилепления исключительно к земному; ТРЕТЬЯ родит такой вид призывания имени Господа всуе, перед которым меркнет тяжелое наследие от времен татарского ига; ЧЕТВЕРТАЯ — отменяет "праздничные времена и закон" (Дан. VII, 25); ПЯТАЯ — лишая родителей своих прав над детьми, учит всякому неповиновению Богоустановленной власти; ШЕСТАЯ — санкционирует убийство человека даже в его эмбрионическом состоянии; СЕДЬМАЯ возводит прелюбодеяние до степени семейной нормы в новом быту; ВОСЬМАЯ — узаконяя похищение чужой собственности, номенклатируя ее громкими, ничего не говорящими названиями "конфискацией", "реквизицией" и т. п. терминами, которые библейским языком сведены в одно краткое, но понятное: "не укради"; ДЕВЯТАЯ в образе антирелигиозной литературы представляет собой такое море лжи, такое извращение фактов, документов, памятников... (Ярославские, Немоевские, Древсы, Лафарги, Браумы, Демьяны...), что в нем не видно даже просвета правды, даже намек на истину, и наконец, ДЕСЯТАЯ заповедь только при помощи одной зависти разжигает все высшие человеческие страсти, ведя с опытностью сатаны к нарушению девяти предыдущих заповедей христианской нравственности. То же и в блаженствах.

Таким образом, слова Апостола — **ПРОТИВЛЯЮЩИЙСЯ ВЛАСТИ ПРОТИВИТСЯ БОЖИЮ УСТАНОВЛЕНИЮ** (Римл. XIII, 2) во всей силе и точности могут относиться **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** к большевикам, ибо здесь речь у апостола и идет по вышеприведенному толкованию св. отцов **ОБ ИНСТИТУТЕ ВЛАСТИ, А К СВЕРЖЕНИЮ ИМЕННО ЕГО И СТРЕМИТСЯ БОЛЬШЕВИЗМ**. Хотя в истории известны многочисленные примеры переворотов, но все они были совершаемы не с целью уничтожения самого института власти. Потому советская власть и является **В СОБСТВЕННОМ СМЫСЛЕ И ЕДИНСТВЕННОЙ** на протяжении всей мировой истории противницей и разрушительницей Богом установленной власти и по тому самому не может происходить от Бога, ибо Бог Себе Самому противиться не может, и говорить после того о происхождении советской власти от Бога все равно что утверждать и говорить — "несть бо блудник пьяница, убийца аще не от Бога", так как в смысле поущения и они от Бога, но если такое выражение недопустимо как явно кощунственное, то в отношении большевиков оно тем более недопустимо, чем более разница между убийцей, пьяницей и блудником, с одной стороны, и сатанистом, антихристом и богоборцем — с другой стороны.

Итак, ни текст послания ап. Павла, ни святоотеческие толкования, ни контекст послания, ни сущность большевизма как учения, отрицающего самый принцип власти... не дают никаких оснований утверждать о происхождении советской власти от Бога, и потому все ссылающиеся на вышеозначенные слова апостола употребляют сектантский прием подтасовки текстов Священного Писания, разумея происхождение нынешних властей от Бога в отрицательном смысле, прилагают к ним текст из слова Божия, который говорит о происхождении власти от Бога в положительном смысле.



То обстоятельство, что апостол писал об языческих императорах, нисколько не оправдывает мнений о происхождении советской власти от Бога: о лицах общественного служения мы судим не по их личным недостаткам, а по тем основным задачам и целям, к которым направлена их общественная деятельность; каковы бы ни были языческие или даже многие христианские императоры (в том числе и русские, напр. Петр Вел. — кощунник...), но те общественные задачи и цели, к которым они стремились, не имели под собой тех анархических основ, которые составляют сущность большевизма.

Указание на гонение христиан со стороны языческих властей также не имеет серьезного значения, так как из истории Ц<еркви> известно, что язычники гнали христиан как безбожников: последние не имели храмов, идолов, жертвоприношений... и пр. внешних выражений религиозного культа, чем давали повод подозревать себя в безбожии. Потому, когда случалось какое-либо стихийное бедствие (разлив Тибра, Нила), язычники видели в этом гнев богов за безбожие христиан, и в результате раздавался крик — "христиан ко львам" и поднималось гонение. Обвинение христиан в так назыв. <*crimen laesae majestatis*><sup>401</sup> также имело религиозную подкладку — "культ цезарей". Ни из-за чего другого не было пролито так много христианской крови, как из-за этого религиозного почитания (Лебед<ев> А. П. Эпоха гонений. 1904, 12).

В истории Церкви НЕКОТОРОЕ подобие советской власти мы имеем лишь в лице Юлиана Отступника. Говорим "некоторое" — потому, что он был собственно христорборцем, но не богоборец и анархист. Поэтому мы

---

<sup>401</sup> «Преступление против власти» (лат.) — приписка на полях напротив пробела в тексте. — *Прим. сост.*

имеем нравственное право считать отношение христиан к Юлиану минимальной нормой отношения к советской власти. Достовернейшие исторические данные по этому вопросу мы имеем в творениях знаменитейших отцов и учителей Церкви — свв. Василия Великого и Григория Богослова. Из этих творений видно, что о какой-либо "лояльности" к Юлиану Отступнику не было уже и речи.

Что может быть нейтральнее должности врача? И что же? Назианская паства настоятельно требовала от Григория старшего отозвания своего сына Кесаря, состоявшего врачом при дворе Юлиана Отступника. Выражая свой голос, голос Василия В <еликого>, своего друга, и голос всей Назианской паствы, св. Григорий Богослов писал своему брату Кесарию следующее:

«Довольно было стыда за тебя. Ибо о том, что мы огорчились, нужно ли писать тебе, который больше всех в этом уверен. Не говорю о себе и о том, каким беспокойством, а позволь сказать, и страхом, исполнил нас слух о тебе: желал бы я, чтобы ты, если это возможно было бы, сам послушал, что говорят о тебе и другие, и свои, и посторонние, сколько ни есть знакомые, ЕСЛИ ТОЛЬКО ОНИ ХРИСТИАНЕ. И не только одни говорят, а другие нет, напротив того, все равно и в один голос повторяют, потому что людям приятнее рассуждать о чужих делах. И вот обратилось им КАК БЫ В ПОСТОЯННОЕ ЗАНЯТИЕ говорить следующее: "и епископский сын ныне уже в службе домогается царских чинов и славы, уступает над собой победу корыстолюбию, потому что ныне все воспламенено страстию к деньгам и ДЛЯ НИХ НЕ ЩАДЯТ ЛЮДИ ДУШИ своей, и не мало не поставляют для себя и единственной славы и безопасности и обогащения в том, чтобы мужественно противоборствовать ВРЕМЕНИ И ПОСТАВИТЬ СЕБЯ КАК МОЖНО ДАЛЬШЕ ОТ ВСЯКОЙ НЕЧИСТОТЫ И

СКВЕРНЫ. Как епископы теперь уговорят другого не увлекаться временем, не оскверняться общением с идолами: как теперь наказывать проступившихся в чем-нибудь, когда сам епископ не смеет сказать слова по причине случившегося у него дома...»

Поклонникам и защитникам советской власти (верящим благим намерениям ее) не лишне припомнить ответ св. Григория Богослова говорившим в защиту Юлиана, что... "он не предписывал всенародно указами гнать христиан" ... и тем пытавшийся доказать, что он не был гонителем: "никто еще, говорит св. Григорий, <не назвал> гидры кроткою за то, что она вместо одной головы... имеет девять, или патарской химеры — за то, что у нее три головы, непохожие одна на другую, отчего она кажется еще страшнее... или морского чудовища сциллы за то, что вокруг нее шесть отвратительных голов, и хотя верхняя половина ее показывала нечто благообразное кроткое... но ниже были головы собачьи, звериные... губившие множество кораблей...", "и ужели ты будешь винить стрелы стрелка и пращника: или... яды, составителей ядов ...а действующих ими... считать невинными в том, на что они отваживаются..."

Для характеристики Юлиана св. Григорий не жалеет никаких красок: "...После Ирода — гонитель, после Иуды — предатель, после Пилата — христубийца... после иудеев — богоненавистник..."

Мечтающим проводить "тихое и безмолвное житие" ...при советской власти и "распарившимся" от безмерной любви к ней, поскольку выражением этого может служить кощунственное поминовение ее за богослужением, св. Григорий Богослов говорит: "...с трудом перенося настоящее и сокрушаясь о будущем (потому что и САМАЯ БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ К СВОИМ ОТ НАС СОКРЫВАЕМАЯ БЫЛА ДЛЯ НАС НЕСТЕРПИМОЙ), возносили мы глас свой к Богу: то призывая Его как

Владыку, то умоляя Его как благого Отца, то как бы жалуясь и вступая с Ним в суд, что свойственно людям сетующим”, зывали:

“Вскую, Боже, отринул еси до конца, разгневался ярость Твоя на овцы пажити Твояе (Пс. 73, 1)... Воздвигни руке Твои на гордыни их в конец” (3)... **“МЫ ПРИЗЫВАЛИ МЕЧ И ЕГИПЕТСКИЕ КАЗНИ, УМОЛЯЛИ БОГА ВОССТАТЬ НАКОНЕЦ НА НЕЧЕСТИВЫХ... Мы вспоминали о винограднике, который... для злых властелинов стал открыт и опустошен ЭТИМ ДИКИМ ВЕПРЕМ, ЛУКАВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, УСВОИВШИМ СЕБЕ ЗЛО, ПРЕИСПОЛНЕННЫМ ТИНОЮ ЗЛА”**<sup>402</sup>.

Молитвы его и Василия и прочих христиан были наконец услышаны.

Так молились о христорборце. Так и поныне Церковь молится об агарянах, вкладывая в уста своих чад следующие слова: **“МЕРЗКОЕ И БОГОХУЛЬНОЕ АГАРЯНСКОЕ ЦАРСТВО ВСКОРЕ ИСПРОВЕРГНИ...”**

Не иначе можно молиться и о советской власти. Ибо поминовение власти за богослужением имеет значение молитвы о благопоспешении власти во всех ее начинаниях: в отношении советской власти это значило бы молиться о преуспянии богоборцев.

Сергию Страгородскому не мешает также припомнить, как он в первую революцию отказал студентам Петроградской Духовной Академии в просьбе отслужить панихиду по лейтенанте Шмидте. Ведь о нем он и на самом деле, м. б., без особенного насилия над своею совестью, мог бы помолиться, ибо тогда мало кому бы-

<sup>402</sup> Два обличительных слова св. Григория Богослова на Юлиана Отступника, написанные им с целью пригвоздить к позорному столбу деяния его и воздвигнуть ему памятник выше столпов Ираклевых, который бы обличал изменника и устрашал других отваживаться на подобное же восстание против Бога.

ли известны истинные цели "делателей революции" и весьма, весьма многие увлекались идеями революции и социализма по неведению, веря в их благие намерения.

Такова минимальная норма отношений к советской власти.

Но помимо всего этого мы имеем авторитетнейший голос всей русской Церкви, выраженный соборно. По верованию Православной Церкви Соборные ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕСТЬ СОИЗВОЛЕНИЕ СВ. ДУХА. Как истинные чада православной Церкви мы имеем поэтому непременный долг принять постановления Собора 1917–18 г. по данному вопросу, как выражение воли Божией, как наставление Св. Духа.

Соборное деяние по вопросу об отношении к нынешним властям изложено в постановлении от 22-го января того же года, которым анафематствовались "безбожные" "властелины тьмы века сего", а все "верные чада П<равославной> Ц<еркви> заклинались не вступать в общение с ними". В этом постановлении говорится следующее:

«Свящ. Синод В<сероссийской> П<равославной> Ц<еркви> с любовью приветствует послание св<ятейшего> Патр. Тихона, карающее злых лиходеев и обличающее врагов Ц<еркви> Х<ристовой>. С высоты патриаршего престола прогремело слово прещения и поднят меч духовный против тех, кто совершает непрерывные надругательства над святынями веры и совести народной. Священный собор свидетельствует, что он пребывает в полнейшем единении с отцем и молитвенником Ц<еркви> Р<оссийской>, внемлет его призыву и готов жертвенно исповедывать веру Христову против ее хулителей. Священный собор призывает и всю Р<оссийскую> Ц<ерковь> во главе со своими архипастырями и пастырями объединиться ныне вокруг Пат-

риарха, дабы не дать "на поругание веры нашей" » (см. Церк<овные> вед<омости> 1918 г. № 5).

К настоящему времени, правда, большая часть епископата и духовенства и даже сам почивший Патр. Тихон отказались от своих воззрений, оставив благорассмотрительному рассуждению верных чад П<равославной> Ц<еркви> разрешить возникающий в связи с неустойчивостью епископских убеждений недоуменный вопрос — когда же Св. Дух ошибся — в 1918 г., когда устами Патр. Тихона анафематствовал "безбожных властелинов тьмы века сего", или в 1923 г., когда уже приносилось раскаяние в анафематствовании "безбожных властелинов" устами того же Патриарха, или в 1927 г., когда злочестивый Сергей приглашал "выразить всенародно благодарность советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения"? Которое деяние считать подлинным волеизъявлением Св. Духа — выше ли приведенное соборное постановление от 22 января 1918 г. или послание, выпущенное в августе 1923 г. и подписанное Патриархом Тихоном, митрополитами — Тихоном Уральским и Серафимом Тверским и архиепископом Илларионом (что нам лично подтвердил Тихон Уральский), в котором, между прочим, говорилось, что ЦЕРКОВЬ СТОИТ НА СТОРОНЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, Церковь молится за нее, что советская власть от Бога и т. п., или, наконец, воззвание Сергия с его самозванным синодом, в коем "радости и успехи" безбожного и богоборческого правительства являются и присваиваются Церкви?

Если мы на одну чашку весов поставим почти весь епископат Р<оссийской> Ц<еркви> во главе с его виднейшими представителями, лучших представителей от монашества и мирян, выдающиеся научно-богословские силы, если мы вспомним, что многие из них явили

себя исповедниками и даже запечатлели веру мученической кровию, если на другую чашку весов поставить таких лиц, как Сергей Страгородский, который давно уже стяжал славу умного и просвещеннейшего архипастыря, но который сначала держался в Финляндии униального т<ак> н<азываемого> Окуловского направления, а позднее — совершенно противоположного Киприановского направления, который, будучи бесшестым членом Свящ. Синода, ни разу не возвысил голоса против распутиинан, с началом революции переметнулся к Львову, с появлением "Живой Церкви" перебежал в "ВЦУ", затем делал безуспешную попытку образовать свою церковную группу, после этого надумал принести покаяние, наконец, кончил тем, что бросил солидную горсть на коммунистическо-сатанинский жертвенник ладану; или таких лиц, как архиереи, которые успели за последние годы побывать в беглоповстве и т. д. — то решение вышепоставленного вопроса в совести верных чад П<равославной> Ц<еркви> едва ли встретит затруднение.

То обстоятельство, что в настоящее время большая часть участников Собора 1917–18 г. не держится решений его по вопросу об отношении к советской власти, — не может подрывать веру в его богодухновенность: точно такая же судьба постигла и знаменитейший первый Вселенский Собор, после которого участники его, разъехавшись по домам, отказались от «никейского» символа: так что Афанасий Великий в течение 48 лет после собора выдерживал упорную борьбу, защищая "никейскую веру", один вынес на своих плечах всю ее тяжесть: лишь к концу его жизни Господь воздвиг ему достойных сподвижников на поприще защиты православия в лице отцев Каппадокийцев.

Но мы не только отстаиваем богодухновенность собора 1917–1918 г., но дерзаем высказать предположе-

ние, что этот собор и есть тот 8 вселенский собор, о котором предсказывал преп. Серафим Саровский. Основанием для такого предположения служит во 1-х содержание предсказания преподобного, а во 2-х сущность понятия о вселенском соборе. Правда, до сих пор в богословских науках нет точного определения вселенского собора. Как бы то ни было, но вселенскими соборы названы не потому, что на них были представители всех Церквей, ибо это условие не всегда соблюдалось, — и не потому, что постановления их принимаемы были всеми церквями, так как некоторые вселенские соборы получили всеобщее признание спустя несколько десятков лет. По определению В. В. Болотова вселенским собором является таковой, который православно выразил учение Церкви. Этот признак наиболее существенный. По этому признаку можно составить довольно точное понятие и определение вселенского собора: вселенский собор есть тот, который православно выразил истину, имеющую вселенское значение.

Вопрос об отношении к большевизму есть такой вопрос, который имеет значение не только для христианского, но и для нехристианского мира и, следовательно, является по преимуществу вселенским, ибо всем государствам мира впервые на протяжении всей мировой истории пришлось встретиться с учением, которое стремится подорвать религиозные и гражданские основы их.

Чтобы избежать смерти от большевистской инфекции, единственным средством, парализующим ее действие, было бы следование патриаршим указаниям послания от 19/І 1918 г. и постановлениям собора 1917–1918 г. от 22 января 1918 г. Но, увы, никто не пожелал порвать с большевизмом.

Предсказание преп. Серафима о 8-м вселенском соборе также весьма знаменательно:



...до рождения антихриста на Руси будет патриарх... после этого соберется 8-й вселенский собор ДЛЯ ПРОКЛЯТИЯ масонства, франк-масонства, иллюминатства, якобинства и других партий, ПОД КАКИМ БЫ НАЗВАНИЕМ ОНИ НИ ПОЯВИЛИСЬ, И ДЛЯ ПОСЛЕДНЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОБ ОПАСНОСТИ, угрожающей всему христианскому миру от этих партий, имеющих целью уничтожение христианства...<sup>403</sup> (перифраз). Это предсказание ставит нас лицом к лицу с временами эсхатологическими. Если мы обратим внимание на то, что хотя большевизм и ведет поход против всех религий, но гонит он преимущественно христианскую религию и главным образом православие; если мы припомним, что Владимир С. Соловьев в "Трех разговорах" представлял антихриста как "отрицающего Христа во плоти пришедша"; если самая "тайна беззакония" состоит в ухищрении сатаны подрывать и извращать веру в воплощение Сына Божия<sup>404</sup> и "совершится" после отнятия "удерживающего" (II Сол. 2, 6), т. е. после падения царской власти: если по слову Тайнозрителя: «всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, несть от Бога и сей есть Антихристов» (I Иоанн 4, 8), если мы ко всему этому прибавим, что по учению православной Церкви АНТИХРИСТ РОДИТСЯ ИЗ МОРЯ АНАРХИИ, когда всюду воцарится безначалие, а КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ ВСЯКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ — ЕСТЬ НАСАЖДЕНИЕ АНАРХИИ, то сам собой напрашивается вывод, что отношение к советской власти является в то же время и отношением к антихристу.

---

<sup>403</sup> Извлеч <ение> из восп<оминаний> Н. А. Мотовилова о преп. Сераф<име>.

<sup>404</sup> Еп<ископа> Феоф<ана> Затв<орника>. Толк<ование> на II Сол. 1883, стр. 463–466.

Несомненно, что и во времена антихриста будут и свои Сергии, имеющие, вопреки приведенным словам Тайнозрителя, утверждать, что и антихрист от Бога, и будут молиться за него, и это сделать будет гораздо легче, потому что он, по словам св. Ефрема Сирина, придет как "благоговейный, смиренный, кроткий, ненавидящий неправды... предпочитающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени благообразный, весьма постоянный, ко всем ласковый... примет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его простой народ, не будет брать даров, говорить гневно, показывать пасмурного вида..." и т. д.

Впрочем, считать ли собор 1917–18 г. вселенским или не считать, в богодухновенности его сомневаться не приходится, ибо последующий ход исторических событий как нельзя лучше подтверждает ее, по крайней мере, по вопросу об отношении к советской власти, которая предана анафеме.

После всего вышеизложенного нам представляется весьма странным заявление некоторых весьма видных архипастырей о том, "будто Сергей не нарушал канон, ничего не изменил" и т. д.

С точки зрения вышеизложенного Сергей является не только нарушителем канонов, но и еретиком, и не только еретиком, но и отступником. В своей декларации, посланной им советскому правительству еще до образования своего синода, Сергей писал:

"...одним из важнейших ЗАВОЕВАНИЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ЦЕРКВИ является СВОБОДА ЦЕРКВИ от государственных и политических миссий..."

Не говоря уже о том, что в этих словах заключена одна голая ложь, отцем которой Спаситель назвал диавола (Иоанн VIII, 44), ибо если он говорит о внутренней свободе Церкви, то она всегда была свободна, если же о внешней — за что же сидят в тюрьмах, ссылках... наши

архипастыри, пастыри, монахи и миряне, как за нежелание выполнить именно те "государственные и политические миссии", которые навязывает им власть. В этих словах содержится не что иное, как одобрение и признание социальной революции, чем извращается нравственное учение П<равославной> Ц<еркви>, ценою этой гнуснейшей лжи Сергей купил свой злочестивый синод. Одобрив дела и делателей лжи и сделавшись через сие чадами отца лжи, Сергей и иже с ним приглашают СВОИХ верных чад ВСЕНАРОДНО ВОЗДАТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ советскому правительству ЗА ТАКОЕ ВНИМАНИЕ К ДУХОВНЫМ НУЖДАМ православного населения.

"ВАЖНЕЙШИМ ЗАВОЕВАНИЕМ" сатаны было распятие Сына Божия, а через то не бумажное, не фиктивное (как советские свободы), а действительное освобождение всего рода человеческого от греха, проклятия и смерти. Если уж советскую власть Сергей почел за долг благодарить за "ФИКЦИЮ", то сатане причитается с него получить сугубую благодарность. Ведь если согласиться с Сергием, что Церковь от революции получила какие-то плюсы, то их ни в коем случае не приходится приписывать доброму произволению сов<етской> власти, подобно тому как и спасение рода человеческого через крестную смерть Сына Божия не приходится приписывать доброму произволению сатаны. Как сатана облекается "во образ ангела света" (II Кор. XI, 14), так и советская власть облекается в образ толерантных демократов, имея с сатаной тождественные задачи и цели, как это видно из вышеизложенного, а также из их литературных произведений<sup>405</sup>.

Как на сатанистов смотрел на них и собор 1917/18 г. Поэтому Сергей, заявив, что "ИХ РАДОСТИ И УС-

<sup>405</sup> См., напр.: 1) Е. М. Ярославский "Мысли Ленина о религии"; 2) Религия, Церковь и партия 1926 г.; 3) Ленин "о религии".

ПЕХИ — НАШИ РАДОСТИ И УСПЕХИ, А НЕУДАЧИ — НАШИ НЕУДАЧИ" ... сделался не еретиком только, но и отступником.

Если он этого не видит, то в этом ничего удивительного нет: "не могли понять богохульства... прикрытого великолепным наименованием, пышным красноречием, возвышенной философией, даже такие угодники Божии, как преподобный Герасим Иорданский, Иоанникий Великий и другие угодники, уловленные в ересь. Целые общества человеческие, целые народы легко склонялись под иго ереси, разукрашенной личиной мудрости и праведности. Император Константин Великий РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ письменно извещал АФАНАСИЯ ВЕЛИКОГО ПРЕКРАТИТЬ ПРЕНИЯ с арианами, НАРУШАЮЩИЕ МИР ИЗ-ЗА ПУСТЫХ СЛОВ. А этими словами, которые названы пустыми, отвергалось Божество Господа Иисуса Христа<sup>406</sup> (перифраз).

Что же ожидать от просвещеннейших "умников"<sup>407</sup>, которые свою слепоту и крайнюю неустойчивость убеждений доказали признанием ВЦУ в числе первых или переходом в беспоповство... и т. д.

Признанием советской власти и одобрением революции Сергиевщина поставила себя на одну доску со всеми церковными революционерами-отступниками. По существу — между Сергиевцами, Григорианцами и обновленцами и всеми признавшими происхождение советской власти от Бога и в силу этого лойяльными к ней — разницы в отношении благодатности нет. Женатый епископат и двоебрачие духовенства не такие явления, которые лишают благодати священства. Истории Церкви известны случаи двоебрачия и епископов.

<sup>406</sup> Еп<ископ> Игн<атий> Бр<яничанinov>. IV. 1905. 82–83 стр.

<sup>407</sup> "Наш Сергей — умница", — говаривало про него духовен<ство>.

Феодорит, епископ Кирский, аскет, человек весьма строгих правил, поставил двубрачного Иринея в епископа Тирского. Когда по этому поводу возникли неблагоприятные толки (запрос Константинопольского клира), то Феодорит, ссылаясь на то, что Иринея поставлен им по решению епископов Финикийских, что рукоположил двубрачного он, опираясь на существующие примеры: так Александр Антиохийский, с высокоуважаемым Акакием Верийским рукоположил двубрачного Диогена, что блаженной памяти Праилий рукоположил двубрачного Домнина Кесарийского, что ввиду этих примеров Прокл Константинопольский<sup>408</sup> признал и одобрил (

)<sup>409</sup> рукоположение Иринея, ...наконец, первенствующие епископы понтийского диоцеза и все палестинские без всякого прекословия допустили постановление Иринея)<sup>410</sup>.

"Трульский собор говорит, что в рядах клира были овдовевшие и женившиеся священники. Был назначен срок — 15 января 695 года, до которого такие браки считались законными, а после которого священники, вступившие в брак, подвергались лишению сана" (прав. 3/3).

"Случай, когда жены оставались при мужьях, сделавшихся епископами, вопреки правилу Трульского собора, продолжались до конца XII века..."<sup>411</sup>

Отсутствие преемства власти также и не делает иерархов безблагодатными. Достаточно для подтверждения этого указать на общеизвестные факты болгар-

---

<sup>408</sup> Причисл<ен> Церк<овью> к лику святых.

<sup>409</sup> Пробел в тексте. — *Прим. сост.*

<sup>410</sup> Пробел в тексте. — *Прим. сост.*

<sup>411</sup> 1) и 2) Проф. В. В. Болотов. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 3. 1913. С. 147–151.

ской схизмы и образования автокефальной нашей отечественной Церкви.

Отступничество Сергия и всех прочих вновь образовавшихся после 1921 г. церковных течений, возглаволавших "радоваться" советскому правительству и тем "приобщившимся их злым делам" (II Иоан. I, II), — не вызывает у нас сомнения в силу всего вышесказанного, ибо одобрять революцию — значит одобрять убийство, грабежи, зависть и т. д., а солидаризироваться с "их" успехами не иное что есть, как отступничество.

Но как относиться к таким иерархам, которые — с одной стороны — отошли от Сергия вследствие его воззвания, а с другой, в письменном акте (от 6/II 1928 г.) отречения повторяют того же Сергия: таковы, например, архиереи Ярославской области: за пятью подписями они послали Сергию отречение от него, в котором, между прочим, пишут: "чадам П<равославной> Ц<еркви> и прежде всего епископам Вы (т. е. Сергий) вменяете в обязанность — **ЛОЙЯЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ. МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ ЭТО ТРЕБОВАНИЕ И СВИДЕТЕЛЬСТВУЕМ, ЧТО МЫ ВСЕГДА БЫЛИ, ЕСТЬ И БУДЕМ ЛОЙЯЛЬНЫ К ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ И ПОСЛУШНЫ: ВСЕГДА БУДЕМ, ЕСТЬ И БЫЛИ ЧЕСТНЫМИ И ДОБРОСОВЕСТНЫМИ ГРАЖДАНАМИ НАШЕЙ РОДНОЙ СТРАНЫ**" —

Сергий в своей декларации, поданной сов <етскому> прав-ву до образования своего синода, писал, что "христианин является лучшим гражданином советского государства".

Как Сергий, так, отчасти, и Ярославские архипастыри хотя и подражать древним христианским апологетам. Но выше мы показали, — можно ли признавать советскую власть, что есть сов. государство, каковы его основные задачи и цели, чем проникнуто их зако-

нодательство, как строится так называемый "новый быт" и т. д. Все это по существу таково, что христианин фатально со всем этим обречен на борьбу и, следовательно, является не лучшим гражданином советского государства, а худшим. Лучшим гражданином языческих государств христианин вполне мог быть, ибо те государственные задачи и цели, которые они себе ставили, не шли вразрез с принципами христианской нравственности. Но как можно совместить с христианством честное и добросовестное гражданство в отношении богоборческой страны — это абсолютно непонятно. Что такое родная страна? Это, конечно, не есть известная территория, на которой я родился. Я, например, родился вне России, но последняя, тем не менее, была для меня "РОДНОЙ СТРАНОЙ". Очевидно, что под "родной страной" разумеется главным образом живой элемент, т. е. нация, уклад жизни которой является для меня родным, дорогим и которая проникнута известным мировоззрением. До Владимира Святого на Руси был языческий уклад жизни, после крещения Руси — православный, теперь — богоборческий. На последнее, конечно, возразят, что еще много верующих, что храмы особенно в городах ломаются от богомольцев и т. д. и т. п. На все подобные возражения отвечаем следующее: медицина, говорят, учит, что никакая инфекция не может оказать своего зловредного влияния на организм человека, если в нем не будет предрасположения к той или другой болезни. Так и в жизни нации никакие революционно-богоборческие идеи не могли бы иметь успеха, если бы духовный организм нации не был к ним предрасположен. Успехи богоборчества бесспорно велики. Но как евреи времен Иисуса Христа вполне созрели к совершению величайшего преступления Богоубийства, хотя и не видели этого, так и мы. Религиозность их была необычайна, но это было красивое

яблоко с гнилой сердцевиной, над которым тяготел уже суровый приговор: "СЕ ОСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ ДОМ ВАШ ПУСТ" (Мф. XXIII, 38). Раз богоборчество развилось у нас до необычайных размеров, то ясно, что нация созрела к богоборчеству и что все ХРАМЫ, ЧИНЫ ЦЕРКОВНЫЕ... т. е. вся эта внешняя религиозность представляет из себя лишь "ОДНУ ВИДИМОСТЬ ПРИ ИСТИННОМ ВНУТРЕННЕМ ОТСТУПЛЕНИИ", которое будет предвещать пришествие антихриста<sup>412</sup>.

Само собою понятно, что если Ярославские архипастыри считают своею "родною страню" именно эту "советско-богоборческую страну" и в отношении ее именно объявляют о своей честности и добросовестности, то в сущности они не иное что делают, как и Сергей, объявляющий "их радости и успехи своими" и наоборот.

Если же они под родною страню разумеют прежнюю дореволюционную Русь, то как они могут "свидетельствовать о своей лояльности" к делателям богоборческой Руси? Да и что это была бы за "честность и добросовестность": говорить об одном, а думать о том — как бы сделать совершенно противоположное.

В истории Церкви пример такой двойственности мы имеем во времена арианства: некоторые весьма почтенные и достойные епископы (напр., Григорий старший, Дианий Кесарийский), веруя православно в догмат Святой Троицы и правильно относясь к арианам, из опасения впасть в ересь Савелия<sup>413</sup> отвергали никейский символ веры с термином "ЕДИНОСУЩНА" ОЦУ и подписывали ПОЛУАРИАНСКИЙ символ с выраже-

<sup>412</sup> Еп<ископа> Феоф<ана> Затв<орника>. Толк<ование> на II Сол. 1883, стр. 452.

<sup>413</sup> Савелий, отвергая догмат Св. Троицы, учил, что Отец, Сын, Св. Дух суть названия Божии.



нием "ПОДОБОСУЩНА" Отцу, думая, что этим они защищают православное учение о Святой Троице, фактически же приносят делу православия большой вред именно вследствие того авторитета, которым они пользовались у своих пасомых.

Нечто подобное совершается теперь у нас: такие почтенные и достойные архипастыри, как, например, митр. Иосиф, Агафангел... правильно относясь к Сергию, впадают в полусергиевщину, в полукоммунизм, думая, что своими заявлениями о лояльности советской власти они защищают "православное учение о происхождении всех властей от Бога", чем многих сбивают с толка.

Как же, однако, относиться к таким архипастырям? Ответ на это мы также находим в истории Церкви того же периода. Св. Василий Великий, будучи в то время в звании чтеца, после безуспешной попытки придти к единому мнению с вышеупомянутым Дианием епископом Кесарийским прекратил с ним общение. Он примирился лишь после того, как Дианий, уже на смертном одре, сознал свою ошибку.

Следуя этому примеру, необходимо с такими архипастырями вступить в непосредственные сношения или письменные и в зависимости от их результатов поступать. Если окажется, что тут недоразумение на почве вышеуказанного смешения двух понятий — "признать", "повиноваться" властям, то оно тут же и разрешится, в противном же случае поступать по примеру св. Василия Великого.

Такое отношение хотя и представляется суровым, но оно вполне справедливо, ибо все архипастыри, занимающие вышеозначенную позицию в отношении к советской власти, идут вразрез с постановлением собора 1917–18 г. от 22 января 1918 г.; поместному собору принадлежит высшая власть в поместной Церкви, и по-

становлениям его обязаны подчиняться, конечно, и епископы.

Мы не отрицаем, впрочем, права не только за архипастырем, но и за всяким христианином — идти даже и против всей вселенной, если на их стороне истина (Афанасий Великий, Максим Исповедник, Марк Ефесский), но в этом случае епископы имеют непрременный долг не молчать, а раскрывать истину и активно бороться за нее всеми доступными мерами. Афанасий Великий, например, не расписывался в лойяльности властям, а, наоборот, убегал от них, скрывался. Писал послания из мест тайных убежищ, допуская разные хитрости, чтобы обмануть бдительность властей, в то время как наши архипастыри почему-то считают первым долгом "смирненно подчиняться гражданским властям" в распоряжениях о "невыезде", неговорении проповедей или распространении посланий на злободневные темы и т. п. Неужели на самом деле в течение 10 лет наши архипастыри не имели возможности изыскать способа информирования чад П<равославной> Ц<еркви> по такому важному вопросу. Полагаем, что у всякого архиерея нашлось бы преданное самоотверженное лицо, которое взялось бы распространять любое послание.

Один архиепископ, возражая нам, ответил: "я на соборе был против этого (т. е. против постановления от 22 января 1918 года)". Но этого мало: кто не согласен с собором в таких важных принципиальных вопросах, тот не должен и подчиняться ему: наоборот, обязан выступить с обличением лжеучителей. Вместо этого мы встречаем полное молчание, которое приносит неисчислимый вред, являющийся следствием "лойяльного" отношения к советской власти. Таким образом, слово "лойяльный" приобретает такое же злополучное значение, какое имел "омиусиос" (подобосущный) во време-

на арианства. Слово "лойяльный" от франц. loyal, имеющий латинский корень loy — закон, в переводе на русский язык означает — законный, закономерный, придерживающийся закона, честный, верноподданный...

Так как сущностью большевизма является сатанизм, духом которого проникнута как идеология его, так и все мероприятия в области ее практического осуществления, то какое бы значение слова "лойяльный" мы ни взяли, оно совершенно не приложимо к ним. И прежде всего пастырство — если оно будет лойяльно к большевизму, то этим проявит нелойяльность к церкви. Разве пастыри, например, — не обязаны раскрывать своим пасомым сущность большевизма, его истинные задачи, делать увещания, соответствующие... ..но все такие действия являются преступлениями, предусмотренными уголовным кодексом, как направленные к "ослаблению власти" (ст. 57 и до<sup>414</sup>).

Может ли христианин быть участником будущей войны, когда знаем, что целью ее является защита «завоеваний революции» (т. е. сатанизма)? Конечно, нет.

Христианин не может считать себя даже гражданином советско-сатанинского государства. Все, в чем он повинуетя советской власти, он делает не за совесть, а за "страх" исключительно как пленник разбойнической шайки.

Если — идеологически мы враги друг другу, то такими останемся и при осуществлении каждой стороной своей идеологии.

Если под лойяльностью разуметь лишь то, что мы не выступаем с оружием в руках против советской власти, то мы и в этом смысле не можем быть лойяль-

---

<sup>414</sup> Пробел в тексте. — *Прим. сост.*

ными. Кто из христиан не молится о скорейшем "ниспровержении" этого мерзкого и богохульнейшего нового агарянского сатанинского царства, и если бы нашлись такие патриоты, которые выступили на это дело с христианским характером (а не для защиты капитализма, являющегося одинаково неодобрительным с точки зрения нравоучения П<равославной> Ц<еркви>), то, вне всякого сомнения, получили бы на это благословение Церкви через тех же архиереев.

Мы думаем, что ошибка Патриарха с того и началась, что он отказал некоему в благословении на выступление в защиту преп. Сергия с 25 тысячами человек, которые готовы были постоять до смерти. И кто может поручиться за то, что последующее "раскаивание" его перед советской властью, объявление "Церкви на стороне" ее и прочее... не находится во внутренней связи с этим отказом. Тщательное замалчивание этих фактов всегда кажется странным. Ведь сказать — "Церковь на стороне советской власти"... в сущности то же, что и Сергиевское — "церковные деятели не с врагами советского государства". Или распоряжение Патриарха о поминовении советской власти за богослужением чем отличается от такого же распоряжения Сергия? Мотивировать это замалчивание желанием "прикрыть наготу отчую" совершенно неуместно. Кому непонятно, что иное дело прикрывать человека в делах преступления нравственного закона Божия и иное дело прикрывать лжеучение: ведь от правильных воззрений зависит правильное направление всей жизни: а так как путей жизни всего два — путь истины и путь лжи, то уклонение от первого является вступлением на второй, конец которого — дно адаво.

На этот второй путь и направила, и направляет лояльность к советской власти.

Лойяльными в отношении этих сатанистов мы будем тогда лишь, когда прямо и откровенно будем говорить, что и идеологически, и практически мы — враги, и если не пойдем против вас активно, то потому, что вам "дано сотворить брань со святыми и победить их" (Апокал. XIII. 97), ибо "ТЕПЕРЬ ВАШЕ ВРЕМЯ И ВЛАСТЬ ТЬМЫ" »<sup>415</sup>.

---

<sup>415</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 189 об. — 199.



## 6. Молитва о святой Церкви

О Премилосердный, Всесильный и Человеколюбивейший Господи, Иисусе Христе Боже наш, Церкви Зиждителю и Хранителю.

Воззри благосердным оком Твоим на Сию люте обуреваемую напастей бурю.

Ты бо рекл еси, Господи: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют Ея».

Помяни обещание Твое неложное: «Се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века».

Буди с нами неотступно, буди нам милостив, — молит Ты многострадальная Церковь Твоя, — укрепи нас в правоте и любви к Тебе, благодатию и любовью Твоею заблуждающие обрати, отступльшие вразуми, ожесточенная умягчи.

Всякое развращение и жизнь, несогласную христианскому благочестию, исправи. Сотвори, да вси свято и непорочно проживем, и тако спасительная вера укоренится и плодоносна в сердцах наших пребудет.

Не отврати лица Твоего от нас, не до конца гневающийся Господи. Воздаждь нам радость спасения Твоего.

Всякую нужду и скорбь людей Твоих утоли, огради нас всемогущею силою Твоею от напастей, гонений, изгнаний, заключений и озлоблений, да Тобою спасемы достигнем пристанища Твоего небесного. И тамо с лики чистейших небесных сил прославим Тебя, Господа и Спасителя нашего со Отцем и Святым Духом во веки веков<sup>416</sup>.

---

<sup>416</sup> ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 225 об. — 226.



## II. Документы, изъяты при аресте А. Ф. Лосева

### 1

Всякое новое событие Церковной жизни возбуждает новые вопросы, настойчиво требующие своего разрешения. И напрасно полагают некоторые верующие, что от этих вопросов можно отмахнуться, почитая их маловажными, и отгородиться для успокоения совести какими-либо текстами Священного Писания или ссылкой на Церковный канон и установленный порядок или на солидарность большинства. Дело спасения есть дело личное, и каждый верующий несет ответственность за себя и будет давать отчет на Страшном Суде за свою душу. Поэтому всякое церковное недоумение каждым должно быть уяснено до конца, дабы иметь совершенно ясное и отчетливое суждение своей совести о том, где лежит истина. И на каждое такое событие нельзя смотреть как на несчастье, как на то, что не должно быть. Оно посылается и допускается Божественным Промыслом, дабы нудить верующих к размышлению о предметах веры и к духовной работе над собой.



То, что Церковь пережила, и то, что она переживает в данный момент, есть обстановка, в коей верующая душа побуждается к бодрствованию и работе над собой, к различению истины от не истины и к подвигам исповедания Имени Христова.

Но если вопросы, порождаемые нестроениями церковной жизни, до последнего момента протекали сравнительно легко и решались просто, и церковное сознание обнаруживало уклонение от истины путем чисто внешним, путем установления только одного факта нарушения правил и канонов Церкви, то отыскание истинного пути и обнаружение неправды в возникших разногласиях по поводу новой церковной политики, руководимой ныне правящими Епископами, нечто большее. В этом случае формальные признаки не дают возможности с достаточной ясностью уяснить вопрос. Требуется более глубокое рассмотрение существа вопроса об отношении Церкви к Государству, и нужна некая творческая мысль Церкви, дабы осмыслить создавшееся положение.

Вопрос о нарушении канонов церковных оказывается неприложимым к данному случаю, ибо дело касается события, выходящего за пределы Церковного устройства и относящегося к вопросу, до сего времени казавшемуся не чисто церковным, но тесно связанным, более чем об этом привыкли думать. Если на государство до сего времени привыкли смотреть как на устройство, регулирующее только внешнюю жизнь его членов, то в данное время государство пытается взять на себя задачу создания нового мировоззрения, нового верования. Поэтому и вопрос об отношении Церкви и Государства приобретает характер не только вопроса политики, но становится и вопросом веры, таким, коего исторический церковный опыт до сего времени не мог осознать.

Вся суть последнего церковного спора сводится к вопросу о том, применимы ли слова св. Апостола Павла "несть бо власть аще не от Бога" (Рим. 13, 1) к существующей власти? Этими словами хотят оправдать свою линию поведения сторонники нового направления в церковной политике. Поэтому и все внимание должно быть обращено на эту последнюю мысль, и главным образом на то, как понимать ее.

На вопрос, применимы ли эти слова Апостола Павла к власти данного момента, сочувствующие выше указанному церковному движению говорят — да, применимы. Ибо если, говорят они, данная власть гонит христианство и если оно было гонимо властью Древнего Рима, а за последнюю, тем не менее, древние христиане возносили молитвы, то, значит, такое же отношение должно быть со стороны христиан к существующей власти. Таким образом, оказывается, что только один факт отрицательного отношения к христианству дает право сблизить и уподобить одну власть другой. Но что общего между гос<ударственной> властью первых веков христианства и существующей. Каждый непредубежденно настроенный скажет, что не существует ничего общего. Поэтому ссылку на эти слова Апостола Павла нельзя считать допустимой без более глубокого разъяснения. Чувствуется, что она формальна, что она сделана лишь для того, чтобы скрыть за собой какие-то иные, неподлежащие обнародованию цели или невысказанные душевные движения.

Постараемся поэтому вскрыть возникшее недоумение и подвергнуть подробному исследованию вышеприведенные слова Апостола Павла: "Несть бо власть, аще не от Бога". Св. Иоанн Златоуст, рассуждая о них, говорит: "Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю, — отвечает Апостол. — У меня теперь речь не о каждом начальнике в отдельности, но о

самой власти. Существование властей — причем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно, а произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, все это называю делом премудрости Божией. Поэтому Апостол и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существе власти и говорит: "Несть бо власти аще не от Бога". Мысль св. Иоанна Златоуста чрезвычайно важна и существенна, ибо говорит о природе власти. Она говорит, что власть не там, где есть только начальник, но, кроме того, нужно знать и о его отношении к подчиненным и обратно.

Природа власти требует, чтобы имелся, во-первых, начальник, который приказывает, во-вторых, подчиненный, который добровольно повинуетя и исполняет приказания, и, наконец, в-третьих, выполнение самого приказания начальника. "Надобно повиноваться, — говорит Апостол, — не только за страх, но и за совесть". Ибо если один человек повинуетя другому ради страха, то в таком случае будет отсутствовать власть, но явится обладание, и подчиненный окажется не повинующимся, но вещью, принадлежащей владельцу. И то же возможно сказать не только в отношении человека, но и в отношении даже животного. Скажем ли, что какой-нибудь человек властвует над зверем, когда заключил его в клетку, в какой зверь метается, рычит и бросается на приближающихся к нему. Про такого зверя можно только сказать, что он лишен свободы и принадлежит тому, кем он пойман. Но что сказать, когда укротитель входит в клетку и заставляет зверя силой своего взгляда к исполнению своих приказаний? Тогда мы говорим, что укротитель властвует над зверем, и чем с большей охотой зверь исполняет сказанное, то говорим, что тем больше над ним существующая власть.

Такова природа власти, она есть установление духовное, Божественное, ибо если и осуществляется в условиях материального мира, но начало свое обретает в соотношениях духовных и в мире отражает то установление, которое в наисовершенной форме находит свое выражение в иерархическом чиновничестве ангельском. Почему Апостол и говорит, что всякая власть, если она действительно имеет природу власти, является от Бога. Но поскольку власть является установлением Божественным, постольку она получает отражение и во всем мироустроении, о чем также прекрасно и ясно говорит Св. Иоанн Златоуст: "Так как равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения, как то: между мужем и женой, между сыном и отцом, между старцем и юношей, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. И почему ты удивляешься этому в отношении к людям, когда то же самое устроил Бог и в тебе: и здесь все члены устроил равночестными. Но сделал один меньше, другой важнее, одни для управления, другие для подчинения. То же самое можно заметить и у бессловесных: у пчел, у журавлей, в стадах диких овец.

Даже и море не лишено такого благоустройства, и там многие породы рыб управляются одною, которая и предводительствует и под началом которой они отправляются в отдаленные путешествия. А безначалие всегда есть зло и ведет к беспорядку".

Но власть не только Божественна по своей природе, не только является основой всего мира, но она есть и необходимое условие для духовного усовершенствования мира и человека, о чем тот же Златоуст говорит: "Начальник не только страшен для тебя, но еще и содействует. Если же ты в его лице имеешь помощника и хвалителя, то почему же не подчиняешься? Он и вооб-

ще делает для тебя добродетель более достижимой, так как наказывает злых, а добрым оказывает благодеяние и почести и этим содействует воле Божией, почему (Апостол) и называет его слугой. Смотри, я дал тебе советы относительно целомудрия, и он того же требует по законам. Я увещевал тебя, что не должно быть любостыжательным и похищателем, и он над тем же поставлен судьей. Таким образом, он нам сотрудник и помощник, на это он и послан Богом. Значит, он в двояком отношении достоин уважения, — потому, что он послан Богом, и потому, что приставлен к одинаковому делу. “Аще ли злое творишь, бойся”. Так не начальник создает страх, но наша порочность. “Не без ума меч носит”. Замечаешь ли, как апостол представляет его вооруженным, подобно какому-нибудь воину, чтобы сделать страшным для грешников. “Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему”. А чтобы ты, услышав о наказании, мщении и мече, не побежал прочь, апостол снова подтверждает, что начальник исполняет Божий закон. Что из того, если он и сам того не знает? Но Бог так устроил. Итак, если начальник — наказывает ли он или награждает, — Божий есть слуга, потому что защищает добродетель и изгоняет порок, чего и Бог сам хочет, то зачем ты противишься тому, кто производит столько добра и споспешествует успеху твоих дел? Ведь многие сначала навыкли добродетели ради начальников, а впоследствии прилепились к ней из страха Божия” (Толк<ование> на Посл<ание> к Римл<янам>).

Но, может быть, кто-нибудь подумает, что речь идет только о справедливых начальниках, коих немного, но вот Апостол Петр в своем послании изъясняет, что не только полезно повиновение кротким, но и суровым начальникам, “Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо,

что за похвала, если терпите, когда вас бьют за проступки! Но, если делая добро, терпите, это угодно Богу, ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по стопам Его" (1 Петр. 2, 19–22).

Итак, что же скажем и как изъясним такое премудрое установление, коим и народы держатся, и сонмы ангелов пребывают в служении, и человек познает истину? Не скажем ли, что власть есть то органическое начало, которое определяет и единство, и свободу, и жизнь. Ибо она — все многообразие существ, наполняющих вселенную, связывает в единое органическое целое, в коем при равночестности всех каждый занимает то место, которому он отвечает по своей природе и естеству, сохраняя свою свободу. Видимое и материальное воплощение этого установления находим в Божественном устройении Святой Церкви и в земном устройении государства, но не вообще государства, а государства, в коем осуществлено начало царской власти во всей своей чистоте и полноте. Почему и Апостол Павел, произнося слова: "несть бо власти аще не от Бога", — желая показать пример таковой власти, сейчас же прибавляет "сущие же власти от Бога учинены суть". Какие же сущие, т<sub>о</sub> е<sub>сть</sub> такие, кои имелись в то время, иначе говоря, — власти царские, ибо иных история того времени не знает.

Таким образом, как природа Церкви, так и природа Царской власти одинакова независимо от того, будь то государство языческое или христианское. Потому Церковь возносила моление о языческих императорах, ибо видела в них учреждение Божественное, власть от Бога. И потому же и языческая власть так скоро поняла христианство, ибо она увидела в нем то же действующее начало и не только то же, но даже в более совершенном виде, чем это знало язычество до того времени.

Если же языческая власть и гнала христианство, то причины лежали не в том, что действовали различные принципы власти, но в том, что язычеству совсем не было известно христианство. Христианство не признавало языческих богов, не допускало возможности поклонения статуям императоров, в коих древние римляне видели Божества. Язычники не могли понять того, что вопрос шел не о принципе управления, но о Личности Божества, они видели в христианах возмутителей народа, людей, подрывающих основу государственности, о чем и Иоанн Златоуст свидетельствует: "Апостол, — говорит Иоанн Златоуст, — везде старается внушить это, т<о> е<сть> что мы не дарим властям повиновение, но исполняем долг... Такими наставлениями (апостол) и верующих побуждал к повиновению, и неверующих начальников располагал в пользу (христианского) благочестия. Ведь тогда повсюду носилась молва, обвинявшая апостолов в восстании и нововведениях, а также в том, что будто они и словом, и делом стараются подорвать все общественные законы. А доказав, что общий наш Владыка повелевает всем соблюдать эти законы, можно заградить и уста клеветников, обвиняющих в нововведениях, и с большей смелостью защищать истинное учение".

И история говорит нам о том, что древние апостолы всю силу своего убеждения направляли на то, чтобы доказать, что христианство нисколько не является противником Царской власти, но, наоборот, как слуги отечества, христиане оказываются усерднее язычников. И язычество это скоро поняло и, понявши, со всей силой своего усердия обратилось к христианству.

Что слова Апостола о власти относятся именно к царской власти, подтверждают и другие места Священного Писания. Так, Апостол Павел, говоря об этом же предмете, поучает в своем послании: "Итак будьте по-

корны всякому человеческому начальству для Господа, царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро" (1 Петр. 2, 13).

Премудрый Соломон, обращая свою речь к властителям государств, говорит: "Итак, слушайте цари и разумейте, научитесь судии концов земли. Внимайте обладатели множества и гордящиеся перед народами! От Господа дана Вам держава и сила Вышнего, который исследует ваши дела и испытает намерения" (Прем. 6, 13). А пророк Даниил вещает: "Он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей" (Дан, 2, 21).

Посмотрим теперь, какова природа существующей власти, той власти, которая с исключительной настойчивостью вторгается в жизнь, претендуя в своих нововведениях усматривать новое откровение миру. Но, приступая к этому рассмотрению, извинимся перед читателем, что несколько углубимся в существо этого богомерзкого учения. Ибо, если излагая то, что от Бога, мы услаждали и себя и научали Божественным словам других, то последующее может возмутить христианскую душу и привести ее в беспорядок. Но постараемся изложить это кратко и, конечно, не с той целью, чтобы кого-нибудь смутить, но для того, чтобы показать, на краю какой глубины нечестия и зла находятся наши братья, мирящиеся так легко с существующим порядком жизни и готовые даже идейно принять его в том или ином виде. И раньше всего скажем или, вернее, напомним, ибо это всем известно, что новые учителя отрицают не только искупительную жертву Господа Иисуса Христа (ибо это не новость), но и Самого Бога и вечную жизнь, и бессмертную душу, и, одним словом, все то, что относится к духовной жизни. И одно это уже дает право не признавать таких учителей по одному слову Самого Апостола Иоанна Богослова, который го-



ворит: "Всякий престаупающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его, ибо приветствующий его участвует в злых делах его" (2 Иоан. 1).

Но продолжим изложение, ибо существуют люди, которые все же считают возможным, не вдаваясь в рассуждение, укрыться за словами Апостола Павла: "несть бо власти аще не от Бога"; <...> но если не признает Бога, то можно ли назвать ее "от Бога". Ибо если язычники и отрицали христианство, то они не отрицали Бога и не только не отрицали Его, но и самого Императора почитали за такового, так что о них не было странно сказать, что они от Бога. Но допустим на время, что и данная власть от Бога. Что же тогда представляет из себя государство, и какова природа государственной власти, не признающей Бога.

"Государство", говорит это новое учение, "есть орудие в руках господствующего класса для того, чтобы держать в подчинении угнетенные классы". Итак, государство не только не от Бога, но даже есть такое установление, которое есть средство угнетения одного другим, наиболее сильным выражением коего является Царская власть. Но если государство есть нечто отрицательное, то не следует ли пытаться его уничтожить, чтобы заменить его чем-то другим. Да, говорят сторонники этого учения, государство как таковое не должно иметь места в жизни человечества. Это должно быть осуществлено так: угнетенные классы должны восстать на угнетателей и свергнуть их, но притом так, чтобы тот, кто до того момента угнетал, стал угнетаемым, а угнетаемый принял на себя роль угнетателя.

Это, говорят, до времени, до тех пор, пока принцип угнетения не будет изжит, а когда он будет изжит, то-

гда всякая надобность в государстве отпадет, и государство отомрет. И тогда настанет тот порядок вещей, о котором мечтают последователи такого учения. Тогда не будет, говорят они, властей, не будет угнетения. Все будут равны, и в мире не будет несправедливости; исчезнет бедность, и не будет богатых, и материально будут обеспечены все в меру своих потребностей. Им возражают и говорят, но если все будут обеспечены и жизнь войдет в недвижимые формы, то не значит ли это, что люди превратятся в животных, у коих, за неимением соответствующей обстановки, умрет всякая способность творческой мысли, ибо жизнь не будет требовать улучшения; не будет вообще никакой духовной жизни, ибо она не будет иметь никакой действительной основы. На это сторонники такого учения отвечают молчанием, ибо они сами не знают, что будет в действительности, но говорят: почему же надо думать, что человек лучше животного? Раз он по природе животное и от животного произошел!

Итак, отрицание Бога приводит мысль и к отрицанию всякого духовного достоинства и преимущества человека пред другими тварями. Человек — животное, так гласит это учение, и потому он и не заслуживает никакой иной участи, кроме животного.

Но если так смотреть на государство и на его роль в устроении жизни, то какое значение приобретает власть? Власть, говорят они, не что иное, как угнетение, и как таковая она должна быть уничтожена, что и достигается в царстве равенства, о коем уже говорили. Но пока человечество не осуществило идеи равенства и не изжило установления власти, власть как форма угнетения необходима, и как таковая она вручается диктатуре пролетариата, т<sub>о</sub> е<sub>сть</sub> тому классу, которому суждено быть в роли угнетателя. Но кто же вручает ему это право угнетать? И что такое пролетариат?

Пролетариат, говорят новые учителя, есть авангард, группа людей, имеющих значение освободителей человечества. Они есть наиболее сознательная часть человечества, ясно отдающая отчет в будущих судьбах человечества. И вот ей вручает свою судьбу народ, который является главным хозяином положения, вершителем судеб, ибо решает свою судьбу. Но класс во всей своей совокупности если и является фактическим правителем по поручению народа, как говорят они через съезды, советы и различные конференции, преподающие общие директивы и указания по различным вопросам государственной жизни, то в повседневной жизни он не в состоянии во всей своей массе принимать участие в делах государства и потому выбирает особо ответственных лиц, коим вручается то или иное дело.

Итак, что такое власть? Ставим опять вопрос. С вышеизложенной точки зрения, государственная власть, как говорится об этом в одном из рекомендуемых ныне энциклопедических словарей, "есть не более и не менее, как поручение граждан, соединенных в политическую корпорацию, данное уполномоченным приказчикам и управляющим, которых корпорация выбирает и назначает для ведения своих собственных дел". Но совершенно ясно, говорится далее в том же словаре, "что в таком случае о государственной власти как таковой не может быть и речи, власть тут принадлежит не монархам, президентам или министрам, но самим гражданам, которые и принимают все меры к тому, чтобы исполнители их велений действительно хорошо и добросовестно исполняли порученное им дело".

Из всего вышеизложенного должно быть ясно, что если смотреть на существующий порядок вещей с точки зрения власти, то таковую должно видеть в лице народа, ибо народ вручает руководство классу, а класс, в согласии с волей народа, выбирает единоличных управи-

телей. Можно ли в таком случае говорить о власти? Не только нельзя, но на это не дает право, как оказалось, и само учение. Но если бы и можно было это сделать и в лице народа видеть власть, то обнаружится отсутствие самого принципа власти как принципа свободного подчинения подчиненного своему начальнику, о чем говорилось выше и о чем говорят сами современные реформаторы. Ибо они говорят, что при данном порядке действует не принцип власти, но принцип угнетения. И таковой принцип не есть только теория, но является в полной мере действующим жизненным принципом, силу которого всякий сможет обнаружить во всех явлениях государственной жизни.

Итак, к чему же в конце концов приходит мысль в рассуждениях по вопросу о применении слов Апостола Павла "несть бо власти аще не от Бога" в отношении существующей власти?

1) Отвечаем, что они не только не применимы, но и представляются противоречием всему тому, о чем говорит новое учение, во-первых, потому, что власть не есть от Бога, ибо отрицает Бога.

2) Но если и смотреть на нее как на власть от Бога, то необходимо в лице ее видеть народ, но народ не может быть назван властью.

3) Существующее устройство власти и не есть в существе своем власть, ибо не включает в себе самого существа власти, т.е. отношения начальника к своему подчиненному, а по мысли самого же учения есть форма угнетения.

Но, покончив с вопросом о возможности применения слов Апостола Павла к существующей власти, продолжим исследование дальше и зададим вопрос: но если существующая власть не от Бога и не есть в существе своем власть, то является новый вопрос, откуда она явилась и какова может быть ее природа? Ибо на все

эти рассуждения, которые приведены в доказательство того, что власть есть народ и власть не есть власть, ожидаем возражения. Могут сказать, что все, что изложено, логично, хорошо и последовательно, но все это похоже на одни простые слова... действительность опровергает доказываемое, ибо говорит иное. Она заставляет говорить о том, что власть есть, как бы ни говорили о том, что ее нет, ибо это есть непосредственный опыт, от которого нельзя отказаться.

В самом деле, что скажем, когда видим, что народ ходит в храмы и в особо торжественные дни наполняет их в большом количестве? Видим, что сама по себе религиозность вовсе не встречает какого-либо особого осуждения со стороны толпы, и, во всяком случае, в большей ее части, и, тем не менее, убеждаемся, что существует особая ненависть к тому, что соединено с Именем Бога и особенно с Именем Христа, ненависть, которая заставляет ссылать епископов и священнослужителей, и только за то, что они мужественно исполняют свой христианский долг; закрывать и срывать до основания храмы только потому, что они — храмы; преследовать верующих за то, что они верующие. Неужели народ стал в такое ненавистное отношение к религии, чтобы давать, как власть имущий, такое указание своим избранныкам в согласии с формальным правом, определяемым устройством власти?

Зачем нужно объявлять поход против нравственности? Ибо если Бог представляется вредной идеей, то почему нравственность должна считаться излишней? Между тем из уст одного из наиглавнейших пророков нового движения слышим такие слова: "Всякую такую нравственность, — говорит он, — взятую из внечеловеческих (слышите, внечеловеческих, значит, нравственность не человеческое понятие), внеклассовых понятий, а именно "из велений Бога", "из идеалистических или

полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления Бога, такую нравственность мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян”. Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата” (слова Ленина на 3 Всерос<сийском> съезде РКСМ. 4 октября 1920, т<ом> 17, стр<аницы> 321–325).

Но что же это за интересы пролетариата? Не назовем ли их завистью, злобой и ненавистью к тому, что так или иначе имеет преимущество одного перед другим, и воплощающихся в различных формах порока, разврата, общего упадка нравов, самоубийств, грабежей, хищений и всякого рода бродяжничества. Наконец, не обнаруживаем ли, что вся жизнь страны как в формах общечеловеческих отношений, так и в формах хозяйственных опять тем же принципом угнетения связывается в единое целое какой-то единой волей, волей, которая знает, что делает и куда направляет пути человечества?

Повторяем, что мы знаем, что такое возражение может последовать, и мы не считаем его возражением, ибо если и говорим о формальном понимании существа власти данного момента, то только для тех, кто склонен стать на формальную точку зрения. Им надо было показать, что если они будут формально истолковывать самое понятие власти, как и мы это сделали, то необходимо продолжить его и далее и формально истолковать и существо власти с точки зрения современного учения. Но мы показали, что если истолковывать понятие власти формально, то оно ни в коей мере не относится к существующему порядку вещей, ибо существующий порядок не может быть назван властью.

Но мы, конечно, не хотим оставаться на этой формальной точке зрения, ибо тогда мы должны были бы сказать, что власть ничто, но это не так, и жизнь говорит, что это не только не пустое место, но и какая-то могучая неуловимая сила. И для того, чтобы понять ее, скажем о том, как народ, почитающий себя хозяином положения, вдруг оказался не только не хозяином, но сам в подчинении каких-то сил. Вспомним для этого тот момент из истории нашего государства, когда представителей нового учения встречали как новых пророков, несущих миру новое откровение. Им предоставляли говорить. Они сулили золотые горы и рисовали райское существование. Их слушали и, что они говорили, исполняли.

Но мало кто обратил внимание на то обстоятельство, что предлагаемое нужно было проводить при содействии принципа угнетения. Но если принцип угнетения был поставлен во главу угла нового строительства, то не значило ли это, что он должен был иметь и обратную силу? Тот самый народ, который решал свою судьбу и вручал ее партии, выдвинувшей принцип угнетения и действующей в согласии с этим принципом, тем самым не признал ли означенный принцип обязательным для себя? И должно быть совершенно ясно, что партия, представляющая из себя олицетворение этого принципа, оказалась живым действующим началом угнетения того народа, который ее выбрал.

Это обстоятельство дает ключ к пониманию того, как могло случиться, что вершителями судеб, по воле того же народа, оказалась небольшая группа людей, и как в действительности произошел общенародный обман. Но если мы и употребляем слово «обман», то употребляем его не в качестве выражения негодования, но в его действительном смысле, вытекающем из целого мировоззрения, противного христианству во всех своих деталях.

И не должна ли напомнить вся эта история с водворением группы лиц, вершащих судьбы человечества, того момента, когда дьявол искушал Еву съесть яблоко и через то стать равным Богу? И не является ли в данном случае яблоком все человечество, обитающее на земном шаре? Искушением тот же принцип равенства, преступлением полное попрание заповедей Божиих, вплоть до отрицания Бога и того, что соединение с Богом? Последствие — умирание смертью и превращение в скотское состояние, а виновником и искушителем все тот же дьявол, который ждал и ждет, когда он может поглотить человечество.

Итак, мы живем в страшное время и присутствуем при страшном событии, событии нового грехопадения, ведущего к новой смерти, смерти духовной, почему этот момент и назван в Библии умиранием смертью — в нем человек лишается своего человеческого облика и подпадает под власть сатаны.

Мы имеем дело не с каким-либо невинным мировоззрением наподобие тех, кои создавались сотнями в течение истории человечества, но с мировоззрением законченным и продуманным, мировоззрением антихриста. И из этого царства тьмы, царства антихриста трудно выйти тому, кто в полной мере усвоил его психологию. Ибо как подойти к такому человеку и как убедить, что он в заблуждении? Если скажем ему, что он погрешает против Бога, то не сочтет ли он нас обманщиками, а Бога — идеей, ведущей к эксплуатации, ибо ему внушено, что в мире царствует обман. Как сказать, что он во власти дьявола, когда он отрицает идею власти? Как сказать, что он поступает безнравственно, когда безнравственность стала его законом? И как будем говорить о спасении его души, когда душа, по его мнению, не существует?

И какая же судьба такого человека, который вместо полной, богатой духовными переживаниями жизни,



пред которой бледнеют все земные телесные страдания, вместо ощущения и единения с Всемогущей Личностью Божества — избрал жизнь, полную страхов борьбы, неудач и лишений в соупутствие с дьяволом, жизнь, ведомую пустой, жалкой и наивной мечтой о всеобщем равенстве людей, обеспеченных куском хлеба на сегодняшний день. И не является ли такой человек в полной мере слепым, идущим во тьме?

Итак, новая психология есть психология антихриста, и новая власть есть власть антихриста.

Если, с одной стороны, принцип власти в подлинном смысле этого слова через подчинение и добродетель возводит к Самому Богу, то, с другой стороны, принцип угнетения узаконенной безнравственности возводит нас к самому антихристу, и если в первом случае понятие власти в условиях греховного мира воплощается в формах государственности, олицетворяющейся чистым принципом Царской власти, то во втором случае провозглашенный принцип угнетения является в скрытой форме народной власти, в существе своем является властью сатаны.

И в Священном Писании так же, как о существе власти, говорится и о существе угнетения. "Были, — говорит Апостол Петр, — и лжепророки у вас, будут лжеучителя, которые внесут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поругании. И из любостязания будут уловлять вас лстивыми словами". Они "идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальство, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших". "Они, как бессловесные животные, водимые природой, рожденные на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают в растлении своем, истребят. Они получают возмездие за беззаконие, ибо они полагают

удовольствие во вседневной роскоши; срамники и осквернители, они наслаждаются обманами своими, пиршествуя с вами. Глаза у них исполнены любострастия и непрестанного греха; они прельщают неутвержденные души; сердце их приучено к любостязанию: это сыны проклятия. Оставив прямой путь, они заблудились, идя по следам Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду неправедную, но был обличен в своем беззаконии: бессловесная ослица, проговорив человеческим голосом, остановила безумие пророка. Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб. Ибо, если избегнув скверн мира чрез познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не познать пути правды, на деле познав возвратиться назад от преданной святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи" (2 Петр. 2, 1–22).

В этих словах со всей очевидностью узнаем характеристику данного времени и новых учений, которые Апостол называет пагубными ересями и надутым богословием.

Итак, спросим себя после всех приведенных поучений, о каких же предержавших властях предлагают сторонники сближения Церкви с существующей властью возносить моление? Не означает ли это, что Церковь молится за самого сатану и не просто за сатану, предполагая его обращение к Богу (каковая мысль не противна некоторым, кто в гордости своей хочет казаться

сверхцерковным), но за преуспеяние сатаны и успех в делах его.

Ужасный вывод, от которого должно содрогнуться сердце каждого христианина, у коего еще не исчезло чувство истины. И в то же время тот вывод, который с убедительностью раскрывает крылатую мысль, брошенную и весьма быстро воспринятую чуткой христианской совестью, мысль, облеченную в Апокалипсический образ "жены, усевшейся на зверя". Как ни ужасна и ни мучительна эта мысль, но не видим ли, что видимая Церковь уселась на зверя?

Станем ли после всего сказанного создавать доказательства и высказывать суждения о возможности соглашения с существующей властью? В данном случае только чувство негодования может иметь место против того, кто вошел в связь с сатаной и изменил Христу, и не должны ли мы приветствовать тех пастырей и слуг Христовых, кто столь мужественно и неустрашимо восстал на защиту веры и Церкви Христовой? Они воистину исповедники и мученики за Христа! А тем, кто колеблется, напомним о времени арианства и иконоборчества, о тех временах, когда Царская власть стала на сторону ереси. Не восстал ли тогда мужественный св. Афанасий Великий против ереси арианства и св. Феодор Студит против ереси иконоборчества? И не дало ли им право еретичество власти, даже и той, которая несомненно была от Бога, лишить звания власти и отвергнуть ее? Но не в сугубую ли ересь впала современная власть, когда отрицает и Бога и Искупителя и идет путем сатанинским? И не дает ли это право и ту церковную власть, которая объявила себя солидарной с такой ересью, хотя бы и не прямо впадшую в ересь безбожия (ибо и сатана верит в Бога), но как предавшую Христа?

Но мы предвидим новое возражение, НАМ СКАЖУТ, НО ЕСЛИ У ВАС ТАКОЕ НЕТЕРПИМОЕ отно-

шение к существующему порядку вещей, что не допускается никакое соглашение с ним, то почему же допускается возможность участвовать в делах государства, возглавляемого властью антихриста? И не значит ли это, что тем самым допускается примирение с данным порядком? Такое возражение необходимо последует, ибо у противника выбивает те основы, на коих он держался до некоторого момента, то, прежде чем признать себя побежденным, он попытается ухватиться за какую-либо незначительную вещь, и чтобы одержать победу, надо лишить его и этой вещи. И вот, в данном вопросе он непременно ухватится за такую мысль и скажет: "если ты так хорошо и ясно истолковал это, то почему же так сам не следуешь сказанному"?

Но ответим и на этот вопрос и скажем, что полагаем не только допустимым с точки зрения христианства участие в государственных делах при данном порядке вещей, но даже должным и необходимым, при одном условии — при условии служения в соответствии с пониманием принципа власти как принципа Божественного.

Ибо если принцип угнетения и тот порядок жизни, о котором говорилось, отчасти и введены в жизнь, то все же они в полной мере не проведены. И как сами говорят сторонники нового учения, существующее состояние государства надо охарактеризовать как период борьбы классов. Что же это за борьба? Это борьба принципа угнетения с принципом власти, безбожия с религией, дьявола со Христом, зла с добром. И пока борьба происходит и сатана не одержал победу, нельзя и уходить с поля битвы. Разве не очевидно? Хотя принципы зла и провозглашены и кругом свирепствует порок, подвигая людей на убийства, грабежи и всякий разврат, тем не менее понятие нравственности еще далеко не изжито, отношение начальника к подчиненному и обратно не

искоренено. Наоборот, действительность постоянно убеждает в том, что эти принципы во многих случаях побеждают. Не видим ли, что существующий порядок нуждается в воинской силе? Не видим ли, что и в других областях жизни вводится такой же принцип? Только обнаруживается, что, как только его заменяют принципом равенства или принципом насилия, жизнь расстраивается. Поэтому не является ли каждый человек, поступающий по велениям своей совести и в соответствии христианским заповедям, служителем истины и борцом за нее? Не является ли он тем удерживающим началом, благодаря коему еще не погребло государство?

Когда тело человека поражается болезнью, не собираются ли с силой все непораженные болезнью части тела и не бросается ли все здоровое в теле на борьбу с разрушающей болезнью. И не есть ли то состояние, которое переживает в данный момент страна, — состояние болезни? И не надо ли напрячь все силы к тому, чтобы победить болезнь? И что произошло, если бы все здоровые силы организма вдруг отказались от борьбы? И не значило ли бы это, что организм тогда должен был умереть и превратиться в труп, воскресить который возможно было бы только силой чуда?

В такой же мере неразумно отказываться от борьбы с болезнью, действующей в организме государственном. И тем более должны быть надежды на выздоровление, чем с большей интенсивностью отдельные составные части и элементы... будут бороться с болезнью. Поэтому те члены государства, кои с наибольшей энергией выявляют принцип жизни в виде ли христианской нравственности или религиозной убежденности, те и являются более здоровыми и более необходимыми. Поэтому тот, кто скрывает свои убеждения и никак не обнаруживает свое несогласие с предлагаемым порядком жизни, и заботится только о том, чтобы никому не было из-

вестно о его внутренних убеждениях, и в делах своих старается действовать в согласии с окружающей обстановкой жизни, тот не обнаруживает сопротивления и потому не является и служителем истины, но предателем ее на поругание.

Следует ли отсюда, что верующий христианин должен стремиться к восстановлению монархического строя и состоять членом монархических и других организаций, ставящих своей задачей свержение существующей власти? Никак не следует, ибо всякая политическая организация действует принципом угнетения и насилия и, следовательно, не является началом жизни. "Взявший меч от меча и погибнет", — говорит Иисус Христос.

Может случиться, что одно насилие победит другое насилие и на время восторжествует, но через то оно не будет истиной и не поведет к истине. Поэтому появление монархических партий, охраняющих Царскую власть, есть признак плохой, он указывает на ослабление власти и на ограничение принципа власти. В данном случае оказываются правы представители нового учения, когда государство представляют как борьбу классов; ибо там, где появляются партии, образуются и классы, действующие принципом насилия, одно угнетение возбуждает другое, и так возникает борьба.

Но скажут, зачем же христианину отстаивать установление государства? Разве не может Церковь существовать без государства? На это ответим: конечно, Церковь могла бы существовать без государства, но государство не может существовать без Церкви! В таком случае можно представлять два состояния Церкви — одно, когда Церковь совершенно не находится ни в какой связи с государством вплоть до того, что члены Церкви не принимают участия в делах государства. Такое положение церковное сознание мыслит во времена

антихриста, когда верующие принуждены будут скрываться в горах и недоступных местах, но такое положение Церкви будет означать, что государство будет находиться во власти антихриста. Другое состояние то, при котором Церковь отделена от государства, но история и существо дела говорят, что если этот принцип будет сохранен на долгое время, то Церковь поглотит государство. И потому такого положения нельзя мыслить, так как государство никак не может этого допустить, и история не дает такого примера. В этом случае государство, чтобы сохранить себя, принуждается вступить в физическую борьбу с Церковью, и как это осуществляется теперь, и, в конце концов, оказаться все же побежденным, или вступить в единение с Церковью и предложить ей свое покровительство, но ограничив ее деятельность.

Вопрос, может ли Церковь существовать без государства, равносильен вопросу, мог ли Господь Иисус Христос воплотиться в "безгрешной плоти"? На это надо было ответить "мог", но такой плоти в мире не оказалось, и потому Христос воплощается в грешной плоти, но только такой, которая пожелала и была достойна для принятия Христа.

И такой же вопрос можно задать в отношении Церкви, а именно: может ли Церковь существовать без государства? Отвечаем: "может". Но таковых условий на земле не оказалось, и потому Церковь соединяется с государством, потому что государство пожелало этого соединения и обещалось Церкви сохранять истину и приглашать ее. И для Церкви единение с государством есть то же, что воплощение Христа на земле в плоти человеческой. Можно сказать, что государство есть тело Церкви в земном существовании. Потому и Царь православный получал наименование главы Церкви, ибо он в отношении физического тела Церкви — глава, так же

как Христос есть Глава всего тела Церкви. Церковная история знает существование Церкви без государства. Таково положение Церкви первых времен христианства до ее соединения с государством. Такое же положение Церкви можно мыслить, когда несколько тысяч монахов со своими общежитиями и уставами существовали в египетских пустынях. И наконец, состояние Церкви без государства ожидается к концу времен во времена антихриста.

Но можно ли обо всех этих существованиях Церкви говорить как о существовании телесном? Период Церкви первых веков можем определить как неполное физическое существование Церкви. В это время Церковь жила в скрытом виде, не обладая возможностью стройного аппарата управления. Этот период можно было бы охарактеризовать периодом утробным, периодом рождения, воплощения Церкви, голос коей впервые в ее плотском виде зазвучал на первом Вселенском Соборе, который происходил под председательством Греческого Царя Константина Великого.

Период отшельничества и подвижничества являет собой исключительное явление в Церкви, которое Иоанн Златоуст характеризует такими словами: "Не столь светло небо, испещренное сонмом звезд, как пустыня Египетская, являющая повсюду иноческие кущи". "Кто знает древний оный Египет, богоборный беснующийся — раба животных, страшившегося, трепетавшего перед огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Египетская пустыня лучше рая: там увидим в образе человеческом бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрания дев. Увидим, что все тиранство диаволово ниспровергнуто, а Царство Христово сияет; увидим, что Египет, некогда мать и мудрецов, и волхвов, изобретающий все виды волхований, теперь хвалится Крестом".



Характеристика Египетской Церкви этого периода словами "лучше рая" самым лучшим образом обрисовывает состояние таковой Церкви. Оно как бы внеземное ангельское. Люди жили особыми мыслями и особыми неземными настроениями, кои до сих пор хотя и записаны в книгах, но остались непонятыми и чуждыми не только миру, но и многим людям, считающим себя членами Церкви. И, наконец, что можно сказать о периоде Церкви последнем, том периоде, когда верующие в смятении и беспорядке отступают в горы и недосягаемые места? Не назовем ли его умиранием Церкви, распятием на кресте в ожидании воскресения.

Итак, судьба Церкви и государства в лице Царской власти связаны очень тесно и даже нерасторжимо. Поэтому не напрасно враги Церкви и христианства связывали то и другое вместе.

Когда Церковь и государство в единении, это значит Церковь живет полной земной телесной жизнью, а когда происходит отделение, то и Церковь телесно ослабевает. Не значит ли отсюда, что верующие должны стремиться к восстановлению монархии или Царской власти?

Это было бы бесполезно, искусственно этого сделать нельзя. Если идея власти меркнет и заменяется насилем, хотя и насилем закона, как обнаруживается это в государствах, имеющих народное правительство, то это значит, что в душах людей меркнет свет Евангельской истины. И от христианства не требуется более того, чтобы стоять в истине христианского учения и исповедовать, не страшась ни поругания, ни насмешек, ни насилия, ни мученичества. Христианин, в коем звании он ни был, должен гореть, как свеча в истине христианского учения. И чем больший свет явит он собой, тем большую тьму разгонит он вокруг и тем больше просветит других.

Но и этим мы не питаем еще надежды убедить своего противника, ибо он, лишенный опоры для новых возражений, пожелает поставить вопрос, облеченный в форму недоумения, и надо рассеять недоумение, дабы не дать ему право утверждать, что этот вопрос все еще неясен. Он скажет: "Сказанное вами несомненно является весьма ясной и определенной позицией, и нельзя отказать ей в ее убедительности, но вы исходите из того значения слова "власть", которое вы взяли за основу рассуждения. Но имел ли Апостол в виду именно это значение и не говорил ли о власти независимо от того, каким принципом она руководствуется, ибо и власть, коей пользуется сатана, также должна почитаться от Бога, поскольку она попущена Богом"?

Но таковое недоумение легко устранить, ибо это несколько не меняет существа дела. Возбуждаем ли мы верующего к неповиновению, когда говорим, что христианин не за страх, а за совесть обязан исполнять свой долг, возложенный на него государственной властью? Не значит ли это, что повиновение накладывает на христианина обязательство идейно быть с нею, так, чтобы делить ее скорби и радости, как говорит о том новое церковное направление. Мы осуществляем Божественный принцип власти и остаемся на том посту, который отводит нам существующая власть.

Когда же обнаруживаем, что действующий принцип насилия приводит к расстройству жизни вплоть даже до того, что страна не имеет хлеба, мы не скорбим, и если не можем сказать, что радуемся, ибо злорадство не подобает христианину, даже в отношении сатаны, но испытываем чувство спокойного удовлетворения при мысли о том, что истина не остается в поругании. А когда видим, что угнетение получает силу и имеет успех, угнетатели пиршествуют, живут в довольстве и сумели

создать такое и вокруг себя, разве не вправе мы скорбеть и думать, что Бог оставил нас?

Кто же не скажет, что эти чувства естественны и что их испытывают и те, кто считает себя солидарным с этими пустыми словами? И не лгут тогда те, кто производит их? А если бы это было иначе, разве это не означало бы, что мы не имеем веры в вечность принципов христианства и предаем Христа!

Можно радоваться и предаваться печали вместе с ближними своими и прощать им, если они становятся врагами нам. Но предаваться радости и печали вместе с сатаной и его поборниками, это значит жить его чувствами, это значит стать врагом Христа. И Церковь не дает нам право в какой-либо мере заботиться об участи сатаны. Он согрешил не перед нами и даже не перед Церковью, но перед Самим Богом. И не считает ли себя милосерднее Бога тот, кто прощает того, кого Бог не прощает, и не становится ли тогда он судьей Самого Бога?

Итак, мы повинuemся, но мы не живем мыслями и чувствами с теми, кто идет против Христа и попирает его законы.

И это-то положение и даже худшее, в коем состояли рабы Древнего Рима. Господа не интересовались тем, что рабы мыслили, не интересовались их внутренним миром, ибо не считали, что это должно привлекать их внимание. И между господином и рабом не существовало никакой иной связи, кроме той, что один повелевал, другой исполнял. А если рабы восставали, их или убивали, или укрощали.

Но не есть ли христиане те же рабы, и не в худшем ли положении они оказываются в отношении к существующей власти, чем рабы древности? Так как если древнего римлянина не интересовала психология раба, то современные порабитители интересуются психологией

своих рабов с тем, чтобы выбить ее из них. Но мы терпим поношения, терпим всякое насилие, ибо мы знаем, что пожинаем то, что посеяли. А если по духовной беспечности и нерадению допустили угнетение, то мы и воспринимаем посланное как должное воздаяние, уповая на то, что истина когда-нибудь восторжествует. Рабов Древнего мира Апостол Павел увещевал служить со всем усердием: "Рабом ли ты призван, не смущайся, но если можешь сделаться свободным, то лучше воспользуйся" (1 Кор. 7, 21).

Но едва ли такие слова были бы сказаны теперь, ибо сделаться свободным в государственной жизни данного времени, это значит сделаться рабом сатаны. И потому не лучше ли предпочесть быть рабами теперешнего порядка по слову того же Апостола: "Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа".

Но каким же путем идут сторонники нового церковного направления, думая приобрести себе свободу? Не делаются ли и они рабами сатаны?

Итак, повинуюемся мы, но совесть наша остается свободной, и не так же ли мыслили древние христиане? Они повиновались и молились о властях, поскольку власть почиталась властью, от Бога установленной. Если же власть становилась на путь сатанинской неправды, они считали себя свободными от повиновения, а когда требование власти противоречило их внутренним убеждениям, они не только считали себя вправе не подчиняться власти, но и обличали ее как власть имущие. Напомним снова об Афанасии Великом, не пожелавшем повиноваться Царской власти. Но история дает нам еще более разительные примеры, говорящие о том, что понятие о повиновении власти условно.

Таков пример отношения Василия Великого и богоборной власти императора Юлиана Отступника.

Св. Василий, скорбя о тех гонениях, которые испытывала Церковь со стороны этого императора, молился о том, чтобы Господь наказал его смертью. И предание говорит о том, что Юлиан был убит в Персидском походе в тот момент, когда святой молился о его наказании. Не прилична ли и нам такая молитва? И разве мы не вправе молиться о наказании нечестивцев, когда слышим и хуление на Бога и видим гонения верующих и поругание святынь?

Итак, что же, в конце концов, можем сказать сторонникам сближения Церкви с существующей властью? Ответ ясен, его можно выразить словами Апостолов Павла и Иоанна Богослова: "Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности и беззакония, что общего у света со тьмою?" (2 Кор. 2–14).

"Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы". "Если мы говорим, что мы имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине" (1 Иоанн. 1, 5 и 7). Апрель 1928 года»<sup>417</sup>.

## 2

«Поминование власти — кощунственное пользование литургией для демонстрирования наших лживых, интимно-дружественных отношений с богоборной властью — декларированных в послании митр<ополита> Сергия от 16/29 -VIII –1927 г<ода>».

Это не религиозный акт, а кощунственно-политический и фальшивый. Это не потребность религиозной совести, а завершительный момент декларации; этим

<sup>417</sup> ЦА ФСБ. РФ. Д. Р-49509. Т. 4. Л. 361–415.

актом в Царство Истины вводится ложь, почему против него и восстает религиозное чувство.

Формула поминовения, однородная с той, которая практиковалась во времена православной власти, абсолютно неприменима к теперешней власти, так как последняя этой формулой молитвенно утверждается в своем status quo, т<o> е<сть> с его существенным признаком — богоборчеством. Это жалкая попытка обмануть себя, народ и власть.

Если относительно власти христианской мы просили, чтобы Господь возглагодал МИРНАЯ и БЛАГАЯ в сердце ее о Церкви Святой, то тем более ЛИШЬ ПОДОБНОЕ моление, имеющее целью нравственное воздействие на власть, приложимо к теперешней власти.

Поскольку в состав этой власти входят лица, отрекшиеся от Христа, к ним может быть применима молитва об отступивших от православной веры (зри помянник... "Отступившие от православные веры и погибельными ересьми").

Но поскольку эта власть представляется НЕИСЦЕЛЬНО богоотступной и богоборной, к ней приложимо моление, которое при известных условиях заповедала нам Церковь для ежедневного употребления (зри помянник "Мерзкое и богохульное агарянское царство вскоре испровержи").

По поводу употребления и сближения теперешней власти с властью языческой древнехристианских времен следует заметить:

- а) что хотя эта власть и преследовала подобно нынешней христиан, но по существу своему и идеологии она не была богоборной, а верующей;
- б) как лишь языческая, т<o> е<сть> лжеверная, она промыслительно подлежала воздействию христианской веры, что и оправдано в истории...

- в) нынешняя власть, как таковая, как власть должна быть сопоставима с грядущей эпохой последнего отступления, возглавляемого антихристом, являя собою и теми, кто солидарен с нею, коллективного антихриста»<sup>418</sup>.

*Приписка чернилами:*

«Настоящий документ был принесен моей жене в день ее рождения М. А. Новоселовым.

5 /XI 1930 Лосев».

---

<sup>418</sup> ЦА ФСБ. РФ. Д. Р-49509. Т. 4. Л. 281.



## *Приложение II*

### **Основные даты жизни священномученика Максима (Жижиленко), епископа Серпуховского**

*До 1918 года — даты по старому стилю*

**2 марта 1886** — родился в городе Калише Калишской губернии бывшего царства Польского в семье прокурора окружного суда.

**1911** — окончил медицинский факультет Московского университета.

**С 1911 по 1914** — работал в городе Благовещенске врачом Министерства путей сообщения.

**С 1914 по 1917** — служил военным врачом в 76-м Кубанском полку.

**С января 1918 до мая 1919** — работал военным врачом в госпитале (возможно, в Батруйском) в Москве.

**С 1919 по 1920** — главный врач в тыловом госпитале в городе Козлове Тамбовской губернии.

**С 1920 по осень 1921** — главный врач Нижегородского военного лазарета.



**С 1 января 1922 до конца 1928** — служил главным врачом Таганской тюрьмы в Москве.

**В мае 1928** — тайно посвящен во диакона, затем — в священника.

**В сентябре 1928** — тайно пострижен в монашество с именем Максим.

**12 октября 1928** — тайно хиротонисан во епископа.

**С января 1929** — служил епископом Серпуховским.

**24 мая 1929** — арестован в Серпухове *«за контрреволюционную деятельность»*.

**5 июля 1929** — приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Работал врачом, проводил в лагере тайные богослужения.

**28 октября 1930** — срок приговора увеличен до 5 лет.

**27 января 1931** — привезен в Москву и привлечен к следствию по делу как *«руководитель Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*.

**18 февраля 1931** — приговорен к высшей мере наказания.

**4 июня 1931** — расстрелян в Москве.



### Приложение III

## Биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге

### Клирики

**АКАКИЙ** (Бачурин Алексей Кузьмич), иеромонах. Родился в 1881 в деревне Навесное Никольского уезда Курской губ. Монах Давидовой пустыни; посвящен в иеромонаха. После закрытия пустыни проживал в селе Макарово Серпуховского района, служил в Николобельском соборе Серпухова, затем — в Троицком соборе. 24 мая 1929 — арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Северный край и отправлен в Пинегу. В мае 1932 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-6); в 1935 — вернулся в село Макарово Серпуховского района, служил тайно по домам. 23 августа 1937 — арестован за *«участие в контрреволюционных организациях, ведение антисоветской агитации и участие в нелегальных богослужениях»*. 17 октября 1937 — приговорен к ВМН и 21 октября расстрелян.

**АМБАРЦУМОВ** Владимир Амбарцумович, священник. Родился в 1892 в Бакинской губ. в лютеранской семье. В 1913–1914 — учился в Берлинском университете, в 1917 — окончил физико-математический факультет Московского университета. В 1926 — перешел в православие, 4 декабря 1927 — рукоположен во диакона, 11 декабря посвящен во иерея епископом Виктором (Островидовым). Не последовал за своим духовником и не пошел на прямой разрыв с митрополитом Сергием. Служил в Москве в храме Св. князя Владимира, с 1930 — настоятель церкви Св. Николая у Соломенной Сторожки. 5 апреля 1932 — арестован, 7 июля приговорен к 3 годам ссылки в Западную Сибирь условно. Проживал в селе Николо-Архангельское Московской области, работал научным сотрудником в Институте им. Обухова. 9 сентября 1937 — арестован, в ноябре 1937 — приговорен к ВМН, расстрелян на Бутовском полигоне.

**АНАНИЙ** (Шумский Антоний Михайлович), иеромонах. Родился в 1865 в селе Жерновец Землянского уезда Воронежской губ. С 1890 — монах на Афоне, с 1913 — в Екатерининской пустыни под Москвой. С 1917 по 1929 — в Давидовой пустыни Лопасненского района. С 1930 — служил иеродиаконном в церкви Высоцкого монастыря в Серпухове. 18 апреля 1931 — посвящен в иеромонаха епископом Синеziem (Зарубиным). Служил в Троицком соборе Серпухова. 19 мая 1931 — арестован, 16 июля приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан. 18 февраля 1933 — из ссылки освобожден с ограничением проживания на 3 года (–12).

**АНДРЕЙ** (Алексеев Андрей Семенович), иеромонах. Родился в 1872 в селе Войново Орехово-Зуевского уезда Московской губ. До 1914 — в Иерусалимской духовной миссии. 1914–1917 — в Чудовом монастыре в Москве. В 1929 — арестован и приговорен к 3 годам ИТЛ. В 1931 — после освобождения выслан на 3 года. В 1934 — вернулся из ссылки в

Серпухов, служил в церкви Николаы Будки. 2 октября 1937 — арестован за то, что, *«объединяя монашек и социально чуждый элемент, проводил антисоветскую деятельность»*, 17 октября приговорен к ВМН и 21 октября расстрелян.

**АНУВИЙ**, Амвросий (Капинус Андрей Антонович), иеромонах. Родился в 1887 в селе Юрьевка Елизаветградского уезда Херсонской губ. в крестьянской семье. В 1909 — призван на военную службу, с 1914 — в действующей армии в чине ефрейтора. В 1918–1921 — хозяйствовал в деревне Юрьевка. С 1922 — в Онуфриевском монастыре возле Черкаска, принял монашеский постриг с именем Анувий, в 1923 — перешел в Николаевский монастырь. С 1925 — иеродиакон, служил в г. Каневе. С 1927 — в Ионовском монастыре в Киеве. Весной 1929 — приехал в Москву, затем — в Серпухов, где был определен в Распятскую церковь. В октябре 1929 — рукоположен во иерея, служил в Покровской церкви. 15 ноября 1930 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 5 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг. Осенью 1935 — освобожден из лагеря и выслан в Астрахань. 14 августа 1936 — арестован *«за проведение антисоветской агитации»*, 21 января 1937 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Воркутлаг. 1 июля 1942 — освобожден из лагеря, остался работать по вольному найму в Воркуте. В конце 1945 — проживал в Чембаре Пензенской области, в августе 1946 — приехал в Воронежскую область, проводил тайные богослужения по селам. 4 января 1951 — арестован на станции Поворино как *«руководитель антисоветской организации так называемых истинно-православных христиан»*. Приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Озерлаг. В 1955 — освобожден из лагеря, поселился в Воронеже, проводил тайные богослужения

по селам Воронежской области, имел большую паству; принял постриг в схиму с именем Амвросий. 14 октября 1966 — скончался.

**АРСЕНИЙ** (Гусев Арсений Николаевич), иеромонах. Родился в 1879 в деревне Дементьево Раменского уезда Московской губ. Поступил в Спасо-Гуслицкий монастырь в Богородицком уезде, пострижен в мантию; с 1914 — в монастыре Давидова пустынь, посвящен в иеромонаха. Проживал в селе Игнатьево Михневского района, служил в местной церкви. 5 февраля 1930 — арестован *«за контрреволюционную агитацию против организации колхозов»* и заключен в Каширскую тюрьму, 2 апреля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1934 — освобожден из лагеря, поселился в селе Дементьево Раменского района. В декабре 1937 — арестован, приговорен к ВМН и 22 декабря расстрелян.

**БАРТОЛОМЕЙ** Владимир Владимирович, священник. Родился в 1892 в Тульской губ. в дворянской семье. Окончил Николаевский кадетский корпус и два курса юридического факультета Петербургского университета. В конце 1928 — посвящен во иерея, служил в церкви Успенского Желтиковского женского монастыря, после его закрытия — в церкви села Наумовка Средне-Волжского края. 7 мая 1929 — арестован в Бугуруслане *«по подозрению в распространении антисоветских листовок»*. Через два месяца освобожден, скрывался в Твери, служил тайно в Никольской церкви. 26 ноября 1930 — арестован как *«участник контрреволюционной монархической церковной организации Тверского "филиала" ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 24 апреля расстрелян.

**БОГОЛЕПОВ** Николай Алексеевич, священник. Родился в 1869 в Серпухове. В 1890 — окончил духовную семинарию

и Московскую духовную академию, служил священником Воздвиженской церкви в селе Марьинка Ступинского уезда; после 1905 — настоятель Спасо-Занарской церкви в Серпухове. Арестован в мае 1929. В 1932 — вернулся из заключения. Проживал в Орловской области. Умер в сер. 1930-х на руках у матушки, приехавшей его навестить.

**БОГОЛЕПОВ** Сергей Андреевич, священник. Родился в 1859 году в Серпухове. Окончил Московскую духовную академию. С 1886 — служил в Распятской церкви. В конце 1920-х — выселен с семьей из дома; в феврале 1930 — скончался, *«когда пришли его арестовывать, у батюшки не выдержало сердце»*.

**БОРОТИНСКИЙ** Павел Арсеньевич, священник. Родился в 1887 в Тавстагусе (Финляндия). Окончил Петербургскую духовную семинарию, посвящен во иерея. До 1917 — служил священником церкви в Томере, с 1918 — в Дивеевом монастыре. В августе 1922 — отстранен от служения за непризнание "Живой церкви". С 1927 — на нелегальном положении. 2 февраля 1930 — арестован в селе Выездное Тамбовской области, 14 марта освобожден. 29 ноября 1931 — арестован как *«участник Московского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 14 июля 1932 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Белбалтлаг. Отказался в лагере от любых работ и подбивал других заключенных к отказу от работ. В 1934 — переведен в Кемь, где сагитировал целый барак заключенных к отказу от работ. 14 июля 1934 — досрочно освобожден из лагеря по болезни и отправлен в Вологду, откуда бежал и несколько лет скрывался у монахинь в селе Выездное Арзамасского района Горьковского края, проводя тайные богослужения. 4 февраля 1938 — арестован во время обыска в доме монахинь, 15 сентября приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

**ВАРСОНОФИЙ** (Безсонов Константин Иванович), иеромонах. Родился в 1893 в Серпухове Московской губ. в семье кузнеца. В 1914 — призван в армию. С 1917 по 1919 — послушник в Троице-Сергиевой лавре, затем в Давидовой пустыни. С 1925 — иеродиакон, служил в церкви Распятия в Серпухове. 13 августа 1928 — арестован и 8 октября 1928 — приговорен к 3 годам ИТЛ, отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В июне 1931 — освобожден с ограничением проживания, направлен в Арзамас. 4 октября 1931 — посвящен в иеромонаха и 15 октября выехал в село Ченцово Заокского района Московской области. 22 апреля 1932 — арестован как *«участник нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. 9 июля 1932 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В июле 1937 — арестован в Ярославской области. 29 октября 1937 — расстрелян в Ярославле.

**ВАСИЛИЙ** (Антонов Василий Константинович), иеромонах. Родился в 1869 в крестьянской семье. С 1895 — в Тихоновой пустыни. С 1925 — в Даниловом монастыре в Москве, прислуживал в церкви Воскресения Словущего. 26 апреля 1932 — арестован как *«участник нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключен в Бутырскую тюрьму.

**ВИНОГРАДОВ** Василий Васильевич, священник. Родился в 1887. Окончил духовную семинарию. Проживал в Серпухове. В сентябре 1937 — арестован как *«участник контрреволюционной организации церковников»*. 17 октября приговорен к ВМН и 21 октября расстрелян на Бутовском полигоне.

**ВЛАДЫЧЕНСКИЙ** Александр Васильевич, священник. Родился в 1867 в деревне Садки Серпуховского уезда Московской губ. Получил среднее духовное образование. Проживал в Серпухове, настоятель Сретенской церкви. Осенью

1929 — арестован, выслан на Север. В 1935 — вернулся из ссылки, в сентябре 1937 — арестован как *«участник контрреволюционной организации церковников»*. 17 октября приговорен к ВМН и 21 октября 1937 — расстрелян на Бутовском полигоне.

**ВОЗНЕСЕНСКИЙ** Алексей Петрович, священник. Родился в 1866 в селе Жиганово Богородицкого уезда в семье диакона. В 1888 — окончил Московскую духовную семинарию. Служил псаломщиком, диаконом, с 1909 — священником, позднее — настоятель церкви Успения Богоматери в Гончарах. 19 октября 1930 — арестован как *«участник Московского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 5 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ с заменой высылкой в Казахстан на тот же срок.

**ВОРОБЬЕВ** Владимир Николаевич, священник. Родился в 1875 в селе Лопуховка Саратовской губ. в крестьянской семье. Окончил Саратовскую духовную семинарию, в 1899 — посвящен во иерея. Служил в Краишевском Тихвинском женском монастыре. В 1914 — окончил Археологический институт в Москве. С 1918 — настоятель храма Николы в Плотниках на Арбате. В декабре 1924 — арестован, 15 марта 1925 — освобожден. 4 ноября 1930 — арестован как *«участник Всесоюзного Центра контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 3 сентября 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Свирьлаг. 21 октября 1932 — лагерь заменен по болезни на высылку в Казань на оставшийся срок. 24 августа 1938 — арестован и заключен в Куйбышевскую тюрьму в Татарии. 16 февраля 1940 — скончался от паралича сердца в тюрьме г. Куйбышева (ныне г. Булгар).

**ВОРОНКОВ** Александр Николаевич, священник. Родился в 1878 в Кашире. Служил в селе Вихорни Серпуховского



района. Осенью 1929 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 3 марта 1930 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1932 — освобожден из лагеря, в 1935 — после освобождения из ссылки вернулся в село Вихорни. В 1937 — арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

**ГЕССЕЛЬ** Константин Константинович, диакон. Родился в 1889 в г. Батум в дворянской семье. Окончил Московское промышленное училище и Константиновское артиллерийское училище. 1914–1917 — воевал в чине поручика. С 1918 — работал в Москве в Наркомземе, потом в Стерлитамаке в Совнархозе. 1920 — арестован за хищение соды и приговорен к расстрелу. Перевезен в Москву в Бутырский изолятор, потом в Пречистенскую психбольницу. В 1923 — из-под стражи освобожден. В 1932 — тайно посвящен в сан диакона. Весной 1933 — арестован как *«участник контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорен к ВМН и расстрелян.

**ГЛУХОВ** Василий Иванович, псаломщик. Родился в 1889 в деревне Дракино Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1895 — работал на ситценабивной фабрике. С 1924 — после увольнения служил псаломщиком в церкви Николая Будки, затем перешел в Троицкий собор. 28 октября 1929 — арестован и 3 января 1930 — приговорен за то, что *«вел активную антисоветскую деятельность, участвуя в контрреволюционной группировке церковников»*, к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край. В 1935 — вернулся из ссылки, в сентябре 1937 — арестован как *«участник контрреволюционной организации церковников»*. 17 октября приговорен к ВМН и 21 октября расстрелян на Бутовском полигоне.

**ГОЛОЩАПОВ** Сергей Иванович, священник. Родился 6 июня 1882 в Москве. В 1908 — окончил духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1910 — преподаватель и помощник инспектора духовной академии, с 1920 — настоятель храма в с. Покровском. 1922–1925 — служил в церкви Никольского единоверческого монастыря. С 1926 — настоятель Троицкого храма в Никитниках в Москве. В октябре 1929 — арестован и отправлен в Соловецкий концлагерь. В 1931 — выслан в Мезень. В 1934 — разрешено переехать в Муром, в 1935 — в Можайск. Проводил тайные богослужения. 7 декабря 1937 — арестован, 16 декабря приговорен к ВМН и 19 декабря расстрелян на Бутовском полигоне.

**ГОРГОНИЙ** (Анисимов Георгий Яковлевич), иеромонах. Родился в 1875 в Воронежской губ. в крестьянской семье. В начале 1920-х — насельник Новгородского монастыря, с 1928 — служил в соборе Воскресения Христова в Ленинграде, с 1929 — настоятель Успенского Желтиковского женского монастыря в Твери. 19 октября 1930 — арестован как *«участник Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян.

**ГРИГОРИЙ** (Горюнов), иеромонах. Пострижен в мантию, позднее посвящен во иеромонаха. Служил в церкви Свят. Николая в Подкопаях в Москве. После декларации — в оппозиции митр. Сергию, с 1931 — на нелегальном положении, проводил тайные богослужения на квартирах в Москве. В 1932 — разыскивался следствием как *«участник Московского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*, но успел скрыться от ареста. В 1937 — арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

**ДАНИИЛ** (Лобанов Даниил Петрович), иеродиакон. Родился в 1908 в селе Гаврилово Ямское Ярославского уезда и губ. в крестьянской семье. Проживал в Серпухове, несколько месяцев служил иеродиаконом в Троицком соборе. 19 мая 1931 — арестован как «участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ» и заключен в Серпуховскую тюрьму, выслан в Казахстан.

**ДУЛОВ** Николай Николаевич, родился в 1885 в Москве в семье князя. Окончил Московское Александровское военное училище и Санкт-Петербургскую юридическую академию. До 1917 — служил подполковником Генштаба царской армии. В 1920 — рукоположен во иерея, служил в храмах Москвы. В 1922 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Зырянский край. С 1925 — после освобождения служил в церкви Св. Трифона мученика, с 1927 — Воздвижения в Москве. 29 октября 1929 — арестован и отправлен на Соловки. В 1930 привлечен по делу «буевцев». 28 июля 1930 — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет. Осенью 1930 — привлечен к следствию по делу "Всесоюзного Центра ИПЦ", начал исполнять поручения ОГПУ. 3 сентября 1931 — приговор уменьшен до 5 лет условно, из-под стражи освобожден. 1 декабря 1931 — снял сан священника. Проживал в Москве, работал исполнителем на заводе "Грампластинка". 20 сентября 1937 — арестован, 19 ноября приговорен к ВМН и 25 ноября расстрелян на Бутовском полигоне.

**ЗОЛОТАВИН** Аркадий Михайлович, священник. Родился в 1896 в с. Лебяжье Екатеринбургской губ. Окончил Екатеринбургскую духовную семинарию. С 1918 — священник на Урале. В декабре 1930 — присоединился к иосифлянскому епископу Синезию (Зарубину). С мая 1931 — в Серпухове, проживал на нелегальном положении, проводил службы в Троицком соборе. 16 ноября 1931 — арестован как «участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной церков-

ной монархической организации ИПЦ» и отправлен в Бутырскую тюрьму. В феврале 1932 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1935 — арестован в с. Багаряк Свердловской обл. и приговорен к 5 годам ИТЛ.

**ИГНАТЬЕВ** Димитрий Иларионович, священник. Родился в 1888 в селе Слободзея Тираспольского уезда Херсонской губ. До 1909 — занимался сельским хозяйством, в 1910 — приехал в Одессу и работал на разных предприятиях. Служил псаломщиком в Николаевском соборе Одессы. С 1925 — диакон. В 1930 — служил в Серпухове. В конце 1930 — арестован в Одессе и выслан в Казахстан за «покушение перехода в пограничную зону румынской границы». С 1934 — на нелегальном положении в Одессе. 10 сентября 1937 — арестован и за нарушение паспортного режима приговорен к 2 годам лагерей. 29 декабря 1937 — по новому обвинению приговорен к расстрелу. 2 января 1938 — расстрелян.

**ИЛИОДОР** (Трусилин Иван Данилович), иеромонах. Родился в 1865 в Симбирской губ. в крестьянской семье. С 1890 по 1913 — на Афоне, пострижен в мантию, посвящен в иеромонаха. С 1913 — в Екатерининской пустыни. С 1914 — в Давидовой пустыни. С 1929 — священник Покровской церкви в Серпухове. 15 ноября 1930 — арестован как «участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ», 18 февраля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой высылкой в Казахстан.

**ИОАНН** (Беспутин Иван Андреевич), иеродиакон. Родился в 1870 в Вологодской губ. До 1925 — в Николо-Угрешском монастыре. С 1927 — в Ильинской церкви с. Миротино Заокского района. Весной 1933 — арестован как «участник контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ». 19 марта 1933 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**ИОАНН** (Кирпичев Илья Кузьмич), псаломщик (монах). Родился в 1880 в деревне Мордвиново Калязинского уезда Тверской губ. Проживал в Серпухове, член приходского совета церкви Распятия. В 1929 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Архангельск. В 1930-х — после освобождения принимал участие в тайных богослужениях. 14 сентября 1937 — арестован как *«участник контрреволюционной организации церковников»*. 17 октября приговорен к ВМН и 21 октября расстрелян на Бутовском полигоне.

**ИОАСАФ** (Шишковский-Дрылевский), епископ. Родился в 1888. С 1921 — епископ, переходил в обновленческий раскол, в 1923 — на обновленческом соборе подписал постановление о лишении сана и монашества Патриарха Тихона; после освобождения Патриарха принес покаяние. С марта 1930 — епископ Серпуховский. В апреле 1931 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1933 — освобожден, занимал разные кафедры. В 1935 — скончался.

**ИРИНАРХ** (Белявский Федор Леонтьевич), иеромонах. Родился в 1888 в Киевской губ. С 1902 — в Виноградском монастыре под Киевом. В 1918 — принял монашество и рукоположен во иеродиакона. С 1923 — служил в Покровской церкви Серпухова. Весной 1928 — посвящен во иеромонаха, продолжил служение священником в Покровской церкви. 13 августа 1929 — арестован и выслан на три года в Мурманск. После освобождения вернулся в Серпухов, служил в Покровской церкви. Осенью 1932 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 19 марта 1933 — приговорен к ВМН, 10 апреля расстрел заменен на 10 лет ИТЛ. Отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 3 ноября 1937 — расстрелян.

**ИСААКИЙ** (Винкуватов Иван Васильевич), иеродиакон. Родился в 1870 в Тульской губ. До 1926 — в Валаамском монастыре, после странствовал. Принимал участие в тайных богослужениях. Арестован в Москве и 19 марта 1933 — приговорен к 5 годам ИТЛ.

**ИЩЕНКО** Николай Трофимович, священник. Родился в 1887 в селе Косяковка Киевской губ. в семье псаломщика. Окончил Киевскую духовную семинарию, с 1907 — псаломщик в церкви Черкасского уезда, с 1911 — Таращанского уезда, с 1916 — Звенигородского уезда Киевской губ. Посвящен в иерея, в 1920 — служил священником в Чигиринском уезде. В 1926 — арестован *«за антисоветскую агитацию»*, приговорен к 1 году тюремного заключения, находился в тюрьмах Черкасска, Киева, Харькова. С 1927 — после освобождения служил священником в селе Купиеваты Каневского уезда Киевской губ. С августа 1929 — проживал в Серпухове, служил в Спасо-Занарской кладбищенской церкви, с 1930 — благочинный епархии. 15 ноября 1930 — арестован как *«руководитель Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян в Москве.

**КАЮКОВ** Николай Васильевич, псаломщик. Родился в 1876 в Серпухове в мещанской семье. Окончил городское училище, работал конторщиком на фабриках Серпухова, с 1918 — служил псаломщиком в церкви Николая Будки. 22 апреля 1932 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 9 июля 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**КЛАВДИЙ** (Дворянский Клавдий Иванович), иеромонах. Родился в 1872 в Орловской губ. в крестьянской семье.

С 1888 — в Троице-Сергиевой лавре, с 1903 — монах на подворье в Петербурге. До 1918 — иеромонах в Тихвинском монастыре. В 1919–1922 — работал на хозяйстве в том же монастыре. С 1923 — ходил с иконой по селам. 1925–1927 — священник с. Калбеки Тихвинского района. В 1929 — архиепископом Гдовским Димитрием назначен в село Гора Московской области. 6 декабря 1930 — арестован как *«участник Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1933 — досрочно освобожден.

**КОЗЬМА** (Трусов Василий Федосеевич), иеромонах. Родился в 1907 в деревне Дешкино Рязанского уезда. С 1923 — прислуживал пономарем в церкви Николая на Ильинке. С 1929 — келейник епископа Максима (Жижиленко) в Серпухове. В 1930 — пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха епископом Нектарием (Трезвинским) в Казани. Служил в Высоцком монастыре в Серпухове. 15 ноября 1930 — арестован как *«активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 18 февраля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Белбалтлаг. 15 мая 1939 — освобожден; в 1940-х — окармливал катакомбные общины в Тамбове, Мичуринске, Козлове. 8 марта 1950 — арестован в Тамбовской области, 7 октября приговорен к 25 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг. В 1956 — освобожден из лагеря.

**КОНОПЛИН** Иоанн Иванович, родился в 1875 во Владимирской губ. Получил начальное образование. Посвящен во иерея, служил священником в церкви деревни Дровосеки Орехово-Зуевского района. 6 декабря 1930 — арестован как *«участник Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 5 фев-

раля 1931 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край.

**КРАСНОВСКИЙ** Ипполит Николаевич, священник. Родился в 1883 в семье священника. В 1909 — окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия; служил в церкви Воскресения Христова на Таганке в Москве. 19 сентября 1930 — арестован как *«участник Московского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 5 февраля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1933 — лагерь заменен ссылкой и отправлен в Курск. В 1935 — арестован, приговорен к новым 10 годам ИТЛ и отправлен в Дальлаг. В 1938 — привлечен к следствию по групповому делу архиепископа Онуфрия (Гагалюка), приговорен к ВМН и расстрелян.

**КРЕМЬШЕНСКИЙ** Александр Анатольевич, священник. Родился в 1897 в Серпухове Московской губ. Окончил восемь классов гимназии, поступил на медицинский факультет Московского университета. С июля 1918 — мобилизован как вспомогательный интендант на борьбу с сыпным тифом в рядах Красной армии на Южном фронте, с 1919 — при штабе Юго-Восточного фронта, в 1920 — вернулся в Москву. В 1923 — окончил 3 курса Московской духовной академии; посвящен в иерея, с 1924 — служил священником Троицкого собора в Серпухове, затем — настоятелем, в 1927 — благочинным епархии. 13 августа 1928 — арестован, 8 октября приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 13 февраля 1930 — срок приговора увеличен на 2 года. В конце 1930 привлечен к новому делу как *«руководитель Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и вывезен в Москву. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 4 июня расстрелян.



**КРОНИД** (Дубровный Кирилл Ирадионович), иеромонах. Родился в 1871 в селе Чепелево Черниговской губ. в крестьянской семье. С 1888 — в Глинской пустыни, с 1895 — в Троице-Сергиевой лавре, с 1897 — в Коломенском Троицком монастыре. В 1900 — пострижен в мантию с именем Кронид, с 1902 — иеродиакон, с 1903 — иеромонах. С 1908 — в Николо-Пешношском монастыре, в 1909 — в Высоцком монастыре в Серпухове. В 1916 — командирован на Западный фронт, потом — на Румынский, где был священником. С 1918 — жил на родине в Чернигове, занимался столярными работами; с 1919 — служил священником в Покровской церкви Высоцкого монастыря в Серпухове. 14 ноября 1930 — арестован как *«активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян.

**КРЫЛОВ** Илья Сергеевич, священник. Родился в 1881 в селе Орехово Московской губ. в семье красильного мастера. Окончил Егорьевскую гимназию и Коммерческий институт, до революции служил фабричным инспектором. Рукоположен во иерея, служил в церкви села Гора Орехово-Зуевского района, с 1929 — настоятель. В августе 1929 — арестован и административно выслан на полгода в деревню Кудькино. В начале 1930 — после освобождения вернулся в свой приход. 6 декабря 1930 — арестован как *«организатор и руководитель Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян.

**КУВШИНОВ** Иван Иванович, иподиакон. Родился в 1897 в Богородском уезде Московской губ. в семье купца. Окончил практическую академию в Москве, с 1919 — учился на курсах Военно-хозяйственной академии и служил в интендантстве. В апреле 1927 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен

в Соловецкий лагерь особого назначения. В декабре 1929 — освобожден из лагеря досрочно с ограничением проживания (–6), поселился в Орехово-Зуево. 3 ноября 1930 — арестован как *«участник Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 4 июня расстрелян в Москве.

**КУНЦЕВИЧ** Василий Леонтьевич, священник. Родился в 1887 в местечке Бельнички Могилевской губ. в крестьянской семье. С 1908 — работал почтово-телеграфным чиновником в Таганроге и Воронеже. С 1924 — после увольнения служил диаконом, позднее — священником в церкви Воронежа. Летом 1929 — арестован *«за антисоветскую деятельность»*, приговорен к высылке из города; в августе 1929 — выехал в Серпухов, служил в Троицком соборе. 14 октября 1929 — арестован и выслан на 3 года в Севкрай. В 1932 — арестован в Вологодской обл. и по обвинению в контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционной группировке духовенства и церковников приговорен к 5 годам ИТЛ.

**ЛЕВКОВСКИЙ** Александр Евменьевич, священник. Родился в 1887 в селе Великое Фосно Волынской губ. в семье священника. В 1914 — окончил Московскую духовную академию, принял священный сан. Служил в Никольской церкви на Плацу в Твери. Неофициальный благочинный округа, составил и распространял две брошюры: "О двух путях" и "Беседа со старцем Алексием". 28 октября 1930 — арестован как *«руководитель Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 4 июня расстрелян.

**ЛЫСЯК** Григорий Климентьевич, священник. Родился в 1885 в Люблинской губ. в семье священника. В 1911 —

окончил Киевскую духовную академию; был разъездным миссионером в Одессе, затем — преподавателем духовной семинарии и настоятелем домового церкви при старческом доме. В 1914–1917 — в Томске, затем — вновь в Одессе. В 1924 — арестован и выслан на 2 года. С середины 1920-х — служил в церкви Успения Богоматери в Гончарах в Москве. 19 октября 1930 — арестован как *«участник Московского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 18 февраля 1931 — приговорен к 7 годам ИТЛ и отправлен в лагерь, где повторно был осужден. В 1941 — освобожден, служил в Калуге. В 1948 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1955 — освобожден, проживал в Ленинграде, служил в Смоленской кладбищенской церкви; затем — в поселке Лисий Нос, в 1958 — скончался.

**МЕДВЕДЬ Роман (Иосиф) Иванович**, священник. Родился в 1874 в Люблинской губ. (Польша). В 1892 — окончил Холмскую духовную семинарию, в 1896 — духовную академию в Петербурге, с 1896 — инспектор Виленской духовной семинарии, в 1901 — посвящен во иерея, служил в церкви Черниговской губ. С 1902 — служил в Петербурге, с 1908 — настоятель собора в Севастополе, протопресвитер Черноморского флота. С 1918 — настоятель храма Василия Блаженного в Москве, председатель "Совета объединенных приходов". 22 мая 1918 — арестован, 30 июля освобожден до суда под подписку о невыезде, 27 ноября дело прекращено по амнистии. С 1919 — настоятель храма Свт. Алексия, митр. Московского. 8 сентября 1921 — вновь арестован, 23 ноября освобожден, дело прекращено по амнистии. До 1929 — неоднократные аресты и освобождения. 21 апреля 1931 — арестован по обвинению в «организации и руководстве контрреволюционной организации "Братство ревнителей православия", а/с агитации», 10 мая 1931 — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в Белбалтлаг.

24 июля 1936 — освобожден из лагеря досрочно по болезни и выслан в Волоколамск. Переехал в Черкассы Харьковской области. В 1937 — в Малоярославец Калужской области. 18 августа 1937 — пострижен в мантию с именем Иосиф. 8 сентября 1937 — скончался в Малоярославце.

**МОИСЕЙ** (Доброхотов Михаил Васильевич), иеромонах. Родился в 1867 в селе Боголюбовка Бузулукского уезда Самарской губ. С 1890 — в монастыре Оптиная пустынь. В 1914 — на фронте полковым священником. С 1924 — служил в Серпухове в Вознесенской церкви. 18 августа 1928 — арестован, в октябре 1928 — выслан в Сибирь. С 1932 — после освобождения проживал в селе Трояново Выскокинского района Московской области. Проводил тайные богослужения. 30 августа 1937 — арестован *«за организацию нелегальных церквей и ведение контрреволюционной агитации»*, 17 октября приговорен к ВМН и 21 октября расстрелян на Бутовском полигоне.

**НАЗАРИЙ** (Прохоров Николай Ефимович), иеромонах. Родился в 1880 в деревне Малица Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1904 — в Спасо-Голутвином монастыре в Коломне. В 1923 — после закрытия монастыря поселился в деревне Малицы Лопасненского района. Изредка служил в церквях, где отсутствовали священники. С 15 февраля 1931 — проживал в Серпухове, настоятель Покровской церкви. 19 мая 1931 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»* и заключен в Серпуховскую тюрьму, выслан в Казахстан.

**НАЗАРОВ** Владимир Александрович, иподиакон. Родился в 1904 в Серпухове. С 1926 — служил переписчиком в больнице. 9 декабря 1931 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной мо-*

*нархической организации ИПЦ*». В феврале 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**НИКИТА** (Делекторский Федор Петрович), епископ. Родился 22 декабря 1876. В 1924 — рукоположен во епископа в Самаре, подвергался арестам, с 1925 — в Орехово-Зуево; в сентябре 1927 — переведен на Нижне-Тагильскую кафедру, очевидно, не подчинился и был уволен на покой. Нес подвиг юродства, нестяжательства и старчества. В 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. С 1933 — после освобождения проживал нелегально в Орехово-Зуево. В ноябре 1937 — арестован, приговорен к ВМН и 19 ноября расстрелян на Бутовском полигоне.

**НИКОДИМ** (Рыбаков Николай Дмитриевич), иеромонах. Родился в 1867 в Симбирской губ. С 1890 — в Давидовой пустыни. С 1914 — иеромонах. С 1929 — в Серпухове в Средненской церкви. 15 ноября 1930 — арестован как *«активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам высылки в Казахстан.

**НИКОН** (Хруль-Хрулькевич Петр Андрианович), игумен. Родился в 1864 в Пружанском уезде Гродненской губ. в крестьянской семье. С 1886 — монах в Высоцком монастыре в Серпухове, после его закрытия служил в Воскресенской церкви Серпухова. 12 октября 1929 и 3 января 1930 — приговорен за то, что *«выполнял поручения по ведению контрреволюционной агитации в деревнях»*, к 3 годам ссылки в Севкрай. В середине 1930 — после освобождения вернулся в Серпуховской район, проводил по домам тайные богослужения. В сентябре 1937 — арестован и заключен в Таганскую тюрьму. Виновным себя не признал. 17 октября освобожден, дело прекращено за недоказанностью преступления.

**ПАНТЮХИН** Кирилл Егорович, родился в 1873 в Тульской губ. Окончил сельскую школу. Проживал в селе Дмитровское Заокского района Московской области, занимался сельским хозяйством, крестьянин-единоличник. В 1930 — посвящен в сан священника обновленческим митрополитом, служил в местной церкви. С января 1932 по предложению иеромонаха Варсонофия (Безсонова) прекратил поминание обновленческих архиереев. Весной 1932 — арестован как *«участник нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключен в Бутырскую тюрьму. 9 июля 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан.

**ПАРФЕНИЙ** (Крутяков), оптинский монах. В октябре 1928 — рукоположен в иеромонаха епископом Димитрием (Любимовым), служил настоятелем Троицкого собора в Серпухове. 24 мая 1929 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Северный край и отправлен в Пинегу.

**ПЕРЕХВАЛЬСКИЙ** Дмитрий Михайлович, священник. Родился в 1885 в Егорьевском уезде Московской губ. Окончил 4 класса духовной семинарии и 2 курса университета. После 1930 — проживал и служил в Серпухове. В начале 1933 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

**ПИМЕН** (Трунов Платон Илларионович), архимандрит. Родился в 1869 в селе Каликино Липецкого уезда Тамбовской губ. в крестьянской семье. С 1898 — монах в московском Даниловом монастыре. В 1920 — уехал из Москвы на родину, в 1922 — привлекался к следствию в связи с изъятием церковных ценностей в Тамбовской области, но был оправдан. В 1927 — служил с епископом Сергием Никольским

в Бузулуке; позднее приехал в Серпухов, служил в Воскресенской церкви, с августа 1929 — в Троицком соборе. 12 октября 1929 — арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. 15 октября 1937 — расстрелян в Липецке.

**ПОЛИКАРП** (Золотых Поликарп Семенович), иеромонах. Родился в 1880 в Воронежской губ., с. Елецкая Лозовка. В 1900–1920 — насельник Задонского монастыря. После закрытия служил в приходских харамах. В 1928 приговорен к 3 годам концлагерей, отправлен в Соловецкий лагерь. Летом 1929 арестован в лагере по делу Г. Н. Канорской, к сроку добавлено еще 2 года. С 1933 — вновь приговорен к 3 годам ИТЛ. В 1935 — в Сиблаге под Мариинском. В сентябре 1937 — арестован в лагере и приговорен к расстрелу. 3 ноября 1937 — расстрелян в Антибесском лагпункте.

**ПОЛЬСКИЙ** Михаил Афанасьевич, протопресвитер. Родился в 1891 в станице Ново-Троицкая на Кубани. В 1914 — окончил духовную семинарию в Ставрополе. С 1918 по 1920 — служил миссионером. В 1920 — посвящен в сан иерея, служил в храме Свв. Петра и Павла у Преображенской заставы в Москве. 16 июля 1923 — арестован, 7 декабря приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1926 — освобожден из лагеря и выслан на 3 года в Усть-Сысольск Зырянского края. В 1928–1929 — бежал из ссылки, проживал на нелегальном положении. В конце 1930 — через Закавказье бежал в Персию, затем добрался до Иерусалима, состоял при Русской духовной миссии. 1934 — настоятель общины РПЦЗ в Бейруте. С 1938 — настоятель прихода в Лондоне. С 1948 — в США, где в 1960 — скончался. Автор церковных книг и статей.

**СВЕНЦИЦКИЙ** Валентин Павлович, священник. Родился в 1881 в Казани. Богослов, философ, прозаик, драматург. Учился на историко-философском факультете Московского

университета. 9 сентября 1917 — рукоположен во иерея, служил священником при штабе 1-й армии, с 1918 — проповедник в Добровольческой армии. Осенью 1920 — поселился в Москве, проповедовал в разных храмах, определен внештатным священником в храм Воздвижения Креста Господня. 30 июля 1922 — арестован по обвинению «в распространении ложных слухов». 27 декабря приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Пенджикент. В конце 1924 — освобожден из ссылки и вернулся в Москву, служил в храме Сщмч. Панкратия на Сретенке, с 1926 — настоятель храма Никола Большой Крест на Ильинке. 19 мая 1928 — арестован, 13 июля приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Красноярский край под Тайшет. 11 сентября 1931 — присланы за его подписью покаянные письма митр. Сергию и московской пастве с призывом признать того законным первым епископом. 7/20 октября 1931 — скончался в ссылке, тело перевезено женою в Москву. Похоронен на Введенском (Немецком) кладбище.

**СЕРАПИОН** (Кушин Семен Григорьевич), родился в 1860 в селе Черное Петербургской губ. в крестьянской семье. С 1874 — в монастыре. С 1915 — в госпитале на фронте. С 1918 — посвящен в иеромонаха в Высоцком монастыре в Серпухове. 14 августа 1928 — арестован, 8 октября приговорен к 4 месяцам тюрьмы, 14 декабря освобожден и перешел на нелегальное положение. 21 апреля 1931 — арестован в Ленинграде, 8 октября приговорен к ограничению проживания на 3 года (-12).

**СЕРАФИМ** (Бубликов Семен Николаевич), иеромонах. Родился в 1874 в Москве. Воспитанник Московского воспитательного дома, взятый на воспитание крестьянкой Тарусского уезда Калужской губ. До 1914 — в Спасо-Преображенском монастыре в Рославле Смоленской губ., с 1917 — в монастыре города Белый Смоленской губ., с 1925 — в раз-



ных приходах Тарусского района. С 1929 — служил в Покровской церкви в Серпухове, с осени — служил в церкви Николая Березня под Серпуховом. 14 ноября 1930 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян в Москве.

**СЕРАФИМ** (Егоров Семен Павлович), иеромонах. Родился в 1875 в Серпухове в мещанской семье. С 1898 — в монастыре, монах. С 1918 — служил в ополчении в Красной армии в тылу, с 1921 — в монастыре, с 1924 — служил псаломщиком, с апреля 1931 — после посвящения служил священником в церкви села Спас-Тешлово Серпуховского района. 19 мая 1931 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»* и выслан в Казахстан.

**СЕРАФИМ** (Звездинский Николай Иванович), епископ. Родился 7 апреля 1883 в Москве в семье единоверческого протоиерея. Окончил Московскую духовную академию. 15 декабря 1919 — хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. 29 ноября 1922 — арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 30 марта 1923 — приговорен к 2 годам ссылки в Севкрай и отправлен в село Визинга Зырянского края. 7 апреля 1925 — из ссылки освобожден, подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Петру (Полянскому), с лета проживал в Борисоглебском Аносином монастыре Московской епархии, с декабря — на хуторе у станции Кубинка Московско-Белорусской ж. д. 13 июля 1926 — выслан в Нижегородскую губернию, проживал в Серафимо-Дивеевском монастыре. 22 сентября 1927 — арестован, 8 октября освобожден. Выехал в Москву, по прошению уволен от управления Дмитровским викариатством, поселился в Меленках Владимирской области. Был в скрытой оппо-

зиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В апреле 1932 — арестован по групповому делу Московского «филиала» ИПЦ, приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан и отправлен в Алма-Ату, затем в Гурьев, в августе 1933 — в Уральск. В начале 1935 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Ишим. 23 августа 1937 — приговорен к ВМН и 26 августа расстрелян в Омской тюрьме.

**СЕРАФИМ** (Шарков Серафим Иванович), иеромонах. Родился в 1891 в селе Пурдошки Темниковского уезда (Мордовия). До 1930 — в Санакарском монастыре. Служил в с. Миротино Заокского района Московской области. Весной 1933 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

**СЕРГИЙ** (Гришин Алексей Николаевич), епископ. Родился в 1889. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1917 по 1925 — настоятель Боровского Пафнутьева монастыря. 23 апреля 1927 — хиротонисан во епископа Серпуховского. С мая 1928 — епископ Полтавский, с 1932 — архиепископ Киевский, с 1934 — Харьковский, с 1935 — Владимирский. В 1936 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ. С 1941 — после освобождения из лагеря архиепископ Можайский, с 1942 — Горьковский. 8 сентября 1943 — участник собора, избравшего патриархом Сергия (Страгородского). 14 сентября 1943 — скончался.

**СИМЕОН** (Козорез Семен Иванович), иеродиакон. Родился в 1881 в селе Городище Лохвицкого уезда Полтавской губ. в крестьянской семье. Служил диаконом в церкви Успенского Желтиковского женского монастыря. 10 ноября 1930 — арестован как *«участник Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*.

18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян.

**СКВОРЦОВ** Василий Васильевич, священник. Родился в 1881 в Москве в семье псаломщика. Окончил Московскую духовную семинарию и духовную академию, до 1919 — служил диаконом, затем — священником, настоятелем церкви Св. Николая в Студенцах. В 1926 — арестован «за распространение антисоветской литературы», приговорен к 2 годам ссылки и отправлен в Северный край. В 1928 — освобожден, вернулся в Москву. В сентябре 1930 — арестован как «участник Московского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ», 18 февраля 1931 — приговорен к 2 годам ссылки и отправлен в Коми-Зырянский край.

**СМОРОДИН** Валентин Дмитриевич, священник. Родился в 1882 в Московской губ. в семье псаломщика. Окончил духовную семинарию. Служил в церкви Николая Будки в Серпухове. В 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Архангельскую область. В апреле 1933 — приговорен еще к 3 годам ссылки.

**ТЕРЯЕВ** Николай Сергеевич, священник. Родился в 1871 в семье псаломщика. С 1905 — псаломщик, с 1906 — диакон Воскресенской церкви в Серпухове. Позднее — настоятель той же церкви. В 1929 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Печорский край. Зимой 1941 — убит там за исполнение требы.

**ТЕРЕНТИЙ** (Чернявский Терентий Илларионович), иеродиакон. Родился в 1875 в Гродненской губ. С 1905 — в Высоцком монастыре Серпухова. С 1910 — иеродиакон. С 1919 по 1923 — псаломщик при церкви Николая-Лысцево под Серпуховом. 4 декабря 1930 — арестован как «активный

*участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ». 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.*

**ТИМОФЕЙ** (Надеждин Тимофей Абрамович), иеромонах. Родился в 1862 в селе Перкино Тамбовской губ. в семье дьячка. С 1930 — служил в церкви села Сафоново Дмитровского района. 4 января 1931 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 5 февраля 1931 — освобожден из тюрьмы, дело прекращено. Весной 1938 — арестован, 7 марта приговорен к ВМН.

**ТРОИЦКИЙ** Николай Васильевич, священник. Родился в 1874 в Рязанской губ. в семье диакона. В 1899 — окончил Московскую духовную семинарию. С 1903 — служил диаконом в Останкино. С 1914 — диакон при церкви Воскресения Христова на Таганке в Москве. С 1919 — священник. 19 августа 1930 — арестован по делу *«церковно-монархической организации "Истинного Православия"»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян.

**ФЕДОРОВ** Алексей Егорович, священник. Родился в 1881 в Тульской губ. Окончил Житомирскую духовную семинарию, с 1919 — служил священником в церкви села Татарское Заокского уезда Московской области. 22 апреля 1932 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключен в Серпуховскую тюрьму. 9 июля 1932 — приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан.

**ФЕОДОСИЙ** (Ганицкий Иван Федорович), епископ. Родился в 1860. Окончил Киевскую духовную академию. С 1920 — епископ Коломенский и Бронницкий. В 1923—

1926 — в ссылке. В 1927 — вернулся в Коломну, не исполнял указа митрополита Сергия о поминовении. 25 сентября 1929 — уволен на покой, через два месяца арестован, приговорен к 5 годам ссылки. В 1933 — после освобождения поселился в селе Сушково Луховицкого района. 3 мая 1937 — скончался.

**ФЕОФАН** (Ишков Федор Филиппович), иеромонах. Родился в 1875 в с. Истобное Старо-Оскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1896 по 1915 — в Курском Никольском монастыре, пострижен в мантию, затем посвящен в иеромонаха; в 1920-х — настоятель Никольской церкви в Вышнем Волочке. 22 декабря 1930 — арестован как *«участник Вышневолоцкого "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 24 апреля расстрелян.

**ФЕССАЛОНИЦКИЙ** Арсений Васильевич, священник. Родился в 1870 в Твери. Служил в церкви Рождественского женского монастыря в Твери. 20 ноября 1930 — арестован как *«участник Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян.

**ФИЛАТОВ-ФИЛИППОВ** Федор Петрович, священник. Родился в 1888. Из зырян Коми области Изма-Печерского уезда села Мощьюга. В 1919–1921 — в Красной армии, служил в качестве лекпома. С 1924 — священник. В 1928 — осужден на 3 года заключения и отправлен на Соловки. Летом 1929 — арестован в лагере на Поповом острове по делу Г. Н. Канорской, получил увеличение срока заключения на 2 года.

**ФОТИЙ** (Солодов Михаил Семенович), иеромонах. Родился в 1885 в дер. Солодовка Кременчугского уезда Полтав-

ской губ. С 1911 — в монастырях, в начале 1920-х — в Вязищском Новгородском монастыре. В 1923 — арестован «за антисоветскую деятельность», позднее был освобожден. В 1929 — находился в Успенском Желтиковском женском монастыре в Твери. С 1930 — с началом массовых арестов успел скрыться, укрывался в иосифлянкой общине в Москве, затем в Никольском погосте Тверского района. 21 июня 1931 — арестован как «участник Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ». 3 сентября приговорен к ВМН и 1 октября расстрелян.

**ФРОЛОВ Федор Фомич**, диакон. Родился в 1893 в деревне Колодня Сычевского уезда Смоленской губ. в семье старообрядческого иерея. С 1908 — служил рассыльным у торговца в Москве, в 1914 — призван в армию, служил рядовым в артиллерийском полку в Кронштадте. С 1924 — диаконом Троицкого собора в Серпухове. 23 октября 1929 — арестован как «активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ». 3 января 1930 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край.

**ХОЛЯВКО Василий Матвеевич**, диакон. Родился в 1900 в Зиновьевском округе в крестьянской семье. Окончил два класса училища и курсы псаломщиков, посвящен во диакона. В 1920-х — служил в церквях Москвы и Серпухова. 5 ноября 1930 — арестован как «активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ». 18 февраля 1931 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край.

**ШИШКАНОВ Василий Николаевич**, священник. Родился в 1902 во Ржеве Московской губ. С 1922 — псаломщик Спасо-Преображенской церкви в Твери, с 1924 — диакон Хри-

сто-Рождественского женского монастыря в Твери. Посвящен в иерея, с мая 1930 — служил в Троицком соборе в Серпухове. 15 ноября 1930 — арестован как *«активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Белбалтлаг. В 1939 — освобожден из лагеря.

### Монашествующие

**Августа** (НЕЧАЕВА Августа Павловна), монахиня. Родилась в 1870 в Тверской губ. в крестьянской семье. В 1930-х — проживала в Твери. 4 декабря 1930 — арестована как *«активная участница Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**Агафья** (МИХАЙЛОВА Агафья Александровна), монахиня. Родилась в 1883 в селе Засосна Острогжского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1907 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове, занималась пошивом одеял. 21 мая 1931 — арестована по групповому делу монашествующих и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — выслана в Казахстан.

**Агафья** (СМОТРОВА Агафья Михайловна), монахиня. Родилась в 1896 в деревне Быково Ливенского уезда Орловской губ. в крестьянской семье. С детства в монастырях, с 1924 — проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована по групповому делу монашествующих и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — выслана в Казахстан.

**Агриппина** (ВЕСЕЛОВА Агриппина Николаевна), монахиня. Родилась в 1865 в Москве в мещанской семье. Окончила 4 класса городского училища в Москве. С 1881 — в монастыре. С 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — выслана в Казахстан.

**Агриппина** (ШИБАНОВА Агриппина Григорьевна), монахиня. Родилась в 1881 в селе Орево Орловской губ. в крестьянской семье. С 1896 — проживала в монастыре Ковенской губ. В середине 1920-х — в Серпухове, лишена избирательных прав. 28 июля 1931 — арестована и в августе 1931 — приговорена к высылке.

**Акулина** (КОСАРЕВА Акулина Даниловна), монахиня. Родилась в 1875 в с. Батурлино Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1902 — в монастыре. С 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Акулина** (ЧЕРНИКОВА Акулина Петровна). Родилась в 1881 в крестьянской семье. С детства странствовала по монастырям. Проживала в Серпухове, занималась пошивкой одеял на дому. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**Акулина** (ЯНТИКОВА Акулина Васильевна), монахиня. Родилась в 1876 в деревне Дядилово Богородицкого уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1891 — в монастыре, с 1921 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.



**Александра** (БАЕВА Александра Николаевна), монахиня. Родилась в 1869 в Серпухове в мещанской семье. С 1885 — в монастыре, с 1929 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра** (БЕЛОВА Александра Ивановна), монахиня. Родилась в 1881 в крестьянской семье. После закрытия монастыря проживала в Серпухове. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**Александра** (ДЕРГАЧЕВА Александра Афанасьевна), монахиня. Родилась в 1892 в крестьянской семье. С 1904 — работала на фабриках Серпухова, с 1918 — прислуживала при церкви. В 1930 — тайно пострижена в монашество. В апреле 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Бутырскую тюрьму. 9 июля 1932 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**Александра** (КАШИНА Александра Антоновна), монахиня. Родилась в 1893 в деревне Слободское Орловского уезда Орловской губ. в крестьянской семье. С 1912 — в монастыре, с 1928 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра** (КИДИНОВА Александра Дмитриевна), монахиня. Родилась в 1882 в Серпуховском уезде в крестьянской семье. С 1880 — проживала в Казанском монастыре в

Калужской губ. С 1924 — проживала в Дракино Серпуховского района. 28 июля 1931 — арестована и приговорена к высылке.

**Александра (КУЗЬМИЧЕВА Александра Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1876 в местечке Шахлово Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1891 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра (КУПЦОВА Александра Петровна)**, монахиня. Родилась в 1875 в деревне Стремлово Лопасненского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1899 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, в июле приговорена к высылке.

**Александра (МИШИНА Александра Степановна)**, монахиня. Родилась в 1875 в селе Высокиничи Тарусского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1902 — в монастыре. С 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра (ПОЛИНА Александра Александровна)**, монахиня. Родилась в 1872 в Туле в мещанской семье. С 1898 — в монастыре. С 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра (ПРОБКИНА Александра Кирилловна)**, монахиня. Родилась в 1881 в деревне Горки Ямбургского уезда Петербургской губ. в крестьянской семье. С 1900 —

в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра (СМИРНОВА Александра Васильевна)**, монахиня. Родилась в 1875 в селе Безобразово Тарусского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1895 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра (СТРЕЛКОВА Александра Гавриловна)**, монахиня. Родилась в 1875 в деревне Заборье Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1894 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, в июле приговорена к высылке.

**Александра (ФИЛИППОВА Александра Киприановна)**, монахиня. Родилась в 1860 в с. Титовское Борисоглебского уезда Ярославской губ. в крестьянской семье. С 1900 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Александра (ФУРМАНОВА Александра Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1900 в крестьянской семье. После закрытия монастыря проживала в Серпухове, без определенных занятий. В 1923 — судима за проживание без прописки и паспорта. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Александра (ШМЕЛЬКОВА Александра Алексеевна)**, монахиня. Родилась в 1886 в деревне Лысово Волоколамского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1905 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, в июле приговорена к высылке.

**Александра (ШОРИНА Александра Семеновна)**, монахиня. Родилась в 1871 в деревне Заборье Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1891 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анастасия (АЛЕКСЕЕНКОВА Анастасия Митрофановна)**, монахиня. Родилась в 1890 в деревне Полтавской губ. в крестьянской семье. С 1900 — проживала в разных монастырях. С 1924 — проживала в с. Дракино Серпуховского района. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Анастасия (АСТАХОВА Анастасия Константиновна)**, монахиня. Родилась в 1872 в селе Коншино Новооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1895 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анастасия (ВНУКОВА Анастасия Владимировна)**, монахиня. Родилась в 1860 в деревне Внуково Малоархангельского уезда Орловской губ. в крестьянской семье. С 1876 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анастасия (ДРОНОВА Анастасия Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1881 в деревне Шелепино Алексинского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1897 — в монастыре, с 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове, 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анастасия (ЕРОШИНА Анастасия Николаевна)**, монахиня. Родилась в 1871 в деревне Высоково Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1889 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, в июле приговорена к высылке.

**Анастасия (КОШМАРЕНКО Анастасия Лукинишна)**, монахиня. Родилась в 1886 в деревне Старая Сбурьевка Таврической губ. в крестьянской семье. С 1902 — проживала в монастыре Св. Николая Киевской губ. С 1928 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Анастасия (СУББОТИНА Анастасия Федоровна)**, монахиня. Родилась в 1870 в деревне Банино Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1884 — работала на текстильной фабрике в Серпухове, с 1896 — в монастыре, с 1918 — проживала в Серпухове, была на разных работах. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, в июле приговорена к высылке.

**Анастасия (ФИЛИППОВА Анастасия Петровна)**, монахиня. Родилась в 1870 в местечке Калиново Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1911 — в монастыре, с 1920-х — после закрытия монастыря проживала в

Серпухове, 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. Приговорена к высылке.

**Анна (БОРЦОВА**<sup>419</sup> Анна Павловна), монахиня. Родилась в 1887 в деревне Криваново Ново-Ярославского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1912 — в монастыре, с 1922 — проживала в Серпухове, певчая в Троицком соборе. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Анна (БРОНДУКОВА** Анна Григорьевна), монахиня. Родилась в 1870 в деревне Калиновские Дворики Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1888 — в монастыре, с 1931 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анна (КАЛИНИНА** Анна Тимофеевна), монахиня. Родилась в 1884 в деревне Агибное Калужской губ. в крестьянской семье. Проживала во Владычном монастыре в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Анна (КОПЫТИНА** Анна Васильевна), монахиня. Родилась в 1880 в селе Хава-Рождественское Воронежской губ. в крестьянской семье. С 1901 — в монастыре. С 1922 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

---

<sup>419</sup> Возможно: «БОРЗОВА»; в "Обвинительном заключении" присутствует то и другое написание фамилии.

**Анна** (КРИВЦОВА Анна Степановна), монахиня. Родилась в 1885 на хуторе Персик Курской губ. в крестьянской семье. С 1912 — проживала в монастыре иконы «Отрада и Утешение» (Добрыниха) Лопасненского уезда. С 1927 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Анна** (МИНАЕВА Анна Козьминична), монахиня. Родилась в 1889 в селе Слободки Тульского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1906 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове, без определенных занятий. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анна** (НЕСТЕРОВА Анна Егоровна), монахиня. Родилась в 1880 в деревне Никифорово Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1904 — в монастыре, с 1918 — после закрытия монастыря проживала в деревне Никифорово, занималась сельским хозяйством. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анна** (ПОДКОЛДИНА Анна Филипповна), монахиня. Родилась в 1864 в Белеве Тульской губ. в крестьянской семье. С 1888 — проживала в монастыре в Белеве. С 1924 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Анна** (ПОНОМАРЕВА Анна Ивановна), монахиня. Родилась в 1869 в Серпухове в мещанской семье. С 1894 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове.

21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анна (ПОСТНИКОВА Анна Прокофьевна)**, монахиня. Родилась в 1860 в Серпухове в мещанской семье. С 1874 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Анна (УШАКОВА Анна Тихоновна)**, монахиня. Родилась в 1874 в деревне Ушаково Ливенского уезда в крестьянской семье. С 1896 — в монастыре, с 1927 — проживала в Серпухове, занималась шитьем одеял. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Анна (ФЕДОРОВА Анна Федоровна)**, монахиня. Родилась в 1886 в Москве в мещанской семье. С 1907 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Антония (СМИРНОВА Татьяна Васильевна)**, монахиня. Родилась в 1880 в деревне Веркуц Меленковского уезда Владимирской губ. в крестьянской семье. С 1905 — в монастыре, с 1918 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Анфиса (УКОЛОВА Анфиса Дмитриевна)**, монахиня. Родилась в 1880 в деревне Коншино Новоскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. Провела десять лет в монастыре, позднее проживала в Серпухове. 19 мая 1931 —



арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Васса** (ГЕРАСИМОВА Васса Германовна), монахиня. Родилась в 1884 в деревне Кобылино Тверской губ., где и проживала, в крестьянской семье. Получила начальное образование. 6 декабря 1930 — арестована как *«участница Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Карлаг. В декабре 1936 — освобождена из лагеря, поселилась в Чимкентской области. 30 октября 1937 — арестована, 28 ноября приговорена к ВМН и в тот же день расстреляна.

**Варвара** (АНОСОВА Варвара Гавриловна), монахиня. Родилась в 1874 в деревне Грибовки Веневского уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1891 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Варвара** (ПАЛИЦЫНА Варвара Михайловна), монахиня. Родилась в 1885 в Москве в семье полковника русской императорской армии. Получила домашнее образование. С 1907 — монахиня женского монастыря в Серпухове, после его закрытия проживала в деревне Кузьменки Серпуховского района. 2 октября 1937 — арестована за то, что, *«будучи враждебно настроена к Советской власти, среди населения проводила антисоветскую агитацию»*. 17 октября приговорена к ВМН и 21 октября расстреляна.

**Варвара** (РУДКОВСКАЯ Варвара Анатольевна), монахиня. Родилась в 1873 в деревне Калиново Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1891 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпу-

хове, 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Васса** (РОДИНА Васса Михайловна), монахиня. Родилась в 1878 в деревне Зиброво Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1896 — в монастыре в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Вера** (ДЕРГАЧЕВА Анна Афанасьевна), инокиня. Родилась в 1889 в крестьянской семье Тульской губ. С 1905 — работала ткачихой в Петербурге. В 1929 — тайно пострижена в монашество игуменом Никоном. В апреле 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля 1932 — приговорена к 3 годам высылки.

**Вера** (МАЛЫГИНА Вера Павловна), монахиня. Родилась в 1888 в поселке Гончары Тульской губ. в мещанской семье. С 1914 — в Казанском монастыре Алексинского уезда. С 1927 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Вера** (ПАЛИЦЫНА Вера Михайловна), монахиня. Родилась в 1883 в Москве в семье полковника русской императорской армии. С 1907 — монахиня Серпуховского женского монастыря. С 1918 — после его закрытия работала в учреждении, с 1928 — на пенсии, проживала в деревне Кузьминки Серпуховского района. 2 октября 1937 — арестована за то, что, *«будучи враждебно настроена к Советской власти, проводила контрреволюционную деятельность, предоставляя свою квартиру для сборищ и контрреволюционного харак-*

*тера бесед*». 17 октября приговорена к ВМН и 21 октября расстреляна.

**Гавриила** (АНОСОВА Александра Гавриловна), монахиня. Родилась в 1872 в селе Грибовки Веневского уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1889 — в монастыре. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Дарья** (КИСЕЛКИНА Дарья Ивановна), монахиня. Родилась в 1866 в селе Дракино Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1883 — в монастыре, монахиня. С 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове, 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Дарья** (ПЕСТРОВА Дарья Савельевна), монахиня. Родилась в 1879 в деревне Павловка Тарусского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1897 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Дарья** (СЕМИЧЕВА Дарья Ивановна), монахиня. Родилась в 1878 в деревне Сельцево Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1900 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Евгения** (БЫКОВА Евдокия Алексеевна), монахиня. Родилась в 1900 в крестьянской семье. Тайная монахиня, проживала в селе Ченцово Заокского района Московской области, прислуживала при церкви. 22 апреля 1932 — арестована как «*участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ*» и заклю-

чена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля 1932 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Евдокия (ВОЛКОВА Евдокия Никитична)**, монахиня. Родилась в 1890 в Серпухове Московской губ. Пострижена в мантию в Свято-Троицком монастыре. 15 ноября 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Евдокия (ГОЛОВЛЕНКОВА Евдокия Петровна)**, монахиня. Родилась в 1882 в деревне Никифорово Серпуховского уезда Московской губ. в семье лесопромышленника. С 1909 — в монастыре, с 1918 — после закрытия монастыря проживала в деревне Никифорово, занималась сельским хозяйством. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Евдокия (КОРСАКИНА Евдокия Алексеевна)**, монахиня. Родилась в 1892 в селе Шатово Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1916 — в монастыре, с 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Евдокия (ОЧКАСОВА Евдокия Никаноровна)**, монахиня. Родилась в 1880 в деревне Коншино Новооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1910-х — в монастыре, с 1920-х — после закрытия монастыря проживала в Серпухове, 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Евдокия (ПИКАЛОВА Евдокия Владимировна)**, монахиня. Родилась в 1886 в деревне Хухлово Ливенского уезда Ка-

лужской губ. в крестьянской семье. С 1901 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Евдокия (ПОСТЕРНАК Евдокия Федоровна)**, родилась в 1887 в селе Хлестуновка Киевской губ. в крестьянской семье. С 1905 — проживала в монастыре Св. Николая в Киевской губ. С 1925 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Евдокия (ПРИНЦЕВА Евдокия Кондратьевна)**, монахиня. Родилась в 1885 в деревне Заручье Бежецкого уезда Тверской губ. в крестьянской семье. С 1900 — проживала в Чусовском Светло-Троицком монастыре Тарусского уезда. С 1926 — проживала в церкви Березни Серпуховского района, 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Евдокия (САВИНОВА Евдокия Михайловна)**, монахиня. Родилась в 1898 во Владимирской губ. в крестьянской семье. Послушница в женском монастыре, позднее — монахиня. 6 декабря 1930 — арестована как *«участница Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 18 февраля 1931 — приговорена к 3 годам ИТЛ.

**Евдокия (СЫЧЕВА Евдокия Филипповна)**, монахиня. Родилась в 1882 в деревне Верхоубыль Богородицкого уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1890 — в монастыре, с 1928 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Сер-

пуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Евдокия (ФЕДОРОВА Евдокия Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1875 в мещанской семье. С 1900 — монахиня, 22 апреля 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**Евдокия (ФИЛАТОВА Евдокия Степановна)**, монахиня. Родилась в 1884. После закрытия монастыря проживала в Серпухове, была чернорабочей молочного завода. Член церковно-приходского совета Троицкого собора. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Евдокия (ФРОЛОВА Евдокия Фроловна)**, монахиня. Родилась в 1870 в деревне Бельсуново Тарусского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1895 — в монастыре, с 1920-х — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Екатерина (КНЯЗЕВА Екатерина Михайловна)**, монахиня. Родилась в 1872 в крестьянской семье. Проживала в селе Ченцово Заокского района Московской области, прислуживала при церкви. 22 апреля 1932 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**Елена (ЕЖОВА Елена Степановна)**, монахиня. Родилась в 1888 в селе Митин Завод Лихвинского уезда Калужской губ.

в крестьянской семье. С 1895 — в монастыре, после закрытия проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Елена (ЮШИНА Елена Дмитриевна)**, монахиня. Родилась в 1870 в деревне Белково Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1891 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Елена (ФИЛИППОВА-ИВАНОВА Елена Филипповна)**, монахиня. Родилась в 1886 в Москве в мещанской семье. С 1901 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Елизавета (АРТЕМОВА Елизавета Александровна)**, монахиня. Родилась в 1890 в селе Высокиничи Высокинического уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1908 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Елизавета (БЕДОВОВА Елизавета Филипповна)**, монахиня. Родилась в 1876 в деревне Станково Серпуховского уезда в крестьянской семье. С 1890 — проживала во Владычном монастыре в Калужской губ. С 1923 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Елизавета (ГОТОВЦЕВА Елизавета Дмитриевна)**, монахиня. Родилась в 1904 в семье священника. Окончила 5 классов гимназии. Тайно пострижена в монахини. Проживала в Серпухове, без определенных занятий. 22 апреля 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**Елизавета (МАЛЫГИНА Елизавета Егоровна)**, монахиня. Родилась в 1888 в семье предпринимателей. После закрытия монастыря проживала в Серпухове. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. Виновной себя не признала. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Ирина (КИШКИНА Ирина Никитична)**, монахиня. Родилась в 1876 в деревне Высокое Лопасненского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1895 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Ирина (МИХАЙЛОВА Ирина Михайловна)**, монахиня. Родилась в 1883 в деревне Рудкое Вяземского уезда Смоленской губ. в крестьянской семье. С 1893 — в монастыре, с 1927 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Клавдия (МЕЛЬНИКОВА Клавдия Михайловна)**, монахиня. Родилась в 1887 в крестьянской семье. С 1906 — монахиня, проживала в Серпухове. Дважды арестовывалась за *«контрреволюционную агитацию»*. 22 апреля 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрре-*



*волюционной монархической церковной организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**Ксения** (ИВУТИНА Ксения Андреевна), монахиня. Родилась в 1855 в крестьянской семье. После закрытия монастыря проживала в Серпухове. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. Виновной себя не признала. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Ксения** (КОЗЛОВА Ксения Илларионовна), монахиня. Родилась в 1880 в деревне Филипповское Лопасненского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1900-х — в монастыре, с 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Ксения** (МИРОНИЧЕВА Ксения Яковлевна), монахиня. Родилась в 1866 в деревне Шапково Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1883 — в монастыре, с 1929 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Ксения** (УКОЛОВА Ксения Дмитриевна), монахиня. Родилась в 1890 в деревне Коншино Новооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1907 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Ксения** (ЧУРКИНА Ксения Семеновна), монахиня. Родилась в 1873 в деревне Бутурлино Серпуховского уезда Мос-

ковской губ. в крестьянской семье. С 1889 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Лидия (ВАСИЛЬЕВА Лидия Тихоновна)**, монахиня. Родилась в 1893 в Серпухове в крестьянской семье. С 1909 — в монастыре в Подольске. С 1924 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Лидия (ПЕРЕПЕЛКИНА Лидия Петровна)**, монахиня. Родилась в 1871 в деревне Погибель Чернского уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1888 — в монастыре. После закрытия монастыря проживала в Серпухове, работала дворником при яслях во Владычной слободе. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Лукерья (БАЗАРОВА Лукерья Михайловна)**, монахиня. Родилась в 1887 в деревне Захарово Старооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1911 — в монастыре, с 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Любовь (ЛАГУТКИНА Любовь Дмитриевна)**, монахиня. Родилась в 1895 в деревне Ольгино Орловской губ. в крестьянской семье. С 1912 — проживала в монастыре Добрыниха Лопасненского уезда. С 1927 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Людмила (КРЫЛОВА-ЩЕРБАКОВА** Людмила Григорьевна), монахиня. Родилась в 1887 в Тверской губ. В середине 1920-х — проживала в Твери. 28 декабря 1930 — арестована как *«участница Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ с заменой высылкой в Казахстан на тот же срок.

**Мавра (КУЗЬМИНА** Мавра Антоновна), монахиня. Родилась в 1870 в крестьянской семье. С 1896 — монахиня, проживала в Серпухове, прислуживала в храмах. 22 апреля 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан

**Магдалина (КОНКИНА** Ирина Ивановна), монахиня. Родилась в 1876 в деревне Золотиха Новоторжского уезда Тверской губ. С 1895 — в монастыре, с 1918 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму, в июле приговорена к высылке.

**Мария (БУБЕНЦОВА** Мария Григорьевна), монахиня. Родилась в 1865 в Серпуховском уезде Московской губ. в крестьянской семье. С 1885 — в монастыре, с 1931 — проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (ЗАМОРОЗКОВА** Мария Васильевна), монахиня. Родилась в 1865 в деревне Высокиничи Тарусского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1890 — в монастыре. После закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая

1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (ЗАСЫПКИНА Мария Алексеевна)**, монахиня. Родилась в 1888 в селе Митин Завод Лихвинского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1895 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (ИЛБИНА Мария Спиридоновна)**, монахиня. Родилась в 1888 в деревне Петраково Александровского уезда Владимирской губ. в крестьянской семье. С 1911 — в монастыре, с 1920-х — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (КОНОНАТИКОВА Мария Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1875 в деревне Пушкино Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1906 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (КОРОЛЕВА Мария Васильевна)**, монахиня. Родилась в 1895 в Клинском уезде Московской губ. в крестьянской семье. В 1918 — швея в артели бывшего Влахернского монастыря. В сентябре 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**Мария (НИКИФОРОВА Мария Трифоновна)**, монахиня. Родилась в 1868 в деревне Большуново Тарусского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1886 — в монастыре,

с 1918 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (ОЧКАСОВА Мария Дмитриевна)**, монахиня. Родилась в 1880 в деревне Коншино Новооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1901 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (ПРОКОФЬЕВА Мария Филипповна)**, монахиня. Родилась в 1886 в деревне Новики Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1901 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (СПИРИДОНОВА Мария Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1888 в деревне Темниково Московской губ. С 1910 — монахиня Владычного монастыря, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Мария (ТЕРЕХИНА Мария Савельевна)**, монахиня. Родилась в 1871 в деревне Тушино Каширского уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1889 — в монастыре, с 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария (ТУРКАТОВА Мария Федотовна)**, монахиня. Родилась в 1871 в селе Старбурьевка Херсонского округа в крестьянской семье. С 1896 — проживала в Лебединском монастыре Киевской губ. С 1926 — проживала в Серпухове.

28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Мария** (ТУРКИНА Мария Никитична), монахиня. Родилась в 1875 в деревне Чаплино Тульской губ. в крестьянской семье. С 1890 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Мария** (УКОЛОВА Мария Васильевна), монахиня. Родилась в 1881 в деревне Коншино Новооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1901 — в монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове, 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Мария** (УЛИТИНА Мария Васильевна), монахиня. Родилась в 1882 в деревне Заборье Бежецкого уезда Тверской губ. в крестьянской семье. С 1899 — проживала в Казанском монастыре Калужской губ. С 1924 — проживала в селе Дракино Серпуховского района. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Мария** (ФАДЕЕВА Мария Егоровна), монахиня. Родилась в 1890 в Серпуховском уезде Московской губ. в крестьянской семье. 23 ноября 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 3 годам ИТЛ.

**Мария** (ФЕДОРОВА Мария Алексеевна), монахиня. Родилась в 1879 в деревне Редькино Каширского уезда Москов-

ской губ. в крестьянской семье. С 1912 — в монастыре, с 1921 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Марфа** (ЛАБЗИНА Марфа Фроловна), монахиня. Родилась в 1877 (1867?) во Владимирской губ. в крестьянской семье. 6 декабря 1930 — арестована как *«участница Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ с заменой высылкой в Северный край.

**Марфа** (НИКИТИНА Марфа Семеновна), монахиня. Родилась в 1885 в деревне Никольское Тульского уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1909 — в монастыре, с 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Матрена** (ВОЛКОВА Матрена Никифоровна), монахиня. Родилась в 1887 в деревне Котаевка Тульской губ. в крестьянской семье. С 1914 — в монастыре, с 1919 — проживала в Серпухове, работала прачкой в авиашколе и шила одеяла для артели, с января 1931 — работала прачкой в яслях при Занарской фабрике. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Матрена** (МЕРЗЛЯКОВА Матрена Дмитриевна), монахиня. Родилась в 1875 в Серпухове Московской губ., после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 15 ноября 1930 — арестована как *«активная участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам высылки в Казахстан.

**Матрена** (РУФЕЕВА Матрена Петровна), монахиня. Родилась в 1890 в с. Ратово Симбирской губ. в крестьянской семье. С 1899 — монахиня в Покровском монастыре в Симбирской губ., после закрытия монастыря проживала в Серпухове, работала няней в больнице имени Семашко. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Матрена** (СЫЧОВА Матрена Филипповна), монахиня. Родилась в 1879 в Богородицком уезде Московской губ. в крестьянской семье. С 1890 — в Серпуховском Девичьем монастыре, после закрытия монастыря проживала в Серпухове. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**Матрона** (ШИРОКОПЕТЛЕВА Матрена Петровна), монахиня. Родилась в 1874 в деревне Коншино Старооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1904 — в монастыре, с 1919 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Надежда** (ДЕРГАЧЕВА Александра Афанасьевна), инокиня. Родилась в 1892 в Тульской губ. в крестьянской семье. С 1905 — работала на фабриках Серпухова. В 1929 — тайно пострижена в монашество игуменом Никоном. В апреле 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля 1932 — приговорена к 3 годам концлагеря.



**Надежда** (СУРИНА Надежда Петровна), монахиня. Родилась в 1896 в Серпуховском уезде Московской губ. в крестьянской семье. С 1914 по 1921 — в Серпуховском Владычном монастыре. После закрытия монастыря проживала в деревне Гавшино Серпуховского района, работала на Новоткацкой фабрике чернорабочей. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Надежда** (ШАРАПОВА Надежда Константиновна), монахиня. Родилась в 1883 в Серпуховском уезде Московской губ. В 1920-х — проживала в деревне под Серпуховом. 9 декабря 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**Наталья** (БУТЯЕВА Наталья Мартиновна), монахиня. Родилась в 1893 в крестьянской семье. С 1915 — монахиня. После закрытия монастыря проживала в Серпухове, была без определенных занятий. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. Виновной себя не признала. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Наталья** (ЗУБАКОВА Наталья Петровна), монахиня. Родилась в 1888 в Серпухове в мещанской семье. Проживала в деревне Бутурлино Серпуховского района, вела антиколхозную агитацию. Летом 1932 — арестована и приговорена к 3 годам ссылки в Казахстан. Осенью привлечена к следствию как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Наталья** (МАЛАШИНА Наталия Павловна), монахиня. Родилась в 1871 в местечке Шахлово Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1889 — в монастыре, с 1924 — после закрытия монастыря проживала в Серпухове. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Наталья** (ФАЛАМЕШИНА Наталия Васильевна), монахиня. Родилась в 1871 в деревне Гостишево Тарусского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1888 — в монастыре, с 1924 — проживала в Серпухове. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Нина** (БАРИНОВА Нина Григорьевна), монахиня. Родилась в 1900 в Самарской губ. в крестьянской семье. В середине 1920-х — проживала в Волоколамском районе. 3 января 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, 18 февраля приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь. Освобождена досрочно.

**Ольга** (АБРОСИМОВА Ольга Дмитриевна), монахиня. Родилась в 1875 в селе Кузовка Богородицкого уезда Тульской губ. в крестьянской семье. С 1905 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Ольга** (СОМОВА Ольга Алексеевна), монахиня. Родилась в 1870 в деревне Заборье Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1890 — в монастыре. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Олимпиада (КАБАНОВА Ольга Александровна)**, игуменья. Родилась в 1877 в Московской губ. в купеческой семье. Окончила 5 классов гимназии. Игуменья Сергиево-Дубровского монастыря под Вереей. С 1928 — после закрытия монастыря проживала в деревне Исавицы Можайского района. В ночь на 2 января 1931 — арестована как *«участница контрреволюционной монархической церковной организации Тверского "филиала" ИПЦ»*, приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь. В 1938 — досрочно освобождена из лагеря.

**Ольга (ЧЕБОТАРЕВА Ольга Васильевна)**, монахиня. Родилась в 1873 в деревне Заборье Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1890 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Параскева (ШИБАНОВА Параскева Григорьевна)**, монахиня. Родилась в 1884 в селе Орево Орловской губ. в крестьянской семье. С 1901 — проживала в монастыре Ковенской губ. В середине 1920-х — в Серпухове. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августа 1931 — приговорена к высылке.

**Пелагея (ЕФАНОВА Пелагея Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1896 в деревне Быково Ливенского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1915 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Пелагея (ИЕВЛЕВА Пелагея Николаевна)**, монахиня. Родилась в 1869 в деревне Ловцово Серпуховского уезда в крестьянской семье. С 1880 — проживала во Владычном монастыре. 28 июля 1931 — арестована в Серпухове как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монар-*

*хической организации ИПЦ*». В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Пелагея** (КОТОВА Пелагея Ивановна), монахиня. Родилась в 1902 в крестьянской семье. С 1910 — на воспитании во Владычном монастыре, монахиня, после закрытия монастыря проживала в Серпухове, с 1931 — работала медсестрой в больнице. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ*». 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Пелагея** (ЛЕГИНА Пелагея Гавриловна), монахиня. Родилась в 1874 в деревне Поздняково Дмитровского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1895 — в монастыре, 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Пелагея** (РЕПИНА Пелагея Григорьевна), монахиня. Родилась в 1885 в деревне Лаврово Бежецкого уезда Тверской губ. в крестьянской семье. С 1890 — проживала в монастыре Св. Троицы Тверского уезда. С 1928 — проживала в Серпухове, без определенных занятий; лишена избирательных прав. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ*». В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Пелагея** (СОЛОДИЛОВА Пелагея Николаевна), монахиня. Родилась в 1886 в деревне Коншино Старооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1902 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Прасковья** (КЛЯГИНА Прасковья Ивановна), монахиня. Родилась в 1886 в Орловской губ. в крестьянской семье. До

1929 — в монастыре. Весной 1933 — арестована как «участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ». 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Прасковья** (МАШИНА Прасковья Егоровна), монахиня. Родилась в 1870 в деревне Неделино Малоярославского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1887 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Прасковья** (ФЕДОТОВА Прасковья Степановна), монахиня. Родилась в 1892 в деревне Борисово Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1914 — в монастыре, с 1919 — проживала в Серпухове, работала на молочной ферме, с 1922 — уборщицей в авиашколе, с 1923 — белошвейка, с января 1931 — работала на сушильном заводе. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, 16 июля приговорена к высылке.

**Раиса** (КЛЮШНИКОВА Раиса Алексеевна), монахиня. Родилась в 1880 в деревне Высокое Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1908 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Степанида** (АРСЕНЬЕВА Степанида Яковлевна), монахиня. Родилась в 1874 в селе Высокое Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1893 — в монастыре, монахиня. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Степанида** (ДБЯКОВА Степанида Осиповна), монахиня. Родилась в 1894 в с. Кокино Сергачевского уезда Нижегородской губ. в крестьянской семье. С 1917 — рясофорная мона-

хиня в Борисоглебском монастыре. С 1926 — после закрытия монастыря проживала в Москве нелегально, была без определенных занятий. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Секлетя (КАДУШКИНА Секлетя Федоровна)**, монахиня. Родилась в 1873 в деревне Семеновское Лопасненского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1890-х — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму.

**Серафима (ДЕРГАЧЕВА Анастасия Афанасьевна)**, монахиня. Родилась в 1887. С 1904 — в монастыре, с 1927 — работала на фабрике в Серпухове, в 1931 — уволена за *«контрреволюционную агитацию»*. Член церковно-приходского совета Троицкого собора. 9 декабря 1931 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»* и отправлена в Бутырскую тюрьму. В феврале 1932 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Сусанна (НАУМОВА Евдокия Николаевна)**, монахиня. Родилась в 1891 в деревне Сырково Тверской губ. в крестьянской семье. С 1910 по 1923 — в монастыре. 28 декабря 1930 — арестована как *«активная участница Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Татьяна (ВОРОНИНА Татьяна Георгиевна)**, монахиня. Родилась в 1891 в деревне Нечаево Тульской губ. в крестьянской семье. С 1911 — проживала в Серафимо-Знаменском скиту. С 1924 — проживала в Серпухове. 28 июля 1931 —

арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Татьяна (ГОРЯЧЕВА Татьяна Ивановна)**, монахиня. Родилась в 1868 в деревне Якшино Серпуховского уезда в крестьянской семье. С 1880 — проживала в Казанском монастыре в Калужской губ. С 1924 — проживала в Дракино Серпуховского района. 28 июля 1931 — арестована как *«участница нелегальной контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. В августе 1931 — приговорена к высылке.

**Татьяна (ДЕРЮГИНА Татьяна Калинична)**, монахиня. Родилась в 1876 в деревне Темешево Тарусского уезда Калужской губ. в крестьянской семье. С 1910 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Татьяна (КАРПОВА Татьяна Романовна)**, монахиня. Родилась в 1896 в деревне Гавшино Серпуховского уезда. После закрытия монастыря проживала в селе Гавшино Серпуховского района, работала в колхозе конюхом. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**Ульяна (КОЛЕСНИКОВА Ульяна Ефимовна)**, монахиня. Родилась в 1883 в деревне Коншино Старооскольского уезда Курской губ. в крестьянской семье. С 1896 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Феодосия (ЕСЕНИНА Феодосия Назаровна)**, монахиня. Родилась в 1878 в селе Кробрено Рязанского уезда Рязанской

губ. в крестьянской семье. С 1902 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

**Феодосия** (КАЛИНИНА Феодосия Федоровна), монахиня. Родилась в 1871 в селе Батурлино Серпуховского уезда Московской губ. в крестьянской семье. С 1902 — в монастыре. 21 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. В июле 1931 — приговорена к высылке.

## Миряне

**АНДРОННИКОВ** Борис Константинович, родился в 1888 в Тверской губ. В 1913 — окончил юридический факультет Московского университета. С 1925 по август 1929 — состоял секретарем церковного совета серпуховского Троицкого собора. 15 ноября 1930 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН, 23 февраля расстрелян.

**БАРБАШОВ** Михаил Константинович, родился в 1872 в деревне Ново-Воздвиженское Серпуховского уезда, где проживал, работал сапожником-кустарем. С мая 1930 — член церковно-приходского совета Троицкого храма в Серпухове. 4 декабря 1930 — арестован как *«активный участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**БЕСФАМИЛЬНЫЙ** Иван (Николай) Макарович, родился в 1875 в Дмитрове Московской губ., нищенствовал в Москве и Подмосковье, без определенного местожительства. 5 января 1931 — арестован как *«участник Московского "филиала"»*



*контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ», 18 февраля приговорен к ВМН и 23 февраля расстрелян.*

**БОГОЛЕПОВА** Ольга Алексеевна, родилась в 1865 в Серпухове в семье священника. Работала фельдшером при фабрике. 26 ноября 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**БУЛАНОВСКИЙ** Федор Андреевич, родился в 1899 в семье торговца. Проживал в Можайске. 2 января 1931 — арестован как *«участник Можайского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, приговорен к 5 годам ИТЛ с заменой ссылкой в Казахстан.

**БУЯНОВ** Сергей Фадеевич, родился в 1870 в селе Гора Орехово-Зуевского уезда, где и проживал. До революции — председатель местного отдела "Союза русского народа". 6 декабря 1930 — арестован как *«участник Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**ВОРОНИН** Яков Афанасьевич, родился в 1862. Окончил городское училище, с 1886 по 1926 — имел собственное торговое предприятие. Женат, имел четверых детей. 9 декабря 1931 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и отправлен в Бутырскую тюрьму. В феврале 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**ДИМИТРИУСОВ** Александр Ефимович, родился в 1880-х в Орехово-Зуево, где и проживал. До революции купец, в

1920-х — безработный. 25 декабря 1930 — арестован как *«активный участник Орехово-Зуевского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**ЗУБОВ Андрей Иванович**, родился в 1872 в семье фабриканта. Окончил городское училище. До революции служил писарем земской управы, с 1918 — проживал в Серпухове, без определенных занятий. Секретарь церковного совета Троицкого собора. 22 апреля 1932 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»* и заключен в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорен к 3 годам высылки в Казахстан.

**ИВАНОВА Нина Семеновна**, родилась в 1903 в семье домовладелицы. Окончила женское городское училище. Проживала в Москве, с августа по декабрь 1932 — работала кассиршей на базе "Московского охотника". Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**ИГНАТОВА Нина Георгиевна**, родилась в 1887. Окончила 4 класса гимназии. С 1905 — работала медсестрой в больнице Серпухова. 9 декабря 1931 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и отправлена в Бутырскую тюрьму. В феврале 1932 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**КАНОРСКАЯ Градислава Никаноровна**, родилась в 1874 в Вологодской губ. Из духовного сословия. Сестра епископа Аполлоса (Ржаницына). Жена священника на Поповом ост-

рове около Кеми. Помогала заключенному духовенству, через нее передавались письма и деньги, в ее доме проходили совещания. Совершила несколько поездок, во время которых передавала письма и церковные документы. Летом 1929 — арестована и по обвинению в антисоветской деятельности приговорена к 3 годам концлагеря.

**КАПИНКИНА** Меланья Тимофеевна, родилась в 1872 в селе Дубовичи Глуховского уезда Черниговской губ. Вышла замуж за управляющего имениями. Проживала в Серпухове, занималась домашним хозяйством, с 1924 — вдова. Духовная дочь епископа Максима (Жижиленко). 24 ноября 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 10 годам ИТЛ с заменой высылкой, отправлена в Семипалатинск. 23 декабря 1937 — арестована там, 26 декабря приговорена к ВМН и расстреляна.

**КОЗЛОВ** Филипп Николаевич, родился в 1880. Проживал в Серпухове в собственном доме, работал на предприятии, с 1918 — член ВКП(б), в 1921 — выбыл из партии по случаю несогласия с НЭПом, с 1929 — пенсионер. Весной 1933 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

**КОНКИНА** Пелагея Ивановна, родилась в 1897. Работала в Серпухове на фабрике "Красный текстильщик". Член церковно-приходского совета Троицкого собора. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**КОСТИН** Николай Константинович, родился в 1871 в Серпухове в рабочей семье. С 1902 — профессиональный певчий в церковных хорах. С 1914 — имел торговлю, с 1918 — работал торговым агентом в потребительском обществе, с 1922 — после сокращения штатов работал паковщиком на складе ситценабивной фабрики в Серпухове. Председатель церковно-приходского совета и староста Троицкого собора. 15 октября 1929 — арестован и 3 января 1930 — приговорен за то, что *«распространял черносотенные книги и организовывал деятельность церковников по срыву мероприятий Советской власти»*.

**КРАЮХИНА** Варвара Алексеевна, родилась в 1892 в крестьянской семье. Грамотная. С 1919 — работала судомойкой при управлении железных дорог, с 1923 — проживала в Москве, прислуживала при церкви; дважды арестовывалась за *«контрреволюционную агитацию»*. 26 апреля 1932 — арестована как *«участница Московского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Бутырскую тюрьму. 9 июля приговорена к высылке.

**КРЕМЫШЕНСКИЙ** Анатолий Иванович, родился в 1870 в Серпухове в семье иерея. Окончил 3 класса прогимназии. Проживал в Серпухове, работал бухгалтером в учреждении, член церковно-приходского совета Троицкого собора. Арестован в конце 1930 как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Казахстан. Осенью 1937 — арестован в ссылке, весной 1938 — приговорен к ВМН и расстрелян.

**КРЕМЫШЕНСКАЯ** Мария Анатольевна, родилась в 1900 в Серпухове. Окончила женскую гимназию. Проживала в

Серпухове, занималась домашним хозяйством. Член приходского совета Троицкого собора. 9 декабря 1931 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»* и отправлена в Бутырскую тюрьму. В феврале 1932 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**КРЫЛОВ** Иван Федорович, родился в 1877 в Орловской губ. в крестьянской семье. С 1905 — служил в жандармерии. С 1918 — проживал в Серпухове, занимался хозяйством. 19 декабря 1930 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. 22 февраля 1933 — освобожден досрочно. 1 ноября 1936 — расстрелян в Орловской обл.

**КРЫМОВА** Елизавета Николаевна, родилась в 1877 в Серпухове. До 1917 — жила и работала в приюте. Прихожанка Успенской церкви. В 1931 — арестована и приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан. В 1934 — вернулась в Серпухов. 2 октября 1937 — арестована за то, что, *«восстановив связи с активными церковниками, проводившими контрреволюционную деятельность, активно поддерживала их»*. 17 октября приговорена к ВМН и 31 октября расстреляна.

**КУВШИНОВ** Иван Алексеевич, родился в 1872 в деревне Сонино Подольского уезда в семье купца. До революции владел транспортной конторой в Москве и имел собственный дом, в 1920-х — работал счетоводом на заводе № 15 "Моссельпрома", проживал в Москве. Прихожанин церкви Св. Никиты мученика на Таганке. 19 октября 1930 — арестован как *«участник Московского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к ВМН.

**ЛЕБЕДЕВА** Ольга Хрисанфовна, родилась в 1885 в семье торговца. Окончила прогимназию. С 1904 — монахиня, проживала в Серпухове, прислуживала при церкви. 22 апреля 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»* и заключена в Бутырскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки.

**ЛОСЕВ** Алексей Федорович, родился в 1893 в Новочеркасске Донского края. Философ, профессор Московской консерватории и ГАХН. 18 апреля 1930 — арестован как *«участник Всесоюзного Центра контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 30 октября 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. 22 сентября 1933 — досрочно освобожден из лагеря.

**ЛОСЕВА-СОКОЛОВА** Валентина Михайловна, родилась в 1898 в Клинском уезде Московской губ. Научный сотрудник Астрофизического института в Москве. 5 июня 1930 — арестована как *«участница Всесоюзного Центра контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 3 сентября 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь. 2 сентября 1933 — досрочно освобождена из лагеря.

**МАЛАШИНА** Татьяна Яковлевна, родилась в 1880. Получила начальное образование. С 1904 — работала на фабрике в Серпухове, с 1927 — на пенсии. Член церковно-приходского совета Троицкого собора. 1 декабря 1931 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и отправлена в Бутырскую тюрьму. В феврале 1932 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**МИХАЛИЩЕВА** Елизавета Яковлевна, родилась в 1876. Окончила городскую школу, с 1890 по 1916 — работала тка-

чихой на фабрике в Серпухове. Вдова. Член приходского совета Троицкого собора. 9 декабря 1931 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*, в феврале 1932 — приговорена к 3 годам ссылки.

**МОДЕСТОВ** Александр Никанорович, родился в Твери. Окончил духовное училище. В 1920-х — проживал в Твери, работал бухгалтером, позднее был безработным. 3 декабря 1930 — арестован как *«участник Тверского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**МЯСНИКОВ** Алексей Алексеевич, родился в Серпухове, где и проживал. До революции занимался торговлей, в 1920-х — был безработным. 15 ноября 1930 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**НАБЕРЕЖНАЯ** Елизавета Владимировна, родилась в 1893 в селе Гущино Курского уезда Воронежской губ. в крестьянской семье. Проживала в Серпухове, работала уборщицей Троицкого храма. 19 мая 1931 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму, в июле приговорена к высылке.

**ОСИПОВ** Александр Федорович, родился в 1905. Окончил семилетку. Проживал в Москве в доме отца, работал столяром в больнице. Весной 1933 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

**ОСИПОВ** Федор Сергеевич, родился в 1875. Проживал в Москве в собственном доме, работал столяром в больнице. Весной 1933 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

**ПЕТРОВ** Иван Михайлович, родился в 1872 в Серпухове в семье мещан. С 1910 — проживал в собственном доме в Серпухове, работал на предприятии, с 1931 — на пенсии. Церковный староста Троицкого собора, не раз арестовывался за принадлежность к истинно-православным христианам. 22 апреля 1932 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»* и заключен в Серпуховскую тюрьму. 9 июля 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**ПОВЕДСКАЯ** Мария Александровна, родилась в Серпухове, домовладелица. Вышла замуж, занималась домашним хозяйством. 24 ноября 1930 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Казахстан.

**ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ** Василий Иванович, родился в 1878. Окончил духовное училище, псаломщик, с 1898 — служил в церкви Николы Будки в Серпухове. В 1930 — арестован и приговорен к 6 месяцам принудительных работ *«за незаконное хождение с молебном по квартирам рабочих»*. 9 декабря 1931 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»* и отправлен в Бутырскую тюрьму. В феврале 1932 — приговорен к 3 годам ссылки.



**ПРОКОФЬЕВ** Василий Филиппович, родился в 1881 в деревне Новики Серпуховского уезда Московской губ., где и проживал, крестьянин-единоличник; председатель приходского совета местной церкви. 10 сентября 1937 — арестован, 17 октября приговорен к 10 годам ИТЛ. Вероятно, бежал, был объявлен во всесоюзный розыск. 19 декабря 1951 — с учетом преклонного возраста розыск его прекращен.

**СМИРНОВ** Михаил Владимирович, родился в 1879 в Московской губ. Проживал в Дмитровском районе, крестьянин-единоличник. 4 января 1931 — арестован как *«активный участник Московского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан.

**СОКОЛОВА** Варвара Васильевна, родилась в Серпухове в 1885 в семье священника. 9 декабря 1930 — арестована как *«активная участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**СОКОЛЬНИКОВА** Клавдия Николаевна, родилась в 1876 в крестьянской семье. 22 апреля 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 9 июля приговорена к 3 годам высылки.

**СТАРОСТИНА-РЯБОВА** Любовь Николаевна, родилась в 1895, из дворян-помещиков. Окончила 6 классов гимназии. Проживала в Москве, работала медсестрой туберкулезного санатория на станции Химки. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

**СУРИНА** Мария Лукинична, родилась в 1880 в селе Рязаново Алексинского уезда Тульской губ. в крестьянской семье. Получила начальное образование. Работала на фабрике в Серпухове, с 1922 — занималась торговлей. Член церковного приходского совета Троицкого собора. 12 октября 1929 — арестована и 3 января 1930 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Северный край.

**ТЕРЕНТЬЕВА** Екатерина Петровна, родилась в 1875 в крестьянской семье. С 1919 — работала на фабрике в Серпухове, с 1925 — прислуживала при церкви. 22 апреля 1932 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**УЛИТИН** Алексей Алексеевич, родился в Серпухове в 1877, где и проживал, до революции работал торговцем. 23 ноября 1930 — арестован как *«участник Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 18 февраля 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой высылкой в Казахстан.

**ЦЫГАНОВА** Мария Алексеевна, родилась в 1884 в крестьянской семье. Грамотная. До 1925 — была домработницей в разных семьях Серпухова, затем прислуживала при церкви. 22 апреля 1932 — арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**ЧЕРСТВОВ** Дмитрий Васильевич, родился в 1874 в деревне Загорново Ногинского уезда Московской губ., где и проживал. Занимался бакалейной торговлей; был старостой церкви; с 1918 — получив земельный надел, обрабатывал наемным трудом, продолжал заниматься торговлей. С 1929 — после раскулачивания и лишения избирательных прав проживал в деревне Загорново. 31 октября 1930 — арестован *«за антисоветскую агитацию и противодействие проводимым*

*мероприятиям в деревне*», отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 22 ноября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен на Урал.

**ЧИСТЕХИНА** Акулина Антоновна, родилась в 1885 в крестьянской семье. Грамотная. С 1915 — работала на фабрике в Серпухове, с 1920 — прислуживала при церкви. В 1929 и 1930 — арестовывалась за обновление икон, присуждена к 1 году принудительных работ. 22 апреля 1932 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной церковной монархической организации ИПЦ»* и заключена в Серпуховскую тюрьму. 9 июля приговорена к 3 годам высылки в Казахстан.

**ЧИСТЯКОВ** Петр Прокофьевич, родился в 1877 в крестьянской семье. С 1900 — работал слесарем железнодорожных мастерских в Туле, с 1920 — проживал в селе Пахомово Заокского района Московской области, занимался сельским хозяйством, крестьянин-единоличник. 22 апреля 1932 — арестован как *«участник нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ»*. 9 июля приговорен к 3 годам высылки условно.

**ШИМОНАЕВА** Акулина Федоровна, родилась в 1902 в Борисоглебском уезде Воронежской губ. в крестьянской семье. Проживала в деревне Бутурлино Серпуховского района, занималась пошивкой одеял на дому. Весной 1933 — арестована как *«участница Серпуховского "филиала" контрреволюционной монархической церковной организации ИПЦ»*. 19 марта 1933 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.



## Библиография

### Архивные источники

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области:

Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. В 4 томах. (Следственное дело по обвинению архиепископа Димитрия (Любимова) и др. — дело «*Контрреволюционной организации "Иосифлян"*» 1929–1930 годов.)

Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. В 9 томах. (Следственное дело по обвинению епископов Сергия (Дружинина), Василия (Докторова) и др. — дело о «*Контрреволюционной монархической организации "Истинно-Православных"*» 1930–1931 годов.)

Государственный архив Российской Федерации:

ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. «Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929 год».

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. «К вопросу о положении Православной Церкви в СССР» // Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митрополитом Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России.

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Обзор главных событий церковной жизни в России за время с 1925 года до наших дней // Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митрополитом Евлогием

и другими о положении Православной Церкви в Советской России.

- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51903. (Следственное дело по обвинению протоиерея Александра Кремышенского, иеродиакона Варсонофия (Безсонова) и иеромонаха Моисея (Доброхотова) 1928 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1 Д. П-49286. (Следственное дело по обвинению Трунова, Хрулькевич и других 1929 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 48805 (Следственное дело по обвинению Черстова Д. В. 1930 года.)
- ГА РФ. 10035. Оп. 2. Д. 28850. В 7 томах. (Следственное дело по обвинению членов нелегальной церковно-монархической организации "Истинное православие" — Жижиленко, Кремышенского, Левковского, Кувшинова, Троицкого и др. 1930–1931 годов.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76243. (Следственное дело по обвинению Уколовой А. Д. и др. 1931 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 44321. (Следственное дело по обвинению Копытиной А. В. и др. 1931 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-40486. (Следственное дело по обвинению Лагуткиной Л. Д. и др. 1931 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76296. (Следственное дело по обвинению Золотавина А. М. и др. 1932 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76589. (Следственное дело по обвинению Варсонофия Безсонова и др. 1932 года.)
- ГА РФ. Ф. 10053. Оп. 2. Д. 27169. (Следственное дело по обвинению Винкуватова, Гессель, Осипова, Перехвальского, Козлова и др. 1933 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20550. (Следственное дело по обвинению Алексева А. С. и др. 1937 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20723. (Следственное дело по обвинению Прокофьева Василия Филипповича и др. 1937 года.)
- ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49980. (Следственное дело по обвинению Туркестанова В. Г. и Дулова Н. Н. 1937 года.)

Государственный архив социально-политической истории Кировской области:

ГАСПИ КО. Ф. 67790. Д. СУ-9730. (Следственное дело по обвинению Цедрика Д. Д. (епископа Дамаскина) и др. 1936 года.)  
ГАСПИ КО Ф. 67790. Оп. 8. Д. СУ-10292. (Следственное дело по обвинению Головановой Е. И., Мытикова С. Ф. и др. 1945 года.)

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации:

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41316. (Следственное дело по обвинению протоиерея Валентина Свенцицкого 1928 года.)

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41328. (Следственное дело по обвинению Новоселова М. А. 1929 года.)

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49509. В 11 томах. (Следственное дело «*Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь" » 1930–1931 годов.*)

Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 9323. Оп. 2 Д. П-25437. В 5 томах. (Следственное дело Капинуса А. А. и др. 1951 года.)

## Использованная литература

Акты Святейшего Патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994.

Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.

Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // Возвращение. — 1993. — № 4.

Архимандрит Иосиф (Петровых). От крупниц Евангельских. Беседы инока. — Сергиев Посад, 1904.

Вострышев М. Патриарх Тихон. — М.: Молодая гвардия, 2004.

- «Все вы в сердце моем»: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима, епископа Дмитровского / Сост. И. Г. Менькова. — М.: Изд-во ПСТГИ, 2001.
- Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). — М.: Братонез, 2010.
- «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского за 1928 год / Мир Божий. — 2003. — № 1 (9).
- Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. — Кн. 2. — Тверь: Булат, 1996.
- Деяние нового священномученика Серафима Угличского / Публ. и примеч. Н. Савченко // Православная Русь (Джорданвилль). — 1999. — № 9.
- Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь / Сост. Игумен Дамаскин (Орловский). — Тверь: Булат, 2001.
- За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. — М.: ПСТВИ, 1997. — Кн. 1: А–К.
- Зимина Н. П.* К вопросу об иоаннитском движении в Русской Православной Церкви и возникновении в конце 1920-х гг. катакомбного течения "архиепископа" Агафангела (Садовскова) / Вестник ПСТГУ. — 2010. — Сер. II. — Вып. II: 4 (37).
- И врата адава не одолеют ее... // Суздальские епархиальные ведомости. — 1998. — № 4–6.
- Иерей Сергей Матюшин.* Священное Ваганьково. — М., 2007.
- Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. — СПб., 1999.
- Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви. — Самара, 1997.
- История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970 / Под общ. ред. М. Б. Данилушкина. — Т. 1. — СПб., 1997.
- Катакомбные исповедники. Рассказ монахини Маргариты (Чеботаревой) // Возвращение. — 1993. — № 2.

- Княгиня Н. В. Урусова.* Материнский плач Святой Руси. — М.: ИД «Русский Паломник», 2006.
- Косик О. В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
- Косик О. В.* Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). — М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.
- Косик О. В.* Сборник "Дело митрополита Сергия" и участие в нем мученика Михаила Новоселова // Вестник ПСТГУ. — 2009. — Сер. II. — Вып. II: 2 (31).
- Лебедев Лев, протоиерей.* Границы Церкви. Сентябрь 1996. Православное Обозрение (СПб.). — 1998. — № 2.
- Лихачев Д. С.* Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. — Т. 1. — СПб.: АРС, 2006.
- Лосев А. Ф., Лосева В. М.* «Радость на веки». Переписка лагерных времен. — М.: Русский путь, 2005.
- Луч света. В защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия // Сост. архим. Пантелеймон. — Джорданвилль, 1970.
- Мазырин Александр, иерей.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х — 1930-х годах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006
- Мазырин А. В.* Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. — 2008. — № 4.
- Мазырин А.* Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. — Вып. 11. — М.: ПСТБИ, 2003.
- Мазырин А. В.* Следственное дело "Всесоюзной организации ИПЦ" как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2002 г. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2002.
- Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2009.



- Новоселов М. А.* Письма к друзьям / Пред. Е. С. Полищука. М.: ПСТБИ, 1994.
- Осинова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь. — М.: Серебряные нити, 1998.
- Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Российские: в 2-х ч. — Ч. 1. — Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). — М.: Светлячок, 1994.
- «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. — Вып. 11. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. — С. 302–329.
- Пришвина В. Д.* Невидимый град. — М.: Молодая гвардия, 2003.
- Прот. Михаил Польский.* О Церкви в СССР. — Нью-Йорк — Монреаль, 1993.
- Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника / Пред. прот. Владимира Воробьева; сост. И. Г. Менькова, при участии диакона Александра Мазырина и Е. И. Большаковой. — Кн. 1–2. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2005.
- Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. — Париж: УМКА-Press, 1977.
- Розанов М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. — Кн. 1. — США: Изд. автора, 1979.
- Свенцицкий Валентин, протоиерей.* Диалоги: Проповеди, статьи, письма. — М.: ПСТГУ, 2010.
- Свенцицкий Валентин, протоиерей.* Проповеди. — М.: Отчий дом, 2013.
- Священник Михаил.* Положение Церкви в Советской России. — Иерусалим, 1931. — СПб., 1995. — [Приложение к православному журналу "Возвращение"].
- Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. — М.: Братонез, 2008.
- Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский. Жизнеописание и труды. — СПб.: Кифа — М.: Братонез, 2011.

- Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. — М.: Братонез, 2008.
- «Совершается Суд Божий над Церковью и народом русским...»  
Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ. О. Косик // Богословский сборник. — Вып 10. — М.: Изд-во ПСТВИ, 2002.
- Современники о Патриархе Тихоне / Сост. и автор коммент. М. И. Губонин. — Т. 1. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.
- Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. — Т. 1. — М.: Новый мир, 1990.
- Тайной Церкви ревнитель. Епископ Гурий Казанский и его со-молитвенники. — М.: Братонез, 2008.
- Тахо-Годи А. А.* Лосев. — М.: Молодая гвардия, 1997.
- Фудель С. И.* Воспоминания. — М.: Русский путь, 2009.
- Храмы Серпуховского благочиния. Очерки из истории и современной жизни храмов города Серпухова. — Ч. 1. — Серпухов: Серпуховское благочиние, 2011.
- Цыпин В., протоиерей.* История Русской Церкви, 1917–1997. — М.: Хроника, 1994.
- Шкаровский М. В.* Судьбы иосифлянских пастырей. — СПб.: Сатис, 2006.
- «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского / Публ., вступл. и прим. Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. — Вып. 8. — М.: ПСТВИ, 2001.
- «Я всех люблю и о всех скорблю». Житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского. 1876–1929. — М.: Индрик, 2013.
- The Russia's Catacomb Saints. — Platina: Saint Herman of Alaska Press, 1982.



## Именной указатель

- Августа (Нечаева), монахиня 205, 575
- Аврааменко Павел, диакон 155
- Агафангел (Преображенский), митрополит 79, 89, 162, 411, 416, 428, 432, 445, 448, 450, 472, 505, 626
- Агафангел (Садовсков), епископ 320, 321
- Акакий (Бачурин), иеромонах 134, 139, 226, 288–292, 300–302, 546
- Акулина (Черникова), монахиня 286
- Александра (Белова), монахиня 285, 286, 577
- Александра (Фурманова), монахиня 285, 579
- Александра (Шмелькова), монахиня 242, 580
- Алексий (Буй), епископ 155, 157, 251, 419
- Алексий (Готовцев), епископ 124, 225
- Алексий (Симанский), архиепископ 54
- Амбарцумов Владимир, иерей 103, 547
- Амвросий Медиоланский, святитель 481
- Ананий (Шумский), иеромонах 233, 234, 243, 247, 250, 547
- Анастасий (Грибановский), архиепископ 120
- Анатолий (Согласнов), иеромонах 251
- Андреев Федор, протоиерей 72, 78, 80, 105, 114–116, 160, 169
- Андреева Н. Н. 80, 83
- Андреевский И. М. 16, 19–21, 26, 43, 160, 175, 179–188, 214, 220
- Андреевский Иоанн, протоиерей 327
- Андрей (Алексеев), иеромонах 232, 547, 621
- Андрей (Васильев), архидиакон 129

- Андрей (Комаров), епископ 310  
Андронников Б. К. 213, 608  
Анемподист (Алексеев), архимандрит 308–312  
Антонов В. К. 271  
Антоний (Панкеев), архиепископ 181, 182  
Антоний (Перепелица), иеромонах 317, 318, 324, 325  
Антонова А. 137  
Антонов В. 623  
Анувий, Амвросий (Капинус), иеродиакон, иеромонах, схимонах 155, 199–201, 23, 232, 248, 303–314, 316–328, 330–338, 548, 549, 622  
Аристов Валентин, иерей 381–383  
Артемий (Ильинский), епископ 54  
Артемяева Дарья 137  
Артамонова Д. 233, 240  
Артемонова Федосья 137  
Афанасий Великий, святитель 420, 424, 426, 432, 435, 437, 446, 455, 480, 495, 506, 531, 540  
Байбаков Петр, диакон 127, 130  
Баранова Анна 143  
Баранчев П. Г. 239  
Барбашов М. К. 230, 608  
Бартоломей Владимир, иерей 205, 213, 549  
Барышева Любовь 188  
Бачурина Е. 290  
Белокуров Иоанн, иерей 157  
Бердяев Н. А. 71  
Бесфамильный Н. М. 208, 213, 608  
Боголепов Николай, протоиерей 125, 129, 134, 135, 139, 175, 199, 549, 550  
Боголепов Сергей, протоиерей 123, 125, 129, 134, 135, 232, 550  
Боголепова О. А. 123, 609  
Бобровицкий 151  
Болотов В. В. 426, 430, 480, 496, 501  
Борисович Николай, иерей 188  
Боротинский Павел, иерей 168–173, 266, 479, 550  
Брендстед М. 71, 72  
Бриллиантов Иаков, иерей 138  
Булановский Ф. А. 207, 609  
Бушуев Владимир, иерей 122, 134, 140, 232  
Буянов С. Ф. 206, 609  
Быстров Николай, иерей 188  
Варвара (Аносова), монахиня 244, 585  
Варлаам (Лазаренко), епископ 171  
Варсонофий (Безсонов), иеродиакон, иеромонах 130, 131, 134, 140, 142, 144–146, 225, 234, 262–269, 271, 551, 621  
Васенев Лукиан, иерей 350  
Василий (Антонов), иеромонах 271, 551  
Василий Великий, святитель 426, 432, 438, 468, 478, 490, 492, 505, 540, 541

- Василий (Докторов), епископ 7, 230, 620, 626
- Василий (Зеленцов), епископ 171, 428
- Васса (Герасимова), монахиня 205, 585
- Вениамин (Казанский), митрополит 7, 8, 22, 93
- Вениамин (Милов), архимандрит, епископ 90
- Венедикт (Алентов), епископ 188
- Вершинина М. А. 362
- Верюжский Василий, протоиерей 78, 111, 113, 114, 117, 144
- Виктор (Островидов), епископ 9, 61, 63–68, 99, 100, 103, 119, 180–186, 291–294, 350, 419, 623
- Виноградов В. П., протопресвитер 36
- Виноградов Василий, иерей 301, 302, 551
- Владимр (Путята), епископ 424
- Владыченский Александр, протоиерей 125, 127, 134, 147, 157, 229, 230, 288–292, 299–302, 551, 552
- Вознесенский Алексей, протоиерей 196, 552
- Воинов Николай, иерей 236
- Войков (Вайнер П. Л.) 58
- Воробьев Владимир, иерей 86, 552
- Воронин Я. А. 255, 261, 609
- Воронина А. И. 239
- Воронцова А. Е. 363
- Воронцова М. Ф. 363
- Вострышев М. 623
- Вохминцева В. И. 363
- Галкина Надежда 137
- Георгий (Жук), обнов. архиеп. 218
- Гессель Константин, диакон 276, 277, 285, 553, 621
- Гиппиус З. Н. 92
- Гладышев М. Т. 359 363
- Гладышева Т. М. 363
- Глазунов Павел, иерей 234–238, 253, 264–266, 270, 277
- Глухов В. И. 226, 227, 300, 302, 553
- Головин А. С. 239
- Голощапов Сергей, протоиерей 188, 554
- Горгоний (Анисимов), иеромонах 205, 213, 554
- Горячев М. Ф. 217
- Григорий Богослов, святитель 468, 490–492
- Григорий (Горюнов), иеромонах 278, 279, 554
- Григорий (Яцковский), архиепископ 411, 428, 472
- Григорович Петр, иерей 199
- Губонин М. И. 53, 104, 310, 623
- Гурий (Павлов), епископ 328, 627
- Дамаскин (Орловский), игумен 73, 623

- Дамаскин (Цедрик), епископ 290–297, 299, 622, 626
- Даниил (Лобанов), иеродиакон 243, 244, 555
- Дергачева Александра А. 270, 271
- Дергачева Анна А. 270, 271
- Димитрий (Любимов), архиепископ 7, 9, 10, 29, 41–43, 65, 72, 78, 81, 82, 103–105, 108, 110, 111, 113, 117, 126, 139, 140, 143, 144, 147, 148, 156, 160, 164, 169–171, 189, 190, 194, 199, 200, 202–204, 210, 223, 272, 307, 311, 620, 626
- Димитриусов А. Е. 206, 609, 610
- Дионисий, архимандрит преп. 421
- Дионисий Миланский, епископ 420
- Дроздовский Борис, иерей 188
- Дулов Николай, иерей 127–131, 135, 137–139, 143, 146, 155, 160, 203, 555, 622
- Евдокия (Савинова), монахиня 206, 589
- Евлогий (Георгиевский), митрополит 70, 620
- Евникия (Махрова), инокиня 328–332, 334
- Евсевий Верцельский, епископ 420
- Егоров Д. Ф. 85–87
- Егорова 137
- Ежикова Л. А. 136, 143
- Елизавета (Готовцева) 269, 271, 592
- Елизавета (Мальгина), монахиня 286, 592
- Екатерина, Антония (Голованова), монахиня 344, 346–349, 352–354, 357, 360–366, 374, 375, 377, 379–386, 622
- Екатеринославская Мария 137
- Жижиленко А. А. 21–23
- Жижиленко А. Г. 20
- Жижиленко В. А.
- Жижиленко Л. А. 2, 220
- Жижиленко Л. И. 23
- Жураковский Анатолий, иерей 170
- Зарницына А. В. 359
- Зарницына Е. П. 364
- Земляницына Е. З. 295
- Зими́на Н. П. 321, 624
- Зинаида (Капинус), монахиня 306
- Золотавин Аркадий, иерей 233, 250–255, 25, 260, 261, 555, 621
- Зотова Параскева 137
- Зубакова Наталия 142
- Зубов А. И. 269, 271, 610
- Иванова Е. 136
- Иванова Н. С. 286, 610
- Игнатий (Брянчанинов), епископ 439–441, 481, 500
- Игнатова Н. Г. 255, 261, 610
- Игнатъев Димитрий, иерей 230, 232, 338, 339, 347, 355–357, 556

- Игнатъев Иларион 355  
Игнатъев Никита, иерей 154,  
199, 338–370, 372–385  
Игнатъева Евфросиния 355  
Иерофей (Афонин), епископ 419  
Иларий (Бабыкин), архимандрит 134, 139  
Иларион (Бельский) епископ 181, 183, 626  
Иларион (Троицкий), архиепископ 44, 181, 494  
Илиодор (Трусилин), иеромонах 200, 231, 246, 254, 307, 556  
Иннокентий (Летяев), епископ 142, 265  
Иннокентий (Пустынский), архиепископ 346  
Иоанн (Беспутин), иеромонах 284, 286, 556  
Иоанн Златоуст, святитель 421, 426, 437, 449, 484, 514, 515, 516, 519, 536  
Иоанн (Кирпичев), монах 300, 302, 556  
Иоанн (Снычев), митрополит 141, 159, 624  
Иоасаф (Жевахов), епископ 181  
Иоасаф (Шишковский-Дрылевский), епископ 244, 245, 557  
Иов, патриарх, 399  
Иосиф (Петровых), митрополит 7–10, 65, 78, 79, 82, 87, 113, 140, 156, 171, 180, 194, 200, 210, 215, 216, 235, 245, 264, 269, 288, 417, 429, 445, 626  
Иринарх (Белявский), иеромонах 130, 134, 135, 140, 147, 157, 272–274, 285, 306, 307, 557  
Исаакий (Винкуватов), иеродиакон 277–279, 285, 558, 621  
Исаков И. К. 353  
Иувеналий (Масловский), епископ 86, 141  
Ищенко Николай, иерей 198, 199, 213, 230, 246, 254, 340–342, 558  
Калягина Т. А. 364  
Капинкина М. Т. 137, 149–154, 611  
Канорская Г. Н. 188–191, 610, 611  
Каюков Н. В. 269, 558  
Кирилл (Смирнов), митрополит 52, 53, 128, 190, 195, 296, 297, 436, 475, 625, 627  
Климентовский Евгений, иерей 188  
Клавдий (Дворянский), иеромонах 206, 558, 559  
Князева А. П. 364  
Князева Е. М. 271  
Коверда Б. С. 58  
Коверский К. П. 69  
Кодолов И. М. 366–372  
Кожина А. Е. 364  
Козлов Ф. Н. 275, 280–282, 285, 611, 621  
Козлова Е. А. 359, 363  
Козлова Е. С. 359, 363  
Козорез С. 196  
Козьма (Трусов), иеромонах 153–155, 176, 199, 202, 203, 231, 246, 341, 342, 559

- Конкина П. И. 236–238, 240, 274, 275, 286, 611
- Конопатиков Е. 157
- Кораблев Павел, иерей 235
- Косик О. В. 36, 52, 71, 72, 12, 295, 623–626
- Косолапова Е. Ф. 362
- Костин Н. Н. 136, 143, 147, 227–229, 612
- Костина А. 136
- Косткевич Г. А.
- Краснов Сергей, иерей 94
- Красновский Ипполит, протоиерей 195, 197, 208, 560
- Кремышенский Александр, протоиерей 10, 123–132, 134, 135, 137–140, 142–146, 151, 188–192, 198, 204, 208, 209, 212–215, 224, 225, 228, 248, 254, 262, 560, 621
- Кремышенский А. П. 142, 143, 150, 215, 224, 225, 230, 612
- Кремышенская А. А. 215, 216
- Кремышенская М. А. 215, 255, 261, 340, 612, 613
- Кронид (Дубровный), иеромонах 134, 144, 201, 202, 213, 231, 246, 254, 561
- Крутяков Сергей, протоиерей 132, 139
- Крылов Илья, иерей 206, 561
- Крымова Н. И. 240
- Крымова Е. Н. 129, 240, 245, 613
- Ксения (Ивутина), монахиня 285, 286, 593
- Ксения (Ларионова), инокиня 332–335
- Кувшинов И. А. 195, 196, 212, 214, 613
- Кувшинов И. И. 90, 198, 213, 561, 562
- Кузнецов А. И. 310
- Кузнецов В. П. 136
- Кузнецов Семен 213
- Кузьмина М. А. 271
- Кунцевич Василий, иерей 227–229, 562
- Куньев Владимир, иерей 126
- Куняев Дмитрий, иерей 126
- Курашева К. 299
- Кучкинский Владимир, иерей 188
- Ларина Е. 323
- Лебедев Иоанн, иерей 134, 232
- Лебедев Лев, протоиерей 58, 624
- Лебедева О. Х. 230, 271, 614
- Левковский Александр, протоиерей 204, 205, 209, 212–215, 562, 621
- Леднев, иерей 240
- Лезов А. И. 239
- Леонтьев К. Н. 187
- Лешухин Ф. И. 358
- Лидия (Туркина), монахиня 242
- Лихачев Д. С. 179, 625
- Лосев А. Ф. 82–88, 128, 162, 165, 166, 193, 210, 211, 512, 543, 614, 627
- Лосева В. М. 69, 83, 84, 88, 89, 614



- Лысяк Григорий, иерей 196,  
197, 562, 563
- Людмила (Крылова-Щербакова),  
монахиня 205, 595
- Люцифер Кальярский, епископ  
420
- Мазырин Александр, иерей 36,  
56, 128, 297, 623, 625, 627
- Максим Грек, преп. 421
- Максим исповедник, преп. 424,  
425, 437, 438, 455, 480,  
506
- Малашина Т. Я. 126, 254, 261,  
614
- Мамонов Н. В. 240
- Мануил (Лемешевский), епископ  
134, 140–142, 147, 159,  
226
- Манчинов 240
- Маргарита (Чеботарева), схимо-  
нахиня 327, 328, 624
- Мария (Спиридонова), монахи-  
ня, 597
- Марк Эфесский, святитель 480,  
506
- Марфа (Лабзина), монахиня 206,  
599
- Матрена (Руфеева), монахиня  
286, 600
- Матрена (Сычова), монахиня  
286, 600
- Матюшин Сергей, иерей 218,  
624
- Медведева Г. И. 218
- Медведь Роман, протоиерей 152,  
153, 563
- Мельникова К. М. 271
- Менькова И. Г. 66, 623, 626
- Мечев Сергей, иерей 101
- Михалищева Е. Я. 254, 255,  
261, 614–615
- Моисей (Доброхотов), иеромо-  
нах 131, 134, 139, 142–  
144, 146, 225, 231, 288–  
290, 293, 298, 300, 302,  
564, 621
- Мухина Е. Д. 363
- Мягчилова А. И. 363
- Надежда (Сурина), монахиня  
283, 285, 601
- Назарий (Прохоров), иеромонах  
243, 245–247, 564
- Назаров В. А. 255, 261, 564
- Наталья (Бутяева), монахиня  
286, 601
- Наталья (Зубакова), монахиня  
284, 286, 601
- Нектарий (Трезвинский), епи-  
скоп 181, 183, 344, 345,  
349–351
- Немихин В. К. 363
- Никита (Делекторский), епи-  
скоп 127, 129, 565
- Никодим (Меркулов), иеромо-  
нах 108–112
- Никодим (Милаш), епископ 423,  
440, 478
- Никодим (Рыбаков), иеромонах  
231, 565
- Николай II, импер. 145, 268
- Никольский Иоанн, иерей 125,  
134

- Никон, патриарх 421  
Никон (Беляев), иеромонах 144, 226  
Никон (Хруль-Хрулькевич), игумен 134, 228, 229, 231, 289, 300, 307, 565, 621  
Никонов-Сморозин М. З. 177  
Нина (Барина), монахиня 207, 602  
Новиков В. 248, 249  
Новоселов М. А. 72–89, 105, 109, 114, 120, 132, 160–167, 170–172, 194, 210, 211, 543, 622, 625
- Оболенский Михаил, иподиакон 130  
Ожиганова М. В. 363  
Олег Константинович Романов, великий князь 207  
Олимпиада (Кабанова), игуменья 207, 603  
Осипов А. Ф. 279, 286, 615  
Осипов Ф. С. 276, 279, 286, 616  
Осипова И. И. 625  
Охотникова Л. П. 363
- Павел (Борисовский), архиепископ 100, 141  
Павлин (Крошечкин), епископ 198  
Пантелеимон (Орлов), архимандрит 134, 135, 144, 146, 175, 225  
Пантюхин Кирилл, иерей 264, 265, 271, 566
- Паланская В. К. 176  
Парфений (Крутяков), иеромонах 143, 144, 226, 566  
Пелагея (Котова), монахиня 286, 604  
Перегудов М. В. 316  
Перехвальский Димитрий, иерей 235, 273, 274, 285, 566, 621  
Петр (Зверев), архиепископ 27, 627  
Петр (Полянский), митрополит 47, 48, 50, 51, 62, 66, 122, 131, 169, 200, 204, 223, 245, 411, 428, 436, 445, 448, 471, 472, 475–477  
Петр (Руднев), епископ 142  
Петров И. М. 269, 616  
Пимен (Трунов), архимандрит 227–229, 566, 621  
Пискановский Николай, протоиерей 184  
Позднякова Е. И. 340–343  
Покровский А. И. 402  
Поликарп (Золотых), иеромонах 189–191, 567  
Полищук Е. С. 74, 77  
Полозов И. С. 309  
Польский Михаил, протопресвитер 8, 16, 19, 23, 24, 27, 28, 31, 35–49, 60–63, 117, 168, 173, 181, 187, 214, 314, 315, 567, 625, 626  
Попов Г. В. 348, 353  
Порохина А. Р. 362  
Прасковья (Клягина), монахиня 285, 286, 604

- Преображенский Василий, псаломщик (иерей?) 233, 255, 256, 261, 616
- Прилуков 217
- Пришвина В. Д. 74, 626
- Прокофьев В. Ф. 227, 300–302, 617, 622
- Прокофьева Т. И. 301
- Прописнова К. Л. 137
- Протасов Иоанн, иерей
- Прохорова Александра 137
- Пучкова Е. А. 136
- Разгулина А. В. 364
- Розанов В. В. 92
- Розанов М. 178, 626
- Русакова А. П. 143
- Русанов П. В. 353
- Ручин Иоанн, иерей 350
- Рыжакова П. Е. 363
- Самойлов Б. М. 318
- Свенцицкий Валентин, протоиерей 29, 67, 68, 81, 89–101, 103–109, 111, 112, 567, 568, 622, 626
- Селиванова А. Ф. 362
- Семенова А. 253, 261
- Семенова Л. П. 251
- Серапион (Кушин), иеромонах 125, 134, 135, 144, 146, 225, 568
- Серафим Саровский, преп. 479, 496, 497
- Серафим (Бубликов), иеромонах 200, 202, 230, 248, 307, 340, 568
- Серафим (Егоров), иеромонах 243, 568
- Серафим (Звездинский), епископ 66, 569
- Серафим (Самойлович), архиепископ 79, 190, 294–296, 429, 445, 448, 623, 625
- Серафим (Шарков), иеромонах 284, 286, 570
- Серафим (Черствов), архимандрит 344, 346–350, 353, 354, 358, 385
- Серафима (Дергачева), монахиня 254, 255, 258–261, 606
- Сергий (Гришин), епископ 121–125, 127, 129–132, 135–140, 262, 570
- Сергий (Дружинин), епископ 7, 9, 65, 105, 194, 210, 340, 345, 626
- Сергий (Мытиков), игумен 349, 361, 362, 622
- Сергий (Страгородский), митрополит 9, 29, 47–58, 60–68, 70–72, 78–81, 87, 90, 97–105, 113, 116, 119–133, 136, 137, 140–142, 152, 158, 160–164, 195–197, 200–204, 232, 235, 245, 246, 251, 256–259, 289, 291, 295–298, 314, 387, 397, 404–412, 414–417, 419, 427–437, 442–450, 471–477, 494, 495, 498–504
- Серова Феодосия 158
- Симеон (Бубликов) 213
- Симеон (Козорез), иеромонах 205, 213, 570, 571

- Синезий (Зарубин), епископ 250, 253  
Синайский Алексей, протоиерей 138  
Скворцов Василий, протоиерей 196, 571  
Смирнов Илья, иерей 126, 157  
Смирнов М. В. 208, 617  
Смирнов Н. 197  
Смирнов Павел, протоиерей 136, 138, 139  
Смирнова Е. И. 363  
Сморodin Валентин, иерей 125, 571  
Соколова А. С. 363  
Соловьев В. С. 465, 497  
Сошина А. А. 188  
Старостина-Рябова Л. 276, 277, 286, 617  
Степанида (Дьякова), монахиня 286, 605, 606  
Стефан (Кованевич), епископ 473  
Стрельников Никифор, протоиерей 113, 114  
Сузин А. В. 86  
Сурин А. 138  
Сурин М. 138  
Сурина М. Л. 136, 227–229, 240, 618  
Сусанна (Наумова), монахиня 205  
Татьяна (Карпова), монахиня 282, 283, 285, 607  
Тахо-Годи А. А. 83, 84, 627  
Терентий (Чернявский), иеродиакон 249, 571, 572  
Тереньтева Е. П. 271, 618  
Теряев Николай, протоиерей 125, 134, 135, 231, 240, 571  
Травин Константин 188  
Тимофей (Надеждин), монах 208, 572  
Тихон (Белавин), патриарх 28, 33–38, 43–48, 85, 107, 169, 251, 291, 297, 298, 309–316, 396, 411, 415, 428, 442, 446, 479, 494, 508, 62, 621, 623, 627  
Толгский Александр, протоиерей 46  
Троицкий Николай, иерей 194, 195, 197, 208, 209, 572, 621  
Туркестанов В. Г. 128, 622  
Тутыкин А. И. 239  
Тучков Е. А. 51–53, 121, 128  
Тюльканова М. В. 339, 358, 365–372  
Улитин А. А. 156, 618  
Успенский Александр, иерей 238  
Успенский Борис, иерей 157  
Федор (Фролов), диакон  
Федоров Алексей, иерей 264, 271, 572  
Федорова К. И. 271  
Феодор (Поздеевский), епископ 74  
Феодосий (Ганицкий), епископ 127, 572, 573  
Феофан (Ишков), иеромонах 206, 213, 214, 573  
Феофан Затворник, святитель 484, 504

- Фессалоницкий Арсений, иерей  
205, 213, 573
- Филатов-Филиппов Федор, ие-  
рей 189–191, 573
- Филатова Е. 236–238, 274, 275,  
286
- Филипп (Гумилевский), архи-  
епископ 56, 139, 195, 197
- Филипп (Колычев), митр. св.  
421, 481
- Филипп (Ставицкий), епископ  
310
- Фотий (Солодов), иеромонах  
205, 574
- Фотий, патриарх, св. 421, 431
- Фролов Феодор, диакон 227–  
229, 574
- Фудель С. И. 94, 627
- Хомутов А. 136
- Хрулев 151
- Цыганова М. А. 271, 618
- Чельцов Петр, протоиерей 188
- Чернявский Терентий, диакон  
249
- Черствов Д. В. 353, 618, 621
- Чертков С. В. 93
- Чистехина А. А. 271, 619
- Чулаевский 188
- Шевелев Ф. А. 240
- Шевелева Е. Ф. 364
- Шibaева Д. П. 240
- Шилова Е. В. 240
- Шимонаева А. Ф. 284, 286, 619
- Шишканов Василий, иерей 158,  
204, 205, 230, 231, 252, 574,  
575
- Шкаровский М. В. 142, 627
- Щеглов М. Е. 316–318, 320–327
- Якобсон-Зайдман Александр, диа-  
кон 188
- Яндулецкий Семен, иерей 350
- Яхонтов В. И. 17



## Список сокращений

Адмотдел	— административный отдел
ВЦИК	— Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВВЦС	— Временный Высший Церковный Совет
ВМН	— высшая мера наказания
ВЦС	— Высший Церковный Совет
ВЦУ	— Высшее Церковное Управление
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА	— Государственный архив
ГАСПИ	— Государственный архив социально-политической истории
ГУЛАГ	— Главное управление исправительно-трудовых лагерей
к/р.; к-р.	— контрреволюционный
ИСЧ	— информационно-следственная часть
ИТЛ	— исправительно-трудовой лагерь
ИПЦ	— Истинно-Православная Церковь
ЛО	— Ленинградская область
НИПЦ	— Научно-информационный просветительский центр
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ	— Народный комиссариат юстиции
Облсполком	— областной исполнительный комитет

---

ОГПУ	— Объединенное Главное политическое управление
прот.	— протоиерей
ПКК	— Политический Красный Крест помощи политическим заключенным
Помполит	— Помощь политическим заключенным
Политбюро	— Политическое бюро
ПСТБИ	— Православный Свято-Тихоновский богословский институт
ПСТГУ	— Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РПЦЗ	— Русская Православная Церковь за границей
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация
Соввласть	— советская власть
СО	— секретный отдел
СПб.	— Санкт-Петербург
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
УФСБ	— Управление Федеральной службы безопасности
ФСБ	— Федеральная служба безопасности
ЦА	— Центральный архив
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК	— Центральный комитет

**«ТАЙНЫЙ» ЕПИСКОП СЕРПУХОВСКОЙ  
МАКСИМ (ЖИЖИЛЕНКО)  
СПОДВИЖНИКИ ЕГО И СОСТРАДАЛЬЦЫ**

**Жизнеописания и документы**

Составитель *Л. Е. Сикорская*

Редактор *И. И. Осипова*  
Корректор *Е. А. Соседова*  
Верстка *О. Б. Русакова*



ООО «Издательство «Братонеж»  
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 15.04.2014. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Усл. печ. л. 40,5. Тираж 500 экз. Заказ № \_\_\_\_\_ .